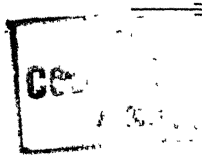
ПРОФ. Д. И. БАГАЛѢЙ.

ОЧЕРКИ
ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

Томъ 2-й.

Монографіи и статьи по исторіи Слободской украйны.



ХАРЬКОВЪ.
Типографія и Литографія М. Зильберберга и С-вья.
Донецъ-Захаржевская ул., с. д. № 6.
1913.

15688

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ 1911 году вышелъ въ свѣтъ 1-й томъ моихъ „Очерковъ по русской исторіи“, заключающій собраніе монографій и статей по исторіи просвѣщенія въ бывшей Слободской Украйнѣ. Нынѣшній 2-й томъ „Очерковъ“ является продолженіемъ 1-го и содержитъ въ себѣ историческія монографіи и статьи по другимъ сторонамъ жизни этого края—по исторіи его заселенія, экономическаго и соціальнаго быта; видное мѣсто отведено здѣсь критико-библіографическому обзору трудовъ по исторіи Слободской украйны и біографическимъ очеркамъ ея дѣятелей. Такимъ образомъ въ этомъ томѣ собрано все, что служитъ дополненіемъ къ основной моей работѣ по исторіи Слободской украйны—„Очеркамъ по исторіи колонизаціи степной окраины Московскаго государства“. Помѣщенныя здѣсь статьи, въ сущности, впервые являются въ доступномъ видѣ передъ широкимъ кругомъ читателей, ибо разбросаны были ранѣе въ разныхъ спеціальныхъ и мало извѣстныхъ провинціальныхъ изданіяхъ, представляющихъ давно уже библіографическую рѣдкость. Важность разработки исторіи древней Руси по областямъ установлена въ русской исторіографіи и при томъ не только теоретически, но и практически. Точно также двумя наиболѣе авторитетными историками южной Руси—Н. И. Костомаровымъ и В. Б. Антоновичемъ—признана была настоятельная необходимость детальнаго изученія по архивнымъ даннымъ исторіи одного изъ наиболѣе темныхъ отдѣловъ южно-русской исторіи—Слободской украйны. Отдавшись этому изученію, я получилъ большое нравственное удовлетвореніе по поводу оцѣнки моихъ работъ, сдѣланной въ отзывѣ о нихъ, помѣщенномъ въ предисловіи къ XX тому „Сборника Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества“; хотя, конечно, принимаю эту оцѣнку съ весьма значительными ограниченіями, такъ какъ она была пріурочена къ моему юбилею.

Приношу глубокую благодарность Историко-Филологическому факультету Императорскаго Харьковскаго Университета за поддержку, оказанную мнѣ при изданіи настоящаго труда.

Д. И. Багалѣй.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Предисловіе	I
Заселеніе Слободской украйны и общій ходъ ея культурнаго развитія до открытія въ Харьковѣ университета	1— 21
Основаніе г. Харькова	22— 36
Харьковъ въ XVII столѣтіи	37— 42
Изъ прошлаго Святогорскаго монастыря	43— 49
Краткій историческій очеркъ торговли (преимущественно ярмарочной) въ Слободской украйнѣ въ XVII и XVIII в.в.	50— 74
Ярмарки г Харькова въ XVIII в.	75— 79
Стихійныя бѣдствія и борьба съ ними въ Слободской украйнѣ	80—103
Выборы въ Екатерининскую Комиссію для составленія проекта новаго уложенія въ Слободской украйнѣ, наказы мѣстнаго дворянства и дѣятельность Слободско-украинскихъ депутатовъ въ Комиссіи	104—162
Назарій Александровичъ Каразинъ и его колоколъ	163—175
Иванъ Ивановичъ Перекрестовъ	175—178
Ѳеодоръ Григорьевичъ Донецъ-Захаржевскій	178—179
Къ исторіи заселенія и хозяйственнаго быта Воронежскаго и Курскаго края	180—230
Нѣсколько словъ о характерѣ колонизаціи южной степной окраины Московскаго государства	231—254
По поводу рецензіи на книгу «Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго Государства»	255—256
Сочиненія, матеріалы, статьи и замѣтки, относящіеся къ исторіи Слободской украйны съ 1880 по 1885-й годъ	257—268
Сочиненія, матеріалы, статьи и замѣтки, относящіеся къ исторіи Слободской украйны съ 1885 по 1890-й годъ	269—289
Рецензіи на книги, относящіяся къ исторіи Слободской украйны	290—329
Біографіи и некрологи харьковскихъ научно-литературныхъ дѣятелей	330—366
Приложеніе (рецензіи)	367—374

I.

Заселеніе Слободской Украйны и общій ходъ ея культурнаго развитія до открытія въ Харьковѣ университета [1].

Оглавленіе. Постановка вопроса. Состояніе края до 2-й пол. XVII в. Переселенія малороссіянъ и великороссіянъ. Культурное состояніе переселенцевъ. Причины, задерживавшія культурное развитіе слободско-украинскаго общества—оборонительная война съ татарами, внутреннія смуты въ сосѣднихъ областяхъ, физическія бѣдствія. Переходъ на мирное положеніе. Культурное состояніе общества въ к. XVIII и нач. XIX в.; матеріальная культура: земледѣліе, садоводство, шелководство, табаководство, огородничество, винокуреніе, гонка смолы, скотоводство, пчеловодство, добываніе соли; ремесла—число ремесленниковъ и наиболѣе распространенныя изъ ремеслъ; торговля—роль въ ней великорусскаго, иностраннаго и малорусскаго элемента, отзывъ академика Зуева; умственная культура стремленіе къ образованію, статистика народныхъ церковно-приходскихъ школъ, мандрованные учителя, любовь къ школьной наукѣ у дворянъ, Харьковскій коллегіумъ, какъ высшее всесословное учебное заведеніе, украинскій философъ Сковорода, какъ посредникъ между наукой и мѣстнымъ обществомъ; религіозно-нравственный характеръ его проповѣди; нравственное состояніе общества: религіозное усердіе мірянъ и его генезисъ; отношеніе ихъ къ храмамъ и причту, церковныя братства и шпитали. Общее заключеніе.

Сегодня исполнилось 84 года со времени открытія Харьковскаго университета; черезъ 16 лѣтъ придется уже праздновать его столѣтній юбилей и подводить итоги..., а для этого и теперь уже слѣдуетъ подумать о собираніи матеріаловъ для его систематической исторіи и біографическаго словаря профессоровъ, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ въ этомъ отношеніи сдѣлано очень мало. Нѣсколько болѣе посчастливилось первоначальнымъ годамъ исторіи университета: мы имѣемъ тутъ труды почт. Н. А. Лавровскаго, А. П. Рославскаго-Петровскаго, Г. П. Данилевскаго, К. К. Фойгта. И что же? Выясненъ ли въ нихъ совершенно вопросъ объ основаніи университета, о роли въ этомъ дѣлѣ В. Н. Каразина? Кажется, что нѣтъ. Харьковскій университетъ (и въ этомъ его наиболѣе характерная особенность) былъ основанъ благодаря сочувствію и матеріальной поддержкѣ харьковскаго общества; а извѣстно ли намъ культурное состояніе этого общества передъ открытіемъ универси-

[1] Рѣчь, сказанная на актѣ 17 января 1889 года и напечатанная отдѣльной брошюрой въ 1889 году.

тета и въ болѣе раннее время? Еще менѣе того. Н. А. Лавровскій говоритъ, что университетъ былъ единственною свѣтящеюся точкою «на этомъ безпредѣльномъ степномъ пространствѣ», что онъ осѣлъ «на почти непочатой и не совсѣмъ привѣтливой почвѣ». Де-Пуле говоритъ о Харьковѣ нач. XIX вѣка, какъ о глухомъ степномъ городкѣ, уступавшемъ далеко даже Бѣлгороду. И въ этомъ есть своя доля правды. Но все таки нужно разобраться въ этомъ дѣлѣ. Невольно задаешь себѣ вопросъ, откуда въ этомъ степномъ захолустьѣ явились люди, собравшіе въ своей средѣ такую громадную сумму для открытія университета; а для того, чтобы получить отвѣтъ на этотъ вопросъ, нужно обратиться къ общему ходу культурнаго развитія мѣстнаго общества. Но это культурное развитіе находится въ тѣснѣйшей связи съ заселеніемъ края. Нашъ край заселился недавно, на глазахъ исторіи, южнорусскими выходцами изъ Польши и великорусскими переселенцами съ сѣвера; и тѣ, и другіе принесли съ собою извѣстные культурные зачатки, и дальнѣйшее развитіе ихъ зависѣло уже отъ мѣстныхъ условій. Присматриваясь къ этимъ условіямъ, мы открываемъ одно такое, которое въ продолженіе цѣлаго столѣтія служило страшнымъ тормазомъ для дальнѣйшаго преуспѣянія края—это были татарскіе набѣги. Явившись въ дикое поле, вдоль и поперекъ изрѣзанное татарскими сакмами, слобожане должны были принять на себя не легкую задачу—защищать свои границы и вмѣстѣ съ тѣмъ всю Русь отъ татаръ, отвоевывать у нихъ степи, служившія имъ и торною дорогою, и мѣстомъ кочевьевъ, и превращать ихъ въ тучныя и богатыя нивы. Въ теченіе цѣлаго вѣка населеніе должно было затрачивать всѣ свои силы *не на созиданіе культуры, а на защиту ея отъ кочевниковъ*. Мы укажемъ, каково было состояніе нашего края до появленія постояннаго населенія, откуда и съ какими культурными зачатками пришло это населеніе, чего стоила ему борьба съ кочевниками и, наконецъ, каково было его матеріальное, умственное и нравственное состояніе въ концѣ XVIII и самомъ началѣ XIX вѣка.

Въ 1-ой половинѣ XVII в. постояннаго населенія въ Слободской Украйнѣ (кромѣ г. Чугуева) не было. По татарскимъ шляхамъ и русскимъ дорогамъ разъѣзжали только здѣсь сторожа и станичники. Главная ихъ обязанность состояла въ наблюденіи за татарскими отрядами; направленіе пути опредѣлялось у нихъ рѣками, рѣчками, колодезями, перевозами, городищами, курганами и др. урочищами; все время они должны были проводить на лошадяхъ, огня не раскладывать, даже по 2 раза на одномъ и томъ же мѣстѣ не останавливаться. Правда, сторожа и стоялые головы имѣли нѣчто вродѣ постоянныхъ пріютовъ въ степи; но все таки они не представляли изъ себя осѣдлаго населенія и не могли укрѣпить за

Моск. гос. нынѣшней Харьковской губ.; это сдѣлали только осѣдлые поселенцы малорусскаго и великорусскаго происхожденія. Переселенія черкасъ, т. е. малороссіянъ, изъ Польши въ южную степную украйну Моск. госуд. начались очень рано; при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ въ степи, за южной московской оборонительной линіей, такъ наз. Бѣлгородской чертой, ими былъ основанъ г. Чугуевъ. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича южнорусское переселенческое движеніе изъ Польши еще болѣе усилилось. Они переселялись сюда то цѣлыми массами, то отдѣльными семьями. Причины, заставлявшія жителей бросать свою родину и уходить въ сосѣднее государство, были разнообразныя—религіозныя, политическія, соціальныя и экономическія. Особенно сильное движеніе было въ тяжелую для южнорусскаго народа эпоху руины, когда правобережная украйна сдѣлалась ареною политической борьбы и ее опустошали и свои, и чужіе; она обратилась тогда въ настоящую пустыню и такой пустыней и изображаетъ ее извѣстный лѣтописецъ Величко. Населеніе было частью перебито, частью захвачено въ плѣнъ, частью переселилось въ предѣлы Россіи; «въ городахъ правобережныхъ счетомъ люди остались, толпами бѣгутъ пѣшіе на лѣвую сторону въ наши города». читаемъ мы въ одномъ донесеніи. «Изъ большихъ и малыхъ городковъ, селъ и деревень шли обозы съ возами, нагруженными прочанами съ ихъ семьями и пожитками, на вѣки оставляя родину своихъ предковъ, они нерѣдко сожигали свои жилища»; уходили не только свѣтскіе, но и духовные. Такова была одна колонизаціонная волна—западнорусская. Менѣе значительна была другая, сѣверноруссная. Центральное правительство организовало черкасъ переселенцевъ для борьбы съ татарами, а на помощь имъ присылало отряды русскихъ служилыхъ людей (однодворцевъ); такъ образовались нын. великорусскія селенія въ Харьковской губ.

И тѣ, и другіе поселенцы приходили на новыя мѣста съ извѣстными культурными зачатками. Характеристическія особенности черкасъ, составившихъ основное ядро населенія, опредѣляются въ актахъ терминомъ «старочеркасская обыкность»; по «черкасской обыкности», они занимаютъ себѣ участки пахатной и сѣнокосной земли и лѣса, устраиваютъ хутора, заводятъ пасѣки, строятъ мельницы и занимаются безоброчно и безпошлинно всякими промыслами; на родинѣ у себя они были земледѣльцами; условія земледѣльческой культуры въ Кіев. и Харьк. губ. мало чѣмъ отличались другъ отъ друга; неудивительно поэтому, что и на новыхъ мѣстахъ они немедленно стали распахивать пожалованныя имъ земли; многіе изъ нихъ приводили съ собою значительное количество скота и скотоводство стало самымъ важнымъ (послѣ земледѣлія) ихъ занятіемъ; вообще можно сказать, что черкасы вынесли изъ своей родины

знаніе почти всѣхъ тѣхъ промысловъ и ремеслъ, которые мы у нихъ находимъ впослѣдствіи; оттуда же перенесли они и уваженіе къ школьной наукѣ, и нѣкоторые религіозно-нравственные обычаи. Великорусскіе переселенцы принесли съ собою культуру, существовавшую въ то время на украйнахъ среди однодворцевъ; она была нѣсколько ниже той, которая господствовала въ центральныхъ областяхъ Московскаго государства; но все таки и однодворцы, точно также какъ и черкасы, занимались земледѣліемъ и другими промыслами, ремеслами и торговлей.

Новымъ поселенцамъ предстояли двѣ задачи—1) оборона края отъ татаръ и 2) заселеніе его. На это должна была уходить вся энергія населенія. Слободская украйна въ XVII в. являлась крайнею пограничною областью Моск. гос. на югѣ и потому должна была принимать на себя первые удары врага. Татары двигались сюда или большими ордами, или небольшими отрядами. Нападеній перваго рода было немного, но зато ихъ можно уподобить опустошительному урагану, все истреблявшему на своемъ пути. Въ 1680 г. татарская орда разсѣялась по 18 укр. городамъ и селеніямъ и перебила, взяла въ плѣнъ или сожгла 3014 д. жителей, разорила 7 церквей и 1273 улья пчелъ, сожгла 17369 чет. хлѣба, 1571 копну сѣна, 889 дворовъ, гуменъ и мельницъ и отогнала 21770 головъ скота. Но и мелкія непріятельскія партіи наносили страшный вредъ жителямъ; ежегодно отъ нихъ страдали тѣ или иныя селенія и города. Г. Перекопъ былъ совершенно сожигаемъ и разоряемъ 3 раза; всѣ обыватели его въ послѣдній разъ «отъ мала и до велика въ полонъ забраны со всѣмъ ихъ скотомъ и пожитками». Непріятель не щадилъ даже храмовъ Божіихъ и монастырей: забиралъ церковную утварь, обдиралъ иконы, въѣзжалъ въ церкви на лошадяхъ, забиралъ въ плѣнъ священниковъ и монаховъ и т. п. Дивногорскій монастырь такъ сильно страдалъ отъ татаръ, что братія ушла изъ него и основала было новый въ болѣе безопасномъ мѣстѣ. Постоянная гроза татарскихъ нашествій побуждала правительство и населеніе затрачивать огромныя средства на устройство разнаго рода укрѣпленій. Были укрѣплены не только полковые и сотенные города, но даже мѣстечки и владѣльческія селенія; кромѣ отдѣльныхъ крѣпостей были еще сплошныя укрѣпленныя черты, которыя тянулись на нѣсколько сотъ верстъ. Всѣ слои Слободско-Украинскаго общества принимали участіе въ защитѣ своего края, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всей Россіи отъ татаръ: великорусскіе и малорусскіе поселенцы, козаки, мѣщане, даже монахи; эти послѣдніе «отсиживались» отъ врага и принимали на свое попеченіе раненыхъ. Матеріальное благосостояніе поселенцевъ не могло быть прочно: сегодняшній богачъ обращался на слѣдующій день въ нищаго; цѣлыя села иногда обращались въ пустыя

селища. Потеря рабочихъ рукъ (въ видѣ плѣнныхъ) тяжело отражалась на общемъ экономическомъ состояніи семьи, а въ лицѣ своего молодого поколѣнія семья теряла надежду и на будущее благосостояніе; родственное чувство налагало нравственную обязанность выкупать плѣнника, но этотъ выкупъ былъ опять таки очень разорителенъ; при вѣстяхъ о появленіи татаръ сельское населеніе должно было забирать свои пожитки и уходить въ города; можно представить себѣ, какъ тяжелы были эти временныя переселенія. Но и положеніе горожанъ было не лучше; вотъ какъ жили, напр., обыватели г. Харькова въ XVII в.: и днемъ, и ночью воевода долженъ былъ держать вездѣ караулъ; на пашню и сѣнокосъ жители могли выходить только тогда, когда ничего не было слышно о татарахъ и при томъ «не малыми людьми съ пищалями и всякимъ оружіемъ». Городъ и острогъ на ночь запирались и ключъ былъ у воеводы. Скотъ лѣтомъ можно было выгонять «только провѣдавъ про воинскихъ людей до пряма»; въ жаркіе лѣтніе дни бань топить было нельзя, съ огнемъ поздно не сидѣть, а пищу готовить нужно было подальше отъ жилья въ особыхъ печахъ. Понятно, какъ отъ всего этого страдало земледѣліе и другіе промыслы: въ 1688 г. жители г. Балаклѣи въ ожиданіи татаръ на поля не выходили и хлѣба не жали; 8 лѣтъ спустя балаклѣевскій протоіерей писалъ: «на той украинѣ жить нельзя, прокормиться нечѣмъ, ради прихода татаръ пахать нельзя».

Такова была одна *основная* причина, задерживавшая культурное развитіе Слободской Украйны во 2-й пол. XVII и 1-й пол. XVIII в. Но были еще и другія менѣе важныя: внутреннія смуты, вызванныя политическими движеніями въ сосѣднихъ областяхъ (въ гетманщинѣ и на Дону), участіе въ заграничныхъ походахъ и войнахъ (крымскихъ, прусскихъ и т. д.), разнаго рода физическія бѣдствія, которыхъ нельзя было нисколько облегчить и т. п. Несмотря на извѣстныя намъ мѣры противъ пожаровъ, въ Харьковѣ въ 1733 г. сгорѣло 300 домовъ, Соборная и Николаевская церкви и всѣ лавки. Неурожай въ одной какой-нибудь мѣстности вызывалъ уже голодъ и тогда питались брунью, омелой, берестовою корою. Чума производила страшныя опустошенія: въ Святогорскомъ монастырѣ въ 1739 г. умерли всѣ монахи, исключая 2-хъ столѣтнихъ старцевъ; свирѣпствовала она въ 1738 г. и въ Харьковѣ.

Всѣ эти обстоятельства въ совокупности дѣйствовали задерживающимъ образомъ на прогрессивный ходъ мѣстной жизни въ сферѣ матеріальной и умственной культуры. Съ особенной силою главная изъ указанныхъ нами причинъ дѣйствовала въ XVII в., когда край находился вполнѣ на военномъ положеніи, въ 1-й пол. XVIII в. Слободская украйна потеряла свое окраинное положеніе: за нею образовались Но-

восербскія и Славяносербскія поселенія; Миниховскіе походы также нанесли тяжелый ударъ Крыму. Во 2-й пол. XVIII в. Харьковскій край перешелъ уже на мирное положеніе. Съ этого времени населеніе его могло пойти по пути мирнаго культурнаго преуспѣянія. Въ 1773 г. всѣхъ селеній въ Слободско-укр. губ. было 677 и въ нихъ 666561 жителей обоего пола. Въ концѣ XVIII и нач. XIX ст. общее культурное состояніе края представляется въ такомъ видѣ.

Мы начнемъ свое обозрѣніе съ матеріальной культуры—промысловъ, ремеслъ и торговли.

Земледѣліе давало столько продуктовъ, сколько нужно было для прокормленія жителей; отпускной хлѣбной торговли въ XVIII в. не было: ей препятствовала отдаленность губ. отъ судоходныхъ рѣкъ; мало того: до 100000 чет. хлѣба привозилось сюда изъ сосѣднихъ губ. (напр., курской) и поступало на винокуренные заводы и прокормленіе войскъ; но въ нач. XIX ст. небольшое количество пшеницы арнаутки уже отправлялось въ Таганрогъ. Садоводство издавна пользовалось большимъ расположеніемъ у слобожанъ. „Украинцы, говоритъ авторъ Топ. оп. Х. нам., при обселеніи жилищъ не послѣднимъ считаютъ долгомъ разводить сады родючаго дерева и обсаживать дворы и огороды ракитами, тополями или другими деревьями". Въ украинскихъ лѣсахъ было множество яблоневыхъ и грушевыхъ деревьевъ; изъ нихъ были даже цѣлые садки съ пасѣками; о такихъ садкахъ мы встрѣчаемъ множество упоминаній въ документахъ; груши и яблоки, а также теренъ въ нихъ собирались, сушились и составляли немаловажную статью дохода: покупались и шли въ Великороссію и Новороссію. Нѣкоторыя мѣстности въ особенности славились своими садами—Люботинъ, Коротичъ, Новая Водолага и др. Говоря о садоводствѣ, нельзя также умолчать о монастырскихъ садахъ. Въ Ахтырскомъ Троицкомъ монастырѣ въ 1803 г. было 6 садовъ, занимавшихъ въ совокупности болѣе 8 дес., въ томъ числѣ одинъ виноградный. Въ Сумскомъ Успенскомъ монастырѣ было 7 фруктовыхъ садовъ; изъ нихъ Дюнисьевъ и Сосипатровъ занимали по 12 дес., Новый—6 дес., Котовъ и Камишинъ—3 дес., т. е. 5 садовъ—33 дес. За Зміевскимъ козацкимъ монастыремъ числилось въ 1803 г. 20 садовъ, занимавшихъ въ совокупности болѣе 20 дес., въ томъ числѣ виноградный въ 4 дес. Монахи Святогорскаго монастыря, по словамъ путешественника акад. Гюльденштедта, имѣли 400 лозъ винограду и небольшой садъ изъ превосходныхъ яблонь и грушевыхъ деревьевъ; не перечисляемъ многихъ другихъ аналогичныхъ фактовъ. Менѣе удачно шли тѣ промыслы, которые старалось ввести начальство: виноградное дѣло, шелководство и табаководство. Прежде всего разве-

деніе винограда началось въ Чугуевѣ; тамъ были казенные „государевы“ виноградные сады, заведенные въ царствованіе Алексѣя Мих. и занимавшіе болѣе 5 десятинъ; изъ винограда приготовляли на мѣстѣ вино, которое отсылали потомъ въ Москву на государевъ обиходъ. Впослѣдствіи эти виноградники запустѣли; виноградъ въ Св. горахъ, по словамъ Гюльденштедта, былъ мелокъ и киселъ. Не совсѣмъ удачно прививалось у насъ и шелководство. По указу 1773 г. велѣно было завести тутовые сады въ сл. Новой Водолагѣ, Валкахъ, Краснокутскѣ и др. мѣстахъ. Съ 1789 по 1801 годъ, когда смотрителемъ Нововодолажскаго завода былъ назначенъ гр. Де-Пармъ, выдѣлано было болѣе 11 пуд. шелку и около 8 пуд. шелковой бумаги; въ 1800 г. шелковичные заводы обращены были въ пользу обывателей, главнѣйшимъ центромъ мѣстнаго производства назначенъ Харьковъ, Краснокутскъ, Водолага; поселянамъ даны были отъ казны инструменты; кромѣ того изъявили желаніе заняться этимъ полезнымъ дѣломъ и нѣкоторые дворяне—помѣщики. Въ Харьковѣ весною посажено было болѣе 1000 кустовъ, привезенныхъ изъ Водолаги. Здѣсь всѣмъ дѣломъ завѣдывалъ приказъ общественнаго призрѣнія, пріобрѣвшій возлѣ города для плантаціи болѣе 10 дес. земли; наибольшимъ препятствіемъ для успѣшнаго хода дѣла являлось то обстоятельство, что населеніе не вѣдало ни пользы этого промысла, ни его техники; въ виду этого рѣшено было послать 6 человѣкъ бѣдныхъ воспитанниковъ Сиротскаго дома въ Водолагу для обученія ихъ тамъ этому искусству подъ руководствомъ Де-Парма, а затѣмъ поселить въ разныхъ уѣздахъ для общественной пользы. Въ Ахтыркѣ нѣкоторое время существовала казенная табачная фабрика, заведенная при Петрѣ В., для нея засѣвалось 50 дес. земли и получалось въ урожайный годъ до 7000 пуд. табаку; работниковъ при ней было до 500 чел.; она не имѣла настоящаго хозяина, не вызвала сочувствія въ населеніи и потому запустѣла. Огородныя овощи имѣли, повидимому, довольно широкое распространеніе и отличались значительнымъ разнообразіемъ. По словамъ Гюльденштедта, черкасы сѣяли волошскую рѣпу, брюкву; они были склонны даже къ нововведеніямъ и охотно садили картофель, сѣмена котораго выдавало имъ губернское начальство. Въ тѣсной связи съ хлѣбопашествомъ стояло винокуреніе и пивовареніе, составлявшее видную отрасль промышленности. Этотъ промыселъ былъ привиллегіей мѣстнаго малорусскаго населенія. Весь излишекъ хлѣба отъ продовольствія поступалъ на винокурни и даже прикупали еще со стороны. Да иначе и быть не могло, когда сбывать хлѣбъ въ видѣ зерна или муки за предѣлы губерніи было рѣшительно невозможно. Этому мѣшало отсутствіе рѣчныхъ путей, а сосѣдняя Но-

вороссія не только довольствовалась собственнымъ хлѣбомъ, но даже сбывала его въ значительномъ количествѣ заграницу. Въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка всѣхъ винокурень въ Харьковскомъ намѣстничествѣ было 976. Эти винокурни доставляли помѣщикамъ едвали не самый значительный доходъ въ хозяйствѣ; вино частью продавалось на мѣстѣ, а частью отправлялось въ Великороссію, Новороссію, Донскія станицы и Таганрогъ. Гонка смолы и дегтя продолжалась по прежнему; такъ, обширный смолокуренный заводъ мы видимъ, напр., въ с. Березовомъ у князя Якова Крапоткина; 500 бочекъ смольчуга онъ собирался отправить въ 1728 г. въ г. Орелъ.

Скотоводство въ прежнее время было болѣе значительно, чѣмъ въ началѣ XIX ст. и это потому, что тогда было больше простора въ земляхъ. О развитіи его въ XVII в. свидѣтельствуютъ между прочимъ вѣдомости о татарскихъ погромахъ 1680 и 1691 гг.; особенно много было овецъ; у нѣкоторыхъ простыхъ козаковъ ихъ бывало по сотнѣ, по двѣ и даже болѣе того; не мало было также воловъ и коровъ. Авторъ „Топ. оп.“ свидѣтельствуетъ, что въ его время скотоводство было очень обширно. По словамъ Гюльденштедта, малороссіяне снимали съ овецъ шерсть только одинъ разъ (весною) такъ какъ зимою выгоняли ихъ на пастбище, и потому шерсть эта была очень груба; но зато скотъ былъ очень хорошъ, потому что телятамъ долго позволяли сосать матерей. Въ началѣ XIX в. скотоводство стало терять первенствующее положеніе среди другихъ промысловъ и сохранило свое прежнее значеніе только въ Изюмскомъ, Купянскомъ, Волчанскомъ и Зміевскомъ уѣздахъ. У многихъ помѣщиковъ были конскіе заводы, доставлявшіе имъ значительныя выгоды; шленскихъ и испанскихъ овецъ было очень мало. Невыгодно отражалась на украинскомъ скотоводствѣ конкурренція сосѣдняго Новороссійскаго края, гдѣ для него было несравненно больше простора. Заслуживаетъ полнаго вниманія и пчеловодство; бортей теперь уже не было, а только однѣ пасѣки; медъ и воскъ шли въ другія губ. и заграницу; но занимались этимъ промысломъ глав. обр. зажиточные многосемейные хозяева. На Торскихъ (нын. Славянскихъ) озерахъ соляное производство началось въ XVI в. и продолжалось въ теченіе всего XVII и XVIII столѣтій. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о размѣрахъ этого производства; изъ одного напечатаннаго мною документа, впрочемъ, видно, что въ 1685 г. съ 12-го мая по 10-е августа включительно (т. е. въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ) прошло съ Тора 270 возовъ съ солью; если положить на каждый возъ по 50 пуд., то получимъ 13500 пудовъ. Кромѣ Торскихъ была еще попытка эксплоатировать и соляныя озера при с. Заводахъ; сначала сами обыватели добывали тамъ

соль въ небольшомъ количествѣ, потомъ это дѣло взяла въ свои руки казна съ тѣмъ, чтобъ организовать его на широкихъ началахъ, но добыча соли не окупала издержекъ и потому скоро они были заброшены. Селитряное производство (или такъ наз. бурты) многимъ помѣщикамъ приносило значительный доходъ, но не ежегодно, потому что переварка буртъ повторялась только черезъ 6 или 7 лѣтъ.

Ремесла удовлетворяли глав. обр. потребностямъ мѣстнаго населенія, но нѣкоторыя изъ нихъ успѣли завоевать себѣ и болѣе широкій районъ. По свѣдѣніямъ, извлеченнымъ В. В. Ивановымъ изъ такъ наз. Коммиссарскихъ вѣд. и любезно сообщеннымъ намъ, кустарно-ремесленныхъ хозяйствъ въ к. XVIII в. было 6776, а всѣхъ ремесленниковъ 33884 д. обоего пола. Цеховые и ихъ семьи составляли, такимъ образомъ, болѣе 12%, что свидѣтельствуетъ о сильномъ (даже безотносительно для того времени) развитіи кустарно-ремесленныхъ занятій; одно такое хозяйство приходилось всего на 36 душъ обоего пола. Наиболѣе распространенными занятіями были ткачество, сапожничество, кожевничество, портняжничество, кузнечное дѣло и гончарство; ткачей было 693 хоз. съ 5190 душ. обоего пола; чеботарей или сапожниковъ и чимбарей или кожевниковъ—817 хоз. съ 4377 д. обоего пола; кравцовъ или портныхъ и кушнирей или овчинниковъ—573 хоз. съ 3082 д. обоего пола; ковалей или кузнецовъ—184 хоз. съ 979 д. обоего пола; гончаровъ—159 хоз. съ 296 д. обоего пола. Сюда же нужно присоединить еще тертичниковъ и гонтарей, занимавшихся выдѣлкою лѣсныхъ матеріаловъ, рымарей или сыромятниковъ, шаповаловъ или шерстобитовъ, сѣдельниковъ, стекольщиковъ, бондарей или бочаровъ, стельмаховъ или колесниковъ. Харьковъ славился своими ремесленниками—кустарями: 4 улицы его получили названіе отъ ихъ ремеслъ—Чеботарская, Кацарская, Рымарская и Кузнечная; среди харьковскихъ ремесленниковъ выдѣлялись рымари, сбывавшіе ремни и кожи своей работы не только по ярмаркамъ Харьковскаго, но и сосѣднихъ Малорос. и Екатерин. нам.; кушнери, отправлявшіе свои шубы въ Великороссію и другія сосѣднія мѣста, коцарки, отпускавшія многія тысячи своихъ ковровъ въ великорусскія селенія и даже заграницу. свитники, шившіе сермяжные кафтаны черкасскаго покроя и шаровары и вывозившіе ихъ на ярмарки въ Кіев., Черн. и Екатерин. нам., кузнецы, выковывавшіе замѣчательные лемеши и чересла (принадлежности плуга), гончары, выдѣлывавшіе кафли или изразцы (бѣлаго и зеленаго цвѣта). Чугуевъ славился своими скорняками, Ахтырка—шлахотницами, Богодуховъ—кожевниками и сапожниками, Нов.-Водолага—гончарами, выдѣлывавшими прекрасныя кафли и тарелки. Одни изъ кустарей имѣли землю, а у другихъ ея вовсе не было.

Все это были ремесла мѣстнаго малорусскаго происхожденія. Сначала они удовлетворяли потребностямъ не одного низшаго, но и всѣхъ слоевъ слоб. укр. общества; но въ концѣ XVIII в. происходитъ уже нѣкоторое измѣненіе: классы обособляются; городское населеніе подвергается вліянію общерусской цивилизаціи; явились такія потребности, которымъ не могли удовлетворить мѣстные мастера; понадобились великорусскіе и иностранные ремесленники—каменьщики, штукатуры, плотники, столяры, рѣзчики, каретники, хорошіе портные и сапожники; эти пріѣзжіе мастера оказали значительное вліяніе на ремесленную производительность г. Харькова.

Торговля Харьковскаго края въ концѣ прошлаго вѣка достигла значительнаго развитія и носила преимущественно ярмарочный характеръ. Всѣхъ ярмарокъ было 219, въ томъ числѣ 6 большихъ (4 Харьковскихъ и 2 Сумскихъ), 10 среднихъ и 203 малыхъ. На Харьковскія и Сумскія ярмарки привозились товары съ запада изъ заграницы (изъ Силезіи, Данцига, Лейпцига), съ сѣвера (изъ Петербурга), съ южныхъ Новороссійскихъ портовъ (Ростова, Таганрога, Херсона, Станиславова, Кинбурна), центральной Россіи (Москвы, Суздаля, Тулы, Павловска) и востока (Царицына, Саратова, Черкасска); привозились самые разнообразные товары, которыхъ не было на мѣстѣ и которые должны были глав. обр. удовлетворять расширившимся потребностямъ и вкусамъ культурнаго класса. Это были издѣлія мануфактурныя, металлическія, рыба, виноградное вино и т. п. Привозили эти товары частью иностранные, но больше великорусскіе купцы. Обороты Харьковскихъ ярмарокъ до 1800 г. были слѣд.: Крещенской достигали 10 мил., Успенской—8 мил. Троицкой—600 тысячъ. Малорусскіе производители и торговцы вывозили извѣстные уже намъ предметы мѣстной промышленности и ремесла, которые за тѣмъ отправлялись въ Великороссію, Малороссію, Донскія станицы и даже заграницу, напр., хлѣбное вино, шерсть и нѣкоторые шерстяные издѣлія, овчины, сало и медъ. Заграничные мануфактурные и другія товары нѣкоторое время удачно еще конкурировали съ великорусскими; но на сторонѣ этихъ послѣднихъ было одно преимущество: по своей относительной дешевизнѣ они могли находить себѣ сбытъ среди *всей* массы слоб. укр. общества. Во всякомъ случаѣ, прежняя патріархальная простота теперь мало по малу исчезаетъ и привозъ указанныхъ выше товаровъ оказалъ въ этомъ случаѣ не мало вліянія; прадѣдовскій складъ жизни продолжалъ попрежнему царить только среди войсковыхъ обывателей, да и туда проникали нѣкоторые мануфактурные товары. Торговля привлекла въ города Харьковскаго края иностранцевъ и великорусскихъ купцовъ. Въ 1732 г. въ Харьковѣ

было 62 человѣкъ великорусскимъ купечества, въ Сумахъ 14; въ 1773 г. въ Харьковѣ было уже 100 иностранцевъ (по большой части грековъ) и 223 человѣка обоего пола великоруссовъ купечества, въ Сумахъ—29 иностранцевъ и 36 великоруссовъ купцовъ; въ 1799 г. въ Харьковѣ—166 купеческихъ семействъ, въ томъ числѣ малорус. около 40, т. е. 25%. Иностранные и великорусскіе купцы пріобрѣтали себѣ осѣдлость въ Харьковѣ, вмѣстѣ съ незначительнымъ количествомъ малорусскихъ промышленниковъ они образовали *специальный* классъ купцовъ, котораго раньше въ Харьковѣ не было. Что касается мѣстнаго населенія, то оно вело, главнымъ образомъ, торговлю средней или, какъ выражается авторъ Топограф. оп., *второй руки*; въ ней нерѣдко производители являлись и продавцами. Роль малорусскаго населенія въ экономической жизни края прекрасно характеризуетъ ак. Зуевъ: „Земля будучи наиплодороднѣйшая составляетъ главнѣйшее жителей упражненіе, такъ что гдѣ ни поѣдешь, вездѣ поверхность оной покрыта наибольшею частью хлѣбомъ, а потомъ или бахчами или плодовыми садами. Жители, утопая въ довольствѣ земныхъ произведеній, не вѣдая вкуса роскоши и не зная, такъ сказать, цѣны денегъ, не стараются доставать оныхъ выѣздомъ изъ своей земли въ сосѣдственные города и вывозить своихъ излишковъ, но довольствуются всѣмъ у себя безцѣннымъ изобиліемъ и продаютъ пріѣзжающимъ на ярмарки купцамъ только то, чего сами истребить не могутъ... каждый почти изъ нихъ въ городахъ есть и обыватель, и пахарь, и купецъ, и садовникъ, и службу отправляющій житель". Это писалъ Зуевъ въ 1781—1782 гг., а въ самомъ концѣ XVIII в. и нач. XIX в. эта картина, какъ мы видимъ, уже нѣсколько измѣнилась, въ особенности въ центрахъ, подъ вліяніемъ новыхъ экономическихъ факторовъ, привнесенныхъ въ мѣстную жизнь великорусскими и отчасти иностранными купцами и ремесленниками.

Благодаря возможности удовлетворять своимъ матеріальнымъ потребностямъ, мѣстное малорусское общество могло обнаружить значительную склонность къ просвѣщенію. Это нужно сказать не только о высшемъ классѣ, но и о низшемъ, т. е. войсковыхъ обывателяхъ и даже владѣльческихъ посполитыхъ. Дѣло образованія держало въ своихъ рукахъ духовенство: любовь къ наукѣ оно вынесло изъ заднѣпровья, гдѣ эта наука ему была необходима для борьбы съ ухищреніями уніи. Но въ этой борьбѣ принимало живѣйшее участіе и свѣтское общество: создавало братства, школы, заводило типографіи; стремленіе къ образованію оно принесло изъ своей родины въ Слободскую Украйну. Здѣсь оно немедленно завело школы при церквяхъ: при Ахтырскомъ Николаевскомъ храмѣ школа существовала уже въ 1675 г. Почтенный изслѣдователь

Харьковской старины Г. П. Данилевскій думаетъ, что школы эти были спеціальными училищами для приготовленія къ священно и церковно-служительскимъ должностямъ дѣтей мѣстнаго духовенства. Но для этой цѣли были заведены особыя спеціальныя училища, хотя, кажется, только въ Екатерининское время. Такова была средняя школа въ сл. Новыхъ Водолагахъ. „На иждивеніе тамошнихъ обывателей, говорится въ одномъ документѣ, заведено училище, въ которомъ священническія дѣти обучаются латинскому языку до риторическаго класса, а также ариѳметикѣ, россійской грамматикѣ, правописанію и катехизису по способности". Но церковно-приходскія школы были не духовными училищами, какъ думаетъ Г. П. Данилевскій, а народными или, правильнѣе говоря, всесословными. Уже одно число этихъ церковно-приходскихъ училищъ говоритъ противъ предположенія Г. П. Данилевскаго. По его вычисленію, въ 1732 г. было 46 школъ, а по найденной мною переписи Хрущова ихъ оказывается болѣе 129; говоримъ болѣе, потому что часть Хрущовской переписи до насъ не дошла; школы эти по полкамъ распредѣлялись такъ: въ Харьковскомъ—18, Ахтырскомъ—28, Изюмскомъ—36 и Сумскомъ—47. Они были не только въ козачьихъ, но и во владѣльческихъ селеніяхъ. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ (даже въ селахъ) было по нѣсколько школъ (напр. въ Новыхъ Водолагахъ, Лиманѣ, Куряжѣ и др.). Общее число жителей обоего пола во всѣхъ 4-хъ полкахъ въ 1732 г. можно опредѣлить въ 306112 д.; такимъ образомъ, одна школа приходилась тогда на 2373 д., а въ 1884 г.—на 4270 д. Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно число учащихся въ школахъ прежняго времени; во всякомъ случаѣ оно было менѣе значительно, чѣмъ теперь. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, тогда оно равнялось въ среднемъ 20—30 человѣкъ на школу, а теперь 50. Въ такомъ случаѣ процентное отношеніе всѣхъ учащихся въ 1-й половинѣ XVIII в. и теперь будетъ почти одинаково. Учителей тогда во всѣхъ полкахъ было приблизительно 372 человѣка; нерѣдко въ одной школѣ было по нѣсколько душъ; въ 4 хъ Харьковскихъ церковно-приходскихъ школахъ было 19 учителей (при Соборной, Благовѣщенской, Троицкой и Воскресенской церквяхъ). Дѣти духовенства составляли, конечно, довольно видный элементъ среди учащихся; объ этомъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ, многочисленныя автобіографіи учителей. Научившись церковно-славянской и русской грамотѣ и пѣнію въ церковно-приходской школѣ, иные поступали въ Харьковскій коллегіумъ, а другіе—въ учителя-дьячки; такъ выработался оригинальный типъ мандрованнаго дьяка-учителя; нѣкоторые изъ нихъ переходили изъ одной школы въ другую чуть ли не цѣлую жизнь; одинъ, напримѣръ, ходилъ въ дьячковскомъ званіи 27 лѣтъ, другой—Козьма Парадинъ—

цѣлыхъ 50 лѣтъ (съ 20-ти до 70—лѣтняго возраста); въ особенности интересна автобіографія послѣдняго; скитальчество, очевидно, вошло у него въ привычку; даже женитьба и рожденіе сына не измѣнили его образа жизни и онъ на 70-мъ году предсталъ передъ судомъ какъ безпаспортный; гдѣ только онъ не перебывалъ: и въ Харьковской и въ Воронежской губерніи, и на Дону, то въ должности дьячка и учителя церковной школы, то въ качествѣ учителя въ частныхъ домахъ. Спрашивается, неужели все это были духовныя училища? Конечно, нѣтъ. И мы можемъ привести факты, доказывающіе, что въ такихъ школахъ обучались гл. обр. дѣти козаковъ и крестьянъ. Нѣкоторая часть нын. Воронежской губерніи въ прежнее время принадлежала къ Слободской украйнѣ (Острогожскому полку); однимъ изъ древнѣйшихъ селеній, основанныхъ здѣсь переселенцами малороссіянами, была сл. Ендовище, и тутъ существовала школа въ концѣ XVII в.; „школу эту посѣщали дѣти козаковъ—черкасъ; выпускные ученики назывались выростками. Учителемъ въ этой школѣ въ 1703 г. былъ дьячекъ мѣстной церкви Романъ Прокофьевъ. По своей черкасской обыкности, учитель-дьячекъ со своими выростками въ опредѣленные дни ходилъ по домамъ Ендовищенскихъ гражданъ воспѣвать“; такъ говоритъ изслѣдователь Воронежской старины г. Вейнбергъ, основываясь на архивномъ документѣ. И, конечно, такъ было не въ однихъ Ендовищахъ, а вездѣ. Во владѣльческой слободѣ Бѣлокуракиной, населенной подданными малороссіянами, по мысли владѣльца, открыта была школа—и въ нее сразу же добровольно было отдано жителями 17 мальчиковъ въ возрастѣ отъ 7 до 12 лѣтъ; былъ приглашенъ временный учитель, котораго рѣшено было впослѣдствіи замѣнить спеціалистомъ преподавателемъ изъ Харькова. Полный комплектъ предполагался въ 30 мальчиковъ; наблюденіе за школой было поручено мѣстному священнику. Наконецъ, намъ извѣстно, что въ такихъ мѣстахъ, гдѣ не было школы, обыватели приглашали временныхъ преподавателей—тѣхъ самыхъ мандрованныхъ дьяковъ, о которыхъ мы говорили выше. Мало того: дѣти простыхъ козаковъ не ограничивались иногда низшими школами и поступали въ Харьковскій коллегіумъ. Если среди низшаго слоя общества существовало извѣстное стремленіе къ образованію (хотя бы въ формѣ грамотности), то еще въ большей степени оно должно было быть присуще лицамъ привиллегированнаго сословія, которые имѣли больше досуга, средствъ и сознательнѣе относились къ явленіямъ общественной жизни; въ качествѣ правящаго класса, они должны были усвоить хотя бы начатки школьной науки для службы. Нѣкоторые ясно сознавали пользу ученія. Таковъ былъ представитель стариннаго Харьковскаго дворянства сотникъ Изюмскаго

полка Д. Данилевскій; его очень огорчали лѣность и нерадѣніе дѣтей, а одному сыну онъ завѣщалъ наслѣдство только въ томъ случаѣ, если онъ исправится и будетъ хорошо учиться; замѣтимъ, что приведенный здѣсь фактъ относится къ самому началу XVIII в. (1716 г.). когда Харьковскаго коллегіума еще не было; онъ былъ открытъ 10 лѣтъ спустя и, очевидно, долженъ былъ удовлетворять существовавшей въ обществѣ потребности въ такого рода учебномъ заведеніи. Многіе изъ козацкой старины не были чужды и литературныхъ вкусовъ и занимались составленіемъ записокъ; извѣстны, напр., фамильныя записки Квитокъ, Тевяшовыхъ, Кондратьевыхъ, Шевича. Онѣ были еще въ рукахъ И. И. Срезневскаго и Пр. Филарета. Высшимъ учебнымъ заведеніемъ въ краѣ былъ Харьковскій коллегіумъ; его просвѣтительное значеніе въ достаточной степени выяснено въ прекрасномъ изслѣдованіи нашего многоуважаемаго сочлена проф. А. С. Лебедева. Поэтому мнѣ остается сказать и добавить немногое. Несмотря на то, что коллегіумъ возникъ изъ духовной архіерейской школы (былъ основанъ еп. Епифаніемъ Тихорскимъ), помѣщался въ монастырѣ, находился въ вѣдѣніи архіереевъ и содержался отчасти изъ своихъ имѣній, а отчасти изъ сбора съ монастырей и церквей. онъ былъ доступенъ для всѣхъ классовъ общества; дѣти духовенства составляли въ немъ только преобладающее большинство. Въ жалованной грамотѣ Имп. Анны Іоанновны 1731 г. говорится о коллегіумѣ. «учить (въ немъ) всякаго народа и званія дѣтей православныхъ». И такое училище не могло не вызвать къ себѣ всеобщаго сочувствія. Наибольше пожертвованій сдѣлали для него ген. фельд. кн М. М. Голицынъ, жившій тогда въ качествѣ главнокомандующаго въ Харьковѣ и еп. Епиф. Тихорскій; 1-й подарилъ ему 5 деревень и 4 хутора съ 650 д. крестьянъ, 2-й три пустыни. Дѣло сразу же было поставлено на надлежащую почву. Для приготовленія хорошихъ учителей молодые люди командировались заграницу. Программа коллегіума была составлена приспособительно къ его всесословному характеру и при томъ все болѣе и болѣе расширялась: очень рано введены были въ нее математика, архитектура, живопись, исторія, географія, французскій, нѣмецкій и итальянскій яз.; въ 1765 г. были введены (гл. обр. для дворянъ) такъ называемые прибавочные классы новыхъ языковъ, математики, рисованія, инженерства, артиллеріи, геодезіи; въ самомъ концѣ XVIII в. прибавлены были еще физика и естественная исторія, а въ началѣ XIX—сельское хозяйство и медицина. Число учащихся бывало очень значительно—иногда доходило до 700 и 800 человѣкъ; наибольшій контингентъ доставляло духовенство, но было не мало и свѣтскихъ лицъ, и при томъ не только дворянъ, но и разночинцевъ.

Такое значительное число учащихся свидѣтельствуетъ о сильномъ стремленіи къ образованію, въ особенности, если мы примемъ въ соображеніе ту печальную обстановку, въ которой находились многіе ученики: очи должны были распѣвать канты подъ окнами Харьковскихъ обывателей и выучивать въ бурсѣ уроки при свѣтѣ горящей лучины. „Ни холодъ, ни голодъ, говоритъ воспитанникъ коллегіума Лубяновскій, не охладили охоты къ ученію; привыкали мы сверхъ того къ нуждѣ и пріучались довольствоваться малымъ, въ какомъ бы ни были состояніи въ послѣдствіи времени". Но эти бѣдняки, все имущество которыхъ иногда состояло изъ „вязаночки книгъ да войлочка и подушки", являлись истинными просвѣтителями юношества, живя на кондиціяхъ у помѣщиковъ, купцовъ, священниковъ и даже мѣщанъ, обучая дѣтей ихъ разнымъ наукамъ. Харьковскій коллегіумъ воспиталъ многихъ выдающихся дѣятелей на разныхъ поприщахъ государственной службы—изъ него вышли лица, занимающія видное мѣсто даже въ исторіи общерос. просвѣщенія. Достаточно указать на знаменитаго переводчика Иліады Гнѣдича, проф. Московскаго университета Каченовскаго, Рязанскаго губернатора, Михаила Ивановича Ковалевскаго, попечителя Харьковскаго университета З. Я. Карнѣева, Нижегородскаго губернатора А. М. Руновскаго, 1-го рус. клинициста, Гр. Ив. Базилевича и мн. др. И воспитанники коллегіума съ благодарностью вспоминали о своей alma-mater. Вотъ что говоритъ одинъ изъ нихъ, сенаторъ Лубяновскій: „Превосходное учебное заведеніе былъ Харьковскій коллегіумъ. Въ мое время управлялъ имъ префектъ Шванскій, мужъ равно почтенный по жизни и учености. Былъ онъ особенно счастливъ въ выборѣ учителей; они имѣли рѣдкій даръ развивать въ молодыхъ людяхъ здравый смыслъ и внушать имъ охоту, страсть къ наукѣ, неумирающую, когда возбудится. Съ такимъ домашнимъ учителемъ и вышедши изъ школы чему не научишься"..... Такова была глубокая нравственная связь между школой и обществомъ, между наставниками и молодымъ поколѣніемъ. Учителя не только учили, но и нравственно воспитывали юношество. Типическимъ представителемъ этого именно направленія, носителемъ знаній и вмѣстѣ съ тѣмъ нравственныхъ началъ въ Харьковскомъ обществѣ к. XVIII в. былъ украинскій философъ Г. С. Сковорода, эта своеобразная личность, до сихъ поръ чрезвычайно мало разъясненная исторіей. Онъ является продуктомъ общества, которое тогда переходило отъ прежняго военно-казацкаго быта къ новой гражданственности, наукѣ и литературѣ. Онъ вышелъ изъ простонародной среды (впрочемъ не крестьянской, а казацкой) и затѣмъ несмотря на свое образованіе, не порвалъ съ нею нравственныхъ связей. По своему образованію онъ стоялъ цѣлою головою выше другихъ тогдаш-

нихъ наставниковъ; не ограничившись Кіевской духовной академіей, онъ пѣшкомъ, съ посохомъ въ рукахъ, исходилъ почти всю западную Европу, познакомился со многими учеными и воспринялъ отъ нихъ сѣмена любомудрія; плодомъ его начитанности и размышленій была цѣлая масса сочиненій, изъ которыхъ только немногія изданы въ свѣтъ. Хотя всѣ они, еще при жизни Сковороды, циркулировали въ рукописяхъ, но по своему содержанію и тяжелому туманному языку, не могли имѣть вліянія на массу. Большее значеніе имѣли его сатирическія басни и пѣсни; нѣкоторыя изъ нихъ такъ понравились народу, что и донынѣ распѣваются слѣпыми лирниками. Въ нихъ мы замѣчаемъ уже присутствіе религіозно-нравственнаго элемента: „А мнѣ одна только въ свѣтѣ дума, какъ бы умерти мнѣ не безъ ума“, говорится въ одной такой пѣснѣ. Но кому же не страшна ея (смерти) острая сталь (т. е. коса)? Тому „чія совѣсть какъ чистый хрусталь“. Вотъ эта то религіозно-нравственная проповѣдь производила глубокое впечатлѣніе на всѣ слои слободско-украинскаго общества, тѣмъ болѣе, что она оправдывалась примѣромъ его собственной жизни. Онъ велъ, можно сказать, аскетическій образъ жизни: одѣвался въ простую свиту, не ѣлъ мяса и рыбы, а питался плодами, овощами и молокомъ, спалъ въ садахъ, на пасѣкахъ, и, наконецъ, почти никогда не ѣздилъ, а ходилъ пѣшкомъ. Живя въ Харьковѣ, въ качествѣ преподавателя коллегіума, онъ, по словамъ Ковалѣнскаго, „для сна отдѣлялъ отъ времени своего не болѣе 4-хъ часовъ въ сутки; вставалъ до зари, и, когда позволяла погода, всегда ходилъ пѣшкомъ за городъ прогуливаться на чистый воздухъ и въ сады; всегда веселъ, бодръ, легокъ, подвиженъ, воздержанъ, цѣломудръ, всѣмъ доволенъ, благодушествующъ, униженъ предъ всѣми, словоохотенъ, гдѣ не принуждаютъ говорить, изъ всего выводящій нравоученіе, почтителенъ ко всякому состоянію людей, посѣщалъ больныхъ, утѣшалъ печальныхъ, раздѣлялъ послѣднее съ неимущими, выбиралъ и любилъ друзей по сердцу ихъ, имѣлъ набожество безъ суевѣрія, ученость безъ киченія, обхожденіе безъ лести“. Неудивительно, что у него были почитатели среди всѣхъ классовъ мѣстнаго общества: и среди духовенства, и среди свѣтскихъ лицъ. Къ простому народу онъ относился съ глубокой симпатіей: „барская умность, пишетъ Сковорода, будто простой народъ есть черный, видится мнѣ смѣшная, какъ и умность тѣхъ названныхъ философовъ, которые говорятъ, что земля есть мертвая; какъ мертвой матери рождать живыхъ дѣтей? И какъ изъ утробы чернаго народа вышли бѣлые господа? Нравственное вліяніе его на простой народъ было очень благодѣтельно. „Страсть его, говоритъ Лубяновскій, была жить въ крестьянскомъ кругу; любилъ онъ переходить изъ слободы въ слободу, изъ села въ село, изъ хутора

Библ... Социалистической Академии.

въ хуторъ; у всѣхъ онъ былъ свой. Жители тѣхъ особенно слободъ и хуторовъ, гдѣ онъ чаще и долѣе оставался, любили его какъ родного. Онъ отдавалъ имъ все, что имѣлъ: не золото и серебро, а добрые совѣты, увѣщанія, наставленія, дружескіе попреки за несогласія, неправду, нетрезвость, недобросовѣстность .. утѣшался, что трудъ страннической жизни не совсѣмъ былъ безплоденъ". Примѣромъ его благодѣтельнаго вліянія на дворянъ можетъ служить его другъ и ученикъ Ковалѣнскій, составившій „житіе" своего учителя. „Можно сказать, говоритъ Г. П. Данилевскій, что по степени уваженія, которымъ пользовался Сковорода, его можно было назвать странствующимъ университетомъ и академіею тогдашнихъ украинскихъ помѣщиковъ".

Мы раньше высказали мнѣніе, что Сковорода, при всемъ его вліяніи на мѣстное общество, самъ является до извѣстной степени продуктомъ этого общества. Если бы въ этомъ послѣднемъ не существовало извѣстнаго религіозно-нравственнаго настроенія, то проповѣдь Сковороды не имѣла бы такого успѣха, какой ей выпалъ на долю. Общій характеръ научныхъ свѣдѣній Сковороды и его богословско-философскихъ сочиненій опять таки опредѣляется главнымъ образомъ южнорусскою образованностью того времени, разсадникомъ которой была Кіевская духовная академія; наконецъ, и самый способъ распространенія его религіозно-философскихъ и этическихъ воззрѣній (путемъ перехода съ одного селенія въ другое, отъ одного помѣщика къ другому) объясняется б. м. привычкою къ скитанію, свойственной не только свѣтскому южнорусскому обществу (казакамъ и посполитымъ), но и духовенству, мандрованнымъ учителямъ, священникамъ). Каково же было религіозно-нравственное состояніе слободско-украинскаго общества въ XVII и XVIII вѣкахъ? На своей родинѣ въ заднѣпровьѣ слобожане должны были отстаивать православную вѣру отъ уніи; борьба должна была усилить ихъ религіозное чувство. Она кромѣ того объединяла интересы церкви и мірянъ. Послѣдніе принимали живѣйшее участіе въ церковныхъ дѣлахъ и имѣли на нихъ сильное вліяніе—устраивали братства, шпитали и т. п. Все это было перенесено на новую почву и продолжало существовать въ видѣ стариннаго крѣпко укоренившагося обычая. Въ Харьковскомъ краѣ церкви строились или на средства отдѣльныхъ лицъ—помѣщиковъ, или на добровольныя пожертвованія всѣхъ прихожанъ, которые постоянно заботились о своемъ храмѣ и о содержаніи причта и обыкновенно сами выбирали себѣ священника (выборъ этотъ только потомъ утверждала высшая епархіальная власть); нерѣдко священниками бывали лица, принадлежавшія къ свѣтскому обществу. Въ сел. Шелудовкѣ строителемъ храма

былъ сот. Корякъ, а священникомъ—его родной сынъ, въ м. Соколовѣ—бывшій полковой судья. Что же касается дьячковъ, то они представляли изъ себя какъ бы посредствующее звено между духовенствомъ и мірянами: несли свои причетническія обязанности только на основаніи договора—найма съ прихожанами; вотъ почему между прочимъ дьякъ является излюбленнымъ типомъ въ устной и искусственной южнорусской словесности.

Монастыри были обязаны своимъ происхожденіемъ большею частью усердію казацкой старшины. Куряжскій мон. былъ основанъ Харьк. полк. Гр. Ер. Донцомъ-Захаржевскимъ и другими старшинами того же полка Сумской Успенскій и Сумской Предтечевъ—полк. Гер. Кондратьевымъ. Михайловская пустынь—полк. Михаиломъ Васильевичемъ и т. д. Масса лицъ разныхъ состояній жертвовала въ монастыри движимое и недвижимое имущество; интересны нѣкоторыя надписи на пожертвованныхъ священныхъ книгахъ; „почитати ю и внимати“, читаемъ мы на одномъ сочиненіи Антонія Радивиловскаго; „книгу сію купилъ отецъ Михайло за свои гроши, за 2 таляра у Перекопѣ, щобъ уніею не вспоминався нихто;“ такова надпись на требникѣ 1681 г.; есть даръ съ надписью отъ простой ткачихи. Нѣкоторые строители монастырей дѣлались вмѣстѣ съ тѣмъ и первыми игуменами ихъ; таковы были полковникъ Штепа (строитель Краснокутскаго мон.) и сотникъ Григорьевъ (строитель Сѣннянскаго Покровскаго мон.). Кромѣ того можно еще назвать и представительницъ мѣстныхъ дворянскихъ родовъ, вступившихъ въ ряды чернаго духовенства; таковы были Ковалевская, Квиткина, Дунина и др.

Религіозное усердіе мірянъ проявлялось также въ устройствѣ церковныхъ братствъ. Ихъ мы находимъ какъ въ городахъ, такъ и во многихъ селеніяхъ. Перенесены они были изъ заднѣпровья: пришедшіе въ Корочу черкасы (еще при Мих. Ѳеод.) просили дозволить имъ „по ихъ вѣрѣ медъ ставить къ праздникамъ и варить для себя винцо, пивцо и бражку на поминовеніе родителей“; кромскіе черкасы просили о дозволеніи имъ сытить медъ и собирать воскъ, чтобы „свѣща всегда стояла передъ образомъ за государево многолѣтнее здоровье“. Въ Харьковѣ были братства при Соборной, Благовѣщенской и Рождественской церквяхъ. Братства ставили своею цѣлью поддержаніе церквей; вотъ почему въ пользу братствъ многіе жертвовали имѣнія. Въ храмовой праздникъ старшій братчикъ собиралъ отъ прихожанъ доброхотныя подаянія и готовилъ братскій столъ и медъ, который покупали присутствующіе; выручка шла въ пользу братства. На ряду съ братствами нужно поставить такъ называемые шпитали или богадѣльни, гдѣ находили себѣ пріютъ старые, дряхлые, больные, вдовы, сироты; всѣхъ ихъ въ 1732 г.

было 68, а призрѣвалось въ нихъ болѣе полутораста человѣкъ. Для того чтобы достойно оцѣнить эти религіозно-благотворительныя учрежденія, необходимо помнить, что они были обязаны своимъ происхожденіемъ исключительно общественной иниціативѣ.

Таково было матеріальное, умственное и нравственное состояніе слободско-украинскаго общества въ к. XVIII и нач. XIX в. Культура его была гораздо выше, чѣмъ можно было предполагать. Въ основаніи этой культуры лежала западнорусская стихія, сохранившаяся почти въ неприкосновенномъ видѣ до 2-й половины XVIII вѣка; рядомъ съ нею развивалась другая стихія—сѣвернорусская: сначала великорусскіе и малорусскіе поселенцы жили отдѣльно въ различныхъ селеніяхъ и не смѣшивались другъ съ другомъ; но со 2-й полов. XVIII в. великорусское вліяніе дѣлается уже довольно замѣтнымъ въ сферѣ ремесла и торговли, которая значительно усиливается; вліяніе иностраннаго элемента было гораздо менѣе значительно.

Конечно, намъ могутъ возразить, что нарисованная нами картина грѣшить нѣкоторою односторонностью, что мы изобразили однѣ только свѣтлыя положительныя стороны прошлой жизни. Это правда. Но такова была и наша задача. Мы собирали по крупицамъ разбросанные въ разныхъ источникахъ матеріалы, для того чтобы составить себѣ понятіе о томъ уровнѣ культурнаго развитія, котораго достигло мѣстное общество въ нач. XIX в. Конечно, эта культура сравнительно съ послѣдующимъ и въ особенности нашимъ временемъ, представляется жалкою, ничтожною. Въ XIX в. мы сдѣлали громадные успѣхи во всѣхъ сферахъ жизни и ихъ лучше всего наблюдать на большихъ городскихъ центрахъ. Харьковъ сдѣлалъ гигантскій шагъ впередъ по пути экономическаго и умственнаго развитія. Сколько свѣта распространилъ вокругъ себя тотъ свѣтильникъ, который былъ зажженъ въ 1805 г. властною рукою Имп. Александра I—Харьковскій университетъ! Сколько теперь у насъ высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній! Но не будемъ несправедливы и къ мелкимъ явленіямъ прошлаго, потому что изъ нихъ выросло настоящее. Задача историка заключается въ вѣрномъ воспроизведеніи прошедшей жизни и оцѣнкѣ ея съ точки зрѣнія интересовъ *того времени*. А если это такъ, то не иначе какъ съ симпатіей отнесемся мы къ скромнымъ дѣятелямъ прежняго времени на пользу мѣстнаго просвѣщенія; съ благодарностью мы вспомнимъ не только дѣятельность преподавателей Харьковскаго коллегіума, но и его воспитанниковъ и даже тѣхъ мандрованныхъ дьячковъ-учителей, педагогическіе пріемы которыхъ мы теперь считаемъ въ высшей степени неудовлетворительными; глубоко

симпатичною представится намъ личность Г. С. Сковороды, этого въ своемъ родѣ тоже „мандрованнаго“ учителя, глашатая истины и добра, имѣвшаго такую многочисленную аудиторію, которой могли бы позавидовать знаменитѣйшіе ораторы нашего времени; мы простимъ ему его мистицизмъ, если вспомнимъ, что первые изъ подписавшихся на колоссальную сумму 618000 р. для открытія въ Харьковѣ университета, были его ученики, друзья и короткіе знакомые, такъ точно какъ и первыми студентами вновь открытаго университета оказались воспитанники Харьк. коллегіума. Сковорода оказалъ значительное вліяніе и на послѣдующее поколѣніе мѣстныхъ литературныхъ дѣятелей, въ лицѣ талантливѣйшаго изъ нихъ Квитки-Основьяненка. Сковорода бывалъ въ домѣ Квитокъ на Основѣ; тамъ его и видѣлъ будущій авторъ повѣстей изъ Харьковской жизни—пятнадцатилѣтній Григорій Ѳедоровичъ Квитка. Не безъ вліянія философа-аскета Квитка рѣшилъ даже поступить въ монастырь. Впослѣдствіи онъ самъ разсказывалъ о своемъ знакомствѣ со Сковородой,—о его своеобразныхъ взглядахъ на жизнь и нерѣдко, импровизируя его извѣстное стихотвореніе „Всякому городу нравъ и права“, дѣлалъ къ нему свои юмористическія прибавленія. „Гомерическая личность Сковороды и непреложное во всей суровой простотѣ достоинство общежитейскихъ разсужденій этого загадочнаго мыслителя имѣло значительное вліяніе на умъ и направленіе способностей Григорія Ѳедоровича Квитки“. Наконецъ, не забудемъ, что изъ среды мѣстнаго общества вышелъ и В. Н. Каразинъ, которому обязанъ своимъ происхожденіемъ нашъ университетъ. Но Квитка и въ особенности Каразинъ должны быть причислены уже къ дѣятелямъ новаго *университетскаго* періода Харьковской умственной жизни. Совершенно почти отсутствовавшая до сихъ поръ западно-европейская просвѣтительная стихія,—въ лицѣ лучшихъ профессоровъ Харьковскаго университета, стала оказывать замѣтное вліяніе на мѣстную культуру. Не безъ борьбы и усилій насаждалась университетская наука, со всѣмъ ея широкимъ содержаніемъ, столь не похожая на школьную науку старинныхъ южно-русск. коллегіумовъ. Тяжело было и новымъ дѣятелямъ приспособляться къ деревенскому складу жизни г. Харькова. Тѣмъ не менѣе и они, какъ свидѣтельствуютъ записки Роммеля, подвергались до извѣстной степени вліянію мѣстной культуры и даже нашли въ ней нѣкоторую опору для себя. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить, какую важную роль въ просвѣщеніи Харьков. края сыгралъ Г. Ѳ. Квитка, черпавшій сюжеты своихъ повѣстей изъ мѣстной жизни и пользовавшійся для обработки ихъ сокровищами народной рѣчи.

Въ заключеніе не можетъ не пожелать, чтобы наше поколѣніе постаралось увѣковѣчить память своихъ лучшихъ историческихъ дѣятелей. Теперь пока на очереди стоитъ вопросъ о постановкѣ памятника виновнику основанія Харьковскаго университета Вас. Назар. Каразину. Пусть общество откликнется на призывъ университета, въ рукахъ котораго находится теперь это дѣло, и докажетъ, что оно готово прійти на помощь всякому доброму начинанію [1]).

---

[1]) *Источники и пособія* 1) Мои «Матеріалы для ист. кол. и быта степной окраины Моск гос.; X 1886 г, 2) Неизданный 2-й томъ моихъ «Матеріаловъ для ист. кол и быта ..», 3) Рукописное «Опис. Слободской Украинской губ », приложенное къ Атласу Слоб Укр. губ 1802 г. (хранится въ Имп. Пуб. Библ); 4) Цифровыя данныя о ремесленникахъ изъ неизданнаго изслѣд. В. В. Иванова «О безземельныхъ Слоб. украйны»; 5) Воспоминанія О. П. Лубяновскаго (1777—1834 г.) М 1872; 6) Путешественныя записки Вас. Зуева. Спб. 1787 г; 7) Güldenstadt'a. Reisen durch Russland; II theil. Pet. 1791 г., 8) Топографическое описаніе Харьк. нам. Изданіе Харьк. губ. стат ком. съ моимъ введеніемъ и примѣчаніями. X. 1888 г.; 9) Моя замѣтка «Три черкасскія слободы XVIII в.» по современному ихъ описанію (Кіев. стар 1887 г., іюнь—іюль); 10) Опис городовъ Азов. губ. (Зап. Одес. Общ. Ист. и Древ. III); 12) Мандрованные дьяки въ Слободской украйнѣ (документъ, сообщенный проф. А. С. Лебедевымъ и напечатанный въ Харьк. кал. на 1885-й г.); 12) А. С. Лебедева. Истор. розысканія въ южнорус. архивахъ; вып. третій. М. 1888 г; 13) Филарета. Ист. стат. оп. Харьк. еп. 5 отд X. 1857—1859 г.; 14) Мои «Очерки изъ ист. кол. и быта степ. окр. Моск. гос.» т. I-й. М. 1887 г.; 15) Г. П. Данилевскаго. Украинская старина. X 1866 г.; 16) А. С. Лебедева. Ист. розысканія въ южнорус. архивахъ. Вып. 1-й, М. 1886 г. (Харьк. кол., какъ просвѣтительный центръ Слободской украйны); 17) Основаніе Харьковскаго кол. (Молодыкъ изд. И. Бецкимъ на 1844-й годъ), 18) Мой «Краткій истор. очеркъ торговли въ Харьк. краѣ въ XVII и XVIII вв. X. 1888 г.; 19) И А. Устинова. Харьковъ въ нач. нын. столѣтія (1798—1801 г) (Харьк. кал. на 1886 г.); 20) Сельскія училища въ Харьк. губ. (Ibidem); 21) А. Д. Твердохлѣбова. Судьба табачной фабрики, заведенной при Петрѣ I-мъ въ Ахтыркѣ (Кіев. стар. 1886 г., сентябрь 178—182); 22) Вейнберга. Г. Воронежъ, ист. оч. (Ворон. юбил. сбор., I,—Вор. 1886 г.); 23) Костомарова. Ист. мон., т. XIII-й; 24) «Житіе Сковороды, описанное другомъ его М. И. Ковалевскимъ». Съ предисловіемъ Н. Сумцова (Кіев. стар. 1886 г., сентябрь, 103—150).

II.

Основаніе города Харькова [1].

Время основанія города Харькова въ точности неизвѣстно до сихъ поръ. Это происходитъ отъ скудости документальныхъ источниковъ. Неудивительно поэтому, что историки судебъ его (въ особенности самые ранніе) основывали свои заключенія на преданіяхъ, носящихъ легендарный характеръ.

Только преосвященный Филаретъ, авторъ классическаго „Историко-Стат. описанія Харьков. епархіи", усумнился въ преданіяхъ и постарался разрѣшить вопросъ объ основаніи нашего города на основаніи документальныхъ данныхъ. Къ сожалѣнію, этихъ послѣднихъ для даннаго вопроса у него оказалось слишкомъ недостаточное количество. Приводя изъ книги Большаго Чертежа названіе р. Харькова, преосв. говоритъ: „Отселѣ понятно, что городъ Харьковъ получилъ названіе отъ рѣки Харьковъ, какъ городъ Олешня отъ р. Олешни, городъ Лебединъ по озеру Лебедину, и что извѣстіе, будто городу Харькову далъ свое имя первый поселенецъ казакъ Харько, несправедливо. Впрочемъ, о времени населенія города Харькова черкасами доселѣ не отыскано документовъ". Преосв. Филаретъ приводитъ указъ 1656 г. Чугуевскому воеводѣ (изъ Полнаго собранія законовъ) и отрывокъ изъ Памяти Бунакову того же 1656 г. (изъ Чугуевской переписки); изъ этихъ двухъ документовъ мы узнаемъ только, что въ февралѣ мѣсяцѣ 1656 г. изъ Чугуева въ Харьковъ посылалось по пяти душъ дѣтей боярскихъ, а въ мартѣ мѣсяцѣ, въ новый городъ Харьковъ, для городового строенія былъ назначенъ Воинъ Селифонтовъ и онъ то долженъ былъ завѣдывать харьковскими черкасами (а не Чугуевскій воевода, какъ это было прежде [2]). Послѣ труда пр. Филарета не было обнародовано ни одного новаго документа по этому вопросу. К. П. Щелковъ, авторъ новѣйшаго сочиненія по исторіи города Харькова, повторяетъ мнѣніе преосвящ. Филарета [3]; слѣдуетъ только отмѣтить любопытное филологическое *сближеніе* нашего Харькова

---

[1]) Статья эта была напечатана въ Харьк. Кал. на 1886-й годъ.

[2]) Филарета Ист. Статист. опис. Хар. епар. II отд. 5 и 6 стр. прим. 1-е; VI отд. стр. 42, прим. 21.

[3]) Харьковъ. Историко-стат. опытъ. К. П. Щелкова. Х. 1880, стр. 4—5.

и древняго половецкаго города Шаруканя, принадлежащее покойному проф. Аристову [1]).

Мнѣ удалось найти въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи, въ числѣ многихъ другихъ документовъ для исторіи заселенія нашей мѣстности, и нѣсколько документовъ, касающихся первыхъ временъ существованія г. Харькова. Въ виду этого я рѣшился вновь пересмотрѣть старый вопросъ о началѣ г. Харькова и постараться обосновать его на имѣющихся у меня новыхъ матеріалахъ. Но прежде намъ необходимо разобрать существующія преданія.

Есть два преданія о началѣ г Харькова. Вотъ первое изъ нихъ. „Еще дѣдъ моего дѣда, говоритъ разскащикъ, зашелъ въ этотъ край, и именно въ окрестности Харькова, когда было здѣсь весьма мало народу. Татары кочевали тогда на лѣвомъ берегу Донца и разъѣзжали въ теперешней Харьковской губ., какъ въ своей землѣ. Первые поселенцы, прорываясь сюда съ разныхъ мѣстъ Польши и Малороссіи, небольшими партіями и даже отдѣльно семьями, должны были выбирать для своего поселенія мѣста скрытныя и недоступныя. Для этого удобнѣе другихъ было мѣстоположеніе между двумя рѣками Харьковомъ и Лопанью, тамъ, гдѣ эти рѣки, сливаясь между собою и имѣя весьма болотистыя берега, поросшіе частымъ луговымъ лѣсомъ, дѣлали его съ трехъ сторонъ мѣстомъ недоступнымъ, а съ четвертой оно прикрывалось сплошнымъ лѣсомъ, по горѣ между рѣками, доходившимъ тогда до теперешняго Каѳедральнаго собора. Оно представляло такое скрытное убѣжище, что вѣроятно избрано было для поселенія еще первыми переселенцами, которые, по слабости силъ своихъ, были не въ состояніи защищать открыто себя и свои имущества отъ хищничества татаръ. Гдѣ-же на описанномъ мною мѣстоположеніи могло быть первое поселеніе, какъ не тамъ, гдѣ чистая, здоровая вода давала первую, необходимѣйшую послѣ пищи потребность въ быту поселянина? Рѣчная вода не представляетъ еще такого удобства. На всемъ этомъ пространствѣ въ одномъ только мѣстѣ есть родниковая вода, при самой рѣкѣ Харьковѣ, такъ называемая: *Бѣлгородская криница*. Первый поселенецъ, конечно, поселился при ней хуторомъ. Хуторъ его какъ первое поселеніе дало названіе своему мѣсту, потомъ рѣкѣ и уже впослѣдствіи городу;—и этотъ первый поселенецъ былъ—*Харько*“. Затѣмъ разскащикъ передаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о судьбѣ Харька. Жилъ онъ болѣе 200-хъ лѣтъ тому назадъ (т. е. не позже двадцатыхъ годовъ XVII ст.); вышелъ онъ изъ Польши въ качествѣ предводителя

[1]) Аристова. О землѣ Половецкой (Въ Изв. ист. фил. инст. кн. Безбородка въ Нѣжинѣ, за 1877).

нѣсколькихъ семействъ; часто онъ истреблялъ партіи татаръ, грабившихъ поселенцевъ; одинъ разъ, преслѣдуя грабителей, онъ былъ разбитъ ими и потонулъ въ Донцѣ; жилище его было разграблено и уничтожено; долго оно такимъ образомъ оставалось впустѣ, пока не явились новые выходцы, которые заселили лѣвый берегъ рѣки Лопани, при устьѣ которой образовался впослѣдствіи городъ; но названіе свое онъ получилъ по первому поселенію [1])".

Такимъ образомъ, преданіе это приписываетъ основаніе перваго поселенія въ Харьковѣ—Харьку и относитъ его еще къ двадцатымъ годамъ XVII в.; этимъ первымъ заселеннымъ пунктомъ признается не нагорная часть нынѣшняго Харькова (гдѣ соборъ, университетъ, присутственныя мѣста), а низменная болотистая, недалеко отъ впаденія Харькова въ р. Лопань, гдѣ теперь Бѣлгородская криница. Нельзя не прійти къ заключенію, что преданіе это носитъ характеръ неудачнаго домысла и не имѣетъ никакой исторической основы. Что миѳу о Харькѣ придавали еще недавно полную вѣру, видно изъ того, что не такъ давно въ аукціонъ базарѣ г. Майбороды продавался исполненный маслянными красками *портретъ* Харька; оцѣненъ впрочемъ онъ недорого—всего въ 10 руб.; но купилъ-ли кто этого миѳическаго Харька—неизвѣстно. Разскащикъ—104-хлѣтній старикъ, служившій ловчимъ у одного помѣщика. Свою повѣсть онъ основываетъ главнымъ образомъ на тѣхъ разсказахъ, которые онъ слышалъ отъ своего господина и его друзей на охотничьихъ привалахъ; если они относятся даже къ сороковымъ годамъ прошлаго вѣка (предположивъ, что разскащикъ былъ ловчимъ, имѣя отъ роду отъ 15—25 лѣтъ), то и тогда разговоръ происходилъ о такомъ событіи, которое имѣло мѣсто 120 лѣтъ тому назадъ—срокъ черезъ-чуръ значительный, для того, чтобы о немъ могло сохраниться живое воспоминаніе. Повторилось явленіе, часто наблюдаемое въ исторіи: изъ названія города выкроено было имя его миѳическаго основателя; какъ изъ названія Кіевъ, путемъ филологическаго домысла, составилось имя Кія, также точно изъ названія Харькова получилось имя его основателя Харька; въ одномъ и въ другомъ случаѣ словопроизводство буквально тождественное: конечный суффиксъ *въ* отбрасывается и образуется имя основателя города. Домыселъ повѣствователя очень ясно видѣнъ изъ слѣдующихъ его словъ: „какъ *соображу* все, что я самъ видѣлъ и слышалъ отъ другихъ, то не приходится быть первому поселенію при рѣкѣ Лопани; *иначе городъ Харьковъ назывался-бы Лопанью, или рѣка Лопань*

---

[1]) Словесное преданіе о начальномъ населеніи города Харькова. Е. Топчіева (въ прибавленіяхъ къ Харьк. губ. вѣдом., 1838 г. № 4. стр. 39—41).

Харьковомъ“ [1]). Быть можетъ, впрочемъ, что эти соображенія принадлежатъ не самому разскащику, а его господину и гостямъ; это еще вѣроятнѣе; тѣмъ не менѣе суть дѣла отъ этого не измѣняется: разсказъ этотъ долженъ быть отнесенъ не къ народнымъ преданіямъ, а къ ученымъ, такъ сказать, домысламъ нашихъ старожиловъ.. Полная несостоятельность его обнаруживается при сличеніи его съ извѣстными намъ документальными данными. Древнѣйшія свѣдѣнія о переселеніяхъ черкасъ въ Слободскую украйну относятся къ 1639 году, когда былъ заселенъ Чугуевъ черкасами, пришедшими подъ предводительствомъ гетмана Яцка Остренина. Правда, встрѣчаются черкасы въ этихъ мѣстахъ и раньше, но не въ качествѣ мирныхъ поселенцевъ, а въ качествѣ станичниковъ, сторожей и т. п.

При томъ Харьковъ ни по своему географическому положенію, ни по естественнымъ условіямъ своей территоріи не имѣлъ преимущества передъ другими пунктами (Ахтыркой, Чугуевомъ и т. д.). Весьма вѣроятно, что первыя поселенія черкасъ въ Харьковѣ относятся не къ 1656 году, когда начала строиться крѣпость, а къ нѣсколько болѣе раннему времени; но это населеніе все-таки было ограждено до нѣкоторой степени близостью укрѣпленнаго Чугуева, изъ котораго даже высылались въ Харьковъ для защиты дѣти боярскія въ количествѣ 5 человѣкъ. Самая дѣятельность Харька носитъ вполнѣ легендарный характеръ: онъ, какъ древній богатырь, является защитникомъ поселенцевъ противъ татаръ; съ его смертью татары дѣлаются хозяевами всей этой мѣстности.Нельзя не вспомнить здѣсь о другомъ героѣ *Королькѣ*, который будто бы былъ первымъ основателемъ г. Волчанска; свое имя онъ якобы получилъ отъ живописнаго урочища въ окрестностяхъ г. Волчанска, извѣстнаго подъ именемъ Королька. Онъ также, какъ и Харько, является намъ въ образѣ какого-то героя [2]). Нѣтъ сомнѣнія, что подобныя легенды существовали относительно большинства городовъ и только не всѣ дошли до насъ; встрѣчаются, какъ извѣстно, такіе-же разсказы и относительно основанія селеній. По имени Харька получилъ свое названіе и городъ *и рѣка Харьковъ*; такъ говоритъ разскащикъ. Но въ книгѣ Большаго Чертежа, редакція которой относится къ первой половинѣ XVII в., а составленіе еще къ концу XVI в. уже упоминается о р.р. Харьковѣ, Лопани и Удахъ и нѣтъ никакихъ упоминаній о г. Харьковѣ. Очевидно, слѣдовательно, что названіе города возникло изъ названія рѣки, а не

---

[1]) Ibidem, стр. 39—40).

[2]) Окрестности г. Волчанска. Пр. Иваненкова въ „Харьк. Губ. Вѣд.“ 1858 № 50, 607—609 (Часть неоффиціальная).

наоборотъ. Даже топографическія данныя въ преданіи возбуждаютъ сомнѣнія. Харько помѣстился возлѣ Бѣлгородской криницы, чтобы не имѣть недостатка въ водѣ. Но нужно думать, что въ началѣ XVII вѣка вода въ нашихъ Харьковскихъ рѣчкахъ могла быть годна для употребленія, испортившись уже въ XVIII и XIX в. отъ разныхъ причинъ (главнымъ образомъ, запрудъ); но и въ самомъ указаніи мѣста, выбраннаго Харькомъ, замѣчается какое-то колебаніе или, вѣрнѣе сказать, противорѣчіе; вначалѣ мѣстожительство назначается ему въ углѣ при впаденіи р. Харьковъ въ Лопань, а Бѣлгородская криница находится значительно выше по теченію р. Харькова. Самая мысль о *хуторѣ*, какъ о первоначальномъ поселкѣ, какъ мнѣ кажется, возникла на основаніи позднѣйшихъ фактовъ. Когда въ странѣ появились уже укрѣпленные пункты, въ видѣ городовъ, тогда можно было селиться подъ защитою ихъ и въ хуторахъ; значительное количество такихъ хуторовъ мы встрѣчаемъ, напр., въ Изюмскомъ полку, въ моментъ первоначальнаго его заселенія.

Другое преданіе объ основаніи Харькова разсказываетъ извѣстный малорусскій писатель Г. Ѳ. Квитка. Сущность его заключается въ слѣдующемъ. Первымъ поселенцемъ слободскаго края былъ Андрей Квитка, поселившійся въ нынѣшней Основѣ. О происхожденіи и первоначальной судьбѣ этого Андрея—Г. Ѳ. Квитка разсказываетъ длинную и романическую исторію. Онъ былъ сыномъ московскаго боярина, убѣжавшаго за границу и тамъ умершаго въ тюрьмѣ за убійство на поединкѣ знатнаго нѣмца, который дурно отзывался о Россіи и русскихъ. Послѣ него осталось двое сыновей—Андрей и Григорій. Вѣрный слуга Агафонъ привезъ Андрея въ Кіевъ, и его взялъ къ себѣ на попеченіе въ 1604 году нѣкій панъ Ясенковскій; панская дочь прозвала его за красоту квиткой (по малор. квитка значитъ цвѣтокъ) и это прозвище сдѣлалось его фамиліей; вскорости маленькаго Квитку взяла себѣ жена Кіевскаго воеводы, въ домѣ которой онъ и выросъ. Но за это время выросла симпатія между Квиткой и воеводской дочерью, закончившаяся бѣгствомъ ихъ изъ Кіева и женитьбой. Молодая чета съ нѣсколькими вѣрными казаками поселилась недалеко отъ Чугуева и это селеніе получило названіе *Основы*. Вслѣдъ затѣмъ Андрей Квитка сталъ завлекать новыхъ переселенцевъ, которые, убѣгая отъ уніи, начали селиться въ этихъ безлюдныхъ мѣстахъ. Обозрѣвая новостроющіяся слободы, онъ однажды наткнулся на маленькій хуторокъ у нынѣшней Бѣлгородской криницы; всѣхъ новыхъ выходцевъ онъ посылалъ въ этотъ хуторъ, такъ что населеніе въ немъ скоро значительно увеличилось. Рѣшили теперь подумать и объ укрѣпленіяхъ, которыя устроили на горѣ. Изъ Чернигова перенесли Елецкую икону Божіей матери. Вечеромъ 14 авг. 1646 года въ дикомъ необитаемомъ

дотолѣ мѣстѣ раздался первый звонъ колокола. Городъ по общему рѣшенію назвали Харьковомъ по имени протекающей здѣсь рѣки [1]).

Очевидно, что преданіе это должно быть отнесено къ числу такъ называемыхъ *фамильныхъ*. По существу оно еще менѣе состоятельно, чѣмъ первое. Если изъ него выбросить даже совершенно легендарныя подробности о происхожденіи и первоначальной судьбѣ Андрея Квитки, то и тогда въ немъ не остается ничего достовѣрнаго или даже правдоподобнаго. Какими данными можно доказать, что *Основа* столь древнее поселеніе, какъ говоритъ Г. Ѳ. Квитка? Документальныя данныя стоятъ въ полномъ противорѣчіи съ этимъ извѣстіемъ. Оказывается, что Основа и населена была не Квитками, а Донецъ-Захаржевскими. Квитки пріобрѣли ее покупкою у Донцовъ-Захаржевскихъ въ 1713 году [2]). Названія ея мы не встрѣчаемъ въ разныхъ древнихъ актахъ XVII вѣка. Столь же неправдоподобны и невѣроятны разсказы о руководительствѣ Андрея Квитки въ дѣлѣ колонизаціи края. Житель уединеннаго хуторка на Основѣ не имѣлъ бы никакой возможности фактически руководить дѣломъ заселенія края, еслибы даже у него было на это какое-нибудь право, но и права такого у него не было.

Указаніе на 1646 годъ, какъ на годъ закладки города и постройки городскихъ укрѣпленій, также ни на чемъ не основано и, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, стоитъ въ противорѣчіи съ документальными данными. Очевидно, что еще въ нынѣшнемъ столѣтіи среди харьковскихъ дворянъ существовали фамильныя преданія о геройскихъ подвигахъ ихъ предковъ—родоначальниковъ. Въ прошломъ столѣтіи эти преданія еще живо интересовали общество; на нихъ былъ спросъ; являлись даже панегирики, посвященные мѣстнымъ дворянскимъ родамъ; такъ, напримѣръ. въ 1705 году вышелъ въ Кіевѣ такой панегирикъ, посвященный фамиліи Донецъ-Захаржевскихъ. Туземныя дворянскія фамиліи Захаржевскихъ, Лесевицкихъ и др. выводили свой родъ изъ Польши; а тамъ, какъ извѣстно, генеалогическія таблицы были въ большомъ ходу.

Итакъ, преданія намъ не даютъ ничего достовѣрнаго объ основаніи Харькова. Необходимо, слѣдовательно, обратиться къ документальнымъ даннымъ; къ сожалѣнію данныхъ этихъ слишкомъ мало, такъ что они не даютъ отвѣта на многіе существенные вопросы. Такъ, напримѣръ, мы вовсе не въ состояніи отвѣтить, на вопросъ въ которомъ году начало свое существованіе первое черкасское, т. е. малороссійское поселеніе на

---

[1]) Основаніе Харькова Старинное преданіе. Основяненко въ „Молодыкѣ“ (ч. 1-я стр. 1—73).

[2]) Филарета. Ист. ст. опис. Харьк. еп., отд. II-е, стр 129.

мѣстѣ нынѣшняго Харькова. Впрочемъ, отысканная мною отписка перваго Харьковскаго воеводы *Селифонтова* 1657 года [1]) заставляетъ, повидимому, прійти къ заключенію, что въ Харьковъ явилась сразу *значительная партія Черкасъ, а не одинъ поселенецъ, какъ говорятъ преданія.* Одновременно, какъ кажется, явились двѣ партіи черкасъ и одни поселились въ Харьковѣ, а другіе въ Хорошевѣ. Харьковскіе черкасы еще въ 1657 г. называются „новоприборными"; въ отвѣтъ на требованіе воеводы заняться постройкой городскихъ укрѣпленій по московскому образцу, они заявляютъ: „мы людишки бѣдные, голодные, пашни еще не роспахали, хлѣбомъ не обзавелись и дворами не построились". Количество этихъ новыхъ переселенцевъ было относительно весьма значительно: своими жилищами они заняли все *городище.* Это извѣстіе для насъ интересно во многихъ отношеніяхъ. До сихъ поръ мы не знали, что Харьковъ возникъ на старомъ городищѣ; а мѣжду тѣмъ городище это и составило будущій кремль города Харькова. Очевидно, что Харьковъ не былъ исключеніемъ изъ другихъ слободско-украинскихъ городовъ, которые всѣ почти возникли на мѣстѣ старинныхъ городищъ. На открытой ровной степной мѣстности городища являлись, можно сказать, единственными укрѣпленіями и потому то какъ Московское правительство, такъ и первые прочные насельники края—черкасы должны были воспользоваться ими для защиты отъ крымскихъ и ногайскихъ татаръ. И, дѣйствительно, въ предварительныхъ разслѣдованіяхъ московскихъ служилыхъ людей для постройки новыхъ городовъ городища описываются съ особенною тщательностью: опредѣляется ихъ положеніе, величина и т. п. [2]); значительная часть городовъ Харьковской губ. построена первыми поселенцами на мѣстѣ древнихъ городищъ—Харьковъ, Хорошевъ, Сумы, Бѣлополье и др. Еще до построенія настоящихъ городскихъ укрѣпленій (вала, рва, стѣны, башенъ) черкасы кое-какъ сами укрѣплялись на городищахъ; по извѣстію Селифонтова, Харьковскіе черкасы построили свои жилища на городищѣ и окружили ихъ тыномъ; тынъ этотъ былъ низокъ и рѣдокъ. Такимъ образомъ, оказывается, что и до построенія городскихъ укрѣпленій Харьковскіе черкасы заняли своими домами возвышенную часть города, гдѣ нынѣ соборъ, университетъ, присутственныя мѣста. Опять документальное свидѣтельство опровергаетъ преданія, по коимъ первоначальное населеніе ютилось возлѣ Бѣлгородской криницы, на берегу рѣки Харькова. И это совершенно понятно: если дѣйствительно мы признаемъ, что на Харьковское городище явилась болѣе или менѣе значи-

---

[1]) Архивъ Мин. юстиціи. Столбецъ Бѣлг. стола, № 4289.

[2]) См., напр., объ этомъ столбецъ Бѣлг. стола, № 4814, въ архивѣ Мин. юстиціи.

тельная партія черкасъ, то уже á priori должны были придти къ убѣжденію, что гора должна была сдѣлаться первоначальнымъ мѣстомъ ихъ жительства, такъ какъ она представляла самую надежную защиту отъ враговъ. И, кажется, безъ особеннаго колебанія нужно отдать предпочтеніе мнѣнію, что на Харьковское городище явилась сразу болѣе или менѣе значительная ватага, которая, конечно, постоянно пополнялась новыми выходцами, являвшимися или по одиночкѣ, или же опять цѣлыми группами. Мы знаемъ, что такіе переходы цѣлыхъ партій, иногда даже цѣлыхъ селеній, съ праваго берега Днѣпра было явленіемъ очень обыкновеннымъ. Иногда, такимъ образомъ, являлось сразу по нѣсколько сотъ человѣкъ съ женами и дѣтьми, церковными сосудами и колоколами, стадами и всяческимъ имуществомъ. Такъ, между прочимъ, былъ зеселенъ и ближайшій къ Харькову пунктъ—городъ Чугуевъ. Вообще нужно думать, что народныя преданія—черты сравнительно позднихъ явленій—перенесли на болѣе раннія; въ XVIII в. массовыя передвиженія черкасъ съ праваго берега Днѣпра совершенно прекращаются; новые поселки образуются преимущественно путемъ выдѣленія изъ прежнихъ—хуторовъ, слободокъ и т. п. Эти хутора и слободы заселяются частью обитателями же Слободской Украйны, а частью отдѣльными личностями, приходившими изъ сосѣдней гетманщины; и то, и другое было возможно въ силу права вольнаго перехода, которымъ пользовались не только казаки, но и подданные. Какъ бы то ни было, достовѣрно только то, что въ 1656 г. Харьковское городище было усѣяно дворами; „все Харьковское городище, сообщаетъ въ своей отпискѣ Селифонтовъ, черкасы наставили дворами [1]). Они же сами окружили его тыномъ, впрочемъ весьма рѣдкимъ и ненадежнымъ. Центральное правительство распорядилось послать въ новый городъ Харьковъ воеводу Селифонтова, снабдивъ его соотвѣтственной инструкціей. По этой инструкціи онъ долженъ былъ, посовѣтовавшись съ черкасскими начальными людьми и казаками, приступить къ постройкѣ крѣпости, а также высылать изъ Харькова въ степь сторожи.

До сихъ поръ Харьковскіе и Хорошевскіе черкасы находились въ зависимости отъ Чугуевскаго воеводы. Чугуевскій воевода Григорій Спѣшневъ измѣрялъ Харьковское городище и нашелъ, что окружность его равняется 530 сажнямъ. Изъ „памяти“ отъ 18 февраля 1656 года видно, что изъ Чугуева посылались разъѣзды въ Харьковъ изъ дѣтей боярскихъ въ количествѣ 5 человѣкъ.

Но уже 28 марта того же 1656 года послѣдовалъ указъ Чугуевскому воеводѣ Сухотину Зміевскихъ, Мохначевскихъ, Печенѣжскихъ,

---

[1]) Филарета. Ист. ст. опис. Харьк. епар., отд. IV, стр. 41, прим. 11.

Харьковскихъ и Хорошевскихъ черкасъ ни въ чемъ не вѣдать, такъ какъ въ Чугуевскомъ уѣздѣ велѣно быть для городоваго строенья въ Зміевѣ Якову Хитрово, а въ Харьковѣ Воину Селифонтову. А если ты, говорится далѣе въ указѣ, узнаешь о приходѣ воинскихъ людей татаръ, то долженъ будешь ссылаться съ Яковомъ Хитрово и Воиномъ Селифонтовымъ, чтобы сообща эти новые города и живущихъ въ нихъ служилыхъ черкасъ въ плѣнъ и расхищеніе не выдать [1]).

Назначенный Харьковскимъ воеводою Воинъ Селифонтовъ рѣшился было немедленно приступить къ постройкѣ городскихъ укрѣпленій, но встрѣтилъ на первыхъ порахъ затрудненіе со стороны самихъ черкасъ. Типъ городскихъ укрѣпленій на украйнахъ Московскаго государства уже давно выработался; онъ видоизмѣнялся только въ частностяхъ, сообразно съ мѣстными условіями и обстоятельствами. Между тѣмъ черкасы раньше построили ограду, не приспособленную къ этому типу, а по своему черкасскому обыкновенію, т. е. такъ, какъ привыкли ограждать себя на прежнемъ мѣстѣ жительства. Когда явился къ нимъ воевода и рѣшилъ приступить къ постройкѣ укрѣпленій, то они стали настаивать на своей системѣ укрѣпленій, заявляя, что современемъ, когда устроятся на новомъ мѣстѣ, обзаведутся дворами и хлѣбомъ, они построятъ новый острогъ по государеву указу; „теперь же, говорили они, такого острога мы сдѣлать не въ состояніи и можемъ отъ такого острожнаго дѣла разбрестись врознь“. На этой почвѣ и возникли столкновенія между воеводою и населеніемъ. Сообразивши, сколько нужно было бревенъ на острогъ, воевода сдѣлалъ раскладку ихъ на черкасъ и служилыхъ людей, которые, очевидно, были присланы въ Харьковъ вмѣстѣ съ нимъ. Но черкасы „учинились непослушны“: бревенъ возить и острожнаго дѣла дѣлать не захотѣли. Кромѣ того они не захотѣли также, по словамъ воеводы, ѣздить по вѣстямъ на сторожи въ степь, а въ приказную избу посылать сторожей и деньщиковъ. „Для твоего государева дѣла послать по нихъ некого, а сами они безпрестанно пьютъ и бражничаютъ и унять ихъ некому“. „Я объ этомъ, такъ заканчиваетъ свою отписку Селифонтовъ, многажды писалъ къ тебѣ Великому Государю Царю и великому князю Алексѣю Михайловичу и сыну твоему Алексѣю Алексѣевичу, но указа на это никакого не получилъ“. Кто былъ правъ въ этомъ столкновеніи, судить не беремся; кажется, что по своему и та, и другая сторона. Воевода исполнялъ тутъ данный ему указъ и инструкцію; черкасы, м. б.—не безъ основанія хотѣли предварительно распахать себѣ пашни на дикомъ полѣ на сыромъ корню, а потомъ уже приступить къ постройкѣ настоя-

[1]) Полное собраніе законовъ, т. I, № 175.

щихъ укрѣпленій по Московскому образцу. То обстоятельство, что центральное правительство оставляло безъ вниманія представленія и жалобы своего воеводы, можетъ быть, указываетъ, что оно не желало поступать круто съ переселенцами, сознавая, съ одной стороны, всю пользу, приносимую ими дѣлу заселенію края, а съ другой—понимая всѣ трудности' которыя приходилось имъ испытывать на первыхъ порахъ.

Повидимому, впрочемъ, дѣло скоро уладилось. Воинъ Селифонтовъ былъ воеводою 3 года—1656, 1657 и 1658 гг. и къ этому времени относятся строельныя книги города Харькова, какъ это видно изъ описанія г. Харькова [1]) 1686 г. Въ архивѣ мин. юстиціи я нашелъ одну книгу, въ которой помѣщены краткія описанія слободско-украинскихъ городовъ, интересныя между прочимъ въ томъ отношеніи, что въ нихъ приводятся годы постройки первыхъ городскихъ укрѣпленій. О Харьковѣ тамъ сказано, что онъ построенъ въ 1656, 1657 и 1658 годахъ на р. Харьковѣ и Лопанѣ, на устьѣ р. Харькова съ Крымской (т. е. съ правой), а р. Лопани съ Ногайской (т. е. съ лѣвой стороны) [2]). Такимъ образомъ постройка Харьковскихъ укрѣпленій несомнѣнно принадлежитъ Воину Селифонтову и относится къ 1656—1659 году. До насъ не дошли, къ несчастью, подлинныя строельныя книги города Харькова, о которыхъ сообщаетъ опись 1686 г. Но мнѣ удалось розыскать въ томъ же Московскомъ архивѣ мин. юстиціи описаніе города Харькова 1663 года, [3]) составленное всего 5 лѣтъ спустя послѣ постройки города. За столь незначительный періодъ времени не произошло, конечно, никакихъ почти измѣненій въ городскихъ укрѣпленіяхъ и постройкахъ [4]). По этому описанію Харьковъ представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ.

Крѣпость его или острогъ состояла изъ дубоваго тына съ обламами, котками, помостами и засыпными тарасами; обламы—это брустверъ въ стѣнѣ высотою по грудь стрѣлка, котки—бревна, которыя помѣщались на вершинѣ стѣны или башни и скатывались на врага во время приступа, стѣна рубленая тарасами состояла изъ двухъ вѣнчатыхъ стѣнъ, расположенныхъ параллельно другъ къ другу на толщину ограды; они соединялись другъ съ другомъ подъ прямымъ угломъ поперечными стѣнами, такъ что образовывались клѣтки, которыя наполнялись землею или камнями. Тынъ былъ окруженъ рвомъ. Воевода Сухотинъ построилъ

---

[1]) Это описаніе напечатано мною въ Харьковскомъ календарѣ на 1885 годъ, см. стр. 628.

[2]) Архивъ мин. юстиціи. Дѣла Бѣлгор. стола, кн. 110-я.

[3]) Архивъ мин. юстиціи. Дѣла Бѣлг. стола, кн. 62, л. 147—155.

[4]) Если таковыя измѣненія были, то они были бы отмѣчены въ послѣдующихъ описаніяхъ, какъ отмѣчена, напр., постройка воев. Сухотина.

другой тынъ и сдѣлалъ ровъ возлѣ него въ ширину и глубину по 2 сажня. Въ стѣнахъ находилось 10 башенъ, покрытыхъ дранью; однѣ изъ нихъ были проѣзжія, т. е. имѣли ворота, другія глухія; вся окружность стѣны равнялась 475 сажнямъ, т. е. немного менѣе одной версты; форму она имѣла четыреугольную; на четырехъ углахъ ея было по башнѣ; и эти башни носили названіе наугольныхъ: одна изъ нихъ была вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣстовой; въ ней висѣлъ вѣстовой колоколъ; другая находилась у р. Харькова, третья у р. Лопани, а четвертая тоже у Лопани; изъ 6 остальныхъ башенъ одна называлась Московской, другая Чугуевской, третья Тайницкой; въ этой послѣдней помѣщался тайникъ съ колодезем, простиравшійся въ длину на 16 сажень, а поперекъ на $1^1/_2$ сажня; названія же двухъ первыхъ, очевидно, объясняются ихъ положеніемъ: черезъ нихъ лежали дороги на Москву и Чугуевъ. Всѣ башни были устроены болѣе или менѣе одинаково: онѣ были съ обламами и шатрами и возвышались отъ $4^1/_4$ до $6^1/_4$ сажней надъ стѣною.

Всѣхъ пушекъ было 12: 10 желѣзныхъ, 11-я мѣдная, а 12-я затинная; а къ нимъ 402 ядра и 8 бочекъ пороху. Возлѣ трехъ воротъ было по караульной избѣ; ко всѣмъ воротамъ и пороховому погребу были сдѣланы желѣзные запоры. Около рва подлѣ города былъ набитъ честикъ въ дубовыя колоды, это частоколъ, состоявшій изъ кольевъ, расположенныхъ на близкомъ разстояніи другъ отъ друга въ шахматномъ порядкѣ; колья были вбиты въ дубовыя колоды; позади честика были еще расположены надолобы, т. е. обрубки дерева, стоймя вкопанные въ землю въ одинъ или нѣсколько рядовъ.

Къ окологороднымъ укрѣпленіямъ Харькова нужно отнести „отъѣзжій городокъ“ въ Харьковскомъ уѣздѣ на Ржавомъ колодезѣ на Муравскомъ шляху; онъ имѣлъ четыреугольную форму и занималъ пространство въ 80 сажень въ окружности; высота его равнялась двумъ сажнямъ, отъ него шла засѣка на 200 сажень въ длину и на 50 сажень въ ширину, укрѣпленная сверхъ того еще надолбами въ три кобылины, т. е. въ три ряда. Въ этомъ городкѣ построена была караульная башня; здѣсь стояли на сторожѣ дѣти боярскія изъ Харькова, села Архангельскаго и дер. Жихоря, перемѣняясь другъ съ другомъ.

Воевода Василій Сухотинъ, управлявшій Харьковомъ въ 1660, 1661 и 1662 годахъ [1]), къ прежнему Харьковскому острогу или крѣпости, пристроилъ новый пригородокъ; окружность его равнялась 240 саж., стѣна его состояла изъ стоячаго дубоваго тына съ обламами, катками и помостами; башни еще не были поставлены; высота стѣны до обламовъ

[1]) См. Харьковскій Календарь на 1885 г., стр. 614.

равнялась 1½ саж. Острожекъ этотъ предназначался для осаднаго времени и для этого въ немъ было выкопано четыре колодца.

Такова была Харьковская крѣпость. Внутри города важнѣйшими постройками были соборъ и приказная изба. Соборный храмъ во имя Успенія Пресвятыя Богородицы, а въ немъ образъ Успенія Пресвятыя Богородицы съ двумя серебряными позолоченными вѣнцами, благословенный крестъ, царскія двери, изъ книгъ—Евангеліе напрестольное [1]), шестодневъ, апостолъ, псалтырь; наконецъ, мѣдное кадило; какъ образъ Пресв. Богородицы, такъ и другіе священные предметы были пожалованы царемъ, ибо въ документѣ называются царскимъ жалованьемъ; приказная изба была невелика—занимала пространство въ 3 саж., въ ней хранилось 20 грамотъ о всякихъ дѣлахъ, 228 отписокъ Бѣлгородскаго воеводы Гр. Гр. Ромодановскаго, именныя книги харьковскихъ черкасъ и русскихъ людей, приходо-расходныя книги. вѣдомости объ истраченномъ порохѣ и свинцѣ; кромѣ приказной избы былъ еще государевъ дворъ, а въ немъ хоромы—двѣ горницы съ сѣньми да баня съ сѣньми, да конюшня, да житница, да амбаръ, да стайня; все это помѣщеніе было предназначено, нужно думать, для воеводы. Городскіе сборы были весьма невелики. Новый воевода принялъ у прежняго 10 р. 17 алтынъ (судныхъ пошлинъ и лошадиной записки); важнѣйшими расходами было жалованье харьковскимъ подъячимъ—Терентію Талаеву да Елизарку Протопопову по 7 р. человѣку—и того 14 р; остальныя деньги были истрачены на покупку бумаги. Такъ проста и несложна была жизнь нашего города въ первые годы его существованія.

Но гдѣ же полковникъ и полковая старшина? О нихъ нѣтъ никакого упоминанія въ документахъ, и по всѣмъ признакамъ ихъ въ это время еще въ Харьковѣ и не было. Воинъ Селифонтовъ въ своей отпискѣ не упоминаетъ о нихъ ни единымъ словомъ; увѣщательная грамота 1659 года по поводу измѣны Ивана Выговскаго была отправлена *просто въ Харьковъ „къ нашимъ Великаго Государя служилымъ и всякимъ жилецкимъ людямъ, именно Черкасамъ“* [2]), а не на имя харьковскаго полковника. Но черкасы харьковскіе уже въ это время имѣли своихъ собственныхъ начальниковъ—атамановъ; это тѣ „черкасскіе начальные люди“, о которыхъ говоритъ отписка Селифонтова и многіе другіе документы; устройство новоприхожихъ черкасъ не могло не носить военнаго казацкаго характера. Дѣйствительно, въ описи г. Харькова 1662 г. мы

---

[1]) Можно думать, что это то самое Евангеліе московской печати 1657 г., о которомъ говоритъ опись 1724 г. (см. Фил., „Ист. ст. опис. Харьк. еп.“ отд II, стр. 41).

[2]) См. Филаретъ. Ист. ст. опис. Харьк. еп. отд. II, стр. 47.

находимъ уже сотника Логвина Ященка, десятниковъ у него—Лукьяна Краснянскаго, Грыцька Ковалевскаго, *Грыцька Донца* [2]) и т. д. Интересна личность послѣдняго: нельзя ли видѣть въ десятникѣ *Грыцькъ Донцъ* послѣдующаго харьк. полковника Григорія Іерофеевича Донца-Захаржевскаго? Возвыситься же въ то время начальнику десятка рядовыхъ казаковъ до чина полковника было весьма возможно Правда, этому противорѣчатъ фамильныя преданія самихъ Донцовъ-Захаржевскихъ; но преданія эти могли возникнуть тогда, когда слободско-украинская старшина хотѣла во что бы то ни стало доказать свое старинное *дворянское* происхожденіе; что же касается, напр., XVII в., то тогда даже дѣйствительное дворянское происхожденіе не могло имѣть особеннаго значенія въ виду того, что вся масса переселенцевъ въ соціальномъ отношеніи представлялась еще довольно *однородной*. Только впослѣдствіи, подъ вліяніемъ разныхъ условій, происходитъ здѣсь дифференцированіе; изъ массы казачества выдѣляется старшина, которая выдвигаетъ теорію бѣлой дворянской кости съ цѣлью санкціонировать свое фактическое господство. Таково происхожденіе, какъ мнѣ кажется, и преданія о началѣ г. Харькова, сообщаемаго Г. Ѳ. Квиткой. Но Захаржевскіе могли по крайней мѣрѣ указать на книгу Папроцкаго, въ которой дѣйствительно упоминается въ Польшѣ дворянскій родъ Захаржевскихъ. Квитка же не могъ указать даже на такой источникъ и потому, взамѣнъ этого, преподнесъ намъ фантастическій разсказъ о московской боярынѣ и ея 2 сыновьяхъ, изъ коихъ одинъ и былъ Квитка, родоначальникъ фамиліи Квитокъ, первый насельникъ Основы и всей Слободской Украйны...

Изъ всего вышеизложеннаго слѣдуетъ, что казакъ или сотникъ Харько не могъ дать своего имени городу Харькову, равнымъ образомъ не былъ онъ и его основателемъ. Даже филологически невозможно происхожденіе имени Харьковъ отъ Харько; отъ этого послѣдняго слова могло бы образоваться только слово „Харьківъ“ съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ; звательный падежъ имени Харько́ правда звучитъ Ха̀рьку, но отъ звательнаго падежа не происходятъ производныя.

Но изъ приведенныхъ мною документовъ можно сдѣлать еще любопытное заключеніе: нынѣшній Харьковъ построенъ на мѣстѣ стараго городища, т. е. древняго города. Это извѣстіе о харьковскомъ городищѣ заставляетъ насъ вспомнить гипотезу, высказанную въ концѣ семидесятыхъ годовъ покойнымъ проф. Аристовымъ, что нынѣшній Харьковъ возникъ на мѣстѣ древняго половецкаго города *Шаруканя*. Городъ Шарукань, который сдался русскимъ князьямъ въ 1111 году, долженъ былъ

---

[2]) Гурова. Сборникъ суд. рѣш., стр. 469.

находиться гдѣ-то въ мѣстности нынѣшнихъ Харькова и Чугуева. Правда, лѣтопись помѣщаетъ его въ бассейнѣ Дона, но подъ лѣтописнымъ Дономъ необходимо разумѣть нынѣшній Донецъ; по крайней мѣрѣ къ такому заключенію приводитъ расчетъ пути, сдѣланнаго русскими князьями. Но ближайшее опредѣленіе его мѣстоположенія оказывается очень труднымъ. Въ Воскресенскомъ спискѣ лѣт. сказано, что князья исполчившись *пошли съ Дона* (т. е. Донца) на Шарукань; слѣдовательно, Шарукань долженъ былъ находиться, повидимому, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Донца; и такому условію удовлетворяетъ Харьковъ. Но въ такомъ случаѣ русскіе князья должны были сдѣлать ненужный напрасный крюкъ: подвигаясь постоянно въ юго-восточномъ направленіи, они подошли, наконецъ, къ Донцу, а потомъ опять принуждены были бы, чтобы добраться до Харькова, возвращаться назадъ на западъ; между тѣмъ, какъ имъ гораздо проще было сначала подойти къ Харькову, а потомъ уже къ Донцу. Если же предположить подъ Шаруканемъ нынѣшній Чугуевъ, то опять получится несообразность: русскіе князья отступали отъ Донца, чтобы подойти къ Шаруканю, а Чугуевъ стоитъ на самомъ Донцѣ. Съ другой стороны этимологія мало помогаетъ горю. Городъ Шарукань назывался еще иначе *Чешуевымъ* и *Осеневымъ*; [1]) всѣ эти названія происходятъ отъ именъ половецкихъ хановъ и если имя хана Шарука напоминаетъ намъ Харьковъ, то имя хана Чугая еще ближе подходитъ къ названію Чугуева. Но если и нѣтъ возможности отождествлять половецкаго Шаруканя и нынѣшняго Харькова, то это не противорѣчитъ мнѣнію, что нашъ Харьковъ возникъ на мѣстѣ *какого-то* до-татарскаго города, можетъ быть, половецкаго, *но гораздо вѣроятнѣе, что русскаго*. Есть много косвенныхъ данныхъ предполагать, что граница Переяславскаго и Черниговo-Сѣверскаго княжествъ шла гораздо далѣе на юго-востокъ, чѣмъ это принято думать.

Нынѣшняя Харьковская губ. составляла *боевую границу* русской земли вообще и Чернигово-Сѣверскаго княжества въ частности. Эта догадка высказана П. В. Голубовскимъ въ его диссертаціи „Печенѣги, Торки и Половцы“ и на мой взглядъ заслуживаетъ полнаго вниманія. Въ предѣлахъ нынѣшней Харьк. губ. мы находимъ чернигово-сѣверскіе города Вырь, Вьяхань, Попашъ. Чрезвычайно важнымъ свидѣтельствомъ въ этомъ отношеніи является существованіе въ XII в. *русскаго* города *Донца* на мѣстѣ нынѣшняго Донецкаго городища въ 8 верстахъ отъ Харькова по р. Удамъ, гдѣ теперь село Бабаи. Можно было бы еще болѣе развить это положеніе, но это вывело бы меня за предѣлы намѣченнаго

[1]) См. П. С. Р. Л. т. I, стр. 127—128; Лѣт. по Ип. сп., стр. 204.

мною вопроса и потому я ограничусь только указаніемъ на важнѣйшія данныя въ пользу этого мнѣнія. Слѣдя за походами русскихъ князей въ половецкую землю, мы видимъ, что русская земля простиралась гораздо дальше тѣхъ предѣловъ, которые были назначены лѣтописью славяно-русскому племени—сѣверянамъ; не только на Сулѣ, но и на Послѣ, даже Ворсклѣ, было славянское населеніе. Съ другой стороны, половцы, какъ видно изъ тѣхъ же лѣтописныхъ извѣстій, не имѣли еще своихъ постоянныхъ жилищъ въ бассейнѣ Псла, Ворсклы, Донца съ его притоками—Удами, съ Харьковой и Лопанью, Можью, даже Осколомъ; ихъ зимовища и лѣтовища шли по рр. Орели, Самарѣ, Тору, южному Донцу и Дону.

О существованіи въ этой мѣстности цѣлаго ряда русскихъ городовъ свидѣтельствуетъ масса *городищъ*, расположенныхъ необыкновенно правильно по теченію рѣкъ—Псла, Ворсклы, ея притоковъ Мерла и Коломака, Донца и его притоковъ Удъ и Мжи и образующихъ нѣсколько укрѣпленныхъ линій. Упоминанія объ этихъ городищахъ мы находимъ въ книгѣ Большаго Чертежа и росписи донецкихъ станицъ, относящейся къ XVI ст.; русскія названія многихъ изъ нихъ говорятъ также въ пользу русскаго ихъ происхожденія; по формѣ своей онѣ также должны быть отнесены къ до-татарскому времени: къ литовскому періоду исторіи онѣ не могутъ быть отнесены, въ особенности тѣ, которыя лежатъ дальше на востокъ, потому что литовская колонизація не простиралась такъ далеко.

III.

Харьковъ въ семнадцатомъ столѣтіи [1].

Намъ удалось найти документъ изображающій намъ г. Харьковъ въ 1686 году. Онъ извлеченъ покойнымъ В. П. Масловымъ изъ Московскаго архива министерства юстиціи изаключаетъ въ себѣ обстоятельное описаніе г. Харькова въ XVII в. Правда, въ извѣстномъ сочиненіи Пр. Филарета („Ист. ст. оп. Харьк. еп." отд. 2-е, стр. 7) мы находимъ выдержку изъ описанія Харькова 1662 г., но она состоитъ всего изъ 6 строкъ. Не забудемъ при этомъ, что печатаемое ниже описаніе было составлено всего только 30 лѣтъ спустя послѣ построенія города. Надѣемся, что и этихъ краткихъ указаній достаточно. чтобы понять важное историческое значеніе документа. Но въ эти 225 лѣтъ, которыя насъ отдѣляютъ отъ третьей четверти XVII в., утекло такъ много воды, политическая общественная и домашняя жизнь нашего города на столько измѣнилась, что для пониманія этого документа нужны нѣкоторыя предварительныя разъясненія, которыя мы и постараемся дать; вслѣдъ за тѣмъ мы представимъ состояніе города въ 1686 г. главнымъ образомъ по *данныхъ, заключающимся въ нашемъ документѣ.*

Въ началѣ XVII-го вѣка нынѣшняя Харьковскоя губ. представляла изъ себя, можно сказать, совершенную пустыню: „поля яловыя", гдѣ водились въ изобиліи „звѣри дикіе" да свободно могъ разъѣзжать татаринъ. пробираясь за добычей къ украинскимъ городамъ Московскаго государства, а иногда и къ самой матушкѣ-Москвѣ.

Трудно представить себѣ теперь, какъ часты и опустошительны были тогда эти татарскіе наѣзды для государства, какой громадный неисчислимый вредъ наносили они населенію. Для того, чтобы оградить себя отъ этихъ набѣговъ, Московское правительство предпринимало цѣлый рядъ мѣръ; но главной и наиболѣе существенной изъ нихъ нужно признать построеніе цѣлой линіи укрѣпленныхъ городовъ и организацію особой военной пограничной и сторожевой службы. Такъ выросло нѣсколько пограничныхъ линій-крѣпостей, а въ томъ числѣ и такъ называемаая Бѣлгородская черта, средоточіемъ которой былъ г. Бѣлгородъ (нынѣ уѣздный городъ Курской губ.). Но за этою Бѣлгородскою чертою

[1] Харьк. кал. на 1885-й годъ.

все-таки лежала дикая степь, со всѣхъ сторонъ открытая для вторженія кочевниковъ. Потребовалась новая линія укрѣпленій, потребовались новые служилые люди. Эти новые люди стали являться изъ правобережной и лѣвобережной украины и образовали такъ называемое слободское казачество, въ отличіе отъ малороссійскаго и запорожскаго; они селились хуторами и слободами, откуда и занятая ими территорія получила названіе „Слободской Украины"; кромѣ хуторовъ и слободъ были и города, построеніе которыхъ вызывалось прежде всего оборонительными цѣлями. Впослѣдствіи, когда Слободская Украйна получила внутреннее самоуправленіе и казацкое устройство, пять изъ этихъ городовъ возвысились среди остальныхъ и сдѣлались центральными пунктами пяти слободскихъ полковъ (Харьковъ, Сумы, Ахтырка, Изюмъ и Острогожскъ).

Слободскіе малороссійскіе казаки съиграли очень важную роль въ дѣлѣ защиты Русскаго государства отъ татаръ; въ этомъ отношеніи они только слѣдовали примѣру своихъ братьевъ малороссійскихъ и запорожскихъ казаковъ, которые на своихъ плечахъ выносили всю тяжесть татарскихъ набѣговъ. Казачество такимъ образомъ было необходимымъ явленіемъ тогдашней жизни; мало того, оно, какъ показываетъ примѣръ Слободской Украины, преслѣдовало такія же задачи, какія ставили себѣ сѣверно-европейскія государства—Россія и Польша; и не виновато южнорусское казачество, если Польша не *съумѣла* направить дѣятельность его исключительно только на пользу христіанъ противъ кочевниковъ.

Привлекаемое огромнымъ количествомъ плодородныхъ земель, соціальной и экономической свободой, стекалось въ Слободскую Украину населеніе, отовсюду, гдѣ дали себя почувствовать крѣпостной гнетъ, недостатокъ земли или религіозныя преслѣдованія. Трудно и горько приходилось новымъ поселенцамъ, особенно на первыхъ порахъ; но свобода, очевидно, была милѣе всего и потому край быстро заселялся. Тамъ, гдѣ были однѣ станицы и сторожи, т. е. временныя стоянки станичниковъ, теперь появились укрѣпленные города и слободы; въ лѣсахъ устраивались засѣки; по степнымъ мѣстамъ, гдѣ никто никогда не косилъ травы, зазвенѣли косы и полегла рядами трава, прошолъ плугъ и поднялъ цѣлину, не тронутую, можетъ быть, еще со временъ скиѳовъ-пахарей. Можно ли послѣ этого говорить, что малороссъ не способенъ къ колонизаціи, какъ *дѣлаютъ нѣкоторые*?

Вотъ такую то роль передоваго оплота противъ крымскихъ ордъ игралъ въ XVII в. и Харьковъ. Укрѣпленіе его нужно отнести къ 1656 году, потому что къ этому времени относятся первыя строенныя книги его, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ нашъ документъ. Но въ 1656 г. Харьковъ началъ строиться, т. е. укрѣпляться, самое же посе-

леніе черкасъ въ этомъ мѣстѣ относится къ болѣе раннему времени, правдоподобно къ 1655 году, такъ какъ въ этомъ году переселилась въ Слободскую украйну значительная партія черкасъ. Первоначальная постройка харьковскихъ укрѣпленій принадлежитъ Воину *Селифонтову*, первому Харьковскому великороссійскому воеводѣ. Селифонтовъ управлялъ Харьковомъ три года съ 1656—1659. Преемниками его, какъ видно изъ нашего документа, были слѣдующія лица: 2) *Иванъ Афросимовъ* (1659 и 1660-й годы); 3) *Василій Сухотинъ* (1660-й, 61-й и 62 й); 4) *Еремей Сибилевъ* (1662-й, 63-й, 64-й, и 65-й); 5) *Василій Тарбѣевъ* (1665-й, 66-й и 67-й); 6) *Левъ Сытинъ* (1668-й, 69-й); 7) *Григорій Грецовъ* (1669-й, 1670-й 71-й, 72-й); 8) *Василій Хорошевъ* (1672); 9) *Михаилъ Челищевъ* (1673-й, 74-й, 75-й); 10) *Андрей Щербачевъ* (1675-й, 76-й, 77-й); 11) *Осипъ Корсаковъ* (1677-й, 78-й, 79-й); 12) *Иванъ Масловъ* (1679-й, 80-й, 81-й); 13) *Леонтій Шеншинъ* (1682-й, 83-й).

Въ 1686-мъ году принялъ въ свое завѣдываніе Харьковъ воевода *Василій Сухотинъ*. Всѣ эти воеводы должны были заботиться о городскихъ укрѣпленіяхъ имѣли въ своемъ вѣдѣніи великорусскихъ служилыхъ людей. Укрѣпленіе Харькова въ 1662-мъ году представляется намъ въ такомъ видѣ: „дубовый острогъ съ обломами и съ полостями и съ запасными таранами; ровъ въ ширинѣ и глубинѣ 2 саженей; по стѣнамъ 10 башенъ; 10 пушекъ желѣзныхъ и 1 мѣдная, 402 ядра, 8 свиней свинцу, 8 бочекъ пороху; при Сухотинѣ пристроенъ къ прежнему городу (укрѣпленію) пригородокъ изъ стоячаго дуба, на 240 саженяхъ съ 4 колодцами„. (Ист. стат. оп. Харьк. еп., отд. 2-е, стр. 6—7).

Въ 1686-мъ году, по нашему документу, укрѣпленія Харькова были таковы.

Въ центрѣ нынѣшняго города помѣщалось главное укрѣпленіе—*острогъ* изъ дубоваго лѣса въ полтора сажня высоты; онъ находился на *валу* высотою 1 сажень и шириною—2; въ деревянныхъ стѣнахъ этого острога было устроено нѣсколько глухихъ и проѣзжихъ башенъ—именно 8, а девятыя ворота; отъ названія этихъ башенъ—1) *проѣзжая московская*, 2) въ 52 саженяхъ отъ нея къ р. Харькову выходила *наугольная башня*, что была вѣстовая, 3) въ 55¼ саж. отъ нея находилась *средняя глухая*, 4) въ 52 саженяхъ отъ нея *наугольная*, 5) въ 63 саж. отъ нея *проѣзжая чугуевская* съ воротами, 6) въ 50 саж. отъ нея *наугольная глухая* (отъ р. Лопани) 7) въ 74 саж. отъ нея *глухая* (отъ р. Лопани), 8) въ 50 саж. отъ нея *ворота* (къ р. Лопани), 9) въ 14¼ саж. отъ нихъ *наугольная верхняя* (Лопанская), въ 56¼ саж. отъ нея *проѣзжая московская*. Окружность всей крѣпостной стѣны, какъ мы видимъ

равнялась 466¾ сажнямъ, т. е. менѣе одной версты; очевидно, слѣдовательно, что внутреннее пространство, занимаемое острогомъ, было весьма незначительно. Устройство почти всѣхъ башенъ было одинаково. Высота башни до обламовъ простиралась отъ 3 до 3½ сажень; за тѣмъ слѣдовали обламы высотою около 1 сажня, въ которыхъ устроены были бойницы; потомъ покаты высотою отъ 1-го до 2-хъ сажень; потомъ клѣтка—въ 2½; аршина и, наконецъ, на самомъ верху шатеръ—въ 1 сажень, въ которомъ помѣщался вѣстовой колоколъ. Такимъ образомъ высота башенъ колебалась отъ 7 до 8-ми сажень. Около города (острога) шелъ прежде ровъ въ глубину около 3-хъ сажень, въ ширину—столько же; этотъ ровъ кругомъ былъ укрѣпленъ еще стоячимъ дубовымъ лѣсомъ; потомъ ровъ занесло пескомъ, а дубовый лѣсъ сгнилъ. Къ этому старому городу или крѣпости былъ пристроенъ другой меньшій острогъ, о которомъ, по всей вѣроятности, и говоритъ приведенное нами выше сообщеніе Пр. Филарета. Онъ также состоялъ изъ крѣпостной стѣны, построенной изъ стоячаго дубоваго лѣса, и шести башенъ; возлѣ стѣнъ шелъ ровъ, впослѣдствіи занесенный пескомъ, такъ что только часть его была возобновлена; изъ 6 башенъ обращаютъ на себя наше вниманіе 3 проѣзжихъ—Никольская, Троицкая и Рождественская, названныя, такъ по всѣмъ вѣроятіямъ, по имени церквей, и доселѣ существующихъ; нѣкоторыя стѣны и башни этого острожка пришли въ ветхость и требовали исправленія. Внутри острожка было цѣлыхъ шесть колодцевъ, нужно думать, что и самый острогъ былъ построенъ съ тою цѣлью, чтобы имѣть во всякое время въ изобиліи воду; такъ по крайней мѣрѣ объясняетъ причину построенія острога и нашъ документъ. Если сравнить укрѣпленія Харькова 1686 года съ укрѣпленіями 1662 и 1787 годовъ, то окажется слѣдующее. Крѣпостныя постройки 1686 года ничѣмъ почти не отличаются отъ сооруженій 1662 года; остался неизмѣннымъ даже острожокъ, построенный воеводою Сухотинымъ въ 1662-мъ году. Но съ 1686 по 1787-й годъ городъ постоянно возрасталъ и долженъ былъ раздвигать свои валы; въ 1787 году валъ съ башнями проходитъ уже по нынѣшнимъ Вознесенской и Михайловской площадямъ, хотя впрочемъ самыя церкви оставались еще внѣ крѣпостной стѣны; съ противоположной стороны валъ пересѣкалъ нынѣшнюю Екатеринославскую улицу за Дмитріевской церковью, которая находилась внутри его.

Обратимся теперь къ исчисленію военныхъ запасовъ, хранившихся въ крѣпости.

Желѣзныхъ пищалей (пушекъ)—14, отъ 23 до 48 пуд. каждая; большая часть изъ нихъ прислана изъ Тулы; другія взяты изъ Зміева

во время возстанія Брюховецкаго и къ употребленію не годились; изъ 14 штукъ годныхъ и готовыхъ къ дѣйствію было всего только 7.

Для храненія пороха, или какъ тогда говорили „зелья", устроенъ былъ пороховой погребъ и въ немъ хранилось его 22 пуда 9 грив., свинцу— 21 п. 20 гр. Всѣ документы содержались въ особомъ сундукѣ въ приказной избѣ. Въ описаніи Василія Сухотина всѣ эти документы исчисляются самимъ тщательнымъ образомъ. Здѣсь мы находимъ всевозможныя книги— строенныя, имянныя харьковскихъ черкасъ, смѣтныя, переписныя оброчныхъ мельницъ. шинковъ, пивныхъ и винныхъ котловъ, русскихъ служилыхъ людей и черкасъ, разборныя всякого чина великорусскихъ людей, отказныя (на землю), межевыя, приходо-расходныя неокладныхъ сборовъ, четвериковаго хлѣба, пороху и свинцу и др.; но кромѣ книгъ были еще царскія грамоты, отписки, памяти и отпуски воеводъ, челобитчиковы дѣла и нѣк. другія. Интересно, что дѣла о надѣленіи помѣстной землей относятся исключительно къ великорусскимъ служилымъ людямъ. Всѣ эти бумаги являются результатомъ дѣятельности харьковскихъ воеводъ. Довольно трудно было, на основаніи существующаго матеріала, опредѣлить права и обязанности воеводъ въ слободскихъ городахъ. Но въ нашемъ распоряженіи имѣется одинъ любопытный документъ (изъ того же Московскаго архива Министерства юстиціи), который даетъ на этотъ вопросъ ясный и положительный отвѣтъ; это инструкція, данная въ 1688 году Харьковскому воеводѣ Семену Дурново. Главною обязанностью воеводы была забота о безопасности города; онъ долженъ былъ наблюдать за караулами въ самомъ городѣ и посылать разъѣзды въ степь „чтобъ татаровя и воры черкасы къ Харькову безвѣстно не пришли и людей не побили и въ полонъ не поимали и конскихъ и животинныхъ стадъ не отогнали" Сторожа и станичники должны были немедленно давать знать о появившихся непріятельскихъ отрядахъ воеводѣ, который, въ виду незначительныхъ партій, могъ самъ выходить противъ нихъ, сославшись съ сосѣдними воеводами; „распросныя рѣчи" должны были немедленно отсылаться къ Бѣлгородскому воеводѣ; а вѣдомости объ убитыхъ, раненныхъ и безвѣстно пропавшихъ въ Московскій Приказъ; для разъѣздовъ воевода долженъ былъ выдавать служилымъ людямъ порохъ и свинецъ изъ Государевой казны и всякую выдачу аккуратно записывать въ книги; ключи отъ пороховаго погреба, крѣпости и острожка хранились у него; всякихъ прохожихъ людей воевода долженъ былъ подвергать самому строгому опросу; бѣглыхъ крестьянъ и служилыхъ людей ни подъ какимъ видомъ не принимать; даже вольныхъ людей и черкасъ нельзя было принимать безъ предварительныхъ сношеній съ боярами и воеводами; на его обязанности лежала также полицейская власть въ городѣ.

Такимъ образомъ воевода имѣлъ военную, полицейскую и отчасти судебную власть. Но эту власть онъ долженъ былъ раздѣлять съ выборною казацкою старшиною—полковниками и полковою радою. Въ непосредственной зависимости отъ него находились только великороссійскіе служилые люди.

Военное населеніе Харькова складывалось изъ двухъ элементовъ—великороссійскаго и малороссійскаго. Всѣхъ служилыхъ великороссіянъ съ ихъ дѣтьми и свойственниками было 977 человѣкъ; а малороссіянъ „пашенныхъ городовыя службы“ съ ихъ дѣтьми и свойственниками—1366 чел. Этими цифрами впрочемъ не исчерпывалось все населеніе Харькова, ибо тутъ нѣтъ указаній на духовенство, казацкую старшину и мѣщанъ, а равнымъ образомъ, какъ кажется, приняты во вниманіе даже не всѣ казаки. Интересна была жизнь этихъ „пашенныхъ“ казаковъ, исполненная военныхъ приключеній и опасностей. Любопытна въ этомъ отношеніи извѣстная уже намъ инструкція Харьковскому воеводѣ. Такъ говорится; „и ему Семенѣ (воеводѣ) тѣхъ людей (казаковъ) на пашни и на сѣнные покосы и для всякихъ дѣлъ отпускать за крѣпостьми, смотря по вѣстямъ и по тамошнему дѣлу не малыми людьми (т. е. большими партіями) и велѣть имъ отъ татарскаго приходу береженье держать большое, чтобъ ихъ на пашняхъ и на сѣнныхъ покосахъ и въ дорогѣ татаровья не побили и въ полонъ не поимали, а были-бъ они всѣ съ пищальми и со всякими бои и около пашень и сѣнныхъ покосовъ держали отъѣзжіе сторожи“... Вотъ какую опасную жизнь проводили Харьковцы въ 1686 году!

IV.

Изъ прошлаго Святогорскаго монастыря [1].

Монастыри стараго времени играли видную роль въ дѣлѣ колонизаціи и сельско хозяйственной культуры различныхъ областей нашего отечества. Такую же роль они играли и въ исторіи Слободской украйны. Одни изъ нихъ были основаны монахами, вышедшими изъ Заднѣпровской Украйны, бывшей тогда подъ властью Польши; другіе были обязаны своимъ происхожденіемъ ревности и усердію мѣстнаго населенія—простого казачества и старшины. Подобно первымъ городкамъ и острожкамъ, и первые Харьковскіе монастыри основывались на татарскихъ путяхъ, въ дикомъ полѣ, за чертою постоянныхъ русскихъ владѣній. Отшельники, удалившіеся изъ Польши отъ религіозныхъ преслѣдованій, на лонѣ чудной южной природы, могли отдохнуть отъ тѣхъ бурь, которыя имъ приходилось испытывать на родинѣ. И нужно отдать честь ихъ эстетическому вкусу—они выбирали дѣйствительно самыя красивыя мѣста. На этихъ монастыряхъ лежала великая нравственная обязанность—удовлетворять религіознымъ потребностямъ тѣхъ русскихъ людей, которые посвящали свою жизнь борьбѣ съ кочевыми татарами и потому должны были проводить свои дни въ степяхъ, вдали отъ своихъ приходскихъ церквей, это были по большей части сторожа и станичники, несшіе, такъ называемую, сторожевую и станичную службу, т. е. постоянно разъѣзжавшіе по степи и наблюдавшіе въ ней за татарами. Такимъ образомъ, монастыри имѣли *своеобразный приходъ*, который превышалъ по своему пространству территорію какого-нибудь маленькаго государства Европы. Вмѣстѣ съ тѣмъ они же принимали на свое попеченіе раненыхъ, больныхъ, увѣчныхъ и такъ называемыхъ „полоняниковъ“, т. е. русскихъ выходцевъ изъ крымской неволи; а извѣстно, какъ часты и опустошительны были въ то время набѣги крымцевъ и какая масса русскихъ людей попадала въ плѣнъ въ качествѣ добычи и живого товара, отправляемаго потомъ на европейскіе и азіатскіе рынки. Условія тогдашней жизни дѣлали то, что монахи, ставившіе своей задачей удаленіе отъ жизни, на самомъ дѣлѣ не порывали съ ней связей, а наоборотъ принимали живое участіе въ политическихъ и военныхъ событіяхъ

[1] Харьк. Губ. Вѣд. 1894 № 210.

и тѣмъ приносили пользу и государству, и народу; такъ было въ домонгольскій періодъ нашей исторіи, такъ было и въ XVI—XVII в. Всѣ они до извѣстной степени представляли изъ себя крѣпости и были снабжены пушками, затинными пищалями, порохомъ и свинцомъ; нерѣдко они передавали свѣдѣнія правительству о появленіи въ ближайшихъ окрестностяхъ татаръ; нерѣдко они должны были отсиживаться за своими крѣпкими стѣнами отъ татарскихъ полчищъ и воровскихъ людей; нерѣдко эти воины—монахи сами попадали въ татарскій полонъ. Таково было положеніе украинскихъ монастырей въ XVII в. Въ XVIII вѣкѣ оно значительно измѣняется. Опасность отъ татаръ замѣтно уменьшилась; въ ближайшемъ сосѣдствѣ возникло много городковъ; монастыри, которые прежде были за „чертою“ теперь очутились въ чертѣ поселеній. На первый планъ теперь у нихъ выступаетъ забота о матеріальномъ обезпеченіи братіи. Они стараются пріобрѣсти какъ можно болѣе земель, а главное расчистить эти земли и заселить ихъ крестьянами. Слѣдуя примѣру свѣтскихъ владѣльцевъ-помѣщиковъ, монастыри „закликаютъ на слободы“ рабочихъ людей, пользовавшихся еще въ то время правомъ вольнаго перехода и въ концѣ концовъ, со введеніемъ крѣпостнаго права въ Слободской Украйнѣ (въ царствованіе Екатерины II-й), оказываются владѣльцами значительнаго числа крѣпостныхъ; но секуляризація церковныхъ имуществъ освободила ихъ отъ этихъ богатствъ: они лишились и земель и крѣпостныхъ людей.

Такова же въ общихъ чертахъ была и судьба Святогорскаго монастыря. Прежде всего насъ поражаетъ въ немъ красота мѣстоположенія. Нѣсколько разъ я бывалъ въ этомъ монастырѣ и всегда съ одинаковымъ восторгомъ смотрѣлъ на величественную панораму, открывающуюся моему взору съ мѣловыхъ конусовъ, гдѣ воздвигнутъ храмъ, и чувствовалъ невольный трепетъ, вспоминая, что вся эта постройка пріютилась на непрочномъ мѣловомъ грунтѣ. Вы стоите на самомъ возвышенномъ пунктѣ праваго нагорнаго берега Донца, а тамъ, на лѣвой его сторонѣ, раскинулись на огромномъ пространствѣ, какое не въ состояніи даже охватить глазъ, лугъ и лѣсъ. Святыя Горы, господствуя надъ Донецкимъ берегомъ, являлись неприступною естественною твердыней. Первое письменное свидѣтельство о *Святыхъ Горахъ* относится къ началу XVI вѣка. Русскіе сторожа и станичники разсказывали Герберштейну (послу германскаго императора), что недалеко отъ устьевъ Малаго Танаиса (Донца), въ 4-хъ дняхъ пути отъ Азова, близъ мѣста Великій перевозъ, у Святыхъ горъ, они видѣли статуи и какія-то каменныя изображенія. Очевидно, дѣло идетъ здѣсь о мѣловыхъ конусахъ, которые ѣдущимъ по Донцу могли показаться каменными фигурами. Монастыря здѣсь въ это время еще не было,—иначе о немъ навѣрное упомянули бы лица, сообщившія это свѣ-

дѣніе Герберштейну. Но самое названіе „Святыя горы“ говоритъ въ пользу того, что здѣсь нѣкогда былъ монастырь или церковь и, правдоподобнѣе всего, онъ былъ тутъ еще въ до-монгольскій періодъ нашей исторіи, потому что въ XIV и XV вв., послѣ татарскаго погрома, хозяевами всей южной окраины сдѣлались татары, между тѣмъ, какъ до половины XIII ст. здѣсь были оазисы русскаго населенія. Время основанія въ „Святыхъ горахъ“ монастыря въ точности неизвѣстно. Въ хранящемся и теперь въ монастырской ризницѣ „Синодикѣ“ прямо сказано. „понеже начала сей Святогорской обители, кто оное святое пустынное жительство изобрѣлъ и въ горѣ сей святую церковь и келіи устроилъ и началъ жительствовати, за многими татарскими нахожденіи и разоренiи, особенно же за частыми перемѣнами прежде бывшихъ строителей, потомъ игуменовъ и архимандритовъ, здѣ, во святой обители *не обрѣтохомъ*“, то разскажемъ о первоначальной исторіи его по жалованнымъ царскимъ грамотамъ. И вотъ первое достовѣрное свѣдѣніе о Святогорскомъ монастырѣ относится къ 1624 году. Въ этомъ году игуменъ Симеонъ съ братіею получилъ отъ царя Михаила Ѳеодоровича грамоту, которая имъ предоставляла хлѣбное жалованье. Въ это время Святогорскій монастырь былъ самымъ передовымъ русскимъ поселеніемъ въ степи; онъ стоялъ *за чертою* русскихъ владѣній, можно сказать, уже въ татарской степи. Г. Цареборисовъ (нынѣ мѣст. Цареборисовка въ Изюмскомъ уѣздѣ) тогда временно запустѣлъ, а Чугуевъ былъ основанъ нѣсколько позже; ближайшимъ къ нему пунктомъ былъ городъ Валуйки, но и онъ отстоялъ отъ него на разстояніи болѣе сотни верстъ. Неудивительно, что онъ долженъ былъ превратиться, при такихъ условіяхъ, въ своего рода крѣпость. И дѣйствительно, въ немъ были пушки и разныя укрѣпленія (одна изъ пушекъ и теперь еще хранится на монастырскомъ дворѣ). Еще во время путешествія академика Гюльденштедта, Святогорскій монастырь былъ обнесенъ стѣною. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ въ немъ постоянно проживали служилые люди. Начальники ихъ принимали здѣсь „татарскихъ полоняниковъ“, распрашивали ихъ „о вѣстяхъ“ и отпускали на сѣверъ въ „города“; такія „отписки“ отправляли сверхъ того и сами настоятели монастыря. Необходимость содержанія военной стражи вызывалась постоянною опасностью со стороны татаръ и разнаго рода „воровскихъ“ людей. Въ 1679 году татарамъ удалось разграбить и разорить Святогорскій монастырь и увести въ плѣнъ архимандрита Іоиля съ братіею. Благодаря своему сосѣдству съ крымцами, Святогорскій монастырь страдалъ сильно и еще отъ одного, но уже стихійнаго, бѣдствія— именно чумы, которая обыкновенно шла къ намъ съ юга; и опустошенія этой незванной гости были подчасъ не менѣе значительны, чѣмъ та-

тарскіе погромы. Между тѣмъ, несмотря на такія неблагопріятныя условія жизни, монастырь гостепріимно открывалъ свои двери передъ всѣми, кто нуждался въ нравственной и матеріальной его помощи. И нравственное вліяніе его было столь велико, что даже „воровскіе черкасы", т. е. казаки, занимавшіеся степнымъ разбоемъ, являлись туда покаяться, исповѣдаться и пріобщиться св. Таинъ Христовыхъ—и только правительство, опасаясь измѣны съ ихъ стороны, запретило въ 1674 г. принимать ихъ въ обитель. Вмѣстѣ съ тѣмъ монастырь являлся своего рода богадѣльней, гдѣ находили себѣ пріютъ раненые, дряхлые, увѣчные.

Въ XVIII вѣкѣ жизнь монастыря сдѣлалась гораздо спокойнѣе. Въ это время на первый планъ выступаютъ мирные сельско-хозяйственные интересы. Кромѣ денежнаго и хлѣбнаго жалованья правительство пожаловало монастырю огромное количество земельныхъ угодій. Для того, чтобы дать нѣкоторое понятіе о размѣрахъ этого пожалованія, я только замѣчу, что они тянулись по обоимъ берегамъ р. Донца и простирались въ длину *на 50 верстъ*. Впослѣдствіи времени эти владѣнія, съ постройкою новыхъ городовъ и заселеніемъ края, значительно сократились и передъ секуляризаціей церковныхъ имуществъ монастырю принадлежало всего только 27000 десятинъ земли съ лѣсомъ и всяческими угодьями. Но эти земли представляли изъ себя тогда уже не дикую степь, а мѣстность, гдѣ кипѣла хозяйственная дѣятельность, гдѣ жило 2000 человѣкъ подданныхъ, принадлежавшихъ монастырю. Этихъ подданныхъ монастырь привлекъ на свои земли обѣщаніемъ всяческихъ льготъ и они, дѣйствительно, первое время пользовались ими въ качествѣ „слобожанъ", но потомъ въ 1783 г., по указу Императрицы Екатерины II-й, они лишились права вольнаго перехода и обратились въ крѣпостныхъ; во время секуляризаціи церковныхъ имѣній въ 1788 г. они были отобраны въ казну и самый монастырь упраздненъ. Возстановленіе Святогорской обители состоялось въ 1844 году, такъ что въ 1894 году, 15 августа, празднуется 50-тилѣтній юбилей этого знаменательнаго для монастыря момента, начавшаго новую эпоху въ его исторической жизни.

Въ ризницѣ монастыря мы видѣли не мало предметовъ, весьма цѣнныхъ какъ въ денежномъ, такъ и въ историческомъ отношеніи. Есть масса церковныхъ облаченій, украшенныхъ драгоцѣнными камнями и пожертвованныхъ разными лицами; тутъ огромное количество жемчугу, брилліантовъ, алмазовъ, топазовъ, яхонтовъ... Есть пожертвованія отъ Высочайшихъ Особъ, митрополитовъ и другихъ высокопоставленныхъ лицъ. Но всѣ эти пожертвованія по большой части относятся къ послѣднему пятидесятилѣтію въ жизни монастыря, а меня, какъ историка, интересовала болѣе сѣдая старина; мнѣ хотѣлось видѣть предметы XVII и

XVIII вв.; и такіе дѣйствительно оказались. Они не бросаются въ глаза; на нихъ не останавливается долго вниманіе посѣтителей ризницы; они даже нигдѣ еще не были описаны съ научной точки зрѣнія; но для меня они представляли глубокій интересъ, потому что частью напоминали, а частію и дополняли мои свѣдѣнія о прошломъ монастыря. Наиболѣе достопримѣчательною вещью является «*Синодикъ*» Святогорскаго монастыря, носящій слѣдующее заглавіе: „Синодикъ или поминовеніе всякаго чина отъ вѣка преставльшихся отецъ и братій, родителей и сродникъ, списася въ монастырѣ Святогорскомъ тщаніемъ в. г. в в. въ року 1710 мѣсяца іюля 29 дня“. Здѣсь нельзя не отмѣтить авторской скромности составителя Синодика, скрывшаго свое имя подъ иниціалами, разгадать которыхъ мы не въ состояніи. Начало «Синодика“, говорящее о времени основанія монастыря, мы привели уже выше; затѣмъ слѣдуютъ выписки изъ царскихъ жалованныхъ грамотъ, дающихъ достовѣрныя свѣдѣнія о первоначальной исторіи монастыря. Но все это, такъ сказать, историческое введеніе, самый же Синодикъ начинается съ общихъ размышленій о религіозномъ значеніи поминовенія, а затѣмъ слѣдуютъ и имена тѣхъ лицъ, которыя поминались въ Святогорскомъ монастырѣ Списки всѣхъ этихъ лицъ и составляютъ основное содержаніе синодика; въ этомъ и его историческій интересъ: онъ служитъ важнымъ матеріаломъ для *генеалогіи*. Сперва идутъ имена русскихъ патріарховъ, митрополитовъ, затѣмъ государей (начиная съ Іоанна Васильевича Грознаго), древнихъ великихъ князей, благовѣрныхъ царицъ (начиная съ супруги Грознаго Анастасіи), великихъ княженъ (начиная съ бабки Владимира Ольги); далѣе отдѣльно перечисляются дѣти царя Іоанна, Алексѣя Михайловича, поименовываются б. цари казанскіе (Симеонъ, Алексѣй), царь Борисъ съ семействомъ, Бѣлгородскіе митрополиты и архіереи въ нисходящемъ порядкѣ; потомъ перечисляются уже роды мѣстныхъ уроженцевъ и дѣятелей, какъ свѣтскаго, такъ и духовнаго чина; таковы роды іеромонаха Семіона Высочинскаго, намѣстника и постриженца Святогорскаго, схимонаха Василія, іеродіакона Діонисія, архимандрита Іоиля Озеранскаго, архим. Василія Василевскаго. архим. Іосифа, іеромонаха Іоанникія, архим. Арсенія Заруднаго, Митрополита Бѣлгородскаго и Обоянскаго Мисаила, схимонаха Ивана Гудимова и многихъ другихъ еще іеромонаховъ, монаховъ, іеродіаконовъ Святогорскихъ; изъ болѣе извѣстныхъ историческихъ дѣятелей перечисляются роды — болярина Петра Матвѣевича Апраксина, стоявшаго во главѣ всѣхъ войскъ Украины въ 1713—1714 г., [1]) боярина Бориса Петровича Шереметева, Алексѣя Семеновича

[1]) Между прочимъ сохранился любопытный ордеръ Апраксина о выдачѣ изъ его Салтовской маетности братіи Святогорскаго мон. денежнаго и хлѣбнаго жалованья.

Шеина, кн. Григорія Афанасьевича Козловскаго; но особенно интересны для насъ свѣдѣнія о родахъ мѣстныхъ выдающихся дѣятелей, большая часть которыхъ занесена въ Синодикъ, таковы: Харьковскіе полковники Григорій Ерофеевичъ Донецъ—Захаржевскій, Ѳедоръ Володимировичъ Шидловскій, Сумской полковникъ Андрей Герасимовичъ Кондратьевъ, Ахтырскій полковникъ Иванъ Ивановичъ (очевидно Перекрестовъ), Харьковскій сотникъ Константинъ Ивановичъ Ковалевскій, Харьковскій полковой писарь Высочинъ житель Харьковскій панъ Логинъ; наконецъ, тутъ же мы найдемъ данныя и для генеалогіи менѣе замѣтныхъ лицъ—священниковъ, сотниковъ, купцовъ, ростыхъ обывателей. Такимъ образомъ, изъ настоящаго памятника можно было бы извлечь не мало данныхъ для исторіи нашего края и нельзя не выразить пожеланія, чтобы извлеченія изъ него были гдѣ-нибудь напечатаны, такъ какъ имъ пользовался до сихъ поръ въ сущности только одинъ преосв. Филаретъ (въ своемъ Историко-Стат. опис. Харьк. епархіи). Изъ другихъ старинныхъ памятниковъ отмѣтимъ серебряный позолоченный крестъ *1682 года,* сдѣланный при строителѣ монастыря черномъ старцѣ Корниліи; на немъ имѣются надписи и съ лицевой, и съ обратной стороны; первая гласитъ: „Кресту твоему поклоняемся, владыко, и святое воскресеніе твое поемъ и славимъ“ и далѣе: „раздѣлиша ризы моя“ и т. д.; надпись на обратной сторонѣ начинается такъ: „лѣта 190 году въ 16-й день построихся крестъ сей серебряный Святогорскаго монастыря“... Къ тому же, вѣроятно, времени относится и оловянный потиръ; нѣсколько болѣе поздняго происхожденія кипарисное изображеніе двунадесяти праздниковъ въ серебряной оправѣ и бархатномъ переплетѣ съ 3 растворами; это даръ Троицко-Сергіевской лавры; на немъ читается надпись, опредѣляющая его хронологію: „лѣта 7206 (1698 г.) мѣсяца іануарія, 20-й день, сіе моленіе дому Пресвятыя Тройцы ризничего, чернаго іеродіакона Корнилія; С. Д. Х.; въ немъ вмѣсто стекла слюда. Къ тому же времени относится и евангеліе, отпечатанное въ 7205 г. (т. е. въ 1697 году). На немъ имѣется по листамъ любопытная надпись жертвователя слѣдующаго содержанія: „во имя отца и сына и святаго духа амѣнь“. Отмѣнилемъ сію книгу, глаголемое святое евангеліе, за отпущеніе грѣховъ родичовъ моѣхъ и дѣтей моѣхъ и отдано отцу Гавріѣлу Липпицкому попу до рукъ ему за сорокоустъ за сѣмь душъ, жебы Бога прохалъ за живыхъ и за мертвыхъ. Отдано вѣчними часи и мнѣ Стефану въ тую книгу не вспоминатися, не женѣ моей Тетиянѣ, нѣ дѣтемъ моѣмъ, ни родичамъ моѣмъ, нѣ близкимъ, нѣ далекимъ, вѣчними часы, не упоминатися!... а хто бы маетъ отдаляти, нехай будетъ проклятъ, анаѳема, року 1702 г.“. Какимъ наивнымъ, но искреннимъ глубокимъ чувствомъ

проникнутъ текстъ этой надписи, любопытной сверхъ того и по своему языку, и по своему правописанію.

Зашло солнце. Гдѣ то далеко бушевала гроза: молніи то и дѣло перерѣзывали небо, но грома не было слышно. Мы рѣшились поторопиться и оставить гостепріимный кровъ монастыря. Я бросилъ прощальный взглядъ на монастырскія зданія, на пріютившуюся въ мѣловыхъ скалахъ церковь, на густой лѣсъ, покрывавшій весь правый нагорный берегъ и наконецъ, на лѣвую низменную сторону Донца; тамъ теперь въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ монастыремъ настроено множество дачъ причудливой архитектуры и пріѣзжающіе туда со всей Россіи посѣтители пользуются всѣми удобствами дачной жизни—тутъ и купальня съ гимнастикой (почти прямо противъ „Святой горы"), тутъ и курзалъ, тутъ и теплыя ванны, и газеты, и рестораны, и аптека; а подлѣ этого аристократическаго уголка пріютился демократическій; тамъ уже идутъ приготовленія къ предстоящей вскорѣ Успенской ярмаркѣ; на открытомъ воздухѣ варятся и пекутся кушанья, соблазняя своимъ ароматомъ проходящихъ богомолокъ.

И невольно я сопоставилъ настоящее съ прошлымъ. Что осталось отъ этого прошлаго? Только одинъ Донецъ спокойно несетъ свои воды въ тихій Донъ—да и тотъ обмелѣлъ, запруженъ кое-гдѣ плотинами и не плаваютъ по немъ, какъ прежде нѣкогда, будары: только высятся каменные утесы-великаны—краса Святогорья, да синѣетъ чудный сосновый лѣсъ, который, впрочемъ, вырубается цѣлыми тысячами десятинъ.

V.

Краткій историческій очеркъ торговли (преимущественно ярмарочной) въ Слободской украйнѣ въ XVII и XVIII вв. [1])

Исторія южнорусской торговли ожидаетъ еще своего изслѣдователя. Это будетъ такой же важный и любопытный трудъ, какъ и „Очеркъ торговли Москов. Госуд. въ XVI и XVII ст.“ Н. И. Костомарова. Въ настоящее же время по этому вопросу нельзя указать не только на какое нибудь спеціальное сочиненіе, но даже и на журнальныя статьи. Между тѣмъ и въ доселѣ изданныхъ источникахъ можно было бы подобрать кое-какой матеріалъ, чтобы намѣтить по крайней мѣрѣ первоначальную историческую канву. Особенно чувствительнымъ оказывается такой пробѣлъ при занятіяхъ исторіей Слободской Украйны, т. е. нын. Харьковской губ. Нашъ край и въ особенности центральный пунктъ его городъ Харьковъ обязанъ своимъ нынѣшнимъ значеніемъ, главнымъ образомъ, развитію торговой дѣятельности. Отсюда понятно, почему изслѣдователь современной ему харьковской торговли И. С. Аксаковъ нуждался въ нѣкоторыхъ историческихъ справкахъ и сдѣлалъ въ своей книгѣ краткій историческій очеркъ торговли на украинскихъ ярмаркахъ. Здѣсь авторъ высказалъ нѣсколько остроумныхъ и любопытныхъ соображеній, которыя потомъ повторялись всѣми и сдѣлались какъ бы общимъ мѣстомъ. Соображенія И. С. Аксакова объ отсутствіи въ Южной Россіи городскаго быта и купеческаго класса въ основѣ вѣрны, но требовали бы болѣе фактической мотивировки и нѣкоторыхъ ограниченій. Но такой работы и не могъ принять на себя не историкъ, а изслѣдователь современнаго быта. И. С. Аксаковъ былъ совершенно правъ, когда писалъ; „къ сожалѣнію, малороссійскіе историки слишкомъ славолюбивы и мало обращаютъ вниманія на эту сторону малороссійской жизни; для нихъ военные подвиги казачества заслоняютъ исторію внутреннихъ судебъ малороссійскаго народа“ [2]). Правда, послѣ этого появилось два труда по исторіи южнорусскихъ городовъ (проф. В. Б. Антоновича и М. Ф. Владимірскаго—Буданова), но они относятся исключительно къ территоріи юго-зап. края и не касаются Лѣвобережной и Слободской Украинъ, которыми исклю-

[1]) Харьковскій сборникъ 1888 года.

[2]) И. С. Аксаковъ. Изслѣдов о торговлѣ на Укр. ярмаркахъ. Спб. 1858 г., стр. 3.

чительно занимался И. С. Аксаковъ. Такимъ образомъ, и въ настоящее время еще не заполненъ тотъ пробѣлъ, на который ровно 30 лѣтъ тому назадъ указывалъ Иванъ Сергѣевичъ. Въ виду всего этого мы рѣшаемся выступить съ небольшой работой о Слободско-украинской торговлѣ (преимущественно ярмарочной) въ XVIII и отчасти XIX столѣтіи. Наша статья будетъ первой по исторіи Слободско-Украинской торговли и потому къ ней не слѣдуетъ предъявлять очень строгихъ требованій. Во всякомъ случаѣ ее будетъ характеризировать новизна фактическихъ данныхъ. Мнѣ удалось найти нѣсколько любопытныхъ архивныхъ документовъ, изъ которыхъ я и позаимствовалъ свои свѣдѣнія; таково „Описаніе городовъ и знатныхъ мѣстечекъ въ провинціяхъ Слоб. губ. (1767—1773 гг.“ [1]), таковы описанія городовъ и мѣстечекъ, доставленныя въ Екатерининскую ком. для составленія проекта новаго уложенія (1768—1769 г. [2]), таково, наконецъ, подробное, обстоятельное извѣстіе обо *всѣхъ* ярмаркахъ Слободско-Укр. губ. (1779 и 1780 гг.) [3]). Нечего и прибавлять, что я воспользовался также и всѣмъ печатнымъ матеріаломъ, именно—обстоятельными данными „Топ. Опис. Харьк. Нам.“, изд. въ 1788 г., „Путешественными записками Василія Зуева“ и „Сбор. Имп. Рус. Ист. Общ.“, гдѣ помѣщены протоколы засѣданій Екатер. ком. и приведены, между прочимъ. рѣчи Харьковскихъ депутатовъ.

Слободская украйна только съ половины XVII в. стала прочно заселяться вышедшими изъ Польши черкасами, т. е. малороссіянами. Во второй половинѣ XVII ст. здѣсь уже образовалось 5 слободскихъ полковъ, которые захватывали также и часть сосѣдней Курской и Воронежской губ. Эти послѣднія заселились раньше Харьковской и при томъ главнымъ образомъ великоруссами; въ Слободскихъ полкахъ также были великорусскіе поселенцы, но сравнительно въ незначительномъ количествѣ. Великорусская колонизація шла съ сѣвера, малорусская съ запада. Въ Харьковской, Воронежской и Курской губ. эти колонизаціонныя теченія сталкивались и въ результатѣ являлась своеобразная смѣсь народностей. Такъ какъ это былъ край вновь заселяемый, лежавшій на самомъ рубежѣ русскихъ владѣній съ татарскими степями, то здѣсь долго не могли получить свободнаго развитія мирныя культурныя занятія—промыслы и торговля. Всѣ силы свои и энергію мѣстное населеніе должно было обращать на оборону и заселеніе края. Сначала

[1]) Харьковскій Истор. Архивъ. Дѣла Губ. Канц. № 480.
[2]) Харьковскій Истор. Архивъ. Дѣла Губ. Канц № 238.
[3]) Харьковскій Истор. Архивъ Дѣла Губ. Канц. №№ 557 и 609.

украинное положеніе занимали Курская и Воронежская области, а потомъ онѣ перешли на болѣе мирное положеніе, а ихъ мѣсто заняла Слободская, украйна. Съ окончательнымъ умиротвореніемъ Курскаго и Воронежскаго края (съ Петра Вел.), тамъ сильно развилась торговля, центральнымъ пунктомъ которой сдѣлались гг. Курскъ и Воронежъ. Торговля эта находилась въ рукахъ отдѣльной группы населенія—купцовъ. Уже въ половинѣ XVII ст. мы находимъ въ этихъ городахъ сравнительно очень большое количество посадскихъ, т. е. торговыхъ, промышленныхъ и ремесленныхъ людей [1]). Воронежъ обязанъ торговымъ значеніемъ главнымъ образомъ своему географическому положенію у Донскаго воднаго пути и находился въ тѣснѣйшей связи съ землею Войска Донскаго. Воронежцы скоро сдѣлались естественными посредниками въ такъ называемыхъ донскихъ отпускахъ и торгахъ; Курскъ же тянулъ болѣе къ югу и юго-зап., къ Донецкому и Днѣпровскому бассейнамъ. Кромѣ самаго Курска, гдѣ было много купцовъ, въ его области находилась знаменитая своей ярмаркой Коренная пустынь. Хотя о началѣ этой ярмарки мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній, но изъ одного указанія [2]) видно, что она существовала уже въ началѣ XVII ст. Началась она так. образомъ: въ пустынь стекалась масса богомольцевъ; въ виду этого окрестные помѣщики стали приводить сюда для продажи лошадей, а купцы привозить товары, необходимые для помѣщиковъ. Великорусское населеніе Курской и Воронежской областей переселялось въ Слободскую украину и независимо отъ того должно было съ теченіемъ времени завести съ ней торговыя связи. Въ Слободской украйнѣ не было особаго купеческаго сословія и потому тамъ могли имѣть успѣхъ великорусскіе купцы старыхъ русскихъ украинныхъ городовъ. Но это движеніе великорусскаго купечества въ Харьк. губ. относится уже къ XVIII ст.

На первыхъ порахъ дѣло происходило нѣсколько иначе. Харьковская губ., какъ мы сказали выше, заселилась главнымъ образомъ выходцами изъ право—и лѣвобережной Малороссіи. Переселенцы принесли съ собою на новую родину зачатки ремесленной, промышленной и торговой дѣятельности. Сюда переселялись мѣщане правобережныхъ городовъ и мѣстечекъ, пользовавшіеся нерѣдко магдебурскимъ правомъ и разными торговыми льготами; да и казаки, населявшіе слободы и хутора, какъ видно изъ актовъ того времени, вели значительную внутреннюю торговлю (напр. рыбой). Это не были купцы въ настоящемъ смыслѣ этого слова: при томъ и невозможно было имъ предаться исключительно мирнымъ торговымъ занятіямъ, такъ какъ всякій переселенецъ долженъ былъ при-

[1]) Въ Воронежѣ было въ 1678 г. 20% посад. людей, а въ Курскѣ—43%.
[2]) Ларіонова. Опис. Кур. Нам., стр. 56.

нимать такое или иное участіе въ оборонѣ края отъ татаръ, въ постройкѣ укрѣпленій и т. п. Въ этомъ отношеніи масса населенія еще не дифференцировалась и представлялась довольно однообразной. Правда, документы различаютъ до извѣстной степени полковыхъ казаковъ отъ мѣщанъ или казаковъ городовой службы; но льготами относительно промысловъ и торговли пользуются и тѣ, и другіе въ одинаковой степени. Здѣсь нельзя не отмѣтить одного чрезвычайно важнаго обстоятельства. Въ самый первый моментъ своего поселенія новоприхожіе малороссіяне ходатайствуютъ о дарованіи имъ разныхъ торговыхъ льготъ Еще въ царствованіе Михаила Ѳедоровича Чугуевскіе черкасы получили право ходить на Донъ (конечно, для промысловъ и торговли); къ нимъ могли пріѣзжать литовскіе и русскіе купцы и вести безпошлинную торговлю [1]). При Алексѣѣ Михайловичѣ, какъ извѣстно, центральное правительство еще болѣе увеличило льготы для переселенцевъ: ихъ осадчіе получали льготныя грамоты, которыми предоставлялась новымъ поселенцамъ свободная и безпошлинная торговля. Въ одной изъ такихъ грамотъ на имя коломацкаго атамана Е. Михайлова (1680 г.) упоминается уже о ярмаркахъ: „Да въ томъ же новопостроенномъ городку Коломаку торговать имъ самимъ и съ ними же въ новопостроенномъ городѣ и по *ярмаркамъ* пріѣзжимъ людямъ торговать всякими товарами безпошлинно“ [2]). Такія частныя привиллегіи скоро были обобщены въ жалованныхъ грамотахъ, выдававшихся цѣлымъ полкамъ. Этими грамотами (начиная съ 1669 г.), предоставляется имъ чрезвычайно важная льгота—свободная продажа выкуриваемаго ими вина. Чтобы понять значеніе этой привиллегіи, достаточно вспомнить, что въ Московскомъ государствѣ въ это время господствовала казенная продажа вина; такимъ образомъ, слобожане получили возможность пріобрѣтать значительные доходы отъ хлѣбопашества; остатокъ хлѣба они перекуривали въ вино, такъ какъ продавать его не было никакой возможности; свобода винокуренія и продажа питей была предоставлена имъ въ качествѣ „старинной черкасской обыкности“, т. е. обычая, вынесеннаго еще изъ первоначальнаго мѣста жительства; этими же грамотами предоставлялась имъ безпошлинная торговля во всѣхъ городахъ. Эта безпошлинная торговля возбуждала сильную зависть и неудовольствіе у русскихъ приказныхъ людей; изъ за-нея происходили постоянныя пререканія между воеводами и полковниками въ Острогожскомъ слободскомъ полку. Въ одной изъ челобитенъ (1700 г.) острогожскіе казаки жаловались, что, вопреки постановленію жалованныхъ имъ

[1]) Мои „Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго госуд. Томъ 1-й. Исторія колонизаціи“. М. 1887, стр. 185.

[2]) Филарета. Ист. Стат. оп. Харьк. еп., II, 258.

грамотъ, съ нихъ берутъ таможенные поборы со всякихъ покупныхъ и продажныхъ товаровъ—съ соли, рыбы, хлѣба, платья, дровъ и, наконецъ, вина. [1]) Изъ другой челобитной (1701 г.) тѣхъ же острогощанъ видно, что, благодаря привиллегіямъ, черкасы успѣшно занимались торговлей въ своемъ городѣ; „и мы холопи твои, пишутъ они, для своихъ промысловъ около города свои козацкіе дворы сломали и всякое строеніе снесли въ подгородную слободу на пески и на тѣхъ козачьихъ дворовыхъ мѣстахъ устроили мы, холопи твои, торговую площадь для своихъ промысловъ для пріѣзду, продажи и покупки торговымъ людямъ острогощанамъ. И на томъ своемъ козачьемъ торговомъ мѣстѣ построили мы, холопи твои, скамьи и столы для продажи всякихъ съѣстныхъ припасовъ и вина... И въ прошломъ 1700 г. бывшій острогожскій бурмистръ съ посадскими людьми эти скамьи и столы срубили, а на ихъ мѣстѣ построилъ лавки, чѣмъ и намъ и русскимъ пріѣзжимъ людямъ причиняетъ притѣсненія“ [2]). Черкасы крѣпко держались за свои старинныя торговыя льготы, потому что, съ умиротвореніемъ края, онѣ могли приносить имъ большія выгоды. Въ Острогожскомъ полку имъ приходилось по этому поводу вести упорную борьбу съ представителями областнаго великорусскаго управленія; въ другихъ полкахъ (Харьк., Ахтырскомъ, Сумскомъ и Изюмскомъ) такихъ споровъ не было и слобожане мирно пользовались своими преимуществами. Торгово-промышленныя льготы малороссіянъ (какими не пользовались великорусскіе поселенцы) уравнивали ихъ шансы въ торговой конкурренціи съ великорусскими купцами; этимъ вознаграждалось отсутствіе того спеціальнаго торговаго сословія, какое выработалось въ великорусской украйнѣ. Одинъ изъ историковъ Воронежскаго края объясняетъ даже экономическій упадокъ Воронежа во 2-й половинѣ XVII в., главнымъ образомъ, предоставленными малороссійскимъ городамъ льготами. „Права и преимущества, говоритъ онъ, дарованныя новымъ черкасскимъ городамъ, ставили городъ Воронежъ въ невозможность конкуррировать съ ними, въ особенности съ Коротоякомъ и Острогожскомъ, куда стекался преимущественно торговый людъ, привлекаемый безпошлинною торговлею“ [3]). Мы бы сказали общѣе, что льготы, предоставленныя всѣмъ слободскимъ казакамъ, образовавшимъ городки, мѣстечки и слободы, на первыхъ порахъ, должны были привести къ умноженію небольшихъ торговыхъ пунктовъ и преобладанію ихъ въ

[1]) Л. Б. Вейнберга. Мат. по ист. Ворон. и сосѣд. губ., вып. 5, стр. 285.

[2]) Ibidem. 315.

[3]) Л. В Вейнберга. Г. Воронежъ, стр. 29, впрочемъ, Авторъ сообщаетъ неточныя свѣдѣнія объ этихъ черкасскихъ городахъ; Орлова и Усмани, напр., нельзя никоимъ образомъ назвать малороссійскими городами, такъ какъ тамъ жили русскіе служилые люди.

массѣ надъ прежними торговыми центрами. Въ каждой слободѣ, пользовавшейся привиллегіей, заведены были свои торги и какъ бы небольшія ярмарки. Воронежъ вышелъ съ честью изъ испытанія: въ XVIII в., благодаря постройкѣ флота и т. п., онъ снова процвѣлъ торговлею; но другіе города пали, не выдержавъ конкурренціи своихъ уѣздныхъ слободъ; къ числу ихъ нужно отнести старинный московскій городъ Хотмышскъ, который потерялъ свою торговлю, повидимому, въ началѣ XVIII ст., благодаря появленію вокругъ него многихъ владѣльческихъ слободъ. Объ этой метаморфозѣ любопытныя свѣдѣнія сообщаетъ авторъ „Топ. оп. Харьк. Нам.“: „изъ старыхъ книгъ въ архивѣ явствуетъ, говоритъ онъ, что Хотмышскъ былъ многолюденъ, было въ немъ довольно торговыхъ лавокъ, но со времени поселенія въ уѣздѣ его многолюдныхъ подданническихъ слободъ всѣ торги и промыслы перемѣщены изъ города въ оныя слободы заведеніемъ ярмарокъ и еженедѣльныхъ торговъ; а городскіе жители отъ притѣсняющей скудости и другихъ причинъ, оставивъ городъ, разошлись въ разныя деревни на хлѣбопашество. Городъ понынѣ представляетъ запустѣлое урочище въ остаткахъ жилыхъ усадебъ, поросшихъ крапивою и другими оставленнымъ жилищамъ свойственными растеніями“ (стр. 162—163). Вѣроятно, такимъ путемъ возникли тѣ богатыя и торговыя малороссійскія слободы, которыя мы встрѣчаемъ въ настоящее время въ Воронежской губ. [1]). Что касается Слободской украйны, то она въ теченіе 2-й половины XVIII в. состояла изъ слободъ, сотенныхъ мѣстечекъ и, наконецъ, 5 полковыхъ городовъ. Слободы, по составу своего населенія и его занятіямъ, ничѣмъ почти не отличались отъ сотенныхъ мѣстечекъ, а иногда, подобно имъ, имѣли и укрѣпленія. Даже въ административномъ и военномъ отношеніяхъ полковые города (Харьковъ, Сумы, Ахтырка, Изюмъ, Острогожскъ) возвысились не сразу, а постепенно: въ этомъ отношеніи съ ними спорили такіе пункты, какъ Зміевъ и Балаклѣя, гдѣ также нѣкоторое время были полковники. По составу же своего населенія и по занятіямъ его, они мало чѣмъ разнились отъ сотенныхъ мѣстечекъ. Они не представляли изъ себя торговыхъ центровъ; на первомъ планѣ въ нихъ стояли военныя цѣли; по справедливому выраженію И. С. Аксакова, „казакъ не сталъ купцомъ и торговля его ограничилась продажей сельскихъ произведеній, добычи собственныхъ трудовъ, собственной жатвы, ручнаго домашняго ремесла“ и, прибавимъ отъ себя, собственнаго винокуренія. Торговая дѣятельность населенія полковыхъ городовъ, если и отличалась

[1]) См. любопытную статью Б. П—скаго „Воронеж. хохлы“ („Кіевск. Старина“, 1885 г, № 4); авторъ говоритъ, что теперь „въ южныхъ уѣздахъ Воронежской губ. вся торговля и промышленность въ рукахъ хохловъ“.

отъ таковой же дѣятельности жителей слободъ и мѣстечекъ, то только своими размѣрами; разница, и то не всегда, была количественная, а не качественная, т. е. въ большихъ городахъ иногда бывали и больше торги. Но не слѣдуетъ забывать, въ какомъ положеніи находился тогда весь край, онъ представлялъ изъ себя украйну русскаго государства и выносилъ на своихъ плечахъ всю тяжесть безпрерывной войны съ татарами, ихъ опустошительныхъ набѣговъ [1]). Эти набѣги служили страшнымъ тормазомъ для торговой дѣятельности, которая, конечно, прежде всего требовала безопасности; между тѣмъ Слободская украйна даже и въ 4-й четверти XVII ст. 2 раза подвергалась страшному татарскому погрому (въ 1680 и 1691 гг.) [2]). Чтобъ понять, насколько тревожно было положеніе жителей въ большихъ полковыхъ городахъ, достаточно прочитать инструкцію, данную харьковскому воеводѣ Семену Дурново въ 1688 г. [3]). Въ началѣ XVIII в. опасность отъ татарскихъ нападеній нѣсколько уменьшилась и тогда же должно было значительно увеличиться число ярмарокъ. Понятное дѣло, что не всѣ мѣстности находились въ этомъ отношеніи въ одинаковомъ положеніи: тѣ, которыя были ближе къ границѣ, испытывали больше опасностей, занимавшіе же центральное положеніе, наслаждались сравнительно большимъ спокойствіемъ.

Сумской полкъ былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ и защищенъ Бѣлгородскимъ краемъ, Малороссіей и Ахтырскимъ Слободскимъ полкомъ и потому рѣже другихъ подвергался татарскимъ нападеніямъ. Въ началѣ поселенія Сумы имѣли уже нѣкоторое преимущество предъ другими слободскими городами, а въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XVIII в. имъ удалось пріобрѣсть важное административное значеніе, о чемъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, и авторъ „Топ. Оп. Харьк. Нам.“: „Съ начала поселенія имѣлъ городъ (г. Сумы) первенство передъ всѣми Слободскими городами; въ старинныхъ грамотахъ, какъ г. Сумы, такъ полковникъ и весь полкъ Сумской предполагаемы были Харьковскому и прочимъ Слободскимъ полкамъ и полковникамъ. Учрежденное въ 1732 г. главное слободскихъ полковъ въ воинскихъ и гражданскихъ дѣлахъ правительство подъ названіемъ Слободской коммиссіи имѣло пребываніе въ Сумахъ по 1743 г.“ (стр. 153). Такимъ образомъ, какъ видимъ отсюда, Харьковъ въ 1-й пол. XVIII ст. не только не имѣлъ преимущества передъ г. Сумами въ административномъ отношеніи, но въ 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ даже стоялъ немного ниже его; говоримъ „немного“, потому что, по самому свойству своему, административный строй Слободской украйны не допу-

[1]) Подробности см. въ моемъ соч. „Очерки изъ ист. кол. и быта ..“.

[2]) Подробности см въ моихъ „Мат. для ист. кол. и б. ст. ..“, стр. 84—94, 157—163.

[3]) Ibidem, стр. 148—154.

скалъ особеннаго преобладанія одного полковаго города надъ другимъ. Ахтырскій полковникъ у себя пользовался такимъ же значеніемъ, какъ Харьковскій и т. п. Чрезвычайно важное вліяніе на развитіе и расширеніе ярмарочной торговли въ г. Сумахъ должно было оказать ихъ географическое положеніе: они находились въ близкомъ разстояніи отъ Курска и другихъ великорусскихъ торговыхъ центровъ; въ этомъ отношеніи г. Сумы имѣлъ несомнѣнное преимущество передъ Харьковомъ. Великорусскіе купцы стали съѣзжаться сюда (на ярмарки) все въ бо̀льшемъ и бо̀льшемъ количествѣ и, благодаря этому, ярмарки потеряли тотъ исключительно мѣстный характеръ, какимъ онѣ отличались, по всей вѣроятности, въ XVII в., а пріобрѣли болѣе широкое территоріальное значеніе. Харьковъ былъ другимъ замѣчательнымъ торговымъ центромъ Слободской украйны. Важнѣйшее вліяніе на первоначальное развитіе его ярмарочной торговли должна была оказать сравнительная безопасность, какою онъ пользовался въ 1-й пол. XVIII в. Отчасти, м. б., по случайнымъ причинамъ, онъ ни разу не подвергся болѣе или менѣе серьезному погрому татаръ. Объ этомъ мы находимъ прямое категорическое свидѣтельство въ одномъ рукописномъ источникѣ, [1]) гдѣ говорится: „сколько извѣстно, то сей городъ никакимъ непріятелемъ никогда атакованъ не былъ; въ самое знатное непріятельское нападеніе, когда ханъ Крымскій въ 711 г. со всею Крымскою и Ногайскою ордами Харьковской уѣздъ разорялъ, татары за три версты до города не доѣзжали". Не смотря на то, что это извѣстіе относится къ довольно позднему времени, мы можемъ довѣрять ему, такъ какъ другіе источники его не опровергаютъ; изъ нихъ видно, что Харьковъ дѣйствительно не подвергался татарскимъ опустошеніямъ, въ то время какъ селенія его не разъ испытывали такую участь; [2]) этимъ онъ обязанъ былъ отчасти своимъ укрѣпленіямъ, которыя были обращены чуть ли не въ правильную крѣпость при Петрѣ Великомъ во время Булавинскаго бунта и шведской компаніи. [3])Харьковъ былъ полковымъ городомъ и имѣлъ, слѣдовательно, важное административное значеніе для всѣхъ окружающихъ селеній. Ярмарочная торговля началась въ немъ, по всей вѣроятности, еще въ концѣ XVII ст. а во второй половинѣ XVIII в. достигла уже весьма значительнаго развитія. Въ 1765 г. была образована Слободско-украинская губ., а Харьковъ сдѣланъ губернскимъ городомъ, въ то время какъ Сумы, Ахтырка, Изюмъ и Острогожскъ остались уѣздными. Отнынѣ въ немъ

[1]) Хроно-Геогр. опис. г. Харькова въ указанномъ выше „Опис. гор. и знатныхъ мѣстечекъ".

[2]) Мои „Очерки.. ", стр. 465.

[3]) Хроно-Географ. опис. г. Харькова.

постоянно сосредоточивалось высшее военное, гражданское и духовное управленіе. Понятное дѣло, что это событіе должно было значительно расширить ярмарочную торговлю г. Харькова. Наконецъ, не слѣдуетъ забывать и еще одного чрезвычайно важнаго обстоятельства. Слободская украйна въ это время окончательно перестала быть украйной и перешла на мирное положеніе; ея военное управленіе было замѣнено гражданскимъ. Стремленіе наше къ югу привело къ заселенію Новороссійскаго края, гдѣ промышленные и торговые интересы получили нѣкоторое значеніе еще до завоеванія Крыма; съ покореніемъ Крыма (въ 1783 г.). Новороссія стала играть еще большую роль въ экономической жизни южнорусскаго края. Но по справедливому выраженію И. С. Аксакова, въ концѣ XVIII в. „Новороссійскій край еще не вполнѣ организовался, еще не жилъ тою дѣятельною жизнью, какою живетъ теперь, и Харьковъ имѣлъ значеніе скорѣе пограничнаго склада, чѣмъ центральнаго пункта“ [1]). Впрочемъ, торговое значеніе Харькова во 2-й пол. XVIII ст. лучше выяснится намъ изъ тѣхъ фактическихъ данныхъ, на которыя мы указывали въ началѣ своей статьи. Къ нимъ то мы теперь и обращаемся и постараемся на основаніи ихъ подробно характеризовать торговлю на всѣхъ слободско-украинскихъ ярмаркахъ въ концѣ XVIII ст. Напомнимъ при этомъ, что свѣдѣнія наши относятся къ шестидесятымъ, семидесятымъ и восьмидесятымъ годамъ XVIII в.

Прежде всего мы перечислимъ всѣ населенныя мѣста нашего края, гдѣ были ярмарки. Одинъ изъ нашихъ документовъ, относящійся къ 1799 г., заключаетъ въ себѣ подробный перечень ярмарокъ и мы только сравнимъ его съ другими болѣе ранними и болѣе поздними матеріалами. Въ Харьковѣ было 4 ярмарки; въ Харьковской провинціи: въ Мерефѣ—2, въ Тарановкѣ—4, въ Соколовѣ—3, въ м. Артемовкѣ—4, въ Валкахъ—5, въ Перекопѣ—3, во владѣльческой слободѣ Ивановкѣ (Снѣжковомъ Кутѣ)—6, въ м. Ольшаной—4, въ м. Золочевѣ—4, въ войск. м. Хотомлѣ=8. въ м. Волчьей—8, во влад. сл. Писаревкѣ—2, влад. сл. Андреевкѣ—6, влад. сл. Ефремовкѣ—2, влад. сл. Николаевкѣ—3; всего 68; въ г. Сумахъ—4; въ Сумской провинціи: въ Ворожбѣ Сумской—4, въ Нижней Сыроваткѣ—4, во влад. сл. Юнаковкѣ—4, во влад. с. Хотѣнѣ—3, въ г. Миропольѣ—3, въ сл. Краснопольѣ—3, въ г. Мижиричѣ—3, въ пригородѣ Недригайловѣ—3, въ войск. сл. Ольшаной—4, въ Лебединѣ—3, во влад. с. Михайловкѣ—3, въ г. Бѣлопольѣ—2, въ г. Суджѣ—4, въ войск. сл. Пѣнахъ—3; всего 50; въ г. Ахтыркѣ—4; въ Ахтырской пров.: во влад. сл. Тростянцѣ—3, въ войск. сл. Котель-

[1]) Изсл. о тор. на укр. ярмаркахъ, стр. 52.

вѣ—4, въ Краснокутскѣ—4, въ войск. сл. Мурафѣ—3, въ Коломакѣ—4, въ Колонтаевѣ—3, во влад. сл. Константиновкѣ—4, во влад. сл. Алексѣевкѣ—4, въ Богодуховѣ—6. въ Боромлѣ—4; всего 43; въ г. Изюмѣ—4; въ Изюмской провинціи: въ войск. сл. Радьковкѣ—3, въ сл. Савинцахъ—3, въ сл. Балаклiѣ—5, въ Андреевкѣ—4, въ Лиманѣ—4, въ Зміевѣ—3. въ Печенѣгахъ—4, въ Купянскѣ—6, въ Двурѣчной—4, въ Каменкѣ—4, въ Ольховаткѣ—4, въ Сватовой-Лучкѣ—2; въ Ямполѣ—4, въ Сеньковѣ—2; всего 56; а во всѣхъ 4 провинціяхъ [1]) Слоб.-украинской губ. 271 [2]) Въ восьмидесятыхъ годахъ этотъ списокъ пополнился еще гор. Чугуевомъ, гдѣ была одна маловажная ярмарка; за то исчезли изъ него нѣкоторые города и селенія, отчисленныя къ сосѣднимъ намѣстничествамъ (вродѣ, напр., Суджи); но всѣ эти измѣненія чисто административнаго характера; независимо же отъ нихъ были и такія перемѣны, которыя вызывались мѣстными условіями и обстоятельствами и приводили къ увеличенію или уменьшенію числа ярмарокъ. Конечно, намъ нѣтъ никакой необходимости останавливаться подробно на такихъ измѣненіяхъ; намъ достаточно ограничиться общимъ заключеніемъ, что они существовали, не смотря на то, что ярмарочная торговля обыкновенно отличается постоянствомъ и устойчивостью, разъ она вызвана была къ жизни не искусственными мѣрами, а благопріятными мѣстными условіями. При благопріятныхъ условіяхъ число ярмарокъ увеличивалось, при неблагопріятныхъ уменьшалось; такъ, въ Котельвѣ въ 1769 г. было 3 ярм., а въ 1779 уже 4; въ Волчанскѣ въ 1779 г.—8, а въ 1787—11; [3]) въ Бѣлополѣ въ 1779—2, а въ 1787—3, въ Золочевѣ въ 1779—4, а въ 1787—6: наоборотъ, въ Валкахъ въ 1768 и 79 г.—5, а въ 1787—4, въ Недригайловѣ въ 1779—3, а 1787—ни одной и т. д. Были такія селенія, гдѣ ярмарки существовали только номинально или, лучше сказать, гдѣ хотѣли ихъ учредить искусственно, но туда никто не ѣздилъ. Такъ, въ сл. Цареборисовкѣ было учреждено 4 ярмарки, но на нихъ, по сознанію атаманскаго управленія, „никогда никакого сбору не бываетъ“; въ Сватовой-Лучкѣ, кромѣ тѣхъ двухъ ярмарокъ, о которыхъ мы говорили выше, было учреждено еще 2 ярмарки, на которыя никто не пріѣзжалъ.

---

[1]) Острогожская пров., очевидно, въ это время уже отошла къ Воронеж. губ.

[2]) Харьк. ист Архивъ Дѣла Слоб. укр губ. канцеляріи № 557; въ другомъ переченѣ 1780 г. мы находимъ еще ярмарки въ Липцахъ (5) и Деркачахъ (2) Харьк. пров.; количество ярмарокъ въ Изюмск. пров. тамъ показано меньшее (м. б, впрочемъ, нѣкоторыя селенія съ ярмарками были причислены къ другой губ.), за то прибавлены еще ярмарки Хотм., Вольнов. и Чугуевскаго уѣздовъ (въ г. Чугуевѣ—1, во влад. сл. Борисовкѣ—4, Рокитной—3, Пушкарной—3, Грайворонѣ—4, Славгородкѣ—4, Писаревкѣ—6); так. обр. по этому счету будетъ всего 219 ярмарокъ.

[3]) Топ. оп. Харьк. Нам, стр. 143.

Въ концѣ XVIII в. открытіе новыхъ ярмарокъ было сопряжено съ извѣстными формальностями; въ болѣе же раннее время такой регламентаціи не было [1]); она явилась, нужно думать, между прочимъ, вслѣдствіе нарушенія взаимныхъ интересовъ, что неминуемо происходило при открытіи новыхъ ярмарокъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ со старыми; не даромъ и авторъ „Топ. оп. Харьк. Нам.“ жалуется на быстрое увеличеніе числа ярмарокъ въ слободахъ и мѣстечкахъ, что, по его словамъ, подрываетъ торговое значеніе городовъ. Въ 1779 г. Купянскіе войсковые обыватели къ пользѣ общества согласились двѣ прежнія ярмарки уничтожить, а на мѣсто ихъ учредить четыре новыхъ; просьба эта была подана въ коммиссарское правленіе, а оттуда въ Изюмскую провинціальную и Слоб.-укр. губ. канцелярію; эта послѣдняя уважила ходатайство, такъ какъ дѣло шло о небольшихъ ярмаркахъ или, правильнѣе говоря, торгахъ. Другое разрѣшеніе о заведеніи во влад. сл. Веселой 6 новыхъ торговъ было тогда же дано управляющему граф. Екатерины Сергѣевны Гендриковой [2]).

Разсматривая списокъ населенныхъ мѣстностей, въ которыхъ существовали ярмарки, мы находимъ въ немъ и полковые города, и войсковыя мѣстечки или слободы, и владѣльческія селенія; нерѣдко число ярмарокъ въ незначительныхъ поселкахъ было большее, чѣмъ городахъ. Но продожительность торговаго періода на различныхъ ярмаркахъ была не одинакова и находилась между прочимъ въ прямой связи съ размѣрами торговыхъ оборотовъ. Въ этомъ отношеніи всѣ Слоб.-укр. ярмарки могутъ быть подведены подъ три категоріи: большія, среднія и малыя. Общую характеристику ихъ мы находимъ у автора „Топ. оп. Харьк. Нам.“. Здѣшнія ярмарки, говоритъ онъ, можно раздѣлить на 3 степени: къ первой принадлежатъ большія собранія, на которыя пріѣзжаетъ много купцовъ изъ русскихъ городовъ, а также изъ-за границы; эти купцы производятъ куплю и продажу товаровъ большею частію оптомъ; ко второй степени причисляются среднія ярмарки, на которыхъ производится мелочная торговля, но при значительномъ стеченіи товаровъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ; здѣсь также не мало скота, шерсти и др. сырыхъ произведеній; къ третьей степени принадлежатъ остальные небольшіе торги; тутъ быстро и покупаются, и продаются товары; сдѣлавъ закупки, поселяне уѣзжаютъ домой, а купцы спѣшатъ въ другія мѣста. Къ первой категоріи авторъ „Топ. оп. Харьк. Нам.“ относитъ 2 Харьк. ярмарки (Крещенскую и Успенскую) и 2 Сумскія (Сборную и Введенскую); но другой источникъ (Вѣдомость о ярмаркахъ 1779 г.) присоеди-

[1]) Началась она съ изданія регламента главнаго магистрата 28 генв. 1721 г.

[2]) Харьк. ист. архивъ. Дѣла Губ. канц. № 557.

няетъ сюда же—и на нашъ взглядъ съ полнымъ основаніемъ—2 остальныя Харьковскія ярмарки (Троицкую и Покровскую).

Не ограничиваясь общею характеристикою большихъ ярмарокъ, сдѣланною авторомъ „Топ. оп. Харьк. Нам.“, мы скажемъ, какіе товары, кѣмъ, откуда и какими путями привозились сюда и куда развозились далѣе. На Харьковскія и Сумскія ярмарки привозились чрезвычайно разнообразные заграничные товары; изъ-за границы—Шлонска (Силезіи), Гданска (Данцига) и Лейпцига—черезъ Васильковскую заставу, Кіевъ, Нѣжинъ, Ромны Нѣжинскіе греки, полтавская компанія и калужскіе купцы привозили суконный, парчевой, шелковый, бумажный, льняной и пеньковый, галантерейный, фарфоровый и желѣзный товаръ, какъ-то: сукна аглицкія тонкія мундирныя, аглицкія-жъ штатскія, акнеръ, бреславскія разныхъ цвѣтовъ, локтевое, тритцатовое, венгерское, фабричное, сапорфеинъ, ломберское, полусукна разныхъ сортовъ, байки аглицкія и шленскія, стамеды аглицкіе, камлоты разныхъ сортовъ; золотую и серебряную парчу; шелкъ—штофъ, грезетъ, полугрезетъ, тафты, люстринъ, плисъ, полуплисъ, бархатъ веницейскій и флорентійскій; ситцы разныхъ добротъ, полуситцы, муслинки, кисеи; валендорбское, голландское, швабское полотно, батистъ, каморотокъ; платки ситцевые, чулки шелковые англійскіе, туринскіе и нѣмецкіе, газы золотые и серебряные; золотыя, серебряныя, томпаковыя, черепаховыя и бумажныя табакерки; скрипки, струны, флейтроверсы, трости камышевыя, готовальни, пряжки, пуговицы и т. п.; чашки чайныя и шоколадныя изъ саксонскаго фрафора съ крышками и живописью; косы сѣнокосныя, привозимыя въ бочкахъ и продающіяся въ розницу, и небольшое число французскихъ и нѣмецкихъ ружей; изъ Петербурга черезъ Москву шли тонкія англійскія сукна; всѣ эти товары продавались въ розницу мѣстнымъ обывателямъ, а оптомъ купцамъ, которые развозили ихъ по Малороссіи и Слободско-укр. губ на малыя и среднія ярмарки, а отчасти доставляли въ Азовскую и Новороссійскую губ. и въ крѣпость Св. Дмитрія (т. е. нын. Ростовъ); тѣже самыя нѣжинскіе, калужскіе и польскіе купцы, которые привозили этотъ товаръ, везли его въ іюлѣ мѣсяцѣ на Коренную ярмарку въ Курскъ.

Изъ кр. Св. Димитрія, Таганрога, Херсона, Кинбурна, Станиславова привозилось до 40 фуръ (а иногда и больше) бакалейныхъ товаровъ—финиковъ, винныхъ ягодъ, изюма, волошскихъ и грецкихъ орѣховъ, рожковъ, миндаля, деревяннаго масла, маслинъ, сорочинскаго пшена, чернослива, лимоннаго соку, турецкаго курительнаго табаку, грецкаго мыла; товары эти во время ярмарки продавались въ розницу мѣстнымъ

торговцамъ, имѣвшимъ лавки, а также великорусскимъ купцамъ, которые отвозили ихъ въ Курскъ, Бѣлгородъ, Елецъ и Москву.

Изъ Москвы частью московскими, а частью бѣлгородскими и другими великорусскими купцами, жившими въ Харьковѣ, привозилось множество разнообразнаго товара—книгъ въ переплетахъ церковной и свѣтской печати, оригинальныхъ и переводныхъ, историческаго и моральнаго содержанія, романовъ и разныхъ сочиненій; серебряной, мѣдной, оловянной и каменной утвари (чайниковъ, кофейниковъ, шандаловъ, подносовъ, люстръ, маленькихъ церковныхъ кадильницъ, паникадилъ), столовой оловянной, каменной и хрустальной посуды, суконъ (синихъ и зеленыхъ. великорусскихъ фабрикъ), шелковой тафты и платковъ московскихъ фабрикъ, бумажныхъ платковъ, тика, китайки, лентъ моск. фабрикъ, пестряди, набоекъ московскихъ, гарусныхъ и валеныхъ чулокъ, шляпъ, шапокъ, муфтъ; лайковыхъ и замшевыхъ перчатокъ, опойковыхъ и козловыхъ сапогъ и башмаковъ нѣмецкаго образца, женскихъ шелковыхъ и нитяныхъ башмаковъ, пудры, чернаго и зеленаго чаю, кофе, кенарскаго и россійскаго сахару, голландскаго табаку въ руляхъ, французскаго курительнаго въ картузахъ, голландскаго, лисьихъ, волчьихъ, бѣличьихъ и др. мѣховъ; хомутовъ, уздечекъ, возжей, сѣделъ, дугъ, саней городскихъ московской работы, стульевъ, ружейной дроби и свинцу. Все это покупалось на ярмаркахъ городскими и уѣздными обывателями, а также купцами, ведущими торговлю на среднихъ и малыхъ ярмаркахъ; часть же увозилась отсюда даже въ кр. Св. Димитрія, Азовскую и Новороссійскую губ. и Малороссію.

Изъ Суздаля и другихъ подмосковныхъ городовъ привозилось тамошними купцами отъ 100 до 200 возовъ холста разныхъ сортовъ—тонкаго трубковаго, средственнаго, простаго, хрящеваго и крашенины и частью продавалось на ярмаркахъ, а большею частью покупалось у нихъ оптомъ и развозилось въ Донскія станицы, Азовскую и Новороссійскую губ. и Малороссію.

Изъ Тулы великорусскіе купцы, жившіе въ Харьковѣ и Сумахъ, привозили всякій ременной, желѣзный и мѣдный товаръ, а именно: шлеи, узды и возжи, гвозди гонтовые, колясочные и другихъ сортовъ, навѣсы къ дверямъ и окнамъ, дверцы печныя, вьюшки и заслонки (желѣзныя и чугунныя), пилы большія для распилки лѣсу, малыя садовыя и столярныя, топоры, буравы, заступы и сковороды, желѣзо (полосное, ободное, рѣзное листовое, веретѣльное, связное, наковальники кузнечные), сталь, свинецъ и олово не въ дѣлѣ, ружья, пистолеты, сабли гусарскія, котлы и горшки чугунные, котлы мѣдные, винокуренные, колокола церковные, вѣсы съ гирями чугунными, мѣдь листовая не въ дѣлѣ.

Изъ Павловска тамошніе купцы привозили всякіе замки, складные и столовые ножи съ вилками; болховскіе купцы—юфть, хомутины, подхомутни и крышки, крестьянскія рукавицы; орловскіе—разную бичеву и ременные товары; бѣлгородскія—шерстяные и нитяные вязаные чулки и простое мыло (возахъ на 15). Все это частью продавалось мѣстнымъ обывателямъ, а частью развозилось тамошними купцами въ Ростовъ, Азов. и Новорос. губ. и Малороссію.

Разные купцы и мѣстные Харьковскіе войсковые обыватели съ Волги, изъ Царицына и Саратова и съ Дону—изъ Черкаска и донскихъ станицъ привозили соленую и свѣжепросольную рыбу—осетрину, бѣлугу, севрюгу, сомину, суду, балыки осетровые и бѣлужьи, чабакъ, бѣлизну, сазанъ, тарань, семгу, лоскирь, сельди, стерлядь, бѣлорыбицу, вязигу, икру (зернистую, мѣшечную и свѣжепросольную); соленая и вяленая рыба въ количествѣ 200 и даже болѣе возовъ подвозилась къ Троицкой, Успенской и Покровской ярмаркамъ и отсюда расходилась въ Малороссію и въ болѣе отдаленныя мѣста; свѣжая же и свѣжепросольная—частью къ Крещенской ярмаркѣ. а еще болѣе къ сырной недѣлѣ. а изъ Харькова расходилась по различнымъ мѣстечкамъ и селеніямъ Харьковской губ. и Малороссіи.

Изъ Ростова, Таганрога, Станиславова, Кинбурна привозили виноградныя вина—мускатель, сантуринское, шкопельское и алонское, которыя получались тамъ изъ Константинополя; изъ Молдавіи черезъ Кіевъ и Васильковскую таможню—венгерскія вина; изъ Риги черезъ Петербургъ—французскія, испанскія и португальскія; изъ Петербурга черезъ Москву—шампанское, бургонское вино и англійское пиво.

Таковы были товары, привозимые на Харьковскія и Сумскія ярмарки изъ разныхъ русскихъ и заграничныхъ городовъ; они были предназначены для всѣхъ классовъ мѣстнаго населенія; а это послѣднее въ свою очередь доставляло на эти ярмарки свои товары. Окрестные помѣщики приводили сюда на продажу лошадей; въ Харьковъ на Троицкую ярмарку лошадей пригоняли даже изъ донскихъ станицъ, а покупали ихъ мѣстные жители, купцы и офицеры—ремонтеры; во время Троицкой и Успенской ярмарокъ шла торговля рогатымъ скотомъ и овцами, которые пригонялись окрестными жителями, а покупались великорусскими скотопромышленниками, отправлявшими ихъ въ Москву и Петербургъ.

Окрестные поселяне въ значительномъ числѣ собирались на ярмарки и привозили на продажу много предметовъ своего крестьянскаго хозяйства—разнаго рода хлѣбъ, птицу, мясо, сало, масло (коровье и овечье), шерсть (овечью), разную глиняную посуду, медъ-патоку, горячее вино, фрукты и овощи, конопляное масло и пр. съѣстные припасы, дешевую

крестьянскую деревянную посуду, колеса, гонту для крышъ, невыдѣланныя кожи, овчинныя шубы, лѣтнія и зимнія шапки на черкасскій манеръ, сукна домашней работы сермяжныя, мужскіе сапоги и женскіе черевики, свиты изъ бѣлаго и сѣраго сукна на донской манеръ, которыя отправлялись даже въ Малороссію и донскія станицы; но особенно славились Харьковскія ярмарки своими коврами, по малороссійски коцами и цвѣтными попонами изъ коровьей и овечьей шерсти; они покупались пріѣзжими купцами и отвозились въ Малороссію, а оттуда въ Польшу; кромѣ того торговали еще шерстью овечьей, и овчиной, которыя отвозились векикорусскими купцами въ Москву на тамошнія фабрики, и саломъ, которое доставлялось въ Петербургъ и Архангельскій портъ; выкуриваемое мѣстными владѣльцами вино (пенное, полугарное и сивуха) покупалось боченками и небольшими бочками на мѣстѣ для шинковъ и собственнаго употребленія жителей; крупные же производители посылали его для продажи въ Черкаскъ, Донскія станицы, Ростовъ, Крымъ, Полтаву, Азовск. и Новороссійск. губ.; наконецъ, изъ-за граничныхъ, польскихъ владѣній, привозили фурами на ярмарку березовый и смоляной деготь и продавали его въ розницу и оптомъ; оптовые же покупатели развозили его отсюда по среднимъ и малымъ ярмаркамъ.

Переходимъ теперь къ обозрѣнію и характеристикѣ среднихъ ярмарокъ; всѣхъ ихъ было 10: 4 Ахтырскія, 4 Изюмскія и 2 Сумскія (Троицкая и Успенская). Въ Ахтырку привозились товары изъ Харькова, Сумъ, Малороссіи (Полтавы, Ромна, Нѣжина, Гадяча) и великорусскихъ городовъ—Курска, Бѣлгорода, Калуги; а въ Изюмъ изъ Харькова (торгующими тамъ купцами), и продавались мѣстнымъ обывателямъ и купцамъ; эти послѣдніе развозили ихъ по малымъ ярмаркамъ. Главнымъ товаромъ были: сукна, шелковыя матеріи, посуда, стекло и хрусталь; въ Сумы доставлялись тѣже товары, что и на большія ярмарки, только въ незначительномъ количествѣ. Но кромѣ этихъ привозныхъ товаровъ на лѣтнія ярмарки пригонялось много рогатаго скота и овецъ, которые покупались не только мѣстными обывателями, но и скупщиками, отправлявшими ихъ отсюда на продажу въ Москву и Петербургъ. Наконецъ, на всѣ эти десять ярмарокъ съѣзжалась масса уѣздныхъ жителей и привозили на продажу хлѣбъ, птицу, мясо, сало, масло (коровье и овечье), шерсть (овечью), разную глиняную посуду, медъ-патоку, горячее вино, разныя огородныя овощи и т. п.; однимъ словомъ, всѣ тѣ товары, которые вывозились уѣздными обывателями и на большія ярмарки (поэтому перечислять ихъ мы здѣсь не будемъ). Изъ этого описанія видно, что количество привозныхъ великорусскихъ, а въ особенности иностранныхъ товаровъ, на эти ярмарки не было велико и при томъ попадало туда

обыкновенно изъ вторыхъ рукъ. Большое мѣсто здѣсь, очевидно, занимали предметы мѣстнаго производства и потребленія; такимъ образомъ, самыя ярмарки имѣли преимущественно мѣстное значеніе, т. е. захватывали сравнительно небольшой районъ покупки и продажи товаровъ; продолжались онѣ не подолгу—всего по недѣлѣ.

Обратимся теперь, наконецъ, къ малымъ ярмаркамъ. Всѣхъ ихъ въ 1780 было 203, при чемъ на долю Харьковской провинціи приходилось 71 (изъ нихъ 58 въ войсковыхъ и 13 во влад. селеніяхъ), Сумской—46 (36 въ войск. и 10 во влад.), Ахтырской—38 (28 въ войск. и 10 во влад.), Изюмской—23 (всѣ 23 въ войск. сел.), г. Чугуева—1, Хотмышскаго и Вольновскаго уѣздовъ—24 (всѣ 24 во влад. с.); итого въ войсковыхъ сел.—146, а во влад.—57. На нѣкоторыя изъ этихъ ярмарокъ мелкими купцами, торговавшими въ Харьковѣ, Сумахъ, Ахтыркѣ и Изюмѣ, привозилось и небольшое количество красныхъ товаровъ; товары эти продавались мѣстнымъ потребителямъ или же обывателямъ, ведущимъ мелочную торговлю; въ числѣ такихъ привозныхъ товаровъ фигурируютъ: кожаныя издѣлія, гарусъ, парча, шолковые товары, китайки, холстъ, сукна (даже шленскія, нѣмецкія и бреславскія), каламейки, перецъ, ладонъ, рыба (красная и особенно простая), икра, серебряная, мѣдная, желѣзная, оловянная и деревянная посуда и др. издѣлія, свинецъ, крымская и донская соль, бумага хлопчатая и писчая, упряжъ, сѣнокосныя точила, рогожи, циновки. веревки, виноградное вино, разные сибирскіе и др. мѣха. На лѣтнія ярмарки пригонялся рогатый скотъ, лошади и овцы. Но главными предметами торговли являлись здѣсь хлѣбъ, птица, мясо, сало, масло, шерсть, глиняная посуда и всѣ предметы мѣстной промышленности, какіе привозились и на большія ярмарки.

Продолжаются эти ярмарки обыкновенно 2, 3 дня; но были среди нихъ и такія, которыя тянулись по недѣлѣ (таковы, напр., Юнаковская, Межирицкія, Боромлянскія) и даже по 2 (одна Бѣлопольская). Нѣкоторыя изъ нихъ, по разнообразію и размѣрамъ торговой дѣятельности, подходятъ къ среднимъ; товары на нихъ привозились не только изъ главныхъ слободско-украинскихъ городовъ, но кромѣ того и изъ великорусскихъ и малорусскихъ—Бѣлгорода и Бѣлгород. губ., Сѣвска, Хотмышска, Путивля, Обояни, Рыльска, Воронежа, Курска, Полтавы, Опошни, Ромна, Гадяча, Донскихъ станицъ, Крыма, Астрахани.

Изъ великорусскихъ городовъ привозились товары въ тѣ слободы, которыя лежали на сѣверной границѣ Харьковской губ. (напр., Суджа), а изъ малороссійскихъ—въ тѣ, которыя находились на западномъ пограничьѣ (напр., Котельва); наиболѣе замѣчательными изъ всѣхъ малыхъ ярмарокъ были, повидимому, Бѣлопольскія, Суджанскія, Котелевскія и

Боромлянскія. Наоборотъ, къ числу самыхъ незначительныхъ нужно отнести тѣ, куда вовсе не привозили изъ большихъ городовъ красныхъ товаровъ, а продавали только произведенія мѣстной промышленности; таковы, напр., были Тарановскія и Соколовскія.

Итакъ, на большія ярмарки товары стекались съ сѣвера изъ центральной Россіи (Москвы, Суздаля, Тулы и т. д.) и балтійскихъ портовъ (Петербурга и Риги), юга (Ростова, Таганрога, Черкаска, Херсона, Крыма и др.), востока (поволжскихъ городовъ—Саратова и Царицына) и запада (Силезіи, Польши, Молдавіи, Данцига, Лейпцига, Кіева). Въ извѣстной Екатерининской комиссіи для составленія проекта Новаго уложенія, происходили любопытные дебаты о сѣверномъ, западномъ и южномъ торговомъ пути, которые выясняютъ намъ до нѣкоторой степени ихъ относительное значеніе. Депутатъ коммерцъ коллегіи Межениновъ предложилъ, чтобы заграничные западные товары (изъ Данцига, Кенигсберга и Бреславля) доставлялись въ Россію исключительно черезъ Петербургскій портъ и не привозились ни на одну сухопутную пограничную таможню—Кіевскую или Васильковскую, такъ какъ въ этомъ случаѣ въ Польшѣ берутся за нихъ большія пошлины. Но противъ этого мнѣнія единодушно возстало все малороссійское и слободско-украинское купечество. Харьк. депутатъ И. Черкесъ, который самъ велъ обширную торговлю, говорилъ: „торговый путь чрезъ одно только Балтійское море недостаточенъ для всей Россійской имперіи. Хотя Силезія и другія мѣста снабжаютъ Петербургскій портъ черезъ Данцигъ нѣкоторыми товарами, но Англія, Голландія, Амстердамъ и Любекъ въ состояніи производить болѣе обширную торговлю. Равнымъ образомъ лучшіе товары привозятся изъ Царьграда, Македоніи и Анатоліи чрезъ Венецію, а особливо сухимъ путемъ изъ Силезіи чрезъ Кіевъ. Привозимыми въ этотъ городъ въ большомъ количествѣ товарами довольствуется вся Украйна“ [1]). Нѣжинскій депутатъ Костевичъ между прочимъ высказалъ, что „привозъ получаемыхъ изъ Бреславля, Гданска и Кенигсберга товаровъ гораздо способнѣе, выгоднѣе, полезнѣе и безопаснѣе; на малороссійскія же таможни вывозъ бываетъ изъ многихъ европейскихъ государствъ и азіатскихъ земель“; что же касается до таможенныхъ сборовъ въ Польшѣ, то они, по словамъ Костевича, были не велики, ибо взимались съ воза, а не съ цѣны товара [2]). Депутатъ малороссійскихъ раскольничьихъ слободъ Иванъ Щаповъ заявилъ, что предлагаемая Межениновымъ мѣра принесетъ пользу только однимъ великорусскимъ купцамъ и нарушитъ ин-

---

[1]) Сбор. И. Р. И. Общ., VIII, 52—53.

[2]) Ibidem, 54.

тересы малороссійскихъ; [1]) ту-же мысль основательно доказывалъ и Кіевскій депутатъ Іосифъ Гудима [2]).

Отсюда видно, какъ дорожили малороссійскіе купцы своей торговлей съ Западной Европой, торговлей, которая велась главнымъ образомъ при посредствѣ Нѣжинскихъ грековъ; эта торговля, по ихъ признанію, отличалась весьма значительными размѣрами: товарами, привозимыми въ Кіевъ, снабжалась вся Украйна; за этой торговлей было одно чрезвычайно важное преимущество (сравнительно съ сѣверной)—ея древность. Южно-русскихъ купцовъ не смущали трудности пути; Харьк. депутатъ И. Черкесъ въ комиссіи говорилъ: „купецъ предпочитаетъ отдаленность опасностямъ морскаго плаванія“. Такъ могли разсуждать люди, привыкшіе вести сухопутную торговлю съ отдаленными странами. И дѣйствительно, въ рукахъ тѣхъ же южно-русскихъ купцовъ была и южная торговля—съ Крымомъ и Азовско-Черноморскими городами. Это былъ также длинный путь, шедшій черезъ весь Новороссійскій край и Запорожье на таможни Кременчугъ и Переволочную. Харьковскій депутатъ И. Черкесъ предлагалъ для сокращенія его устроить таможню на одной изъ крѣпостей Украинской линіи. „Наши купцы, торгующіе въ Турецкихъ владѣніяхъ и въ Крыму, говорилъ онъ, купивъ потребные товары, возвращаются въ Россію черезъ Запорожскую Сѣчь. Этотъ путь весьма дальній и къ тому еще опасный, а особливо для тяжелаго товара; ибо нужно переправляться два раза черезъ Днѣпръ, въ опасное время, когда онъ бываетъ покрытъ льдомъ, не весьма крѣпкимъ, по причинѣ ширины этой рѣки и умѣреннаго климата, отъ чего происходитъ большое неудобство и не малая остановка. Итакъ, не признано ли будетъ нужнымъ опредѣлить путь для провоза товаровъ, начавъ отъ Перекопа и другихъ Крымскихъ городовъ прямо на Козловскую и Алексѣевскую крѣпости, и въ одной изъ нихъ учредить таможню. Этимъ способомъ устранены будутъ значительныя трудности и излишніе расходы купечеству“ [3]). Но противъ этого проекта высказались и запорожскіе депутаты [4]), и депутатъ Екатерининской пров. [5]), отчасти потому, что онъ нарушалъ ихъ интересъ а отчасти и потому, что вообще, южно-рус. чумаки (рѣчь въ данномъ случаѣ шла о нихъ) неохотно измѣняли свои „извѣчные“ шляхи. Не будемъ здѣсь касаться вопроса о старинныхъ торговыхъ трактахъ, такъ какъ не можемъ теперь сказать объ этомъ больше того, что можно найти

[1]) Ibidem, 87.
[2]) Ibidem, 54—55.
[3]) Сбор. И. Р. И. Общ., VIII, 53.
[4]) Тамъ-же. 88—89.
[5]) Тамъ-же. 76.

въ „Топограф. опис. Харьк. Нам.“, въ „Спискахъ насел. мѣстъ Харьк. губ.“ и цитированномъ нами соч. Аксакова; замѣтимъ кстати, что направленіе Муравскаго шляха, которое пытался опредѣлить покойный И. С. Аксаковъ, указано въ нашей книгѣ—„Очерки изъ ист. кол. и быта степ. ок. Моск гос. Т. I-й Ист. Кол.“; тамъ же описаны и другіе древніе шляхи—Ромоданъ и Сагайдачный, Изюмскій и Калміусскій.

Указавъ, откуда привозились товары на Харьк. и Сумск. ярмарки, мы должны еще напомнить, куда они отвозились отсюда; иностранные западные и великорусскіе товары отвозились далѣе на югъ въ Азовскую и Новорос. губ., въ Донскія станицы, Малороссію; южные (бакалейные товары)—въ великорусскіе города, восточные—въ Малороссію. Таковъ былъ районъ торговыхъ отношеній на большихъ слободско-украинскихъ ярмаркахъ. Всѣ области, входившія въ составъ его, въ одно и то же время были и производителями, и потребителями, но однѣ больше производили, другія больше потребляли. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ свѣдѣній о размѣрахъ торговыхъ оборотовъ всѣми этими товарами; приходится, такимъ образомъ, поневолѣ довольствоваться гипотезой; мануфактурные и металлическіе великорусскіе товары едва ли тогда занимали первое мѣсто; заграничные мануфактурные товары, повидимому, въ это время еще удачно конкурировали съ московскими; по крайней мѣрѣ первые отличались бо́льшимъ разнообразіемъ, чѣмъ вторые, но на сторонѣ великорусскихъ товаровъ было одно чрезвычайно важное преимущество: это были по большей части дешевые товары, а потому они находили себѣ сбытъ среди всей массы слободско-украинскаго общества, между тѣмъ, какъ иностранныя сукна покупались, очевидно, только богатыми помѣщиками; изъ дешевыхъ заграничныхъ товаровъ можно только указать на косы. Такимъ образомъ, великорусская промышленность завоевывала себѣ все болѣе и болѣе мѣста на Харьковск. и Сумск. ярмаркахъ, а слѣд., и въ домашнемъ быту слобожанина, гдѣ главнымъ занятіемъ все-таки было земледѣліе, скотоводство и тѣ промыслы, которые не требовали большого техническаго совершенства. Впрочемъ, нужно сказать, что и слобожанинъ вывозилъ не мало своихъ товаровъ на ярмарки; цѣнность этихъ товаровъ въ ихъ совокупности была значительна; но это были по большей части, какъ мы видѣли, предметы мѣстнаго производства, которые совершенно удовлетворяли мѣстныхъ потребителей, въ особенности изъ низшихъ слоевъ общества; можно даже думать, что въ этомъ отношеніи съ мѣстными товарами не могли тогда конкурировать великорусскіе, гл. образ. потому, что въ слободахъ и селахъ еще твердо держалась мода на всѣ эти свитки, плахты, коцы и т. п.; мало того,—они находили себѣ обширный сбытъ и за предѣлами Харьковскаго края, гдѣ

только жило малороссійское племя—въ черниговск. и полтавск. лѣвобережьѣ и даже на Дону и Польшѣ; торговля виномъ также достигала значительныхъ размѣровъ. Таково было значеніе большихъ ярмарокъ. Онѣ, какъ мы видимъ, удовлетворяли потребности и высшаго и низшаго слоя слободско-укр. общества. Къ тому именно времени, о которомъ мы теперь говоримъ, относится начало крѣпостнаго права въ Слоб. украйнѣ и развитіе дворянскаго землевладѣнія. Вновь народившееся дворянство охотно покупало на ярмаркахъ различные привозные товары, чтобы создать себѣ удобную, а иногда и роскошную домашнюю обстановку. Теперь уже исчезла та патріархальная старосвѣтская жизнь, о которой свидѣтельствуетъ, напр., опись имущества полк. Перекрестова [1]). Постоянное населеніе г. Харькова и Сумъ также охотно обзаводилось всѣми тѣми предметами, которые входили въ моду у знати; прадѣдовскій складъ жизни всецѣло царилъ только среди массы казенныхъ (б. войсковыхъ) обывателей; но и туда проникали многіе мануфактурные товары, благодаря ихъ дешевизнѣ. Дѣятельными скупщиками и продавцами на украинскихъ ярмаркахъ были, какъ мы видѣли, великорусскіе купцы, какъ пріѣзжіе такъ и мѣстные (харьковск. и сумскіе). Въ Харьковѣ и Сумахъ издавна поселилось нѣкоторое количество великорусскихъ купцовъ, занимавшихся здѣсь торговлей. Еще въ 1732 г. въ Харьковѣ было ихъ 62 чел., а въ Сумахъ—14. Впрочемъ, въ XVII ст. рядомъ съ великорусскими купцами мы видимъ и греческихъ, отчасти даже крымскихъ и польскихъ; но первое мѣсто все-таки принадлежало великорусскому купечеству. Ведя по-долгу торговлю на украинскихъ ярмаркахъ, нѣкоторые изъ нихъ пріобрѣли себѣ дома въ Харьковѣ или Сумахъ и записывались въ здѣшнее купечество. Они вмѣстѣ съ незначительнымъ количествомъ мѣстныхъ малороссійскихъ купцовъ образовали спеціальный классъ торговцевъ, котораго раньше не было въ Слободской украйнѣ.

Нѣкоторые записывались въ Харьковѣ, не оставляя своей родины. Въ ихъ рукахъ были всѣ тѣ товары, которые шли съ сѣвера или центральной Россіи; что же касается западнаго, восточнаго и южнаго путей, то здѣсь дѣйствующими лицами были уже не они, а греки, поляки и наконецъ, сами малороссіяне; эти послѣдніе занимались глав. образ. продажею продуктовъ собственнаго производства. Прекрасно опредѣляетъ характеръ Слободско-укр. малорусской торговли авторъ „Топ. оп. Харьк. Нам.“, говоря: „торговый промыслъ вообще во всѣхъ украинцахъ примѣчается; но торговля ихъ, хотя и *второй руки*, есть домовная, распо-

[1]) См. Любопытную статью, основанную на этой описи, въ „Харьк Сбор.“ на 1887 г.—„Старинная одежда и принадлежности домашняго быта слобожанъ“.

лагаемая больше къ пристойному пропитанію, а не къ обогащенію“ (стр. 91) Имъ, конечно, нечего было и думать о конкуренціи съ великорусскимъ купечествомъ въ доставкѣ предметовъ обрабатывающей промышленности изъ центральной Россіи, не только потому, что они отличались меньшею подвижностью, а и потому, что имъ совершенно не были извѣстны ни производители, ни промышленные округа; между тѣмъ какъ великорусскіе купцы были или постоянными жителями центральной Россіи, или по крайней мѣрѣ не прерывали съ нею старыхъ связей. Но такъ какъ великорусскіе товары пріобрѣтали все большее и большее значеніе на украинскихъ ярмаркахъ, то вмѣстѣ съ этимъ увеличивалось и число великорусскихъ купцовъ и усиливалось ихъ значеніе; а это обстоятельство не могло не имѣетъ вліянія на бытъ важнѣйшихъ городовъ Харьк губ.— Харькова и Сумъ Указавши на важную роль большихъ ярмарокъ, мы не можемъ оставить безъ вниманія того отрицательнаго результата, который приписываетъ имъ авторъ „Топ. оп. Харьк. Нам.“. Правда, онъ говоритъ только о сумскихъ ярмаркахъ, но его заключенія въ сущности въ одинаковой степени относятся и къ харьковскимъ. „Отъ упомянутыхъ двухъ ярмарокъ (сумскихъ), говоритъ онъ, всѣ окрестные города принуждены терпѣть стѣсненіе и разстройку внутреннихъ своихъ торговыхъ промысловъ; онѣ упраздняютъ относительный между городами балансъ, поглощая въ два срока года большую часть текущей торговли, которая въ самое лучшее для мелочной по городамъ продажи торговое время, т. е. чрезъ Великой и Филипповъ посты могла бы продолжаться въ каждомъ городѣ по пропорціи, а въ самыхъ Сумахъ безъ ярмарки, равно какъ и въ другихъ городахъ городоваяторговля останавливается“ (стр. 154—155) Едва-ли можно согласиться съ этими соображеніями. Если въ Сумской провинціи ни одинъ городъ (кромѣ Сумъ) не имѣлъ важнаго торговаго значенія, то это зависѣло отъ различныхъ обстоятельствъ и прежде всего объясняется поразительно слабымъ развитіемъ здѣсь настоящаго городскаго быта; сотенные города—Лебединъ, Бѣлополье, Недригайловъ и Межиричъ ничѣмъ почти, какъ мы уже знаемъ, не отличались отъ слободъ и селеній—отъ какой-нибудь Ольшаной или Пѣнъ. Только одинъ г. Сумы, въ силу разныхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, могъ выдвинуться и получить центральное торговое значеніе; другіе города стариннаго Сумскаго полка и не претендовали на это; они довольствовались тою незначительною ролью, которую играли въ промышленно-торговой жизни своихъ округовъ—въ нихъ едва-ли и могла развиться постоянная торговля привозными товарами. Что-же касается Сумъ, то ярмарки, какъ намъ кажется, не только не повредили развитію ихъ торговаго значенія, но наоборотъ усилили его; такъ было по крайней

мѣрѣ было въ Харьковѣ. Объ этой постоянной городской Харьковской торговлѣ сообщаетъ намъ свѣдѣнія самъ авторъ „Топ. оп.“; по его словамъ, „внутренняя въ Харьковѣ торговля пространна и кромѣ ярмарокъ: товарами галантерейными, шелковыми, шерстяными, бумажными, полотняными, фарфоровыми, мѣдными, желѣзными и пр. Харьковскій гостинный дворъ, кромѣ здѣшней, довольствуетъ и смежныя губерніи; также торгъ иностранными напитками, торгъ икрою и соленой разнаго рода рыбою далеко изъ Харькова простирался“ (стр. 118). Да оно и понятно: прежде чѣмъ перейти къ осѣдлому быту, торговля должна была пройти фазу кочеваго: ежегодные пріѣзды иногороднихъ купцовъ въ Харьковъ, пребываніе ихъ здѣсь по нѣсколько мѣсяцевъ въ году, въ концѣ концовъ привели ихъ къ постоянному проживательству. Поселившись навсегда въ Харьковѣ, пріѣзжій купецъ велъ уже здѣсь торговлю круглый годъ. Что постоянная Харьковская торговля находилась въ рукахъ великорусскаго купечества, объ этомъ свидѣтельствуетъ рукописное описаніе г. Харькова, доставленное въ Екатерининскую коммиссію для составленія проекта Новаго Уложенія. Большой торговли, говорится тамъ, городскіе жители не имѣютъ, а человѣкъ десять изъ нихъ торгуетъ иностраннымъ товаромъ (сукномъ и матеріями), греки—бакалейными, а мѣщане—водкою, пивомъ, медомъ, рыбою, солью и пр. мелочью; что-же касается лавокъ, которыхъ въ Харьковѣ не мало, то тамъ по большей части ведутъ торговлю великорусскіе купцы, а именно—матеріями, байкою, чаемъ, сахаромъ, рыбою, солью и всякою мелочью[1]). Наконецъ, рядомъ съ постоянной торговлей и ярмарками существовали еще еженедѣльные торжки или базары (по понедѣльникамъ и пятницамъ), на которые съѣзжались уѣздные обыватели и привозили разные сельско-хозяйственные припасы; всѣ эти три вида торговли существовали вмѣстѣ и повидимому не мѣшали одна другой: каждый изъ нихъ имѣлъ своихъ покупателей, свои товары и т. д. Такъ, нужно полагать, было и въ Сумахъ, гдѣ въ 1773 г. жило 29 иностранцевъ и 36 великорусскихъ купцовъ съ женами и дѣтьми; въ 1787 г. было 40 торговыхъ лавокъ и 2 еженедѣльныхъ торжка. Сумскія оптовыя ярмарки, какъ извѣстно, впослѣдствіи времени пали, но это потому, что значеніе ихъ перешло къ Харьковскимъ; торговые центры имѣли тенденцію передвигаться все далѣе и далѣе къ югу: сначала украинное положеніе на рубежѣ сѣверной и южной Россіи занималъ Курскъ, потомъ Сумы, наконецъ, Харьковъ.

---

[1]) Въ 1773 г. въ Харьковѣ б. 100 иностран. и 223 чел. великорус купцовъ (съ женами и дѣтьми). См. ркп. Вѣд. о пров. и ком. Слоб. Укр. губ., составленную для академика Гюльденштедта. Харьк. Ист. Архивъ. Дѣло Слоб. Укр. Губ. Канц., № 419.

Теперь переходимъ къ вопросу о значеніи среднихъ и малыхъ ярмарокъ. На среднихъ ярмаркахъ тѣ двѣ стихіи, которыя мы наблюдали на большихъ, находились повидимому въ равновѣсіи: привозные товары не преобладали надъ мѣстными, наоборотъ, послѣдніе занимали здѣсь весьма видное мѣсто; такимъ образомъ, ярмарки эти имѣли преимущественно мѣстное значеніе, хотя распространяли въ извѣстномъ районѣ и великорусскіе, и даже заграничные товары. Что касается малыхъ ярмарокъ, то онѣ во многихъ случаяхъ имѣли исключительно мѣстное значеніе; на нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ мы видѣли, вовсе не было привозныхъ великорусскихъ товаровъ; торговали исключительно мѣстными произведеніями; на другихъ, хотя они были, но въ незначительномъ количествѣ и тонули, такъ сказать, въ общей массѣ мѣстныхъ продуктовъ.

Несомнѣнно, что и тѣ и другія приносили пользу мѣстному населенію, способствуя обмѣну и сбыту предметовъ сельскаго хозяйства и мѣстной промышленности. Наносить вредъ большимъ торговымъ центрамъ онѣ не могли, потому что тѣ имѣли своихъ особенныхъ покупателей, свой товаръ, своихъ купцовъ. Чрезвычайно любопытно, что наибольшее число ярмарокъ приходится на долю Харьковской и Сумской провинціи, гдѣ были важнѣйшіе ярмарочные центры; такъ въ Харьк. провинціи 1780 г. была 71 ярмарка, въ Сумской—46, тогда какъ въ Ахтырской—38, а въ Изюмской только 23. Очевидно, большія ярмарки не мѣшали малымъ, и наоборотъ. Нѣкоторая конкуренція могла быть между средними и малыми ярмарками, а еще большая—между малыми, если тѣ были въ слишкомъ близкомъ сосѣдствѣ другъ съ другомъ; но противъ этого постоянно принимались мѣры: при открытіи новой ярмарки прежде всего рѣшался вопросъ, не будетъ ли она мѣшать раньше существовавшимъ; при томъ, если въ новомъ пунктѣ не было благопріятныхъ естественныхъ условій для устройства ярмарки, то она и не прививалась, не взирая на всѣ публикаціи.

Въ виду всего этого мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ автора „Топ. оп. Харьк. Нам.“ о вредѣ, который будто бы приносило значительное число малыхъ ярмарокъ. Въ прежнее время, говоритъ онъ, было заведено во многихъ казенныхъ и владѣльческихъ селеніяхъ по 6 и даже болѣе ярмарокъ, кромѣ еженедѣльныхъ торговъ; это стѣснило естественную торговлю, свойственную городамъ; многочисленныя ярмарки исторгаютъ изъ городовъ ихъ душу, ибо городъ безъ торговли есть неодушевленный истуканъ; торговля перешла въ руки тѣхъ, которымъ судьба вручила воды, лѣса, степи и предписала заниматься земледѣліемъ и скотоводствомъ; жители городовъ напротивъ должны были обратиться къ хлѣбопашеству и скотоводству; ярмарки мѣшаютъ постоянной тор-

говлѣ даже губернскаго города (Харькова), не говоря уже объ уѣздныхъ; городскіе мѣщане, оставивъ свои жилища, круглый годъ разъѣзжаютъ по ярмаркамъ или даже переселяются въ торговыя слободы (стр. 103—105).

Если мы припомнимъ то, что было сказано нами раньше объ отсутствіи въ Слоб. украйнѣ такихъ городовъ и купеческаго сословія, какіе были въ Великой Россіи, то едвали мы согласимся съ нашимъ авторомъ. Города здѣшніе не получили важнаго торговаго значенія не потому, что было много ярмарокъ, а потому, что и первоначально то они основывались съ исключительно военными цѣлями и представляли изъ себя ничто иное, какъ только бѣдные острожки для защиты отъ татаръ, населенные все тѣмъ же казацкимъ военнымъ, а не торговымъ сословіемъ; обиліе ярмарокъ въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ могло ухудшить торговое значеніе того или иного города (такъ было, напр., съ Хотмышскомъ); но, употребляя фигуральное выраженіе нашего автора, ярмарки не могли отнять у городовъ то, чего у нихъ и не было. т. е. души, ибо это были города безъ торговли (какъ ее понимаетъ авторъ) или по его выраженію,—„неодушевленные истуканы". Ярмарки не вредили также и тѣмъ еженедѣльнымъ торгамъ, которые существовали въ каждомъ селеніи: однѣ служили какъ бы дополненіемъ другихъ; на торгахъ или базарахъ торговля отличалась еще болѣе примитивнымъ характеромъ; вотъ какъ изображаетъ ее академикъ Зуевъ: „Это было въ воскресенье 22 декабря поутру, что мы изъ русскаго селенія въѣхали вдругъ въ первое прямо малороссійское. Кого ни надобно, всѣ были на базарѣ. Улицы были уставлены привезенными на телѣгахъ съѣстными припасами, овощами и крымскою солью; у домовъ и по лавочкамъ находились боченки и большія сулеи съ горѣлкою и медомъ; все походило такъ сказать, на ярмарку, но ярмарочнаго ничего не было; одно вино и соль покупаютъ тутъ на наличныя деньги, прочее все на промѣнъ"... [1]). Спрашивается, какой ущербъ могли нанести подобные базары настоящей городской торговлѣ? Конечно, никакого.

Мы кончили и съ сожалѣніемъ должны сознаться, что статья наша не заключаетъ въ себѣ никакихъ данныхъ по вопросу о размѣрахъ торговли на Слободско-украинскихъ ярмаркахъ. Статистическихъ свѣдѣній тогда не собирали и потому мы не можемъ сказать, сколько какого товара привозилось на ярмарки и какая часть его здѣсь продавалась. Въ этомъ отношеніи имѣется только два, три указанія, которыя мы и привели въ свое время. Холстъ и крашенина изъ Суздаля привозились на 100—200 подводахъ; если положить на каждую подводу по

---

[1]) Путеш. Зап. В. Зуева Спб. 1787 г., стр. 184.

40 пуд. (это maximum), то получимъ всего отъ 4000 до 8000 пуд.; бакалейныхъ товаровъ доставлялось обыкновенно 40 подводъ, т. е. по такому же расчету 1600 пудовъ; соленой и свѣжепросольной рыбы и икры —200 подводъ, т. е. 8000 пуд. Отсюда видно, что размѣры торговыхъ оборотовъ сравнительно съ нынѣшнимъ временемъ не были велики. Въ нашемъ распоряженіи имѣются еще данныя о цѣнахъ на многіе ярмарочные товары, но мы уже не будемъ затрагивать этого вопроса, такъ какъ статья наша и безъ того оказалась слишкомъ длинной, а приведемъ только два три факта; рыба была очень дешева: пудъ свѣжей осетрины стоилъ отъ 3 р. до 3 р. 20 к., соленой—отъ 1 р. 40 к. до 1 р. 50 к.; свѣжей стерляди—отъ 2 р. до 2 р. 40 к.; свѣжей икры—отъ 6 р. до 6 р. 50 к., зернистой соленой—отъ 2 р. до 2 р. 10 коп.; за то мануфактурные товары были уже гораздо дороже: сукна иностранныя продавались отъ 70 коп. до 5 р. 50 к. за аршинъ, бархатъ—отъ 2 р. 50 к. до 5 р.; чай—отъ 1 р. до 2 р. за фунтъ, кофе—отъ 9 р. до 11 р. за пудъ, сахаръ—отъ 10 руб. 50 коп. до 11 руб. за пудъ и т. д.

Таковы были Слободско-украинскія ярмарки въ концѣ XVIII ст. Въ XIX ст. (особенно со времени изданія охранительнаго тарифа 1822 г.) онѣ совершенно измѣнили свой характеръ: торговля иностранными товарами на нихъ упала и московская мануфактура заняла господствующее положеніе.

VI.

Ярмарки г. Харькова въ XVIII столѣтіи [1].

Въ настоящее время уже всѣ согласны въ томъ, что Харьковъ возвысился и достигъ нынѣшняго богатства и многолюдства главнымъ образомъ благодаря своимъ ярмаркамъ. Чтобы оцѣнить важное значеніе ярмарокъ въ нынѣшней экономической жизни нашего города, достаточно вспомнить, что въ 1882 г. на Крещенскую ярмарку было привезено товаровъ на 29.600.000 руб., продано на 20.300.000 руб., въ 1880 г.— привезено на 34.395.455 руб., продано на 24.215.545 руб.; на Успенскую въ 1879 г. привезено на 7.966.500 руб., продано на 4.950.050 руб. въ 1883 г. привезено на 11.594.650 руб., продано на 6.973.698 руб.; на Троицкую въ 1880 г. привезено шерсти на 4.575.642 руб., продано на 3.621.820 руб.; на Покровскую въ 1879 г. привезено на 18.628.575 руб., продано на 12.111.720 р. [2]). Но теперь рядомъ съ ярмарочной существуетъ и весьма значительная постоянная городская торговля; въ XVIII же столѣтіи она была относительно невелика и потому ярмарки оживляли городъ гораздо больше, чѣмъ теперь; такое оживленіе имѣло мѣсто еще и въ двадцатыхъ, тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ XIX столѣтія, какъ свидѣтельствуютъ объ этомъ современники [3]).

Какимъ же характеромъ отличались ярмарки г. Харькова въ позапрошломъ столѣтіи? Какіе купцы, откуда и какіе товары привозили на нихъ, кто и по какой цѣнѣ покупалъ ихъ—вотъ вопросы, на которые мы постараемся отвѣтить въ настоящей краткой исторической замѣткѣ.

О началѣ Харьковскихъ ярмарокъ мы къ сожалѣнію не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Пок. К. П. Щелковъ высказалъ мнѣніе, что онѣ образовались изъ обширныхъ базаровъ и торжищъ, гдѣ происходилъ обмѣнъ сѣверныхъ и южныхъ товаровъ [4]). Мы полагаемъ, что Харьковскія ярмарки въ серединѣ XVII ст. имѣли почти исключительно мѣстное

---

[1]) Х. Г. В. 1888 № 26.

[2]) В. Иткина. Харьковскія ярмарки въ 1883 г. (въ Харьк. кал. на 1884 г.), стр. 262, 266. К. П. Щелкова. Харьковъ, стр. 66.

[3]) См., наприм., Ф. О. Рейнгарда. Г. Харьковъ 20-хъ и 30-хъ годовъ (въ Харьк. Сб., на 1887 г., стр. 10), В. Пашкова. Харьковъ въ концѣ 30-хъ и 40-хъ годовъ (въ „Южномъ Краѣ“ 1881 г., № 296).

[4]) К. П. Щелкова. Харьковъ, стр. 65.

значеніе и только впослѣдствіи мало-по-малу сдѣлались центральнымъ пунктомъ для обмѣна великорусскихъ и малорусскихъ товаровъ; въ началѣ XVIII ст. онѣ отличались такимъ характеромъ, какой Ахтырскія и Изюмскія сохранили еще во 2-й половинѣ XVIII в. Чрезвычайно важное вліяніе на развитіе ярмарочной торговли въ Харьковѣ должна была оказать сравнительная безопасность и спокойствіе, которыми нашъ городъ пользовался въ 1-й половинѣ XVIII ст.: за все это время, по свидѣтельству одного архивнаго документа [1]), онъ ни разу не подвергся татарскому погрому. При Петрѣ Великомъ и въ особенности при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ Слободская Украйна, какъ извѣстно, подверглась сильному вліянію русской администраціи [2]); къ этому времени нужно отнести и особенное усиленіе велико-русской стихіи на Харьковскихъ ярмаркахъ. Въ 1765 г. была образована Слободско-Украинская губ. и Харьковъ сдѣланъ губернскимъ городомъ, въ то время какъ Сумы, Ахтырка, Изюмъ и Острогожскъ остались уѣздными. Отнынѣ въ немъ соредоточилось высшее военное, гражданское и духовное управленіе. Понятное дѣло, что это обстоятельство должно было значительно расширить ярмарочную торговлю г. Харькова. Слободская Украйна въ это время перешла уже на совершенно мирное положеніе и могла расширить свои торговыя связи съ Новороссійскимъ краемъ, который, съ покореніемъ Крыма въ 1783 году, также получилъ важное значеніе въ экономической жизни юга.

Обратимся теперь къ печатнымъ и архивнымъ источникамъ и выберемъ изъ нихъ свѣдѣнія о Харьковскихъ ярмаркахъ. Въ рукописномъ „хроногеографическомъ описаніи г. Харькова 1767 г.“ [3]) мы находимъ такое извѣстіе: въ немъ (Харьковѣ) бываетъ въ годъ четыре ярмарки: первая января 6, 2-я въ день Сошествія св. Духа. 3-я августа 15, 4-я октября 1-го и продолжаются обыкновенно отъ 8 до 12 дней; на нихъ пріѣзжаютъ купцы изъ великороссійскихъ и малороссійскихъ городовъ, Новороссійской губ., Донскихъ станицъ и Запорожской Сѣчи, а по временамъ и изъ-за границы (поляки и крымскіе татары). Поляки и малороссіяне привозили шленскіе суконные, шелковые и бумажные товары, швабское и нидерландское полотно; великорусскіе купцы изъ своихъ городовъ— серебряную, мѣдную, оловянную, желѣзную посуду и др. вещи, мѣдь и желѣзо не въ дѣлѣ, юфть, волчьи, лисьи и заячьи мѣха, холстъ, набойку русскаго и нѣмецкаго производства и др. мелочи; изъ Новороссіи, Запорожской Сѣчи и Донскихъ станицъ—соленую рыбу и икру, крымскія вина, фрукты, бумагу, грецкіе, волошскіе и миндальные орѣхи, винныя

[1]) Харьк. истор. архивъ, Дѣла Слоб. Укр губ. канц., № 480.

[2]) П. Головинскаго. Слоб. каз полки, гл. 4-я и 5-я.

[3]) Харьк. истор. архивъ. Дѣла Слоб. Укр. губ. канц., № 480.

ягоды. изюмъ, финики, маслины. лимоны, рогатый скотъ, лошадей, овецъ, овечью шерсть, говяжьи, конскія и бараньи сырыя кожи; изъ Крыму татары—овчины, сафьянныя кожи и простые бумажные товары; уѣздные обыватели—хлѣбъ, птицу, мясо, рогатый и мелкій скотъ, сало, масло, кожи, медъ, горячее вино, садовые и лѣсные плоды, огородныя овощи и деревянную посуду. Въ спеціальной вѣдомости о ярмаркахъ 1779 года [1]) сообщаются почти тождественныя свѣдѣнія о Харьковѣ только съ однимъ прибавленіемъ о сушеныхъ фруктахъ; уѣздные обыватели, говорится тамъ, на Крещенскую ярмарку привозятъ массу сушеныхъ грушъ, которыя покупаются пріѣзжими великорусскими купцами и развозятся въ великорусскіе города. Академикъ Зуевъ, путешествовавшій въ нашемъ краѣ въ 1786 г., говоритъ, что на четырехъ Харьковскихъ ярмаркахъ, изъ коихъ каждая продолжается не менѣе 2-хъ, 3-хъ недѣль, мѣстные жители продаютъ скотъ, шерсть, кожи, славящіеся здѣсь ковры и медъ [2]) Обстоятельныя свѣдѣнія о Харьковскихъ ярмаркахъ мы находимъ въ топогр. опис. Харьк. Нам., изданномъ въ 1788 г. въ Москвѣ. Въ Харьковѣ, говорится тамъ [3]), бываетъ въ годъ четыре ярмарки, изъ коихъ двѣ (Крещенская и Успенская) должны быть причислены къ оптовымъ или ярмаркамъ первой степени. На эти ярмарки привозится много иностранныхъ, россійскихъ и мѣстныхъ товаровъ, при чемъ первые продаются частію въ розницу, а болѣе оптомъ—а именно много мѣди, желѣза и чугуна въ дѣлѣ и не въ дѣлѣ, хрустальной и стекляной посуды. волжской, донской и днѣпровской рыбы и икры, лошадей, рогатаго и мелкаго скота, соленаго и топленаго сала, выдѣланныхъ и сырыхъ лошадиныхъ и говяжихъ кожъ, овчинныхъ шубъ калмыцкаго и украинскаго шитья, сермяжной самодѣлки, суконныхъ кафтановъ, шерстяныхъ ковровъ, овечьей шерсти, воску, меду, деревянной утвари, льну, великорусскаго холста, рогожъ, конопляна го масла, дегтя, бичевы, сушеныхъ фруктовъ и т. п. Начинается торговля на ярмаркахъ дней за 6 до урочнаго дня и продолжается дней 6 послѣ него. Троицкую и Покровскую ярмарки нужно причислить къ среднимъ, на нихъ также привозятся въ достаточномъ количествѣ иностранные и великорусскіе товары, а на площадяхъ идетъ бойкая торговля скотомъ, шерстью, кожами, деревянною посудою и др. предметами.

Итакъ, въ XVIII в. въ Харьковѣ существовали тѣ-же четыре ярмарки, какія мы видимъ въ настоящее время. Двѣ изъ нихъ „Топ. оп. Харь. Нам.“ причисляетъ къ среднимъ, но безъ достаточныхъ, на нашъ взглядъ основаній, такъ какъ изъ его же собственнаго описанія видно, что тор-

[1]) Харьк. ист. архивъ. Дѣла Слоб. Укр. губ. канц., № 557.

[2]) Путеш зап. Вас. Зуева. Спб. 1787 г., стр. 189—190.

[3]) Топ. оп. Харьк. Нам. М. 1788 г., стр. 118—120.

говля на нихъ ничѣмъ почти не отличалась отъ торговли на большихъ ярмаркахъ. О расширеніи торговыхъ оборотовъ на всѣхъ ярмаркахъ свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что еще въ шестидесятыхъ годахъ онѣ тянулись отъ 8 до 12 дней, а въ концѣ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ—уже двѣ, три недѣли. Къ сожалѣнію у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ о количествѣ товаровъ, которые привозились и продавались на этихъ ярмаркахъ. Приведенные нами источники свидѣтельствуютъ, что товары привозились изъ заграницы, Великороссіи, Малороссіи (т. е. нын. Черниговской и Полтавской губерн.), Новороссійскаго края, Донскихъ станицъ, Запорожской Сѣчи и, наконецъ, Крыма. Великорусскіе купцы и товары начали въ это время уже создавать себѣ господствующее положеніе на харьковскихъ ярмаркахъ; говоримъ „начали“, потому что остальные товары, въ особенности заграничные (изъ Данцига, Силезіи, Лейпцига, Бреславля), пока еще удачно конкурировали съ ними; но на сторонѣ московскихъ было одно важное преимущество передъ заграничными: по своей дешевизнѣ они находили себѣ сбытъ среди всего слоб.-укр. общества, между тѣмъ какъ заграничные распространялись гл. образомъ среди помѣщиковъ. Многіе пріѣзжіе великорусскіе купцы записались въ число харьковскихъ гражданъ и способствовали развитію постоянной торговли въ Харьковѣ. Произведенія мѣстной промышленности занимали также очень видное мѣсто на харьковскихъ ярмаркахъ, но мѣстные купцы по большей части были въ одно и тоже время и производителями, и продавцами. Привозимые товары покупались мѣстными обывателями, а мѣстные—и пріѣзжими купцами, которые отвозили ихъ на сѣверъ (напр. скотъ, сушеныя груши и т. п.). Цѣны на привозные товары были такія: тонкія англійскія мундирныя сукна стоили отъ 4 р. до 5 р. 50 к. арш., англійскія тонкія штатскія—отъ 3 р. до 4 р. 50 к., бреславскія разныхъ цвѣтовъ отъ 1 р. 15 к. до 1 руб. 35 коп., венгерскія—отъ 70 коп. до 90 коп., байки англійскія—отъ 1 руб. до 3 р., штофъ—отъ 2 р. до 3 р., грезетъ—отъ 1 р. 20 к. до 1 руб. 60 к., рецетъ—по 2 р., тафты французскія по 1 р. 20 к., московскихъ фабрикъ—отъ 50 к. до 60 к., бархатъ венеціанскій—отъ 4 р. 50 коп. до 5 р., флорентійскій—отъ 2 р. 50 к. до 3 р., плисъ—отъ 1 р. 60 к. до 2 р., полуситцы—отъ 7 р. до 10 руб. за штуку въ 11 арш., кисея, золотомъ шитая—отъ 50 р. до 100 р. за штуку въ 27 арш., ординарная кисея—отъ 8 р. до 20 р. за штуку въ 27 арш., валендорбское полотно —отъ 18 р. до 30 р. за штуку въ 40 арш., голландское—отъ 40 р до 70 р. за штуку въ 80 арш., лучшій батистъ—отъ 15 р. до 20 руб. за штуку въ 9 арш., средній—отъ 8 р. до 10 руб. за штуку въ 9 арш., коса—отъ 40 к. до 50 к., серебро въ дѣлѣ по 21 к. золотникъ, а съ

позолотою—отъ 24 к. до 26 к., мѣдь въ дѣлѣ—отъ 50 к. до 70 к. за фунтъ, оловянная посуда—отъ 9 р. до 10 руб. за пудъ, платки набойчатые отъ 20 к. до 22 к., ленты московскихъ фабрикъ—отъ 8 коп. до 9 к. арш., пестрядь—отъ 7 к. до 9 к. арш., московскій холстъ—отъ 3 к. до 18 к. арш, сани городовыя московскія—отъ 12 р. до 25 р., финики —отъ 15 р. до 20 р. тысяча, орѣхи волошскіе—отъ 1 р. до 1 р. 29 к. тысяча, орѣхи грецкіе—отъ 2 р. 50 к. до 3 р. пудъ, миндальные—отъ 7 р. до 10 р. пудъ, рожки—отъ 1 р. 50 к. до 2 р. пудъ, маслины—отъ 2 р. 50 к. до 3 р. пудъ, масло деревянное—отъ 7 р. до 9 р. пудъ, сорочинское пшено—отъ 2 р. до 3 р. за пудъ, турецкій табакъ курительный—отъ 10 р. до 12 р. пудъ, соленая осетрина—отъ 1 р. 40 коп. до 1 р. 50 коп. пудъ, свѣжая—отъ 3 р. до 3 р. 20 к., соленая мѣшечная икра—отъ 2 р. 50 к. до 3 р., свѣжая зернистая—отъ 6 р. 50 к. до 7 р., наконецъ, шампанское—отъ 1 р. 80 к. до 2 р. 50 к. за бутылку.

VII.

Стихійныя бѣдствія и борьба съ ними въ Слободской украйнѣ [1])

(XVII—XIX в.).

Гл. I.

ЭПИДЕМІИ.

Южная Русь, граничившая непосредственно съ народами тюркскаго корня, очень часто страдала отъ эпидемическихъ болѣзней; Азія высылала сюда не только степныхъ наѣздниковъ, причинявшихъ страшныя опустошенія населенію, но и моровыя повѣтрія, бывшія настоящимъ „бичемъ Божіимъ“ для украинскаго народа. Украина должна была первая отражать и татарскія орды и незванную гостью—чуму. Такое именно значеніе—аванпоста русскаго государства—имѣли Запорожье, Гетманщина и Слободская Украйна; на долю каждой изъ этихъ областей выпало не мало тяжкихъ испытаній, о которыхъ говорятъ и документальныя данныя, и лѣтописцы, и записки современниковъ. Исторія „стихійныхъ бѣдствій“ этого края могла бы дать матеріалъ для весьма цѣннаго и обширнаго изслѣдованія; къ сожалѣнію никто еще не занялся систематическимъ подборомъ и обработкой относящихся сюда источниковъ, хотя впрочемъ въ послѣднее время и началось нѣкоторое оживленіе въ изслѣдованіи вопроса объ исторіи медицины въ Россіи вообще (имѣемъ въ виду новѣйшія работы профессора Загоскина и харьковскаго автора, врача Германа). Будемъ надѣяться, что учрежденныя при медицинскихъ факультетахъ каѳедры „Исторія медицины“ будутъ вездѣ заняты и преподаватели этихъ предметовъ дадутъ намъ рядъ трудовъ по исторіи медицины въ Россіи вообще и въ различныхъ областяхъ ея въ частности.

Слободская Украйна страдала отъ эпидемій нѣсколько меньше, чѣмъ Запорожье и даже Малороссія: бо́льшей опасности въ этомъ отношеніи подвергалась южная часть ея (нынѣшній Изюмскій уѣздъ), конечно, потому, что была ближе къ очагамъ заразы—татарско-турецкимъ владѣніямъ.

---

[1]) Замѣтки и матеріалы по исторіи Слободской украйны. Х., 1893. О стихійныхъ бѣдствіяхъ въ Россіи вообще смотри мою статью въ «Истор. Вѣстникѣ» за 1892 годъ («Стихійныя бѣдствія и борьба съ ними въ Россіи въ старину»).

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ XVII в. Слободскую Украйну не разъ посѣщали повальныя болѣзни, хотя мы имѣемъ извѣстія только объ эпидеміи 1688 г. [1]). Центральное московское правительство постоянно принимало мѣры противъ занесенія заразы въ свои предѣлы. Особенное вниманіе оно обращало на самый крайный южный пунктъ— г. Цареборисовъ (нынѣшнее селеніе Изюмскаго уѣзда, Харьковской губ.). Черезъ него проходила посольская дорога въ Крымъ; тутъ останавливались послы и гонцы; здѣсь разспрашивали всякихъ выходцевъ, изъ какихъ мѣстъ они идутъ и нѣтъ ли тамъ „опасной болѣзни". Въ охраненіе отъ внесенія чумной заразы во внутрь Россіи, въ Царевѣ Борисовѣ была учреждена оберегательная застава, гдѣ проѣзжіе и ихъ имущество подвергались окуриванію, а посланники сожигали старыя бумаги, писали новыя и передавали ихъ „черезъ огонь". Объ этомъ свидѣтельствуетъ списокъ со статейнаго списка Вас. Тяпкина и дьяка Ник. Зотова 1681 года [2]), „писанный со словъ чрезъ огонь въ Царевѣ Борисовѣ городкѣ". Но предохранительныя мѣры существовали не только въ Цареборисовѣ, а и въ другихъ мѣстахъ, потому что всѣ города Слободской Украйны считались въ то время порубежными Вотъ, напримѣръ, документальное свидѣтельство о г. Харьковѣ, относящееся къ 1688 году и заключающееся въ наказѣ Харьковскому воеводѣ Сем. Дурново [3]). „А будетъ, говорится тутъ, въ Харьковъ придутъ изъ Крыму или изъ Ногаевъ на Государево имя выходцы или придутъ изъ которыхъ земель полоненники, или придутъ съ Дону атаманы и козаки, и ему тѣхъ выходцевъ и перебѣжчиковъ, и полоненниковъ, и атамановъ, и козаковъ, не допустя до города на отъѣзжихъ сторожахъ велѣть разспрашивать, нѣтъ ли въ тѣхъ мѣстахъ на людей мороваго повѣтрія и буде по ихъ сказкѣ гдѣ моровое повѣтріе есть, и ему Семену тѣхъ выходцевъ и полоненниковъ, и атамановъ, и казаковъ про моровое повѣтріе велѣть разспрашивать подлинно за заставою чрезъ огонь и тѣ распросныя рѣчи велѣть на заставѣ переписывать на новую бумагу, а прежнія ихъ разспросныя рѣчи въ Харьковѣ велѣть переписывать на новую же бумагу дважды и трижды, да о томъ писать и распросныя рѣчи на новой бумагѣ отсылать въ Бѣлгородъ, къ боярамъ и воеводамъ и тѣхъ людей, которые пріѣдутъ изъ моровыхъ мѣстъ, отсылать назадъ, кто откуда пріѣхалъ, а въ Харьковъ и въ иные города пропускать ихъ не велѣть; стоять головамъ съ великими береженьемъ не оплошно, и того велѣть смотрѣть и беречь на крѣпко, чтобъ одно-

[1]) Филарета Ист. стат. опис. Харьк. еп., IV, 139.

[2]) См. Зап. Одес. Общ., т. 2-й, стр. 568, 652.

[3]) Мои „Матеріалы", т. 1-й, стр. 151.

конечно мимо заставъ изъ моровыхъ мѣстъ въ Харьковъ и въ иные города, также изъ Харькова и изъ иныхъ городовъ и уѣздовъ мимо заставъ въ моровыя мѣста отнюдь никто не проѣхалъ и пѣшъ не прошелъ и не прокрался и въ моровыхъ мѣстахъ за заставами никто ни у кого ничего не покупалъ и даромъ неималъ и въ здоровыя мѣста не провезъ и не пронесъ отнюдь никоторыми обычаи, чтобъ изъ моровыхъ мѣстъ въ Харьковъ и въ полевые и въ украинные города на людей мороваго повѣтрія не нанесло".

Отсюда мы видимъ, что и въ Харьковѣ существовала застава, опросъ пріѣзжихъ и писанье бумагъ „черезъ огонь". Насколько всѣ эти мѣры достигали цѣли, сказать трудно; нужно впрочемъ думать, что онѣ приносили свою пользу: задерживали эпидеміи на окраинѣ государства. Система карантиновъ практиковалась въ началѣ XVIII ст., какъ это мы видимъ, напримѣръ, во время эпидемій 1701 и 1718 годовъ. „Въ прошломъ 1701 г., говорится въ одномъ актѣ, Божіимъ соизволеніемъ полку нашего изюмскаго въ городѣ Цареборисовѣ учинилося было моровое повѣтріе и для того морового повѣтрія людей для соленаго промысла на Торъ (нынѣ Славянскъ) мало приходило, потому что во всѣхъ полкахъ поставлены были заставы" [1]). Чума 1718—1719 гг. унесла очень много жертвъ. „Въ прошлыхъ 1718 и 1719 гг., во время бывшаго въ г. Изюмѣ морового повѣтрія, многіе изюмскіе обыватели, мірскіе люди, также и духовнаго чина соборныя церкви Преображенія Господня протопопъ, діаконъ и приходскихъ церквей священники отъ моровой заразы померли" [2]). Служители церкви, очевидно, свято исполняли свой долгъ—напутствовали умирающихъ и благодаря этому заражались и умирали. Народъ, какъ это всегда бывало въ такихъ случаяхъ, обращался къ покаянію, приносилъ вклады въ монастыри и т. п. Такъ жители м. Ямполя „спѣшили умилостивить гнѣвъ Божій, изливавшійся въ страшной моровой язвѣ, благотвореніями храму своему и Святогорской обители" [3]). Объ этомъ же свидѣтельствуетъ намъ и Святогорскій синодикъ, гдѣ говорится. „Лѣта отъ рожденія Христова 1718 и въ сей странѣ, грѣховъ ради нашихъ, попущеніемъ Божіимъ, моръ великъ начася, первѣе въ Бахмутѣ и въ Тору (т. е. Славянскѣ), потомъ и въ Изюмѣ и въ окрестныхъ градѣхъ и селѣхъ. Во время же онаго страшнаго гнѣва Божія мнози православніе христіане, ихъ же имена въ сей синодикъ записашася, желающе получити отъ Создателя своего спасеніе душамъ своимъ, дадоша отъ имѣній своихъ, елико кто возможе, во святую обитель сію

[1]) Филаретъ. Ист. стат. опис. Харьк. еп., V стр. 143.

[2]) Ibidem, стр. 32.

[3]) Ibidem, стр. 160.

Святогорскую, дабы поминовеніе творити по чину, якоже содержитъ святая церковь". [1])

Свѣтское начальство, съ своей стороны, не ограничивалось одними карантинами, а употребляло въ случаѣ надобности и болѣе энергическія мѣры—сожигало цѣлые городки; такъ, напримѣръ, поступили съ гор. Цареборисовомъ въ 1719 г. „Въ 1718 г., говорится въ одномъ документѣ, въ сихъ людяхъ было моровое повѣтріе и померло людей многое число; а 1719 г. въ іюнѣ мѣсяцѣ присланъ тобольскаго полку майоръ князь Григорій Волконскій съ драгуны и ихъ (жителей) изъ города выслалъ въ лѣсъ, содержалъ подъ карауломъ, а Цареборисовскую городовую крѣпость и церкви Божіи и въ нихъ святыя иконы, и церковную утварь и пороховую, и протчую казну, и дворы съ пожитки велѣлъ все пожечь безъ остатку". По этому же документу изъ всѣхъ жителей города уцѣлѣло тогда только 97 чел. (23 русскихъ и 74 черкасъ, т. е. малороссіянъ) [2]). Болѣзнь перешла и въ сѣверные уѣзды губ.; такъ, извѣстно, что она свирѣпствовала въ с. Лопани [3]).

Но особенно опустошительна была моровая язва 1738—1739 г., занесенная въ Слободскую Украйну изъ Очакова во время русско-турецкой войны

Манштейнъ пишетъ; „свирѣпствовавшая въ Молдавіи и Валахіи чума сообщилась также одной части Украйны, но благодаря разумнымъ мѣрамъ фельдмаршала Миниха, зло не распространилось по всему краю. Однако нельзя было отвратить того, что нѣсколько городовъ и селъ совершенно обезлюдѣли" [4]). Гораздо болѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ этой эпидеміи находимъ въ старомъ, но классическомъ сочиненіи по исторіи медицины въ Россіи—Рихтера: изъ Молдавіи, по его словамъ, болѣзнь въ 1738 году перешла въ Очаковъ, взятый недавно передъ тѣмъ русскими войсками подъ начальствомъ Миниха. Въ теченіе мая мѣсяца въ Очаковѣ умерло отъ нея 1080; а въ іюнѣ—642 чел., всего 1722 огромная цифра для города съ незначительнымъ населеніемъ [5]). Изъ Очакова она открыла себѣ путь и въ Украйну и начала свирѣпствовать здѣсь лѣтомъ того же 1738 года, прежде всего въ Изюмѣ (въ маѣ мѣсяцѣ), потомъ и въ другихъ городахъ и селеніяхъ. Въ запискахъ полк. Тевяшова говорится: „напослѣдокъ появилась опасная болѣзнь, простираясь около половины года, истребила здѣшняго народа многія

[1]) Ibidem, I, стр. 164—165.

[2]) Ibidem, V, стр. 54—55.

[3]) Ibidem, II, стр. 151.

[4]) Записки Манштейна о Россіи. СПБ. 1875 г., стр. 154.

[5]) Исторія медиц. въ Россіи, ч. 3-я, М. 1820, стр. 235—236.

тысячи, такъ что отъ нѣкоторыхъ поселеній остались одни слѣды и принуждены были потомъ населиться вновь совсѣмъ [1]). Въ 1732 г. при 5-ти церквахъ г. Изюма значилось 368 дворовъ и 1591 душа муж. пола, а въ 1738 г., послѣ морового повѣтрія, оказалось 253 д. муж. п., [2]) т. е. 1/6 часть; всего въ Изюмѣ и его окрестностяхъ отъ начала до конца эпидеміи умерло 6610 чел.. [3]) долгое время послѣ этого городъ не могъ оправиться и представлялся малонаселеннымъ. Въ м. Цареборисовѣ чума унесла почти половину жителей: въ 1737 г. тамъ было 1523 д., а въ 1739—785 чел. [4]). Свирѣпствовала она и въ г. Славянскѣ и особенно Святогорскомъ монастырѣ. Въ синодикѣ Святогорскаго мон. (который, къ сожалѣнію, остается неизданнымъ) записано: „1738 г. въ сей странѣ, грѣховъ ради нашихъ, попущеніемъ Божіимъ, моръ начался, первѣе въ Изюмѣ отъ іюня (какъ мы видѣли, еще въ маѣ) и въ прочихъ городѣхъ и селѣхъ, а въ нашей Святогорской обители отъ августа, безъ знаковъ, до мѣсяца октября 28 числа. Много братіи, монашескаго чина и бѣльцевъ умре до мѣсяца ноября 10 числа. Отъ ноября, Божіимъ милосердіемъ и Богоматери, престала“ (имена всѣхъ погребенныхъ были вписаны въ Синодикъ). Въ слѣдующемъ (1739) г. болѣзнь была еще гораздо губительнѣе; въ доношеніи преосвященному говорится: „въ Святогорскомъ монастырѣ была моровая язва; *всѣ* іеромонахи, и іеродіаконы и монахи померли, остались только два монаха простыхъ, лѣтъ по сту; а нынѣ въ 742 г. опредѣлены изъ монастырей два іеродіакона и постриженъ въ монахи поповъ сынъ крылошанинъ Паисій, искусный въ грамотѣ“ [5]). Изъ южной части Харьковской губ. зараза проникла и въ сѣверную и въ нѣкоторыя мѣстности сосѣднихъ Курской и Воронежской губ. (напр., Харьковъ, Салтовъ, Бѣлгородъ, Валуйки) [6]). О развитіи ея въ это время въ Харьковѣ мы находимъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ фамильной записи Квитокъ. „въ августѣ, говоритъ авторъ записокъ, явно уже обнаружилася моровая язва въ Харьковѣ и я совсѣмъ выѣхалъ въ Куряжскій Преображенскій мон., продолжалась она здѣсь и въ прочихъ мѣстахъ Харьковскаго полка въ теченіе всего сентября; въ Харьковѣ изъ болѣе знатныхъ лицъ умерли—Благовѣщенскій священникъ Іоаннъ, Троицкій Михаилъ и купецъ Грунинъ со всѣмъ семействомъ. Въ октябрѣ болѣзнь еще болѣе усилилась и многія семьи знатныхъ людей

---

[1]) Фил. Ист. стат. оп. Харьк. еп., V, стр. 34.

[2]) Іb.

[3]) Рихтера. Ист. мед. ч. 3-я, стр. 237.

[4]) Филарета Ист. стат. оп. Харьк. еп., V, стр 55.

[5]) Іb., I, стр. 169.

[6]) Рихтеръ. III, прилож. стр. 82—83.

вымерли всѣ до одного человѣка (въ томъ числѣ и живописецъ Семенъ Дмитріевъ); въ ноябрѣ и особенно декабрѣ она стала замѣтно ослабѣвать... Но смрадный воздухъ (отъ труповъ?) былъ и въ октябрѣ и позже“ [1]). По оффищальному отчету первый случай заболѣванія въ Харьковѣ произошелъ въ приходѣ Михайловской церкви, гдѣ заболѣлъ 6-тилѣтній мальчикъ Скляровъ „головою, рвотою и черною болѣзнью“, заболѣлъ онъ 18-го числа, а умеръ 19; вслѣдъ затѣмъ умерли его братъ (10 л.) и сестра (18 л.). Священникъ не рѣшался безъ особеннаго разрѣшенія и предварительнаго осмотра хоронить этихъ покойниковъ; тогда мать самовольно предала тѣла ихъ землѣ. Послѣ этого случая стали регулярно уже отправлять вѣдомости о заболѣвшихъ въ полковую канцелярію и производить осмотръ подозрительныхъ больныхъ. Въ разгарѣ эпидеміи въ одномъ домѣ умирало въ теченіе одного дня по 2 и 3 человѣка, такъ что и священники въ это время не ходили къ больнымъ. Положеніе Харьковскихъ обывателей было отчаянное. Лазаретовъ въ городѣ не было никакихъ, „якобы за неимѣніемъ къ лазарету потребныхъ пристойностей“. Въ началѣ сентября былъ учрежденъ строжайшій карантинъ; кругомъ поставленъ былъ караулъ, не выпускавшій никого изъ жителей и не впускавшій постороннихъ въ городъ. Это вызвало недостатокъ съѣстныхъ припасовъ. Нужно замѣтить, что значительная часть городского населенія занималась тогда хлѣбопашествомъ, но не успѣла сжать и свезти въ Харьковъ своего хлѣба до начала сентября, а въ это время уже устроенъ былъ карантинъ—и хлѣбъ остался на полѣ. Продовольствіе свое горожане получали изъ государственнаго магазина; но многіе всетаки терпѣли нужду, въ особенности дѣти, потерявшія своихъ родителей; такъ, по смерти прихожанина соборной церкви Василія Жука, дѣти его (сынъ Яковъ 7 лѣтъ и дочери Феодосія 12 и Ирина 5 лѣтъ) умерли съ голода и холода. Особенно сильный недостатокъ чувствовался въ дровахъ, такъ что жители принуждены были вырубить почти всѣ садики, находившіеся возлѣ города. Скотъ обывательскій (крупный рогатый и лошади) остался безъ достаточнаго запаса сѣна, такъ что нѣсколько головъ его пало отъ безкормицы. Архіерей рѣшился прибѣгнуть къ духовному оружію противъ эпидеміи: наложилъ на гражданъ постъ, совѣтовалъ имъ пріобщаться святыхъ Таинъ Христовыхъ. Болѣзнь прекратилась только глубокою осенью [2]).

Правительство серьезно встревожилось и рѣшило принять энергичныя мѣры противъ дальнѣйшаго занесенія заразы въ центральныя об-

[1]) См. изданное мною „Извлеченіе Преосв Филарета Харьк. изъ фамильныхъ записокъ Квитокъ“ (Хар. Сбор. на 1889 г.).

[2]) Архивъ Харьковской Духовной Консисторіи. Дѣло XVIII в. (о моровой язвѣ).

ласти государства. Въ Изюмъ отправленъ былъ для опредѣленія болѣзни полковой хирургъ Бекманъ, который вначалѣ ошибочно назвалъ ее гнилой горячкой, но скоро убѣдился, что это настоящая чума; точно также поступилъ докторъ Севасто; докторъ Минеатъ сразу призналъ эпидемію настоящей чумой; знаменитый ученый Шрейберъ напечаталъ (въ Берлинѣ въ 1744 году) о ней цѣлую диссертацію на латинскомъ языкѣ („Observationes et cogitata de pestilentia, quae, anno 1738 et 1739 in Ukrainia grassata est"). Симптомами болѣзни являлись—жаръ, багровый цвѣтъ лица, сильная тоска и даже помѣшательство; впослѣдствіи обнаружились „знаки" (такъ ихъ называетъ Квитка въ своихъ запискахъ), т. е. Carbunculi, bubones, при чемъ заболѣвшіе умирали на 2-й или 3-й день послѣ начала болѣзни.

Изъ донесеній губернской Бѣлгородской и уѣздной Бахмутской канцелярій, а также подполковника Астафьева сенатъ убѣдился въ существованіи опасной и „дикой" болѣзни на людяхъ въ сел. Хотомлѣ, Салтовскаго уѣзда и мѣстечкахъ Сватовой Лучкѣ и Сеньковѣ (Изюмскаго полка). Въ виду этого еще въ іюлѣ 1738 года онъ предпринялъ рядъ мѣръ для дальнѣйшаго пресѣченія ея. Въ зараженныя мѣста былъ отправленъ дѣйств. стат. сов. Ал. Баскаковъ, которому были даны чрезвычайныя полномочія. На обязанности его лежало главнымъ образомъ учрежденіе крѣпкихъ заставъ, въ близкомъ разстояніи одна отъ другой, съ тѣмъ, „чтобы вездѣ на тѣхъ заставахъ и съ крайнимъ прилежаніемъ пріѣзжающихъ изъ тѣхъ опасныхъ мѣстъ людей никого, не токмо чрезъ заставы, но и до заставъ не пропускали и тогобъ неусыпно смотрѣли, чтобъ кто гдѣ мимо заставъ пройти и прокрасться не могъ и поступали бъ во всемъ томъ неотмѣнно, какъ инструкція и указъ повелѣваютъ, безъ всякаго ослабленія, подъ опасеніемъ за оплошность и престереженіе смертной казни"; на всѣхъ заставахъ онъ долженъ былъ поставить надежныхъ офицеровъ, снабдить ихъ инструкціями и наблюдать за ними постоянно; кромѣ того онъ могъ принимать необходимыя мѣры и по своему усмотрѣнію, не испрашивая разрѣшенія высшаго начальства, помня только, что за всякую неосторожность и небрежность онъ долженъ отвѣчать самъ, какъ главный командиръ; для содержанія карауловъ онъ могъ требовать солдатъ и офицеровъ изъ Кіевскаго и Бѣлгородскаго гарнизоновъ или Украинской линіи; всѣ эти мѣры предосторожности нужно было предпринимать секретно и не разглашать о нихъ въ народѣ; губернаторы, вице-губернаторы, воеводы должны были исполнять всѣ его приказанія подъ страхомъ жестокаго взысканія; съ Баскаковымъ долженъ былъ отправиться отъ медицинской канцеляріи докторъ и лекарь

съ медикаментами, для караула 6 солдатъ и для письмоводства одинъ подъячій [1]).

Изъ этого видно, что Баскаковъ получилъ чрезвычайныя полномочія и особенное вниманіе долженъ былъ обратить на устройство заставъ. Какъ же онъ выполнялъ свою задачу? Объ этомъ мы узнаемъ изъ другого сенатскаго указа отъ 1-го сентября того же 1738 г. [2]). Оказывается, что къ этому времени болѣзнь проникла уже и въ сосѣднія селенія; не мало народа умерло въ сл. Салтовѣ и Хотомлѣ близъ Бѣлгорода и въ м. Сватовой Лучкѣ, Сеньковѣ, Купянскѣ, въ с. Сенихѣ, Нижней Дуванкѣ, Двуличномъ и Рѣдьковкѣ, Изюмскаго полка; караулы хотя и были учреждены, но весьма недостаточные и малолюдные, потому что достаточнаго числа караульныхъ солдатъ найти было невозможно; при томъ черезъ заставы пропускались, въ противность губернаторской инструкціи, курьеры. Сенатъ предписалъ Баскакову: „тѣ опасныя мѣста, гдѣ возможно, завалять лѣсомъ, а гдѣ лѣсовъ нѣтъ или весьма мало, въ тѣхъ мѣстахъ окопать землею и весьма частые и немалолюдные учредить караулы и накрѣпко денно и ночно смотрѣть, дабы никто изъ тѣхъ опасныхъ мѣстъ и чрезъ оныя отнюдь проѣхать и пройтить и никакъ прокрасться не могли и надъ тѣми караулами неусыпно частыми разъѣздами накрѣпко надсматривать“; караульныхъ взять изъ всѣхъ ближайшихъ гарнизоновъ, сверхъ того набирать отставныхъ, а также дворянъ и изъ крестьянъ и прочихъ обывателей окружающаго района (но не далѣе 100 в.); почтовые станы въ опасныхъ мѣстахъ уничтожить и перевести въ другія; для отсылки же рапортовъ учредить подлѣ Бѣлгорода двѣ заставы, снабдивъ ихъ нужнымъ числомъ курьеровъ, копіистовъ, исправныхъ писцовъ; рапорты на 1-ой заставѣ принимать черезъ огонь и переписывать ихъ три раза, оригиналы же оставлять на заставѣ; такъ же поступать и на 2-й заставѣ; курьеры, пріѣзжавшіе изъ Петербурга, должны были выдерживать карантинъ, а потомъ уже отправляться назадъ, но только до Москвы, а изъ Москвы привезенныя ими копіи отвозились въ Петербургъ уже другими лицами.

Изъ 3-го сенатскаго указа (отъ ноября 1738 г.) [3]) мы узнаемъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ болѣзнь тогда уже прекратилась, въ другихъ стала уменьшаться, но зато въ третьихъ появилась вновь, и такъ какъ наступало зимнее время, а многіе обыватели выведены были изъ селеній на временное жительство въ особыя мѣста, то сенатъ предписывалъ „дабы для такихъ выведенныхъ изъ жилыхъ дворовъ въ пустыя мѣста

[1]) Пол. Собр. Зак., т. X. № 7623.
[2]) Ibidem, № 7648.
[3]) Ibidem, № 7691.

людей построены были въ такихъ мѣстахъ теплые покои, яко шалаши, казармы, хотя невеликимъ коштомъ, но чтобъ были теплы и людямъ безъ дальней нужды жить было можно и при томъ накрѣпко смотрѣть и предостерегать, чтобъ въ такіе покои людей введено было жить по пропорціи безъ тѣсноты, дабы въ такихъ случаяхъ, ежели въ одномъ покоѣ весьма много людей будетъ жить отъ тѣсноты больше та болѣзнь не заражалась а, отъ чего Боже милосердіемъ своимъ сохрани, тѣ люди всѣ безъ остатка не померли; и при томъ изъ тѣхъ выведенныхъ людей зараженныхъ отъ здоровыхъ тотчасъ, какъ заразятся, отдѣлять и пристойными лѣкарствами непрестанно пользовать, а незараженныхъ всякими удобовымышленными способами беречь и съ больными людьми сообщаться не допускать; касаться же здоровымъ людямъ къ скарбу или къ пищѣ больныхъ весьма накрѣпко, подъ прещеніемъ смертной казни запрещать и здоровыхъ окуривать можжевельникомъ и прочими пристойными матеріями и давать пить цѣльнаго разогрѣтаго дехтя или въ пищѣ употреблять чеснокъ и мазаться, чтобъ та болѣзнь болѣе въ здоровыхъ заражаться не могла". Посланный въ Украину докторъ Севасто прислалъ обстоятельное извѣстіе о болѣзни въ Кабинетъ (16 ноября 1738 г.). Самымъ главнымъ и дѣйствительнымъ средствомъ, которымъ пользуется вся Европа, онъ признаетъ полное прекращеніе сообщенія между здоровыми и зараженными мѣстностями, при чемъ, по его мнѣнію, слѣдуетъ запереть не только зараженныя, но и подозрительныя въ отношеніи заразы мѣста; второю мѣрою онъ считаетъ полное изолированіе больныхъ отъ здоровыхъ; здоровые не должны имѣть недостатка ни въ какихъ съѣстныхъ припасахъ; вездѣ должны быть зажигаемы огни и практиковаться окуриваніе табакомъ, селитрой и навозомъ; все это вѣрныя предохранительныя средства противъ чумы, не слѣдуетъ пренебрегать и амулетами; удивительно, говоритъ онъ, съ какою вѣрою народъ принимаетъ ихъ; по моему совѣту, ихъ было приготовлено нѣсколько тысячь штукъ сверхъ тѣхъ, кои были присланы докторомъ Фишеромъ. Докторъ Севасто рекомендуетъ и лѣчебныя средства, но прибавляетъ: искусство заключается въ томъ, чтобы воспрепятствовать появленію болѣзни, а лѣчить въ высшей степени трудно. Вслѣдъ затѣмъ Севасто сообщаетъ краткій отчетъ о своемъ путешествіи. 1-го сентября онъ пріѣхалъ въ Курскъ и тотчасъ отправился съ Баскаковымъ для осмотра деревни Рождественской; тутъ онъ оставилъ хирурга съ медикаментами, подалъ необходимые совѣты и 4 сентября уѣхалъ; 8 сентября явился въ Бѣлгородъ, а потомъ Харьковъ, и здѣсь оставилъ хирурга съ лекарствами; выѣхалъ отсюда 12 сентября; 16 сентября онъ посѣтилъ с. Печенѣги (нынѣ Зміев. уѣзд.) 19—Валуйку, 27—вернулся въ Бѣлгородъ; 27 октября выѣхалъ въ

Старый Осколъ, а возвратился оттуда въ ноябрѣ въ Бѣлгородъ и сейчасъ снова долженъ быть ѣхать въ Харьковъ, Салтовъ, Хотомлю, Печенѣги, а оттуда опять въ Рождественское подъ Курскомъ— т. е. сдѣлать кругъ болѣе чѣмъ въ 600 верстъ. „Богъ свидѣтель прибавляетъ д. Севасто, что безъ бдительности Баскакова и отчасти моихъ совѣтовъ болѣзнь проникла бы изъ Курска въ Москву". Въ заключеніе д. Севасто сообщаетъ, какъ приняты были всѣ эти мѣры мѣстнымъ населеніемъ. Удивительно было. говоритъ онъ, видѣть невѣжество здѣшняго народа, то, что дѣлалось нами, говоритъ онъ, изъ любви, ими принималось какъ наказаніе. Тѣ, которые были заперты, желали быть свободными, хотя они были заражены, а свободные въ свою очередь плакали и кричали, какъ-будто мы были въ этомъ виноваты [1]). Таковы были мѣры, принятыя противъ эпидеміи 1738—1739 г.: на мѣстѣ врачей не было—и ихъ нужно было присылать изъ Петербурга.

Коммиссарская инструкція 1766 г. возлагаетъ уже наблюденія за появленіемъ эпидемическихъ болѣзней на представителей мѣстной сельской администраціи. „Всѣхъ поселеній жителямъ объявить, говорится тамъ, ежели у кого въ домахъ явится моровая язва и другая прилипчивая болѣзнь или заболѣетъ не малое число людей горячкою, о такихъ объявляли-бъ немедленно квартергеру и атаману, которымъ тогожъ числа рапортовать въ коммиссарское правленіе, а оное въ канцелярію своего вѣдомства, почему изъ той канцеляріи имѣетъ быть присланъ для осмотра и свидѣтельства той болѣзни лѣкарь и какое предписаніе учинить, по тому и исполнять" [2]). Въ это именно время въ Слоб. Украинѣ происходили реформы Евд. Щербинина и вводился новый гражданскій порядокъ, долженствовавшій замѣнить прежній военно-казацкій строй. Коммисарская инструкція и является выраженіемъ этихъ новыхъ порядковъ; главнымъ же образомъ она старается создать правильное полицейское устройство въ уѣздахъ, какого раньше въ качествѣ самостоятельнаго учрежденія не было.

Изъ эпидемическихъ болѣзней болѣе поздняго времени (въ XIX в.) у насъ свирѣпствовали по временамъ холера, цынга, оспа. Особенно памятна холера 1830—31 и 1848—1849 г.г. Умирали подчасъ черезъ 2—4 часа послѣ заболѣванія, врачей въ 1830—31 г. было мало и леченіемъ занимались иногда священники; въ 1848 г. количество докторовъ уже увеличилось. О процентѣ смертности свидѣтельствуютъ слѣдующія цифры: въ сл. Шиповатой изъ 1944 чел. умерло 111 душъ [3]), въ сл.

[1]) Рихтера—Ист. мед въ Рос., ч. 3-я, стр. 237—241, прим., № XII, стр. 81—83.

[2]) Мои „Матеріалы" т. 2-й, стр. 314—315; тутъ же впервые были точно указаны средства борьбы противъ эпизоотіи; ibidem, стр 315.

[3]) Фил. Ист. стат. опис. Харьк. еп., IV, стр. 319.

Кременной въ 1848 г.—505 изъ 4151 челов. [1]), въ сл. Закамянкѣ—изъ 3387—407 чел. [2]), въ Трехъизбянкѣ—въ 1847 г. умерло 360, а въ 1848—193 чел. (изъ 3313 д.) [3]), въ сл. Муратовой—въ 1848 г. 122 изъ 2188 чел. [4]), въ Новобѣлинькой въ 1848 г. 207 изъ 5257 чел., въ г. Харьковѣ въ 1847 г. 410, въ 1848—до 700 чел. [5]) (изъ 24361); Славянскъ отъ холеры страдалъ слабо: въ 1831 г. въ немъ отъ нея умерло 37 чел., въ 1847 г. до 70 чел. (изъ 8382 д.) [6]); довольно сильная холера была въ окрестностяхъ Чугуева. Такъ напримѣръ, въ Каменной Яругѣ въ 1848 г. изъ 1631 д. умерло въ теченіе $1^1/_2$ мѣс. 103 чел.; „всеобщая боязнь и страхъ смерти, строгое распоряженіе военнаго начальства—всѣхъ заболѣвшихъ брать для лѣченія въ Чугуевскій госпиталь—и недовѣрчивость ко врачамъ привели народъ въ сильное волненіе. Нельзя вообразить зрѣлища болѣе ужаснаго, чѣмъ было тогда. Избѣгая больницы, прятались въ погреба, тайныя мѣста и умирали тамъ безъ покаянія и причастія; юноши и старцы, супруги и дѣти лежали въ гробахъ другъ подлѣ друга. Приходской священникъ каждый день въ своемъ приходѣ находилъ отъ 3 до 10 усопшихъ и, отпѣвъ во храмѣ всѣмъ погребеніе, сопровождалъ до кладбища и могилъ“ [7]). Въ Печенѣгахъ въ 1831 г. умерло 99 чел., въ 1847 г.—40, а въ 1848—501 (изъ 6198 чел.) [8]).

Главнымъ средствомъ борьбы противъ холеры, какъ нѣкогда противъ чумы, признавались карантины, гдѣ задерживали на извѣстное время всѣхъ проѣзжающихъ, окуривали ихъ sulphura subliмata, усердно дезинфекцировали хлористой водой, а багажъ окуривали дымомъ навозныхъ кучъ. Простолюдины должны были оставаться все время подъ открытымъ небомъ, и только благороднымъ отводились для ихъ невольнаго заточенія особыя хаты. Такой именно карантинъ въ м. Куземинѣ описываетъ намъ въ своихъ воспоминаніяхъ Ст. Лук. Геевскій [9]).

О холерѣ въ 1830 г. и о средствахъ борьбы съ нею мы находимъ нѣкоторыя подробности въ запискахъ Ф. О. Рейнгардта. „Холера впервые появилась, говоритъ Ф. О. Рейнгардтъ, въ Астрахани, затѣмъ перешла въ Изюмъ, не коснувшись громаднаго промежуточнаго пространства и, едва вѣсти о ней дошли, открылась и въ Харьковѣ, гдѣ свирѣпствовала до

[1]) ibid., V, 304;
[2]) ibid., стр. 323.
[3]) ibid., стр. 374.
[4]) ibid , стр. 384.
[5]) ibid., II, стр. 80. 84;
[6]) ibid., V, стр. 126, 138;
[7]) ibid., IV, 80, 81.
[8]) ibid., IV, стр. 113.
[9]) Воспоминанія эти напечатны мною въ жур. „Кіевская Старина“.

октября (съ іюня). Медики признали до того времени неизвѣстную болѣзнь за Cholera morbus. При первомъ появленіи ея въ Изюмѣ, по быстрому распространенію и скоротечности, подобно чумѣ, были приняты одинаковыя мѣры предосторожности отъ зараженія, какъ и при послѣдней: городъ былъ оцѣпленъ военною стражею, у заставъ устраивался военный карантинъ, и дома „зачумленные“ обставлялись карауломъ. Въ Изюмѣ покойниковъ, какъ передавали, вытягивали служители пожарной команды, одѣтые въ засмоленную одежду, крючьями, предавали землѣ и засыпали известью. Дезинфекція посредствомъ хлорной извести, хлорнаго газа, отдѣляющагося поливаніемъ поваренной соли сѣрною кислотою, и сѣрнистаго газа при сжиганіи сѣры на угольяхъ, была строго предписана и исполнялась. (Карболовая кислота тогда еще не была извѣстна). Одежда, постель и другіе бывшіе въ употребленіи покойника предметы сожигались. Ничто не помогало. Смертность росла прогрессивно и десятками въ день вывозили умершихъ на кладбища за городъ. Народъ пріунылъ. Распространился слухъ объ отравленіи колодцевъ неблагонамѣренными людьми и о погребеніи живыхъ людей, по предписанію врачей и въ особенности проф. Брандейса. Чернь охотно повѣрила этимъ сказкамъ, ловила подозрѣваемыхъ отравителей, представляла ихъ шумною толпою властямъ при увѣреніи, что видѣли, какъ представляемый что-то (конечно, ядъ) наливалъ или сыпалъ въ воду, но большею частью сами расправлялись съ ними по-свойски. Предполагаемаго главнаго виновника бѣдствія проф. Брандейса, директора клиники, прозваннаго Брудесомъ, клиникомъ, особенно возненавидѣли, и однажды, при возвращеніи его изъ клиники за Лопань, толпа окружила его на мосту съ злымъ намѣреніемъ и, разъяренная, кричала „бить его, клиника, да въ воду!“ Насилу, при помощи полиціи, удалось вырвать его у толпы, посадить на дрожки и отправить домой. Буйство росло, и полиція потеряла власть надъ освирѣпѣвшимъ народомъ. Болѣзнь, постепенно возрастая, достигла своего апогея въ августѣ, затѣмъ начала постепенно уменьшаться до совершеннаго прекращенія въ началѣ октября. Число погибшихъ отъ холеры въ 1830 году было велико (изъ 20.000 жителей погибло свыше 1.000 чел.)... Медики, не имѣвшіе понятія объ этой болѣзни, дѣйствовали, такъ сказать, на авось, пробуя разныя средства (давали calomel, opium in substantia, мятное масло, валерьяну, растирали кожу раздражающими спиртами, ставили горчичники, старались производить испарину). Больныхъ отправляли въ холерную больницу, особенно на Сабурову дачу. Процентъ выздоравливающихъ оказался очень незначительнымъ“ [1]).

[1]) Харьк. Сборникъ на 1887 годъ, стр. 259—260.

Холера повторялась въ Харьковѣ въ 1847, 1848, 53, 55, 66, 71 и 72 гг. Крупъ, скарлатина, корь, тифы, по временамъ оспа похищала не мало жертвъ [1]). Цынга являлась всегда слѣдствіемъ голодныхъ годовъ и похищала подчасъ не меньше жертвъ, чѣмъ и холера. Въ 1848 г. въ различныхъ мѣстностяхъ Харьковской губ. былъ недородъ—и тогда же сильно умирали отъ цынги: въ сл. Петровской умерло до 150 чел [2]), въ Славянскѣ—404 чел. [3]), въ Новобѣлинькой—186 чел. [4]), въ Петропавловкѣ—71 чел. [5]).

Старая и постоянно новая исторія! Иностранецъ Севасто изумляется. замѣчая недовѣріе населенія къ лекарямъ и лечебнымъ средствамъ. Но на самомъ дѣлѣ удивляться тутъ было нечему. Народъ до тѣхъ поръ былъ, можно сказать, совершенно незнакомъ съ медициною и ея представителями: онъ исключительно имѣлъ дѣло съ знахарями и въ лучшемъ случаѣ пользовался (конечно, не самъ, а при посредствѣ образованныхъ помѣщиковъ) указаніями такъ называемыхъ домашнихъ лечебниковъ, представляющихъ смѣшеніе народной и научной медицины (одинъ изъ такихъ лечебниковъ былъ напечатанъ проф. А. А. Потебней въ „Кіев. Стар.“). Между тѣмъ знакомиться съ врачами ему пришлось при очень неудобныхъ обстоятельствахъ—въ разгаръ эпидеміи, когда предохранительныя мѣры, принятыя правительствомъ, согласно указаніямъ тогдашней медицинской науки, дѣйствительно были сопряжены съ огромными неудобствами для населенія и требовали со стороны его тяжкихъ жертвъ. Вѣдь Харьковъ, напримѣръ, испытывалъ въ сущности въ 1738—1739 гг. то, что долженъ выносить городъ, подвергшійся непріятельской осадѣ: онъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ военнымъ кордономъ, эпидемія уносила ежедневно свои жертвы и жители получали провіантъ изъ государственнаго магазина (конечно недостаточный)! Къ счастью, эпидемія была прекращена—и народъ могъ видѣть, что принятыя правительствомъ мѣры имѣли благія послѣдствія. Для того же, чтобы понять вообще цѣлесообразность предохранительныхъ средствъ, онъ долженъ былъ пройти длинную и суровую школу опыта, которая продолжается еще и теперь Но одного опыта оказывается недостаточно ибо народной массѣ приходится дѣлать весьма трудное обобщеніе; необходимо прійти на помощь ей и добиться того, чтобы она *поняла* разумность и необходимость предохранительныхъ мѣръ и лечебныхъ средствъ. Такое сознаніе, правда, сдѣлало

---

[1]) Ibidem, стр. 26.
[2]) Филаретъ Истор стат. опис. Харьков еп IV, стр. 144.
[3]) Ibid. V, стр. 126.
[4]) Ibidem, стр. 400.
[5]) Ibidem, стр. 271.

уже значительные успѣхи въ нашемъ обществѣ—захватило такіе слои его, которые прежде тянули къ знахарямъ. Тѣмъ не менѣе деревенская, да отчасти и городская, масса нуждается еще въ постоянныхъ разъясненіяхъ; только такимъ путемъ она можетъ перейти отъ старыхъ традиціонныхъ предразсудковъ къ новому разумному воззрѣнію.

Гл. II.

ГОЛОДНЫЕ ГОДЫ.

Условія климата или почвы Слободской Украйны для земледѣлія въ общемъ были весьма благопріятны. Тучный украинскій черноземъ давалъ хорошіе урожаи; лѣсовъ было несравненно больше, чѣмъ теперь; рѣки были сравнительно многоводны. Неудивительно, что первые же поселенцы, являвшіеся сюда для обороны края отъ татаръ, немедленно начинали заниматься земледѣліемъ. Такъ было, напримѣръ, съ жителями г. Чугуева въ 30 годахъ XVII вѣка. И это совершенно естественно: первые обитатели края приходили сюда съ привычками къ земледѣлію и съ очевиднымъ желаніемъ и на новыхъ мѣстахъ соединить ремесло воина съ занятіемъ пахаря. Но само собою разумѣется, что постоянныя татарскія нападенія должны были сильно мѣшать правильному занятію земледѣліемъ. Въ своихъ „Очеркахъ по исторіи колонизаціи“ я привелъ цѣлую массу фактовъ, свидѣтельствующихъ о тревожномъ положеніи не только сельскихъ, но и городскихъ обывателей [1]). Въ 1688 г. жители Балаклѣи въ ожиданіи прихода татаръ хлѣба не жали и отъ этого хотѣли разойтись врознь, въ 1696 г. Балаклѣйскій протоіерей Даніила писалъ: „на той украйнѣ жить нельзя, прокормиться нечимъ, ради прихода татаръ пахать нельзя“.

Къ этому присоединялись еще и стихійныя бѣдствія (засуха, саранча), вызывавшія настоящій голодъ, противъ котораго не было организовано почти никакихъ мѣръ.

Первое извѣстіе о голодѣ относится къ 1699 году и самое бѣдствіе описано такъ: „чрезъ весь годъ за голоднымъ временемъ не только за промысломъ на Торъ и Маяки или на Изюмъ съ городовъ людей мало ѣздили, но и хлѣбныхъ запасовъ никто не привозилъ. И для такого голоднаго году многіе Маяцкіе, Торскіе, Изюмскіе и иныхъ полку нашего люди съ женами и дѣтьми для прокормленія ходили въ жилые московскіе города; а которые и оставались въ домахъ своихъ, кормились брунью, омелою и березовою корою [2]). Такимъ образомъ, подвоза хлѣба не суще-

[1]) См. мои „Очерки“, стр. 459—473.

[2]) Фил. Ист. стат. опис. Харьк. еп. V, стр. 124.

ствовало—и жители должны были или поддерживать свое существованіе жалкими суррогатами хлѣба, или уходить въ урожайныя мѣстности. Мы не знаемъ, какими причинами былъ вызванъ въ данномъ случаѣ неурожай; но можемъ замѣтить, что чрезвычайно сильныя опустошенія производила саранча. Въ 1745 г. въ Изюмскомъ полку подъ мѣстечкомъ Торомъ и Балаклѣей оказалось множество саранчи [1]). Она производила свои нашествія на Слободскую Украйну въ правильные сроки приблизительно черезъ 30 лѣтъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ авторъ „Топографическаго описанія Харьковскаго намѣстничества". „Саранча, говоритъ онъ, пожираетъ въ одно лѣто труды многихъ тысячъ рукъ; иногда на одномъ мѣстѣ года два и больше водится. По памятямъ старожилыхъ людей приходитъ въ украйну отъ юга саранча въ 30 лѣтъ и скорѣе. У простолюдиновъ годы нашествія саранчи почитаются эпохами; была она здѣсь въ 1748 и 1749, а нынѣ 779 и 780 годахъ; такіе же сроки и въ предшедшихъ временахъ вычитаютъ" [2]). Въ XIX вѣкѣ она появилась у насъ въ 1822, 1824, 1826 и 1827 годахъ [3]). Особенно большое количество ея было въ 1824 году. „Перелетѣвъ чрезъ села, пошла она на лѣсъ, сопровождающій лѣвый берегъ Донца и, гдѣ садилась, обламывала деревья; такой сильной, говорятъ старики, никогда не было" [4]). Наглядное представленіе о способахъ борьбы противъ нея даютъ намъ мѣры, принятыя въ 1822 году: „Загоняли табуны лошадей и рогатый скотъ топтать ее, копали впереди частые рвы и засыпали землею, обкладывали соломою и жгли; но никакія средства не превозмогли множества саранчи. Насѣкомыя, съ возрастомъ сдѣлавшись осторожнѣе и достигши совершенной зрѣлости, страшными колоннами, затмѣвавшими солнце, налетѣли на поля Шиповатой въ первыхъ числахъ августа. Хлѣбъ былъ прибранъ въ полѣ, кромѣ гречихи и проса, и послѣднее было ей данью края" [5]).

Въ г. Харьковѣ дороговизна хлѣба и голодъ были въ 1787, 1821, 1833 и 1848 гг. Наиболѣе тяжелый былъ 1-й: цѣна хлѣба доходила тогда до 11 р. за четверть, много бѣдныхъ умерло отъ недостатка съѣстныхъ припасовъ [6]). Во время неурожая 1789 г. въ с. Островерховкѣ платили за четверть ржи 8 и 9 р.; въ 1833 и 1834 гг. цѣна хлѣба поднималась

---

[1]) Ibidem, стр. 125.

[2]) См. изданное мною „Топ. Опис. Харьк. Нам.", стр. 46. „Въ семъ (1747 г.), читаемъ въ запискахъ Квитокъ, саранча вездѣ оказалась и дороговизна хлѣба".

[3]) Фил. Ист. ст. опис. Харьк. еп., IV, стр. 144, 317—318, V, 166.

[4]) Ibid., V, 166.

[5]) Ibid., IV, 318.

[6]) Ibid., II, стр. 88.

до 34 р. и даже до 40 р. за четверть. Въ 1848 г. опять былъ неурожай, какъ результатъ засухи, но цѣны не стояли такъ высоко, потому что правительство позаботилось объ устройствѣ запасныхъ магазиновъ [1]).

Голодъ 1788 г. въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сопровождался падежами скота. Для прокормленія скота должны были снимать солому съ крышъ; но скотъ все-таки падалъ отъ безкормицы, и крестьяне покрывали кровли своихъ хатъ его шкурами; зима этого года получила въ народѣ названіе „драной“ [2]). Во время голода 1833 г. крестьяне прибавляли къ небольшому количеству муки лебеду, жолуди, коренья травъ, мѣлъ и кору; жители для прокормленія уходили въ Черноморье, на Донъ, за Кубань [3]).

Общественные запасные магазины стали устраиваться у насъ еще въ концѣ XVIII в. въ связи съ общими административными реформами Щербинина. Въ инструкціи коммиссарамъ (1766 г.) мы находимъ слѣдующія постановленія по этому поводу. Коммиссары должны были ежегодно доносить своему начальству объ урожаѣ и недородѣ хлѣбовъ. Въ каждомъ селеніи нужно было построить крѣпкій и просторный амбаръ съ деревяннымъ или глинянымъ поломъ (гдѣ мало лѣса) и съ закромами. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, при началѣ молотьбы, требовалось собрать съ обывателей по 1 четверику ржи и по 1 четверику овса или ячменя съ каждаго жеребья, наблюдая при этомъ, чтобы зерно было сухое; весь этотъ хлѣбъ нужно было записать и ссыпать въ закромы и сохранять въ цѣлости на случай неурожая; магазинъ долженъ былъ находиться въ вѣдѣніи сельскаго атамана, который сообщаетъ о количествѣ хлѣба въ коммиссарское правленіе; коммиссаръ же обязанъ былъ объяснить народу, что магазины эти заводятся въ селеніяхъ исключительно для нуждъ самихъ жителей, а посторонніе брать оттуда запасовъ не могутъ. Если случится у кого недородъ или градобитіе, или пожаръ истребитъ гумно, то такому выдается хлѣбъ изъ хлѣбнаго магазина, по согласію всего общества, съ обязательствомъ возвратить ссуду въ слѣдующемъ году (впрочемъ, общество могло дать и безвозвратную ссуду). При перемѣнѣ атамана, новый долженъ принять отъ стараго весь хлѣбный магазинъ, свѣривъ записи по книгамъ съ наличностью. При существованіи большихъ запасовъ для предупрежденія норчи хлѣба, его можно было раздать въ ссуду всѣмъ желающимъ, съ тѣмъ, чтобы за каждый четверикъ возвращался четверикъ съ гарнцемъ. Наконецъ, коммиссары должны

[1]) Ibidem, II, 95, V, 384.
[2]) Ibidem, V, 303—304.
[3]) Ibid. 272.

были побуждать къ устройству хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ и частныхъ владѣльцевъ [1]).

Выполнялась ли на дѣлѣ эта инструкція, сказать не можемъ. Если выполнялась, то на первыхъ порахъ; впослѣдствіи же она, вѣроятно, пришла въ забвеніе и о запасныхъ магазинахъ вспомнили только во время неурожая 1847—1848 г. Въ описаніи д Петропавловки преосв. Филаретъ говоритъ: „въ 1848 г. былъ также сильный неурожай хлѣба, но народъ не страдалъ отъ голода, потому что получалъ пособіе изъ общественныхъ магазиновъ“ [2]). Изъ этого видно, какое огромное значеніе имѣли правильно организованные хлѣбные магазины.

Гл. III.

ЗЕМЛЕТРЯСЕНІЯ, ПОЖАРЫ, НАВОДНЕНІЯ.

Изрѣдка бывали въ Харьковскомъ краѣ и землетрясенія. Подъ 1738 г. въ фамильной лѣтописи Квитокъ отмѣчено: „мая 31 въ Малороссіи и въ *прочихъ* мѣстахъ было землетрясеніе, а въ Харьковскомъ полку не было“ [3]). Землетрясеніе въ Харьковѣ имѣло мѣсто въ 1815 и 1838 годахъ. „Харьковская почва, читаемъ мы въ статьѣ проф. Калениченка, помѣщенной въ Х. Губ. Вѣд. за 1838 годъ [4]), давно уже не дрожала отъ внутреннихъ волненій, въ нѣдрахъ нашего материка происходящихъ. Старики разсказываютъ, что довольно значительное землетрясеніе было чувствуемо въ Украинѣ въ 1815 году. Положеніе Харкова удалено большимъ разстояніемъ отъ источниковъ подземной жизни, выказывающейся то образованіемъ сопокъ и вулкановъ, то изверженіями расплавленныхъ и измельченныхъ каменистыхъ массъ, то сильными потрясеніями земной поверхности, то ударами, повторяющимися одинъ за другимъ“... Новое землетрясеніе случилось 11 января 1838 г. въ 9 час. 25 мин. вечера. „Направленіе мчавшейся силы, произведшей потрясеніе въ нашемъ городѣ, было отъ юга-востока къ сѣверо-западу, продолжалось около 30 секундъ; степень напряженія вообще была незначительна, выключая одной Московской улицы, на которой каменныя большія зданія болѣе чувствовали сотрясенія, нежели въ другихъ частяхъ города“. Тогда же землетрясеніе замѣчено было въ Одессѣ (болѣе продолжительное), въ Таганрогѣ, Николаевѣ, Москвѣ, Полтавѣ, Курскѣ, Тамбовѣ, Екатеринославѣ, Воронежѣ. За нѣсколько дней до землетрясе-

---

[1]) Мои „Матеріалы“, т. 2-й, стр. 308—309.

[2]) Ист. стат. оп. Харьк. еп., V, стр. 272.

[3]) Харьк. Кал. на 1885 годъ, стр. 659.

[4]) № 5.

нія было замѣчено безпрерывное движеніе ртути въ барометрѣ; во время же его магнитная стрѣлка компаса постоянно двигалась на своей оси, при чемъ сѣверный ея полюсъ обращался на югъ и наоборотъ. Никакихъ несчастныхъ случаевъ съ людьми при этомъ въ Харьковѣ не было; только въ штукатуркѣ нѣкоторыхъ домовъ оказались трещины. „Внутри домовъ мебель была потрясена; люстры приведены въ колебаніе, а раскрытыя двери и ставни въ движеніе; въ нѣкоторыхъ домахъ остановились часы. Въ минуту сотрясенія былъ слышенъ крикъ домашнихъ птицъ и лай испуганныхъ собакъ".

Такимъ образомъ, эти стихійныя явленія у насъ не приносили никакого вреда. Совсѣмъ иное дѣло *пожары*. Отъ пожаровъ, какъ извѣстно, страдала вся Россія; страдала отъ нихъ и Харьковская губернія. Приведемъ нѣсколько историческихъ справокъ о пожарахъ въ Слободской Украйнѣ. Въ 1704 г. горѣлъ городокъ Валки, такъ что полковникъ Ѳедоръ Донецъ долженъ былъ просить разрѣшеніе вновь отстроить крѣпость [1]) Въ 1731 г. въ Харьковѣ сгорѣла церковь Рождества Христова за Лопанью [2]); въ 1733 г. 31 мая въ Харьковѣ былъ огромный пожаръ; сгорѣло около 300 дворовъ, Соборная и Николаевская церковь и всѣ лавки [3]); въ 1738 г. сгорѣла въ Харьковскомъ Покровскомъ Училищномъ мон. церковь Пресвятыя Богородицы [4]), тогда же лѣтомъ сгорѣла церковь Благовѣщенія Пресв. Богородицы [5]). Въ г. Сумахъ въ 1803 г. сгорѣлъ деревянный храмъ св. Николая [6]). Въ 1804 г. въ Харьковѣ сгорѣла Дмитріевская церковь вмѣстѣ со всѣмъ архивомъ ея; пожаръ произошелъ отъ огарка свѣчи, брошенной въ ящикъ [7]). Въ 1832 г. пожаромъ было истреблено 276 дворовъ [8]). Въ 1833 г. пожаръ уничтожилъ болѣе 100 дворовъ въ Михайловскомъ приходѣ [9]). Въ 1837 г. въ Харьковѣ былъ также сильный пожаръ: огнемъ былъ истребленъ Николаевскій скверъ; другой разъ сгорѣло 13 каменныхъ и 12 деревянныхъ лавокъ съ товарами [10]). Объ истребительномъ дѣйствіи пожаровъ въ селеніяхъ можетъ свидѣтельствовать слѣдующій фактъ: въ 1841 г. въ с. Гинеевкѣ (Зміев. у.) истреблено было пожа-

---

[1]) Фил., II, стр. 200—201.
[2]) Харьк Кал. на 1885 годъ, стр. 658.
[3]) Ibidem.
[4]) Ibidem, стр. 659.
[5]) Ibidem, стр. 659.
[6]) Щелкова. Ист. хронологія, 161.
[7]) Филаретъ, II, стр. 35
[8]) Харьк. Сб. на 1887 годъ, стр 26.
[9]) Филаретъ, II, 80.
[10]) Щелковъ, стр. 205.

ромъ 199 дворовъ. Погорѣльцамъ выстроены были въ теченіе одного года дома; для этого тысячи народа собраны были изъ другихъ округовъ тогдашнихъ военныхъ поселеній. Стали поступать пожертвованія и отъ частныхъ лицъ; наконецъ, на помощь погорѣльцамъ явилась и щедрая рука Государя, который велѣлъ выдать имъ частью безпроцентную, а частью и даровую ссуду [1]).

Мы привели рядъ фактовъ о пожарахъ XVIII и XIX в.в. Въ XVII в. ихъ, конечно, было также много и противъ нихъ принимались тогда мѣры, ложившіяся тяжелымъ бременемъ на населеніе. Вотъ каково было, напримѣръ, положеніе жителей г. Харькова во 2-й половинѣ XVII столѣтія, по инструкціи, данной воеводѣ Сем. Дурново въ 1688 г. „Да и того ему (воеводѣ) беречь накрѣпко, чтобъ въ Харьковѣ въ городѣ и острогѣ, и на посадѣ, въ слободахъ, въ лѣтніе жаркіе дни избъ и мылень никакіе люди не топили и съ огнемъ поздно не сидѣли и не ходили, а для хлѣбнаго печенья и гдѣ ѣсть варить, велѣть подѣлать печи, въ городѣ не близко хоромъ, а по городу и по острогу, и по башнямъ, и по стѣнамъ, и въ рядахъ по лавкамъ, и по амбарамъ, и во дворахъ по хоромамъ для береженья отъ огня лѣтнею порою держать надо и мѣдники съ водою и съ помелы, во все лѣто и до большихъ снѣговъ, чтобъ однолично въ Харьковѣ отъ огня все было бережно“ [2]). Намъ трудно и представить себѣ теперь, какъ Харьковскіе обыватели XVII в. обходились лѣтомъ безъ огня—не топили печей; это было очевидно страшное лишеніе, но что самое главное едва-ли и эта рѣшительная мѣра достигала своей цѣли.

Въ XVIII вѣкѣ были въ ходу тѣже средства, что и въ XVII. Въ 1763 году вновь назначенный городничій Бѣлозеровъ получилъ отъ Харьковской полковой канцеляріи инструкцію, точно опредѣлявшую его полицейскія обязанности. Получивъ настоящую инструкцію, городничій долженъ былъ лично объѣхать весь городъ и приказать всѣмъ жителямъ имѣть постоянную предосторожность отъ пожаровъ; для этого во всѣхъ домахъ и винокурняхъ печки должны быть запечатаны, а для приготовленія пищи обыватели должны были подѣлать себѣ въ огородахъ и вообще вблизи жилищъ особыя землянки съ печами, гдѣ и печь хлѣбъ; по вечерамъ зажигать свѣчи могли только благородные, „подлые“ же этой привиллегіей не пользовались; наблюдать за исполненіемъ этихъ постановленій должны были пушкари, нарушители ихъ подвергались штрафамъ; шинкари отнюдь не должны были по вечерамъ пускать посѣтителей въ шинки подъ угрозою тюремнаго заключенія. Тушить по-

[1]) Филаретъ, IV, 158—159.

[2]) Мои «Матеріалы», I, стр. 153.

жаръ обязаны были сами обыватели, для чего изъ ихъ среды избирались сотскіе, пятидесятскіе и десятскіе; въ распоряженіи этихъ вольныхъ или правильнѣе невольныхъ пожарныхъ командъ должны были быть и пожарные инструменты—ведра, топоры, кошели, бочки съ водою, крючья, вилы, лѣстницы и т. п. Сверхъ того близъ полковой канцеляріи и казеннаго погреба долженъ былъ стоять пожарный обозъ; на домахъ же городскихъ обывателей должно былъ точно обозначено, съ какимъ инструментомъ каждый обязанъ явиться на пожаръ. Въ лавкахъ, по амбарамъ и на крышахъ домовъ должны были стоять кадки съ водою и при нихъ метлы или вѣники. Солому и камышъ рекомендовалось вывезти за городъ, а кузнецкіе ряды (подлѣ Троицкой церкви) перенести къ рѣкѣ Харьковъ; владѣльцы кузницъ должны были построиться на этихъ новыхъ мѣстахъ и давали подписку принимать самыя строгія мѣры противъ пожара. Лица, которыя торговали дегтемъ и сѣномъ и жалкіе шалаши которыхъ ютились по всѣмъ базарамъ, должны были также уйти *за городъ* и поселиться: одни на площади между Лопанью и Нетечью неподалеку отъ мельницы бригадирши Дуниной; другіе—выше Деркачевской башни, третьи—на Бѣлгородскомъ трактѣ, четвертые—близь Молчановой башни.

„Конечно, преданье не особенно свѣжо, но все таки вѣриться съ трудомъ, замѣчаетъ авторъ статьи, сообщившій только что приведенный нами документъ, чтобы Харьковцы 100 лѣтъ съ небольшимъ тому назадъ не могли топить печки въ домѣ, а должны были варить себѣ ѣду въ землянкахъ, чтобы зажечь свѣчку вечеромъ было привиллегіей лишь однихъ неподлыхъ людей, да и то привеллегіей, допускаемой только съ соблюденіемъ крайней предосторожности. Таковы были Драконовы законы, предъ которыми не остановилось мѣстное начальство, чтобы увеличить безопасность отъ пожаровъ. Впрочемъ другія его мѣры нельзя не назвать какъ энергическими, такъ и цѣлесообразными: таковы всѣ распоряженія на счетъ дегтярей, кузницъ. сѣнниковъ. Но средства, находившіяся въ его распоряженіи, для предупрежденія и тушенія пожаровъ были очень незначительны (мы видѣли, каковы были эти средства). Въ 1764 г. полковая канцелярія такъ опредѣляетъ нормальное количество казенныхъ пожарныхъ инструментовъ, какое должно быть всегда наготовѣ; 12 желѣзныхъ багровъ, 12 бочекъ съ водою на распускахъ, 20 топоровъ, 24 ведра (на самомъ дѣлѣ ихъ было еще меньше, при бочкахъ съ водою не было лошадей)... Изъ всего изложеннаго выше видно что помощь отъ пожаровъ сосредоточилась гл. обр. на мѣрахъ къ предупрежденію, причемъ очень мало принималась въ расчетъ стѣснительность этихъ мѣръ для населенія; средства же къ прекращенію пожа-

ровъ были крайне слабы и ничтожны. Организація пожарной части, со стороны снарядовъ, была лишь въ зачаточномъ состояніи въ видѣ нѣсколькихъ бочекъ безъ лошадей, ведеръ, топоровъ и багровъ; спеціальной пожарной команды не было пока и въ зародышѣ. А между тѣмъ, повторимъ еще разъ, ни одна отрасль городскаго благоустройства не возбуждала столько вниманія, хлопотъ, мѣропріятій со стороны мѣстнаго начальства, какъ эта“ [1]).

Въ XIX *в.* состояніе противопожарныхъ мѣръ, конечно, улучшилось, но еще и при генералъ-губернаторѣ Кокошкинѣ практиковались многія старыя средства. „Для того, чтобы имѣть наготовѣ воду въ случаѣ пожара, по приказанію Кокошкина, на всѣхъ постройкахъ съ соломенными крышами, какихъ было много въ Залопанской и Захарьковской частяхъ, на Москалевкѣ, Заиковкѣ и Журавлевкѣ, а также на деревянныхъ крышахъ, устраивалась по срединѣ крыши доска и на ней устанавливалась кадушка съ водой, на подобіе того, какъ это дѣлалось въ военныхъ поселеніяхъ“ [2]).

Наводненія также приносили населенію Харьковской губ. значительныя бѣдствія; по большей части они причиняли матеріальные убытки, но иногда дѣло не обходилось и безъ человѣческихъ жертвъ. „Наводненія низменныхъ частей г. Харькова, говоритъ Ф. О. Рейнгардтъ, при весеннемъ половодіи, были ежегодно, но особенно сильныя отмѣчены на углахъ домовъ и заборовъ красною краскою“ [3]). Однимъ изъ наиболѣе сильныхъ и примѣчательныхъ было наводненіе, бывшее въ февралѣ 1853 года. Вотъ подробное описаніе его по современнымъ оффиціальнымъ даннымъ [4]).

„Настоящая зима въ Харьковской губерніи была очень малоснѣжна и отличалась безпрерывными перемѣнами погоды, по большей части теплой и дождливой, такъ что во многихъ мѣстахъ воды въ прудахъ и рѣкахъ выступили изъ береговъ, не причинивъ однако другихъ несчастій, кромѣ уничтоженія нѣкоторыхъ плотинъ. Съ начала февраля дожди сдѣлались чаще и обильнѣе, отчего въ протекающихъ черезъ г. Харьковъ рѣкахъ, Харьковѣ, Лопани и Нетечи, вода значительно возвысилась, но особенно стала прибывать она съ 8 на 9 февраля, при сильномъ вѣтрѣ и проливномъ дождѣ, такъ что къ 6½ ч. у. девятаго числа достигла уровня самыхъ высокихъ весеннихъ водъ и потомъ, въ теченіи цѣлаго дня, не переставала увеличиваться; наконецъ, дошла до 7 аршинъ сверхъ обыкновеннаго, или 2-хъ выше весенняго уровня рѣкъ. Въ те-

---

[1]) Страница изъ исторіи благоустройства города Харькова (1760—1765 г.) въ Харьк. Сбор. на 1887-й годъ, стр. 187—190.

[2]) Изъ записокъ Ф О. Рейнгардта (Харьк. Сбор. на 1887 годъ, стр. 157).

[3]) Ibidem, стр. 26.

[4]) Харьк губ вѣд. 1853 г., часть неоффиціальная, № 11.

ченіи 10 числа стала сбывать, а къ 11-му вступила въ берега, оставаясь, однакожъ, гораздо выше обыкновенныхъ водъ.

Быстрымъ стремленіемъ воды принесло съ верхнихъ частей рѣкъ огромное количество твердаго зимняго льду, вырванныхъ съ корнемъ деревьевъ, обломковъ разрушенныхъ наводненіемъ плотинъ. мельницъ и другихъ построекъ, которые своею силою и тяжестью наперли на городскіе мосты и загромоздили набережныя, цѣлыя улицы и дворы по низменнымъ прибрежнымъ частямъ города. На рѣкѣ Лопани разломало и унесло съ малаго Купеческаго моста перила и настилку; въ большомъ Лопанскомъ мосту сбило льдомъ три переднія арки и сломало 6 свай; но, къ счастью, накопившійся предъ этимъ мостомъ ледъ пронесло еще 9 числа вечеромъ и потому мостъ не потерпѣлъ важнѣйшихъ поврежденій; на рѣкѣ Харьковѣ наводненіе вынесло большую часть плотины наслѣдниковъ Кузиныхъ, сорвало всю верхнюю часть малаго объѣзднаго моста и все это вмѣстѣ съ принесенными съ верхней части обломками и огромною массою льду, вбило подъ большой Харьковскій мостъ, построенный въ прошломъ году. Отличная конструкція этого моста долго выдерживала страшный напоръ; но отъ чрезмѣрнаго накопленія подъ мостомъ льду и другихъ предметовъ, при недостаточномъ пространствѣ для протока воды по обѣимъ сторонамъ моста, вода устремилась внизъ и вырыла въ руслѣ рѣки значительное углубленіе. Отъ этого многія изъ свай значительно осѣли, другія же были разбиты стремительными ударами твердаго льду, и когда вода стала сбывать, то сторона моста, обращенная противъ теченія, осѣла, связи моста разрушились и онъ принялъ такое наклонное положеніе, что ѣзда черезъ него сдѣлалась невозможною и оказалось необходимымъ приступить къ разборкѣ его. Третій мостъ на рѣкѣ Харьковъ, лежащій еще ниже по теченію, потерпѣлъ гораздо менѣе: въ немъ разрушены три ледорѣза, сломана одна свая и нѣсколько изъ нихъ осѣло, повреждена часть перилъ и пѣшеходовъ; но мостъ остался годнымъ для переѣзда и съ 3-хъ часовъ пополудни служилъ единственнымъ путемъ сообщеній между 1 и 2 частями города. По большому Лопанскому мосту сообщеніе вовсе не прерывалось; чрезъ р. Харьковъ не было свободнаго переѣзда съ утра 9 и 3 часовъ 11 числа; весь день 9 числа переѣзжали верхомъ для передачи приказаній начальства и другихъ особенно важныхъ надобностей; 10 числа переѣзжали въ повозкахъ, а къ вечеру и въ экипажахъ, но съ предосторожностями и подъ наблюденіемъ полиціи; съ 11 же числа, когда мостъ осѣлъ, продолжалось одно пѣшеходное сообщеніе.

До 17 числа вода въ протекающихъ чрезъ г. Харьковъ рѣкахъ оставалась на прибыли, а къ 18 спала до лѣтняго уровня и тогда обна-

ружилось, что на р. Лопани часть каменной одежды, а мѣстами и земляная насыпь, размыты водою, перила спусковъ лѣваго берега испорчены; на р. Харьковъ шпунтовая линія набережной праваго берега подмыта на 85 саженей и частію унесена водою, а земляная насыпь значительно повреждена. Стоявшая у Харьковскаго моста деревянная полицейская будка сорвана съ каменнаго фундамента и унесена водою. Унесены также водою 12 фонарей и 8 столбовъ.

Убытки отъ поврежденія мостовъ набережныхъ и прочихъ строеній, содержимыхъ на счетъ города, а частью на земскій сборъ губерніи, простираются, примѣрно до 11.000 руб. сер. У частныхъ владѣльцевъ было затоплено 346 дворовъ, изъ которыхъ жители 78-ми принуждены были спасаться на потолкахъ и крышахъ домовъ и, наконецъ, при содѣйствіи мѣстной полиціи, дѣйствовавшей съ отличною распорядительностью, переѣзжать въ другія болѣе возвышенныя части города. Одна изба совершенно размыта, въ другой льдомъ пробита стѣна; подъ однимъ домомъ каменный подвалъ совершенно разрушенъ, такъ что домъ осѣлъ Во всѣхъ затопленныхъ домахъ печи разрушены, унесены водою части набережныхъ, заборовъ, плетней и т. п.; въ амбарахъ и погребахъ испорчено значительное количество хлѣба, овса, сѣна, соли (у одного торговца болѣе 1000 пудовъ), овчинъ, лѣса и проч. Значительнѣйшіе убытки потерпѣли заводы: 5 салотопенныхъ, 3 мыловаренныхъ, свѣчной, водочный и экипажныя мастерскія. На Залопанскомъ базарѣ унесло водою лавочку, а въ другихъ лавкахъ истреблено товаровъ, преимущественно первыхъ жизненныхъ потребностей, на 11,230 руб. сер. На р. Харьковѣ разрушены двѣ мельничныя плотины частныхъ владѣльцевъ, чѣмъ причинено убытку на 11,250 руб. с.—всего же жителями Харькова понесено потери на 106.236 р. с.

Въ Харьковскомъ уѣздѣ разрушено и повреждено мельничныхъ плотинъ 10, мельницъ 3, мостовъ и гатей 10, занесено пескомъ 100 десятинъ луговъ, унесено водою хлѣба въ снопахъ 4.500 копенъ: въ сл. Липцахъ снесена водою изба; жители понесли убытку на 22,135 р. сер.

Въ г. Волчанскѣ, съ 5 по 6 февраля, во 2-мъ часу ночи началъ падать, при восточномъ вѣтрѣ, снѣгъ, который болѣе и болѣе усиливался, и къ 10 ч. утра ровныя мѣста покрылись снѣгомъ на четверть, а въ иныхъ сугробы были въ аршинъ и болѣе. Ко 2-му часу по полудни снѣгъ замѣнился дождемъ, который, съ кратковременными остановками, продолжалъ идти 8 и 9 числа. Мерзлая земля не пропускала воды, которая поэтому стекала въ протекающую чрезъ городъ рѣчку Волчью. 9-го числа ледъ на рѣкѣ поднялся и поломался; къ вечеру возвышеніе рѣки достигло до $3^1/_2$ арш. высоты надъ обыкновеннымъ уровнемъ ея въ

лѣтнее время. Глыбы льду съ верховьевъ рѣки и съ притоковъ ея, задерживаемыя ледорѣзами и плотинами, скоплялись на всемъ протяженіи недавно устроеннаго моста; прибывшая вода поднялась такъ высоко, что промежутокъ отъ воды до поверхности моста оставался не болѣе, какъ на аршинъ. Нѣсколькими кусками льду была сдвинута изба, находившаяся близъ моста, отнесена на 6 саженей и опрокинута на бокъ по срединѣ двора городовой больницы. Отдѣлившаяся отъ рѣки струя понеслась, черезъ дворъ больницы, въ главную улицу, занятую водою вдоль почти на 20 саженей. Того же 10 числа, въ 4 часа по-полудни, напоромъ воды и льду вырваны сваи главнаго моста, въ числѣ 8 или 10, и часть его опустилась. Къ 5-му часу восточный вѣтеръ и дождь замѣнились снѣгомъ съ бурнымъ с. з. вѣтромъ. Къ 6-ти часамъ вечера прорвало мостъ и вода, съ сильнымъ стремленіемъ, увлекая глыбы льду, ринулась черезъ прорывъ, и съ этого времени переѣздъ черезъ мостъ прекратился. Всѣ строенія въ прибрежныхъ низкихъ мѣстахъ, болѣе или менѣе, затоплены; многіе жители подгородней слободы Герлековки принуждены были оставить свои избы; въ самомъ городѣ многіе дворы на восточной и западной сторонахъ затоплены. Съ 11 февраля уровень воды началъ постепенно понижаться.

Въ Волчанскомъ уѣздѣ внезапнымъ и сильнымъ разлитіемъ рѣкъ, особенно Сѣвернаго Донца, жителямъ причинены значительныя убытки: прорваны многія мельничныя плотины и снесены мосты. Наибольшій убытокъ потерпѣли слободы: Старый Салтовъ, Лосевка и Пассевка. На низменныхъ мѣстахъ подмоченъ хлѣбъ въ скирдахъ, сложенное на лугахъ сѣно унесено водою; многія избы затоплены до того, что жители ихъ принуждены были выбраться изъ нихъ. Утонувшихъ, впрочемъ, не было.

Въ г. Валкахъ мостъ чрезъ рѣку Мжу совершенно обрушился и половину его унесло теченіемъ.

Въ г. Зміевѣ и ниже по теченію р. Сѣвернаго Донца вода разлилась выше всѣхъ бывшихъ когда либо весеннихъ наводненій и подняла два моста.

Въ г. Ахтыркѣ разрушены 4 моста.

Въ г. Изюмѣ, на р. Сѣверномъ Донцѣ, сильнымъ льдомъ вынесло середину моста, шириною до 20 саженей, вмѣстѣ съ ледорѣзомъ.

Жертвами наводненія въ Харьковской губерніи сдѣлались въ г. Харьковѣ 1 человѣкъ, въ Харьковскомъ уѣздѣ 3, въ Богодуховскомъ 3, въ Купянскомъ 2, въ Волчанскомъ 1, въ Старобѣльскомъ 2,—всего 12 человѣкъ. Въ г. Харьковѣ спасено полиціею отъ потопленія болѣе 300 человѣкъ. Изъ животныхъ погибли во время наводненія въ Харьковѣ 2 лошади, 160 барановъ и 6 свиней.

VIII.

Выборы въ Екатерининскую Коммиссію для составленія проэкта новаго уложенія въ Слободской украйнѣ, наказы мѣстнаго дворянства и дѣятельность Слободскоукраинскихъ депутатовъ въ Коммиссіи [1]).

I.

Въ исторіи внутренняго развитія нашего государства 1767-й годъ отмѣченъ одною изъ самыхъ смѣлыхъ по времени и широко задуманныхъ правительственныхъ мѣръ,—созывомъ со всѣхъ концовъ Имперіи выборныхъ депутатовъ, для составленія проэкта Новаго Уложенія, которое соотвѣтствовало-бы потребностямъ гражданскаго строя разнороднаго населенія государства. Какъ извѣстно, мысль о созывѣ депутатовъ и Новомъ Уложеніи принадлежитъ самой императрицѣ Екатеринѣ II. Сборнымъ пунктомъ для депутатовъ первоначальнаго назначена была Москва. Всѣ губерніи, уѣзды и города, всѣ правительственныя учрежденія и мѣста, всѣ сословія должны были прислать сюда своихъ депутатовъ; депутаты призывались отъ дворянства и духовенства, отъ купечества и мѣщанъ, отъ однодворцевъ, отъ податныхъ солдатъ и служилыхъ людей, отъ государственныхъ черносошныхъ и ясачныхъ крестьянъ, козацкихъ войскъ и всѣхъ некочующихъ племенъ и народовъ. Всѣ депутаты должны были представить *наказы*, т. е. записки объ общественныхъ нуждахъ и желательныхъ измѣненіяхъ въ дѣйствующихъ узаконеніяхъ. Депутатамъ усвоялось высокое значеніе, имъ присвоены были нѣкоторыя особыя права: они освобождались на всю жизнь отъ смертной казни и тѣлеснаго наказанія; ихъ имѣнія могли быть конфискованы только за долги; за преступленія противъ ихъ личности и собственности полагалось двойное наказаніе; сверхъ того они получали особые значки; имъ давалось также опредѣленное жалованье. Самое избраніе въ депутаты обставлено было нѣкоторою торжественностью, названо «обрядомъ» и велось по особой инструкціи, которая, вмѣстѣ съ Высочайшимъ манифестомъ о созывѣ депутатовъ, была отправлена во всѣ 20 тогдашнихъ губерній. Для сбора депутатовъ въ Москву назначенъ былъ полугодичный срокъ со дня обнародованія манифеста (14 декабря 1766 г.). 30-го іюля слѣдующаго года засѣданія коммиссіи, обра-

[1]) Кіевская Старина, 1885, сентябрь и моя „Украинская Старина“, X. 1896 г.

зованной изъ депутатовъ открылись въ Москвѣ; императрица вручила ей свой собственный наказъ, обрядъ управленія дѣйствіями коммиссіи и генералъ прокурорскій наказъ; коммиссія избрала для себя маршала и подраздѣлилась на нѣсколько частныхъ коммиссій, дѣятельность которыхъ заключалась въ разборкѣ и обсужденіи депутатскихъ наказовъ и проэкта законовъ по всѣмъ отраслямъ государственнаго благоустройства. 18 февраля 1868 года коммиссія была переведена въ Петербургъ и засѣданія ея продолжались съ прежнимъ характеромъ до 18 декабря 1768 года, когда по случаю турецкой войны, большое собраніе было распущено и остались только частныя коммиссіи.

Какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ коммиссія вела протоколы или дневныя записки своимъ засѣданіямъ, о правильности коихъ заботилась сама императрица. Теперь эти протоколы изданы императорскимъ русскимъ историческимъ обществомъ [1]), а вмѣстѣ съ ними начали издаваться и самые депутатскіе наказы [2]), которые вообще имѣютъ едва-ли не большее значеніе, чѣмъ самыя дневныя записки, такъ какъ въ нихъ и въ разъясненіяхъ къ нимъ разбросана масса фактическихъ данныхъ, по которымъ историкъ можетъ воспроизвести теперь картину тогдашней жизни со всѣми мѣстными ея особенностями. Къ сожалѣнію доселѣ издана лишь часть этихъ наказовъ, и какъ скоро могутъ быть изданы остальные, неизвѣстно. Это побуждаетъ меня къ изданнымъ уже матеріаламъ присоединить нѣсколько новыхъ, заимствуемыхъ мною изъ двухъ большихъ дѣлъ харьковскаго губернскаго правленія. Матеріалы эти рисуютъ намъ какъ самые выборы въ коммиссію, какъ они происходили въ губерніи слободско-украинской, недавно передъ тѣмъ образованной изъ Слободской Украйны, или Слободскихъ полковъ, такъ и дальнѣйшую роль выбранныхъ здѣсь депутатовъ. Тутъ мы видимъ губернію въ сословіяхъ и лицахъ; видимъ, кто и каковы были избиратели, какъ собирались они по группамъ и мѣстамъ, какихъ качествъ депутатовъ и кого именно избирали, какими волновались заботами, какія дѣлали заявленія и какъ эти заявленія проводились и поддерживались выборными въ самой коммиссіи. Все это имѣетъ, какъ мнѣ кажется, не только мѣстный но и общій историческій интересъ Начнемъ съ открытія выборовъ.

Покойный Полѣновъ, одинъ изъ редакторовъ по изданію матеріаловъ екатерининской коммиссіи, разсказавъ намъ исторію депутатскихъ

---

[1]) Въ IV, VIII, XIV, XXXII и XXXVI томахъ его «Сборника», первые три тома изданы подъ редакціей Полѣнова, остальные—проф. В. И. Сергѣевича.

[2]) Систематическое изданіе ихъ начато съ XLIII тома, гдѣ помѣщены наказы, данные присутственными мѣстами; но и въ прежнихъ томахъ они помѣщались въ приложеніяхъ.

выборовъ въ Петербургѣ и Москвѣ, замѣчаетъ: «въ другихъ городахъ, и можно сказать почти повсемѣстно, выборы происходили такимъ-же образомъ, какъ и въ столицахъ» [1]). Относительно общаго порядка это совершенно вѣрно: вездѣ выборы происходили по одной и той-же инструкціи; но провинція въ примѣненіи инструкціи даетъ много характерныхъ и въ бытовомъ отношеніи интересныхъ подробностей. Такъ было и въ новообразованной слободско-украинской губерніи. Вотъ какъ начались и производились здѣсь выборы.

Въ то памятное время харьковскимъ губернаторомъ былъ Щербининъ. На его имя были присланы и отъ него разсылались экземпляры Высочайшаго манифеста о коммиссіи для составленія проэкта Новаго Уложенія. Отдѣльными учрежденіями въ Харьковѣ были тогда Коллегіумъ, Вотчинная Контора и Духовное Правленіе; они первые и получили манифестъ. Губернія дѣлилась тогда на 5 провинцій, а каждая провинція на извѣстное число комиссарствъ: въ каждую провинцію было отправлено по 150 экземпляровъ манифеста и «обряда» выборовъ, а въ харьковскія комиссарства по 50. Разсылка производилась съ нарочными, посредствомъ эстафетъ. Начальники провинцій, по тогдашнему названію «правящіе воеводскую должность», разсылали манифестъ комиссарамъ, комиссары отправляли ихъ по мѣстечкамъ. Въ три слѣдующіе затѣмъ воскресные дня манифестъ читался былъ въ церквахъ и ратушахъ; дворянамъ дѣлалась особая честь, каждому изъ нихъ давалось по одному печатному экземпляру. По общему отъ губернатора наказу жители мѣстечекъ должны были прислать своихъ повѣренныхъ въ комиссарства для выбора уѣздныхъ повѣренныхъ къ 15 марта, уѣздные повѣренные явиться въ провинціальные города для выбора провинціальнаго депутата къ 18 марта, дворяне и земельные собственники, не положенные въ окладъ, съѣзжаться въ провинціальные города къ 18 марта, а жители города Харькова и остальныхъ четырехъ провинціальныхъ городовъ приступить къ выборамъ 26 марта. Въ Харьковѣ выборы производились подъ непосредственнымъ наблюденіемъ самого Щербинина, въ провинціяхъ подъ наблюденіемъ «правящихъ воеводскую должность», а въ комиссарствахъ подъ наблюденіемъ комиссаровъ. Заготовлялись списки избирателей, баллотировочные ящики, шары и т. п. Все населеніе пришло въ необычное движеніе; выборы не касались лишь «подданныхъ», т. е. владѣльческихъ и монастырскихъ крестьянъ. Дворяне и жители городовъ *непосредственно* выбирали изъ своей среды депутатовъ, войсковые обыватели предварительно должны были выбрать повѣренныхъ которые уже изъ своей среды выбирали депутата. Права послѣднихъ были такимъ образомъ ограни-

[1]) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. IV, стр. 23.

чены по сравненію съ дворянами и горожанами, и сдѣлано это было, по всей вѣроятности, для того, чтобы каждое изъ этихъ сословій выставило по равному числу депутатовъ: дворяне 5, горожане 5 и войсковые обыватели тоже 5, всего 15.

Приступили къ составленію списковъ избирателей, въ томъ числѣ и дворянъ; но тутъ на первыхъ-же порахъ встрѣтилось неожиданное недоумѣніе. Дворянъ въ точномъ смыслѣ этого слова въ слободско-украинской губерніи изъ природныхъ жителей не оказалось; были только владѣльцы населенныхъ и не населенныхъ мѣстностей, выходившіе изъ рядовъ полковой и сотенной старшины. Но нашлось не мало пришлыхъ людей, которыхъ нельзя было не признать настоящими дворянами; то были въ большей части великорусскіе и иностранные, военные и гражданскіе чины, владѣвшіе крупною поземельною собственностію на территоріи слободско-украинской губерніи, вмѣстѣ съ подданными и значительнымъ количествомъ настоящихъ крѣпостныхъ крестьянъ, большею частью переведенныхъ изъ сѣверныхъ губерній. Возникшее недоумѣніе разрѣшено, кажется, въ томъ смыслѣ, что обѣ означенныя группы землевладѣльцевъ соединились для выборовъ, но въ протоколахъ и на подписяхъ каждая шла подъ своимъ точнымъ названіемъ. Крупнѣйшими помѣщиками-дворянами оказались слѣдующіе: *въ харьковской* провинціи—графъ Иванъ Симоновичъ Гендриковъ. имѣвшій 1,206 душъ крестьянъ, полковникъ Матвѣй-Куликовскій 878, маіорша Шидловская 1,325, княгиня Кантемирова 643, дѣйствительная статская совѣтница Спичинская 2,131, отставной секундъ-маіоръ Щербининъ 1,858, *въ сумской*—отставной полковникъ Степанъ Кондратьевъ 5,958, отставной секундъ-маіоръ Анненковъ (по женѣ Кондратьевой) 5,071, отставной ротмистръ Савичъ 709, отставной сотникъ Василій Савичъ 1,631, бунчуковый товарищъ Иванъ Лизогубъ 708, поручикъ сумскаго гусарскаго полка Куколь-Яснопольскій 622, полковникъ графъ фонъ-Волькенштейнъ 652, бунчуковый товарищъ Василій Полуботковъ 1,523, князь Голицынъ 4,514, духовникъ ея величества Дубянскій 1,792, князь Шаховской 797; *въ ахтырской*—вдова маіорша Анна Надаржинская 1,315, полковникъ гусарскаго ахтырскаго полка Подгоричани 642, вдова поручица Осипова 791, подпоручикъ преображенскаго полка Коновницынъ 905, отставной премьеръ-маіоръ Абаза 808; *въ изюмской*—маіоръ Зарудневъ 854, поручикъ Данилевскій 622, Осипъ Сошальскій съ братьями 605, Краснокутская 1,283, Екатерина Шидловская, вдова маіора, 747, Настасія Захаржевская, вдова полковника, 2,614; *въ острогожской*—бригадиръ Степанъ Тевяшовъ 2,657, полковникъ Тевяшовъ 4,256, судья Ѳедоръ Татарчуковъ 961, капралъ Александръ Ерошевскій 847. Значительная часть этихъ крупныхъ владѣльцевъ и часть мелкихъ укло-

нилась отъ выборовъ; тѣмъ не менѣе количество съѣхавшихся было все таки значительно. Въ Харьковъ пріѣхало 52 человѣка, не явилось 35 человѣкъ, послѣдніе заявили, что полагаются при выборахъ во всемъ на своихъ товарищей.

Въ числѣ ихъ нужно отмѣтить такихъ важныхъ владѣльцевъ, какъ графъ Иванъ Симоновичъ Гендриковъ, графъ, генералъ аншефъ Девіеръ, госпожа Дунинова, княгиня Софья Кантемирова, полковой обозный Иванъ Ковалевскій и нѣкоторые другіе. Изъ числа прибывшихъ 52 человѣкъ трое въ самомъ началѣ неизвѣстно куда исчезли: изъ нихъ сотникъ Голуховичъ и подпрапорный Краснокутскій вовсе не были разысканы, а подпрапорный Чернякъ, хотя и былъ разысканъ, но оказался пьянымъ, при началѣ выборовъ учинилъ замѣшательство и потому изъ собранія былъ выведенъ. Всѣ три изъ списковъ были исключены. Оставшіеся затѣмъ приступили къ выбору изъ своей среды предводителя, и выборъ палъ на бывшаго харьковскаго полковника Матвѣя Куликовскаго. Вотъ что гласитъ объ этомъ дворянскій протоколъ. „По силѣ манифеста ея императорскаго величества отъ 14 декабря 1766 года, коимъ самодержавною ея властью повелѣно намъ нижеподписавшимся избрать въ коммиссію о сочиненіи проэкта Новаго Уложенія депутата и прислать его въ столицу Ея Императорскаго Величества въ сенатъ, мы помѣщики-дворяне и старшины прежней козацкой службы и старшинскія дѣти, имѣющіе во владѣніи своемъ недвижимыя имѣнія въ харьковскомъ уѣздѣ, по присланному при томъ манифестѣ «*обряду*», въ знакъ нашего всеподданнѣйшаго послушанія, прежде всего выбрали предводителемъ дворянства, для лучшаго между собой порядка, изъ своихъ собратій, нами признаннаго по чистой совѣсти способнымъ къ сей должности, отъ арміи подполковника, бывшаго слободскимъ козацкимъ полковникомъ, Матвѣя Прокофьевича Куликовскаго, давая ему власть на два года на случай какихъ-либо повелѣній, которая верховная власть можетъ дать нашему обществу“. Приступивъ въ слѣдъ за этимъ къ выбору депутата, собраніе избрало въ это званіе того-же Куликовскаго, а на мѣсто его предводителемъ былъ избранъ секундъ-маіоръ *Дунинъ*. Въ сумской провинціи предводителемъ выбранъ отставной секундъ-маіоръ Александръ *Анненковъ*, а депутатомъ отставной поручикъ Андрей *Кондратьевъ*, въ ахтырской предводителемъ отставной полковникъ Александръ *Ершовъ*, депутатомъ товарищъ правящаго воеводскую должность полковой обозный Василій *Боярскій;* въ изюмской предводителемъ отставной секундъ-маіоръ Ѳедоръ *Кириловъ*, депутатомъ отставной секундъ-маіоръ Иванъ *Зарудневъ*; въ острогожской предводителемъ бригадиръ Степанъ Ивановичъ *Тевяшовъ*, депутатомъ полковникъ Степанъ Ивановичъ

Тевяшовъ. Такимъ образомъ въ числѣ выбранныхъ оказалось четверо бывшихъ козацкихъ старшинъ и одинъ офицеръ регулярныхъ войскъ.

Одновременно почти происходили городскіе выборы. По спискамъ полиціи, въ Харьковѣ владѣвшихъ домами и занимавшихся торговлей, промысломъ и ремеслами жителей было 200; но на выборы явилась ровно половина, т. е. 100 человѣкъ; въ числѣ ихъ значительный процентъ составляли отставные сотники и подпрапорные расформированныхъ слободскихъ полковъ. Собравшимся предстояло выбрать городскаго голову для наблюденія за порядкомъ въ собраніи и депутата. Головою былъ избранъ отставной сотникъ Павелъ *Гуковскій*, а депутатомъ отставной же сотникъ Илья Ивановичъ *Черкесъ*. Городскіе выборы шли безъ всякихъ затрудненій, даже безъ такого казуса, какой имѣлъ мѣсто на дворянскихъ выборахъ; но не такъ благополучно окончилось составленіе депутатскаго наказа. Когда наказъ былъ написанъ и подписанъ, нѣсколько горожанъ (пять отставныхъ сотниковъ, трое отставныхъ подпрапорныхъ и нѣкоторые другіе) подали губернатору Щербинину жалобу, въ которой заявляя, что наказъ, данный городскому депутату отставному сотнику Ильѣ Черкесу, они подписали подъ давленіемъ большинства „подлыхъ и безразсудныхъ“ людей, которые внесли туда вовсе неподходящіе пункты, и потому они просятъ, чтобы онъ самъ разсмотрѣлъ этотъ наказъ и возвратилъ его для исправленія. Щербининъ возвратилъ наказъ съ приказаніемъ головѣ исключить изъ него нѣкоторые пункты, неприличные и вредные для губерніи, и въ другой наказъ уже не включать партикулярныхъ дѣлъ, которыя могутъ быть рѣшены судебными мѣстами.

Въ Сумахъ былъ избранъ депутатомъ войсковой обыватель Степанъ *Перекрестовъ*, въ Ахтыркѣ отставной каптенармусъ Иванъ *Дзюба*, въ Изюмѣ казенный обыватель *Иванъ Веприцкой*, въ Острогожскѣ сотникъ Дмитрій *Синельниковъ*. Такимъ образомъ, представителями ремесленниковъ, купцовъ и промышленниковъ оказались 2 сотника, одинъ каптенармусъ и двое войсковыхъ обывателей. т. е. бывшихъ слободскихъ козаковъ, и ни одного настоящаго мѣщанина. Объясняется это отчасти естественною склонностію отдавать въ выборахъ предпочтеніе людямъ выше другихъ стоящимъ, такъ что въ Петербургѣ и Москвѣ выбирали въ это время исключительно знатныхъ персонъ [1]), отчасти отсутствіемъ въ городахъ бывшей Слободской Украйны старожилаго мѣщанства, такъ какъ они недавно еще были полковыми городами и въ нихъ преобладающую группу населенія составляли козаки, превратившіеся въ войсковыхъ обывателей; торговлею занималась и бывшая козачая старшина, ремесленники же были большею частію изъ людей пришлыхъ.

[1]) Авсѣенко, Малороссія въ 1767 году, стр. 12—24.

Классъ войсковыхъ обывателей. т. е. прежніе выборные козаки, ихъ дѣти, родственники, свойственники, подпомощники и подсусѣдки, представлялъ самую многочисленную группу населенія губерніи; но и онъ долженъ былъ дать изъ своей среды только 5 депутатовъ. Это были по большей части жители мѣстечекъ и выбирали они не депутатовъ, а только повѣренныхъ, которыхъ отсылали въ комиссарства, гдѣ происходили новые выборы повѣренныхъ и только изъ ихъ среды уже въ провинціальныхъ городахъ выбирали уѣздныхъ депутатовъ. Выборы повѣренныхъ въ мѣстечкахъ и слободахъ и депутатовъ въ комиссарствахъ прошли вообще совершенно спокойно, за исключеніемъ простодушнаго заявленія обывателей слободы Межиричъ, въ которомъ мѣстныя власти на первыхъ порахъ готовы были усмотрѣть чуть не открытый бунтъ. Дѣло происходило такимъ образомъ.

Манифестъ, „обрядъ“ и инструкція о выборахъ, по полученіи ихъ въ *Межиричѣ*, были читаны здѣсь, какъ и вездѣ, три раза въ мѣстной церкви; войсковыхъ обывателей собралось до 400 человѣкъ. Все шло чинно, въ порядкѣ; выбрали и повѣреннаго—Демьяна Крамарева; но когда дошло до полномочій повѣренному, составленія наказа, заявленія общественныхъ нуждъ, то произошло нѣчто неожиданное: всѣ бывшіе въ сборѣ, исключая самаго незначительнаго числа, говорили одно, чтобы была у нихъ по прежнему козачья служба, а новоположенный окладъ былъ отмѣненъ, одинъ же изъ обывателей, Яковъ Гринченко, громко сказалъ: „кто сей новый окладъ положилъ, тотъ чтобы пропалъ на вѣки“! Таковъ былъ наказъ обывателей ихъ повѣренному и никакого другаго составлять они не хотѣли! Не трудно понять, какъ межирицкіе обыватели додумались до такого заявленія. Такъ недавно они были еще козаками, несли почетную военную службу, жили вольно, управлялись и судились сами, не знали никакихъ податей и сборовъ, и вдругъ конецъ всему и подушный окладъ, отъ котораго не освобождались и вновь рождающіяся дѣти. Манифестъ призывалъ къ откровенному заявленію общественныхъ нуждъ; но какая другая могла сравниться съ этою?! Такъ конечно разсуждали межирицкіе обыватели подъ вліяніемъ недавно произведенной радикальной перемѣны въ ихъ быту; имъ казалось, что стоитъ возстановить ихъ прежній козачій строй—и всѣ общественныя ихъ непорядки, ес̀ли они и были, устранятся сами собой. Начальствовавшій въ собраніи мѣстный комиссаръ, сотникъ Селеховскій собраніе закрылъ, Гринченка взялъ подъ караулъ и о случившемся донесъ правящему воеводскую должность Лосеву, а тотъ въ свою очередь поспѣшилъ донести губернатору Щербинину. Губернаторъ отдалъ приказъ объяснить межирицкимъ обывателямъ, что наказъ относится только къ ихъ обществен-

нымъ неустройствамъ, что козачья служба уничтожена, а вмѣсто нея учреждены гусарскіе полки, по высочайшему повелѣнію, „для лучшей государственной пользы“, что окладъ для нихъ положенъ и долженъ остаться въ своей силѣ, что всѣ нынѣшнія просьбы о возстановленіи козачьей службы останутся втунѣ, подобно тому, какъ оставлены безъ результата и прежнія, подававшіяся до конфирмаціи и признанныя безразсудными и прихотливыми, и что вносить теперь въ наказъ просьбу о возвращеніи козачьей службы значитъ дѣйствовать вопреки указу Ея Императорскаго Величества. Высочайшій манифестъ, писалъ въ заключеніе губернаторъ, повелѣваетъ производить выборы „порядочно, съ учтивостью, тихостью, молчаніемъ“, и приказалъ поименованныхъ въ донесеніи Лосева 15 межирицкихъ обывателей взять подъ караулъ и строго изслѣдовать, по чьему наущенію они дозволили себѣ такое противодѣйствіе властямъ, а Гринченка заковать въ ручныя и ножныя кандалы и допросить особенно тщательно. Лосевъ, сдавъ свою должность прокурору Романову (за отсутствіемъ воеводскаго товарища), съ всинскою командою немедленно отправился на усмиреніе бунтовщиковъ. На дорогѣ онъ получилъ новое извѣстіе отъ того же комиссара Селеховскаго, что межирицкіе обыватели, собравшись въ количествѣ 30 человѣкъ, явились въ комиссарское правленіе и съ крикомъ требовали освобожденія Гринченка. Это побудило Лосева прихватить еще болѣе военной команды и поспѣшить своимъ прибытіемъ въ Межиричъ. Изъ первыхъ разспросовъ Лосевъ заключилъ, что главнымъ виновникомъ случившагося былъ самъ комиссаръ Селеховскій. Онъ первый внушилъ межиричинамъ мысль просить, чтобы имъ дозволили по прежнему ввозить въ сумскую провинцію крымскую соль и не облагали дѣтей ихъ до 7 лѣтняго возраста подушнымъ окладомъ. Слыша это отъ своего комиссара, обыватели пошли дальше и стали толковать о томъ, чтобы по прежнему была козачья служба „Я, заявляетъ Лосевъ, въ своемъ донесеніи губернатору растолковалъ имъ. что подушный окладъ клонится къ ихней же пользѣ и тѣмъ усмирилъ волненіе, комиссара же удалилъ отъ должности“. Тѣмъ не менѣе Лосевъ остался съ командою въ Межиричѣ и продолжалъ слѣдствіе. Главный обвиняемый Гринченко объяснялся, что приписываемыя ему слова онъ сказалъ съпьяна; другіе заявили, что положеннаго на нихъ оклада они платить не въ состояніи, такъ какъ его положено больше, чѣмъ слѣдуетъ по ихъ имуществу; приходившіе требовать освобожденія Гринченка показали, что они дѣйствительно приходили *просить* объ освобожденіи Гринченка изъ-подъ караула, но когда имъ въ этомъ отказали, то они мирно разошлись по домамъ. Сдѣлавъ лично до-

просъ обвиняемымъ, Лосевъ отправилъ ихъ для дальнѣйшаго дослѣдованія и рѣшенія въ сумскую провинціальную канцелярію.

Передопрошенные здѣсь подсудимые дали болѣе обстоятельныя, но въ сущности тѣ же показанія. Гринченко показалъ, что всѣ единогласно выражали желаніе о возстановленіи козачьей службы, а было ли при этомъ подстрекательство съ чьей-либо стороны, онъ не знаетъ, что его лично никто не подстрекалъ и что о томъ, почему не давали наказа повѣренному, ему также неизвѣстно, а приписываемыя ему слова говорилъ не по чьему-либо наущенію, а по простотѣ своей, озлобившись, что на него положили при раскладкѣ гораздо больше податей, чѣмъ это слѣдовало по его имуществу; притомъ слова эти относились къ раскладчикамъ, а не къ кому-либо другому. Другой подсудимый, Романъ Ильченко объяснилъ, что когда обыватели заявили Селеховскому о возстановленіи козачьей службы, то онъ, замѣтивъ, что это невозможно, совѣтовалъ просить объ освобожденіи дѣтей до 7 лѣтняго возраста изъ подушнаго оклада, о свободѣ винокуренія и о позволеніи попрежнему ввозить въ сумскую провинцію крымскую соль. По словамъ Ильченка, обыватели послѣ этого сказали; „пусть же нашъ повѣренный ѣдетъ въ Сумы и сговорится съ другими повѣренными; на чемъ они порѣшатъ, на то и мы согласимся , и повѣренный дѣйствительно поѣхалъ было въ Сумы, но на дорогѣ встрѣтилъ двухъ межирицкихъ писарей, которые ему сообщили, что въ Сумахъ пока еще никого нѣтъ, и потому возвратился назадъ. Самъ повѣренный Крамаревъ подтвердилъ это, но прибавилъ, что когда онъ вернулся въ слободу, то обыватели съ шумомъ требовали возвращенія козачины. Комиссаръ Селеховскій оправдывался, что не онъ внушилъ обывателямъ просить объ уничтоженіи подушнаго оклада съ дѣтей и о ввозѣ по прежнему крымской соли, а наоборотъ они первые ему высказали это. Остальные показывали разно: одни признавались въ томъ, что требовали возвращенія козачьей службы, другіе запирались.

На основаніи этихъ данныхъ сумская провинціальная канцелярія мнѣніемъ положила: въ виду простоты обвиняемыхъ и того обстоятельства, что возмущеніе ихъ не имѣло дальнѣйшихъ вредныхъ дѣйствій, ограничиться наказаніемъ 22 обвиняемыхъ плетьми, въ присутствіи всѣхъ жителей Межирича, такому-же наказанію подвергнуть и Якова Гринченка, а Селеховскому, уже отрѣшенному отъ должности, учинить еще „репримантъ“ въ канцеляріи, и наконецъ со всѣхъ обвиненныхъ взыскать 3 р. 84 к. за прогоны гусарамъ, развозившимъ донесенія и приказы по этому дѣлу. Рѣшеніе это основывалось на 1-мъ и 18-мъ пунктахъ Соборнаго Уложенія, трактующихъ объ умыслѣ на государево здоровье и скопѣ и

заговорѣ на Государя, и на другихъ позднѣйшихъ указахъ, чѣмъ объясняется и строгость приговора [1]).

Но когда это мнѣніе было представлено на благоусмотрѣніе губернской канцеляріи, то эта послѣдняя съ нимъ не согласилась. Она нашла, что несомнѣнныя улики были только противъ двухъ обвиняемыхъ—Гринченка и Вечѣрка, остальные-же дѣйствовали по своей простотѣ и потому рѣшила: засчитать послѣднимъ въ наказаніе время пребыванія ихъ подъ карауломъ, взыскавъ кромѣ того съ каждаго по 50 коп. штрафныхъ денегъ, Гринченка наказать плетьми, Вечѣрку высѣчь ботожьемъ и съ нихъ-же взыскать и прогонныя деньги, а Селеховскаго вовсе не подвергать наказанію и сверхъ того возвратить ему прежнюю должность.—Такъ окончилось дѣло, возникшее по поводу выборовъ повѣреннаго въ Межиричѣ и получившее совершенно незаслуженно громкое имя „возмущенія обывателей слободы Межиричъ при выборѣ депутата“.

Въ немъ случайно проглянула реакція противъ новыхъ измѣненій жизни слобожанъ, которыя въ теченіе предшествовавшихъ 4-хъ лѣтъ быстро слѣдовали одно за другимъ. Еще въ 1763 году реформировалъ слободскіе полки сенаторъ князь Шаховскій, теперь реформу дополнялъ лейбъ гвардіи секундъ-маіоръ Евдокимъ Щербининъ. На этотъ разъ реформа состояла въ окончательномъ упраздненіи прежней козачьей службы и козачьяго самоуправленія и замѣнѣ прежняго военнаго строя населенія общимъ гражданскимъ. Козацкіе слободскіе полки, числомъ пять, были уничтожены, вмѣсто нихъ учреждены регулярные гусарскіе полки, а на содержаніе послѣднихъ установленъ подушный окладъ съ бывшихъ козаковъ, обращенныхъ теперь въ податное состояніе, съ именемъ войсковыхъ обывателей: 95 коп. положено было взимать съ тѣхъ изъ нихъ, которые пользовались правомъ винокуренія, 85 съ непользующихся этимъ правомъ, и по 70 коп. съ владѣльческихъ подданныхъ, иначе посполитыхъ крестьянъ. Хотя раскладка новаго налога производилась самими-же обществами бывшихъ козаковъ; но съ одной стороны не легко было платить деньги за то, что отбывали они доселѣ самой службой, съ другой и справедливость соблюдалась не всегда, и окладъ невольно вызывалъ ропотъ и недовольство. Впрочемъ и помимо того не могло безслѣдно отойти въ вѣчность такое учрежденіе, которое имѣло за собою продолжительную традицію, которое проникало собою всю народную жизнь, опредѣляло собою всѣ общественныя отношенія. Новые порядки, вводимые по приказу, не могли не вызывать глухого раздраженія въ народной

[1]) Такимъ образомъ, въ Слободской Украйнѣ, дѣйствующимъ законодательнымъ памятникомъ было Соборное Уложеніе и послѣдующія статьи въ противоположность Малороссіи, гдѣ дѣйствовалъ Литовскій Статутъ.

массѣ; защитники старины выходили, какъ свидѣтельствуетъ манифестъ императрицы Екатерины II, изъ среды прежняго правящаго класса; въ межирицкомъ дѣлѣ реакція исходитъ, какъ мы видимъ, изъ среды прежняго рядоваго козачества.

Но обратимся къ разсказу о выборахъ въ другихъ мѣстахъ слободско-украинской губерніи. Повсюду они совершались вполнѣ спокойно, безъ малѣйшихъ затрудненій Въ харьковской провинціи депутатомъ былъ избранъ козацкій обыватель ольшанскаго комиссарства *Прокопъ Гукъ*, въ ахтырской войсковой обыватель слободы Богодуховой *Михаилъ Бондыревъ*, въ сумской казенный обыватель суджанскаго комисарскаго села Уланкова *Ѳедоръ Никифоровъ*, въ изюмской казенный обыватель слободы Купянки *Семенъ Попадичевъ*, въ острогожской обыватель меловатскаго комиссарства слободы Калачей *Иванъ Водарской*. Съ депутатомъ харьковской провинціи вышелъ такой казузъ, что пришлось выбирать новаго депутата. Темная народная масса по своему понимала объявленную коммиссію и выбираемыхъ въ нее депутатовъ; до пониманія общественныхъ, тѣмъ болѣе государственныхъ интересовъ ей было далеко, но у каждаго войсковаго обывателя были свои наболѣвшія мѣста, свои нужды, свои дѣлишки и ему казалось, что все можетъ устроить депутатъ, котораго нарочно требуютъ въ столицу къ самой царицѣ. Въ нѣкоторое самомнѣніе вдался и самъ депутатъ харьковской провинціи, Прокопъ Гукъ. Вскорѣ послѣ выборовъ на него послѣдовала жалоба со стороны ольшанскаго сотника Ковалевскаго, что онъ производитъ смуту, мѣшая полюбовному размежеванію между казенными обывателями и владѣльцами. Сотникъ прямо высказывалъ желаніе, чтобы Гукъ былъ отстраненъ отъ депутатскаго званія, ибо онъ „какъ мужикъ угрюмый и продерзкій, можетъ и въ коммисіи изблевать какого-либо мужицкаго яду“. Гукъ, какъ видно, былъ себѣ на умѣ и пожелалъ воспользоваться выгодами своего положенія, а можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ былъ убѣжденъ, что какъ депутатъ, онъ многое, если не все, можетъ сдѣлать. Пріѣхалъ онъ въ мѣстечко Золочевъ и взялъ съ жителей онаго себѣ на поѣздку въ Москву 5 рублей, другіе 5 рублей истребовалъ съ жителей села Удъ, а повѣреннымъ, выбраннымъ для межеванія земель, объявилъ, чтобы они не дѣлали развода до его возвращенія изъ Москвы. Когда, по доносу объ этомъ, ольшанскому комиссару приказано было произвести строгое слѣдствіе, Гукъ относительно послѣдняго обстоятельства отозвался лишь запамятованіемъ, что же касается денегъ, то въ полученіи ихъ и не думалъ запираться, объяснивъ лишь, что отнюдь не вымогалъ ихъ, а только говорилъ, что „ежели кто дастъ ему, въ томъ нужды нѣтъ“. По словамъ Гука, на такое его обращеніе откликнулись жители многихъ селъ и

слободъ, и кромѣ м. Золочева и села Удъ, онъ получилъ съ села Лопаки 2 рубля, съ села Деркачей 4 рубля, съ села Лозовой 1 рубль, съ мѣстечка Мерефы 5 рублей, съ села Островерховки 1 рубль 20 коп., съ села Тарановки 3 рубля, съ мѣстечка Соколова 1 рубль 50 коп., съ села Хорошева 2 рубля, съ села Безлюдовки 3 рубля, съ села Хотомли 10 рублей, съ мѣстечка Салтова 3 рубля, съ села Волчьей 4 рубля, съ мѣстечка Перекопи 3 рубля, съ мѣстечка Валокъ 4 рубля, съ села Огульцовъ 3 рубля, съ села Люботина 2 рубля, съ Песочнаго 1 рубль, съ села Синолицовки 1 рубль, съ села Гавриловки 1 рубль 50 коп., съ села Пересѣчнаго 2 рубля. Всего такимъ образомъ было собрано имъ 66 рублей 20 коп., что на наши деньги равняется по крайней мѣрѣ 300 руб. Все это Гукъ трактовалъ на слѣдствіи, какъ „добровольныя приношенія“; но приносители показали, что, требуя денегъ, Гукъ говорилъ: *«а если не дадутъ ему денегъ, то дѣло ихъ спатъиметъ»*. Недавній депутатъ былъ отрѣшенъ отъ депутатскаго званія и наказанъ плетьми при комиссарскомъ правленіи; деньги отъ него были отобраны, а на его мѣсто выбрали новаго депутата *Тимофея Капиноса*.

Такъ окончились выборы депутатовъ. Всѣхъ ихъ, какъ мы видимъ, было 15 человѣкъ: 7 старшинъ и дворянъ и 8 казенныхъ обывателей. Выбраннымъ депутатамъ вручены были: 1) прошенія объ общественныхъ нуждахъ и недостаткахъ, 2) наказы депутатамъ, съ прописаніемъ тогоже прошенія и 3) уполномочія. На дорогу городскіе и обывательскіе депутаты получили прогоновъ на 2 лошади (на каждаго по 1 деньгѣ на версту); помимо того всѣмъ депутатамъ назначено было еще опредѣленное жалованье.

II.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію наказовъ слободскоукраинскаго дворянства. Останавливаемся на анализѣ однихъ дворянскихъ наказовъ потому, что полная серія ихъ вышла въ 68 томѣ „Сборника Имп. Рус. Ист. Общ., а наказы остальныхъ группъ населенія еще не напечатаны. Вызовъ депутатовъ произвелъ глубокое впечатлѣніе на русское общество. Всѣ сословія, получившія право избранія депутатовъ, должны были вручить этимъ послѣднимъ особые *наказы* и челобитья о своихъ общественныхъ нуждахъ и желаніяхъ. Эти-то наказы, по мысли правительства, должны были послужить основою реформъ, которыя предположено было внести въ новое Уложеніе. Такимъ образомъ, на долю русскаго общества выпалъ рѣдкій, счастливый случай заявить о своихъ желаніяхъ правительству, подвергнуть ихъ обсужденію депутатовъ Большой комиссіи, объединить и ввести въ новые законы на „впредь будущія“ времена. Сама Императрица, въ своемъ наказѣ, задавала какъ бы тонъ для будущаго

концерта и, нужно сознаться, что тонъ этотъ былъ высокаго строя. Правда, и задача комиссіи была необычайно трудная: ей предстояло примирить такіе общественные интересы, непримиримость которыхъ (если можно такъ выразиться) была создана самою жизнью; въ ея распоряженіи, въ видѣ наказовъ и челобитенъ, очутился слишкомъ огромный матеріалъ, который невозможно было разобрать и систематизировать въ теченіе короткаго промежутка времени; для этого нужны были многіе годы, даже десятки лѣтъ или, правильнѣе говоря, *временная* комиссія должна была превратиться въ *постоянную*. По крайней мѣрѣ, мы приходимъ теперь невольно къ такому заключенію, послѣ опубликованія значительной части (но далеко не всѣхъ еще) депутатскихъ наказовъ. Эти послѣдніе содержали въ себѣ богатыя данныя не для одного только новаго Уложенія, которое было бы общимъ для всей Россіи; еще больше, пожалуй, въ нихъ было матеріаловъ для болѣе частныхъ правительственныхъ мѣропріятій, которыя бы относились къ отдѣльнымъ областямъ, мѣстностямъ нашего обширнаго отечества. Каждый городъ, каждая губернія имѣла свои особыя, спеціальныя нужды—и вникнуть, разобраться въ нихъ не легко было постороннимъ; это могли сдѣлать только мѣстные общественные органы (въ родѣ нашихъ нынѣшнихъ земствъ), которыхъ тогда не существовало. Не говоримъ уже о томъ, что несмотря на успѣхи, сдѣланные централизаціей въ царствованіе Петра и самой Екатерины II-й, въ нѣкоторыхъ областяхъ напримѣръ Остзейскомъ краѣ, Малороссіи, Запорожьи и даже Слободской Украйнѣ сохранялись еще старыя особенности ихъ гражданскаго строя и управленія. Изъ этого видно, что едва-ли правы тѣ, кто неудачу коммиссіи приписываетъ самой Императрицѣ. Правда, у нея очень быстро прошло увлеченіе этимъ предпріятіемъ; быть можетъ, она отказалась отъ него въ виду слишкомъ серьезныхъ послѣдствій, какія могло имѣть оно въ будущемъ; важную роль могли сыграть въ этомъ случаѣ и внѣшнія затрудненія (турецкая война), а еще вѣроятнѣе, что императрица, получивъ отъ депутатовъ свѣдѣнія о современномъ состояніи Россіи, ея нуждахъ и желаніяхъ, рѣшилась этимъ только и ограничиться и не связывать себя и своей дальнѣйшей дѣятельности проектами коммиссіи. Но что она не пренебрегла этой драгоцѣнною сокровищницей совѣтовъ и свѣдѣній, видно изъ того, что многія изъ ея послѣдующихъ реформъ представляютъ прямое исполненіе желаній, выраженныхъ въ наказахъ; эти послѣдніе являются, такимъ образомъ, какъ-бы программой ея реформаторской дѣятельности, въ которой, впрочемъ, къ сожалѣнію, не были гармонически слиты интересы всѣхъ тогдашнихъ сословій. Во всякомъ случаѣ, повторяемъ, и самая задача, предстоявшая

комиссіи, была настолько сложна и трудна (въ особенности, въ дѣлѣ примиренія различныхъ общественныхъ интересовъ), что понадобилось-бы не мало времени, пока она была бы доведена до благополучнаго окончанія; представители разныхъ общественныхъ группъ и различныхъ мѣстностей, привезшіе въ Москву только сознаніе *своихъ сословныхъ* интересовъ, должны были бы не мало поработать надъ собою, пройти въ нѣкоторомъ родѣ форсированную политическую школу, чтобы путемъ взаимныхъ уступокъ, переговоровъ, уясненія истиннаго положенія вещей, прійти ко взаимному соглашенію и выработать законодательныя нормы, обезпечивающія возможность матеріальнаго, умственнаго и нравственнаго преуспѣянія для всего русскаго народа.

Разсмотрѣвъ содержаніе дворянскихъ и городскихъ наказовъ всѣхъ губерній, новѣйшій историкъ Екатерининской коммиссіи проф. Латкинъ приходитъ къ заключенію, что они не возвышались надъ узкопонятыми сословными интересами, имѣли въ виду только эти послѣдніе и нисколько не заботились объ ихъ взаимномъ примиреніи. Выводъ этотъ сохраняетъ свою силу и по отношенію къ наказамъ отдѣльныхъ губерній и областей, хотя при болѣе детальномъ сравненіи ихъ между собою откроется нѣкоторая разница и въ этомъ отношеніи (т. е. въ отношеніи ихъ сословнаго характера). Но для того, чтобы уловить эти особенности, необходимо подвергнуть спеціальному анализу по крайней мѣрѣ наказы нѣкоторыхъ мѣстностей, попытаться объяснить ихъ мѣстными историческими условіями, дать къ нимъ живой реальный комментарій. Само собою разумѣется, что этого не могъ сдѣлать проф. Латкинъ, [1]) который рѣшилъ дать въ своей книгѣ читателю общее понятіе обо всѣхъ наказахъ. Теперь же, разъ это сдѣлано, нужно болѣе детальное изученіе драгоцѣннаго матеріала, заключающагося въ наказахъ, и оно можетъ быть полезно въ двоякомъ отношеніи—съ одной стороны оно будетъ уяснять намъ внутренній смыслъ и значеніе Екатерининской комиссіи, а съ другой—дастъ понятіе о внутренней, соціально-экономической жизни въ к. XVIII в. всѣхъ областей Россіи. И такое изученіе уже начато по отно-

---

[1]) Въ 1887 году вышло обширное изслѣдованіе пр.-доцента Петербургскаго университета В. Н. Латкина, посвященное спеціальному изученію законодательныхъ комиссій XVIII вѣка вообще и Екатерининской комиссіи въ частности. И оказывается, что авторъ его внесъ въ свою книгу часть моей статьи, напечатанную въ „Кіев. стар.“ въ 1885 г и посвященную выборамъ депутатовъ, перепечатавъ ее буквально, моими подлинными выраженіями хотя и безъ кавычекъ. Такимъ образомъ, оправдалось моя надежда, что мои свѣдѣнія и соображенія окажутся не лишними для будущаго историка Екатерининской коммиссіи и онъ воспользуется ими для своего цѣльнаго и болѣе виднаго труда.

шенію къ Малороссіи, Сибири и Слободской Украйнѣ. Во главѣ Слободско-Украинской губерніи стоялъ тогда Щербининъ, недавно передъ тѣмъ произведшій коренныя реформы въ Украйнѣ, по желанію и по порученію Императрицы: прежнее полковое устройство, соотвѣтствовавшее строю гетманской Малороссіи (только безъ центральной гетманской власти) было имъ уничтожено и вмѣсто него введено общее гражданское управленіе; вмѣсто прежнихъ казацкихъ полковъ были учреждены регулярные гусарскіе; палъ вообще весь прежній козацкій строй; радикально измѣнилось и положеніе сословій: съ уничтоженіемъ казацкой службы, полковая старшина должна была сосредоточить свое вниманіе почти исключительно на землевладѣльческихъ интересахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ позаботиться о пріобрѣтеніи дворянскаго званія, такъ какъ оно одно теперь только давало привиллегированное положеніе въ обществѣ и право владѣнія крѣпостными крестьянами. Правда, крестьяне въ Слободско-Украинской губ. тогда еще не были прикрѣплены къ землѣ— они пользовались правомъ вольнаго перехода; но превращеніе бывшей казацкой старшины въ русское дворянство открывало ей заманчивыя перспективы и въ этомъ отношеніи: давало надежды на возможность уничтоженія этого вольнаго перехода и превращенія посполитыхъ въ крѣпостныхъ. И въ прежнее время существовалъ сильный антагонизмъ между старшиной и простыми казаками; но эти двѣ общественныя группы все таки не представляли изъ себя двухъ различныхъ сословій: старшина не пользовалась наслѣдственностью своего званія; выборное начало еще дѣйствовало; переходъ изъ простыхъ казаковъ въ ряды старшины былъ вполнѣ возможенъ; у казаковъ и старшины было не мало общихъ интересовъ: извѣстно, что многочисленныя привиллегіи, которыми пользовались, на основаніи царскихъ жалованныхъ грамотъ, слободскіе полки, относились одинаково и къ старшинѣ, и къ рядовому казачеству (льготы по части заимки земель, свобода винокуренія и разныхъ другихъ промысловъ). Теперь обстоятельства измѣнились: бывшая казацкая старшина стремится превратиться въ дворянство, т е. въ особое замкнутое сословіе; старается отгородиться прочною стѣною отъ своихъ прежнихъ соратниковъ въ походахъ; эти же послѣдніе превращаются исключительно въ мелкихъ земледѣльцевъ; антагонизмъ между ними и помѣстными владѣльцами чрезвычайно усиливается; общихъ интересовъ у тѣхъ и другихъ теперь уже не существуетъ; одни возвышаются до верхней ступеньки соціальной лѣстницы; другіе спускаются на нижнюю. Что касается городского сословія, то его, въ собственномъ смыслѣ этого слова, не существовало, ибо главнымъ контингентомъ въ составѣ городскихъ жителей являются тѣ же войсковые обы-

ватели и небольшое количество мѣщанъ и купцовъ. Таково было въ общихъ чертахъ положеніе и взаимное отношеніе трехъ сословныхъ группъ, которыя были призваны высказать въ Екатерининской комиссіи свои общественныя нужды и желанія. Въ дѣлѣ выборовъ дворяне съ горожанами были поставлены въ болѣе привиллегированное положеніе, чѣмъ войсковые обыватели: первые *непосредственно* избирали депутатовъ, послѣдніе же предварительно выбирали уполномоченныхъ и только эти послѣдніе уже участвовали непосредственно въ выборахъ депутата, при томъ каждая группа представлена была одинаковымъ количествомъ депутатовъ—именно пятью (по числу провинцій), хотя число избирателей въ каждой изъ нихъ было далеко не одинаковое. При выборѣ дворянскихъ депутатовъ прежде всего нужно было выяснить вопросъ, кто могъ пользоваться избирательными правами. Дѣло въ томъ, что настоящаго дворянства, въ томъ смыслѣ, какъ его понимало русское законодательство, въ Слободско-Украинской губерніи совсѣмъ почти небыло. Такимъ званіемъ пользовалось только небольшое число пришлыхъ великорусскихъ и иностранныхъ помѣщиковъ, военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, получившихъ здѣсь земли или путемъ пожалованія за свои службы, или благодаря женитьбѣ на дочеряхъ мѣстной казацкой старшины, или путемъ купли.

Что же касается мѣстныхъ привиллегированныхъ фамилій, то почти всѣ онѣ вышли изъ рядовъ бывшей казацкой старшины; большая часть ея представителей была теперь въ отставкѣ и только нѣкоторые поступили на службу во вновь сформированные регулярные полки. Вопросъ о дворянствѣ старшинскаго сословія въ Слободской Украйнѣ еще не былъ рѣшенъ—это было дѣло будущаго—но онъ какъ бы самъ собою предрѣшался самимъ фактомъ выборовъ. Право участія въ дворянскихъ выборахъ получили не только настоящіе дворяне, а и бывшая казацкая старшина. Мы имѣемъ полный списокъ всѣхъ дворянскихъ избирателей и разсмотрѣніе его позволяетъ намъ сдѣлать нѣсколько любопытныхъ заключеній. Всѣхъ ихъ оказалось 588 душъ (126 чел. въ Харьковской провинціи, 138 въ Ахтырской, 91 въ Сумской, 163 въ Изюмской и 70 въ Острогожской). Тутъ мы находимъ отставныхъ казацкихъ старшинъ —бывшихъ полковниковъ, судей, обозныхъ есауловъ, хорунжихъ, сотниковъ, подпрапорныхъ, старшинскихъ сыновей, писарей, бывшихъ канцеляристовъ и т. п.; отставныхъ и служащихъ военныхъ—генераловъ, бригадировъ, полковниковъ, подполковниковъ, секундъ-майоровъ, майоровъ, капитановъ, ротмистровъ, подпоручиковъ, прапорщиковъ, капраловъ, вахмистровъ и гвардейскихъ солдатъ; гражданскихъ чиновниковъ—дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ, коллежскихъ асессоровъ, титулярныхъ

совѣтниковъ, коллежскихъ регистраторовъ—въ разныхъ должностяхъ; бывшихъ малороссійскихъ старшинъ разнаго званія (напримѣръ, бунчуковыхъ товарищей); есть одинъ крупный землевладѣлецъ—протоіерей; попадаются титулованныя лица—князья, графы, обладающіе значительнымъ количествомъ подданныхъ, а рядомъ съ ними разночинцы вовсе не владѣющіе этими послѣдними; но наиболѣе крупными собственниками оказываются все-таки въ массѣ представители бывшей мѣстной казацкой старшины, занимавшіе нѣкогда полковничьи и другіе уряды и пріобрѣвшіе путемъ заимокъ и скупли огромныя помѣстья; въ спискѣ избирателей стоятъ монастыри, а также тѣ женщины, въ рукахъ которыхъ сосредоточены было владѣнія помѣстьями; и такихъ женщинъ (вдовъ) оказалось значительное количество. Чтобы дать понятіе о личномъ составѣ тогдашняго харьковскаго дворянства, мы помѣщаемъ въ примѣчаніи перечень тѣхъ, кому принадлежало болѣе сотни подданыхъ или крестьянъ [1]).

Этотъ списокъ даетъ прекрасное понятіе о его составѣ и имущественномъ цензѣ. Мы видимъ здѣсь нѣсколько родовыхъ великорусскихъ

---

[1]) Въ Харьковской провинціи такими крупными собственниками были: подпрапорный Романъ Картавой (въ с. Салтовѣ) съ 338 подданныхъ и 5 кр., отставной секундъ-майоръ Николай Логачевъ съ 392 под., полк. есаулъ Иванъ Ковалевскій съ 282 под., отставной поручикъ Павелъ Ковалевскій со 144 под, отставной судья Никита Ковалевскій съ 254 под., подпрапорный Семенъ Ковалевскій съ 149 под., адъютантъ Петръ Ольховскій съ 309 под. и 2 кр., адъютантъ гус. полка Константинъ Ковалевскій съ 246 под, отставной поручикъ Алексѣй Авксентьевъ со 133 кр и 9 под., поручикъ и коммиссаръ Павелъ Черняк со 167 кр. и 14 под., ген. аншефъ гр Иванъ Симоновичъ Гендриковъ съ 1206 под., бригадирша Капнистова со 178 под, полковница фонъ-Циглеръ съ 380 под. и 7 кр, полк. Матвѣй Куликовскій съ 1015 под., полк. квартермистръ и подпрапорный Яковъ и Антонъ Бородаевскіе со 171 под., сотникъ Василій Авксентьевъ со 127 под., вдова есаула Карпова со 144 под, вдова подполковница Марія Полтева со 160 под и 8 кр., маіорша Шидловская съ 1325 под. и 133 кр., ген. аншефъ гр. Петръ Антоновичъ Девьеръ съ 286 под., супруга ген. пор. княгиня Софья Богдановна Кантемирова съ 643 под. и 50 кр., вдова д. стат. сов. Прасковья Спичинская съ 2131 под. и 67 кр., ген.-майоръ кн. Евдокимъ Килдяшевъ со 193 под., полковница Прасковья Квиткина съ 277 под., отставной сек. майоръ Петръ Щербининъ съ 1858 под., отставной сек. м Александръ Дунинъ съ 285 под.. отставной капит. Иванъ Земборскій со 118 под., поруч. Яковъ Квитка со 147 под., прапорщикъ Григорій Квитка со 122 под. и 6 кр., полковой писарь Иванъ Романовскій со 117 под., вдова сотника Христина Голуховичъ со 156 под., подпрапорный Иванъ Квитка со 175 под., подпрапорный Григорій Квитка со 170 под. Въ Изюмской провинціи болѣе ста душъ имѣли: отст. ген.-м. Георгій Мейеръ 346 под. и 12 кр., отст. майоръ Иванъ Зарудневъ 854 под. и 34 кр., отст. м. Ѳедоръ Кириловъ 143 под., отст. поруч. Василій Шидловскій 340 под. и 30 кр., отст. пор. Яковъ Данилевскій 622 под., отст. пор. Илья Андреевъ 169 под., отст. прап. Георгій Скерлетъ 104 под., вахмистръ Илья Мечниковъ 206 под. и 43 кр., пор. Елисей Лисаневичъ 147 под., пор. Осипъ Сошальскій съ братьями—отставнымъ сотникомъ

дворянъ, небольшое количество военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ русскаго и отчасти иностраннаго происхожденія (нѣмецкой и волошской націи), а главное ядро составляютъ туземныя украинскія фамиліи, представители которыхъ не занимаютъ видныхъ должностей, не имѣютъ большихъ чиновъ, иногда состоятъ даже въ отставкѣ, а между тѣмъ владѣютъ огромнымъ количествомъ подданныхъ; таковы Шидловскіе, Куликовскіе, Кондратьевы, Донцы-Захаржевскіе, Квитки, Сошальскіе, Краснокутскіе, Надаржинскіе, Лесевицкіе, Осиповы, Савичи, Данилевскіе, Ковалевскіе и др.; нѣкоторые породнились съ захожимъ русскимъ дворянствомъ, которое такимъ путемъ (а частію пожалованіемъ) пріобрѣло значительныя имѣнія въ Слободско-Украинской губерніи; таковы Щербинины, Хрущовы, Подгоричани, Анненковы и др.

Иваномъ, отст. подпрапорнымъ Георгіемъ и вахмистромъ Алексѣемъ—605 под., пор. Георгій Капустянскій 198 под. и 2 кр., пор. Дмитрій Купчиновъ 111 под. и 5 кр., вахмистръ Василій Зайцовъ 142 под., капралъ Григорій Богуславскій 164 под., секретарь Слоб.-Укр. губ. канцеляріи (бывш. полк. писарь) Александръ Любицкій 106 под., ротмистръ въ должности коммиссара Корнилій Капустянскій 200 под. и 2 кр., сотникъ Алексѣй Быстрицкій 196 под., сот. Ѳедоръ Симборскій 115 под., полк. судья Иванъ Капустянскій 200 под., б. полк. хорунжій Степанъ Адамовъ 241 под., отст. ротмистръ Захарій Горожанъ 169 под., б. сотникъ Иванъ Пештичъ 146 под. и 2 кр., б. сотн. Александръ Сошальскій 227 под., б. сотн. Денисъ Купчиновъ 104 под., вдова б. бригадира Слоб. полковъ Ефимья Банческулъ 418 под. и 31 кр., вдова полк. Ивана Мерескула 180 под., вдова подполк. Ѳедора Капустянскаго Софія 242 под. и 9 кр., вдова вахмистра Андрея Пештича Іуліанія 101 под., вдова б. полк. Ѳедора Краснокутскаго Параскевія 1253 под. и 51 кр., Михаила Милорадовича Анна 187 под. и 1 кр., бригадиръ Илья Булацель 139 под. и 66 кр., полк. Матвѣй Куликовскій 242 под., подпрапорный Романъ Картавой 253 под., вдова майора Романа Шидловскаго Екатерина 747 под. вдова полк. Михаила Захаржевскаго Настасія 2614 под. Въ Ахтырской провинціи: сек. майоръ Степанъ Лесевицкій 297 под. и 3 кр., ротмистръ Аѳанасій Карповъ 187 под. и 3 кр., б. полк. судья Иванъ Карповъ 327 под., вдовствующая майорша Анна Надаржинская 1355 под., отст. подпрап. Михайло Надаржинскій 184 под., отст. сек. м. Ефимъ Зварыкинъ 302 под., жена бунчуковаго товарища Анна Миклашевская 479 под. и 3 кр., отст. коллежскій коммиссаръ Михаилъ Нахимовъ 338 под., ген. м. Подгоричани 642 под., прап. Максимъ Павловъ 229 под., отст. прап. Иванъ Боярскій 334 под. и 3 кр., вдова отст. поруч. Евдокія Осипова 791 под., прап. Иванъ Огроновичъ 177 под., гвард. подпрапорщикъ Петръ Коновницынъ 905 под. и 4 кр., б. полк. обоз. испр. должн. воев. тов. въ ахт. канц. Василій Боярскій 102 под., вдова б. полк. Анастасія Лесевицкая 571 под. и 10 кр., вдова ротмистра Ульяна Лесевицкая 287 под., отст. подполк. Иванъ Верещагинъ 278 под. и 2 кр., премьеръ майоръ Андрей Хрущовъ 449 под. и 18 кр., отставной пор. Алексѣй Хрущовъ 360 под. и 22 кр., отст. пр. м. Николай Абаза 809 под. и 6 кр., отст. кап. Андрей Смаковскій 182 под., б. сотники малор. Гад. полка Юліанъ и Левъ Быковскіе 156 под., бунч. товар. Корнилій Кобелякцкій 334 под. *Въ Сумской провинціи:* отст. стат. сов. Яковъ Шубскій 176 под., отст. полк. Степанъ Кондратьевъ 5958 под., отст. сек. м. Александръ Анненковъ; за его женою Анастасіей съ сестрами и братомъ Ѳаддѣемъ 5071 под., отст. ротм. Андрей Савичъ

За перечисленными нами лицами, составлявшими верхній слой харьковскаго дворянства, такъ сказать, аристократію его, шла масса мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, у которыхъ подчасъ вовсе не было ни крестьянъ, ни подданныхъ. [1]) Въ общемъ, слѣдовательно, какъ мы видимъ, харьковское дворянство было по происхожденію своему очень демократично. Только немногіе дѣйствительно могли вести свой родъ отъ западнорусскаго гербоваго дворянства, да и то едва-ли съумѣли-бы доказать посредствомъ документовъ свое родство съ заднѣпровскими шляхетными предками. Гораздо дѣйствительнѣе могла быть ихъ ссылка на военныя заслуги ихъ и ихъ предковъ въ качествѣ выдающихся представителей бывшей слободско-украинской старшины. И здѣсь, на этой почвѣ, интересы ихъ были торждественны съ интересами остальной массы избирателей, желавшей, подобно имъ, получить россійское дворянство.

---

709 под, отстав. сотникъ Василій Савичъ 1631 под., отст. судья Иванъ Рубановъ 150 под., вдова полковница Настасья Захаржевская и ея сыновья 527 под., майорша Настасья Кондратьева съ сыномъ Романомъ 532 под., отст. пор. Андрей Кондратьевъ 273 под., б. сотникъ Иванъ Кондратьевъ 150 под., бунч. тов. Иванъ Лизогубъ 708 под., от. кап. Николай Антоновъ 156 под., от. есаулъ Яковъ Подлесной 264 под., от. ес. Ѳедоръ Алферовъ 567 под, отст. сотн. Василій Подлесной 111 под., подрп. Павелъ Кондратьевъ и мать его 227 под., надв. сов. Ѳедоръ Юдинъ 196 под., бунч. тов. Василій Лизогубъ 149 под, пор. Иванъ Куколь-Яснопольскій 622 под., пор. Петръ Куколь—Яснопольскій 510 под., прап. Иванъ Подольскій 167 под., кол. рег. Василій Курской 125 под., от. ес. Иванъ Давыдовъ 235 под., подпр. Григорій Давыдовъ 444 под., вдова сотника Евдокія Романова 289 под., ст. сов. Никита Бестужевъ 472 под., полк. графъ Семенъ Фонъ-Волькенштейнъ 652 под., от. сек м. Иванъ Буровъ 510 под., от. полк. обозный Сергѣй Савиновъ 140 под., от. ес. Данило Глуховцовъ 235 под., от. пор. Иванъ Апостолъ Кигичъ 162 под., от. пор. Ив. Романовъ 202 под., от. пор. Василій Ямпольскій 255 под., от. подпр. Андрей Кондратьевъ 198 под., от. подпр. Степанъ Апостолъ Кигичъ 116 под., пом. Мих. Апостолъ Кигичъ 111 под., бунч. тов. Василій Полуботокъ 1523 под., вахм. Ив. Красковскій 272 под., от. судья Ив. Пустовойтовъ 262 под., б. сот. Василій Романовъ 244 под., б. подпр. Данило Штепинъ 170 под., ген лейт. Яковъ Аршеневскій 126 под., ген. аншефъ дѣйств. кам. Александръ Михайловичъ Голицынъ 4514 под., духовн. Ея Имп. Вел. и протоіерей Моск. Благовѣщенскаго собора Ѳедоръ Дубянскій 1792 под., д. т сов. сенаторъ князь Яковъ Шаховской 100 под, полк. Ѳедоръ Полозовъ 259 под., кн. Николай Алексѣевичъ Шаховской 797 под. *Въ Острогожской провинціи:* бриг. Степанъ Тевяшовъ 2657 под. и 60 кр., полк. Степанъ Тевяшовъ 4256 под. и 40 кр. полк. Василій Бедряга 108 под., судья Ѳедоръ Татарчуковъ 961 под., пор. Тихонъ Лисаневичъ 247 под., капралъ Алексѣй Ершевскій 847 под., пор. Иванъ Москаленковъ 109 под., б. полк. писарь Иванъ Тимошенковъ 174 под., рот. Мина Сиверскій 208 под., подпр Андрей Куликовскій 376 под., сек. м. Иванъ Лисаневичъ 325 под. (Мои „Матеріалы“, I, стр. 328--341).

[1]) Нужно отличать крестьянъ отъ «подданныхъ», первые—это крѣпостные великорусскаго происхожденія; вторые—малорусскіе сельскіе обыватели, жившіе на владѣльческихъ земляхъ и отбывавшіе въ пользу ихъ извѣстныя повинности, но пользовавшіеся еще пока правомъ вольнаго перехода.

Къ выборамъ харьковское дворянство отнеслось, повидимому, съ достаточнымъ интересомъ; по крайней мѣрѣ объ этомъ свидѣтельствуетъ цифра съѣхавшихся въ Харьковъ избирателей: туда явилось 60% (52 изъ 87 [1]) чел.; не явилось 35). Въ числѣ пріѣхавшихъ были такія видныя персоны, какъ графъ Гендриковъ, графъ ген.-аншефъ Девьеръ, княгиня Софья Кантемиръ, г-жа Дунинова, но, кажется, впрочемъ, что участія въ составленіи наказа эти лица не принимали. Результатомъ совмѣстнаго обсужденія избирателей и явились подлежащія нашему разсмотрѣнію челобитья харьковскихъ, изюмскихъ, сумскихъ, ахтырскихъ и острогожскихъ дворянъ и старшинъ; харьковское дворянство избрало своимъ депутатомъ бывшаго полковника Харьковскаго слободскаго полка Матвѣя *Куликовскаго*, сумское—отст.-пор. Андрея *Кондратьева*, ахтырское—б. полковаго обознаго Василія *Боярскаго*, изюмское—отст. сек. м. *Заруднева*, осгрогожское—б. острогожскаго полковника Степана *Тевяшова*. Четыре депутата принадлежали къ наиболѣе выдающимся мѣстнымъ фамиліямъ, а три изъ нихъ играли самую видную роль въ упраздненномъ теперь казацкомъ урядѣ; и только одинъ Зарудневъ вышелъ изъ среды русской регулярной арміи (если только впрочемъ и онъ раньше не состоялъ въ рядахъ казацкой старшины—къ сожалѣнію, объ этомъ мы ничего не знаемъ). Уже одинъ этотъ выборъ свидѣтельствуетъ о томъ, что главную силу среди избирателей имѣло не настоящее дворянство, которое, какъ мы видѣли, даже не явилось на выборы, а бывшая козацкая старшина, выдвинувшая теперь своихъ кандидатовъ и давшая тонъ и направленіе составленнымъ здѣсь депутатскимъ инструкціямъ.

Но спрашивается: подвергся ли напечатанный теперь текстъ наказовъ какимъ-нибудь цензурнымъ урѣзкамъ—ограниченіямъ со стороны тогдашней администраціи, или онъ вполнѣ соотвѣтствуетъ первоначальному? Этотъ вопросъ необходимо задать себѣ, потому что намъ извѣстны

---

[1]) Въ первоначальномъ спискѣ харьковскихъ дворянъ числилось 126 чел., но нѣкоторые изъ нихъ, вѣроятно, были почему либо исключены, такъ что въ концѣ концовъ осталось 87 душъ; не вошли, нужно думать, и избиратели отъ монастырей, владѣвшихъ значительнымъ числомъ подданныхъ; трудно объяснить себѣ отсутствіе на челобитьяхъ подписей именитыхъ, титулованныхъ особъ; неужели онѣ не принимали участія въ составленіи наказовъ? И если да, то по какой причинѣ? Г-жи Кантемиръ и Дунинова также пріѣхали на выборы въ Харьковъ, а между тѣмъ мы не находимъ ихъ фамилій подъ наказомъ и челобитьемъ дворянъ Харьковской провинціи. Впрочемъ, наказъ и челобитную подписало всего 34 чел. (а пріѣхало на выборы 52); подъ наказомъ и челобитной Сумской провинціи было 32 подписи; Острогожской—40; подъ наказомъ Изюмской—17, а подъ двумя челобитными—52, подъ остальными подписались тѣ же, что и подъ наказомъ съ небольшимъ прибавленіемъ лицъ, скрѣпившихъ челобитныя. Среди подписавшихся мы не находимъ ни одного титулованнаго лица, ни одной женщины.

случаи подобныхъ измѣненій; мы знаемъ, напримѣръ, что такое veto наложилъ на нѣкоторые пункты малороссійскихъ наказовъ тогдашній генералъ губернаторъ Малороссіи извѣстный гр. П. А. Румянцевъ—Задунайскій. Мало того: подобную же мѣру примѣнилъ къ наказамъ слободско-украинскихъ горожанъ и войсковыхъ обывателей Харьковскій губернаторъ Щербининъ. Произведенная имъ коренная роформа прежняго строя вызвала реакцію въ разныхъ слояхъ мѣстнаго общества, въ томъ числѣ и среди старшинъ. Но въ данномъ случаѣ никакой реакціи съ ихъ стороны не было; по крайней мѣрѣ мы не нашли на нее никакихъ указаній въ бывшемъ въ нашихъ рукахъ „дѣлѣ о выборѣ депутатовъ"; и можно думать, что и текстъ наказовъ сохранился въ полной неприкосновенности. Бывшая старшина, очевидно, убѣдилась въ томъ, что возвращеніе прежняго строя невозможно—правительство считало его несоотвѣтствующимъ духу и потребностямъ времени—и рѣшилось съ одной стороны закрѣпить за собою все, что возможно было изъ старины, а съ другой—воспользоваться этой реформой, чтобы выхлопотать себѣ нѣкоторыя новыя права и преимущества. И того и другого она расчитывала достигнуть на почвѣ лойяльности, ярко выраженнаго патріотизма и полнаго сочувствія къ реформѣ, только что введенной императрицей въ Слободско-Украинской губерніи. Такое нѣсколько искусственное соединеніе старыхъ и новыхъ тенденцій нашло себѣ прямое выраженіе и въ наказахъ: въ нихъ видно и стремленіе сохранить старину, и готовность идти на встрѣчу новымъ началамъ, проводимымъ правительствомъ и проникнутымъ духомъ централизаціи и государственнаго единства. Впрочемъ едва ли въ этомъ послѣднемъ случаѣ имѣло мѣсто ясное сознаніе превосходства новыхъ порядковъ надъ старыми формами жизни—это, очевидно было только приспособленіе къ „новизнѣ", основанное на желаніи сохранить льготы и преимущества, развившіяся и выросшія въ старыхъ условіяхъ жизни; даже „новшества" челобитныхъ, какъ увидимъ далѣе, имѣютъ корни въ той же старинѣ и являются попытками осуществленія старыхъ сословныхъ идеаловъ. Обращаясь къ содержанію дворянскихъ наказовъ, мы прежде всего замѣчаемъ въ нихъ одну общую статью, одно общее желаніе—чтобы всѣ привиллегіи старшинъ, предоставленныя имъ царскими жалованными грамотами, вновь теперь были подтверждены и внесены въ проектируемое уложеніе. Дворянство Харьковской провинціи прямо просило государыню, чтобы „жалованныя ему привиллегіи въ предслѣдующія времена вѣчно особливою Всевысочайшею и Всемилостивѣйшею грамотою Е. И. Величество пожаловавъ *утвердило въ законъ*" [1]). Еще подробнѣе объ этомъ распро-

[1]) Сборникъ Имп. Рус. Истор. общ. т. 68, стр. 263; см. также стр 277, 304, 306.

страняется дворянство Острогожской провинціи (т. е. старшины бывшаго Острогожскаго Слободскаго полка). Они просятъ, чтобы Высочайшимъ указомъ повелѣно было подтвердить всѣ прежнія грамоты и привиллегіи б.-Острогожскаго полка, съ утвержденіемъ благоустроеній, происшедшихъ въ настоящее благополучное царствованіе и со включеніемъ и всѣхъ тѣхъ челобитенъ, которыя теперь приносятся, если онѣ заслужатъ одобренія. „А для совершеннаго свѣдѣнія, прибавляютъ далѣе челобитчики, каждому судному мѣсту, на какомъ основаніи мы, нижайшіе, съ давнихъ временъ состоимъ и въ потомственные роды остаться имѣемъ, Всемилостивѣйше повелѣть внести въ новосочиняемое уложеніе". Все это заканчивается слѣдующимъ заключеніемъ: „сіе Вашего Имп. Величества сколь неизреченное милосердіе, столь и благовиднѣйшее премудрое основаніе на будущіе вѣки ко всеобщему ненарушимо благоденствію онаго народа пребудетъ навсегда незабвенною памятью, такъ что и потомки наши сіе счастливѣйшее время обязаны считать за первую эпоху совершеннаго нами обитанія въ оныхъ мѣстахъ и за толь златой вѣкъ нашей жизни, въ которой просвѣщеніе и блаженство совокупно В. Имп. Величествомъ на высочайшую степень въ семъ народѣ поставлены [1])". Депутаты должны были въ самой коммиссіи отстаивать привиллегіи своихъ избирателей или, какъ выражается острогожскій наказъ, настаивать „сколько благопристойность дозволитъ, въ удержаніи права общества въ его потребностяхъ и истинныхъ пользахъ"; они могли это сдѣлать, такъ какъ хорошо знали его состояніе и нужды [2]); дворяне Харьковской провинціи твердо надѣялись на своего депутата, такъ какъ онъ былъ мѣстнымъ „патріотомъ" и хорошо зналъ всѣ мѣстныя обстоятельства [3])".

Но полагая въ основаніе своихъ желаній старинныя жалованныя грамоты, дворяне старались при этомъ поставить на видъ, что они вполнѣ сочувствуютъ только что произведенной реформѣ, хотя она уничтожила основу привиллегій, заключавшихся въ этихъ грамотахъ—ихъ прежнее самоуправленіе. Любопытно. что краснорѣчивѣе всѣхъ объ этомъ говорятъ острогожскіе старшины, которые, какъ мы видѣли, болѣе всѣхъ ратовали и за сохраненіе старыхъ привиллегій. Они просятъ, чтобы тѣмъ казацкимъ старшинамъ, которые вышли въ отставку, не вступивъ въ армейскую службу, были присвоены офицерскіе чины. Вотъ какъ они говорятъ объ этомъ своимъ нѣсколько темнымъ и риторическимъ стилемъ: „Высокомонаршее и матернее В. И. В. милосердіе, провозглашенное и

---

[1]) Ibidem, 291—292.

[2]) Ibidem, стр. 285.

[3]) Ibidem, стр. 261.

обнародованное чрезъ манифестъ В. И. В. отъ 28 іюля 1765 г. о возстановленіи насъ, всеподданѣйшихъ рабовъ В. И. В., изъ казацкаго слободскихъ полковъ *безъласно закоснѣлаго рода начальства, именуемаго полковыхъ и сотенныхъ старшинъ, на нынѣшній не мало изящнѣйшій степень отъ арміи В. И. В. въ штабъ и оберъ офицерскіе ранги*, только обществу нашему есть чувствительно, что и тѣ собранія наши до сего В. И. В. полезнѣйшаго для насъ благоустроенія, служа въ Слободскихъ полкахъ полковыми и сотенными старшинами и по древнимъ лѣтамъ своимъ, другіе же за болѣзнями отпущены въ отставку съ награжденіемъ старшинскихъ же чиновъ, нынѣ, видя преподающееся столь изобильно ко всѣмъ В. И. В. подданным Высочайшее благоволеніе съ достодолжнымъ благоговѣніемъ прибѣгаютъ къ матернимъ щедротамъ В. И. В. со всеподданнѣйшимъ прошеніемъ, дабы они участниками быть сподобились того достоинства, коимъ осчастливлены прочіе изъ насъ въ переименованіи казацкихъ ихъ старшинскихъ армейскими чинами, для счисленія потомковъ ихъ при вступленіи въ службу не старшинскими уже, но офицерскими дѣтьми“ [1]. Кромѣ острогожскихъ дворянъ касаются еще реформы, но очень кратко, и харьковскіе и изюмскіе [2]. Предпочтеніе, оказываемое армейскимъ чинамъ надъ казацкими, объясняется, конечно, тѣмъ, что первые давали дворянское достоинство, которое такъ настойчиво теперь стремились получить бывшіе казацкіе старшины.

Вопросъ о *дворянствѣ* занимаетъ видное мѣсто въ наказахъ. Это былъ, такъ сказать, спеціальный вопросъ малороссійскихъ и слободско-украинскихъ старшинъ; великорусское дворянство ходатайствовало о расширеніи своихъ сословныхъ правъ; малорусское же еще должно было просить о включеніи его въ ряды русскаго дворянства вообще, и однимъ изъ самыхъ простыхъ средствъ было переименованіе бывшихъ казацкихъ старшинъ въ армейскіе и, прибавимъ отъ себя, гражданскіе чины петровской табели о рангахъ. Впослѣдствіи такимъ именно путемъ малороссійская и слободско-украинская старшина дѣйствительно превратилась въ россійское дворянство. И такъ какъ въ основаніи табели о рангахъ лежала *служба*, заслуги лица на военномъ или гражданскомъ поприщѣ, то естественно, что и бывшіе старшины Слободскихъ полковъ ссылаются, въ подтвержденіе своихъ правъ на дворянство, на свои военныя доблести, на полезную для русскаго государства службу своихъ отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ. Въ сущности одной этой ссылки было бы достаточно—и она кромѣ того вполнѣ бы соотвѣтствовала исторической дѣйствительности.

---

[1]) Ibidem, I, стр. 288.

[2]) Ibidem, стр. 263—306.

Но для вящшей убѣдительности бывшіе старшины отмѣчаютъ еще одно обстоятельство, которое является уже исторической фикціей, и если существовало въ живой дѣйствительности, то рѣдко и во всякомъ случаѣ не имѣло того общаго характера, какой ему приписуется;—они утверждаютъ, что сословіе казацкихъ Слободскихъ старшинъ образовалось изъ иностранныхъ выходцевъ шляхетскаго происхожденія. „Въ начальное Слободскихъ полковъ поселеніе, говорятъ бывшіе острогожскіе старшины, между выходимыми иностранными народами находились разныхъ націй шляхтичи, кои и опредѣляемы были въ здѣшнемъ народѣ въ разные чины съ дозволеніемъ пользоваться преимуществами во владѣніи земель и другихъ угодьевъ, неотъемлемо оставшихся и при ихъ потомкахъ. А какъ продолженіе времени ко отличенію ихъ отъ другихъ способствовало, тѣмъ паче, что по превосходству имѣнія, отцы за возможность и долгъ почитали отмѣнно содержать и воспитывать дѣтей своихъ, а сіи, тщась службами и честнымъ поведеніемъ сохранить достояніе отцовъ своихъ, происходили въ чины, то въ здѣшнемъ краю составился особливый сортъ фамилій, съ коихъ происшедшіе удостоиваны чинами полковой и сотенной старшины. Хотя по обстоятельствамъ бывшей нерегулярной службы никто изъ старшинъ не старался о различеніи своего отъ другихъ состоянія такъ. чтобы оное служило основаніемъ ко удержанію впредь извѣстности о ихъ природѣ, сіе однако не препятствовало старшинъ издавна признавать шляхтичами“, неопровержимымъ доказательствомъ чего является выраженіе въ инструкціи, данной Петромъ Вел. въ 1722 г. Бѣлгородскому воеводѣ Лачинову, гдѣ сказано: въ слободскихъ полкахъ вышнее и нижнее шляхетство содержать по государственнымъ уставамъ и даннымъ привиллегіямъ. Такъ же точно, когда при имп. Аннѣ Іоанновнѣ былъ учрежденъ регулярный полкъ, то старшинъ, вступившихъ въ него, переименовали въ штабъ и оберъ-офицеры, дѣти же старшинъ, оставшихся въ нерегулярной службѣ, въ отличіе отъ простыхъ казаковъ, при поступленіи въ войско, прямо получали чинъ подпрапорныхъ и теперь, при обращеніи казацкихъ полковъ въ регулярные гусарскіе Высочайше повелѣно на должность губернаторскихъ и воеводскихъ товарищей назначать лицъ, принадлежащихъ старшинскому сословію, давая имъ соотвѣтственные гражданскіе чины и также жаловать штабъ и оберъ офицерскими чинами тѣхъ изъ нихъ, которые вступили въ новые регулярные полки или даже пожелали выйти въ отставку. Все это возвело насъ, прибавляютъ челобитчики, на степень благородныхъ, съ тѣмъ только различіемъ, что мы не занесены въ герольдію и не имѣемъ подлежащихъ дипломовъ. А такъ какъ премудрый монархъ Петръ Великій издалъ законъ о дарованіи дворянства всѣмъ оберъ офицерамъ и ихъ дѣтямъ, то

и мы, всеподданнѣйшіе, рабски просимъ осчастливить насъ пожалованіемъ потомственнаго дворянскаго достоинства всѣмъ нынѣшнимъ старшинамъ и тѣмъ подпрапорнымъ, коихъ дѣды служили въ старшинскихъ чинахъ съ наименованіемъ шляхтичими Слободской украинской губерніи со включеніемъ въ герольдію и съ выдачей надлежащихъ дипломовъ и гербовъ").[1])

Приведенное нами мѣсто изъ острогожской челобитной чрезвычайно важно и любопытно: оно заключаетъ въ себѣ исторію происхожденія слободскоукраинскаго шляхетства, какъ ее представляли себѣ сами-же старшины.

И въ общемъ эта исторія изложена вѣрно, за исключеніемъ только перваго основаго исходнаго пункта, который, какъ мы уже замѣтили выше, является исторической фикціей и требуетъ во всякомъ случаѣ сильнаго ограниченія. Въ составъ полковой и сотенной старшины вошли не только выходцы шляхетскаго происхожденія, а и лица, не принадлежавшія у себя дома, въ Заднѣпровской украйнѣ, Бѣлоруссіи и Лѣвобережной Малороссіи, къ дворянскому сословію. Нѣкоторыя изъ нихъ выдвинулись изъ рядовъ казачества и получили старшинскіе уряды еще на родинѣ; другія добились этого положенія своею службою уже въ Слободской украйнѣ. Шляхетское званіе не было обязательно уже потому, что старшинскаго уряда можно было достичь казацкою службою, не говоря о томъ, что идея привиллегированнаго шляхетства стояла въ противорѣчіи съ тѣмъ выборнымъ началомъ, которое господствовало въ Слободскихъ полкахъ, особенно въ первое время ихъ существованія. На первыхъ порахъ привиллегированнымъ сословіемъ было здѣсь вообще казачество, доминировавшее надъ мѣщанствомъ и поспольствомъ; въ немъ еще не было рѣзкаго разграниченія между старшинами и простыми казаками; это разграниченіе создалось постепенно и исторію его прекрасно разсказали намъ острогожскіе старшины. Рѣшительнымъ моментомъ въ этой исторіи нужно признать изданіе указа о представленіи старшинскимъ дѣтямъ должностей подпрапорныхъ; этимъ было положено начало наслѣдственности старшинскаго званія, *юридической привиллегіи* слободскихъ урядниковъ, которой, конечно, предшествовало ихъ фактическое выдѣленіе изъ общей и дотолѣ все таки довольно однообразной въ правовомъ отношеніи массы казачества. Затѣмъ кромѣ этой существенной ошибки острогожскіе старшины допускаютъ еще въ своей челобитной и другую неточность: они говорятъ (если мы только правильно понимаемъ смыслъ этого мѣста), что и старшины, выходившіе въ отставку, получали штабъ и оберъ офицерскіе чины. Но это въ дѣйствительности служило еще только

[1]) Ibidem, стр. 298—400.

предметомъ желаній и просьбъ. Масса бывшихъ старшинъ, не пожелавшихъ вступить въ регулярную службу, должна была выйти въ отставку со своими казацкими, а не армейскими чинами. Изюмскіе старшины доказывали свое право на дворянство почти такими же аргументами, какъ и острогожскіе: они сылаются на шляхетское достоинство своихъ предковъ, переселившихся въ Слободскую украйну, но потерявшихъ свои дворянскія грамоты частію еще въ Польшѣ, а частію на новыхъ мѣстахъ жительства, благодаря безпрестаннымъ татарскимъ набѣгамъ, пожарамъ моровымъ повѣтріямъ и т. п.; съ другой стороны, понимая, что глухая ссылка на дворянство безъ всякихъ документальныхъ доказательствъ совершенно недостаточна, потому что ее могъ сдѣлать и простой казакъ, дослужившійся до старшинскаго ранга, они указываютъ на свою вѣрную службу въ слободскихъ полкахъ, прибавляя, что и россійское дворянство пріобрѣло свое званіе такимъ же путемъ и по милости монарховъ. Въ заключеніе они просятъ о сравненіи ихъ съ иностраннымъ лифляндскимъ, эстляндскимъ и выборгскимъ дворянствомъ (вѣроятно, потому что и на себя они смотрѣли какъ на первоначальныхъ выходцевъ изъ иностранной державы —Польши) [1]. О пожалованіи дворянскаго достоинства ходатайствовали также, хотя очень кратко, и сумскіе старшины; они просили при этомъ, чтобы дворянское званіе подтверждено было и тѣмъ фамиліямъ, которыя принесли грамоты и гербы еще изъ Польши; [2]) отсюда видно, что въ сумской провинціи были такія лица.

Важнѣйшими прерогативами дворянскаго сословія было право владѣть помѣстьями и крѣпостными. Вотъ на этихъ то двухъ вопросахъ и сосредоточились главнымъ образомъ желанія слободско-украинскаго дворянства. Въ области землевладѣнія давала себя чуоствовать старина, прежняя тѣсная связь между казаками и старшиною. Дѣло въ томъ, что значительная, если не большая часть земель, принадлежавшихъ старшинѣ и козакамъ была такъ называемаго *старозаимочнаго происхожденія*, т. т. пріобрѣтена была путемъ вольной, свободной заимки, которая впрочемъ не была захватомъ, а юридическою формою происхожденія поземельной собственности, формою, утвержденною царскими жалованными грамотами. Такимъ путемъ возникали и частныя, и общественныя владѣнія, и старшинскія, и казачьи. Въ связи съ полковымъ и сотеннымъ дѣленіемъ Слободской украины, ея войсковымъ устройствомъ, явились *окружныя* общественныя казачьи земли, на которыхъ то тамъ, то сямъ устроили себѣ хутора и захватили участки нѣкоторые казаки и члены старшинскаго сосло-

[1]) Ibidem, стр. 308—301.

[2]) Ibidem, стр. 280.

вія. И вотъ до тѣхъ поръ пока эти двѣ общественныя группы не были строго разъединены, онѣ сообща владѣли землями въ предѣлахъ своихъ округовъ. Владѣніе старшинъ весьма часто было бездокументальное и это потому, что происхожденіе его было самое разнообразное Ахтырскіе дворяне объясняютъ эту бездокументальность такимъ образомъ. При заселеніи слободскихъ полковъ старшины и обыватели безпрепятственно покупали и продавали земли и хотя уже въ 1711 и 1734 годахъ велено было всѣ эти покупки и продажи записывать, но благодаря военнымъ командировкамъ, отлучкамъ, смерти покупщиковъ многіе остались безъ формальныхъ купчихъ крѣпостей и являются теперь собственниками только по безпорному владѣнію. Но такъ какъ ихъ участки состоятъ въ общихъ обывательскихъ округахъ, а войсковые обыватели нынѣ отдѣлены отъ старшинъ, то необходимо укрѣпить эти участки за владѣльцами, чтобы ихъ не присвоили себѣ, по легкомыслію своему, войсковые обыватели [1]). Но на самомъ дѣлѣ бездокументальность владѣнія зависѣла отъ другихъ причинъ—между прочимъ отъ того, что старшина скупала такія земли, которыхъ по закону не могла пріобрѣтать—именно земли казацкихъ подпомощниковъ и отчасти самыхъ казаковъ. Это ясно видно изъ челобитія харьковскихъ дворянъ. Оказывается, что до 30-хъ годовъ XVIII в. старшины свободно скупали у казаковъ ихъ заимочныя земли; въ 30-хъ годахъ комиссія объ учрежденіи слободскихъ полковъ запретила покупку земель у казацкихъ подпомощниковъ; но такъ какъ казаки съ подпомощниками несли казачью службу сообща и очень часто подпомощники вписывались въ казаки, а казаки переписывались въ подпомощники, то старшины покупали земли такихъ казаковъ, которые прежде были подпомощниками и брали у нихъ купчія крѣпости. Но недавно учрежденный при Слободско украинской губ. вотчинный департаментъ, писали харьковскіе дворяне, не принимаетъ такихъ крѣпостей, основываясь на указѣ, который нынѣ распространенъ на земли всѣхъ войсковыхъ обывателей. Опасаясь того, что такія земли вовсе не будутъ утверждены за ними, харьковскіе дворяне ходатайствовали [2]), чтобы опредѣленіе комиссіи было отмѣнено, вотчинный департаментъ утверждалъ купчія крѣпости и наконецъ, чтобъ и на будущее время снова была разрѣшена имъ свободная покупка земель у войсковыхъ обывателей.

Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ очень характернымъ явленіемъ въ исторіи нашего южнорусскаго землевладѣнія. Въ то время какъ XIX-й вѣкъ

---

[1]) Ibidem, стр. 256.

[2]) Ibidem, стр. 263—264.

(особенно 2-я его половина) является эпохою „оскудѣнія“ дворянскихъ земель, сильнаго сокращенія и перехода ихъ въ руки другихъ непривиллигированныхъ сословій, XVIII-е столѣтіе можетъ быть названо „золотымъ вѣкомъ“ дворянскаго землевладѣнія, его счастливѣйшей эрой, временемъ, когда создавались, формировались и возрастали земельныя богатства отдѣльныхъ фамилій и всего сословія. Пути къ созданію этихъ помѣстій были крайне разнообразны и здѣсь не мѣсто останавливаться на ихъ характеристикѣ. Замѣтимъ только, что огромную роль играла тогда „скупля“ старшинами казачьихъ грунтовъ, носившая систематическій характеръ и вызвавшая рядъ запретительныхъ указовъ, которые впрочемъ все-таки не вполнѣ достигли своей цѣли. Необходимость запрещеній вызывалась тѣмъ, что скупля имѣла очень вредныя послѣдствія для казацкаго землевладѣнія и даже непосредственно для самаго государства. Дѣло въ томъ, что земли эти являлись фондомъ казацкой службы; казаки служили свои службы съ земель и угодій; а разъ казакъ продавалъ свой грунтъ, онъ долженъ былъ оставить свое казацкое званіе и превратиться въ „посполитаго“, т. е. крестьянина; какъ нерѣдко и бывало. Старшина, покупая казацкій грунтъ, иногда вмѣстѣ съ нимъ пріобрѣтала и лишняго „подданнаго“ или „подсусѣдка“, а правительство лишалось очень цѣннаго для него воина. Переформировавъ слободскіе полки въ гусарскіе, правительство для содержанія ихъ обложило особымъ сборомъ всѣхъ бывшихъ подпомощниковъ, превративши ихъ теперь въ войсковыхъ обывателей; подать эта опять таки шла въ сущности съ ихъ земель и угодій. Ясно, слѣдовательно, почему теперь снова было подтверждено запрещеніе старшинамъ покупать эти земли; ясно также, что ходатайство харьковскаго дворянства нарушало интересы цѣлаго класса мелкихъ собственниковъ и самаго государства. Подобное же ходатайство возбудило Изюмское дворянство съ тою только разницею, что оно хотѣло владѣть этими землями сообща съ войсковыми обывателями въ тѣхъ случаяхъ, когда кто нибудь изъ среды его и раньше владѣлъ ими совмѣстно съ этими послѣдними [1]).

Въ другой своей челобитной [2]) изюмскіе дворяне даютъ намъ и объясненіе этой просьбы и дѣлаютъ нѣсколько любопытныхъ указаній на особенности своего мѣстнаго землевладѣнія. Въ связи съ реформою мѣстнаго управленія центральное правительство рѣшило, очевидно, ввести въ Слободскую украину и общерусскіе земельные распорядки; съ этою цѣлью оно учредило въ Харьковѣ вотчинный департаментъ; съ этою

---

[1]) Ibidem, стр. 311—312.

[2]) Ibidem, стр. 317—319.

же цѣлью издало постановленія, уничтожавшія господствовавшее здѣсь нѣкогда *старозаимочное* право, стоявшее въ противорѣчіи съ документальнымъ владѣніемъ (по отводу и купчимъ крѣпостямъ), имѣвшимъ мѣсто въ остальныхъ частяхъ государства. Въ 9-мъ пунктѣ инструкціи Слободско-украинской и провинціальнымъ канцеляріямъ было повелѣно —„по неимѣнію въ Слободскихъ полкахъ никакого предѣла въ земляхъ ограничить закономъ, дабы всякій удѣлъ или заимку зналъ и завладѣнное излишне возвратилъ и по правильнымъ крѣпостямъ учинилъ себѣ указанную дачу и имѣлъ бы владѣніе по указамъ, равно какъ и великороссійскіе владѣльцы"; по 14-му пункту той же инструкціи повелѣно было описать ту полковую землю, которая окажется излишней за удовлетвореніемъ всѣхъ обывателей. Но оба эти пункта являлись серьезною угрозою для дворянскаго землевладѣнія, носившаго нерѣдко бездокумѣнтальный характеръ. Здѣсь и въ Изюмской провинціи, граничившей еще недавно съ татарскою степью, больше чѣмъ гдѣ либо господствовала заимка, благодаря обилію пустопорожнихъ земель; значительная часть этихъ послѣднихъ представляла изъ себя общественныя пастбища, на которыхъ пасся скотъ и войсковыхъ обывателей, и старшинъ, оставшійся здѣсь круглый годъ, даже зиму для пользованія подножнымъ кормомъ. Такимъ образомъ, тутъ получило широкое развитіе скотоводство, которымъ Изюмскій уѣздъ славился очень долго и въ послѣдующее время. Но это скотоводство, естественно, требовало большаго земельнаго простора, который теперь могъ, благодаря новому закону, уничтожиться; по крайней мѣрѣ такія послѣдствія онъ могъ имѣть для крупныхъ собственниковъ. Правительство же повидимому расчитывало превратить эти участки въ резервный земельный фондъ для раздачи изъ него участковъ безземельнымъ и малоземельнымъ войсковымъ обывателямъ и старшинамъ. И это, конечно, было совершенно справедливо и основательно. Но изюмское дворянство считало болѣе удобнымъ для себя оставить эти земли въ общественномъ пользованіи: оно видѣло, что всѣ выгоды тутъ были бы на его сторонѣ, такъ какъ скота у него было несравненно больше, чѣмъ у войсковыхъ обывателей; оно сознавало также, что, если осуществится проектируемая раздача земель малоземельнымъ, онѣ будутъ переходить не къ дворянскому сословію, достаточно обезпеченному въ этомъ отношеніи, а къ поселянамъ [1]).

Иначе отнеслись къ этому вопросу острогожскіе старшины: они ходатайствовали о томъ, чтобы дворянамъ, владѣющимъ землями вмѣстѣ съ войсковыми обывателями, отведены были отдѣльные участки по про-

[1]) Ibidem, стр. 296—298.

порціи, указанной для Екатерининской провинціи, и чтобы такая же пропорція была установлена для всѣхъ тѣхъ, кто владѣлъ до сихъ поръ меньшимъ количествомъ поземельной собственности (т. е., чтобы всѣмъ имъ прибавили недостающее число десятинъ изъ общественныхъ земель). Если мы вспомнимъ, что пропорція, установленная для Екатерининской провинціи, была весьма значительна (тамъ дворяне получали участки начиная съ 1200 десятинъ), то для насъ станетъ ясной излишняя притязательность острогожскаго дворянства, и не подумавшаго о томъ, что подобныя требованія нарушаютъ интересы цѣлаго огромнаго сословія (бывшихъ казаковъ) и не оправдываются никакими серьезными мотивами. Въ Екатерининской провинціи и вообще Новороссійскомъ краѣ правительство правда щедрою рукою раздавало земли помѣщикамъ; но тамъ были для этого особые мотивы и соображенія: правительство хотѣло различными льготами привлечь сюда жителей, чтобы поскорѣе заселить этотъ пустынный край. Земель тутъ была такая масса, что онѣ не имѣли почти никакой цѣнности и могли бы пріобрѣсти ее только въ томъ случаѣ, если бы ихъ заняли колонисты; вотъ почему правительство раздавало пустыя земли подъ условіемъ заселенія ихъ въ опредѣленный срокъ; владѣльцамъ земель, такимъ образомъ, нужно было употребить не мало усилій, чтобы привлечь это населеніе, распахать дикое поле, завести хозяйство и т. п. Мы не касаемся уже здѣсь вопроса, въ какой мѣрѣ эта помѣщичья колонизація Новороссіи оправдала надежды, возлагавшіяся на нее Потемкинымъ и другими тогдашними дѣятелями. Во всякомъ случаѣ Острогожская провинція находилась совсѣмъ въ иномъ положеніи: она во 2-й пол. XVIII вѣка въ сущности уже перестала быть Украйной; пустыхъ земель въ ней было не особенно много; земля пріобрѣла уже нѣкоторую цѣнность.

Сознавая, что пустопорожнихъ земелъ вообще въ губерніи было уже сравнительно немного, слободско-украинское дворянство въ своихъ наказахъ ходатайствовало о вознагражденіи ихъ за тѣ участки, которые нѣкогда принадлежали слободскимъ полкамъ, но были отторгнуты отъ нихъ. Такъ харьковскіе старшины просили о вознагражденіи ихъ за земли, отошедшія подъ Украинскую линію (полосу въ 15 в. ширины и въ нѣсколько сотъ верстъ въ длину), мотивируя это тѣмъ, что въ числѣ ихъ были и дворянскія помѣстья и угодья [1]); они же ходатайствовали о возвращеніи къ Харьковской провинціи мѣст. Новыхъ Водолагъ и Малыхъ Водолажекъ, которыя были присоединены къ Екатерининской провинціи, хотя постоянно раньше принадлежали къ Слободскимъ пол-

[1]) Ibidem, стр. 264.

камъ и были заселены слобожанами [1]). Сумскіе дворяне просили объ утвержденіи за Сумской провинціей дачъ г. Бѣлополья, составлявшаго нѣкогда особую (Корыжскую) сотню Сумскаго кузачьяго полка [2]). Выполнить второе и третье ходатайство было, конечно, не трудно, тѣмъ болѣе что въ пользу ихъ были выставлены вѣскіе мотивы; что же касается перваго, то самая формулировка его является довольно неудачной: просить о возвращеніи земель, принадлежавшихъ Слободскимъ полкамъ, должны были всѣ провинціи и всѣ сословія или по меньшей мѣрѣ всѣ сословія Харьковской и Изюмской провинцій, ибо Украинская линія захватила именно участки этихъ двухъ областей; во всякомъ случаѣ, если бы взамѣнъ этихъ земель были отведены другія, то онѣ должны были бы сдѣлаться собственностью всѣхъ сословій, а не дворянъ одной Харьковской провинціи.

Таковы были пожеланія слободскоукраинскаго дворянства въ области земельныхъ отношеній; тутъ оно стремилось къ укрѣпленію и расширенію своего сословнаго дворянскаго землевладѣнія. Еще важнѣе, чѣмъ земельный вопросъ, былъ для слободско-украинскаго дворянства вопросъ о прикрѣпленіи подданныхъ къ землѣ, о превращеніи ихъ въ крѣпостныхъ крестьянъ. Въ Слободской украйнѣ и помѣщичьи крестьяне малороссійскаго происхожденія или такъ называемые подданные пользовались все время правомъ вольнаго перехода, т. е. не были прикрѣплены къ землѣ, не были крѣпостными; въ самый моментъ выбора депутатовъ и составленія наказовъ они, какъ мы видѣли, строго отличались отъ крѣпостныхъ крестьянъ великорусскаго происхожденія: ихъ нельзя было ни продовать, ни покупать, ни переводить съ одного мѣста на другое, ибо каждый изъ нихъ могъ перейти не только къ другому владѣльцу, но и въ другую провинцію и даже выйти изъ Слободской украйны въ Малороссію или Новороссію. Такъ было доселѣ; но теперь, когда въ Слободскихъ полкахъ введено было общерусское гражданское управленіе и стали распространяться общерусскіе порядки, когда мѣстная старшина должна дыла получить права россійскаго дворянства (а основнымъ правомъ его было владѣніе крѣпостными), явилась надежда осуществить давнившюю мечту—превратить подданныхъ въ крѣпостныхъ, тѣмъ болѣе что къ этому, казалось, естественно приводили и новые распорядки. Такъ правительство обложило опредѣленнымъ ежегоднымъ окладомъ подданныхъ всѣхъ помѣщиковъ и отвѣтственность за исправное поступленіе сбора возложило на этихъ послѣднихъ; ясное дѣло, что эта финансовая

---

[1]) Ibidem, стр. 265.

[2]) Ibidem, стр. 283.

мѣра уже какъ бы логически вызывала необходимость прикрѣпленія; и старшины прекрасно поняли и отмѣтили это обстоятельство въ своей челобитной. Впрочемъ, прямо и ясно высказалисьза прикрѣпленіе только Ахтырскіе и Сумскіе дворяне: „по Высочайшей В. И. В. конфирмаціи, писали ахтырскіе избиратели, войсковымъ казеннымъ обывателямъ здѣшней губерніи переходы на поселеніе въ другія постороннія мѣста запрещены. А какъ за ними имѣются подданные малороссіяне, состоящіе платежемъ положеннаго шестигривеннаго оклада и судомъ въ вѣдомствѣ здѣшней губерніи, которые, по своей прежней заобикности (привычкѣ), не имѣя (старанія) о каковой либо прочности содержанія въ хорошемъ порядкѣ домовъ и пашенъ, отъ одного къ другому владѣльцу, такожъ въ постороннія губерніи и безъизвѣстныя мѣста, что и съискать ихъ невозможно, переходять оставляя не токмо владѣльческія отъ нихъ должныя работы и другія послуги, но и не заплятя указанныхъ податей, кои, яко казенныя, принуждены тѣ владѣльцы отъ себя платить съ немалымъ убыткомъ; а оные черезъ такой частый переходъ не токмо лишаются своего имѣнія и экономіи, но въ такую нищету и бѣдность приходятъ, что и дневной пищи (не имѣютъ), а при томъ, по свободности своей и работать прилежности не имѣютъ, а когда принуждать и приводить къ законному порядку земледѣльчеству,—почитаютъ за тягость. Въ разсужденіи тѣхъ ихъ обстоятельствъ соблаговолено-бъ было онымъ подданнымъ черкасамъ ученить въ переходѣ съ мѣста на мѣсто запрещеніе и безъ билетовъ не ходить; напротивъ того, помѣщики и владѣльцы должны подданнаго дворомъ къ подлежащему строенію, пахатною и сѣнокосною землю и на отапливаніе, гдѣ есть лѣсъ, снабдить, дабы по недостатку не могли переходить. А ежели по своевольству будутъ уходить, таковыхъ безъ письменныхъ владѣльческихъ видовъ не принимать; а когда будутъ пріиманы, на таковыхъ положить взыскивать штрафъ' [1]).

Сумскіе дворяне хотѣли истолковать въ свою пользу правительственный указъ, касавшійся малороссійскихъ посполитыхъ. „Предъ симъ, писали они, въ здѣшнихъ слободскихъ поселеніяхъ подданнымъ черкасамъ въ свободномъ переходѣ съ мѣста на мѣсто никакого предѣла не было назначено, и оные безъ отпусковъ и билетовъ отъ своихъ помѣщиковъ переходили, куда желали, безпрепятственно и не токмо помѣщичьи съ нихъ подлежащіе доходы, но и положенныя на нихъ казенныя подати уносили, чрезъ что въ прошлые годы и не малая осталась на разныхъ владѣльцахъ доимка А въ 1763 году декабря 15 дня Е. И. Величество указомъ, при которомъ приложены малороссійскихъ правъ статуты, по-

[1]) Ibidem, стр. 255—256.

велѣла малороссійскому посполитному народу. всѣмъ, гдѣ кто съ публикованія того указа на поселеніи въ земледѣльствѣ, въ работѣ или услуженіи находится, пребывать по ихъ собственнымъ желаніямъ спокойно безъ всякой высылки равножъ и свободный имъ по ихъ желаніямъ съ мѣста на мѣсто переходъ имѣть во всемъ на точномъ и непремѣнномъ основаніи правъ малороссійскихъ; а напротивъ того никому малороссійскаго посполитаго народа людей безъ письменнаго отпуска одному отъ другого владѣльца отнюдь не принимать подъ штрафомъ, въ тѣхъ правахъ наложеннымъ. Согласуясь сему высочайшему указу, и нынѣ оный переходъ владѣльческимъ подданымъ оставить на таковомъ же основаніи, токмо дабы подъ симъ видомъ не могли отходить по подложнымъ билетамъ, какъ то въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сіе и случилось, для того оные письменные отпуски, даваемые отъ помѣщиковъ, были бъ засвидѣтельствованы въ здѣшнихъ правительствахъ, безъ таковыхъ свидѣтельствъ никто бы изъ помѣщиковъ отнюдь принимать не дерзалъ подъ штрафомъ за всякую мужеска пока душу по 5 руб. и отсылкою на прежнее жилище на своемъ коштѣ. А сверхъ того и оному переходу быть въ одной здѣшней провинціи, а въ другіе провинціи и въ малую Россію переходъ вовсе запретить, дабы чрезъ то въ положенныхъ государственныхъ сборахъ подрыву не было и казеннаго убытку не послѣдовало".

Дворянство трехъ остальныхъ провинцій—харьковской, острогожской и Изюмской воздержалось отъ ходатайства о прикрѣпленіи подданныхъ къ землѣ. Харьковское дворянство просило только о томъ, чтобы подданные не могли вступать, какъ это дѣлалось доселѣ, въ гусарскіе полки и въ сословіе войсковыхъ обывателей подъ тѣмъ предлогомъ, что предки ихъ отбывали нѣкогда казачью службу. Впрочемъ и эта просьба могла имѣть серьезное значеніе какъ для помѣщиковъ, такъ и для посполитыхъ. Дѣло въ томъ, что и прежде, и особенно въ изучаемый нами моментъ, многіе подданные „доискивались козачества", т. е. подавали прошенія о зачисленіи ихъ въ казацкую гусарскую службу или въ ряды войсковыхъ обывателей, основываясь на томъ, что отцы, дѣды и прадѣды ихъ были казаками. И это не была фикція—очень многіе изъ казаковъ, по тѣмъ или инымъ причинамъ, частію добровольно, а частью и невольно, превращались въ подданныхъ—и потомъ снова добивались своего прежняго званія. И такія ходатайства должны были особенно усилиться въ тотъ моментъ, когда начинали рѣзко обозначаться прежде слабо замѣтныя сословныя грани, когда вольныхъ крестьянъ старались обратить въ крѣпостныхъ. Само собою разумѣется, что всѣхъ такихъ лицъ принимали въ новое званіе, котораго они добивались, только въ томъ случаѣ, если они представляли убѣдительныя доказательства своей казацкой „породы";

ясно, слѣдовательно, что и лишеніе ихъ этого законнаго права было бы крайне несправедливо.

Еще болѣе несправедливо, въ своей сущности, было домогательство о лишеніи посполитыхъ права вольнаго перехода. Мы видѣли, что оно было мотивировано весьма искусно; составители челобитенъ старались доказать, что эта мѣра вызывается въ одинаковой степени и интересами помѣщиковъ, и интересами самихъ подданныхъ.

Но эта свобода передвиженія, которую старались уничтожить, на самомъ дѣлѣ была охраной и гарантіей для посполитаго; она одна только и могла охранить его отъ слишкомъ тяжкихъ повинностей въ пользу землевладѣльца. Размѣръ этихъ повинностей не былъ опредѣленъ закономъ и регулировался отчасти обычаемъ, а отчасти закономъ спроса и предложенія рабочихъ рукъ. Обычай выработалъ нормы повинностей, размѣръ которыхъ былъ, вѣроятно, не одинаковъ для различныхъ мѣстностей. Со стороны помѣщиковъ, естественно существовало постоянное стремленіе къ увеличенію ихъ; посполитые наоборотъ желали по крайней мѣрѣ удержать ихъ въ прежнемъ положеніи, оставить безъ повышенія; и право вольнаго перехода играло здѣсь роль благодѣтельнаго клапана: лишь только помѣщикъ переходилъ извѣстную границу—крестьянинъ уходилъ отъ него въ другія мѣста, гдѣ количество повинностей было менѣе значительно; а такими мѣстами оказывались южныя части губерніи, ставшія заселяться позже сѣверныхъ; и помѣстное землевладѣніе, и подданическія отношенія здѣсь не получили такого развитія, какъ въ сѣверной части губерніи. Вотъ гдѣ, быть можетъ, лежитъ разгадка того, почему съ ходатайствомъ о прикрѣпленіи выступило дворянство болѣе сѣверныхъ провинцій—Сумской, Ахтырской и отчасти Харьковской. Здѣсь почва была уже болѣе подготовлена для реформы; здѣсь зависимыя отношенія существовали дольше; здѣсь у помѣщиковъ успѣлъ уже развиться взглядъ на своихъ подданныхъ, какъ на невольныхъ крестьянъ; здѣсь наконецъ, было и болѣе всего побужденій хлопотать объ уничтоженіи права вольнаго крестьянскаго перехода. Частые переходы, конечно, невыгодно отражались на помѣщичьемъ, а подчасъ и на крестьянскомъ хозяйствѣ; но противъ нихъ нужно было бороться не запрещеніемъ ихъ, которое отдавало поселянина въ полное распоряженіе владѣльца, а уменьшеніемъ повинностей. Конечно, попадались среди подданныхъ и лица, не заботившіяся о своемъ хозяйствѣ; но проектировавшійся крѣпостной трудъ не могъ быть производительнѣе вольнаго. Едва ли къ этому нужно прибавлять, что слободскоукраинскіе старшины не могли представить въ пользу своего права владѣть крѣпостными и такихъ основаній, какія существовали у великорусскаго дво-

рянства. Взаимныя отношенія владѣльцевъ и „подданныхъ“ въ Слободской украйнѣ (также какъ и въ Малороссіи) отличались постоянно свободнымъ *договорнымъ* характеромъ: одни давали свои земли во временное пользованіе для хозяйственной эксплуатаціи; другіе селились на этихъ земяхъ, воздѣлывали ихъ и за это несли извѣстные повинности въ пользу помѣщика (платили оброкъ или отбывали барщину); помѣщикъ получалъ правильный доходъ и кромѣ того самый капиталъ его постоянно возрасталъ: его пустыя земли прежде не стоили почти ничего, а съ появленіемъ на нихъ „слобожанъ“, превратившихся въ „поддаиныхъ“, пріобрѣтали все большую и большую цѣнность. Когда въ засѣданіяхъ коммиссіи одинъ изъ казацкихъ представителей (Алейниковъ) потребовалъ, чтобы у слободскоукраинскихъ старшинъ было отнято право владѣть крѣпостными, какъ имъ по закону не принадлежащее, ни одинъ изъ харьковскихъ депутатовъ ему не отвѣчалъ по существу, за исключеніемъ Кондратьева, который сдѣлалъ ссылку на *природное шляхетство* старшинъ, которое, какъ мы видѣли, было явленіемъ частнымъ, но не общимъ.

Желая превратить „подданныхъ“ въ своихъ крѣпостныхъ, дворянство вмѣстѣ съ тѣмъ выражало готовность принять на себя заботу объ ихъ экономическомъ обезпеченіи; къ-этому, естественно, приводилъ новый характеръ отношеній: разъ вольный работникъ превращался въ раба, онъ дѣлался вещью, которая имѣла довольно значительную рыночную цѣну. Впрочемъ и въ своемъ тогдашнемъ положеніи „подданные составляли предметъ нѣкотораго вниманія и заботъ помѣщиковъ; матеріальное благополучіе или неустройство ихъ было небезразлично для этихъ послѣднихъ. Вотъ почему въ челобитныхъ мы встрѣчаемъ такіе пункты, которые имѣютъ въ виду облегченіе ихъ положенія, но только во всѣхъ случаяхъ помощь должно было оказывать правительство—дворянство же не хотѣло съ своей стороны принести для нихъ ни малѣйшей жертвы. Такъ сумскіе дворяне ходатайствовали о томъ, чтобы казна не брала съ владѣльческихъ подданныхъ денегъ за выдачу паспортовъ въ томъ случаѣ, когда ихъ отпускаютъ помѣщики на заработки; [1]) о томъ жо просили и харьковскіе дворяне; [2]) выдачу паспортовъ они хотѣли предоставить самимъ помѣщикамъ, что, конечно, должно было поднять ихъ престижъ надъ крестьянами; такая же тенденція (устранить посредствующее звено между собою и подданными) замѣчается у острогожскихъ старшинъ, которые ходатайствовали объ уничтоженіи оффиціальныхъ письменныхъ договорныхъ записей, происходящихъ между помѣщиками и вольными слугами. [3])

[1]) Ibidem, стр. 278.
[2]) Ibidem, стр. 269.
[3]) Ibidem, стр. 302.

Дворянство харьковской провинціи, ссылаясь на примѣръ великороссійскихъ губерній, просило о предоставленіи льготъ по части казенныхъ податей тѣмъ владѣльческимъ селеніямъ, которыя постигнетъ какое нибудь народное бѣдствіе (напримѣръ, пожаръ). [1]) Сумскіе дворяне ходатайствовали, чтобы правительство не привлекало владѣльческихъ подданныхъ къ постройкѣ конюшенъ для гусарскаго полка. [2]) Послѣдними распоряженіями правительства владѣльческіе подданные обложены были шестигривеннымъ окладомъ съ тѣмъ, чтобы больше съ нихъ не брать уже никакихъ поборовъ, между тѣмъ по указу слободско-украинской губернской канцеляріи была заведена почта и на содержаніе ея стали брать деньги между прочимъ и съ помѣщичьихъ креетьянъ. Въ виду этого дворянство харьковской, сумской и изюмской провинціи просило объ уничтоженіи этой новой повинности съ подданныхъ [3]). Сверхъ того ахтырскіе и харьковскіе дворяне жаловались, что ихъ и ихъ подданныхъ привлекаютъ, наравнѣ съ остальнымъ населеніемъ, къ дорожной повинности, и просили, чтобы содержаніе въ исправности большихъ мостовъ взяло на себя правительство [4]). Само собою разумѣется, что всѣ эти льготы „за счетъ государства“ были въ интересахъ самого дворянства.

Таковы были соціальныя нужды и желанія слободско-украинскаго дворянства. Въ сферѣ чисто экономической оно стремилось удержать за собою свои старыя льготы по части налоговъ и повинностей, которыя были предоставлены ему (впрочемъ наравнѣ съ простыми казаками) царскими жалованными грамотами. Онѣ касались винокуренія, дабычи и продажи соли, мельницъ, постойной и подводной повинности.

Сумскіе дворяне просили, что-бы имъ попрежнему было разрѣшено неограниченное выкуриваніе вина вмѣсто введенной недавно нормы (одинъ пудовой котелъ для владѣльца, имѣющаго 50 душъ подданныхъ), что-бы это право было распространено и на гг. Суджу и Мирополье, которые прежде имъ пользовались и чтобы ихъ не привлекали къ отвѣтственности по обвиненію къ корчемствѣ въ тѣхъ случаяхъ, кода лица, купившія у нихъ на мѣстѣ вино, везли и продавали его въ неуказанныхъ мѣстахъ [5]), о свободной продажѣ вина всѣмъ желающимъ у себя на мѣстѣ, по смыслу существующихъ узаконеній, ходатайствовали и ахтырскіе и изюмскіе дворяне; [6]) харьковскіе прибавляли просьбу, что-бы не дѣлали имъ пре-

---

[1]) Ibidem, стр. 266—267.
[2]) Ibidem, стр. 278.
[3]) Ibidem, стр. 268, 277—278, 316.
[4]) Ibidem, стр. 253, 268.
[5]) Ibidem, стр. 279—280—282.
[6]) Ibidem, стр. 254, 312—314.

пятствій къ провозу его черезъ тѣ мѣста, гдѣ была казенная продажа [1]). Очень подробную челобитную и винокуреніи подали острогожскіе дворяне; [2]) она касается съ одной стороны винокуренія, а съ другой продажи вина. Острогощане просили дать право свободнаго винокуренія цѣлому ряду селеній ихъ провинцій—Слоновой, Мосту, Коровиной, Ливенской, Бюричей, Гвоздевкѣ, Перлевкѣ, Олимѣ, Ливнамъ, Черновѣ, Тальцамъ, у которыхъ эта льгота неправилно была отнята; историческими данными они доказываютъ, что поселенія эти были основаны на малороссійскихъ земляхъ и входили въ составъ острогожскаго слободскаго полка. За тѣмъ,—что очень любопытно для того времени—они стараются сами урегулировать производство посредствомъ устройства какъ бы особаго синдиката, въ составъ котораго должны были войти всѣ дворяне, занимавшіеся винокуреніемъ (а имъ занималось, можно смѣло сказать, едвали не все дворянство провинціи); такимъ образомъ, въ этотъ союзъ входили и крупные, и мелкіе производители; цѣлью его было достичь „уравненія въ винокуреніи“; предполагалось назначать особыхъ смотрителей, которые должны были наблюдать за тѣмъ, чтобы никто не допускалъ излишества и выкуривалъ столько вина, сколько полагалось на его долю по общему, заранѣе составленному, положенію.

Надзоръ же за лѣсами (чтобы ихъ не истребляли хищнически на винокуреніе) сверхъ того предполагалась поручить провинціальной канцеляріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ острогожскіе старшины ходатайствовали, подобно харьковскимъ, о свободномъ провозѣ ихъ вина мимо великорусскихъ городовъ.

Всѣ эти просьбы вызваны были тѣмъ, что Слободская украйна съ перваго момента своего заселенія, стала пользоваться свободой винокуренія, которой лишено было сосѣднее великорусское населеніе. Понятное дѣло, что, при такихъ условіяхъ, при огромной разницѣ въ цѣнѣ малороссійской „горилки“ и казеннаго хлѣбнаго вина, должно было существовать корчемство, противъ котораго тщетно боролось правительство. Въ особенности оно давало себя чувствовать въ Острогожской провинціи, окруженной почти со всѣхъ сторонъ великорусскими областями; да и въ ней самой рядомъ съ малорусскимъ населеніемъ жило великорусское, великорусскія поселенія чередовались съ малорусскими. Между тѣмъ вопросъ о свободномъ винокуреніи въ жизни всего Слободскаго края игралъ огромную роль. Тогда хлѣбнаго экспорта черезъ порты Новороссіи еще не существовало, и весь излишекъ хлѣба, за мѣстнымъ

[1]) Ibidem, стр. 266.

[2]) Ibidem, стр. 292—295.

потребленіемъ, шелъ на винокурни. Благодаря высокой стоимости казеннаго вина, малороссійская безпошлинная „горилка“ продавалась и на мѣстѣ, и въ другія мѣста по такой цѣнѣ, которая доставляла значительныя выгоды производителямъ. Земледѣльческое хозяйство въ то время, можно сказать, и привлекало всѣхъ почти исключительно доходностью винокуренія. Затратъ капитала оно почти не требовало никакихъ: хлѣбъ былъ свой; рабочія руки—свои; стоимость орудій ничтожная. Заводчикъ нерѣдко былъ въ то же самое время и оптовымъ, и розничнымъ продавцомъ своего продукта; помѣщики отъ себя держали „шинки“, въ особенности въ своихъ собственныхъ деревняхъ. Объ огромной важности этой отрасли промышленности свидѣтельствуютъ сумскіе дворяне, говоря въ своей челобитной, что „въ здѣшнихъ мѣстахъ всѣ доходы большею частью отъ виннаго промысла происходятъ“.

Большое вниманіе мѣстнаго дворянства возбуждалъ также вопросъ о соли. Добыча соли была однимъ изъ самыхъ давнихъ промысловъ въ Слободской украинѣ. Слобожане первые начали эксплуатировать Торскіе (возлѣ нынѣшняго Славянска) и Бахмутскіе соляные промыслы и долго занимались этимъ свободно безъ всякаго платежа пошлинъ. Да и справедливо ли было взимать съ нихъ пошлины, когда они отвоевали эти мѣста у татаръ и ежеминутно подвергались опасностямъ нападенія съ ихъ стороны? Впослѣдствіи, съ умиротвореніемъ края, казна стала взимать съ промышленниковъ-солеваровъ $^1/_{10}$ ихъ добычи. Затѣмъ казна взяла это дѣло въ свои руки: построила здѣсь заводы и стала отдавать ихъ сначала отдѣльнымъ лицамъ, съ уплатою за каждую сковороду въ въ сутки въ Бахмутѣ по 6 р., а въ Торѣ по 1 р. 80 к., а потомъ на откупъ цѣлой купеческой компаніи, съ тѣмъ чтобы бахмутская соль продавалась по 10, а торская по 11 коп. пудъ, и чтобы только ею одною и пользовались Слободскіе полки. Съ теченіемъ времени и цѣна соли, и цѣна оброка за пользованіе сковородами сильно были подняты; въ 1749 г. пудъ соли велѣно было продавать по 35 коп. (вмѣсто 10), потомъ (въ 1756 г.) по 50 к.; за сковороду въ сутки нужно было уплачивать по 14 р. въ Бахмутѣ (вмѣсто 6) и по 7 р. въ Торѣ (вмѣсто 1 р. 80 к.), а потомъ по 32 (въ Бахмутѣ) и по 16 р. (въ Торѣ). Государыня Екатерина II обратила вниманіе на слишкомъ высокую цѣну соли и приказала продавать ее по 40 к. пудъ и брать за сковороды по 20 и 10 р. (вмѣсто 32 и 16); но это мало помогло горю, потому что въ послѣднее время сильно возвысилась стоимость производства—особенно поднялись цѣны на дрова—такъ что добыча соли уже перестала давать доходы предпринимателямъ [1]). Такова была печальная исторія соляного

[1]) Ахтырскіе дворяне сдѣлали точный расчетъ, во что обходился пудъ соли самимъ промышленникамъ, и оказалось, что свыше 40 коп. 20 р. съ коп. нужно было

промысла въ Слободской украинѣ; финансовые мѣры, которыми Шуваловъ въ Петербургѣ пытался увеличить (и дѣйствительно увеличилъ) государственные доходы, отзывались крайне неблагопріятно на сотняхъ тысячъ жителей Слободско-Украинской губерніи: цѣна соли увеличилась на 500% сравнительно съ недавнимъ еще временемъ, благодаря чрезмѣрному налогу и запрещенію ввозить соль изъ другихъ мѣстностей. Это запрещеніе казалось особенно несправедливымъ, потому что не распространялось на сосѣднія области—Донское войско, Малороссію и Новороссію. Донскіе казаки пользовались дешевою манычскою солью безъ всякой пошлины; Новороссія получала соль изъ крымскихъ соляныхъ озеръ также безъ платежа пошлинъ; а Малороссія имѣла дешевую заграничную соль, уплачивая за нее въ казну только по 10 коп. съ пуда. Въ виду всего этого ахтырскіе, харьковскіе и изюмскіе дворяне [1]) выражали желаніе, чтобы имъ разрѣшено было пользоваться Донскою и Крымскою солью съ уплатою за нее по 10 коп. съ пуда въ пользу казны; Торскія же и бахмутскіе солеварни должны были-бы служить для потребностей окрестнаго однодворческаго и военно-служилаго населенія. Сумскіе дворяне ограничились еще болѣе скромнымъ желаніемъ, чтобы правительство позволило только ввозить волошскую горькую соль, которая употреблялась исключительно для скота [2]).

Безоброчное пользованіе мельницами являлось также одной изъ древнѣйшихъ привиллегій Харьковскихъ слобожанъ, утвержденной царскими жалованными грамотами и вновь подтвержденной указомъ 1765 г. Между тѣмъ провинціальная канцелярія, неизвѣстно, съ какими цѣлями стала собирать свѣдѣнія о количествѣ мельницъ, шинковъ у разныхъ владѣльцевъ; это привело ихъ въ смущеніе—и они поручили своимъ депутатамъ отстаивать свою привиллегію безпошлинныхъ промысловъ [3]); сумскіе дворяне ходатайствовали также объ уничтоженіи пошлинъ при продажѣ лошадей [4]). Одною изъ самыхъ тяжелыхъ и обременительныхъ повинностей для всего населенія слободскоукраинской губерніи, а въ

уплатить за сковороду, 21 р. за дрова (30 возовъ по 70 к.) 3 р. за трудъ мастерамъ и работникамъ, около 9 р. за доставку ея изъ Бахмута въ Слободскую украину (по 7 к. съ пуда), а такъ какъ со сковороды получалось 125 пуд., то пудъ обходился свыше 40 к., не считая пропитанія самаго предпринимателя и разныхъ потерь, являвшихся результатомъ непогоды (утечки и т. под.). Такимъ образомъ, чтобы имѣть какой-нибудь барышъ, приходилось продавать соль все таки по 50 коп. за пудъ, къ отягощенію и неудовольствію обывателей.

[1]) Ibidem, стр. 252, 266, 321, 324.

[2]) Ibidem, стр. 280.

[3]) Ibidem, стр. 280, 315.

[4]) Ibidem, стр. 282.

томъ числѣ и для дворянства, была обязанность содержать на квартирахъ воинскія команды. Съ уничтоженіемъ Слободскихъ казачьихъ полковъ населеніе освободилось отъ обязательной воинской службы и перешло къ мирному земледѣльческому промышленному и ремесленному труду. Но между военнымъ и гражданскимъ сословіемъ существовало постоянное соперничество и антагонизмъ: военные свысока смотрѣли на штатскихъ. Въ Слободскоукраинской губерніи взаимное положеніе этихъ двухъ элементовъ было еще болѣе обостренное: образовавшіеся вмѣсто иррегулярныхъ казачьихъ регулярные гусарскіе полки, сознавая свое привиллегированное положеніе среди мѣстнаго населенія, дозволяли излишнія требованія и вообще относились свысока къ своимъ квартирнымъ хозяевамъ; еще большее неудовольствіе возбуждали армейскіе великорусскіе полки, расквартированные во всѣхъ провинціяхъ губерніи. Особенно чувствительна для дворянъ была доставка дровъ этимъ воинскимъ командамъ. И вотъ ахрырскіе дворяне. жалуясь на стѣсненіе обывателей, ходатайствуютъ о выводѣ отъ нихъ старобѣльскаго пѣхотнаго полка; [1]) харьковскіе просятъ о выводѣ Борисоглѣбскаго коннаго полка и объ освобожденіи ихъ отъ постоя и доставки дровъ; [2]) Сумскіе [3])—о выводѣ Орловскаго пѣхотнаго полка и объ освобожденіи ихъ вообще отъ постоя (офицерамъ же Сумскаго гусарскаго полка они предлагаютъ выдавать квартирныя деньги изъ полковыхъ суммъ); острогожскіе [4]) ходатайствовали объ уничтоженіи постоевъ, заявляя, что иначе ихъ городскіе дома придутъ въ окончательное запустѣніе, отъ чего потерпитъ и городское благоустройство; изюмскіе ходатайствовали о томъ же и предлагали построить для офицеровъ квартиры изъ общихъ лѣсовъ [5]). Наконецъ, дворянство трехъ провинцій (Харьковской [6]), Сумской [7]), Изюмской [8]), просило о томъ, чтобы лицъ, вышедшихъ въ отставку, не привлекали къ исполненію различныхъ порученій, которыя отвлекаютъ ихъ отъ домашнихъ дѣлъ.

III.

Послѣдуемъ теперь за харьковскими депутатами въ Москву и посмотримъ, какую роль они играли тамъ. Начнемъ съ депутатовъ-дворянъ.

---

[1]) Ibidem, стр. 255.
[2]) Ibidem, стр. 267.
[3]) Ibidem, стр. 283.
[4]) Ibidem, стр. 287.
[5]) Ibidem, стр. 317.
[6]) Ibidem, стр. 269.
[7]) Ibidem, стр. 282.
[8]) Ibidem, стр. 319.

Шляхетскіе депутаты принимали участіе и въ обсужденіи общихъ вопросовъ, но главное вниманіе ихъ было обращено на мѣстные вопросы. Изъ 5 дворянскихъ депутатовъ активное участіе въ коммисіи принимали четыре, о пятомъ-же, депутатѣ острогожской провинціи, ничего не сообщаютъ протоколы. Дѣятельнѣе всѣхъ оказался ахтырскій депутатъ Боярскій, и это, можетъ быть, потому, что онъ по должности своей (полковаго обознаго) хорошо былъ знакомъ съ мѣстными дѣлами. Инымъ представляется депутатъ изюмской провинціи, отставной секундъ-маіоръ Зарудневъ: ему принадлежитъ только мнѣніе по поводу проэкта о правахъ благородныхъ. Наконецъ, Кондратьевъ представилъ довольно обширную записку, касающуюся исключительно мѣстнаго вопроса о правѣ козацкихъ старшинъ владѣть крѣпостными. Записка Кондратьева была вызвана докладомъ депутата отъ козаковъ хоперской крѣпости Андрея Алейникова, который высказался въ пользу запрещенія купцамъ, приказнымъ и козацкимъ старшинамъ имѣть крѣпостныхъ; по его мнѣнію, слѣдовало-бы даже у старшинъ слободскихъ полковъ отнять и тѣхъ крестьянъ, коими они владѣли и отписать ихъ на Ея Императорское Величество [1]). „На все это, говоритъ Кондратьевъ, я могъ-бы отвѣтить однимъ возраженіемъ, что депутатъ Алейниковъ говоритъ о томъ, чего уже нѣтъ: но для того, чтобы почтенное собраніе само удостовѣрилось, какъ депутатъ Алейниковъ мало знаетъ наши мѣстныя обстоятельства, я представлю, въ какомъ состояніи раньше была слободская губернія, какія и за что даны ей были права и преимущества, наконецъ, какія учинены теперь перемѣны и какая отъ нихъ польза, какъ относительно всего государства. такъ въ особенности относительно самаго малороссійскаго края“.

„Не прошло еще и двухъ столѣтій, какъ та страна, гдѣ нынѣ слободская губернія, была необитаемой и дикой пустыней; прилегая къ татарскимъ степяхъ, причиняла она большое безпокойство великороссійскимъ границамъ, ибо кочевые татары, пробираясь чрезъ эти никѣмъ не охраняемыя пустыни, производили безпрепятственно свои набѣги внутрь Россіи. Блаженной памяти царь Алексѣй Михайловичъ, обративъ заботы на заселеніе своей обширной державы, воспользовался представившимся ему случаемъ и призвалъ изъ заднѣпровскихъ, разоренныхъ подъ владѣніемъ польскихъ малоросійскихъ городовъ, вольныхъ людей, давъ имъ позволеніе производить занятіе земель и угодій по собственному ихъ усмотрѣнію. Остававшіеся въ тѣхъ разоренныхъ мѣстахъ жители, видя таковыя монаршія щедроты и усердствуя россійской имперіи,

[1]) Въ послѣдствіи, отвѣчая Кондратьеву, Алейниковъ болѣе подробно изложилъ свои во многихъ отношеніяхъ замѣчательныя мысли.—См. Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. VIII, стр. 369—375.

вышли изъ-за Днѣпра и населили эту колонію на самыхъ татарскихъ бродахъ и перелазахъ Государь сей, по необъятной обширности тѣхъ пустыхъ степей, не положилъ никакого предѣла владѣніямъ этихъ новыхъ поселянъ. Поэтому всякій занялъ столько земли и угодій, сколько онъ, по своему разсужденію, находилъ нужнымъ. Такъ народъ этотъ, поселившись слободами и соединивши гражданское устройство съ военнымъ, получилъ названіе слободскихъ полковъ и вмѣсто жалованья получилъ, сверхъ безграничнаго владѣнія землею, свободу торговать всѣмъ безпошлинно и безоброчно. Получивъ столь великія щедроты, слободскіе полки служили россійской державѣ какъ вѣрные подданные, безъ малѣйшаго поползновенія. Въ доказательство сего я могъ-бы привести множество грамотъ, но достаточно будетъ указать на жалованную грамоту императрицы Елисаветы Петровны, данную въ 1743 году. Указомъ же 1735 года старшинамъ у козаковъ и козакамъ у старшинъ продажа и залогъ земель со взятіемъ указныхъ пошлинъ навсегда были дозволены. Нынѣ славнодержавствующая наша монархиня, простирая попеченіе свое на всѣ части врученной ей отъ Бога имперіи, всемилостивѣйше восхотѣла привести и эти полки въ состояніе возможнаго совершенства, сдѣлавъ ихъ, по примѣру прочихъ своихъ славныхъ войскъ, регулярными. Между другими попеченіями о пользѣ селеній, она установила, чтобы каждый отнынѣ свой удѣлъ или заимку зналъ, козакамъ же, которые, продавая свои участки, занимали новые (что нѣкоторые дѣлали по нѣсколько разъ и такимъ образомъ не обрабатывали земли, а торговали ею), такую торговлю запретить, а оставшеюся свободною землею удовлетворять новоприбывшихъ или многосемейныхъ козаковъ, а также безземельныхъ бывшихъ старшинъ. Для приведенія всего этого въ дѣйствіе учрежденъ особый вотчинный департаментъ".

„Изъ всего вышеизложеннаго слѣдуетъ, что мнѣніе депутата Алейникова не согласуется ни съ прежними, ни съ новѣйшими постановленіями, на основаніи которыхъ заимочныя земли утверждены по размежеванію за ихъ владѣльцами въ вѣчное владѣніе. Что-же касается того, что будто-бы въ прежнія времена полковники бывшихъ козацкихъ полковъ, употребляя во зло свою власть, населяли на жалованныхъ козачьихъ земляхъ слободы вольными малороссіянами, то это едва-ли вѣроятно, потому что по всѣмъ жалованнымъ грамотамъ дозволено было дѣлать заимки во-первыхъ полковникамъ и старшинамъ, а потомъ уже ихъ потомкамъ; слѣдовательно, начальники ихъ, имѣя первое право занимать угодья, заняли столько, сколько имъ было потребно; впослѣдствіи-же нѣкоторыя земли пожалованы были имъ за вѣрныя и отличныя ихъ службы особыми, выданными имъ жалованными грамотами. Пріоб-

рѣтенныя по этимъ грамотамъ и по заимкамъ земли были утверждены за ними указомъ 1734 года. Покупка-же старшинами крѣпостныхъ людей есть право, которое они, какъ природное шляхетство, имѣютъ по всѣмъ государственнымъ установленіямъ, да и по указамъ 1728 года покупка недвижимыхъ имѣній малороссіянамъ въ Великой Россіи, а великороссіянамъ въ Малой дозволена“ [1]).

Эта записка чрезвычайно любопытна во многихъ отношеніяхъ. Въ ней изложена довольно отчетливо вся исторія происхожденія поземельной собственности въ Слободской Украйнѣ и въ основаніи своемъ эта исторія согласуется съ извѣстными намъ фактами. Несомнѣнно, что большинство поземельныхъ участковъ въ Слободской Украйнѣ *заимочнаго происхожденія* и что крупныя латифундіи возникли въ большинствѣ случаевъ путемъ такихъ-же заимокъ, какъ и мелкіе участки; но правы были, конечно, и тѣ, которые утверждали, что въ очень многихъ случаяхъ дѣйствовалъ здѣсь простой захватъ; имѣли основаніе жаловаться также и войсковые обыватели, окружныя земли которыхъ занимались старшиною и составили фондъ крупной поземельной собственности въ краѣ; но болѣе всего виноватъ былъ принципъ, легшій въ основу первоначальныхъ земельныхъ распорядковъ—принципъ *свободной заимки*, не могшій поставить никакой преграды возраставшему земельному неравенству и наоборотъ шедшій даже рука объ руку съ увеличивавшеюся все болѣе и болѣе сословною рознью.

Интересно, что вся аргументація Кондратьева направлена нѣсколько не по адресу его оппонента. Тотъ, какъ мы знаемъ, говорилъ исключительно о правѣ старшинъ владѣть крѣпостными людьми; Кондратьевъ-же объ этомъ не говоритъ почти ничего, ограничившись заявленіемъ, что это есть ихъ право, какъ благороднаго шляхетства. Но дѣло въ томъ, что дворянское достоинство бывшей старшины находилось еще, такъ сказать, подъ сомнѣніемъ: оно было окончательно утверждено только жалованною грамотою Екатерины 1785 года. Ничего не возражаетъ также Кондратьевъ еще на одинъ важный доводъ Алейникова,—что полковники и старшины, населивъ на козацкихъ земляхъ слободы и хутора, *причиняютъ народу большое отягощеніе.*

Въ защиту той-же шляхетской поземельной собственности выступилъ и ахтырскій депутатъ Боярскій, возражая на мнѣніе ахтырскаго городского депутата Дзюбы. Бѣгство, постоянные переходы козаковъ въ слободскихъ полкахъ происходили, по его мнѣнію, не отъ притѣсненія старшинъ, а изъ нежеланія нести службу Ея Императорскаго Величества.

---

[1]) Сборникъ Имп. Рус. Ист. Общ., т. VIII, стр. 296–299.

„Уклоняясь отъ государственныхъ нарядовъ, козаки, продавши или опустошивши свои заимки, поуходили въ подданство на слободы къ помѣщикамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ они подговаривали другихъ оставшихся и прельщали ихъ разсказами о шестилѣтнихъ и десятилѣтнихъ льготахъ, лѣсныхъ и другихъ, еще не обжитыхъ угодьяхъ, хуторахъ, мельницахъ, свободномъ винокуреніи и торговлѣ. Много было слѣдствій объ этихъ козацкихъ переходахъ, но старшина не была признана въ нихъ виновною".—„Уже въ мое время, продолжалъ далѣе Боярскій, въ царствованіе блаженной памяти государыни Елисаветы Петровны, тоже обвинена была въ этомъ слободская полковая старшина нѣкоторыми недоброжелательными людьми, такъ что была даже учреждена слѣдственная комиссія; но и тогда предсѣдательствующій въ ней генералъ-маіоръ Багрѣевъ не нашелъ за старшиною вины. И нынѣ учрежденная комиссія также не признала старшинъ виновными въ разореніи слободскихъ козаковъ, а усмотрѣла только нѣкоторые канцелярскіе непорядки".—„На этомъ, говорилъ Боярскій, я оканчиваю защиту слободской старшины; обращу только въ заключеніе вниманіе на непостоянство этого народа, который, оставивъ козаччину и поселившись у помѣщиковъ, не оставляетъ своей привычки и по прежнему странствуетъ отъ одного владѣльца къ другому, уходя изъ подданства не только многими семьями, но и цѣлыми деревнями, такъ что для удержанія его нужно употреблять цѣлыя команды. Но кромѣ этихъ лицъ есть много совершенно иныхъ; они съ начала поселенія живутъ на одномъ мѣстѣ, а многіе изъ нихъ и жизнь свою потеряли въ сраженіяхъ; потомки ихъ являются или штабъ и оберъ-офицерами и старшинами, или-же простыми мѣщанами и гражданами со своими домами и выслуженными помѣстьями; и вотъ отъ сихъ-ли отобрать или (о сожалѣнія великаго!) и отъ церковныхъ служителей, а отдать бѣглецамъ?! Я на это долженъ былъ-бы отвѣчать господину депутату Дзюбину молчаніемъ, но къ возраженію меня обязываетъ наказъ". И ораторъ, приводя изъ него 9-й пунктъ межевой инструкціи для слободской губерніи, которымъ отъ всѣхъ требовалось укрѣпленія земельныхъ правъ крѣпостными документами, доказываетъ, что онъ не можетъ быть примѣняемъ къ бывшей полковой старшинѣ, такъ какъ она издавна покупала и продавала земли по партикулярнымъ письмамъ, которыя лишь съ 1734 года стали записываться въ крѣпостныя книги, между тѣмъ какъ эти частныя записи могли и вовсе не получаться, или теряться за отлучкою и смертью продавщиковъ, вслѣдствіе пожаровъ и по незначительности земельныхъ участковъ. Ораторъ признаетъ, что многіе изъ бывшихъ старшинъ владѣютъ безъ крѣпостей участками, состоящими въ войсковыхъ округахъ, и тѣмъ не

менѣе настаиваетъ на томъ, что необходимо оставить за ними и эти участки, дабы ихъ не присвоили себѣ, подъ видомъ общественныхъ, войсковые обыватели [1]).

Въ поясненіе этой рѣчи нужно прежде всего сказать, что на территоріи слободскихъ полковъ, кромѣ частной земельной собственности, принадлежавшей старшинѣ и простымъ козакамъ ея, были обширныя пространства земель общественныхъ, что теперь, съ низведеніемъ козаковъ въ податное состояніе, земли эти отмежевывались отъ земель частныхъ для раздѣленія ихъ между войсковыми обывателями и обложенія налогомъ и что въ интересахъ послѣднихъ было сохранить возможно большее количество общественной земли; съ другой стороны старшина издавна захватывала какъ общественныя, такъ и частныя земли рядовыхъ козаковъ, приневоливая ихъ къ уступкѣ или продажѣ за самую ничтожную цѣну и на это раздавались постоянныя жалобы во всей Слободской Украйнѣ, какъ и Гетманщинѣ. Теперь бывшей старшинѣ и бывшему козачеству пришлось свести окончательно земельные счеты, ибо всѣ участки, на которые не было крѣпостей и которые не могли быть признаны личною собственностію, подлежали безповоротному отмежеванію къ общественнымъ землямъ такъ названныхъ теперь войсковыхъ обывателей. Вотъ почему дворянскіе депутаты выбиваются теперь изъ силъ, чтобы оставить за бывшею старшиною и тѣ земли, на которыя она не имѣла никакихъ документовъ и которыя пріобрѣла между прочимъ путемъ захвата и подневольной уступки за ничтожную цѣну. Депутатъ Боярскій, такъ патетически отстаивавшій земельныя права дворянства, въ большей части недавней полковой старшины, въ точности только исполнялъ данный ему наказъ отъ той-же старшины. Рѣчь его, по характеру своему, должна быть названа софистической. Въ самомъ дѣлѣ, неужели постоянные переходы козаковъ и посполитыхъ можно объяснять исключительно только привычкою ихъ къ странствованію и бродяжничеству? Патетическія фразы о томъ, будто требованіемъ крѣпостныхъ документовъ хотятъ отнять земли у заслуженныхъ *осѣдлыхъ* воиновъ и почетныхъ гражданъ и мѣщанъ и отдать ихъ „бѣглецамъ“, т. е. переходившимъ съ мѣста на мѣсто козакамъ и посполитымъ, ослабляются тѣмъ, что притязаніе на эти земли изъявляли такіе же *осѣдлые* войсковые обыватели, владѣвшіе землями новоучрежденныхъ военныхъ округовъ, жившіе своими домами и заботившіеся о построеніи церквей и надѣленіи ихъ землей; притомъ эти послѣдніе заявляли свои права на земли, лежавшія въ чертѣ ихъ давней заимки и попавшія теперь

[1]) Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. XXXII, № 10, стр. 371—373.

такимъ или инымъ путемъ во власть отдѣльныхъ лицъ изъ старшинскаго сословія. Совсѣмъ не правъ также Боярскій, когда заявляетъ, что комиссіи, назначенныя для изслѣдованія обидъ, наносимыхъ старшиной рядовымъ козакамъ, вполнѣ оправдали ихъ [1]). Вообще-же заявленныя въ комиссіи просьбы и домогательства харьковскихъ дворянскихъ депутатовъ по мѣстнымъ вопросамъ не возвышаются надъ чисто сословными ихъ интересами, которые очень часто расходятся съ интересами другихъ слоевъ общества. Въ такомъ-же духѣ составлены были, какъ мы видѣли, и ихъ наказы. Въ этомъ убѣждаетъ насъ наказъ ахтырскихъ дворянъ. Они просятъ о льготной покупкѣ соли, объ освобожденіи отъ починки мостовъ и гатей по проѣзжимъ трактамъ, о разрѣшеніи продажи вина въ Великороссіи, объ облегченіи постойной повинности, о запрещеніи подданнымъ переходить съ мѣста на мѣсто безъ владѣльческихъ отпускныхъ билетовъ, объ утвержденіи за владѣльцами, не имѣющими крѣпостей, ихъ земель, объ ассигнованіи прибавочной казенной суммы на содержаніе шляхетскихъ дѣтей въ харьковскомъ коллегіумѣ и внесеніи всего этого въ законы. Въ ряду этихъ петицій выдаются въ особенности домогательства прикрѣпленія „подданныхъ“ къ землѣ, о чемъ давно хлопотали харьковскіе дворяне, и закрѣпленія за дворянами и такихъ земель, на которыя они не имѣли крѣпостныхъ документовъ.

Посмотримъ теперь, какую роль играли харьковскіе дворянскіе депутаты въ комиссіи при обсужденіи общихъ вопросовъ. По нимъ высказывали свои мнѣнія Боярскій, Куликовской и Зарудневъ. Одинъ изъ этихъ общихъ вопросовъ—о дворянскомъ достоинствѣ—имѣлъ прямое отношеніе къ мѣстнымъ интересамъ слободско-украинскаго дворянства. По этому-то вопросу Боярскій и представилъ особую записку, въ видѣ примѣчанія на 36 статью II-й главы проэкта о разборѣ государственныхъ родовъ. Въ этой статьѣ говорилось отдѣльно о благородныхъ и чиновныхъ людяхъ, причемъ вторые не признаются дворянами. «Съ самаго начала существованія слободскихъ полковъ, говорилъ Боярскій, многіе изъ переселенцевъ были пожалованы за вѣрную и радѣтельную службу генералами, бригадирами, стольниками, полковниками и другими чинами, а также награждены деревнями и землями; иные, служа въ драгунскомъ тысячномъ полку, дослужились до штабъ и оберъ офицерскихъ чиновъ; теперь, по учрежденіи гусарскихъ полковъ, многіе опять получили такіе-же чины. Кромѣ того многіе изъ великорусскихъ помѣщиковъ и иностранныхъ офицеровъ поженились на женахъ, дочеряхъ и внучкахъ этихъ лицъ, взявъ въ приданное деньги и другія владѣнія.

---

[1]) См., напримѣръ, Полное Собраніе законовъ, томъ XVII, № 12,356.

Всѣ эти лица и съ самаго начала поселенія судились и судятся великороссійскими правами и земли свои, заимочныя и купленныя, продавали, закладывали, въ приданное или дѣтямъ въ наслѣдство отдавали, также точно, какъ и великорусскіе дворяне. Спрашивается, чѣмъ-же будутъ признаны всѣ эти лица—дворянами, чиновниками или офицерами? Въ указѣ блаженной памяти великаго государя Петра I отъ 24 января 1722 г. написано: «выслужившіеся въ оберъ офицеры суть дворяне, и дѣти, родившіеся отъ нихъ, дворяне». Въ наказѣ Ея Императорскаго Величества говорится: «военное искусство есть самый древнѣйшій способъ, коимъ достигали до дворянскаго достоинства». На этомъ основаніи всѣ, дослужившіеся до оберъ офицерскихъ чиновъ, въ томъ числѣ и потомки бывшихъ старшинъ, должны быть записаны въ дворяне [1]).

Такого-же мнѣнія былъ очевидно и Куликовскій, согласившійся съ подобнымъ мнѣніемъ депутата терскаго войска Никиты Миронова. Въ такомъ-же смыслѣ высказался и депутатъ изюмской провинціи Зарудневъ, съ тою только разницею, что въ своей аргументаціи онъ пользовался общими соображеніями и не прибѣгалъ къ примѣрамъ изъ жизни слободско-украинскаго дворянства. Напомнивъ объ указахъ Феодора и Петра Алексѣевичей, дававшихъ дворянство за всякую службу, Зарудневъ вслѣдъ за тѣмъ перешелъ къ опроверженію тѣхъ четырехъ возраженій, которыя высказывались въ собраніи противъ дарованія дворянскихъ правъ лицамъ, выслужившимся въ военной или гражданской службѣ. Вотъ его главныя положенія: 1) «государь Петръ не имѣлъ *нужды* въ военныхъ людяхъ, а жаловалъ дворянствомъ, въ качествѣ самодержавнаго монарха, по своей милости; 2) правда, что само дворянство охотно теперь вступаетъ на службу, но полезно тѣмъ не менѣе жаловать дворянскимъ достоинствомъ иностранцевъ и другихъ вольныхъ людей, такъ какъ дворяне по хозяйственнымъ своимъ обязанностямъ принуждены скоро выходить въ отставку; 3) военная служба въ арміи и во флотѣ очень тяжела, такъ что полученное такимъ образомъ дворянство пріобрѣтается не легко; штатская служба также необходима, полезна и не легка; 4) жалованье и чины не замѣняютъ дворянскаго достоинства, ибо они даются до тѣхъ поръ, пока кто въ состояніи служить, а на потомство не распространяются. Только благодаря пожалованію дворянства, прежнія нестройныя ополченія замѣнились петровской гвардіей, сухопутной арміей и артиллеріей» [2]). Вопросъ о томъ, кого признавать дворянами, былъ самымъ существеннымъ пунктомъ въ преніяхъ

---

[1]) Сб. Им. Рус. Истор. Общ., т. XXXVI, III, № 31, стр. 328—329.

[2]) Ibid., стр. 183—186.

коммиссіи и вызвалъ оживленный обмѣнъ мнѣній. Неродовитое дворянство естественно стояло за такія мнѣнія, какія выражалъ Боярскій, Зарудневъ и много другихъ депутатовъ. Во главѣ противнаго лагеря стоялъ знаменитый депутатъ ярославскаго дворянства, князь Щербатовъ, который проводилъ, такъ сказать, идею родоваго дворянства и желалъ по возможности затруднить доступъ къ нему разнымъ служилымъ разночинцамъ.

Кромѣ этого жгучаго вопроса дворянскіе депутаты слободско-украинской губерніи высказывали устно и письменно свои мнѣнія по вопросамъ о словесномъ судѣ [1]) и векселяхъ [2]), а извѣстный уже депутатъ Боярскій выступилъ съ заявленіемъ объ уничтоженіи пытки [3]), основываясь въ этомъ случаѣ на словахъ самой императрицы, которая въ своемъ наказѣ говоритъ, что пытка есть вѣрное средство осудить невиннаго, не обладающаго крѣпкимъ сложеніемъ, и оправдать виновнаго.

Изъ городскихъ депутатовъ слободской губерніи дѣятельную роль въ комиссіи для составленія проэкта новаго уложенія играли два депутата: харьковскій, сотникъ Черкесъ и ахтырскій, каптенармусъ Дзюбинъ или Дзюба. Но представителемъ собственно городскихъ или, вѣрнѣе сказать, купеческихъ интересовъ явился только сотникъ Черкесъ. Онъ былъ греческой націи и по всѣмъ признакамъ велъ обширную торговлю. Въ одномъ изъ засѣданій комиссіи депутатъ отъ коммерцъ-коллегіи Меженіновъ предложилъ, чтобы заграничные товары доставлялись въ Россію исключительно только черезъ Балтійское море, при посредствѣ петербургскаго порта, такъ какъ теперь при провозѣ ихъ изъ Данцига, Кенигсберга и Бреславля черезъ Польшу берется очень много пошлинъ, которыя значительно возвышаютъ цѣну товаровъ [4]) Противъ этого-то мнѣнія выступилъ со своими возраженіями Черкесъ. Горячо и съ знаніемъ дѣла онъ доказывалъ необходимость сохраненія прежнихъ торговыхъ путей чрезъ Польшу и Крымъ въ Кіевъ, заявляя, что привозимыми въ этотъ городъ въ большомъ количествѣ товарами довольствуется вся Украйна и требуя только, чтобы путь изъ Крыма шелъ не чрезъ Кременчугскую и Переволочную таможни, а прямо ногайскою степью на одну изъ крѣпостей Украинской линіи. Согласно съ первою половиною мнѣнія Черкеса высказались и депутаты: отъ города Нѣжина Костевичъ, отъ Кіева Гудима и отъ екатеринославской провинціи Бѣльченко, а къ ихъ мнѣнію присоединились почти всѣ малороссійскіе депутаты. Косте-

---

[1]) Сб. Им. Рус. Истор. Общ., т. XXXII, приложеніе № 2, стр. 363—354.

[2]) Ibid., т. VIII, стр 234 и 235.

[3]) Ibid., т. XXXII, стр. 65.

[4]) Ibid., т. VIII, стр. 50.

вичъ заявилъ, что запрещеніе вести торгъ чрезъ пограничныя малороссійскія таможни убьетъ мелкую торговлю малороссійскихъ городовъ, между тѣмъ какъ пошлина на малороссійскихъ таможняхъ весьма умѣренна и берется не съ цѣны товаровъ, а съ возовъ, привозъ-же на малороссійскія таможни товаровъ происходитъ изъ многихъ европейскихъ и азіатскихъ земель. Но проэктъ новаго направленія крымскаго пути встрѣтилъ всеобщія возраженія. Дебаты Бѣльченка съ Черкесомъ выяснили, что первому не хотѣлось, чтобы новый путь отходилъ далеко отъ Нѣжина, а второму хотѣлось направить оный въ Слободскіе полки [1]). Каждый стоялъ на своемъ. Не удивительно, что запорожскіе депутаты, Головатый и Скопа, отстаивали прежнее направленіе крымскаго пути чрезъ Сѣчь, резонно возражая Черкесу. что никто не можетъ заставить ходить купцовъ на Кременчугъ и Переволочную, если они найдутъ этотъ путь неудобнымъ [2]). Заявленіями Черкеса собственно и исчерпывается сфера чисто городскихъ вопросовъ Слободской губерніи и только косвенное отношеніе сюда имѣетъ рѣчь Бахмутскаго депутата Селиванова, возстававшаго противъ предложенія Бѣлгородскаго депутата, чтобы живущимъ въ Бѣлгородской губерніи малороссіянамъ, однодворцамъ и другимъ лицамъ, была дозволена торговля безъ записки ихъ въ купеческое званіе, въ виду ихъ безземельности и того, что мелкая торговля является для нихъ единственнымъ средствомъ пропитанія [3]). Селивановъ выяснилъ, что въ такомъ дозволеніи вовсе не было надобности, такъ какъ Бѣлгородскіе малороссіяне имѣли собственные дома, нерѣдко мыловаренные и кожевенные заводы, и ведутъ обширную торговлю, хотя и называютъ себя подданными разныхъ знатныхъ особъ [4]).

Что касается заявленій другаго городскаго депутата Дзюбы, то они касались исключительно положенія въ губерніи войсковыхъ обывателей, т. е. бывшихъ слободскихъ козаковъ, которые являлись преобладающей группой населенія не только въ малыхъ, но и въ большихъ городахъ. Въ трехъ рѣчахъ Дзюбы рѣзко высказался тотъ антагонизмъ, который издавна существовалъ между простымъ козачествомъ и выдѣлившеюся изъ его рядовъ старшиною; теперь онъ нашелъ исходъ для себя въ преніяхъ коммиссіи. Какъ дворянскіе депутаты требовали, чтобы за бывшей полковою старшиною закрѣплены были земли, въ большей части захваченныя ею изъ общихъ и частныхъ козацкихъ земель, ви-

---

[1]) Сб. Им. Рус. Истор. Общ. т. VII, стр. 76.
[2]) Ibid., стр. 87—88.
[3]) Ibid., стр. 88—89.
[4]) Ibid., стр. 183—186.
[5]) Ibid., стр. 210—211.

нили козаковъ въ бродяжничествѣ и домогались воспрещенія живущимъ на дворянскихъ земляхъ козакамъ и посполитымъ свободнаго перехода съ мѣста на мѣсто, такъ Дзюба, становясь на защиту бывшихъ козаковъ, нынѣ войсковыхъ обывателей, обвиняетъ бывшую старшину въ присвоеніи земель козаковъ и обращеніи ихъ самихъ въ положеніе „подданныхъ“. „Бѣгство козаковъ и посполитыхъ, говоритъ Дзюба, происходило и происходитъ отъ нестерпимыхъ обидъ и притѣсненій старшины, которая захватываетъ жалованныя козачьи земли, мельницы, сѣнные покосы, рощи и другія угодья, притѣсняетъ ихъ неуказными работами, большими поборами и напрасными побоями. На козачьихъ жалованныхъ земляхъ старшина и церковники устроили слободы, хутора и населили ихъ вольными козаками и посполитыми, съ которыми обращаются, какъ съ купленными крестьянами. Посему я предлагаю какъ старые, такъ и вновь населенные, въ противность жалованнымъ грамотамъ и указамъ, слободы и хутора отнять у старшины и церковниковъ и причислить къ владѣніямъ обществъ войсковыхъ обывателей, отъ чего въ службѣ ихъ произойдетъ приращеніе, а между ними наступитъ тишина и спокойствіе“ [1]). Въ другой разъ Дзюба говорилъ подробно о монастырскихъ и церковныхъ имѣніяхъ въ ахтырской провинціи, доказывалъ, что они пріобрѣтены и заселены такими же путями, какъ и старшинскія земли, по допущенію старшинъ [2]), и требовалъ, чтобы всѣ они возвращены были прежнимъ ихъ владѣльцамъ, или просто бѣднымъ людямъ. Наконецъ въ послѣдней своей рѣчи тотъ же депутатъ, настаивая еще съ большею силою на отнятіи у старшины неправильно пріобрѣтенныхъ ею земель, заявилъ, что справедливость требуетъ, чтобы тѣ изъ сыновей бывшей старшины, которые не пожелаютъ вступить въ службу, были положены въ подушный окладъ [3]).

Проэкты Дзюбы были крайне радикальны и не могли имѣть практическаго значенія. Дзюба мечталъ возвратомъ большей части крупной поземельной собственности прежнимъ мелкимъ ея владѣльцамъ возстановить древнее право на эти земли бывшихъ козацкихъ громадъ и разрубить такимъ путемъ тотъ гордіевъ узелъ, который тщетно пытались развязать бывшія прежде того разнаго рода комиссіи, въ одной изъ которыхъ въ качествѣ обвиняемыхъ должна была предстать едва не вся полковая старшина поголовно. У всѣхъ въ памяти было также грандіозное слѣдствіе о маетностяхъ ахтырскаго полковника Перекрестова, ссылка его и обращеніе въ казну громаднѣйшихъ его пріобрѣтеній.

---

[1]) Сборникъ императорскаго русскаго историч. общ., т. XXXII, стр. 370–371.

[2]) Ibid., т. XXXVI, стр. 77.

[3]) Ibid., приложеніе № 2, стр. 167—169.

Войсковыя и козачьи земли захватывала не одна полковая старшина, но и приливавшіе въ Слободскую Украину великороссійскіе и иностранные, военные и гражданскіе чины. Крупная поземельная собственность дѣлала быстрые успѣхи, стѣсняя все болѣе и болѣе мелкую козачью Но кромѣ экономическаго неравенства, бывшее рядовое козачество стѣснялось и неравенствомъ соціальнымъ, ибо для выдѣленія изъ среды его старшинскихъ дѣтей, кромѣ множества не нужныхъ должностей, была изобрѣтена новая должность подпрапорныхъ, соотвѣтствовавшая званію значковыхъ товарищей въ Гетманщинѣ, а такими путями не только старшины, но и ихъ дѣти, переходили въ разрядъ дворянства.

Предложеніе Дзюбы хотѣло какъ-бы повернуть исторію назадъ; бывшее рядовое козачество устами его и другихъ депутатовъ стремилось исправить развившееся экономическое сословное неравенство; но было уже поздно. Радикальный проэктъ Дзюбы встрѣтилъ сочувствіе только среди однодворческихъ депутатовъ, которые высказали пожеланія, мало чѣмъ отъ него развившіяся. Такъ, депутатъ Сѣвской провинціи Петръ Гридинъ предлагалъ возвратить однодворцамъ тѣ земли, которыя были пріобрѣтены у нихъ вопреки запретительнымъ указамъ, а владѣльцамъ ихъ отвести вмѣсто того дачи изъ пустопорожнихъ государственныхъ земель [1]). Депутатъ Хоперской крѣпости Алейниковъ предлагалъ, какъ мы уже знаемъ, отнять у старшинъ слободской губерніи ихъ подданныхъ и крестьянъ и запретить пріобрѣтать ихъ на будущее время. Но, кромѣ этихъ группъ, заявленія Дзюбы не могли встрѣтить сочувствія ни въ общественныхъ, ни тѣмъ болѣе въ правительственныхъ сферахъ; если одна часть дворянства (родовитая) и готова была противиться дарованію козацкой старшинѣ полныхъ дворянскихъ правъ, зато другая, достигшая его въ военной или гражданской службѣ, была вполнѣ на ея сторонѣ.

Перейдемъ наконецъ къ депутатамъ изъ среды войсковыхъ обывателей. Изъ нихъ выдвинулось только двое: харьковскій Капиносъ и сумской Никифоровъ. Они представили два проэкта—о положеніи и правахъ войсковыхъ обывателей и о словесномъ судѣ.

Капиносъ, возражая на заявленіе дворянскаго депутата Боярскаго, что козаки переходили не отъ притѣсненій старшины, а съ цѣлью укрывательства отъ военной службы, говоритъ, что такое заявленіе вызвано желаніемъ оправдать своихъ собратій и укрѣпить такимъ путемъ земли, незаконно пріобрѣтенныя ими, ибо указы воспрещали старшинамъ покупать у подвластныхъ лицъ грунты, а они и сами совершали такія

[1]) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. XXXVI, приложеніе № 1, стр. 163—166.

покупки и давали разрѣшеніе на это другимъ. „Въ виду сего, заключалъ Капиносъ, и я, въ согласіи съ депутатомъ Дзюбинымъ, признаю полезнымъ причислить эти земли къ обществамъ войсковыхъ обывателей [1]).

Въ такомъ же смыслѣ, но еще болѣе опредѣленно высказался и Никифоровъ. Повторивъ извѣстную исторію поселенія слободскихъ полковъ и пожалованія въ общую и личную собственность козакамъ никѣмъ не занятыхъ земель для отбыванія военной службы, онъ переходитъ къ захватамъ и говоритъ, что „многіе помѣщики, живущіе въ сумскомъ полку, покупкою и разными происками пріобрѣли себѣ козачьи земли, а самихъ козаковъ обратили въ своихъ подданныхъ". Въ подтвержденіе послѣдняго Никифоровъ указывалъ на случай въ мѣстечкѣ Пенѣ, обыватели котораго только по указу 1741 года, согласно ихъ жалобѣ, были опять приписаны къ козакамъ, по рѣшенію сената, прибавляя, что и въ настоящее время нѣкоторые владѣльны покупаютъ козачьи грунты и обращаютъ себѣ въ подданство козаковъ. Для устраненія указаннаго зла Никифоровъ предлагалъ:

1) „Дабы впредь ни подъ какимъ видомъ въ сумской провинціи государственныхъ войсковыхъ слободъ въ подданство помѣщикамъ не обращать и обывательскихъ земель не покупать.

2) Исключить изъ подданства тѣхъ козаковъ и подпомощниковъ, которые живутъ и нынѣ на собственныхъ своихъ земляхъ, причислить ихъ къ обществамъ обывателей и обложить такимъ окладомъ, какой плотятъ другіе, годныхъ же брать въ гусары; такой же окладъ положить на дѣтей разночинцевъ, пользующихся правами, равными съ правами войсковыхъ обывателей.

3) Войсковымъ обывателямъ дозволять во всей слободской украинской губерніи продавать и закладывать другъ другу собственныя свои заимочныя и купленныя земли по старинному обыкновенію" [2]).

Другая записка Никифорова касается вопроса о винокуреніи и продажѣ вина. „Въ двухъ, говоритъ онъ, уѣздахъ сумской провинціи, суджанскомъ и миропольскомъ, свободное винокуреніе, продажа вина и соли запрещены съ 1753 г. и съ того же времени учреждены питейные дома и казенная продажа соли. Питейный сборъ теперь отданъ на откупъ орловскимъ купцамъ, которые заботятся не о казенномъ интересѣ, а о собственномъ обогащеніи; эти откупщики держатъ у себя по 30 и болѣе цѣловальниковъ, которые причиняютъ разныя обиды обывателямъ. Между тѣмъ въ слободѣ Юнаковкѣ, принадлежащей князю Голицыну,

[1]) Ibid., т. XXXII, № 1, 14, стр. 381.

[2]) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. XXXII, приложеніе № 70, стр. 527—531.

подданные его малороссіяне пользуются и свободнымъ винокуреніемъ и продажей вина и соли, въ явный ущербъ свободнымъ обывателямъ. Мало того: упомянутые откупщики останавливаютъ жителей названныхъ уѣздовъ, когда они по необходимости поѣдутъ въ эту слободу для продажи хлѣба, задерживаютъ подъ предлогомъ розыска контрабаднаго вина и забираютъ все то, что при нихъ находятъ, нападаютъ на обывательскіе дома будто-бы для обыска вина и тѣмъ причиняютъ несносные обиды". Въ виду сказаннаго Никифоровъ просилъ отъ имени своихъ избирателей, чтобы на будущее время всѣмъ обывателямъ, уплотившимъ 95 коп. оклада, была подтверждена свобода курить вино зимою и лѣтомъ, причемъ и цифрами доказывалъ выгодность такого установленія для казны.

Послѣднимъ вопросомъ, выдвинутымъ харьковскимъ обывательскимъ депутатомъ Капиносомъ, былъ вопросъ о словесномъ судѣ. Капиносъ предлагалъ производить разбирательство въ гражданскихъ дѣлахъ на сумму до 50 руб. словесно, съ записываніемъ рѣшеній въ журналъ не позже двухъ-недѣльнаго срока, письменный-же судъ давать только тѣмъ, которые будутъ недовольны рѣшеніемъ словеснаго; но если недовольный окажется виновнымъ и при письменномъ разбирательствѣ, то съ него брать двойную судебную пошлину [1]).

Итакъ, два представителя отъ войсковыхъ или, какъ теперь они стали называться, казенныхъ слободъ слободско-украинской губерніи энергически отстаивали свои насущные интересы. Въ особенности Никифоровъ обставлялъ свои *disiderata* серьезными данными. Сходясь въ основныхъ положеніяхъ съ Дзюбою, онъ былъ практичнѣе его; всѣ его предложенія были удобоисполнимы и, какъ кажется, дѣйствительно могли принести существенную пользу войсковымъ обывателямъ, прекративъ или по крайней мѣрѣ значительно ограничивъ *на будущее* время то обезземеліе слободскихъ козаковъ, которое стало замѣчаться еще въ самомъ началѣ XVIII вѣка. Предоставленіе льготъ по части свободнаго куренія и продажи вина и соли, конечно, отзывается исключительностью, но оно является совершенно естественнымъ для того времени, когда многое основывалось на частныхъ привиллегіяхъ и изъятіяхъ. Вопросъ въ этомъ случаѣ шелъ о такой привиллегіи, которая являлась чрезвычайно важной и почти необходимой въ хозяйственномъ быту. Вся та масса хлѣба, которая въ Малороссіи оставалась отъ потребленія, шла исключительно на винокуреніе и только въ такомъ видѣ имѣла сбытъ на торговыхъ рынкахъ. Правда, это винокуреніе имѣло свои невыгодныя стороны,

---

[1]) Сб. Имп. Рус. Ист. Общ., т. VIII, стр. 140.

между прочимъ уменьшеніе лѣсовъ; но и система казеннаго кабака и казенной соли имѣла еще болѣе невыгодъ и открывала широкій путь злоупотребленіямъ.

Мысль Капиноса объ учрежденіи словесныхъ судовъ заслуживаетъ также вниманія. Тогдашніе письменные суды съ ихъ безконечнымъ бумажнымъ производствомъ, съ замысловатымъ крючкотворствомъ доморощенныхъ ходатаевъ по дѣламъ, дѣйствительно должны были возбудить противъ себя неудовольствіе у всѣхъ тѣхъ, кому выпадало несчастіе имѣть съ ними дѣло. А кому не приходилось судиться въ тотъ вѣкъ, когда существовавшіе законы оказывались недостаточными для огражденія личности и собственности! Словесный судъ, если-бы не оказался „милостивымъ“ или даже „правымъ“, то былъ-бы по крайней мѣрѣ „скорымъ“.

Остальные пункты челобитенъ относятся къ области гражданскаго и полицейскаго права и носятъ уже не мѣстный, а болѣе общій характеръ. Съ обширнымъ разсужденіемъ о гражданскомъ процессѣ и опекѣ выступило сумское дворянство. Въ немъ оно предлагало рядъ мѣръ для ускоренія судебнаго процесса въ гражданскихъ дѣлахъ, который отличался тогда страшною медленностью; главными изъ этихъ мѣръ было сокращеніе сроковъ для подачи письменныхъ объясненій и назначеніе штрафовъ какъ для отвѣтчика, такъ и для судей, „кто на срокъ какъ отвѣту и оправданія не подаетъ, такъ и справокъ не вынесетъ, такового винить безъ изъятія, въ какомъ бы то дѣлѣ не было—въ крѣпостномъ или не крѣпостномъ“—такую рѣшительную мѣру предлагали Сумскіе дворяне; впрочемъ они понимали, что иногда отвѣтчикъ не могъ подать въ срокъ объясненія по болѣзни—и въ такихъ случаяхъ предлагали посылать для освидѣтельствованія больныхъ врача (если таковой окажется) или-же требовать отъ нихъ присягу. Въ связи съ этимъ они ходатайствовали о реформѣ, которая касалась основнаго принципа судоустройства—они просили, чтобы судебная власть была вручена представителямъ мѣстнаго дворянства, чтобы съ этою цѣлью дворянство ежегодно изъ своей среды избирало двухъ лицъ, которыя бы, нося званіе воеводскихъ товарищей и получая штатное жалованье, судили всѣ гражданскіе иски, а воевода производилъ бы только „розыскныя и интересныя“ дѣла; такіе судьи, по мнѣнію составителей наказа, съ одной стороны будутъ свободны отъ нареканія въ корыстолюбіи, медлительности, а съ другой хорошо зная положеніе своихъ собратій, будутъ защищать ихъ отъ всяческихъ обидъ; за добросовѣстное же исполненіе своихъ обязанностей они должны получать отъ правительства чины [1]).

[1]) Ibidem, стр. 271 – 275.

Важное значеніе для всего сословія должно было бы имѣть учрежденіе правильной опеки надъ имуществомъ тѣхъ малолѣтнихъ дворянъ, отцы которыхъ не оставили духовныхъ завѣщаній и не назначили опекуновъ, о чемъ также ходатайствовало сумское дворянство. Оказывается что доселѣ правильной опеки не было въ Слободской Украйнѣ и благодаря этому имѣнія сиротъ расхищались и сами они не получали ни умственнаго, ни нравственнаго образованія [1]). Между тѣмъ слободско-украинское дворянство (или по крайней мѣрѣ значительная его часть) сознало важность и необходимость просвѣщенія. Правда среди тѣхъ старшинъ, которые были призваны къ выбору депутатовъ въ коммиссію нѣкоторые оказались неграмотными, такъ что за нихъ должны были росписаться ихъ товарищи, но это было послѣдствіе прежняго военнаго режима, не дававшаго подчасъ возможности мелкому казацкому уряднику „вырядить въ науку“ своего сына. Говоря же вообще, стремленіе къ грамотности и образованію было весьма значительно не только въ дворянствѣ, а и во всѣхъ низшихъ слояхъ слободско-украинскаго общества—у казаковъ и мѣщанъ. Это засвидѣльствовано документальнымъ доказательствомъ—краснорѣчивой статистикой народныхъ школъ, существовавшихъ въ Слободской Украйнѣ въ 1732 г. Изъ переписи Слободскихъ полковъ, произведенной Хрущевымъ въ этомъ году, оказывается, что въ нынѣшней Харьк. губ. ихъ было тогда болѣе 129; одна школа приходилась на 2373 душъ населенія (а въ 1884 г. одна школа на 4270 душъ). Слободско-украинское дворянство получало образованіе преимущественно въ Харьковскомъ коллегіумѣ, который, какъ извѣстно, и по программѣ, и по составу учащихся, представлялъ изъ себя тогда всесословное учебное заведеніе, образцово поставленное и пользовавшееся симпатіями всего общества. Въ 1766 г. къ предметамъ, преподававшимся дотолѣ въ коллегіумѣ, велѣно было прибавить французскій и нѣмецкій языкъ, математику, геометрію, рисованіе и особенно инженерство, артиллерію и геодезію, для чего и назначена сумма до 3000 руб. И вотъ дворянство Ахтырской провинціи, отмѣтивъ это обстоятельство, проситъ, чтобы въ виду отдаленности отъ ихъ уѣзда Москвы, (гдѣ былъ университетъ) имъ всѣмъ разрѣшено было безпрепятственно отдавать своихъ сыновей въ Харьковскій коллегіумъ, гдѣ бы эти послѣдніе могли получать и образованіе, и военную подготовку, а для содержанія учителей и училища опредѣлена была бы достаточная сумма изъ неокладныхъ доходовъ губерніи; [2]) изъ этого видно, что ахтырское дворянство имѣло въ виду выдѣленіе изъ коллегіума особаго училища для дѣтей

---

[1]) Ibidem, стр. 275—276.

[2]) Ibidem, стр. 257.

свѣтскихъ лицъ. Дворянство Сумской провинціи пошло еще дальше и выступило съ ходатайствомъ объ основаніи въ г. Сумахъ двухъ новыхъ училищъ: университета для дворянъ и школы для разночинцевъ [1]). Вотъ подлинный текстъ его челобитной: „какъ во многихъ, состоящихъ подъ высокою державою Е. И. В. городахъ учреждены воспитываемымъ дворянскимъ и прочаго званія дѣтямъ училища, отъ которыхъ и немалый плодъ отечеству приносится, а невѣжды и развращенные нравы, суевѣріе, расколы, и прочее тому подобное, совсѣмъ къ сожитію благонравнаго народа непотребное, истребляется, то, взирая на столь высоко матернія Е. В. ко всѣмъ вѣрноподданнымъ изливаемыя щедроты и милости, необходимо нужно есть представить и о семъ, чтобъ повелѣно было и въ здѣшнемъ городѣ учредить училища: первое для благороднаго дворянства второе для церковническихъ, подъяческихъ, мѣщанскихъ и прочихъ тому подобныхъ дѣтей, и обучать оныхъ такъ, какъ въ учрежденномъ въ Москвѣ Императорскомъ университетѣ и въ городскихъ протчихъ училищахъ предписано, чрезъ что можетъ произойти, что дворянство, а особливо не весьма достаточные, будутъ имѣть способъ не въ отдаленномъ отъ себя мѣстѣ и не съ такими издержками, какъ до сего происходило, но въ близости отъ домовъ и съ хорошимъ надзираніемъ для поученія дѣтей своихъ отдавать. Да и недостатокъ въ церковнослужителяхъ разумѣющихъ принадлежащія до церковнаго служенія правила проповѣдать Слово Божіе и научить простолюдиновъ Закона; во многихъ мѣстахъ поправится, какая-жъ отъ наукъ можетъ въ просвѣщеніи разума послѣдовать польза, всему свѣту извѣстно“.

Заботясь о средствахъ своего духовнаго развитія, слободско-украинское дворянство не могло не обратить вниманія и на мѣры къ поддержанію тѣлеснаго здравія, тѣмъ болѣе, что въ нихъ чувствовалась настоятельная нужда. Оказывается, что въ Слободско-Украинской губерніи, считавшей у себя не менѣе 150000 душъ мужскаго пола, совсѣмъ почти не было докторовъ, за исключеніемъ пяти полковыхъ врачей бывшихъ въ гусарскихъ полкахъ: между тѣмъ въ краѣ свирѣпствовали лихорадки, горячки и разныя другія тяжелыя болѣзни. Это обстоятельство и побудило острогожскихъ дворянъ выступить съ ходатайствомъ о назначеніи во всѣ 5 провинцій докторовъ, а въ коммиссарства—лекарей [2]).

Въ заключеніе намъ слѣдуетъ отмѣтить еще одну характерную челобитную дворянства Харьковской провинціи. Выступивъ съ цѣлымъ рядомъ ходатайствъ, которыя требовали многихъ финансовыхъ жертвъ отъ правительства, оно рѣшилось и съ своей стороны принести одну

---

[1]) Ibidem, стр. 276—277.

[2]) Ibidem, стр. 301.

жертву въ пользу этого послѣдняго; отказывалось въ его пользу отъ тѣхъ суммъ, которыя оно было должно ему за провіантъ. за волы и фуры, доставленные на счетъ дворянъ и ихъ подданныхъ въ прошлую турецкую войну [1]). Правда эти суммы не легко было получить,—да правительство, какъ кажется, и не воспользовалось этимъ любезнымъ подаркомъ—но тутъ важно доброе намѣреніе, и мы его съ удовольствіемъ подчеркиваемъ въ настоящемъ случаѣ.

IV.

Мы классифицировали наказы—челобитныя слободско-украинскаго дворянства, вполнѣ исчерпали ихъ содержаніе и постарались уяснить ихъ происхожденіе, смыслъ и характеръ, т. е. поставили ихъ въ связь съ историческими условіями тогдашней жизни. Этотъ, такъ сказать, реальный комментарій къ наказамъ помогъ намъ разобраться въ многочисленныхъ и разнообразныхъ нуждахъ и желаніяхъ харьковскаго дворянства. Оказалось, что хотя выборы происходили по провинціямъ и дворянство каждой изъ нихъ составляло свой наказъ отдѣльно безъ совѣщанія съ сосѣдями, но въ содержаніи челобитенъ есть много общаго, всесословнаго, что позволяетъ отмѣтить въ нихъ общія, типическія черты. Различныя стороны жизни нашли себѣ въ челобитьяхъ далеко не одинаковое выраженіе: ярче всего отразились въ нихъ соціальные и экономическіе интересы, несравненно слабѣе духовные и, можно сказать, совершенно отсутствуютъ политическіе. На первомъ планѣ стоялъ земельный вопросъ, который трактовался всѣми единодушно, исключительно съ точки зрѣнія сословныхъ выгодъ. Менѣе единодушія проявили бывшіе старшины въ двухъ другихъ вопросахъ, стоявшихъ въ тѣснѣйшей связи съ первымъ—о дарованіи имъ дворянскаго достоинства и о превращеніи ихъ „подданныхъ“ въ крѣпостныхъ. Но отсутствіе въ нѣкоторыхъ наказахъ этихъ пунктовъ еще не свидѣтельствуетъ о томъ, чтобы къ нимъ были равнодушны составители ихъ; мы объясняемъ это нѣкоторою застѣнчивостью и робостью избирателей или, правильнѣе говоря. лицъ, составлявшихъ челобитья; у нихъ не было увѣренности, что просьба ихъ будетъ уважена; у нихъ не было въ виду и достаточно вѣсскихъ и серьезныхъ мотивовъ; въ особенности это можно сказать относительно превращенія „подданныхъ“ въ крѣпостныхъ, желаніе же, несомнѣнно, было у всѣхъ и притомъ самые размѣры его были болѣе или менѣе одинаковы. Большое единодушіе проявили слободско-украинскіе дворяне и въ такихъ чисто экономическихъ ходатайствахъ, какъ просьбы о свободныхъ промыслахъ и льготахъ по части нѣкоторыхъ

[1]) Ibidem, стр. 270.

налоговъ—но и въ основѣ ихъ лежатъ опять таки исключительно сословные интересы. Это нужно сказать даже о такихъ ходатайствахъ, которыя прямо направлены были въ пользу „подданныхъ“. Впрочемъ тутъ интересы „подданныхъ“ сливались все-таки съ интересами ихъ помѣщиковъ, а не расходились съ ними, какъ это бывало въ другихъ случаяхъ. Несмотря на эгоистическій характеръ побужденій, получались благопріятные для обѣихъ сторонъ результаты. На большее въ тотъ эгоистическій вѣкъ трудно было и надѣяться; взаимные интересы сословій нелегко было примирить; впрочемъ составители наказовъ и не заботились о такомъ примиреніи—каждое сословіе излагало *свои* нужды, *свои* желанія, не справляясь съ тѣмъ и не зная того, что написали другіе; наказы въ этомъ отношеніи напоминаютъ нашъ состязательный процессъ, гдѣ рѣчи прокурора и адвоката по необходимости отличаются одностороннимъ характеромъ. Столь же односторонни и исключительны были по содержанію своему и всѣ наказы, доставленные въ Екатерининскую коммиссію; по крайней мѣрѣ это нужно сказать о напечатанныхъ доселѣ наказахъ дворянскаго и городского сословія; и эта исключительность объясняется какъ невысокимъ уровнемъ общественнаго развитія этихъ сословій, такъ и самымъ характеромъ предстоявшей имъ задачи—они должны были говорить только за себя, отстаивать только свои интересы: такъ они во всякомъ случаѣ поняли свою обязанность. Конечно, можно сказать, что кому многое дано, съ того многое и спросится, и дворянство, обладавшее несравненно большими матеріальными и умственными рессурсами, чѣмъ другія непривиллегированныя сословія, было гораздо виновнѣе ихъ въ полномъ почти равнодушіи ко всему тому, что являлось *общимъ благомъ*, что одинаково полезно было для всѣхъ классовъ общества. Кому же, какъ не ему, должно было ходатайствовать объ этихъ *дѣйствительно общественныхъ* нуждахъ, между тѣмъ харьковскіе дворяне указали только на одну изъ нихъ (дороговизну соли). Не говоримъ уже о томъ, что нѣкоторые классы общества (крестьяне, духовные) вовсе не участвовали въ выборахъ и было бы справедливо, чтобы въ пользу ихъ что-либо сказали занимавшіе верхнюю ступень общественной лѣстницы дворяне, а они вмѣсто этого подняли вопросъ о закрѣпощеніи пользовавшагося еще дотолѣ свободою крестьянскаго сословія. Вопросы, касавшіеся общенароднаго блага, они трактовали съ узкой сословной точки зрѣнія и не давали имъ широкой общей постановки (таково было, напримѣръ, дѣло о возвращеніи отторгнутыхъ земель, объ освобожденіи отъ постойной и подводной повинностей). Даже въ той сферѣ, гдѣ имъ удобнѣе всего было проявить свои общественные инстинкты, гдѣ ихъ интересы сливались

съ интересами массы,—въ вопросѣ о просвѣщеніи—слободско-украинскіе дворяне проявили мало энергіи и высказали тотъ же сословный духъ. Только дворянство 2-хъ провинцій (изъ 5) коснулось вопроса о расширеніи образовательныхъ средствъ, остальные же (въ томъ числѣ и дворяне Харьковской пров.), вовсе не поставили этого вопроса. Сумское дворянство, стоявшее въ этомъ отношеніи впереди другихъ и ходатайствовавшее объ учрежденіи двухъ новыхъ учебныхъ заведеній въ гор. Сумахъ, хотѣло одно изъ нихъ (высшее—университетъ) предоставить только дворянамъ, а второе (низшее) духовенству и разночинцамъ. Еще болѣе сдержаннымъ оказалось слободско-украинское дворянство въ области политическихъ вопросовъ и пожеланій. Проживъ болѣе столѣтія политическою жизнью, создавъ извѣстныя формы своего политическаго бытія, сохранивъ эти своеобразныя формы въ теченіе долгаго времени, не смотря на то, что они не гармонировали съ строемъ Московскаго гос. и Россійской имперіи при Петрѣ и его ближайшихъ преемникахъ, слободско-украинское дворянство не проявило въ наказахъ ни желанія удержать ихъ, ни попытки замѣнить ихъ чѣмъ-нибудь другимъ, болѣе подходящимъ къ условіямъ времени.

О внутренней автономіи дворянскіе наказы безмолствуютъ, хотя она существовала еще 3 года тому назадъ и хотя сама императрица вскорости даровала всѣмъ дворянамъ и горожанамъ значительныя привиллегіи по части сословнаго и мѣстнаго самоуправленія.

Сравнивая наказы слободско-украинскаго дворянства съ дворянскими наказами другихъ губерній, мы замѣчаемъ, что наибольшее сходство, по своему содержанію, они имѣютъ съ малороссійскими; но эти послѣдніе далеко превосходятъ ихъ опредѣленностью, ясностью пожеланій во всѣхъ отношеніяхъ и особенно въ политическомъ и культурно-просвѣтительномъ. Съ другими-же, русскими наказами харьковскіе сближаются только въ тѣхъ пунктахъ, которые касаются общихъ вопросовъ—напримѣръ, гражданскаго процесса, врачебнаго дѣла, просвѣщенія, хотя и здѣсь содержаніе ихъ довольно блѣдное.

Въ заключеніе вообще можно сказать, что наказы харьковскаго дворянства носятъ на себѣ печать переходнаго состоянія, которое переживалъ край и все общество; этимъ объясняется ихъ блѣдность, неопредѣленность, умолчанія о томъ, что не могло не волновать всѣхъ, неясность редакціи, оппортюнизмъ—въ этомъ ихъ наиболѣе характерная особенность и отличіе отъ другихъ. Но все-таки, какъ мы видѣли, сами по себѣ они очень интересны для характеристики современнаго общества, его нуждъ и желаній.

Назарій Александровичъ Каразинъ и его колоколъ [1]).

О жизни Назара Александровича Каразина, отца знаменитаго виновника основанія университета въ Харьковѣ Василія Назаровича, мы знаемъ очень мало. Намъ извѣстно только то, что сообщилъ о немъ Василій Назаровичъ въ примѣчаніи къ одной изъ своихъ статей. Между тѣмъ данныя о его жизни представляютъ интересъ и для уясненія сложнаго характера его сына; интересно поставить вопросъ, не вліяла ли на образованіе характера Василія Назаровича наслѣдственность и домашняя семейная обстановка. Слишкомъ необычайными для украинца (каковымъ всегда себя считалъ и называлъ Василій Назаровичъ) являются тѣ черты, которыми запечатлѣна дѣятельность этого выходца изъ южной Славянщины: это была безпокойная, бурная натура, человѣкъ, обладавшій огромнымъ запасомъ жизненной энергіи, не могшій сосредоточиться на чемъ-нибудь одномъ и переходившій постоянно отъ одного увлеченія къ другому. Такая же безпокойная натура была и у отца его, который на вѣку своемъ испыталъ не мало приключеній и злоключеній. „Говоря по-гречески и по-турецки, онъ получилъ отъ имп. Екатерины II-й порученіе отправиться секретно въ Турцію для осмотра и снятія плановъ крѣпостей. Это было предъ началомъ нашей войны съ Турціей. Назаръ Каразинъ былъ представленъ Императрицѣ, какъ хорошій инженерный офицеръ. Переодѣтый монахомъ, съ отрощенной бородой, съ просительною книгой въ рукахъ и съ боченкомъ воды за плечами (въ боченкѣ было четыре дна; между средними были спрятаны бумаги и чертежные инструменты) онъ отправился въ путь пѣшкомъ, проникъ въ глубь Турціи, все осмотрѣлъ, вывѣдалъ и снялъ на бумагѣ. Въ Адріанополѣ его схватили на разсвѣтѣ утра за работою, надъ съемкою какого-то бастіона. Онъ успѣлъ бросить боченокъ въ кусты. Но его чуть, по приказанію паши, не посадили на колъ. Онъ убѣжалъ изъ заключенія, доставилъ въ Россію свои замѣтки и планы и привелъ еще съ собою 3000 арнаутовъ, вслѣдъ за нимъ бросившихъ Турцію. Его сдѣлали ихъ начальникомъ, и съ этимъ отрядомъ онъ пошелъ предъ нашей арміей, открывшей войну съ невѣрными“ [2]). По выходѣ въ отставку онъ былъ награж-

[1]) Кіевская старина, 1892 г. №

[2]) Г. П. Данилевскій. Украинская Старина.

денъ помѣстьемъ въ Слободской Украйнѣ (ему пожаловано селеніе Кручикъ, въ нын. Богодуховскомъ уѣздѣ, Харьковской губ.). Проживая тамъ, онъ столкнулся съ своимъ сосѣдомъ, помѣщикомъ Ольховскимъ, который также служилъ въ военной службѣ и получилъ имѣніе въ Украйнѣ. Это былъ типъ буйнаго воина, не желавшаго разстаться со своими военными привычками и замашками даже въ мирномъ деревенскомъ уголкѣ. Наѣзды польской и западнорусской шляхты представляютъ всѣмъ хорошо извѣстную особенность польской исторіи XVI—XVII вв. Такія лица, какъ Самуилъ Лащъ, создали себѣ, можно сказать, вѣчную неувядаемую славу на этомъ поприщѣ. Даже выходцы изъ Московіи, вродѣ знаменитаго кн. А. М. Курбскаго, скоро входили во вкусъ наѣздовъ и обнаруживали въ нихъ энергію, которой могли позавидовать и туземцы. Въ лѣвобережной Малороссіи новое панство, подражая шляхетству Рѣчи Посполитой, также практиковало нерѣдко наѣзды на имѣнія своихъ сосѣдей, хотя, повидимому, не въ столь широкихъ размѣрахъ, какъ въ Правобережьѣ. Въ Слободской Украйнѣ своими наѣздами прославился выходецъ изъ Правобережной Малороссіи бѣлоцерковскій полковникъ изъ волоховъ Танскій. Ему вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими выходцами волохами—полковникомъ Кигичемъ, офицерами Жіяномъ, Бедрягой, а также рядовыми козаками и поляками—указано было жить въ м. Мурафѣ и устроить конскій заводъ. Но эти новые поселенцы стали причинять мѣстнымъ обывателямъ постоянныя обиды. Въ 1720 г. ротмистръ Жіянъ избилъ мурафовскаго священника и его сына; смотрителю казенной табачной фабрики въ Ахтыркѣ поручено было произвести слѣдствіе, но Танскій и Жіянъ уклонялись отъ него. Бригадиръ слободскихъ полковъ Осиповъ писалъ, что волохи причиняютъ наглые грабежи, обиды и раззоренія всѣмъ мурафовскимъ обывателямъ, отъ чего ихъ разошлось уже 70 дворовъ. Въ 1724 г. Ахтырскій полковникъ Лесевицкій выступилъ съ новою жалобою на волоховъ, заявляя, что полковникъ Танскій завладѣлъ многими землями обывателей, лѣсами и людьми, безнаказанно наноситъ побои и обиды, раззорилъ и сжегъ новопостроенную слободу Шаровку. Въ 1748 и 1749 годахъ полчане снова жаловались на Танскаго и его шайку гайдамаковъ, которая грозила истребленіемъ мурафовской козацкой сотни и между прочимъ снова раззорила сл. Шаровку и избила Краснокутскаго атамана [1]).

Новые выходцы въ Слободскую Украйну при Екатеринѣ, вродѣ Ольховскаго, являются какъ бы прямыми продолжателями Танскаго и его компаніи. Не будучи въ состояніи отстать отъ привычекъ, унаслѣ-

[1]) Филаретъ. Ист. стат. опис. Харьк. епархіи, III, 208—209.

дованныхъ въ безпрерывныхъ войнахъ, относясь высокомѣрно къ мѣстному населенію, которое отдавалось имъ въ подданные, ссорясь и враждуя съ сосѣдями помѣщиками, будучи неприготовлены къ мирнымъ сельскохозяйственнымъ занятіямъ, они являлись безпокойнымъ и необузданнымъ элементомъ среди мѣстнаго украинскаго общества. Въ этомъ послѣднемъ въ свою очередь не успѣли еще утвердиться новыя гражданскія учрежденія, явившіяся результатомъ реформаторской дѣятельности Евд. Щербинина. Слободская Украйна переживала переходной моментъ своего историческаго существованія: старый козацко-военный бытъ мало-по-малу замѣнялся гражданскимъ. Новыя правительственныя учрежденія ослабили значеніе мѣстныхъ, но сами въ свою очередь не успѣли приспособиться къ чуждой ихъ формамъ средѣ. Канцелярская процедура, запутанность правовыхъ нормъ, письменное производство дѣлъ оставляли надежду на безнаказанность болѣе сильнымъ и смѣлымъ. У новыхъ помѣщиковъ оставались въ распоряженіи военные контингенты, которыми они пользовались противъ личныхъ своихъ противниковъ. Такъ поступалъ, какъ увидимъ далѣе, Ольховскій.

О дѣяніяхъ Ольховскаго и о его борьбѣ съ Наз. Каразинымъ мы имѣемъ два рода матеріаловъ—мѣстныя преданія и архивныя бумаги. Любопытно ихъ сопоставить и провѣрить одни другими. Въ фамиліи самихъ Каразиныхъ сохранился слѣдующій разсказъ объ этомъ эпизодѣ, сообщенный намъ И. И. Каразинымъ „Мой дѣдъ, писалъ мнѣ Иванъ Ивановичъ Каразинъ, владѣлецъ с. Кручика, полковникъ русской службы Назаръ Александровичъ Каразинъ былъ сосѣдомъ извѣстнаго Саввы Петровича Ольховскаго, владѣльца с. Шаровки, которая теперь принадлежитъ Д. Х. Гебенштрейтъ. Савва Ольховскій былъ разбойничьяго нрава и про него въ памяти старожиловъ сохранились ужасы. Такъ, разсказываютъ, что у него въ подвалахъ гнили люди на цѣпяхъ, что земли Шаровки увеличены на счетъ разбоя. Дѣлался наѣздъ ночью на мелкаго владѣльца, который изгонялся изъ своего дома, вся усадьба сожигалась, тутъ же пускались плуги, вся земля вспахивалась и по времени года засѣвалась озимымъ, яровымъ, гречихой. И когда ограбленный пріѣзжалъ съ судомъ на мѣсто разслѣдовать дѣло (что, разумѣется, вслѣдствіе подкупности и страха судей дѣлалось не скоро), то на мѣстѣ усадьбы волновалась нива, что и служило подтвержденіемъ доказательства Саввы, будто бы здѣсь никогда никакой не было усадьбы и земля принадлежала ему. Савва оставался правъ и выигрывалъ дѣло. Сел. Мирное, принадлежащее Шаровкѣ, не носитъ ли названія Мирнаго, какъ послѣдствіе этихъ разбоевъ, оконченныхъ грошевымъ миромъ? Даже проѣздъ черезъ земли Саввы былъ опасенъ и дѣлался со страхомъ. Всѣмъ со-

сѣдямъ приходилось жутко отъ Саввы. И вотъ какимъ-то образомъ (въ памяти объ этомъ данныхъ не сохранилось) былъ задѣтъ мой дѣдъ-вояка неугомоннымъ Саввой! Изъ этого столкновенія вытекла формальная война съ пушками и вооруженными людьми. Пушки были очаковскія, маленькія, вѣроятно, привезенныя дѣдомъ съ войны. Было двадцать человѣкъ убитыхъ, и грозный Савва взятъ моимъ дѣдомъ въ плѣнъ и доставленъ въ тогда еще уѣздный городъ Краснокутскъ и за стражей помѣщенъ въ заточеніе. Но караулъ былъ ловко опоенъ водкой съ дурманомъ—и Савва бѣжалъ. Мой дѣдъ велѣлъ отлить колоколъ, на которомъ была также отлита физіономія Саввы съ такимъ расчетомъ, чтобы языкъ колокола, ударяя по немъ, приходился по лбу Саввы; а вокругъ колокола была сдѣлана слѣдующая надпись: „да вопіетъ о тебѣ, проклятомъ Саввѣ, кровь невинныхъ, пролитая тобой и черезъ тебя, проклятаго Савву“. Это происшествіе было въ концѣ царствованія Екатерины II-й. Когда вступилъ на престолъ Павелъ Петровичъ, то Савву вытребовали въ Петербургъ, гдѣ и высѣкли, а моему дѣду было приказано стереть непристойную надпись. Но, говорятъ, она такъ слабо стерта, что и до сихъ поръ ее можно прочитать“.

Отъ мѣстныхъ старожиловъ, при посредствѣ одного почтеннаго изыскателя слободско-украинской церковной старины, мы получили слѣдующія свѣдѣнія о церкви сел. Кручика и о занимающемъ насъ эпизодѣ. „Изъ храмозданной грамоты преосв. Аггея, епископа Бѣлгородскаго и Обоянскаго, хранящейся въ церкви и относящейся къ 1774 году, видно, что въ сел. Кручикѣ, состоявшемъ въ богодуховскомъ вѣдомствѣ и пожалованномъ полковнику Назару Каразину отъ Ея Имп. Вел. Екатерины II-й въ 1770 году, была уже церковь во Имя Честнаго и Животворящаго Креста Господня, деревянная, маленькая и за давностію лѣтъ ветхая. Въ томъ же 1770 году 31 декабря послѣдовалъ (вѣроятно, вслѣдствіе просьбы Назара Каразина) указъ Е Имп. Вел. изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода о томъ, что къ построенію вмѣсто ветхой новой деревянной церкви на иномъ удобномъ мѣстѣ препятствія никакого не оказывается (прежняя церковь стояла надъ рѣчкою Мерломъ и была подтоплена водою до половины ограды, а въ разливъ вода доходила до самаго фундамента). Въ силу этого указа преосв. епископомъ Агеемъ въ 1774 году 30 апрѣля дана грамота богодуховскому протопопу Димитрію Захаржевскому съ разрѣшеніемъ заложить въ сел. Кручикѣ вмѣсто прежней ветхой новую церковь на иномъ мѣстѣ. Почему нынѣ существующая деревянная церковь заложена въ 1774 году 14 сентября, а освящена 30 августа 1776 г. преосв. Аггеемъ во Имя Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста Господня. Когда же

построена была въ с. Кручикѣ прежняя церковь и съ какого времени существуетъ самое село Кручикъ—ничего не извѣстно. А такъ какъ въ 1770 году въ с. Кручикѣ была церковь уже ветхая, то можно полагать, что она построена въ концѣ 1600-хъ годовъ или же въ началѣ 1700-хъ. Нынѣшняя же церковь существуетъ уже 117 лѣтъ и, хотя была подважена въ 1840-хъ годахъ, но еще и теперь прочна; устроена въ формѣ креста и соединена посредствомъ придѣла съ колокольнею. Подъ церковью и колокольнею устроенъ склепъ, въ которомъ погребенъ умершій въ 1783 году 14 марта создатель церкви полковникъ Назарій Александровичъ Каразинъ [1]). На колокольнѣ отъ начала ея построенія были боевые часы, которыхъ уже давно нѣтъ, а колоколъ, къ которому они были приведены, до нынѣ цѣлъ. Вѣсомъ онъ въ 15 пудовъ; вокругъ него внизу литая надпись съ нѣкоторыми стертыми словами. Вотъ эта надпись въ ея нынѣшнемъ видѣ (стертыя мѣста обозначаются черточками): сей колоколъ . . . . . ющіе къ Богу людей . . . села Кручика и деревни Основинецъ . . . Васильевымъ сыномъ . . . . 1776 года августа 16 числа. Одинъ изъ потомковъ Н. Каразина поясняетъ эту надпись, какъ слышалъ отъ своей бабушки, внучки того Каразина, такъ: сей колоколъ *гласы вопіющіе* къ Богу людей *убіенныхъ* села Кручика и деревни Основинецъ *Саввою* Васильевымъ сыномъ *Ольховскимъ* (послѣднее слово хотя и стерто, но нѣкоторыя буквы замѣтны и по нимъ можно догадаться, что оно вѣрно) 1776 года августа 16 числа.

По какой же причинѣ сдѣлана надпись на колоколѣ и потомъ нѣкоторыя слова стерты—объясняютъ такъ. Помѣщики села Кручика Назарій Каразинъ и села Шаровки, отстающаго отъ Кручика на 10 в., Савва Ольховскій спорили между собою за какую-то землю, которою хотѣлось владѣть и тому и другому, и какъ ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ сдѣлать уступки, то рѣшили овладѣть ею силою, для чего и выставили на границу своихъ имѣній (смежныхъ между собою) своихъ крестьянъ, вооруженныхъ кольями; началась битва, въ которой съ обѣихъ сторонъ погибло много людей, но ольховцы все таки одолѣли. Тогда Каразинъ, въ отмщеніе Ольховскому за побѣду и въ память о своихъ побитыхъ людяхъ, вылилъ сей колоколъ съ означенною надписью и привелъ къ нему часы, чтобы всегда, во время ихъ боя, вспоминать о невинно погибшихъ своихъ людяхъ. По смерти же Назара Александро-

---

[1]) Въ 1820-хъ годахъ Вас. Наз. Каразинъ просилъ преосв. Павла дозволить ему приготовить для своего гроба мѣсто подъ церковью. Но такъ какъ для этого понадобилось бы вынимать на время изъ склепа находившіеся тамъ гробы, то преосв. Павелъ на основаніи одного Синодальнаго указа отказалъ Каразину [въ его просьбѣ. Подлинное прошеніе В. Н. Каразина хранится въ консисторскомъ архивѣ.

вича Каразина, послѣдовавшей въ 1783 году 14 марта, сынъ его Василій Назаровичъ изгладилъ изъ той надписи нѣкоторыя слова, чтобы и самому забыть и чтобы потомки не знали о враждѣ, бывшей между его отцомъ и сосѣднимъ помѣщикомъ.

Въ церкви находится эпитафія Назарію Каразину, написанная по преданію философомъ Сковородою. Она помѣщается въ церкви а не надъ гробомъ, потому что хода въ склепъ не имѣется. Эпитафія написана на простой деревянной доскѣ, окрашенной черною краской, славянскими буквами, нѣкогда красными, а теперь уже побѣлѣвшими. Эта доска прежде стояла въ алтарѣ на задней сторонѣ иконостаса, а теперь въ церкви, на лѣвомъ клиросѣ, съ задней стороны заклироснаго кіота. На этомъ видномъ мѣстѣ поставлена она для того, чтобы всякому желающему можно было прочитать эту эпитафію".

Въ общихъ чертахъ эти преданія сходны, но въ подробностяхъ (и даже весьма существенныхъ) заключаютъ въ себѣ непримиримыя противорѣчія; кромѣ того, они все таки оставляютъ въ этомъ дѣлѣ много неяснаго. Къ счастію, мы имѣемъ еще и документальныя данныя, отчасти подтверждающія, отчасти дополняющія и исправляющія устныя сообщенія. Харьковское намѣстническое правленіе отправило преосв. Ѳеоктисту, епископу бѣлгородскому, оффиціальное извѣщеніе (въ 1795 году), въ которомъ просило объ освидѣтельствованіи колокола съ надписью въ с. Кручикѣ. Дѣло началось по жалобѣ, поданной въ правленіе Ольховскимъ на уѣзднаго предводителя дворянства Николая Куликовскаго. Послѣдній въ двухъ своихъ оффиціальныхъ прошеніяхъ, представленныхъ въ намѣстн. правленіе и уголовную палату, между прочимъ написалъ, что Ольховскій не только не заслуживаетъ никакого довѣрія, но даже не можетъ быть терпимъ въ обществѣ честныхъ людей, такъ какъ правительствующій сенатъ въ 1781 г. присудилъ его къ лишенію чина, содержанію на хлѣбѣ и водѣ и церковному покаянію за избіеніе подданныхъ черкасъ села Кручика, а Каразинъ въ память объ этомъ поступкѣ его вылилъ колоколъ со слѣдующею надписью: „сей колоколъ кровь вопіющая къ Богу людей побитыхъ села Кручика и дер. Основинецъ Саввою Васильевымъ сыномъ Ольховскимъ" (1776 г.); сверхъ того, въ краснокутскомъ уѣздномъ судѣ производилось дѣло объ убійствѣ Ольховскимъ казеннаго обывателя слоб. Мурафы, при чемъ, во время повальнаго обыска, произведеннаго дворянами, о немъ былъ данъ неодобрительный отзывъ. Ольховскій заявлялъ, что все это вымыслы, пасквили, за которые Куликовскаго нужно отдать подъ судъ; они порочатъ его честь, какъ депутата, и вмѣстѣ съ тѣмъ недостойны предводителя дворянства, какъ это видно изъ устава благочинія (11-го отдѣленія 271-й статьи). За эти ругатель-

ства и за распространеніе пасквиля на металлѣ нужно отослать Куликовскаго подъ судъ, а съ самимъ пасквильнымъ колоколомъ поступить по всей строгости законовъ (сжечь); до тѣхъ же поръ, пока начнется слѣдствіе, нужно немедленно предписать краснокутскому нижнему земскому суду и капитану-исправнику объ изслѣдованіи пасквильной надписи, о снятіи колокола съ колокольни и о храненіи его при судѣ; но такъ какъ этотъ пасквильный колоколъ хранился при церкви, то слѣдуетъ подвергнуть законной отвѣтственности и церковнослужителей „за храненіе при божественномъ толико непотребной, но паче противной божественнымъ и монаршимъ законамъ вещи", ибо этотъ „колоколъ не о молитвѣ ко исправленію, но на тяжкое имени его, Ольховскаго, поруганіе, ко услажденію противящихся божественнымъ и монаршимъ нравоученіямъ сердецъ гласомъ злобы вопіетъ, чему при храмѣхъ Божіихъ быть не должно". Въ этой жалобѣ Ольховскій, какъ мы видимъ, категорически не отрицаетъ возведенныхъ на него обвиненій, а только находитъ, что ругательная надпись на церковномъ колоколѣ оскорбляетъ религію и государство. Намѣстническое правленіе, конечно, не могло оставить этого извѣта безъ послѣдствій и дало дѣлу законный ходъ. Оно прежде всего обратилось въ уголовную палату съ запросомъ, возможно-ли послѣ всего этого Куликовскому и Ольховскому оставаться при ихъ должностяхъ; затѣмъ направило дѣло объ оскорбленіи на письмѣ Куликовскимъ Ольховскаго въ волковскій уѣздный судъ, а краснокутскому нижнему земскому суду предписало изслѣдовать вмѣстѣ съ депутатомъ отъ духовнаго правл. надпись на колоколѣ въ с. Кручикѣ; кромѣ того, обо всемъ этомъ было сообщено для зависящихъ распоряженій преосвящ. Ѳеоктисту, епископу Бѣлгородскому и Курскому. Бѣлгородская духовная консисторія предписала Краснокутскому духовному правленію осмотрѣть колоколъ, что было и исполнено. Оказалось дѣйствительно, что на большомъ колоколѣ снаружи при краяхъ имѣются вылитыми такія слова: „сей колоколъ кровь вопіющая къ Богу людей побитыхъ села Кручика и деревни Основинецъ Саввою Васильевымъ сыномъ Ольховскимъ 1776 г. августа 15 дня". Къ этому колоколу былъ прикрѣпленъ часовой молотъ, который билъ часы въ слово имени Саввы: священники и церковнослужители обязаны были подпиской о сохраненіи колокола. Все это происходило въ 1795 году.

Назаръ Александровичъ Каразинъ прибѣгнулъ къ своему оригинальному мщенію, повидимому, только послѣ того, какъ не могъ добиться управы надъ Ольховскимъ обычными средствами суда. О его попыткахъ въ этомъ отношеніи даютъ нѣкоторыя свѣдѣнія два дѣла, хранящіяся въ Харьковскомъ историческомъ архивѣ. (Харьковское отдѣленіе, VI,

№ 286 и 188). Столкновенія между Ольховскимъ и Каразинымъ начались въ 1775 г. Савва Ольховскій, бывшій тогда капитаномъ козловскаго пѣхотнаго полка, проживалъ въ своемъ селѣ Шаровкѣ; онъ не исполнялъ никакихъ служебныхъ обязанностей, а все свое время посвящалъ хожденію по дѣламъ въ Ахтырской провинціальной и въ слободскоукраинской губернской канцеляріяхъ, вотчинномъ департаментѣ и межевой конторѣ; но при немъ всетаки проживала и военная команда, что давало ему огромное преимущество передъ другими мирными помѣщиками-сосѣдями. Между прочимъ Ольховскій въ январѣ 1775 г. ночью прислалъ къ мельницѣ Каразина, находившейся въ чертѣ его земельныхъ владѣній на р. Мерлѣ, своего прикащика Данила Мещерякова съ командою болѣе 20 чел., вооруженныхъ ружьями, копьями и дубинами; они разломали въ избѣ двери и окна и избили четырехъ человѣкъ подданныхъ Каразина и захватили ихъ съ собою въ Шаровку. Затѣмъ въ августѣ мѣсяцѣ того же года, по приказанію Ольховскаго, прикащики его Григорій Васильевъ да крѣпостной Митька съ шаровскими и мураховскими подданными захватили семь скирдъ сѣна, накошеннаго людьми Каразина на его собственныхъ поземельныхъ дачахъ, а на другую ночь снова воровски увезли 6 скирдъ сѣна изъ хутора Каразина Мандричина. Каразинъ сдѣлалъ заявленіе объ этомъ краснокутскому коммиссарскому правленію, вахмистръ котораго Андрей Чаговецъ вмѣстѣ съ понятыми прослѣдилъ движеніе подводъ съ сѣномъ въ Шаровку. Ахтырская провинціальная канцелярія потребовала къ отвѣту Ольховскаго, но тотъ объявилъ, что не явится, такъ какъ находится здѣсь по казенному дѣлу для покупки на полкъ воловъ и лошадей, при этомъ прибавилъ, что провинціальная канцелярія имѣетъ въ своей инструкціи „вздоръ и бредню“. Каразинъ указывалъ, что это однѣ отговорки, и что Ольховскій, проживая здѣсь съ командою, только даромъ получаетъ жалованье.

Въ 1776 г. послѣдовалъ новый ночной наѣздъ Ольховскаго на хуторъ Каразина, наѣздъ, имѣвшій характеръ настоящаго нападенія. На этотъ разъ Ольховскому помогала и мать его Татьяна Абазина. Дѣло окончилось тѣмъ, что двое подданныхъ Каразина было убито, а двадцать девять ранено и изувѣчено, захвачено было также много разныхъ пожитковъ. Началось оффиціальное слѣдствіе, которое тянулось до 1779 года; но и въ этомъ году не было еще вполнѣ закончено: состоялась только сентенція (т. е. мнѣніе) слободско укр. губ. канцеляріи, которая должна была еще пойти на апробацію малорос. ген. губ. П. А. Румянцева-Задунайскаго, а, можетъ быть, и Правительствующаго Сената.

Каразинъ сообщаетъ намъ содержаніе этой сентенціи, но насколько его сообщеніе соотвѣтствуетъ дѣйствительности—сказать трудно по не-

имѣнію прямыхъ положительныхъ данныхъ. Впрочемъ, косвенныя соображенія приводятъ насъ къ убѣжденію, что онъ былъ близокъ къ истинѣ. Дѣло въ томъ, что слоб. укр. губ. канцелярія жаловалась Румянцеву за разглашеніе ея сентенціи, но при этомъ не заявляла, чтобы Каразинъ невѣрно изложилъ дѣло. Каразинъ же писалъ, что мать Ольховскаго, Абазина присуждена была къ тѣлесному наказанію, самъ же Ольховскій бѣжалъ въ Петербургъ, чтобы выхлопотать тамъ себѣ апелляцію. Дѣло, очевидно, должно было окончиться серьезно для обвиняемыхъ. Это видно между прочимъ и изъ тѣхъ рѣшительныхъ мѣръ пресѣченія, которыя принимали слободско-украинская губ. канцелярія противъ матери Ольховскаго. Когда рѣшеніе состоялось, губ. канцелярія распорядилась „съискать Абазину и содержать до конфирмаціи приговора ее при губ. канц. подъ карауломъ“. Для взятія ея подъ стражу былъ отправленъ въ деревню Шаровку прапорщикъ Ивковъ съ 4 солдатами и унтеръ-офицеромъ; но порученія своего онъ не могъ исполнить, потому что она . . . оказалась опасно больна. Прапорщику Ивкову не повѣрили и послали лѣкаря Михайловскаго, который нашелъ, что обвиняемая находится уже въ преклонномъ возрастѣ, болѣзненнаго сложенія и, кромѣ того, страдаетъ маточными болѣзнями. Вслѣдствіе такого заявленія Ивкову поручено было остаться у Абазиной, ожидать ея поправленія, чтобы представить въ Харьковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ тайно слѣдить за тѣмъ, не появится ли у матери сынъ—и тогда арестовать и его. Но прапорщику Ивкову сдѣлалось, очевидно, скучно проводить время у старушки Абазиной, и онъ проситъ объ освобожденіи его отъ этой обязанности, ссылаясь также на тяжкую болѣзнь. Тогда на смѣну прапорщику Ивкову отправили прапорщика Кумикина, который также долженъ былъ ожидать выздоровленія майорши Абазиной. И онъ ждалъ, и не скучалъ, и не болѣлъ. Но Каразину надоѣло ожиданіе; онъ, очевидно, не вѣрилъ въ болѣзнь Абазиной и полагалъ, что харьк. губ. канцелярія и прапорщики потворствуютъ отвѣтчицѣ. И вотъ онъ пишетъ челобитную на имя Румянцева, въ которой проситъ взять подъ стражу Абазину, иначе она можетъ убѣжать подобно своему сыну. Каразинъ, вѣроятно, хорошо зналъ старую майоршу и имѣлъ основаніе думать, что она можетъ обнаружить ловкость въ побѣгѣ, равную храбрости въ „гвалтовномъ наѣздѣ“. Да и сама губ. канцелярія также, очевидно, была высокаго мнѣнія о доблести и рѣшительности Абазиной въ военныхъ стычкахъ, ибо рекомендовала извѣстнымъ уже намъ прапорщикамъ обратиться за помощью и содѣйствіемъ къ мураховскому казенному управленію.

Получили ли въ концѣ концовъ должное возмездіе отъ Немезиды Ольховскій и его мать, изъ документовъ ясно не видно. Можно пола-

гать, что Ольховскій получилъ, но съ точки зрѣнія Наз. Каразина недостаточное. О характерѣ наказанія можно судить изъ приведеннаго выше отзыва Куликовскаго. Онъ въ прошеніи своемъ, какъ мы видѣли, заявлялъ, что Сенатъ въ 1781 г. присудилъ Ольховскаго за избіеніе Каразинскихъ подданныхъ къ лишенію чина, заключенію на хлѣбъ и воду и церковному покаянію. Мы скорѣе допускаемъ эту версію, чѣмъ ту легенду, которая сохранилась въ устной передачѣ (что Ольховскаго высѣкли въ Петербургѣ); быть можетъ, поводомъ къ этому разсказу о сѣченіи Ольховскаго послужило преданіе о приговорѣ надъ его матерью Абазиной, которая, какъ мы знаемъ изъ прошенія Наз. Каразина, была присуждена къ этому наказанію. Какъ бы то ни было, Наз. Каразинъ считалъ наказаніе, постигшее Ольховскаго, недостаточнымъ и рѣшилъ еще наказать нравственно. Мы, конечно, принимаемъ ту редакцію надписи на колоколѣ, какую намъ оставили слѣдователи; эпитета „проклятый“ (Савва) въ ней не было.

Не такъ давно въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ была напечата статья объ „историческихъ“ колоколахъ въ Россіи. Къ цѣлой серіи достопримѣчательныхъ колоколовъ, тамъ описанныхъ, мы прибавили еще одинъ, „Каразинскій“, который, по справедливости, долженъ занять тамъ довольно почетное мѣсто.

Помѣщаемъ новыя свѣдѣнія о пожалованіи отцу Василія Назаревича с. Кручика и д. Основинцы и его Эпитафію, сообщенную о. Н. Лащенкомъ. Предки В. Н. были греки. Семейство это переселилось при Петрѣ Вел. Отецъ Василія Назаревича «маіоръ, а въ послѣдствіи полковникъ Назаръ Каразинъ былъ употребленъ въ 1768 и слѣдующихъ годахъ, до открытія турецкой войны, въ секретныя посылки и негоціаціи въ Молдавію, Валахію и Морею. Великій графъ Румянцевъ-Задунайскій жаловалъ его лично, удостоивалъ своими письмами даже послѣ его отставки, а Екатерина II-я наградила недвижимымъ имѣніемъ». (*Г. П. Данилевскаго. Украинская Старина. X. 1866, стр. 101—102*). Вотъ объ этомъ то пожалованіи помѣстья мнѣ удалось найти данныя въ одномъ дѣлѣ Харьковскаго историческаго архива. (*«Дѣло о пожалованіи полковнику Каразину изъ отписныхъ дворцовыхъ вотчинъ села Кручика и дер. Основинцы въ вѣчное и потомственное владѣніе»*.

7 іюня 1770 г. Императрица Екатерина II-я именнымъ указомъ сенату пожаловала полковнику Каразину изъ описныхъ дворцовыхъ маетностей въ Ахтырской провинціи Слоб. укр. губ. деревню *Гниловку*, въ которой считалось 26 дворовъ и 140 душъ крестьянъ.

Но по справкамъ въ Ахтырской провинціальной канцеляріи оказалось слѣдующее. Дер. Гниловка, иначе Добренская, входила въ составъ

имѣній, принадлежавшихъ раньше б. ахтырскому полковнику Перекрестову. Имѣнія его, какъ извѣстно, были конфискованы и затѣмъ въ 1749 г. отданы въ аренду управляющему гр. Алексѣя Григорьевича Разумовскаго Василію Ольховскому и находились въ арендѣ у графа до 1765 года. Въ этомъ же году они были причислены къ дворцовымъ волостямъ, но никакихъ документовъ на дер. Гниловку и на подданныхъ черкасъ, нигдѣ не оказалось. Въ 1768 г. 127 д. крестьянъ малороссіянъ изъ д. Гниловки было переведено въ дворцовое село Яблучное, а земли Гнилицкія переданы были однодворцамъ, такъ что въ 1769 г. д. Гниловка находится въ вѣдѣніи Вольновской воеводской канцеляріи. Въ виду всего этого 19 ноября 1770 г. послѣдовалъ новый Высочайшій указъ о пожалованіи Каразину въ вѣчное и потомственное владѣніе вмѣсто дер. Гниловки с. *Кручика* и дер. *Основицы* изъ описныхъ же дворцовыхъ вотчинъ Ахтырской провинціи Слоб. укр. губ. Въ с. Кручикѣ считалось 244 д., а въ д. Основицы 187 д.

Эпитафіумъ, тоесть надгробная надпись въ краестрочіяхъ верхнихъ такихъ: Назару Александровичу господину полковнику. Въ нижнихъ такихъ: Каразину вѣчная память буди и буди и упокоеніе. Стихами сочиненная. Противу коихъ по приличію означены времена Его высокоблагородія рожденія, дѣйствій и преставленія.

На тлѣнность, путникъ! зря сей жизни,
Вознися зракомъ сихъ стиховъ;
А умный взоръ возведъ къ отчизни,
Атлантскихъ выспреннихъ вѣковъ;
Зри тамо мужа духъ взесенный,
Родовъ селитъ гдѣ вѣрна часть;
А тѣла храмъ здѣ погребенный
Сихъ такъ рѣшила вышня власть.

} Родился въ 1731-мъ году Октября 14 дня

Раба кто вѣрнаго представитъ
Закону Божію во всемъ,
Узрѣть возможетъ и прославитъ
Изъ дѣлъ трудовъ пребывшихъ въ немъ
А буди вѣренъ кто державѣ
Найтить желаетъ въ комъ пряму,
Льсти всякія кромѣ, кославѣ,
Уступитъ истину ему.

} Вступилъ въ военную службу въ 1760 году.

Екатерина, въ немъ, вторая,
Внявъ героическимъ трудамъ,

} Въ прусскую баталію раненъ въ ногу.

Самымъ онъ кои простирая
Единъ опаснымъ шелъ странамъ.
А сверхъ другихъ заслугъ достойныхъ,
Чтобъ скиптру славу пріобрѣсть:
На варваровъ съ числомъ войскъ стройныхъ,
Нашедъ взялъ Городъ Бухорестъ.
Показанную въ службѣ ревность
Августа наша Росска Мать
Размѣрнымъ даромъ всяку вѣрность,
Вкъ фебъ обыкша награждать:
Основинцы и Крючикъ села
Пожаловала въ родъ Ему.
Вотъ мзда достойна вѣрна дѣла,
А чинъ есть красотой тому.
И что жъ въ престанищахъ селенныхъ
Могло въ покои сердце быть,
Чтобъ труденъ подвиговъ военныхъ
Времъ сложивши отпочить
Удивишся читатель мужу
Ты какъ Его представишъ духъ.
Идѣ сверкнетъ взоръ внутрь иль наружу
Блажить его твой будетъ слухъ.
О трудъ святый! достойный вѣры,
Же и мѣсто гдѣ стоишь,
Святый сей храмъ тебя безмѣры
Дивить и все, что въ немъ ты зришъ;
Поидиже въ домъ и въ вертограды
Икономически дѣла.
Онъ учредилъ всему преграды
И все рука его ввела
Достоинъ дѣлатель мзды! воскликнемъ.
Богъ всѣмъ его благословилъ.
И въ качества когда ты вникнешъ
Устроенъ совѣстными былъ.
Нерадовался о неправдѣ,
На вѣрный истинѣ былъ другъ.
Устнами приводилъ къ отрадѣ
И чистъ имѣлъ отъ лести духъ.
Простъ нравомъ, но умъ обиленъ,
Искусенъ въ дѣлѣ, домовитъ.

Въ турецкую войну посыланъ по секрету.

Взялъ турецкій городъ Бухарестъ въ 1769 году.

Пожалованъ въ отставку полковникомъ съ награжденіемъ 6 тысячъ руб. и вотчинъ въ 1770 году, въ кои и прибылъ въ 1771 году въ генварѣ.

Построилъ домъ въ 1773 году.

Заложена Церковь въ 1774 году, освящена въ 76 году августа 30 дня освящалъ Преосвященный Аггей Епископъ Бѣлгородскій.

Отецъ для странныхъ былъ умиленъ
Сбогимъ вѣрный фаворитъ.
Лукавствъ и лести презиратель,
Пріятель къ добродушнымъ былъ;
Къ просящимъ въ нуждахъ щедръ податель
Осиротѣвшимъ пособилъ.
О мужа мзды достоина вѣчной,
Кто развѣ не апробовалъ!
Въ немъ силы сихъ даровъ сердечной,
Онъ чтобъ того въ немъ не призналъ.
Но ахъ какъ только жить казался,
Его другой восхитилъ вѣкъ.
И въ половинѣ лѣтъ скончался,
На будущую жизнь претекъ.
Какъ сіи зришь стихи читатель
И зря на общій всѣмъ залогъ
Усердно помолись: Создатель
Его да упокоитъ Богъ.

Преставился въ 1783 году, Марта 14, во 2 часу сполдня, погребенъ 16-го Ахтырскаго монастыря Архимандритомъ Венедиктомъ со священнымъ соборомъ и съ надлежащею церемоніею.

Иванъ Ивановичъ Перекрестовъ [1]).

Иванъ Ивановичъ Перекрестовъ, стольникъ и полковникъ Ахтырскаго Слободскаго полка, видный дѣятель Слободской Украйны конца XVII и начала XVIII вѣка. Въ характерѣ П. ярко отразились черты вѣка: военныя доблести въ немъ сочетались съ такою страстью къ стяжанію, которая приближаетъ его къ стяжателямъ лѣвобережной Малороссіи, талантливо очерченнымъ въ очеркахъ А. М. Лазаревскаго. И сходство здѣсь не случайное: одинаковыя причины порождали одинаковыя слѣдствія. Внутреннее (соціально-экономическое) состояніе Слободской Украйны въ это время сильно напоминаетъ намъ такое же положеніе гетманской Малороссіи; въ частности сходство распространяется и на полковницкій режимъ; разница была только въ томъ, что въ Слободской Украйнѣ не было даже той высшей мѣстной власти, которую представлялъ изъ себя въ Малороссіи гетманъ: она замѣнялась властью Бѣлгородскаго воеводы, который, конечно, не могъ вмѣшиваться во внутренніе распорядки въ такой мѣрѣ, какъ гетманъ. Выборное начало въ Слободской Украйнѣ также постепенно осложнялось, какъ и въ гетманщинѣ; вліяніе „полчанъ“, т.-е. рядовыхъ казаковъ отступило на задній планъ. Въ такое-то время пришлось дѣйствовать ахтырскому полковнику

[1]) Русскій Біографическій Словарь Имп. Рус. Ист. Общ.

Ивану Ивановичу Перекрестову, одаренному, повидимому, значительными военными способностями и огромной энергіей. Благодаря имъ, онъ и возвысился до важнаго полковничьяго ранга. Отецъ его былъ, вѣроятно, такимъ же выходцемъ изъ Заднѣпровья, какъ и другіе слобожане; въ актахъ 1665 и 1681 гг. упоминается черкашенинъ Иванъ Яковлевичъ Перекрестовъ; фамилія его свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ былъ выкрещенный еврей. Сынъ его началъ казацкую службу еще при Алексѣѣ Михайловичѣ и продолжалъ ее при царѣ Ѳеодорѣ. Въ началѣ 80-хъ годовъ XVII в. (въ 1681 г.) мы видимъ его уже Ахтырскимъ полковникомъ. Царская жалованная грамота 1686 г. велитъ ему быть по прежнему полковникомъ ахтырскимъ по выбору всѣхъ полчанъ и въ судныхъ и во всякихъ дѣлахъ исправку чинить по старымъ казацкимъ обыкновеніямъ. Грамота 1685 г. отмѣчаетъ тотъ фактъ, что Ахтырскій полковникъ постоянно оберегаетъ границы своего полка отъ татарскихъ набѣговъ, самъ чинитъ надъ ними промыслъ и посылаетъ для наблюденія за татарами и поляками своихъ казаковъ въ Заднѣпровье. Перекрестовъ со своимъ полкомъ принималъ участіе въ неудачныхъ крымскихъ походахъ кн. В. В. Голицына; особенно пострадали его казаки во второмъ походѣ 1689 г.: изъ двухъ Слободскихъ полковъ (Ахтырскаго и Сумскаго) послѣ нападенія на нихъ татаръ у Черной долины осталось въ живыхъ всего 250 человѣкъ, а самъ полковникъ ахтырскій былъ раненъ въ плечо. Дѣятельное участіе Перекрестовъ принималъ и въ Великой Сѣверной войнѣ. Царь Петръ въ награду за это сдѣлалъ сына Ивана Ивановича Даніила (см. выше) помощникомъ отцу по части полкового управленія; это давало ему право надѣяться занять впослѣдствіи мѣсто отца. Но вышло совсѣмъ иначе. Въ 1704 г. Ив. Ив. Перекрестовъ былъ отстраненъ, по Высочайшему повелѣнію, отъ полковничьяго уряда, а всѣ огромныя имѣнія его были отобраны отъ него въ казну. Въ 1714 г. онъ жилъ въ загонѣ въ своемъ небольшомъ хуторѣ. Въ 1721 г. началось дѣло о расхищеніи описныхъ перекрестовскихъ маетностей, а вслѣдъ затѣмъ и его самого потребовали къ отвѣту по какимъ-то дѣламъ въ Архангельскъ. Онъ лежалъ въ это время на смертномъ одрѣ; объ этомъ сообщили начальству, тѣмъ не менѣе велѣно было исполнить данный приказъ—и старецъ скончался на пути.

Причины этихъ гоненій не вполнѣ ясны, но онѣ, кажется, лежатъ въ стяжательности самого Ив. Ив. Перекрестова. Ахтырскій полковникъ слишкомъ быстро уже хотѣлъ нажиться и не пренебрегалъ никакими средствами для достиженія своей цѣли. Мы имѣемъ обширную челобитную ахтырскихъ полчанъ на обиды и притѣсненія Ив. Ив. Перекрестова (1692 г.). Тутъ мы находимъ, между прочимъ, слѣдующую жа-

лобу и обвиненіе. Онъ, по словамъ жалобщиковъ, отдалъ селеніе Пѣвни съ казаками въ подданство своему родственнику также перекресту (т.-е. выкресту) Семену Вугаенку, который отягощалъ ихъ несносными работами; затѣмъ слѣдуетъ 25 пунктовъ челобитной, въ которыхъ говорится о грабежѣ движимаго имущества, захватѣ недвижимости, бояхъ, вымогательствахъ и другихъ аналогичныхъ обидахъ. Впрочемъ, нужно сознаться, что жалобы эти исходили отъ личныхъ противниковъ Перекрестова, желавшихъ низвергнуть его изъ полковничьяго уряда, главнымъ образомъ отъ бывшаго наказного ахтырскаго полковника Андрея Прокофьева. Претендентомъ на ахтырское полковничество являлся въ это время сынъ сумскаго полковника Романъ Герасимовичъ. Борьба была очень напряженная. Въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи мы нашли столбцы, заключающіе въ себѣ подробности этого столкновенія двухъ выдающихся слободско-украинскихъ фамилій. Изъ прочтенія ихъ мы вынесли впечатлѣніе, что все дѣло было въ личностяхъ претендентовъ; полчане играли тутъ роль орудія въ рукахъ той или другой стороны. По крайней мѣрѣ, мы нашли двѣ челобитныя полчанъ— діаметрально противоположнаго содержанія: въ одной говорится о притѣсненіяхъ Перекрестова, а въ другой заявляется, что Ив. Перекрестовъ „къ старшинѣ и казакамъ держитъ ласку и привѣтъ и расправу чинить въ правду“ и „опричь его другого такого разумнаго человѣка нѣтъ“. Перевѣсъ въ борьбѣ оказался на сторонѣ Ив. Перекрестова, между прочимъ и потому, что за него былъ Бѣлгородскій воевода Борисъ Петровичъ Шереметевъ. Когда къ Шереметеву явился Романъ Кондратьевъ поздравить съ праздникомъ, по своему черкасскому обыкновенію, то онъ, по наговорамъ Перекрестова, началъ его бить смертнымъ боемъ, за волосы далъ и топталъ, раскровавилъ носъ и ротъ и выбилъ ребро; и все это дѣлалось слободскому полковнику въ присутствіи многихъ русскихъ начальныхъ людей и иноземцевъ, въ томъ числѣ и самого Ив. Перекрестова. Такъ велика была теперь уже власть Бѣлгородскаго воеводы! О причинѣ благорасположенія начальныхъ людей къ Перекрестову догадаться не трудно: онъ былъ очень богатый человѣкъ и могъ, конечно, по обычаю того времени, хорошенько ихъ одаривать. Романъ же Кондратьевъ, по выраженію акта, не имѣлъ даже въ Ахтыркѣ собственнаго двора и проживалъ „въ сосѣдяхъ“. Печальна была судьба Перекрестовскихъ имѣній: они были расхищены и только небольшая часть ихъ попала въ руки сына Ив. Ив —Даніила и дочери, вышедшей замужъ за Ѳедора Гречанаго. Внукъ Ивана Ивановича—*Василій Даниловичъ* Перекрестовъ женился впослѣдствіи на вдовѣ одного

изъ Осиповыхъ, разбогатѣлъ, выступилъ подъ именемъ Перекрестова-Осипова, конкурентомъ Ив. Ив. Кондратьева на сумское полковничество— и теперь повторилась такая же борьба, какая нѣкогда имѣла мѣсто между ихъ предками.

«Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта Харьковской и сосѣднихъ губерній» Д. И. Багалѣя, I. стр. 163—169, Филаретъ. «Историко статистическое описаніе Харьковской епархіи», III, стр. 35—47 и др.; ср. также статью А. Д. Твердохлѣбова: «Наслѣдственное полковничество» въ «Кіевской Старинѣ» 1887 г., май, стр. 152—170, «Розыскныя дѣла о Ѳ. Шакловитомъ и его сообщникахъ», 1884.

Ѳеодоръ Григорьевичъ Донецъ-Захаржевскій [1].

Ѳеодоръ Григорьевичъ Донецъ-Захаржевскій—изюмскій полковникъ. Съ ранняго возраста онъ принималъ участіе въ походахъ своего отца, который старался закалить ребенка и пріучить его къ военной дисциплинѣ, необходимой ему въ будущемъ. Ѳеодоръ участвовалъ съ отцомъ и братомъ въ Перекопскомъ походѣ подъ предводительствомъ кн. В. В. Голицына, а также въ битвахъ съ татарами на р. Торѣ, въ Маякахъ, при Изюмѣ, причемъ нерѣдко онъ замѣнялъ своего отца и брата. Преслѣдуя татарскія орды, разграбившія Зміевъ, Лиманъ и др., Захаржевскіе вмѣстѣ со своими войсками перенесли тяжелый походъ. Обезсиленные утомительнымъ переходомъ по безводной степи, казаки не могли даже слѣзть съ лошадей, а для утоленія жажды жевали оловянныя пули, чтобы вызвать отдѣленіе слюны. Уже будучи стольникомъ-полковникомъ, Ѳедоръ Захаржевскій освободилъ свой край отъ вторгшагося въ него султана Нуррадина, разгромившаго Харьковскій полкъ и другія мѣста Слободской Украйны въ 1693 г. Побѣда подъ предводительствомъ боярина Шереметева и блестящее преслѣдованіе орды Ѳедоромъ Захаржевскимъ, а также участіе его во взятіи штурмомъ Тавана и въ походѣ подъ Кизикермень были оцѣнены по достоинству Московскимъ царемъ въ 1695 г. Иванъ Захаржевскій, братъ Ѳеодора, былъ въ этомъ походѣ, но, узнавъ о смертельной болѣзни своей матери, возвратился обратно. Во время морского похода къ Кизикерменю подъ предводительствомъ гетмана Ивана Мазепы, Ѳеодоръ снарядилъ 10 струговъ на средства своего полка, а самъ двинулся къ границѣ защищать ее отъ татаръ. Въ погоню за ними былъ посланъ братъ его, Иванъ, но догнать ихъ ему не удалось. Вскорѣ же пришлось защищать Изюмскій полкъ. Разгоравшаяся война со Швеціей привлекла къ участію въ ней и Ѳеодора За-

---

[1]) Рус. Біогр. Словарь.

харжевскаго съ его казаками. Ѳеодоръ умеръ на р. Самарѣ во время похода, но тѣло его перевезено въ Харьковъ и положено въ Покровскомъ монастырѣ. По ходатайству Ѳеодора въ Харьковѣ уничтожено воеводское управленіе.

Насколько велика была популярность Григорія и его сыновей можно судить по тому, что послѣ смерти Ѳеодора полчане подали челобитную о назначеніи харьковскимъ полковникомъ зятя Гр. Д.—Ѳ. В. Шидловскаго, мотивируя тѣмъ, что сынъ Ѳеодора малолѣтенъ, а посторонній полковникъ можетъ раззорить полки, которые такъ усердно созидалъ Григорій Донецъ и его сыновья,—и просьба ихъ была уважена.

КРИТИКО-БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ.

I.

Къ исторіи заселенія и хозяйственнаго быта Воронежскаго и Курскаго края.[1])

(Отзывъ, составленный по порученію Имп. Академіи наукъ, объ изслѣдованіи И. К. Миклашевскаго: «Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства». Часть I. Заселеніе и сельское хозяйство южной окраины XVII в. М. 1894 г.).

Глава I-я. Задача, источники, пособія, пріемы изложенія и планъ автора.

Разбираемая книга представлена была авторомъ въ качествѣ диссертаціи на степень магистра сельскаго хозяйства, но оффиціальными оппонентами на диспутъ были приглашены, кромѣ представителя каѳедры сельскаго хозяйства, еще спеціалистъ-экономистъ (профессоръ Чупровъ) и спеціалистъ-историкъ (профессоръ русской исторіи Милюковъ). Уже отсюда видно, что сочиненіе это имѣетъ прямое отношеніе не только къ сельскому хозяйству, но и къ статистикѣ, и къ русской исторіи. Къ этому выводу приводитъ насъ и содержаніе книги; во введеніи самъ авторъ выясняетъ задачу и характеръ своего труда такимъ образомъ. «Въ предлагаемомъ изслѣдованіи мы имѣемъ въ виду изучить процессъ возникновенія и развитія землевладѣнія и земледѣлія въ небольшой части южной окраины Московскаго государства XVII столѣтія, составляющей въ настоящее время части губерній Курской и Воронежской и части мѣстностей, къ нимъ прилегающихъ» (1).

Миклашевскій не согласенъ съ большинствомъ писателей, понимавшихъ подъ исторіей сельскаго хозяйства или исторію техническихъ усовершенствованій, или исторію правительственныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ той же цѣли. И та. и другая сторона дѣла (т. е. техническія усовершенствованія и правительственныя мѣропріятія) не имѣли, по его мнѣнію, особенно важнаго значенія въ исторіи русскаго сельскохозяйственнаго быта и культуры (стр. 1—4). «*Исторія сельскаго хозяй-*

[1]) Отчетъ о тридцать седьмомъ присужденіи наградъ графа Уварова.

ства есть, говоритъ онъ, исторія заселенія края и превращеніе дикихъ полей, луговъ и лѣсовъ въ культурное состояніе» (стр. 5). И затѣмъ эта мысль развивается далѣе такъ. «При посредствѣ какихъ силъ происходило это заселеніе и какія матеріальныя послѣдствія оно имѣло— это вопросы, на которые, по нашему мнѣнію, прежде всего должно отвѣтить историку сельскаго хозяйства. Ибо распашка полей, разведеніе скота, появленіе той или иной системы полеводства, равно какъ той или иной системы хозяйства и т. д. обусловливаются наличностью тѣхъ силъ и потребностей, съ которыми являются въ новый край первые его насельники, и прогрессивнымъ и регрессивнымъ развитіемъ этихъ силъ, съ одной стороны, и физико-географическими, историческими и экономическими условіями заселяемой страны—съ другой. Историку сельскаго хозяйства, думается намъ, нужно также всегда имѣть въ виду тѣ юридическія условія, въ которыя въ данную эпоху поставляются трудъ и земля, какъ основные и необходимые факторы сельскаго хозяйства, ибо въ зависимости отъ условій, въ которыя поставлены эти факторы, находится движеніе впередъ или назадъ самаго состоянія промышленной дѣятельности народа» (стр. 5). Ставя на первомъ планѣ исторію колонизаціи, авторъ, естественно, придаетъ своему сочиненію характеръ историческаго изслѣдованія; при такой постановкѣ вопроса, его трудъ прямо входитъ въ область русской исторіи. Съ другой стороны, вопросъ о землевладѣніи на украйнѣ относится къ исторіи русскаго права; слѣдовательно, также имѣетъ очень близкое отношеніе къ русской исторіи. Самъ Миклашевскій ставитъ свой трудъ въ ближайшую связь съ моими «Очерками по исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства». Сказавъ, что я смотрю на это сочиненіе, какъ на страницу для будущей исторіи русской колонизаціи, г. Миклашевскій прибавляетъ: «къ страницѣ» г. Багалѣя мы хотѣли бы прибавить еще одну «страничку», въ которой мы попытались сгруппировать въ одно цѣлое нѣкоторыя данныя, касающіяся по преимуществу земледѣльческаго быта окраины XVII в. (стр. 17).

Спрашивается: что можно сказать о такой постановкѣ вопроса? Не знаемъ, удовлетворитъ ли она вполнѣ спеціалистовъ сельскаго хозяйства. Быть можетъ, имъ она покажется нѣсколько односторонней, крайней, хотя и они едва ли могутъ возражать противъ важности и необходимости изученія исторіи сельскохозяйственной культуры въ связи съ исторіей колонизаціи и землевладѣнія. Заселеніе, землевладѣніе и земледѣліе связаны другъ съ другомъ неразрывными нитями, взаимно вліяютъ другъ на друга; нельзя изучать генезиса землевладѣнія и земледѣлія во вновь заселяемомъ краѣ, не изучивъ предварительно характера

его колонизаціи, не познакомившись съ тѣми культурными задатками, которые переселенцы приносятъ съ собою на новыя мѣста жительства. Этотъ исходный моментъ, когда впервые складываются извѣстнымъ образомъ формы землевладѣнія и промышленности, несомнѣнно, представляетъ огромный интересъ и для спеціалиста по сельскому хозяйству, ибо для того, чтобы оцѣнить результаты культурныхъ усовершенствованій или законодательной дѣятельности правительства, направленной къ той же цѣли, необходимо знать, въ какія формы сложилось сельское хозяйство населенія въ первоначальное время, подъ вліяніемъ мѣстной природы, историческихъ условій и старыхъ культурныхъ привычекъ и традицій. Конечно, это нисколько не исключаетъ необходимости изученія дальнѣйшей судьбы сельскаго хозяйства какъ съ той точки зрѣнія, которой придерживается нашъ авторъ, такъ и съ той, которая имѣетъ въ виду техническія усовершенствованія или законодательныя мѣры. Государство оказало огромное вліяніе на исторію заселенія, землевладѣнія и даже земледѣлія древней Россіи и это вліяніе нужно изучать всесторонне: не только въ связи съ благотворными результатами, а и съ отрицательными и, такъ сказать, нейтральными. Въ особенности это слѣдуетъ замѣтить относительно Московской Руси, гдѣ роль центральнаго правительства и его органовъ была чрезвычайно велика и вмѣшательство въ народную жизнь было весьма замѣтно. Въ сущности между Московскимъ правительствомъ XVII в. и Петромъ Великимъ въ этомъ отношеніи нѣтъ такой рѣзкой разницы, какъ это обыкновенно принято думать. Правительственная опека надъ населеніемъ была и тогда очень велика....

Какъ бы то ни было, книга Миклашевскаго является историко-статистическимъ изслѣдованіемъ, касающимся одной изъ русскихъ окраинъ и можетъ (чтобы не сказать должна) быть разобрана спеціалистомъ по русской исторіи. Выборъ мѣстности для историческаго изслѣдованія (южной степной окраины) нельзя не признать весьма удачнымъ, какъ съ точки зрѣнія историка, такъ и съ точки зрѣнія спеціалиста сельскаго хозяйства. Заселеніе этого края, представлявшаго въ XV-мъ и I-й половинѣ XVI-го вѣка еще настоящую дикую степь, совершалось на глазахъ исторіи, которая сохранила о немъ много письменныхъ свидѣтельствъ. Такимъ образомъ, для историка трудъ Миклашевскаго дѣйствительно является новой страницей изъ исторіи русской колонизаціи, а для историка сельскаго хозяйства онъ представляетъ страницу изъ исторіи сельскохозяйственной культуры, начиная отъ ея первыхъ зародышей въ дикомъ полѣ, въ степной глуши и заканчивая формами, выработанными окраинною жизнью XVII в.

Здѣсь мы переходимъ къ вопросу объ источникахъ и пособіяхъ автора. На этомъ вопросѣ необходимо остановиться подробнѣе, такъ какъ имъ опредѣляются и содержаніе книги, и ея выводы, т. е. разрѣшеніе поставленной себѣ авторомъ задачи. Авторъ поставилъ своею цѣлью изученіе колонизаціи и хозяйственнаго быта Курскаго и Воронежскаго края; но такъ какъ печатныхъ матеріаловъ для этого вопроса недостаточно, то онъ «предпочелъ обратиться къ первоисточникамъ вмѣсто того, чтобы извлекать изъ книгъ разныхъ писателей и ученыхъ тотъ небогатый матеріалъ, какой былъ въ ихъ распоряженіи» (стр. 19). Впрочемъ, какъ бы предвидя возраженіе, Миклашевскій дѣлаетъ дальше такую оговорку: «критика, говоритъ онъ, обратитъ, конечно, вниманіе на то, что въ этой книгѣ сдѣлано, быть можетъ, слишкомъ мало ссылокъ на литературу предмета. Въ этомъ однаго авторъ можетъ быть обвиненъ всего менѣе» (стр. 19), и затѣмъ слѣдуетъ приведенное нами выше мѣсто о недостаткѣ печатныхъ матеріаловъ. Тутъ есть нѣкоторое недоразумѣніе. Авторъ ставитъ вопросъ такъ, какъ будто ему приходилось дѣлать выборъ только между пособіями и архивными матеріалами или, какъ онъ выражается не совсѣмъ точно [1]), первоисточниками; но вѣдь, кромѣ пособій и архивныхъ данныхъ для избранной имъ темы, есть еще печатные источники, которые далеко не исчерпаны авторами разныхъ сочиненій; а если бы даже Миклашевскому показалось, что этотъ матеріалъ использованъ въ извѣстныхъ ему пособіяхъ, то и тогда онъ не долженъ былъ бы уклоняться отъ самостоятельнаго, критическаго его разсмотрѣнія, разъ онъ имѣетъ прямое отношеніе къ его вопросу, потому, что изъ однихъ и тѣхъ же данныхъ дѣлаются часто, какъ извѣстно, неодинаковые выводы.

Посмотримъ теперь, въ какой полнотѣ Миклашевскій воспользовался печатными источниками и пособіями и нѣтъ ли у него здѣсь какихъ либо важныхъ пробѣловъ. Начинаемъ свой обзоръ съ источниковъ. Всѣ они могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: одни относятся ко введенію и къ 1-ой главѣ книги Миклашевскаго, гдѣ рѣчь идетъ о нѣкоторыхъ общихъ вопросахъ (напримѣръ, о сохѣ, четверти, писцовыхъ книгахъ и т. п.); другіе заключаетъ въ себѣ данныя о территоріи, служащей предметомъ прямого изученія нашего автора. И вотъ при подсчетѣ оказывается одинаковое количество тѣхъ и другихъ, хотя первые относятся къ какимъ-нибудь 50 страницамъ, а вторые къ 170 и при томъ наиболѣе существеннымъ въ книгѣ. Вообще, разсматривая печатные матеріалы, положенные Миклашевскимъ въ основу его труда,

[1]) Вѣдь и печатные источники—это то же первоисточники.

мы невольно поражаемся скудостью ихъ. Вотъ перечень ихъ: Акты Московскаго государства, I и II, Книга большаго чертежа, Обозрѣніе историко-географическихъ матеріаловъ, хранящихся въ книгахъ разряднаго архива (Н. Н. Оглоблина), Акты, относящіеся къ Малороссіи (В. И Холмогорова), Жалованныя грамоты Путивльскому Молченскому монастырю (въ Трудахъ Курс. Статис. Ком.), изданные мною «Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства», т. I и II, Орловскіе акты де-Пуле. Акты Воронежскаго края, изданные Второвымъ и Александровымъ-Дольникомъ, II и III и Писцовая книга по г. Воронежѣ, изданная Л. Б. Вейнбергомъ.

Спрашиваатся: исчерпывается ли этимъ весь печатный запасъ данныхъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ заселенію и хозяйственному быту Курскаго и Воронежскаго края? Нѣтъ! Правда, ихъ вообще немного, но все-таки авторъ упустилъ здѣсь кое-что весьма существенное. У него нѣтъ ни одной ссылки на огромную серію документовъ XVII в., относящихся спеціально къ территоріи Воронежскаго края и изданныхъ Л. Б. Вейнбергомъ — «Воронежскіе акты», изданные Ворон. Губ. Стат. Комит. т. I-й 1887 года, 16 выпусковъ «Матеріаловъ по исторіи Воронежской и сосѣд. г.», «Матеріалы для исторіи г. Воронежа» въ Воронежскомъ юбилейномъ сборникѣ, т. I-й, стр. 201—275; не пользуется авторъ изданными мною въ 1893 г. «Замѣтками и матеріалами по исторіи Слободской украйны», гдѣ напечатано нѣсколько документовъ XVII в. относительно Курскаго края; оставляетъ безъ вниманія «Царскія грамоты на Корочу», а также «Матеріалы для исторіи Курской епархіи», напечатанные въ Курскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ арх. Анатоліемъ, заключающіе въ себѣ цѣнныя свѣдѣнія для исторіи монастырской колонизаціи, грамоты XVII в., напечатанныя въ губернскихъ вѣдомостяхъ Дмитрюковымъ и т. п. Но независимо отъ полнаго игнорированія нѣкоторыхъ историческихъ источниковъ, Миклашевскій, какъ намъ кажется, недостаточно исчерпалъ и тѣ, которые были въ его распоряженіи, напримѣръ, «Воронежскіе акты» Второва и Александрова-Дольника— это по истинѣ драгоцѣнное собраніе, которое, можно сказать, положило прочное начало исторіи Воронежскаго края, или Орловскіе акты де-Пуле, дающіе такой богатый запасъ свѣдѣній о землевладѣніи на Украйнѣ.

То же самое мы должны сказать и объ отношеніи Миклашевскаго къ пособіямъ: онъ слишкомъ осторожно и скупо пользуется ими, по большей части только ссылаясь на нихъ, но не дѣлая оттуда выписокъ, между тѣмъ какъ отъ такихъ выписокъ могло бы выиграть его собственное сочиненіе. Авторъ, какъ мы видѣли, предубѣжденъ противъ пользованія пособіями и доходитъ въ своемъ воздержаніи, какъ намъ

думается, до излишней крайности. Ему извѣстна, напримѣръ, спеціальная брошюра по исторіи сельскохозяйственной промышленности въ Воронежскомъ краѣ Л. Б. Вейнберга, но онъ пользуется ею очень мало (всего 3 ссылки), хотя она и заключаетъ въ себѣ достаточно цѣнныхъ свѣдѣній по интересующему его вопросу; то же нужно сказать и о статьяхъ по исторіи землевладѣнія г. Бѣлявскаго (въ Юрид. Вѣстн. за 1888 годъ), профессора И. В. Лучицкаго (Сябры и сябренное землевладѣніе въ Малороссіи въ Сѣвер. Вѣстн. 1889 г. № 1 и 2), и о работахъ по исторіи однодворческаго сословія Германова и Я. Соловьева. А между тѣмъ если къ этимъ статьямъ присоединить еще работы Бѣляева (О сторожевой и станичной службѣ), Болховитинова (Историч., географич. и экономич. описаніе Воронежской губерніи), г. Чечулина (Города Московскаго госуд. въ XVI ст.), мои «Очерки по исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московск. госуд.», г-жи Щепкиной (Тульскій уѣздъ въ XVII в.), проф. П. Н. Милюкова (Государственное хозяйство въ связи съ реформами Петра Вел.), г. Сторожева (Опись десятень), г. Гвоздаво-Голомбіевскаго (Опись чертежей, хранящихся въ разрядѣ), Костомарова (Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа), то этимъ исчерпывается вся литература предмета, которою пользовался авторъ въ главной части своего изслѣдованія [1]) (2-й, 3-й, 4-й и 5-й гл.). И здѣсь опять-таки есть не мало пропусковъ; такъ, Миклашевскій совершенно игнорируетъ довольно обширную литературу, касающуюся исторіи Воронежскаго и Курскаго края и перечисленную отчасти въ цитируемомъ имъ же библіографическомъ сочиненіи «Источники пособія для изученія Воронежскаго края», напримѣръ, историческія работы о г. Воронежѣ Неизвѣстнаго, Веселовскаго и Вейнберга, ст. Второва, Скіады, замѣтки по исторіи отдѣльныхъ городовъ (Исаева о гор. Орловѣ, Дмитрюкова о гор. Суджѣ Курск. губ.), статьи по исторіи заселенія и землевладѣнія Воронежской губ. въ статистическихъ земскихъ сборникахъ, напримѣръ, Щербины «Заселеніе Острогожскаго края» (въ Сборникѣ Стат. Свѣд. по Воронеж. губ.), замѣтки въ Курскихъ Губерн. вѣд. (Дмитрюкова) и т. п. Правда, кое-что изъ этого матеріала Миклашевскій, по всей вѣроятности, отложилъ для 2-й части своего труда, куда войдетъ спеціальное изслѣдованіе формъ землевладѣнія и вопросъ о повинностяхъ населенія; но это не измѣняетъ нашего заключенія о недостаточномъ эксплуатированіи имъ историческихъ пособій для болѣе яснаго и отчетливаго изображенія читателю излагаемыхъ имъ вопросовъ. Миклашевскій могъ бы на это замѣтить, что онъ не желалъ повторять уже извѣстнаго, тѣмъ

[1]) Мы не перечисляемъ здѣсь тѣхъ пособій, которыми пользуется Миклашевскій въ 1-й и 2-й гл. своего изслѣдованія въ виду болѣе общаго характера ихъ.

болѣе, что его трудъ имѣлъ спеціальное назначеніе (представлялъ изъ себя магистерскую диссертацію). Придавая значеніе этому обстоятельству, мы однако все-таки скажемъ, что и съ этой точки зрѣнія онъ былъ не совсѣмъ правъ, ибо. при изученіи самаго спеціальнаго вопроса, необходимо все-таки привлекать къ изслѣдованію и тотъ матеріалъ, который былъ уже раньше въ научномъ обиходѣ, а также считаться съ существующей литературой предмета, въ которой сдѣлана сводка матеріала и дано ему извѣстное освѣщеніе. Не говоримъ уже о тѣхъ неудобствахъ, которыя испытываетъ отъ способа, усвоеннаго Миклашевскимъ, читатель: этого послѣдняго авторъ постоянно отсылаетъ за разъясненіемъ многихъ важныхъ подробностей къ разнымъ источникамъ и пособіямъ, которые ему не всегда извѣстны; въ результатѣ получается какая-то чисто-формальная связь между матеріаломъ книги Миклашевскаго и цитируемыми имъ источниками и пособіями, какая то отрывочность и сухость изложенія, оторванность отъ болѣе извѣстныхъ историческихъ фактовъ и обстоятельствъ Говоритъ, напримѣръ, Миклашевскій, по своимъ источникамъ, о сябрахъ, дѣлаетъ указаніе на статью проф. Лучицкаго, посвященную сябренному землевладѣнію; но, благодаря слишкомъ краткому указанію и изложенію предложенію предмета, читатель не уясняетъ себѣ ни сущности сябренной формы землевладѣнія вообще, ни отношенія между фактами, сообщаемыми о немъ Миклашевскимъ и г. Лучицкимъ. Такія же послѣдствія происходятъ отъ слишкомъ краткаго извлеченія изъ статьи г. Бѣлявскаго. Впрочемъ, справедливость побуждаетъ насъ прибавить, что главные источники и пособія хорошо изучены Миклашевскимъ и изъ нихъ сдѣланы всѣ необходимыя извлеченія; въ особенности это нужно сказать относительно изданныхъ мною «Матеріаловъ». Затѣмъ на мои «Очерки» сдѣлано также много указаній—и тутъ Миклашевскій былъ совершенно правъ, дѣлая только ссылки на соотвѣтствующія страницы, такъ какъ моя книга вышла недавно и не представляетъ изъ себя библіографической рѣдкости, что нужно сказать относительно многихъ изъ тѣхъ статей, на которыя мы указывали выше.

Таковъ печатный матеріалъ въ книгѣ Миклашевскаго, но не онъ является фундаментомъ ея: въ основу ея положены архивные документы. Этими послѣдними авторъ пользовался такъ широко, что его сочиненіе смѣло могло быть названо изслѣдованіемъ по неизданнымъ матеріаламъ. Это привлеченіе новыхъ неизданныхъ источниковъ мы считаемъ главнымъ достоинствомъ разбираемой книги. Авторъ самъ говоритъ (стр. 17), что его данныя собраны были «путемъ довольно продолжительнаго изученія матеріаловъ, хранящихся въ архивахъ и, главнымъ

образомъ, въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи» (стр. 17—18). И это заявленіе вполнѣ подтверждается содержаніемъ его книги. Правда, въ ней мы видимъ матеріалъ, извлеченный исключительно изъ одного архива—Министерства Юстиціи (нужно предполагать, что данныя изъ другихъ архивовъ, о которыхъ говоритъ Миклашевскій, войдутъ во 2-ю часть его работы); но извлеченіе его несомнѣнно должно было потребовать значительнаго времени и труда. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ сдѣлать самый бѣглый его обзоръ. На первомъ мѣстѣ среди источниковъ Миклашевскаго слѣдуетъ поставить писцовыя, переписныя, дозорныя, строельныя книги тѣхъ городовъ и уѣздовъ, которые служатъ предметомъ его изученія: таковы—писцовыя, переписныя, дозорныя книги г. Бѣлгорода и его уѣзда (1626, 1646, 1674, 1677, 1678 и 1686 гг.), Воронежа и его уѣзда (1615, 1629, 1646 и 1678 гг.), Валуйки съ уѣздомъ (1626 и 1628 г.), г. Путивля съ уѣздомъ (1626—1627, 1628—1629 гг.), г. Оскола съ уѣздомъ (1615, 1643, 1646 и 1691 гг.), а также г. Хотмыжска (1686 г.), Карпова (1648 и 1651 г.), Курска съ уѣздомъ (1685 г.), Яблонова (1647 г.), Корочи (1647 г.); къ нимъ нужно присоединить отказныя книги по Бѣлгородской губ. разныхъ городовъ, межевую книгу по г. Бѣлополью съ уѣздомъ (1682 г.), вѣдомости объ отписныхъ дворахъ (въ разрядныхъ вязкахъ), росписи великорусскихъ сведенцевъ и нововъѣзжихъ черкасъ (въ книгахъ бѣлгородскаго стола), грамоты, отписки воеводъ и т. п. въ столбцахъ бѣлгородскаго стола и разные документы въ другихъ отдѣленіяхъ архива (напримѣръ, въ дѣлахъ печатной конторы, въ разрядныхъ вязкахъ, въ десятняхъ, въ столбцахъ помѣстнаго приказа). Сюда нужно еще прибавить документы, которые не имѣютъ прямого отношенія къ описываемой Миклашевскимъ территоріи (напримѣръ, писцовыя книги по г. Ливнамъ, Бѣлеву, Рязани, Новосили, свѣдѣнія о десятинной пашнѣ въ г. Ельцѣ и др.). Среди всѣхъ этихъ документовъ первенствующее мѣсто, какъ это мы уже замѣтили выше, должно быть отведено писцовымъ, переписнымъ книгамъ, затѣмъ идутъ столбцы и книги бѣлгородскаго стола. Сравнивая списокъ писцовыхъ книгъ, которыми пользовался Миклашевскій, съ перечнемъ [1]), опредѣляющимъ наличность ихъ въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи, мы приходимъ къ заключенію, что нашъ авторъ познакомился почти со всѣми ими и оставилъ безъ вниманія только немногія (почти исключительно тѣ, которыя захватывали небольшія про-

---

[1]) Общій списокъ писцовыхъ книгъ помѣщенъ въ 1-мъ томѣ «Описанія документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ Минист. Юстиціи», стр. 1—304.

странства [1]). Такъ обстоитъ дѣло съ тѣми 5 уѣздами, подробнымъ описаніемъ которыхъ занимается Миклашевскій (бѣлгородскимъ, путивльскимъ, оскольскимъ, воронежскимъ и валуйскимъ). Такое же заключеніе мы должны дать о тѣмъ новыхъ уѣздахъ, которые возникли нѣсколько позже въ Бѣлгородскомъ и Воронежскомъ краѣ (корочанскомъ, хотмыжскомъ, бѣлопольскомъ и яблоновскомъ); относящіяся къ нимъ писцовыя книги также извѣстны Миклашевскому. Къ сожалѣнію, количество ихъ совершенно ничтожно и онѣ вовсе не захватываютъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ уѣздовъ, на которые дѣлился Бѣлгородскій и Воронежскій край въ самомъ концѣ XVII в. Это обстоятельство отразилось крайне неблагопріятно на содержаніи той части книги Миклашевскаго, которая должна была трактовать о населеніи этихъ областей въ концѣ XVII вѣка. Для Миклашевскаго этотъ моментъ (самый конецъ XVII в.) долженъ былъ имѣть чрезвычайное важное значеніе, и онъ обязанъ былъ бы подвести статистическіе итоги тому, что сдѣлано было для колонизаціи и сельскохозяйственной культуры въ теченіе XVII в. Но такихъ итоговъ мы у него не находимъ, также точно, какъ у него вообще очень скудны и совершенно случайны данныя изъ 2-й половины XVII ст. Очевидно, авторъ находился подъ вліяніемъ недостатка матеріаловъ: насколько обширны и систематичны были его свѣдѣнія о 1-й четверти XVII в., настолько недостаточны оказались данныя о 2-й половинѣ того же вѣка. Но нельзя не сказать при этомъ, что значительная часть вины падаетъ на самого Миклашевскаго. Изучая внимательно его книгу, всматриваясь въ ея планъ, невольно замѣчаешь, что онъ и не заботился особенно о томъ, чтобы матеріалъ его отличался извѣстною равномѣрностью; невольно получается впечатлѣніе, что авторъ находился во власти матеріала (а не возвышался надъ нимъ) и что это обстоятельство заставило его сосредоточиться главнымъ образомъ на 1-й половинѣ XVII ст., источники которой менѣе разбросаны и болѣе бросаются въ глаза изслѣдователю. Правда, писцовыхъ книгъ (въ собственномъ смыслѣ этого слова) по городамъ и уѣздамъ Бѣлгородскаго и Воронежскаго края 2-й половины XVII-го вѣка не особенно много; но, во-первыхъ, недостатокъ ихъ могъ быть пополненъ обиліемъ другихъ матеріаловъ, а, во-вторыхъ, Миклашевскій и ими не воспользовался въ должной мѣрѣ. Историкъ городовъ Бѣлгородскаго и Воронежскаго края располагаетъ значительнымъ и довольно разнообразнымъ матеріаломъ (кромѣ писцовыхъ книгъ) въ видѣ цѣлаго архива разряднаго приказа. Чтобы составить себѣ понятіе о богатствѣ заключающихся въ немъ документовъ для исторіи

[1]) Такіе пропуски у него есть, напримѣръ, по путивльскому, оскольскому и воронежскому уѣздамъ.

колонизаціи и хозяйственнаго быта южной окраины, достаточно внимательно перечитать превосходное обозрѣніе этихъ матеріаловъ, составленное Н. Н. Оглоблинымъ („Обозрѣніе историко-географическихъ матеріаловъ XVII и начала XVIII в., заключающихся въ книгахъ разряднаго приказа", 369, VI). Здѣсь отмѣчено не мало различныхъ документовъ, относящихся къ Бѣлгородскому и Воронежскому краю; таковы смѣтныя, годовыя смѣтныя книги, росписные списки, строельныя, оброчныя, сборныя книги, списки служилыхъ людей и десятни, росписи сторожъ, документы о струговомъ дѣлѣ. Чрезвычайно цѣнныя извѣстія находятся также въ столбцахъ разрядняго архива, къ сожалѣнію, совершенно еще не описанныхъ. Миклашевскій далеко не исчерпалъ книгъ разряднаго архива и обратилъ преимущественное вниманіе на его столбцы; но само собою разумѣется. что благодаря отсутствію описанія ихъ, долженъ былъ идти ощупью и ограничиться болѣе или менѣе случайнымъ выборомъ; въ такомъ положеніи относительно столбцовъ былъ и я, когда собиралъ матеріалы для своей исторіи колонизаціи южной окраины.

Привлекши недостаточное количество источниковъ для 2-й половины XVII-го вѣка, Миклашевскій въ то же самое время (и въ этомъ уже только его вина) не извлекъ всѣхъ данныхъ объ этой эпохѣ изъ тѣхъ матеріаловъ, которые были въ его распоряженіи (изъ писцовыхъ книгъ 2-й половины этого столѣтія). Писцовыя книги могутъ дать цѣнный матеріалъ для исторіи заселенія и хозяйственнаго быта только въ томъ случаѣ, когда мы возьмемъ нѣсколько историческихъ моментовъ и сравнимъ ихъ между собою въ отношеніи статистическомъ; въ книгѣ же Миклашевскаго, можно сказать, отсутствуетъ самый важный (послѣ перваго) моментъ—конецъ XVII в., для котораго однако можно было бы найти не мало матеріаловъ какъ въ писцовыхъ книгахъ, такъ и въ книгахъ разряднаго архива. Затѣмъ не можемъ не отмѣтить и еще одного обстоятельства, которое повліяло на сокращеніе источниковъ Миклашевскаго: онъ почему-то игнорируетъ центральный городъ Бѣлгородскаго края—Курскъ, который всегда входилъ въ составъ „польской", т. е. полевой Украйны (объ этомъ мы еще скажемъ ниже). Одинъ рецензентъ, подвергшій книгу Миклашевскаго подробному разбору [1]), ставитъ въ вину автору, что онъ ограничилъ себя только однимъ архивомъ, между тѣмъ какъ въ новѣйшихъ диссертаціяхъ по русской исторіи замѣчается какъ разъ противоположное теченіе. Придавая нѣкоторое значеніе этому обстоятельству, мы все-таки повторимъ, что и въ этомъ одномъ архивѣ Миклашевскій могъ бы найти гораздо болѣе данныхъ для своей работы,

[1]) Г. В. Владиславлевъ въ майской книжкѣ Журн. Минист. Народн. Просвѣщ. за 1894 годъ.

если бы задался цѣлью по возможности систематическаго изученія ихъ; между прочимъ онъ, повидимому, совсѣмъ не обращался къ хранящимся въ архивѣ дѣламъ бывшихъ уѣздныхъ судовъ Курской и Воронежской губерній, а между тѣмъ среди нихъ могли бы оказаться и документы XVII вѣка. Замѣтимъ кстати, что въ Курскѣ, въ архивѣ Губернскаго Правленія мы видѣли книги XVII в. Богатый дѣлами XVII ст. архивъ Воронежскаго статистическаго комитета, благодаря мѣстнымъ изслѣдователямъ, значительно разработанъ, хотя, быть можетъ, и не всѣ его документы еще изданы въ свѣтъ. Въ Харьковскомъ историческомъ архивѣ имѣются столбцы XVII в., относящіеся къ Воронежской губ. (къ территоріи б. Острогожскаго Слободскаго казачьяго полка). Укажемъ также Миклашевскому на весьма цѣнный для него фамильный архивъ, принадлежащій гр. Михаилу Михайловичу Толстому въ гор. Одессѣ. Документы этого архива, относящіеся исключительно къ территоріи нынѣшней Курской и Харьковской губерній, описаны профессоромъ А. И. Маркевичемъ [1]); нѣкоторые изъ этихъ документовъ въ спискахъ, доставленныхъ проф. Маркевичемъ, были посланы мною для печати въ Курскій статистическій комитетъ, но до сихъ поръ еще не появились въ свѣтъ. Быть можетъ, и въ Петербургской Публичной Библіотекѣ, и въ Московскомъ Румянцовскомъ музеѣ нашлись бы также матеріалы Миклашевскаго, но тѣ, которые отмѣчаетъ въ своей рецензіи для Владиславлевъ, не относятся къ территоріи, которая служитъ предметомъ спеціальнаго его изученія (орловскій, елецкій и пронскій уѣзды [2]); что же касается столбцовъ Церковно-археологическаго музея Кіевской Духовной Академіи, то они составляютъ, повидимому, часть такъ называемой Чугуевской [3]) переписки и касаются почти исключительно Слободской Украйны.

Таковы архивные матеріалы, которые остались недоступны Миклашевскому. Въ общемъ, однако, можно сказать, что онъ извлекъ все самое существенное и долженъ былъ потратить на это дѣло много труда. И собранный имъ матеріалъ имѣетъ серьезное научное значеніе. Весь онъ можетъ быть раздѣленъ на двѣ части: статистическій въ тѣсномъ смыслѣ этого слова и историческій; преобладаетъ въ книгѣ первый (писцовыя, дозорныя и т. п. книги) и сомнѣнія могъ возбуждать только онъ, ибо грамоты, отписки воеводъ и аналогичные имъ историческіе источники, по своему документальному характеру, въ общемъ должны быть

[1]) См. его брошюру «Описаніе актовъ, принадлежащихъ гр. Мих. Мих. Толстому», Одесса. 1891, 53.

[2]) Журналъ Министерст. Народн. Просвѣщ., май, 1894 г., стр. 238.

[3]) Другая часть хранится въ Харьковскомъ Историческомъ архивѣ.

признаны вполнѣ достовѣрными Иное дѣло писцовыя книги: тутъ и при вполнѣ добросовѣстномъ отношеніи къ своему дѣлу писцовъ XVII в., могли быть ошибочныя свѣдѣнія, цифры. Неудивительно поэтому, что Миклашевскій остановился на вопросѣ о достовѣрности писцовыхъ книгъ и, хотя вопросъ этотъ имѣетъ уже цѣлую литературу, хотя собственныя соображенія Миклашевскаго не отличаются особенною новизною, а подчасъ и прямо таки оказываются несостоятельными[1]), тѣмъ не менѣе общій выводъ его, совершенно совпадающій съ заключеніемъ такого глубокаго знатока финансовой исторіи Московскаго государства, какъ проф. Лаппо-Данилевскій, едва ли можетъ быть оспариваемъ.

Переходимъ теперь къ пріемамъ изслѣдованія и плану изложенія. Дѣлая общее заключеніе о характерѣ работы Миклашевскаго, мы должны замѣтить, что она представляетъ нѣчто среднее между изслѣдованіемъ и историко-статистическимъ описаніемъ. Въ этомъ трудѣ слишкомъ видное мѣсто отведено описательному элементу, чтобы онъ могъ быть названъ изслѣдованіемъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Конечно, и описаніе было необходимо; мы ничего не возражаемъ противъ принятой авторомъ системы отдѣльнаго описанія каждаго уѣзда; но при этомъ необходимо было бы сдѣлать общіе заключительные выводы, подвести итоги всѣмъ отдѣльнымъ описаніямъ, выбрать изъ нихъ типическія черты; а этого именно и не дѣлаетъ Миклашевскій. Благодаря этому и читатель не получаетъ общей картины украинскаго хозяйственнаго быта XVII в. и не можетъ рѣшить вопроса, въ чемъ же заключаются его особенности сравнительно съ бытомъ другихъ областей Россіи. Мы не отрицаемъ въ сочиненіи Миклашевскго и элемента изслѣдованія, но только намъ кажется, что онъ проявляется спорадически, въ отношеніи нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ, но не проникаетъ всей книги. Мы не желаемъ этимъ сказать, чтобы Миклашевскій представилъ собранный имъ матеріалъ въ совершенно сыромъ видѣ, in crudo; нѣтъ—совсѣмъ сырого матеріала у него немного; но намъ кажется, что обработка источниковъ у Миклашевскаго все-таки недостаточная, что онъ далъ намъ въ своей книгѣ только первоначальную сводку и группировку ихъ. Но само собою разумѣется, что и эта сводка потребовала отъ него много времени и труда и является въ высшей степени полезной и необходимой. Съ этимъ согласится всякій, кому приходилось разбираться въ архивныхъ документахъ историко-статистическаго характера. Сколько труда нужно было, напримѣръ, положить на то, чтобы превратить имянныя вѣдомости

[1]) Г. Владиславлевъ доказываетъ, напримѣръ, несостоятельность доводовъ Миклашевскаго относительно сохи, обжи, пополняетъ его выводъ объ ошибкахъ въ геометрическихъ измѣреніяхъ.

писцовой книги, касающіяся какого-нибудь города или селенія, въ небольшую сводную табличку,—а такихъ табличекъ мы находимъ цѣлую массу въ книгѣ Миклашевскаго; можно сказать. что они составляютъ особенность этого сочиненія и придаютъ ему характеръ настоящей статистической работы. Они замѣняютъ обычные историческіе выводы и итоги и въ нѣкоторыхъ случаяхъ должны быть поставлены даже выше этихъ послѣднихъ. Вообще техническая разработка цифръ у Миклашевскаго стоитъ, по нашему мнѣнію, высоко—вездѣ. гдѣ нужно, онъ вычисляетъ проценты, самъ дѣлаетъ подсчеты итоговъ, сопоставляетъ цифры переписей въ свободныхъ таблицахъ и т. п. и даже въ приложеніяхъ даетъ статистическія данныя въ видѣ таблицъ. Наиболѣе слабымъ представляется намъ планъ сочиненія Миклашевскаго: онъ не отличается ни ясностью, ни выдержанностью, ни систематичностью. Мы видѣли, какую задачу поставилъ себѣ авторъ: онъ хотѣлъ изучить процессъ возникновенія и развитія землевладѣнія и земледѣлія въ связи съ исторіей заселенія Курскаго и Воронежскаго края (стр. 1). Какъ же выполняется эта задача?

Книга состоитъ изъ введенія и пяти главъ. Во введеніи авторъ касается нѣкоторыхъ общихъ вопросовъ (задачъ, источниковъ) и здѣсь же даетъ характеристику состоянія Украины въ XVI ст. Въ I-й главѣ говорится вначалѣ о постройкѣ городовъ до смутной эпохи, а потомъ слѣдуетъ обширный экскурсъ въ область древней метрологіи и финансовой техники—рѣчь идетъ о сохѣ, четверти и писцовыхъ книгахъ. Вторая глава посвящена описанію 5-ти украинскихъ городовъ (Бѣлгорода, Воронежа, Оскола, Валуекъ и Путивля) въ I-й четверти XVII в., а въ концѣ ея говорится объ одной группѣ ихъ населенія—дворникахъ. Въ 3-й главѣ дается описаніе двухъ уѣздовъ—(бѣлгородскаго и оскольскаго) въ I-й четверти XVII в., 3-го (воронежскаго) во 2-й четверти того же вѣка, 4-го (путивльскаго) во 2-й и 3-й четверти того же вѣка; въ концѣ главы описываются нѣкоторые монастыри—Путивльскій Молченскій, Воронежскіе Акатовскій, Карачунскій и Борщевскій, и дается общее заключеніе о населеніи уѣздовъ. Въ 4-й главѣ говорится о заселеніи новыхъ городовъ во 2-й и 3-й четверти XVII вѣка, о черкасахъ, переселявшихся изъ Литвы и Польши въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича, о сельскомъ хозяйствѣ у переселенцевъ въ XVII и нач. XVIII вѣка, объ ихъ землевладѣніи, о числѣ крестьянъ и бобылей въ бѣлгородскомъ и оскольскомъ уѣздахъ въ 1-й и 2-й половинѣ вѣка. 5 глава посвящена спеціально хозяйственному быту населенія: тутъ говорится вкратцѣ объ отрицательныхъ условіяхъ его существованія и подробно о Государевой десятинной пашнѣ; послѣднія 2 страницы трактуютъ о чу-

гуевскихъ виноградникахъ и бакчахъ. Уже изъ этого краткаго перечня можно убѣдиться въ невыдержанности и несистематичности плана. Ограничивъ себя географическими и хронологическими рамками, Миклашевскій долженъ былъ уже держаться ихъ во всемъ изложеніи; но онъ этого не дѣлаетъ. Прежде всего читатель не знаетъ, почему онъ выбралъ тѣ пять городовъ, которые описываются во 2-й главѣ—Бѣлгородъ, Воронежъ, Валуйку, Осколъ и Путивль. Миклашевскій хотѣлъ дать намъ исторію заселенія Курскаго и Воронежскаго края, но почему-то совершенно игнорируетъ г. Курскъ—центральный пунктъ области (а также Рыльскъ). Если же предположить, что онъ взялъ города такъ называемой «польской» (т. е. полевой) украйны, оставивъ въ сторонѣ «сѣверскую», то и тогда его списокъ будетъ заключать въ себѣ одинъ лишній городъ—Путивль, входившій въ составъ городовъ сѣверской украйны. Впрочемъ, для цѣлей автора подходили бы, по нашему мнѣнію, и города «польской» и города «сѣверской» украйны, и онъ могъ бы вовсе не стѣснять себя географическими рамками, если бы поставилъ своею цѣлью дать не фактическую исторію заселенія въ связи съ землевладѣніемъ и земледѣліемъ, а общую картину хозяйственнаго быта въ связи съ заселеніемъ и землевладѣніемъ. Чтобы себѣ не говорить, а главная задача его должна была состоять именно въ изученіи особенностей хозяйственнаго быта—ихъ генезиса и развитія, а не въ фактической исторіи колонизаціи. А если такъ, то ему удобнѣе было черпать свой матеріалъ изъ болѣе широкаго круга источниковъ, иными словами, расширить районъ своего изслѣдованія включеніемъ въ него и остальныхъ городовъ «польской» (Ельца, Ливенъ, Лебедяни) и «Сѣверской» украйны (кромѣ Путивля, Рыльскъ, Стародубъ, Новгородъ-Сѣверскъ, Брянскъ). Само собою разумѣется, что при такомъ планѣ не нужно было бы заниматься систематическимъ изслѣдованіемъ заселенія всей этой территоріи, а только пользоваться фактами для возсозданія типическихъ особенностей колонизаціоннаго процесса. Автора стѣсняли его географическія рамки; это видно изъ того, что онъ выходитъ за предѣлы намѣченной имъ территоріи и говоритъ о такихъ городахъ, которые не входили въ нее (напримѣръ, о Курскѣ, Ельцѣ).

Далеко не выдерживаетъ Миклашевскій и хронологическихъ рамокъ. Здѣсь коренная его ошибка, на нашъ взглядъ, заключается въ томъ, что онъ слишкомъ мало остановился на одномъ изъ двухъ важнѣйшихъ моментовъ изслѣдуемой имъ эпохи—концѣ XVII в., когда населеніе достигло уже нѣкоторыхъ успѣховъ въ области сельскохозяйственной культуры. Теперь же его очеркъ колонизаціи оказывается неполнымъ, незаконченнымъ; въ немъ мы не находимъ даже систематическихъ данныхъ

о новыхъ городахъ, сдѣлавшихся во 2-й половинѣ XVII в. центрами новыхъ уѣздовъ (корочанскаго, вольновскаго, болховскаго, яблоновскаго, острогожскаго, усердскаго, коротоякаго и т. п.). Допустивъ такую неполноту для XVII в, Миклашевскій однако одинъ разъ беретъ данныя, относящіяся уже къ XVIII ст., т. е. раздвигаетъ свои хронологическія рамки (стр. 185—188). Ту же невыдержанность хронологіи мы замѣчаемъ и во многихъ другихъ случаяхъ: излагая цѣлый рядъ фактовъ, относящихся къ 1-й четверти XVII вѣка, онъ касается и 2-й, разсказывая о 2-й, приводитъ данныя изъ 3-й и даже 4-й (стр. 114, 120, 127, 130 и др.). Несистематичность изложенія выражается въ томъ, что авторъ не выдѣлилъ всѣхъ вопросовъ общаго характера въ особое введеніе, а говоритъ о нихъ и во вступительной, и въ 1-й главѣ; во введеніи говорится и объ общихъ вопросахъ, и о состояніи Украйны въ XVI в.; въ 1-й главѣ сначала разсказывается о постройкѣ городовъ, а потомъ снова идетъ рѣчь о вопросахъ общаго характера; въ 4-й главѣ повѣствуется и о постройкѣ городовъ, и о населеніи уѣздовъ, и о хозяйствѣ, и о землевладѣніи ихъ; о городахъ идетъ рѣчь и во 2-й и въ 4-й главѣ. Эта несистематичность изложенія нѣсколько замаскировывается отсутствіемъ оглавленія (обстоятельство, отмѣченное уже г. Владиславлевымъ) но мы увѣрены, что если бы Миклашевскій постарался составить такія оглавленія, то самъ бы ясно увидѣлъ этотъ недостатокъ своего сочиненія. Невыдержанность плана доказывается тѣмъ, что, пообѣщавъ во введеніи говорить о землевладѣніи, онъ въ дальнѣйшемъ изложеніи только слегка касается этого основного вопроса и откладываетъ его до 2-го тома своего труда.

Глава 2-я. Содержаніе и выводы.

Покончивъ съ методологическою стороною труда Миклашевскаго, обращаемся къ разсмотрѣнію его содержанія и выводовъ. Во вступленіи, кромѣ соображеній о своихъ цѣляхъ и задачахъ, Миклашевскій даетъ еще общую характеристику южной степной окраины и ея заселенія въ XVI—XVII ст. Отмѣтивъ запустѣніе Курскаго и Воронежскаго края послѣ татарскаго нашествія, авторъ ставитъ вопросъ о причинахъ быстраго заселенія его въ послѣдовавшій затѣмъ періодъ времени. Причины эти коренились, по его мнѣнію, съ одной стороны въ ослабленіи военно-политическаго могущества татаръ и усиленіи объединеннаго Московскаго государства, а съ другой—во внутреннихъ измѣненіяхъ соціальнаго положенія народа въ сѣверовосточной и югозападной Руси; въ первой произошло закрѣпощеніе крестьянъ, вызвавшее бѣгство ихъ изъ централь-

ныхъ областей въ юговосточныя окраины, а во второй тѣ же причины со включеніемъ религіозныхъ привели къ движенію населенія въ Запорожье, Приднѣпровье и, наконецъ, въ московскія степныя окраины; на этихъ-то послѣднихъ и произошла встрѣча двухъ колонизаціонныхъ потоковъ—великорусскаго и малорусскаго. Въ общемъ причины колонизаціи указаны Миклашевскимъ вѣрно; но въ деталяхъ есть преувеличенія, съ которыми нельзя согласиться. Миклашевскій говоритъ, что послѣ завоеванія Казанскаго и Астраханскаго царства, съ Крымскимъ ханствомъ и Ногаями—„съ этими полукочевниками было уже сравнительно легко бороться Московскимъ Государямъ“ (стр. 8). Но на самомъ дѣлѣ, какъ извѣстно, борьба съ ними была очень трудна и въ общей массѣ потребовала большей затраты силъ и средствъ, чѣмъ покореніе Казани (не говоря уже объ Астрахани, которая была присоединена къ Россіи безъ особыхъ усилій). И самъ авторъ, повидимому, сознаетъ это, приводя на слѣдующей страницѣ выдержки изъ Устава о порядкахъ пограничной службы, ярко рисующаго опасности татарскихъ нашествій. „Упомянутый уставъ, говоритъ онъ, лучше всякихъ описаній рисуетъ намъ положеніе интересующаго насъ края во второй половинѣ XVI в.“. Опасность отъ прихода „воинскихъ людей“ была такъ велика, что сторожамъ окраины вмѣнялось въ непремѣнную обязанность „не ссѣдати съ конь“, воспрещалось „сварити каша два раза на одномъ и томъ мѣстѣ“ и предписывалось „въ коемъ мѣстѣ кто полдновалъ, и въ томъ мѣстѣ не ночевати“ (стр. 9). Мы отъ себя еще прибавимъ, что и въ XVII в. украинное населеніе испытывало постоянную грозу татарскихъ нашествій—и это однако не останавливало не только военноправительственной, а и вольнонародной колонизаціи; очевидно, импульсы, двигавшіе населеніе къ окраинамъ, были сильнѣе страха передъ татарами. Конечно, импульсы эти были весьма разнообразные, и къ тѣмъ, которые указаны Миклашевскимъ, мы бы хотѣли присоединить еще два—географическій и психологическій. Границы русской земли должны были постепенно раздвигаться; но въ западномъ и отчасти сѣверномъ направленіи это расширеніе должно было встрѣтить препятствія частью политическаго, частью географическаго характера: на западѣ были сильные сосѣди, которые не позволяли двигаться сюда переселенцамъ изъ Московскаго государства; на сѣверѣ этому мѣшала природа мѣстности и климатъ; оставалось, слѣдовательно, два направленія—восточное и южное, гдѣ были или пустыя земли, или рѣдкое, слабое населеніе финновъ и татаръ-кочевниковъ; въ обоихъ направленіяхъ и сталъ энергично двигаться русскій народъ, тѣмъ болѣе, что земли эти (въ особенности южныя) представляли изъ себя богатый край, съ тучнымъ черноземомъ, буйными травами, лѣсными

оазисами, огромнымъ количествомъ рыбы, птицы, звѣрей и т. п. При этомъ русское населеніе, раздвигая свои предѣлы къ юго-востоку, въ сущности только возвращалось къ старымъ русскимъ пепелищамъ. Здѣсь слѣдуетъ вспомнить одну характерную особенность въ исторіи нашего юга, непосредственно примыкавшаго къ степямъ, искони служившимъ любимымъ убѣжищемъ для номадовъ. Въ то время какъ сѣверовосточная Русь дѣлала прочные и устойчивые шаги въ своемъ поступательномъ колонизаціонномъ движеніи въ область финновъ, Русь южная, имѣвшая дѣло съ воинственными тюрками-кочевниками, то сильно выдвигала свои поселенія въ степь, распространяя ихъ до самаго сѣвернаго побережья Чернаго и Азовскаго моря, то снова отступала передъ ними, какъ бы сжималась въ своей территоріи, но все-таки, конечно, помнила о старыхъ селищахъ и городищахъ. Монголо-татарское нашествіе представляло изъ себя одинъ изъ тѣхъ историческихъ моментовъ, когда южная Русь должна была особенно замѣтно сократить свое стремленіе къ югу. Но прошло три столѣтія—и это естественное стремленіе стало опять продолжаться. Русское населеніе опять стало разъѣзжать по той степи, гдѣ еще не забыты были старыя русскія названія рѣкъ и рѣчекъ, и намѣчать на ней мѣста своихъ будущихъ осѣдлостей, нерѣдко на старыхъ русскихъ городищахъ и урочищахъ; такимъ образомъ, это не было занятіе совсѣмъ чужихъ мѣстностей,—это было какъ бы своего рода возвращеніе домой; геройскіе походы Адашева, Ржевскаго и Вишневецкаго напоминаютъ намъ аналогичную, хотя и окончившуюся печально попытку героя „Слова о полку Игоревѣ“—„поискати града Тмутараканя“. Другой импульсъ былъ психологическій—это живая потребность у простого русскаго человѣка къ передвиженіямъ, къ переселеніямъ, дававшимъ ему возможность видѣть новыя мѣста и людей, испытать новыя условія существованія. Конечно, никогда, можно сказать, этотъ мотивъ не встрѣчался въ чистомъ его видѣ, а всегда почти соединялся съ другими (напримѣръ, матеріальными соображеніями); но все-таки нельзя на этомъ основаніи отрицать его важнаго значенія въ исторіи русской колонизаціи. Степь, съ ея волей и просторомъ, въ этомъ отношеніи имѣла особую прелесть для всякаго и должна была сильно дѣйствовать на фантазію; даже опасности имѣли своего рода привлекательность, ибо давали возможность совершить подвигъ, къ которому у всякого энергичнаго, смѣлаго человѣка существуетъ невольное стремленіе: а переселенцами-колонистами оказывались именно такіе болѣе смѣлые, энергичные представители русскаго племени. При этомъ необходимо прибавить, что и малорусское племя, въ своемъ прошломъ, проявило такую же (если не большую) подвижность, страсть къ передвиженіямъ, какъ и великорусское;

по крайней мѣрѣ и то, и другое выдѣлило изъ своей среды одинаково подвижной казацкій элементъ (Днѣпровское и Донское казачество), не говоря уже о вѣчно переходившихъ съ мѣста на мѣсто посполитыхъ, „мандрованыхъ“ дьякахъ и т. п. Миклашевскій, слѣдуя мнѣнію покойнаго Бѣляева, проводитъ слишкомъ рѣзкую грань между сторожевой и станичной службой XIV—XVI и ст. Объединеніе Русскаго государства подъ властью Москвы, конечно, должно было оказать огромное вліяніе и на выработку общей организаціи борьбы съ татарами. Но намъ кажется, что эта организація развивалась постепенно, какъ постепенно объединялась и Русь, и самый уставъ о пограничной службѣ князя Михаила Ивановича Воротынскаго только развилъ и оформилъ то, что существовало уже и въ дѣйствительности. По крайней мѣрѣ приведенныя у Бѣляева данныя убѣждаютъ насъ въ томъ, что сторожи и станицы для наблюденія за движеніемъ татаръ существовали уже и въ XIV—XV в. Мало того: съ большою долею вѣроятности можно предполагать, что онѣ были и въ домонгольскій періодъ нашей исторіи, ибо и тогда уже съ полною силою дѣйствовала та основная причина, которая вызывала ихъ необходимость въ болѣе позднее время; и тогда было необходимо наблюдать за степью, чтобы половцы не явились «изгономъ» на наши украйны и не забрали въ плѣнъ жителей; полную аналогію позднѣйшимъ московскимъ украйнамъ представляютъ такія украйны древнерусскаго міра, какъ Переяславская или Кіевское Поросье, заселенное обрусѣвшими инородцами, игравшими роль передового оплота противъ нападеній болѣе дикихъ ихъ сородичей; въ лѣтописи употребляются даже самые термины —сторожа и украйна. Слѣдовательно, мы полагаемъ, что монгольское нашествіе и не могло вырвать съ корнемъ воспоминанія о старыхъ обиталищахъ руссовъ въ степной полосѣ—традиція сохранялась. Въ сущности перемѣнилось только населеніе степей—половцевъ замѣнили татары; но характеръ ихъ и ихъ новыхъ обитателей не измѣнился; осѣдлое русское населеніе, жившее на пограничьѣ, должно было испытывать постоянныя опасности, въ ожиданіи появленія различныхъ шаекъ. Едвали можно сомнѣваться въ томъ, что и древняя домонгольская Русь имѣла свою систему защиты отъ кочевниковъ, въ общихъ чертахъ сходную съ той, какую мы видимъ здѣсь впослѣдствіи въ московскій періодъ. По крайней мѣрѣ и тамъ были боевыя границы, выступавшія въ степь и соотвѣтствовавшія полосѣ сторожевыхъ и станичныхъ разъѣздовъ послѣдующаго времени; и тамъ были чисто военные городки—острожки, заселенные ратными людьми и охотниками—звѣроловами; и тамъ были бродники, по характеру своему вполнѣ соотвѣтствовавшіе позднѣйшему казачеству и, быть можетъ, послужившіе даже его первоначальнымъ заро-

дышемъ. Свое сужденіе о причинахъ, вызывавшихъ движеніе малорусскаго племени въ наши степи, Миклашевскій основываетъ на отзывахъ П. А. Кулиша и С. М. Соловьева, которые указываютъ на экономическіе и религіозные мотивы. Самъ Миклашевскій сознается, что въ немногихъ словахъ трудно охарактеризовать эти причины. И дѣйствительно, его указанія отличаются слишкомъ общимъ, огульнымъ, такъ сказать, характеромъ, и въ нихъ не принята во вниманіе хронологія. То, что говоритъ Кулишъ, объясняетъ намъ движеніе населенія въ южныя украйны Рѣчи Посполитой—въ Приднѣпровье и Запорожье, но не въ предѣлы Московскаго государства. Переселеніе малороссіянъ изъ Рѣчи Посполитой въ предѣлы Московіи въ XVI ст. не было значительно: оно сдѣлалось интенсивнымъ только въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича. Что же касается движенія населенія къ южнымъ украйнамъ Польскаго государства, то здѣсь имѣла огромное значеніе одна причина, не указанная Миклашевскимъ—это переломъ въ сельскохозяйственной культурѣ, совершившійся тогда въ Польшѣ: прежде тамъ господствовало лѣсное хозяйство (пчеловодство, звѣроловство), доставлявшее весьма значительный доходъ крупнымъ владѣльцамъ; въ концѣ же XVI ст. пріобрѣло важное экономическое значеніе собственно степное земледѣльческое хозяйство и въ связи съ этимъ повысилось значеніе «украинскихъ пустынь» съ ихъ черноземомъ; это обстоятельство и привлекло въ нихъ шляхту, которая стала выпрашивать себѣ у королей грамоты на эти «пустыни», яко бы никѣмъ не заселенныя (на самомъ дѣлѣ онѣ въ значительной степени были уже колонизованы казаками, мѣщанами и крестьянами); благодаря этому и здѣсь появились вмѣсто прежнихъ мелкихъ участковъ огромныя латифундіи, вмѣсто прежняго свободнаго труда—зависимыя отношенія. Подъ вліяніемъ этого жители украинъ и стали переселяться въ предѣлы Московскаго государства и селиться за чертою его владѣній—въ южной степной окраинѣ. Къ этому присоединились причины соціально-политическія и религіозныя, дѣйствовавшія главнымъ образомъ на казацкое сословіе и побуждавшія его, послѣ неудачныхъ возстаній, подавляемыхъ потоками крови, бросать навсегда родину и переселяться цѣлыми толпами въ чужое, но единовѣрное государство Московское.

Таково содержаніе введенія Миклашевскаго; отличаясь по необходимости общимъ характеромъ, оно естественно страдаетъ нѣкоторыми преувеличеніями и неточностями.

Первая глава сочиненія, по содержанію своему, носитъ также еще характеръ введенія. Здѣсь авторъ, сказавъ вкратцѣ о постройкѣ украинскихъ городовъ до смутнаго времени, трактуетъ главнымъ образомъ о писцовыхъ переписныхъ книгахъ, послужившихъ основнымъ матеріаломъ

его изслѣдованія. «Основнымъ матеріаломъ нашего описанія городовъ и уѣздовъ окраины», говоритъ онъ, «послужатъ составленные въ то время поземельные кадастры—писцовыя книги, и переписи тяглаго населенія, составленныя нѣсколько позднѣе, это такъ называемыя переписныя книги. Мы должны поэтому сдѣлать небольшое отступленіе и прежде всего познакомиться съ только что названными источниками и сдѣлать критическую оцѣнку матеріала, въ нихъ заключающагося. Ни термилогія, употреблявшаяся нашими предками, въ особенности въ писцовыхъ книгахъ, ни достовѣрность того статистико-экономическаго матеріала, съ какимъ приходится сталкиваться изслѣдователю XVII в., до сихъ поръ не могутъ претендовать на прочную ихъ установленность въ нашей ученой литературѣ, и потому мы, не боясь упрека въ томъ, что принуждены будемъ повторить здѣсь уже отчасти извѣстное, начнемъ нашъ анализъ съ уясненія значенія смысла нѣкоторыхъ цыфръ и выраженій, съ которыми намъ придется имѣть дѣло при изученіи писцовыхъ книгъ. Мы разскажемъ далѣе вкратцѣ, какимъ образомъ собирались статистико-экономическія свѣдѣнія нашихъ предковъ XVII в. и отмѣтимъ главнѣйшіе типы этого рода источниковъ, имѣя въ виду, конечно, только южную окраину Московскаго государства. Мы должны, значитъ, прежде всего сдѣлать экскурсъ въ область древней метрологіи и финансовой техники» (стр. 28). Такъ самъ Миклашевскій формулируетъ содержаніе и задачу первой главы своей книги. И она дѣйствительно представляетъ изъ себя критическій экскурсъ въ область древней метрологіи и финансовой техники. Рѣчь идетъ здѣсь прежде всего о сохѣ и четверти, при чемъ авторъ особенно подробно останавливается на происхожденіи и уясненіи загадочной «живущей четверти» и «пашни паханой», о которой постоянно говорится въ писцовыхъ книгахъ; затѣмъ указываются причины, вызывавшія описи и переписи тяглаго населенія въ XVII в., и порядки ихъ составленія. «Послѣднее намъ нужно», говоритъ авторъ, «потому, что изученіе порядковъ собиранія статистико-экономическихъ свѣдѣній, такъ сказать, методъ этого собиранія въ большей мѣрѣ поможетъ намъ выяснить качества того матеріала, съ которымъ намъ придется имѣть такъ много дѣла» (стр. 47). Исторія составленія писцовыхъ и переписныхъ книгъ изложена авторомъ довольно ясно и обстоятельно. Способъ собиранія свѣдѣній, усвоенный писцами, приводитъ Миклашевскаго къ убѣжденію, что «цифры писцовыхъ книгъ не могутъ претендовать на точность». Такое же заключеніе приходится вывести, изучая вопросъ и съ другой стороны; а именно съ точки зрѣнія землемѣрной техники XVII в. (стр. 62). Цифры писцовыхъ книгъ, выражающія величину поземельныхъ владѣній, число дворовъ и населенія уменьшены

сравнительно съ дѣйствительными. Этотъ выводъ вполнѣ сходится съ заключеніями профессора Лаппо-Данилевскаго. Но, прибавляетъ Миклашевскій, для современнаго изслѣдователя недостатки ихъ нѣсколько сглаживаются, и они остаются все-таки главнымъ и наиболѣе цѣннымъ источникомъ свѣдѣній для всякаго, кто изучаетъ хозяйственный бытъ нашихъ областей XVII в. (стр. 63).

Во второй главѣ (64—101 стр.) Миклашевскій даетъ описаніе по писцовымъ и переписнымъ книгамъ всѣхъ городовъ Бѣлгородской и Воронежской украйны въ I-й половинѣ XVII в.—Бѣлгорода, Воронежа, Оскола, Валуекъ и Путивля. Города эти, впрочемъ, описываются авторомъ не всесторонне, а только примѣнительно къ цѣлямъ и задачамъ труда—съ точки зрѣнія колонизаціи и хозяйственной дѣятельности населенія; единственнымъ матеріаломъ для описанія служатъ писцовыя книги. «Связывая себя такимъ образомъ», говоритъ авторъ, «мы очень хорошо знаемъ, что наше описаніе проиграетъ въ полнотѣ и будетъ недостаточно, чтобы характеризовать города въ качествѣ культурно-соціальныхъ единицъ, но оно будетъ, думается намъ, вполнѣ достаточно для нашихъ цѣлей» (стр. 65). Описаніе всѣхъ выше перечисленныхъ городовъ составлено почти по одному и тому же плану, и это объясняется, конечно, тѣмъ обстоятельствомъ, что въ основу каждаго изъ нихъ положены однородные по содержанію и характеру источники—писцовыя, переписныя и дозорныя книги. Прежде всего дается понятіе о самомъ городѣ, какъ объ укрѣпленномъ и заселенномъ пунктѣ. Города южной украйны, какъ и всѣ вообще московскіе города, состояли изъ «города» въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. центральнаго укрѣпленія, изъ «острога», т. е. пространства, расположеннаго вокругъ города и обнесеннаго тыномъ, и, наконецъ, «посада», находившагося за острогомъ и состоявшаго изъ слободъ; острогъ также состоялъ изъ слободъ, но въ посадскихъ слободахъ жили рядомъ со служилыми людьми и неслужилые (ремесленники, торговцы и т. п.). Впрочемъ посадъ не составлялъ непремѣнной принадлежности украинскихъ городовъ (въ этомъ главное отличіе ихъ отъ центральныхъ); посадъ былъ только въ Путивлѣ, Бѣлгородѣ и Валуйкѣ; въ Осколѣ и отчасти въ Воронежѣ посадъ сливался съ острогомъ; но настоящее посадское населеніе жило только въ Путивлѣ. Служилые люди раздѣлялись на нѣсколько разрядовъ или группъ: стрѣльцы, казаки, станичные ѣздоки, пушкари и т. д.; всѣ члены каждой группы жили вмѣстѣ и представляли изъ себя какъ бы маленькій мірокъ (имѣли даже свою церковь); главнымъ занятіемъ жителей было земледѣліе. Миклашевскій подробно останавливается на землевладѣніи всѣхъ описываемыхъ имъ городовъ и сообщаетъ о немъ не мало любо-

пытныхъ подробностей, по преимуществу статистико-хозяйственнаго характера. Оказывается, что каждая группа военно-служилыхъ людей получала общій земельный надѣлъ, при чемъ часть земель (меньшая) отводилась близъ города, а другая (болѣе значительная) вдали отъ него (такъ называемыя «отхожія» пашни, пахавшіяся «наѣздомъ»); такой двойной надѣлъ авторъ объясняетъ, по нашему мнѣнію, нѣсколько односторонне: желаніемъ правительства удержать въ городахъ служилыхъ людей, предоставивъ имъ для обработки прежде всего пригородныя земли. Но, съ умиротвореніемъ края, «отхожія» пашни, по вѣрному замѣчанію Миклашевскаго, должны были привести къ обратному результату: выселенію горожанъ на свои отдаленные участки, т. е. другими словами, къ образованію поселковъ и деревень. Вмѣстѣ съ тѣмъ Миклашевскій отмѣчаетъ еще одну характерную черту этого украинаго землевладѣнія—частыя перемѣны въ земельныхъ окладахъ служилыхъ людей, производимыя самимъ правительствомъ подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ практическихъ соображеній. Обобщая собранные имъ факты о г. Валуйкѣ, Миклашевскій говоритъ: „самое населеніе принимало, повидимому, сравнительно небольшое участіе въ установленіи тѣхъ или иныхъ поземельныхъ порядковъ. Правительство, при посредствѣ своего чиновника—писца, имѣло всесильную власть надъ распорядками служилаго землевладѣнія, оставляя самому населенію распредѣленіе земли между отдѣльными лицами, и то лишь въ ограниченномъ размѣрѣ... Затративший на распашку земель свой трудъ служилый человѣкъ пользовался результатами его только до тѣхъ поръ, пока это допускало и терпѣло правительство. А послѣднее, если того требовала служба, не обращало вниманія на трудовой принципъ. Оно смѣшивало въ одну общую массу всѣ земли города, обработанныя и необработанныя, накладывало свою руку на огороды и дворы и представляло своему чиновнику распредѣлить ихъ соотвѣтственно служебному значенію каждаго, „противу окладу“, какъ тогда выражались“ (стр. 93). Этотъ выводъ автора мы считаемъ весьма важнымъ и существеннымъ. Онъ констатируетъ такую же черту украинскаго великорусскаго землевладѣнія, какую мы отмѣтили въ своемъ трудѣ посвященномъ заселенію Украйны (Очерки по исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства, т. I-й, Исторія колонизаціи) въ характерѣ ея колонизаціи—огромное руководящее вліяніе центральнаго правительства и его органовъ на внутреннюю жизнь и отношенія военнослужилаго сословія. Да иначе и быть не могло въ виду того, что главнымъ контингентомъ городского населенія являлись такъ называемые „сведенцы“, т. е. лица, которыхъ переселяло сюда правительство. Относительно земельныхъ распорядковъ Миклашевскій сооб-

щаетъ не много данныхъ: лѣса были въ общемъ владѣніи,—ими владѣли „вопче"; въ большинствѣ случаевъ, какъ уже сказано было выше, каждая группа населенія получала отдѣльно свой земельный надѣлъ; но иногда нѣсколько группъ соединялось для этой цѣли вмѣстѣ. напримѣръ, по мѣстнымъ топографическимъ условіямъ, хотя связь эта была чисто внѣшняя; общій итогъ земельныхъ надѣловъ для каждой группы постоянно указывается Миклашевскимъ. но онъ совсѣмъ почти не останавливается на вопросѣ, въ какой мѣрѣ эти надѣлы обезпечивали матеріальное благополучіе этихъ группъ и отдѣльныхъ лицъ, ихъ составлявшихъ. Выводы, которые касаются отдѣльныхъ городовъ, таковы. Бѣлгородъ представлялъ изъ себя въ I-й четверти XVII в. „крупное поселеніе, сильно укрѣпленное и населенное почти исключительно ратными людьми"; торговопромышлинная дѣятельность въ немъ была развита очень слабо въ описываемое время (стр. 69). Въ противоположность ему Воронежъ уже въ 1615 г. является виднымъ торговымъ пунктомъ: большинство лавокъ въ немъ принадлежало не служилымъ, а торговымъ людямъ (стр. 79); Осколъ и Валуйка представляли изъ себя чисто военные пункты. Наконецъ, Путивль былъ замѣтнымъ торговопромышленнымъ центромъ и въ этомъ отношеніи не уступалъ Воронежу; его посадскіе люди вовсе не занимались земледѣліемъ, а только промыслами, ремеслами и торговлей. Такое значеніе Путивля объясняется тѣмъ, что это, во-первыхъ, былъ старый городъ, а во-вторыхъ, имѣлъ обширныя связи съ литовскимъ порубежьемъ; это былъ 1-й этапный пунктъ для литовскихъ выходцевъ. Чрезвычайно любопытна одна подробность, касающаяся города Путивля: въ немъ была церковь, поставленная Молченскимъ монастыремъ (находившимся въ уѣздѣ) „для осаднаго времени" (стр. 94)—яркое свидѣтельство тревожнаго состоянія, въ какомъ находился тогда этотъ уѣздъ. Чтобы дать полное понятіе о содержаніи 2-й главы изслѣдованія Миклашевскаго, замѣтимъ еще, что въ началѣ ея онъ касается спорнаго вопроса о томъ, какіе поселенные пункты возникали раньше—города или селенія. Извѣстно что по этому вопросу произошло разногласіе между мною и профессоромъ В. О. Ключевскимъ [1]). Къ сожалѣнію, Миклашевскій затрогиваетъ этотъ важный вопросъ мимоходомъ и не представляетъ отъ себя для него ни новыхъ данныхъ, ни новыхъ соображеній. Онъ указываетъ только на существованіе въ степяхъ, лежавшихъ далеко за предѣлами городовъ, казаковъ-звѣролововъ-промышленниковъ (въ юртахъ) и воровскихъ черкасъ и дѣлаетъ изъ этого слѣдующій выводъ: „было бы, кажется

[1]) См. мою «статью «Нѣсколько словъ о характерѣ колонизаціи южной степной окраины Московскаго государства».

ошибочнымъ утверждать, что города служили, такъ сказать, непремѣнными этапами разселенія, что уѣздныя поселенія возникли или только путемъ выдѣленія части городского населенія или только послѣ появленія городовъ, служившихъ имъ защитою отъ нападенія татаръ и другихъ воинскихъ людей. Безъ сомнѣнія и то, и другое имѣло мѣсто на Украйнѣ, но врядъ ли эти явленія были необходимы и неизбѣжны" (стр. 64). Существованіе юртовъ и проживательство въ степяхъ воровскихъ черкасъ было отмѣчено мною раньше; но нужно доказать еще связь этого рѣдкаго степного населенія съ возникновеніемъ селъ и деревень Украйны, между тѣмъ такихъ доказательствъ Миклашевскій не приводитъ ни здѣсь, ни въ другихъ мѣстахъ своей книги, гдѣ касается этого вопроса, несмотря на то, что пользуется такимъ богатымъ матеріаломъ, какъ писцовыя, дозорныя, строельныя книги. Мало того— Миклашевскій игнорируетъ еще одинъ важный факторъ въ процессѣ возникновенія городовъ и селеній—сторожевые и станичные пункты, изъ которыхъ могли возникать (и дѣйствительно возникали иногда) постоянныя мѣста осѣдлостей. Вопросъ о промышленникахъ, владѣвшихъ юртами, играетъ очень важную роль въ дѣлѣ первоначальной, вольной народной колонизаціи окраины и мы на немъ остановимся еще впослѣдствіи; но повторяемъ—одинъ фактъ существованія юртовъ еще не даетъ права сдѣлать заключеніе, что уѣздныя поселенія возникали раньше появленія городовъ. Мы склонны думать, что, вообще говоря, военно-служилая колонизація предшествовала мирной крестьянской. Въ доказательство противоположнаго мнѣнія приводились выдержки изъ писцовыхъ книгъ (по Воронежскому краю); теперь эти писцовыя книги использованы Миклашевскимъ; но изъ нихъ оказывается только, что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Воронежскаго края было довольно значительное количество крестьянъ (сравнительно съ другими уѣздами); а когда появились эти крестьяне, неизвѣстно; вѣроятнѣе же всего, они были переведены сюда ихъ помѣщиками; такое мнѣніе высказываетъ и самъ Миклашевскій. Въ концѣ главы Миклашевскій приводитъ свои соображенія о «дворникахъ», состояніе которыхъ онъ опредѣляетъ такъ: „дворничество представляется намъ состояніемъ, близкимъ къ тому, въ которомъ находились всѣ вообще вольные гулящіе люди... Писцы изоброчили этихъ людей и тѣмъ самымъ смѣшали ихъ съ общей массой посадскаго населенія" (стр. 191). По нашему мнѣнію, дворники представляютъ большую аналогію съ малороссійскими подсусѣдками, и характерно то, что въ составѣ украинскихъ дворниковъ мы встрѣчаемъ значительное число разнаго рода „прихожихъ" людей, въ томъ числѣ и малороссіянъ изъ Литвы и Польши; дворники, подобно подсусѣдкамъ, жили въ чужихъ домахъ (значитъ въ „сосѣдяхъ",

отсюда и терминъ „подсусѣдокъ“) и не имѣли собственной земли, а только иногда, опять-таки подобно подсусѣдкамъ, нанимали ее; оба эти класса (дворничество и подсусѣдчество) вызваны были къ жизни одними и тѣми же соціально-экономическими условіями, которыя съ особенною силою проявлялись на Украйнѣ, какъ среди великорусскаго, такъ и среди малорусскаго населенія. Въ Малороссіи подсусѣдчество сохранилось до настоящаго времени, вѣроятно, потому, что правительственное вмѣшательство въ народную жизнь, особенно съ фискальными цѣлями, въ ней было менѣе значительно, чѣмъ въ Великой Россіи; своихъ же „дворниковъ“ Московское правительство старалось уничтожить, т. е. посадить въ тягло, перевести въ разрядъ посадскихъ людей еще въ XVII в. Такова вторая глава изслѣдованія Миклашевскаго. Она очень богата фактическимъ содержаніемъ и даетъ не мало важныхъ свѣдѣній о пяти городахъ южной окраины въ I-й четверти XVII в. Въ основу ея положенъ матеріалъ писцовыхъ книгъ и содержаніемъ этого источника опредѣляется и ея характеръ. Всесторонняго описанія городовъ авторъ не даетъ, потому что оно и не входило въ его задачу. Третью главу своего изслѣдованія Миклашевскій посвящаетъ описанію тѣхъ уѣздовъ, центрами которыхъ были описанные имъ выше города. Онъ опредѣляетъ занятую ими территорію, размѣры поселеній и составъ уѣзднаго населенія. Въ началѣ онъ высказываетъ любопытное замѣчаніе, что на разселеніе жителей оказывали вліяніе два естественные фактора—рѣки и лѣсъ; населеніе двигалось сюда первоначально по рѣкамъ и искало при этомъ для поселенія лѣсистыхъ мѣстностей; „не лѣсъ, а степь, говоритъ онъ, останавливала его движеніе“ (стр. 102); для того же, чтобы избавить себя отъ труда по расчисткѣ лѣса, населеніе устраивало подчасъ свои деревни въ лѣсныхъ полянахъ (стр. 103). Въ административномъ отношеніи уѣзды обыкновенно дѣлились на станы, а въ Путивльскомъ уѣздѣ удержалось дѣленіе на волости. Миклашевскій даетъ намъ описаніе четырехъ уѣздовъ (пропуская почему-то пятый)—Бѣлгородскаго, Оскольскаго, Воронежскаго и Путивльскаго, опять-таки по писцовымъ и другимъ аналогичнымъ книгамъ, въ I-й четверти XVII вѣка, при чемъ перечисляются станы и входящія въ составъ ихъ села, деревни, починки, указывается число дворовъ и составъ населенія въ нихъ, отмѣчаются владѣнія монастырей и церквей, говорится немного и объ уѣздныхъ укрѣпленіяхъ; впрочемъ, не всѣ уѣзды описаны одинаково подробно—Воронежскій и Путивльскій короче другихъ. Выводы, къ которымъ приходитъ авторъ относительно уѣздовъ, таковы. На огромномъ пространствѣ, занятомъ Бѣлгородскимъ уѣздомъ, было въ 1620 г. только 23 поселенія съ 874-мя дворами; въ томъ числѣ было 250 дворовъ помѣщичьихъ, 250 крестьян-

скихъ и 347 бобыльскихъ. „Почти всю массу помѣщиковъ составляли дѣти боярскіе“; на одного помѣщика въ среднемъ приходилось по 2 человѣка взрослыхъ крестьянъ и бобылей; слѣдовательно, они должны быть названы мелкопомѣстными. „Многіе изъ нихъ не имѣли ни крестьянъ, ни бобылей и обработывали землю личнымъ трудомъ“ (стр. 109). Населеніе Оскольскаго уѣзда также состояло изъ дѣтей боярскихъ, но у нихъ вовсе почти не было крестьянъ и бобылей и это дѣлало ихъ однодворцами; „подъ этимъ названіемъ они фигурируютъ въ дозорной книгѣ Оскольскаго уѣзда“ (стр. 111); мелкія поселенія преобладали въ Оскольскомъ уѣздѣ. Миклашевскій объясняетъ это явленіе тѣмъ, что въ Бѣлгородскій уѣздъ, какъ болѣе важный и центральный, приходили для поселенія болѣе богатые помѣщики (стр. 114). Воронежскій уѣздъ отличался обиліемъ крестьянъ и бобылей; здѣсь ихъ было больше, чѣмъ въ Бѣлгородскомъ; заселялся онъ быстро и хозяйственныя выгоды его были столь значительны, что здѣсь устраивали себѣ помѣстья даже подъячіе московскихъ приказовъ, проживавшіе, конечно, въ Москвѣ. Въ Путивльскомъ уѣздѣ были крестьяне съ бобылями, но въ небольшомъ количествѣ Характерною особенностью этого уѣзда является обиліе бортныхъ ухожаевъ. Миклашевскій даетъ довольно подробное описаніе ихъ и также сообщаетъ свѣдѣнія о пасѣкахъ, постепенно, по его словамъ, начавшихъ замѣнять собою и вытѣснять бортныя деревья; и тѣ, и другія играли важную роль въ дѣлѣ колонизаціи края. Для своего описанія Миклашевскій пользуется частію данными, бывшими уже въ научномъ обиходѣ, а частію и вовсе еще неизвѣстными (извлеченными имъ изъ Московскаго архива Министерства Юстиціи). Нѣкоторые изъ нихъ очень интересны, напримѣръ, изображенія такъ называемыхъ знаменъ, т. е. натесовъ, сдѣланныхъ на бортныхъ деревьяхъ топоромъ; это напоминаетъ знаменія, которыя устраивала еще великая княгиня Ольга въ Новгородской области („и ловища ея суть по всей земли, и знаменія, и мѣста, и погосты“ говорится въ Ип. Лѣт., стр. 38); глубокою древностью отзывается также особый видъ дани, называвшійся куницей, взимавшійся прежде натурою и напоминающій намъ древнерусскій сборъ бѣлокъ съ дыма („имаху Козаре по бѣлѣ и вѣвериць тако отъ дыма“ Ип. Лѣт. стр. 11); характерна также терминологія бортныхъ ухожаевъ; ими владѣли „по кабыцямъ“, т. е. по очагамъ или по куренямъ; слово это малорусское—и оно свидѣтельствуетъ о томъ, что бортниками были во всякомъ случаѣ преимущественно малороссіяне; это подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что пасѣки принадлежали также главнымъ образомъ „черкасамъ“ (стр. 127—132). Пасѣки сыграли видную роль въ дѣлѣ земледѣльческой культуры: гдѣ была пасѣка, тамъ скоро появлялась пашня; служилые люди распахали

не мало земель „изъ подъ пчельниковъ“; при описаніи пасѣки упоминаются, впрочемъ, не только пахатныя поля, но и другія угодья (напримѣръ, хмельники стр. 130). Все это напоминаетъ по характеру своему Донецкую волость, въ то время еще почти совсѣмъ не заселенную, но имѣвшую на своей территоріи нѣсколько юртовъ, т. е. земельныхъ угодій, гдѣ занимались звѣроловствомъ, рыболовствомъ и бортничествомъ. Точныя статистическія данныя объ этихъ юртахъ и соображенія о нихъ приведены уже въ моихъ „Очеркахъ“, и Миклашевскій только повторяетъ ихъ [1]). Въ концѣ главы Миклашевскій сообщаетъ краткія статистическія свѣдѣнія о монастырскомъ хозяйствѣ и землевладѣніи первой половины XVII в. по писцовымъ книгамъ; рѣчь идетъ здѣсь о мон. Путивльскомъ Молченскомъ, Успенскомъ и Акатовскомъ (въ г. Воронежѣ), Карочунскомъ и Борщевскомъ (въ Воронежскомъ уѣздѣ) и, наконецъ, Пристанскомъ (въ Валуйкѣ); самымъ богатымъ изъ нихъ оказывается первый. Цифра всего населенія края, по мнѣнію Миклашевскаго, не превосходила въ I-й четверти XVII в. 45000 душъ обоего пола (стр. 140). Переходимъ теперь къ обозрѣнію содержанія и разбору 4-й главы изслѣдованія Миклашевскаго. Тутъ говорится о заселеніи городовъ во 2-й четверти XVII в. и о составѣ и землевладѣніи украинскихъ поселенцевъ. Въ первоначальный составъ городского населенія входили постоянные жители (жилецкіе люди) и временные обитатели; первымъ давались деньги на обзаведеніе, а также жалованье, но только до тѣхъ поръ, пока они не распахивали такого количества земель, какое имъ было нужно для ихъ обезпеченія; вторые получали ежегодное жалованье. Расходъ правительства на содержаніе тѣхъ и другихъ былъ очень великъ; на устройство 3-хъ городовъ съ окологородными укрѣпленіями въ 1637 г. потребовалось, напримѣръ, по разсчету дозорщиковъ, 111574 руб. 15 алт. и 24000 четвертей всякаго хлѣба. Пользуясь „строельными“ книгами (частью изданными мною во 2-мъ томѣ „Матеріаловъ“, а частью и неизданными), Миклашевскій сообщаетъ любопытныя данныя о первоначальномъ населеніи Усерда, Хотмыжска и Карпова—о его составѣ и землевладѣніи. Между прочимъ въ Хотмыжскѣ, Карповѣ, Болховѣ и др. городахъ теперь оказались слободы дѣтей боярскихъ, т. е. той группы населенія, которая

[1]) «Постараемся опредѣлить положеніе этихъ юртовъ на современной картѣ», говоритъ Миклашевскій (стр. 106; но это опредѣленіе было уже сдѣлано мною раньше, и почтенный авторъ не прибавляетъ отъ себя ничего новаго. Отмѣтимъ кстати нѣкоторыя неточности въ его названіяхъ: есть рѣка Харькова, а не Харьковская, но впадаетъ она не въ р. Удъ, а въ р. Уды, „по теченію р. Бабки“, говоритъ Миклашевскій, „находились юрты Бабкинскій и Псецкій“ (стр. 106); что такое этотъ Псецкій юртъ, мы не знаемъ; очевидно, тутъ какая-то опечатка.

раньше не встрѣчалась въ городахъ степной окраины, а проживала только въ селахъ; крестьянъ и бобылей, впрочемъ, у нихъ не было. Чрезвычайно интересны свѣдѣнія нашего автора о такъ называемыхъ „сведенцахъ", т. е. лицахъ, переселяемыхъ самимъ правительствомъ въ новые города (стр. 152—159). Переселеніе это имѣло принудительный характеръ. Но и послѣ такого переселенія правительство оказывало сильное вліяніе на ихъ бытъ; такъ, оно не останавливалось передъ самыми суровыми мѣрами, чтобы заставить поселенцевъ распахивать свои земли.

Миклашевскій сообщаетъ намъ чрезвычайно важныя экономическія данныя о „сведенцахъ", переселенныхъ въ гг. Карповъ и Новый Осколъ —о ихъ семейномъ и сословномъ составѣ, о количествѣ приведеннаго ими съ собою скота и отчасти о размѣрѣ ихъ земельныхъ надѣловъ (стр. 159—166); дополненіемъ этихъ свѣдѣній являются данныя (къ сожалѣнію, очень краткія) о переселеніи отдѣльныхъ лицъ: Миклашевскій приводитъ всего одинъ примѣръ ссылки на украйну уголовнаго преступника, между тѣмъ какъ подобные случаи представляютъ большой интересъ и желательно было бы имѣть о нихъ побольше фактовъ. Особое мѣсто занимали черкасы, добровольно переселявшіеся въ Московскія украйны. Къ тѣмъ фактамъ, которые собраны были мною, Миклашевскій присоединяетъ еще нѣсколько новыхъ. Наиболѣе любопытны его свѣдѣнія объ имущественномъ достаткѣ Коротоякихъ, Урывскихъ, Острогожскихъ черкасъ и, наконецъ, той партіи ихъ, мѣсто поселенія которой было не извѣстно (стр. 171—177). Приведя эти статистическія данныя, Миклашевскій производитъ любопытное сопоставленіе цифръ, касающихся великорусскихъ и малорусскихъ переселенцевъ въ отношеніи семейнаго состава и количества скота. Изъ него оказывается, что „великорусская семья была среднимъ числомъ въ полтора раза болѣе малорусской (стр. 178). Этотъ выводъ пріобрѣтаетъ особенную важность въ виду того, что вопросъ о составѣ древней малорусской семьи является далеко не выясненнымъ; теперь же изъ данныхъ Миклашевскаго оказывается, что малороссы переселялись въ Украйну изъ Польши малыми семьями, состоявшими въ среднемъ всего изъ 4—5 человѣкъ обоего пола; скота малорусскіе поселенцы приводили съ собою меньше, чѣмъ великорусскіе; да это и понятно, если обратить вниманіе на то, что имъ нужно было проходить большія пространства раньше, чѣмъ достичь отведенныхъ пунктовъ.

Но вообще распредѣленіе скота и земли, какъ у великорусскихъ, такъ и у малорусскихъ переселенцевъ было довольно равномѣрное: преобладало мелкое хозяйство и землевладѣніе. Изслѣдованіе крестьянскаго хозяйства въ государевой посопной волости привело Миклашевскаго къ убѣжденію, что благосостояніе ихъ было очень велико, гораздо

выше благосостоянія крестьянъ любой полосы современной Россіи (стр. 185). Но этотъ выводъ. на нашъ взглядъ, недостаточно обоснованъ авторомъ и держится не столько на прямыхъ, сколько на косвенныхъ данныхъ и соображеніяхъ; во всякомъ случаѣ онъ какъ-то не мирится съ незначительнымъ размѣромъ у нихъ озимыхъ посѣвовъ и недостаточнымъ количествомъ лошадей (стр. 185). Хозяйство въ южной украйнѣ велось обыкновенно экстенсивнымъ образомъ: служилые люди распахивали только часть тѣхъ земель, которыя были въ ихъ распоряженіи; чрезполосица составляетъ также ихъ характерную особенность, являясь результатомъ отвода земель однимъ и тѣмъ же лицамъ въ разныхъ мѣстахъ. Землевладѣніе находилось въ тѣснѣйшей связи со службою и рѣшительное вліяніе на него оказывало правительство: сегодняшній пушкарь могъ сдѣлаться завтра казакомъ и получалъ надѣлъ, соотвѣтствующій его новому служебному положенію; различныя группы владѣли землею сообща («вопче»), «но доля каждаго изъ нихъ опредѣлялась ни по принципу равноправности, ни на основаніи трудового принципа, а по тому значенію какое имъ придавалось въ государственной жизни» (стр. 189). Въ первоначальномъ своемъ видѣ землевладѣніе на южной окраинѣ Московскаго государства находилось въ полной зависимости отъ системы поселенія и способа отвода земли, практиковавшагося въ то время въ интересахъ службы. Сами служилые люди называютъ себя по отношенію къ землевладѣнію «сябрами» или «себрами», т. е. товарищами (стр. 192)... «Такимъ образомъ, на южной окраинѣ складывались порядки землевладѣнія очень похожіе, если не совершенно тождественные съ тѣми, которые описаны профессоромъ Лучицкимъ для старой Малороссіи» (стр. 195). Далѣе Миклашевскій заявляетъ, что болѣе подробное изученіе порядковъ землевладѣнія не входитъ въ его нынѣшнюю задачу, и потому онъ ограничивается приведенными данными и соображеніями. Нельзя не пожалѣть объ этой краткости; благодаря ей у читателя не складывается опредѣленнаго представленія о системѣ землевладѣнія на Украйнѣ, указаніе на сходство или даже тождество его съ сябринными формами старой Малороссіи приходится просто принимать на вѣру. При томъ и это сябринное землевладѣніе еще не изучено должнымъ образомъ, хотя оно, повидимому, существовало на Руси уже въ глубокой древности [1]). Во

[1]) Первое упоминаніе о сябрахъ встрѣчается въ недавно изданномъ литературномъ памятникѣ XII в.—«Послании митрополита Климента къ смоленскому пресвитеру Ѳомѣ» (Пам. древней письменности); тутъ говорится о тѣхъ, кои «прилагаютъ домъ къ дому и села къ селомъ, изгои же и сябры и борти, и пожни, ляда же и старины»; любопытно также здѣсь выраженіе ляда; это особый видъ хозяйства на лядиныхъ земляхъ, широко практиковавшійся въ древней Сѣверщинѣ, т. е. въ той области, въ которой было особенно много сябровъ.

всякомъ случаѣ, кромѣ подробнаго изученія особенностей этого землевладѣнія, необходимо еще изучить степень его распространенности на Украйнѣ; необходимо также выяснить, въ какой мѣрѣ оно захватывало различные виды земель и промысловъ—пахатныя поля, лѣса, сѣнокосы, мельницы и т. п.

Почти ничего новаго не сообщаетъ Миклашевскій о малорусскомъ землевладѣніи Украйны и не рѣшаетъ даже вопроса о томъ, существовала ли какая-нибудь разница между имъ и четвертнымъ землевладѣніемъ великорусскихъ служилыхъ людей. Между тѣмъ было бы чрезвычайно важно опредѣлить, имѣло ли мѣсто здѣсь то заимочное землевладѣніе, которое характеризуетъ земельные распорядки черкасъ Слободской украйны; въ особенности интересно было бы разрѣшить этотъ вопросъ относительно Острогожскаго слободскаго полка, возникшаго, какъ извѣстно, на территоріи Воронежскаго края бокъ о бокъ съ великорусскими ея уѣздами. Едва ли можно согласиться также съ тѣмъ освѣщеніемъ, которое придаетъ Миклашевскій положенію черкасъ, жившихъ за путивльскими помѣщиками. Онъ видитъ въ нихъ готовыхъ кандидатовъ въ крѣпостные; но между ихъ положеніемъ и положеніемъ крѣпостныхъ была цѣлая пропасть, ибо черкасы пользовались правомъ вольнаго перехода; «закликанье же на слободы» въ XVII в. не могло еще быть особенно опаснымъ, потому что само правительство, въ интересахъ обороны края, было противъ закрѣпощенія вольныхъ малороссіянъ.

Относительно великорусскихъ крестьянъ и бобылей Миклашевскій дѣлаетъ интересный статистическій выводъ, что число ихъ въ Бѣлгородскомъ, Оскольскомъ и Воронежскомъ уѣздахъ постепенно уменьшалось, а бывшіе владѣльцы-помѣщики превращались въ однодворцевъ.

Въ 5-й и послѣдней главѣ Миклашевскій сообщаетъ дополнительныя свѣдѣнія о хозяйствѣ южной окраины. Напомнивъ, что хозяйство это, вообще говоря, было преимущественно мелкое и экстенсивное и что крупными владѣльцами являлись здѣсь только монастыри, правительство и отчасти помѣщики-малороссы, авторъ указываетъ на тѣ причины, которыя мѣшали благосостоянію населенія: это были, кромѣ татарскихъ нашествій, неурожаи и болѣзни; къ сожалѣнію, онъ не останавливается на нихъ съ должнымъ вниманіемъ, хотя, по нашему мнѣнію, необходимо было разобрать вліяніе каждой изъ нихъ въ отдѣльности. Весьма подробно зато Миклашевскій говоритъ о хозяйствѣ на государственныхъ земляхъ—о такъ называемой «*десятинной пашнѣ*». Десятинною она называлась потому, что не была положена въ четверти, какъ не подлежавшая обложенію. Вызывалась она необходимостью имѣть большіе хлѣб-

ные запасы для выдачи корма служилымъ людямъ на окраинѣ Обрабатывали ее частью временно служилые, частію жилецкіе, а частію и наемные люди; для этого былъ необходимъ живой и мертвый инвентарь (скотъ, орудія). Но любопытнѣе всего то, что урожаи на этой «десятинной пашнѣ» были очень скудные, гораздо скуднѣе нынѣшнихъ; въ Ельцѣ, напримѣръ, рожь родилась въ среднемъ самъ 2,2, а овесъ самъ 1,5 (стр. 231). Миклашевскій объясняетъ это странное явленіе крайне несовершенными пріемами обработки (между прочимъ отсутствіемъ удобренія), находившимися въ зависимости отъ обязательнаго характера этой повинности. «При непримѣненіи удобренія и трехъпольномъ сѣвооборотѣ, въ какомъ несомнѣнно находилась десятинная пашня на Ельцѣ», говоритъ Миклашевскій», низкіе урожаи не представляютъ изъ себя чего-либо непонятнаго» (стр. 233). Мы совершенно не компетентны въ вопросахъ, касающихся земледѣльческой культуры, и должны здѣсь полагаться in verba magistri; но для насъ все-таки не вполнѣ убѣдительна аналогія прежняго времени съ нынѣшнимъ; теперь сѣрыя земли могутъ давать большіе урожаи, чѣмъ черноземныя, благодаря отсутствію на этихъ послѣднихъ удобренія. Но могло ли имѣть такое важное значеніе удобреніе въ XVII в. на и безъ того тучномъ украинскомъ черноземѣ, о которомъ самъ же Миклашевскій приводитъ слѣдующее характерное извѣстіе: Карповскій воевода въ 1647 г. «разодралъ» 50 десятинъ ковылья (цѣлины) драгунскими лошадьми, но при этомъ многія лошади пали (стр. 220).

Послѣднія 2 страницы 5-й главы заняты извѣстіями о чугуевскихъ виноградникахъ и арбузныхъ огородахъ (235—236), о которыхъ, впрочемъ, сообщались уже тѣ же свѣдѣнія въ моихъ «Очеркахъ».

Глава 3-я. Пробѣлы въ трудѣ Миклашевскаго.

Уже изъ представленнаго нами краткаго обозрѣнія содержанія разбираемой книги можно убѣдиться, что авторъ и не стремился къ тому, чтобы дать систематическое изслѣдованіе колонизаціи, землевладѣнія и хозяйственнаго быта въ избранной имъ мѣстности: онъ рѣшилъ сообщить только новые собранные имъ матеріалы по этимъ вопросамъ; при этомъ онъ отказался даже отъ одной изъ поставленныхъ первоначально себѣ задачъ (подробнаго изученія формъ землевладѣнія); что касается исторіи колонизаціи и хозяйственнаго быта, то и здѣсь у него, въ силу указаннаго выше свойства, не мало существенныхъ пробѣловъ. Эти пробѣлы являются прямымъ послѣдствіемъ недостаточнаго экспло-

атированья источниковъ и пособій. Для насъ совершенно ясно, что если бы Миклашевскій постарался исчерпать всѣ печатные источники и пособія и нѣсколько расширилъ кругъ своихъ розысканій въ архивѣ Мин. Юстиціи, то онъ могъ бы дать весьма полную и всестороннюю картину хозяйственнаго быта южной окраины, взамѣнъ своихъ нынѣшнихъ отрывочныхъ, хотя и чрезвычайно важныхъ свѣдѣній, изъ которыхъ читатель все-таки не можетъ составить себѣ полнаго отчетливаго представленія объ экономической жизни и культурѣ этого уголка Россіи въ XVII в. Здѣсь невольно хочется сопоставить трудъ Миклашевскаго съ аналогичнымъ трудомъ б. секретаря воронежскаго статистическаго Комитета Л. Б. Вейнберга, заявившаго себя цѣлымъ рядомъ изданій и работъ по исторіи Воронежскаго края. Книжка его носитъ слѣдующее заглавіе: «Очеркъ сельскохозяйственной промышленности Воронежской губерніи. Выпускъ первый (XVI—XVIII в.)». Въ ней мы находимъ именно опытъ систематическаго изложенія сельскохозяйственной промышленности, основанный на всей совокупности доступныхъ автору матеріаловъ (печатныхъ и мѣстныхъ архивныхъ). Задавшись цѣлью систематическаго изученія этихъ послѣднихъ, Л. Б. Вейнбергъ, естественно, достигъ тутъ значительной полноты; онъ коснулся разныхъ сторонъ хозяйственнаго быта Воронежскаго края, давъ собственно о хозяйственной культурѣ болѣе обильныя свѣдѣнія, чѣмъ Миклашевскій. Говоря это, мы не сравниваемъ обоихъ сочиненій по существу (для этого намъ нужно было бы остановиться столь же внимательно на книгѣ г. Вейнберга, какъ это мы сдѣлали съ сочиненіемъ Миклашевскаго);—мы только отмѣчаемъ разницу ихъ методовъ и результаты этой послѣдней. Не принимая на себя труда систематическаго пополненія всѣхъ пробѣловъ въ книгѣ Миклашевскаго, мы постараемся это сдѣлать относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ:—остановимся подробно, съ одной стороны, на промысловой колонизаціи, а съ другой, отмѣтимъ нѣкоторыя болѣе важныя черты сельскохозяйственной культуры великорусскихъ и малорусскихъ переселенцевъ края.

Высказавъ совершенно вѣрное положеніе, что хозяйственный бытъ населенія опредѣлялся уже въ первоначальный моментъ заселенія края, Миклашевскій почти вовсе не останавливается на одномъ видѣ колонизаціи, который имѣетъ чрезвычайно важное значеніе и самъ по себѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ сельскохозяйственною промышленностію. Я имѣю въ виду такъ называемые юрты или ухожаи; служившіе первичною формою колонизаціи и вмѣстѣ съ тѣмъ хозяйственной промышленности. Объ этихъ юртахъ и ухожаяхъ Миклашевскій говоритъ при описаніи Донецкой волости (106—107 стр.) и

Воронежскаго уѣзда (115 стр.), но очень кратко и бѣгло, не прибавляя, какъ мы видѣли уже, отъ себя ничего къ тому, что сказано было въ нашихъ «Очеркахъ». Опредѣленіе юртамъ здѣсь дается такое: «слово юртъ» обозначаетъ, кажется, болѣе или менѣе обширную территорію, съ очень не опредѣленными границами, но составляющую все-таки одно хозяйственное цѣлое. Кажется, «въ юртахъ» земледѣліемъ не занимались. Это были области, назначенныя исключительно для бортничества, звѣроловства и рыболовства» (стр. 106). Такимъ характеромъ отличалась какъ Донецкая волость съ ея юртами, такъ и южная часть Воронежскаго края съ его ухожаями; первые правительство жаловало разнымъ лицамъ взамѣнъ четвертной пашни, а вторые сдавало на оброкъ съ «наддачи».

Юрты и ухожаи занимали огромныя пространства еще не заселенной территоріи, куда владѣльцы ихъ, жители окраинъ, ѣздили на промыслы и оставались тамъ извѣстную часть года (вѣроятнѣе всего весною и лѣтомъ). Отсюда возникло, нужно думать, и самое названіе ихъ—ухожаи или входы, т. е. мѣста, куда ходили на промыслы. Вотъ древнѣйшее свидѣтельство о воронежскихъ ухожаяхъ. «Въ Резанскихъ въ писцовыхъ книгахъ Михаила Пушкина съ товарищи 93 году (1583 г.) написано: Резанскаго уѣзду села Ворыщъ за бортники—Демки Айдарова сына Панина да Игнатки Инютина сына Кочапина да Ивашки Олексѣева сына Ларивонова, за ними на оброкъ бортныхъ ухожеевъ да рыбныхъ: Ивашко Алексѣевъ сынъ Милкинъ, Ѳедоска Ѳѳонасьевъ сынъ Корыгинъ ходятъ лѣсъ бортной на Воронежѣ, Радчинской ухожей а Сѣкинской, два знамени—знамя крестъ косой на верху два рубежа знамя крестъ косой же въ споди рубежъ, на верху рубежъ же; оброку съ тѣхъ знаменъ пять пудовъ меду. Демка да Гришка Ѳѳонасьевы дѣти Айдарова, Ивашко Григорьевъ сынъ Степанова ходятъ лѣсъ бортной на рѣкѣ на Устьмани, знамя соха внизъ на правой сторонѣ два рубежа; оброку два пуда меду... Демка Айдаровъ ловитъ тоню въ рѣкѣ въ Усманижъ да въ Хавѣ, оброку рубль. Игнатко Инютинъ сынъ Кочапина ловятъ тоню Домажировъ да рѣчку протокъ верхней узголовьи да по нижней отъ Чертовицкой поляны на низъ по Воронежю по Черкасской бродъ; оброку двѣ гривны». Итакъ, мѣстность Воронежа первоначально, до основанія города, входила въ составъ Рязанскаго уѣзда и представляла изъ себя въ концѣ XVI в. (по отношенію къ нему) такіе же ухожаи промышленниковъ, какъ и Донецкая волость по отношенію къ Бѣлгородскому уѣзду въ 1-й четверти XVII-го вѣка. Такимъ образомъ, ухожаи являлись какъ бы аванпостами русской колонизаціи въ степяхъ. Сюда приходили смѣлые предпріимчивые добычники съ тѣмъ, чтобы брать въ бортяхъ воскъ и медъ, ловить въ тоняхъ рыбу и бить

въ лѣсахъ дикаго пушного звѣря. Характерною особенностью ухожаевъ нужно признать значительность занятаго ими пространства и необычайную рѣдкость населенія. Юрты и ухожаи занимали иногда цѣлые десятки верстъ. Огромная Донецкая волость, захватывавшая значительную часть нынѣшней Харьковской губерніи, заключала въ себѣ всего какой-нибудь десятокъ юртовъ.

Чтобы судить о размѣрахъ ихъ, достаточно вспомнить, что причту Троицкаго Бѣлгородскаго собора была отдана рѣка Нежеголь съ ея притоками Коренемъ и Корочою, оба берега Донца отъ впаденія въ него Нежеголи до впаденія Вольчихъ Водъ, лѣсъ по Нежеголи и другія болѣе мелкія угодья. О незначительномъ количествѣ населенія въ юртахъ и ухожаяхъ свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что 7 юртовъ Донецкой волости принадлежали 5-ти промышленникамъ. Конечно, нужно предполагать, что эти промышленники имѣли у себя сыновей, родственниковъ, племянниковъ, бобылей, иначе они и не могли бы справляться съ обширнымъ юртовымъ хозяйствомъ; но и при такихъ условіяхъ все-таки Донецкую волость нельзя назвать заселеннымъ краемъ. „Входники“—промышленники, выбирая богатыя пчелою, рыбою и звѣремъ угодія, намѣчали только мѣста будущихъ осѣдлостей и въ этомъ отношеніи напоминаютъ намъ станичниковъ и въ особенности сторожей. Сторожа подобно входникамъ являлись первыми піонерами русской колонизаціи. Такъ одновременно зарождались въ степяхъ очаги будущаго военнаго и промышленнаго быта. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что эти промышленники были въ одно и то же время и воинами, потому что хозяйство въ этихъ отдаленныхъ степяхъ, за чертою русскихъ поселеній, среди татарскихъ шляховъ и перелазовъ, должно было идти рука объ руку съ оборону края. Въ Донецкой волости юрты были розданы прямо служилымъ людямъ вмѣсто четвертной пашни; въ Воронежскомъ краѣ болѣе отдаленные ухожаи были на оброкѣ, ближайшіе же раздавались вмѣсто государева жалованья: „принесъ трубникъ Захаръ Звягинъ, читаемъ мы на одномъ документѣ 1594 г., всего 16 пудъ съ полупудомъ (меду); а денегъ два рубля 30 алтынъ; сказалъ Воронежскій казакъ Рудачко: дано имъ за половину жалованья ухожаевъ по Воронежу вверхъ верстъ съ 30 по рѣчку Излегощъ, а тѣ ухожаи въ томъ мѣстѣ есть рѣчка Усмань отъ Воронежа верстъ съ десять, а по Дону вверхъ до Кривого Бору, а внизъ до Коросани“. Оброчниками, какъ увидимъ далѣе, были по большей части служилые люди, но и вольные владѣльцы ухожаевъ (напримѣръ, черкасы [1]), не прибранные на государеву городовую службу, также

[1]) О нихъ извѣстно, что они сытили медъ и продавали въ «медвянныхъ» корчмахъ, добывая его между прочимъ грабежомъ (это выражалось терминомъ «добуватьця».

были прекрасными воинами. Такимъ образомъ, существованіе юртовъ и „ухожаевъ“, а равно и сторожей не колеблетъ стараго вывода, сдѣланнаго въ нашихъ „Очеркахъ“, что города въ южной степной Украйнѣ являлись раньше селъ. Отождествлять сторожи и ухожаи съ селеніями невозможно; говорить, что крестьянская колонизація на Украйнѣ предшествовала служилой, нѣтъ никакихъ основаній— это значитъ идти противъ документальныхъ данныхъ; главными, чтобы не сказать исключительными, дѣятелями въ заселеніи и эксплоатированіи ухожаевъ оказываются также служилые люди; они вовсе не чуждались прибыльныхъ промысловъ и охотно занимались ими какъ въ городахъ, такъ и за предѣлами ихъ—въ юртахъ или ухожаяхъ. Да и кому естественнѣе всего было заниматься здѣсь звѣроловствомъ или рыболовствомъ, какъ не отважнымъ воинамъ—всѣмъ этимъ бѣломѣстнымъ атаманамъ и черкасамъ, изучившимъ степь во время своихъ сторожевыхъ и станичныхъ разъѣздовъ и умѣвшихъ справляться съ грозными обитателями—татарами? Но продолжительное существованіе ухожаевъ укрѣпляло, такъ сказать, за Русью эти незаселенныя мѣстности и подготовляло здѣсь устройство правильныхъ поселенныхъ пунктовъ, т. е. городовъ, а вслѣдъ за тѣмъ или одновременно подъ прикрытіемъ ихъ и селеній. Постройка города, естественно, производила рѣшительный переворотъ въ жизни такихъ уголковъ и ихъ населенія. Только тогда оживалъ край, только тогда являлись жители, которые устраивали здѣсь для себя прочную осѣдлость; только тогда онъ дѣлался на столько безопаснымъ, что подъ прикрытіемъ устроенныхъ въ немъ укрѣпленій, могли появляться здѣсь села и деревни, могло возникнуть правильное земледѣліе. Само собою разумѣется, что при этомъ прежніе владѣльцы юртовъ и ухожаевъ не могли уже удержать за собою своихъ огромныхъ территорій и должны были такъ или иначе уступать ихъ новому, несравненно болѣе густому населенію: для охоты за звѣремъ или для рыбныхъ ловель нужны были огромныя пространства лѣсовъ и рѣкъ; теперь эти лѣса и рѣки являются уже общественною собственностью всѣхъ жителей новаго города и образовавшихся въ его уѣздѣ селеній; необычайно экстенсивное хозяйство звѣролововъ и рыболововъ уступаетъ свое мѣсто относительное менѣе экстенсивному земледѣльческому переложному хозяйству. Вотъ документъ, свидѣтельствующій о тѣхъ послѣдствіяхъ, какія имѣло построеніе г. Воронежа. „Въ 93 году (1585) били челомъ государю царю и великому князю Ѳедору Ивановичу всея Русіи Резанскаго уѣзда, села Ворыщъ, бортники Демка Айдаровъ сынъ Панинъ да Игнатко Инютинъ сынъ Кочапинъ да Ивашко Олексѣевъ сынъ Ларивоновъ, а сказали: „были де за ними на оброкѣ въ Резанскомъ уѣздѣ бортные ухожьи и рыбные ловли и тѣ

де ихъ бортные ухожеи и рыбныя ловли отписаны къ новому городу, къ Воронежу, и тѣми ихъ угодьи Воронежскіе жильцы владѣти имъ нынѣ не дадутъ и впредь де имъ оброку добывати негдѣ, а нынѣ на ихъ того оброку правятъ". Точно такія же явленія, какъ увидимъ далѣе, имѣли мѣсто и при началѣ настоящей колонизаціи Битюцкаго и другихъ сосѣднихъ ухожаевъ, лежавшихъ въ южной части Воронежской губерніи. Съ построеніемъ г. Воронежа (въ 1586 г.) и заселеніемъ сѣверной части Воронежской губ., ухожаи отодвинулись въ южную часть губерніи, гдѣ въ началѣ XVII в. мы видимъ цѣлый рядъ ихъ—Битюгскій (по р. Битюку), Икорецкій по р. Икорцу (въ нын. Бобровскомъ уѣздѣ), Осередскій (по р. Осередѣ въ нын. Павловскомъ уѣздѣ), Бѣлозатонской, Богатозатонскій (въ Коротоякомъ уѣздѣ) и др.

Любопытно прослѣдить судьбу ухожаевъ и юртовъ Бѣлгородскаго и Воронежскаго края въ теченіе XVII в., и это возможно сдѣлать, потому что для этого имѣется въ нашемъ распоряженіи достаточное количество данныхъ.

О бѣлгородскихъ юртахъ, находившихся въ предѣлахъ Донецкой волости, сообщены довольно обстоятельныя свѣдѣнія въ моихъ „Очеркахъ"; они же повторены и у Миклашевскаго; поэтому мы на нихъ останавливаться не будемъ; замѣтимъ только, что во 2-й половинѣ XVII в., эта Донецкая волость заселилась выходцами изъ Заднѣпровья (и отчасти русскими переселенцами) и получила названіе Слободской украйны. Исторія ея заселенія подробно изложена въ моихъ „Очеркахъ". Совершенно аналогичное явленіе представляютъ изъ себя ухожаи южной части старинаго Воронежскаго уѣзда.

Уже въ 1594 году воронежскіе ухожаи доходили по р. Дону до Коросани, какъ говорится въ актѣ, т. е. до р. Хворостани, но это были вѣроятно, только ближайшіе. По крайней мѣрѣ въ 1615 году существовалъ цѣлый рядъ другихъ, которые были расположены южнѣе; ихъ-то отмѣчаетъ писцовая книга этого года. Можно думать, что они стали эксплоатироваться съ прекращеніемъ смутной эпохи, которая должна была отразиться отрицательно на заселеніи этой окраины. Въ 1615 году писецъ отмѣтилъ слѣдующіе вотчины-ухожаи: Хворосанскій, Лисогорьевскій, Подульской, Сосенскій, Богатозатонскій, Икорскій, Марьковскій, Битюцкій, Бабій, Серецкій съ Шиповыми лѣсами, Калитвянскій, Бѣлозатонскій, Боучарскій, Толучеевскій, Терновскій, Иловскій съ лѣсомъ и рѣчками Ольшанкой и Сосенскомъ и, наконецъ, Окологородный. Они захватываютъ между прочимъ части нынѣшнихъ Коротоякаго, Острогожскаго, Богучарскаго, Бобровскаго, Павловскаго, уѣздовъ Воронежской губ., т. е. южной половины ея, которая заселилась позже сѣ-

верной. Всего собиралось съ нихъ оброку 300 р. съ полтиною; а отдавались они ежегодно въ Воронежѣ всякимъ людямъ „съ наддачи“ съ Семенова дня [1]). Въ 1620 г. на откупъ были сданы слѣдующіе ухожаи: Битюцкій, Бѣлозатонскій, Богучарскій, Сосенскій (рѣка Сосна), Лысогорскій, Богатый Затонъ да копанище, рѣка Потудонь съ ухожаемъ, Потудонскимъ, рѣка Икорецъ, Марковъ, юртъ Калитвянскій, рѣка Толучѣева, Ѳарасанскій, Голышевскій Затонъ и волочилище и селище внизъ по р. Дону. Сравнивая оба списка, мы замѣчаемъ, что во второмъ есть нѣкоторые новые ухожаи, но зато не достаетъ кое-какихъ прежнихъ; можетъ быть, это объясняется тѣмъ, что нѣкоторые изъ прежнихъ ухожаевъ исчезли, а мѣсто ихъ занимали новые. Въ 1628—1629-мъ году мы встрѣчаемъ указанія на слѣдующіе ухожаи: Битюцкій, Бѣлозатонскій юртъ Богучарскій, рѣчка Толучѣева, Марковскій, Калитвянскій, Затонъ Голышевскій съ волочилищемъ и селищемъ. Представимъ свѣдѣнія о размѣрахъ оброчныхъ денегъ за нихъ въ разные періоды времени. Битюцкій въ 1615 г. сдавался за 30 руб., Серецкій—за 6 р., въ 1620 г. оба за 31 руб., въ 1622 г.—за 31 руб., въ 1623 г.—за 54 руб. [2]), въ 1624 г.—за 56 руб., въ 1628—1629—за 65 руб., въ 1664 г.—за 95 р.; Форосанскій въ 1615 г.—за $12^1/_4$ руб., въ 1620 г.—за 12 руб., Лысогорскій въ 1615 г., за 20 руб. въ 1620 г. за 20 руб, въ 1628—1629 г.—за 20 руб.; Сосенскій въ 1615 г.—за 20 руб.. въ 1620 году —за 34 руб.; Богато-Затонскій въ 1615 г.—за 50 руб., въ 1620 г.—50 руб.; Икорскій въ 1615 г.—за $10^1/_2$, въ 1620 г.—за 9 руб.; Марковскій въ 1615 г.—за 18 руб., въ 1620 г.—20 руб., въ 1628—1629 г. —за 20 р.; Калитвянскій въ 1615 г.—за $50^1/_2$ руб., въ 1620 г.—за $50^1/_2$ руб., въ 1628—1629 г.—за 51 руб.; Бѣлозатонскій въ 1615 г.—за $12^1/_2$ руб., въ 1620 г.—за 14 руб., въ 1628—1629 г.—за 14 руб., въ 1651 г.—за 20 руб., въ 1652 г.—23 руб.; Богучарскій и Толучѣевскій въ 1615 г.—за 15 р., въ 1620 г.—за 13 руб., въ 1628—1629 г. за 16 руб. Изъ этихъ цифръ видно, что вообще говоря, сумма оброка увеличивалась, хотя довольно слабо; во многихъ случаяхъ она оставалась безъ измѣненія, а въ нѣкоторыхъ даже уменьшалась. Въ концѣ же концовъ огромное пространство земель и угодій, занятое ухожаями, приносило сравнительно весьма небольшой доходъ казнѣ. Гораздо болѣе выгоды извлекали отсюда тѣ лица, которыя брали на откупъ эти ухожаи и занимались въ нихъ звѣроловствомъ, рыболовствомъ, пчеловодствомъ и даже хмелеводствомъ. Въ 1624-мъ году откупщикъ Битюцкаго и Серец-

---

[1]) Ворон. писц. книги. изд. Ворон. Губ. Стат. Комит. 1891 г., стр. 139—141.

[2]) Мы опускаемъ алтыны и деньги.

каго ухожаевъ Гришка Побѣжимовъ подалъ челобитную: „онъ де, Гриша въ томъ ухожаѣ по нашей откупной грамотѣ рыбу ловилъ по прежнему и какъ де онъ, Гриша, ѣхалъ съ рыбной ловли и тѣ де казаки (новые откупщики) его били и грабили, а взяли грабежомъ рыбы: 103 сазана, да щукъ и лещей и всякія рыбы 10 возовъ... да 25 куницъ да 25 лисицъ". Откупщикъ Шотуданскаго и Лысогорскаго ухожаевъ Прокофій Шишкинъ жаловался въ 1625 г. что въ его вотчинѣ насильствомъ „рыбу ловятъ, звѣря бьютъ и хмель дерутъ".

Съ заселеніемъ сѣверной части Воронежскаго края и сосѣднихъ мѣстностей, въ томъ числѣ и Слободской украйны, въ составъ которой входилъ Острогожскій казачій малороссійскій полкъ, занявшій прежній Сосенскій ухожай, сталъ на очередь вопросъ и о колонизаціи бассейна рр. Битюка, Икорца и Осереды, гдѣ были расположены Битюцкій, Икорецкій и Осередскій ухожаи. Съ 1615 г. по 1684-й годъ 1-й и 3-й сдавались „по перекупкамъ изъ наддачъ" воронежцамъ и жителямъ другихъ городовъ; а въ 1684 году они были сданы въ оброкъ на 10 лѣтъ по 200 руб. за годъ архимандриту Козловско-Троицкаго монастыря Дорофею съ братіею. Въ 1685 г. Государь велѣлъ послать въ Лысогорскіе городки и на рѣку Битюкъ и Осереду для описанія лѣсовъ и бродовъ подъячихъ и чертежниковъ; всѣ эти мѣста нужно было измѣрить и начертить на чертежъ, чтобы выяснить вопросъ о возможности постройки здѣсь новыхъ городовъ, слободъ, селъ и деревень; чертежники должны были также опредѣлить разстояніе тѣхъ урочищъ, на которыхъ предполагалось построить эти города, отъ украинскихъ городовъ по Тамбовской чертѣ, отъ Козлова, Воронежа, Коротояка и Донскихъ казачьихъ городковъ, узнать,—много ли можно было бы поселить тутъ жителей, сколько на долю ихъ пришлось бы пашенной земли, сѣнныхъ покосовъ, лѣсовъ и всякихъ угодій, и опредѣлить, не будетъ ли отъ этого обиды старымъ поселеніямъ и будутъ ли ограждены отъ татарскихъ нападеній своими укрѣпленіями новыя. Дозорщики Трифонъ Картавцовъ и Иванъ Жолобовъ составили „дозорныя" книги и чертежъ всему этому краю и отправили ихъ въ Москву въ разрядный приказъ. Изъ нихъ видно, что они добросовѣстно исполнили свое порученіе и сдѣлали дѣйствительно тщательный дозоръ и чертежъ, указавъ при этомъ тѣ пункты, гдѣ нужно было, по ихъ мнѣнію, поставить городки, и опредѣливъ даже число жителей въ этихъ будущихъ городкахъ. Вотъ одинъ примѣръ: „а отъ рѣки Липовцы и отъ того мѣста, гдѣ быть городку и до рѣки Битюга, и до Чемлыщкаго юрту по мѣрѣ 16 верстъ 180 саж. и въ томъ мѣстѣ быть второму городку, а въ немъ жителямъ 200 человѣкамъ, а лѣсъ на городовое и на дворовое строеніе имать по рѣкѣ Битюку. А отъ Чемлыщкаго

юрту отъ того мѣста, гдѣ быть 2-му городку, внизъ по р. Битюку до острова 25 верстъ 970 саж. и въ томъ мѣстѣ быть 3-му городку, а въ немъ жителямъ 300 чел., а лѣсъ на городовое и на дворовое строеніе имать по р. Битюку. А отъ того острова внизъ по р Битюку до Чулиньина острова 14 в. 150 с.. а въ томъ мѣстѣ быть 4-му городку, въ немъ жителямъ 800 ч , на городовое и на дворовое строеніе лѣсъ чорный и боръ за рѣкою Битюкомъ". Всего отъ Тамбовскаго вала до рѣки Битюка и рѣкою Битюкомъ до впаденія ея въ Донъ и отъ устья ея до Коротояка вымѣрено было 166 верстъ, 150 саж. Писцы предлагали устроить здѣсь 7 городковъ и населить ихъ 2506 чел.: отъ старыхъ же поселеній эти новые городки отстояли бы на 20, 50 и 60 верстъ; лѣсу для нихъ было бы достаточно; но его не хватило бы для селъ и деревень и потому этихъ послѣднихъ писцы вовсе и не проектировали; въ заключеніе указывалось, какія укрѣпленія нужно было сдѣлать въ этихъ мѣстахъ— предлагалось устройство валовъ, рвовъ, надолобъ, башенъ, чесноковъ, заповѣднаго лѣса, который также игралъ тогда роль укрѣпленій. Любопытно при этомъ отмѣтить одну подробность измѣренія: писцы проходили всѣ эти мѣста съ веревкою или, какъ они выражаются, съ «вервью» въ рукахъ; любопытно также, что лѣсъ признавался обязательною принадлежностью всякаго поселенія. По рѣкѣ Мотырѣ (притоку р. Воронежа) были цѣлыя тысячи четвертей пахатной земли и сѣнныхъ покосовъ, но не было лѣсовъ—вотъ въ дозорной книгѣ и отмѣчено: «населенія населить въ томъ мѣстѣ не у чего». Но вышло не совсѣмъ такъ, какъ предлагали писцы: въ эти ухожаи устремилась двойная колонизація—малорусская и великорусская.

Въ 1680 году изъ-за Днѣпра явились на Государеву службу выходцы малороссіяне—уманцы, ольховчане, звенигородчане, богуславцы, калниболотцы, межибожцы, збарожане, зеславцы, тернопольцы и жители другихъ заднѣпровскихъ городовъ. Они перешли еще въ 1675-мъ году въ лѣвобережную Малороссію (бывшую тогда подъ властью Москвы) вслѣдствіе войнъ съ турками и татарами и оставались на жительствѣ въ малороссійскихъ городахъ. Они отправили въ Москву въ разрядъ своихъ челобитчиковъ—протопопа отца Іакова Мировицкаго, осадчаго Павла Тимофеева и атамановъ: Матвѣя Григорьева, Афанасія Павлова и Ѳедора Коротича, которые дали слѣдующее объясненіе: покинувъ свои дома и города подъ вліяніемъ «бусурманскаго разоренія» и перейдя на службу къ Его Царскому Величеству, они скитаются по Государевой Украйнѣ и не имѣютъ ни своихъ жилищъ, ни своихъ пашенъ; поэтому они просятъ о разрѣшеніи «ради своего иноземчества» строиться имъ на вѣчное жилье городами и жилищами въ полѣ, за рѣкою Дономъ, на ногай-

ской сторонѣ, на устьѣ р. Битюка, и если имъ Государь разрѣшитъ поселиться тамъ и дастъ на это свою грамоту за «отворчатою печатью», то пусть позволитъ имъ передъ началомъ весны назначить сборный пунктъ между городами Путивлемъ и Конотопомъ, въ Казачьей Дубровѣ, у Гетманскаго Кургана, на вершинѣ рѣчки Конотопа и на Краснахъ. И тамъ соберется тысячъ съ 10 семействъ; собравшись же и росписавшись въ сотни, они (протопопъ, осадчики, атаманы и всѣ прочіе) пойдутъ по первому лѣтнему пути обозомъ на поселеніе къ р. Битюку. Въ разрядѣ имъ сказали, что р. Битюкъ степная и крѣпостей тамъ подѣлать невозможно, что туда постоянно приходятъ ногайцы и калмыки и что имъ черкасамъ удобнѣе будетъ поселиться въ городкѣ Полатовѣ и его окрестностяхъ, гдѣ пахатныхъ земель, лѣсу и всякихъ угодій достаточно. Протопопъ съ атаманами отвѣтили на это, что они не знаютъ, захотятъ ли переселенцы поселиться въ Полатовскомъ лѣсу, а потому пусть Государь разрѣшитъ все-таки имъ, въ случаѣ, если они предпочтутъ Битюкъ, итти къ этому послѣднему и дастъ имъ пушекъ, пороху, свинцу для обороны; они же, получивъ льготу въ даняхъ, оброкахъ и податяхъ, сами безъ посторонней помощи построятъ городъ, подъ условіемъ свободнаго винокуренія, которымъ пользуются ихъ братія—казаки сумскаго, ахтырскаго и харковскаго полковъ, и подъ условіемъ отсутствія на первыхъ порахъ воеводъ и приказныхъ людей; вмѣсто же этихъ послѣднихъ пусть ими вѣдаютъ протопопъ, полковникъ, осадчики, атаманы и старшины, какихъ они выберутъ изъ своей среды. Государь не разрѣшилъ имъ сѣлиться по Битюку (въ виду указанныхъ выше неудобствъ этого пункта), а повелѣлъ устраиваться у Полатовскаго вала на р. Валуѣ при впаденіи въ нея Валуйца: построить городъ, а если его окажется недостаточнымъ, то и нѣсколько городовъ между гг. Полатовымъ, Усердомъ, Валуйкою и Новымъ Осколомъ выше Цареборисова, по обѣ стороны р. Оскола, Сѣверскаго Донца и по верховьямъ р. Сосны, въ тѣхъ урочищахъ, которыя они сами выберутъ; воеводамъ и приказнымъ у нихъ не велѣно быть въ теченіе 10 и болѣе лѣтъ, а разрѣшено было имъ составить изъ себя особый Полатовскій полкъ, управляться собственными выборными старшинами и вести безпошлинную торговлю въ новопостроенныхъ городахъ, держать безоброчно шинки по своимъ старымъ обычаямъ; полатовскаго валоваго дѣла (на которое высылались казаки острогожскаго полка) не дѣлать и вообще никакихъ податей въ теченіе 15 лѣтъ не платить; по истеченіи же этихъ льготныхъ лѣтъ нести полковую казацкую службу и вмѣстѣ съ тѣмъ пользоваться тѣми льготами, какія имѣли казаки Сумскаго, Харьковскаго и Ахтырскаго полковъ; въ такомъ смыслѣ были посланы указы русскимъ воеводамъ и слободскимъ полковникамъ.

Изъ этого видно, что центральное правительство отнеслось къ этимъ вольнымъ малорусскимъ переселенцамъ такъ, какъ оно относилось къ ихъ собратьямъ, заселившимъ Слободскую Украйну. Въ виду ихъ „иноземчества“ оно представило имъ самоуправленіе и цѣлый рядъ льготъ экономическаго характера, вообще дало имъ возможность устроиться по ихъ „черкасскимъ обыкностямъ“, т. е. по старымъ малороссійскимъ обычаямъ. И все это объясняется, на нашъ взглядъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что теперь сразу явилась большая масса переселенцевъ. Иначе относилось правительство къ отдѣльнымъ выходцамъ и небольшимъ партіямъ—ихъ селили среди великорусскихъ обывателей и подчиняли общему приказному режиму, предоставляя только нѣкоторыя изъ тѣхъ льготъ, какими пользовались болѣе счастливые ихъ соплеменники. Такимъ образомъ, на территоріи Воронежскаго края образовались какъ бы двѣ группы малороссійскихъ поселенцевъ—одна, входившая въ составъ Острогожскаго слободскаго казачьяго полка, съ значительною внутреннею автономіей и оригинальными соціально-экономическими и бытовыми распорядками,—другая, не получившая такихъ льготъ, разсѣянная въ разныхъ городахъ и селеніяхъ среди великорусскаго населенія, стремившаяся, конечно, сохранять свои бытовыя особенности, но находившаяся подъ сильнымъ вліяніемъ московскаго строя и порядковъ. Тѣ поселенцы, о которыхъ мы только что говорили, должны были образовать новую автономную единицу—Полатовскій полкъ, на подобіе существовавшаго давно уже Острогожскаго. Къ сожалѣнію, мы не можемъ сказать съ опредѣленностью, чѣмъ окончилось все это дѣло. Полатовскаго полка во всякомъ случаѣ не образовалось; переселенцы все-таки, очевидно, хотѣли итти на Битюкъ, хотя часть ихъ, можетъ быть, и поселилась въ указанномъ имъ мѣстѣ—недалеко отъ предѣловъ Острогожскаго полка, другіе же, вѣроятно, двинулись въ привлекавшую ихъ своими угодьями мѣстность по рр. Битюку, Осередѣ и Икорцу.

Какъ бы то ни было, въ 1697 г. началось сильное движеніе колонизаціи въ эти мѣста. Между прочимъ явилась подъ предводительствомъ осадчаго Ивашки Артемьевича Сѣркова партія малороссіянъ въ 800 человѣкъ съ женами и дѣтьми, покинувшая родину вслѣдствіе татарскихъ погромовъ и разоренія „измѣнника Петрушки“; ихъ принялъ въ слободу Битюкъ, какъ будто въ свою вотчину, Острогожскій полковникъ Петръ Алексѣевичъ (Булартъ) съ тѣмъ, чтобы они жили у него въ качествѣ крестьянъ; но они на это не были согласны и хотѣли служить государеву службу; вмѣстѣ съ тѣмъ они ходатайствовали о разрѣшеніи имъ постройки города, о пріемѣ выходцевъ изъ Малороссіи, о присылкѣ служилыхъ людей, денегъ, оружія, хлѣбнаго жалованья, церковной утвари,

колоколовъ, книгъ, ризъ и т. п. Челобитную отъ имени всѣхъ ихъ подали въ Разрядѣ священники о. Іоаннъ Семеновъ и о. Іоаннъ Ѳедоровъ, которые при этомъ дали слѣдующее объясненіе. О. Іоаннъ Семеновъ былъ священникомъ въ с. Красномъ Кутѣ, и о. Іоаннъ Ѳедоровъ—въ с. Бурлукахъ (помѣстьѣ изюмскаго полковника Константина Донца). Прослышавъ отъ малороссійскихъ и слободскихъ казаковъ, что, по указу Государя, правительство приглашаетъ всѣхъ желающихъ къ поселенію на р. Битюкъ, они, съ разными лицами, въ числѣ которыхъ было и полтораста семействъ, вышедшихъ вслѣдствіе скудости изъ полковничья селенія Бурлука, отправлялись туда же; поселились они на Красномъ островѣ, распахали себѣ пашни и посѣяли хлѣбъ и набралось ихъ около 300 дворовъ; являлись потомъ и новыя партіи по 30, 40 и 50 чел., такъ что собралось было до 800 человѣкъ, но, узнавъ, что указа Государева на поселеніе не имѣется, разошлись частью на прежнія мѣста, а частью въ русскіе города; чертежа земель они, по иноземчеству своему, составить были не въ состояніи; за разрѣшеніемъ о постройкѣ двухъ церквей они обратились къ патріарху Адріану. Государь велѣлъ отправить на устье Битюка писца для досмотра и измѣренія этой мѣстности и переписи новоприхожихъ черкасъ. Въ свою очередь полковникъ Буларт объяснялъ, что рр. Битюкъ, Осереда отданы ему на откупъ и за нихъ онъ уплачиваетъ въ государеву казну оброку по 202 р. въ годъ; для охраны же ихъ онъ населилъ здѣсь вольными малороссіянами слободу Битюкъ; но сюда же являются другіе поселенцы и опустошаютъ его вотчину; въ виду этого онъ ходатайствовалъ о выдачѣ ему грамоты на свободный пріемъ такихъ „гулящихъ“ (а не „служилыхъ“) черкасъ. о постройкѣ крѣпостей для защиты государевой вотчины отъ непріятелей и о причисленіи поселенцевъ къ казакамъ Острогожскаго слободскаго полка въ виду его малолюдства. Изъ этого видно, что полковникъ Буларт хотѣлъ воспользоваться случаемъ, чтобы подъ видомъ расширенія своего полка пріобрѣсти себѣ богатую вотчину съ значительнымъ количествомъ „подданныхъ“ посполитыхъ; въ его словахъ было большое противорѣчіе: онъ хотѣлъ этихъ поселенцевъ причислить къ казакамъ Острогожскаго полка и въ то же время обратить ихъ въ своихъ „подданныхъ“. Но правительство, какъ кажется, не хотѣло тогда еще способствовать превращенію вольныхъ малороссіянъ въ зависимыхъ, и повидимому, отказало въ просьбѣ Буларту. Такъ по крайней мѣрѣ говорили сами черкасы въ своей новой челобитной царю, гдѣ между прочимъ объясняли, что поселилось ихъ около 800 чел. и постоянно приходятъ новые поселенцы, что здѣсь можетъ легко помѣститься и 4000 чел., что ихъ урочище Красный Островъ находится отъ Острогожска и Коротояка въ

150 вер., а отъ Воронежа въ 120 и что атаманомъ у нихъ состоитъ Кононъ Ясенко, а они просятъ о присылкѣ изъ Москвы для строенія города дворянина Ивана Барсукова, потому что онъ имъ знакомъ и ихъ „черкасскому обыкновенію навыченъ“. Самъ Барсуковъ, бывшій на Москвѣ стряпчимъ, также просилъ Государя о томъ, чтобъ его назначили вѣдать на Битюкѣ и на Икорцѣ новопоселенныхъ русскихъ людей и черкасъ (въ томъ числѣ и тѣхъ, коихъ доселѣ вѣдалъ осадчикъ Карпъ Алтуховъ). Но и Буларту не хотѣлъ отказаться отъ своего намѣренія: онъ явился съ вооруженными казаками своего полка, собралъ жителей Битюцкой слободы и велѣлъ имъ быть въ подданствѣ за нимъ; когда же они на это не согласились, онъ началъ ихъ бить и увѣчить „смертнымъ боемъ“, приказалъ жечь ихъ дворъ, сѣно и рѣзать скотину; а самихъ разогналъ изъ слободы въ лѣса. Впрочемъ, скоро недоразумѣнія были улажены и между Булартомъ и слобожанами состоялось соглашеніе; слобожане написали Государю новую челобитную, гдѣ просили о зачисленіи ихъ въ вѣдомство полковника Буларта, который, оказывается, хочетъ причислить ихъ не въ свои подданные, а въ казаки Острогожскаго полка. Заселеніе Битюцкаго юрта прихожими черкасами между тѣмъ продолжалось; въ слободѣ Битюкѣ выстроено было нѣсколько церквей и явилось много новыхъ жителей (1000 семействъ). Но тутъ возникла сильная распря между поселенцами и ихъ приказнымъ Иваномъ Барсуковымъ, о назначеніи котораго, какъ мы уже знаемъ, раньше ходатайствовали они сами. На него жаловались, что онъ грабилъ поселенцевъ, отъ чего они брели врознь, и не жилъ съ ними „въ совѣтѣ“, согласно ихъ черкасскому обыкновенію; вслѣдствіе этого они выбрали изъ среды своей, по своему старинному обычаю, въ атаманы добраго и разумнаго человѣка Ѳедора Степановича Зеньковскаго, чтобъ онъ управлялъ ими и вѣдалъ судомъ и расправою; Иванъ же Барсуковъ и церковь Божію грабилъ (повынималъ и забралъ къ себѣ въ домъ церковныя рамы со стеклами); въ заключеніе они просили о присылкѣ имъ государева чертежника для измѣренія земель, объ отдачѣ на оброкъ Битюцкаго и Икорецкаго юрта за ту плату, которую взносилъ прежній полковникъ Булартъ, и о предоставленіи, по старому черкасскому обычаю, Ѳедору Зеньковскому суда и расправы надъ ними. Съ своей стороны выступилъ съ жалобой на Барсукова и Св. Митрофаній епископъ Воронежскій, у котораго искалъ защиты Битюцкій соборный священникъ извѣстный уже намъ о. Іоаннъ. Жалоба эта въ высшей степени характерна; она ярко рисуетъ произволъ приказныхъ людей на окраинѣ. Оказывается, что Иванъ Барсуковъ ограбилъ въ домѣ у о. Іоанна, во время его отъѣзда въ Москву, всякаго имущества (въ томъ числѣ и церковной утвари) на 78 руб. 3 алт. и 2

деньги; въ другой разъ, опять во время отъѣзда его въ Москву, Барсуковъ снова напалъ на домъ о. Іоанна, выгналъ оттуда его жену и дѣтей, ограбилъ церковную утварь и книги и продалъ его дворъ; за это его привлекли къ суду—и онъ сознался въ грабежѣ и далъ на себя священнику о. Іоанну заемную кабалу; по приказанію св. Митрофанія Барсукову запрещено было входить впредь до покаянія въ храмъ; но онъ являлся туда насильственно, разорялъ церковь (вынулъ окна) и входилъ даже въ самый алтарь, будучи женатъ 2-й разъ и говоря при этомъ: „я де владыки вашего не боюсь и не слушаю“; когда же его священникъ о. Іоаннъ спросилъ, зачѣмъ онъ позабиралъ окна и входитъ въ алтарь, то онъ во время самой литургіи въ церкви началъ его таскать за волосы и бороду и всячески ругать; другой разъ, когда о. Іоаннъ возвращался къ себѣ домой изъ церкви, онъ съ деньщиками своими схватилъ его снова за волосы, повалилъ на землю, началъ быть его „ослопьемъ“ и кулаками, и пинками „смертнымъ боемъ“ при посторонних людяхъ и за волосы протащилъ его отъ воеводскаго двора до церкви, всячески мучилъ и требовалъ своей заемной кабалы; для того же чтобы не пустить его для челобитья въ Бѣлгородъ и Воронежъ, онъ устроилъ на перевозахъ заставы и велѣлъ, въ случаѣ поимки, бить и утопить; сверхъ того онъ взялъ къ себѣ въ домъ изъ церкви безъ вѣдома его икону Николая Чудотворца. Жаловался св. Митрофанію на Ивана Барсукова и священникъ Николаевской церкви. Жалобы подкрѣплялись ссылками на свидѣтелей, изъ которыхъ одинъ священникъ Леонтій самъ видѣлъ, какъ у о. Іоанна вся спина отъ побоевъ была черная, руки и ноги синія, а „кровь замерла“. Св. Митрофаній отлучилъ Барсукова отъ церкви и потребовалъ, чтобы онъ явился для объясненій въ Воронежъ, въ духовный приказъ, но онъ укрывался и не являлся. Что отвѣчалъ Барсуковъ на столь серьезныя обвиненія, мы не знаемъ; сохранился только отвѣтъ его на челобитную черкасъ, въ которомъ онъ старался пустить въ ходъ объясненія политическаго, такъ сказать, свойства. Для того чтобы парализовать жалобы черкасъ, онъ самъ жалуется на нихъ, заявляя, что они будто бы его самого хотѣли убить и бросить въ Донъ, а колодниковъ у него насильственно позабирали и выбрали атаманомъ бѣглаго, „причиннаго“ человѣка Ѳедьку Зеньковскаго, который живетъ въ Битюкѣ бурлакомъ,—не имѣя собственнаго двора, такъ какъ жена и дѣти его остались въ г. Зеньковѣ,—и каждый день собираетъ народъ на „рады“, и „что въ тѣхъ „радахъ“ думаютъ, прибавляетъ Барсуковъ, того я, холопъ твой, не вѣдаю“; добрые люди на эти рады не ходятъ, съ ними на такія ихъ дурныя дѣла не соединяются и за это терпятъ отъ бунтовщиковъ—ихъ дома подвергаются разоренію, сами они запи-

раются въ колоды; назвавъ главныхъ виновниковъ смуты, Бурсуковъ прибавляетъ еще слѣдующія обвиненія противъ своихъ враговъ: они сажаютъ на цѣпь русскихъ людей и не позволяютъ имъ пользоваться угодьями, бьютъ и грабятъ гребцовъ, плывущихъ на стругахъ съ хлѣбомъ и на плотахъ съ лѣсомъ внизъ по Дону, не желаютъ платить оброка за ухожаи и не велятъ дѣлать уплаты и русскимъ людямъ, не позволяютъ устраивать заставы для удержанія бѣглыхъ людей, стремящихся на Донъ; атаманъ ихъ Зеньковскій самовольно, безъ государева указа, отобралъ изъ-подъ вѣдѣнія его, Барсукова, черкасъ, управляетъ ими и писалъ письмо, уѣзжая изъ Москвы, чтобы они его Барсукова убили дрючьемъ. Чѣмъ окончились эти взаимныя жалобы, неизвѣстно. Можно предполагать, что причина столкновенія коренилась не столько въ личныхъ качествахъ Ивана Барсукова, сколько въ томъ, что онъ обманулъ ожиданія черкасъ и не захотѣлъ приспособляться къ ихъ „черкасскимъ обыкновеніямъ“; а не захотѣлъ онъ сдѣлать этого потому, что они не гармонировали съ крѣпкою, сильною, нерѣдко переходившей въ произволъ властью представителя Московской администраціи; и ему это было тѣмъ болѣе непріятно, что самовольство черкасъ (такъ онъ понималъ ихъ автономію—рады съ выборами атамановъ, свой судъ и т. п.) могло заразительно дѣйствовать и на великорусскихъ служилыхъ людей, которые также устремились сюда на поселеніе.

Великорусская колонизація здѣсь сильно отличалась отъ малорусской—вліяніе правительства въ 1-й было гораздо сильнѣе, чѣмъ во 2-ой, несмотря на то, что среди поселенцевъ и тутъ было не мало вольныхъ людей—сходцевъ, являвшихся сюда добровольно, а не по указанію правительства; ихъ, очевидно, также какъ и выходцевъ-малороссіянъ, привлекало приволье этихъ мѣстъ. Приказный Карпъ Алтуховъ, отправленный для переписи поселившихся въ б. Икорецкомъ юртѣ русскихъ служилыхъ людей, сообщилъ о нихъ слѣдующія данныя. На устьѣ р. Икорца, гдѣ предполагался городъ, былъ выстроенъ пока государевъ дворъ для приказныхъ людей съ разными дворовыми постройками; здѣсь въ слободѣ и деревняхъ поселились выходцы изъ Воронежа, Орлова, Усмани, Костенска, Чернавска, Ельца, Данкова, Стараго Оскола и Урыва, явившіеся сюда въ 1693, 1694, 1695 и 1696 гг.; только немногіе изъ нихъ были въ городовой службѣ, остальные же никакихъ службъ не служили и помѣстій за ними въ этихъ городахъ не было. Въ слободѣ было 42 чел., дѣтей, братьевъ, свойственниковъ у нихъ 71 чел.; въ томъ числѣ за 29 чел. было 580 четей помѣстій, которыми они владѣли частью по грамотамъ изъ Помѣстнаго Приказа, частью же по заимкамъ; въ дер. Яблочной было 23 чел., владѣвшихъ 725 четями частью по грамотамъ,

частью по заимкамъ; дѣтей, братьевъ и свойственниковъ у нихъ было 34 чел.; въ дер. Городецкой было 18 чел.; помѣстій за ними не числилось, но они, конечно, владѣли землями по заимкамъ. Въ 1697 г. всѣ они ходатайствовали передъ Государемъ о пожалованіи имъ земель и угодій въ указываемыхъ ими самими предѣлахъ и урочищахъ. Затѣмъ мы имѣемъ еще ходатайство нѣкоторыхъ отдѣльныхъ поселенцевъ о дарованіи льготъ по части податей и о пожалованіи имъ „порожей земли“ съ угодьями въ помѣстье, безъ опредѣленія размѣровъ этого послѣдняго, при чемъ они хотѣли „прибрать“ на эти земли, сколько окажется возможнымъ, русскихъ людей и черкасъ и поставить возлѣ своихъ дворовъ „надолбы“, потому что въ урочищахъ этихъ мѣста были дикіе и опасныя. Изъ этого видно, что примѣръ „черкасъ“ дѣйствительно соблазнилъ русскихъ поселенцевъ и они хотѣли пустить въ ходъ и черкасскую „заимку“, и „закликанье на слободы“. Любопытный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ также выходецъ изъ Костенска Емельянъ Аѳанасьевъ Тереховъ, который сообщилъ о себѣ въ челобитной такія свѣдѣнія. Жилъ онъ въ г. Костенскѣ, переходя отъ одного хозяина къ другому, и кормился своею работой, объ отцѣ своемъ—(въ какомъ городѣ и какую службу служилъ) ничего не помнитъ, такъ какъ остался послѣ него малолѣтнимъ; въ разборныхъ и переписныхъ книгъ онъ не написанъ потому, что жилъ въ разныхъ мѣстахъ; а въ 1697 г. онъ съ товарищами своими, которые также ничего не помнятъ о своихъ отцахъ, явился на р. Осереду и пріискалъ съ ними „порожую землю“ (слѣдуетъ описаніе ея межей). Но приказный Ив. Барсуковъ не позволяетъ владѣть ею изъ дружбы къ черкасамъ. Въ заключеніе Тереховъ проситъ чтобы эта земля была утверждена за нимъ и его товарищами, и за нее они или будутъ служить Государю службу, или платить подати. Но центральное правительство, очевидно, желало устраивать русскихъ поселенцевъ по установившимся правиламъ, давая имъ помѣстья опредѣленнаго размѣра за службу; между прочимъ и первымъ просителямъ велѣно было отвести по 20 четвертей земли, а лишнихъ земель ни имъ, ни другимъ безъ грамотъ не отдавать. Въ виду этого другіе поселенцы ходатайствовали уже объ отводѣ имъ помѣстій опредѣленнаго размѣра (по 20 четей).

Столкновенія русскихъ поселенцевъ съ черкасами, впрочемъ, не прекращались и объ одномъ изъ нихъ мы имѣемъ указаніе въ челобитной.

Такъ заселялись Битюцкій, Икорецкій и Осередскій ухожаи. Ихъ богатыя угодья привлекали отовсюду колонистовъ и, благодаря этому, въ дѣлѣ колонизаціи ихъ видную роль играли вольные, свободные поселенцы (преимущественно малороссіяне); промыслы имѣли въ дѣлѣ ко-

лонизаціи этого края первенствующее значеніе. Мы воспользовались для своего экскурса только однимъ архивнымъ дѣломъ, которое напечатано во 2-мъ томѣ нашихъ „Матеріаловъ“ [1]) и не касались вовсе другихъ печатныхъ данныхъ, относящихся къ этому же вопросу (въ воронежскихъ изданіяхъ); мы могли бы сгруппировать обильный матеріалъ относительно заселенія и землевладѣнія Острогожскаго слободскаго полка (помѣщенный въ тѣхъ же воронежскихъ изданіяхъ), но это завело бы насъ слишкомъ далеко и заставило бы написать цѣлую монографію. Всего этого могъ бы и долженъ былъ бы коснуться Миклашевскій; но онъ этого почему-то не сдѣлалъ.

Равнымъ образомъ онъ не далъ болѣе или менѣе систематической характеристики хозяйства въ Бѣлгородскомъ и Воронежскомъ краѣ въ XVII в., хотя бы въ такихъ рамкахъ, въ какихъ это сдѣлалъ Л. Б. Вейнбергъ. Для того чтобы читатель могъ составить себѣ понятіе объ этомъ пробѣлѣ, мы только отмѣтимъ тѣ вопросы, на которыхъ могъ бы остановиться Миклашевскій. Опираться мы будемъ главнымъ образомъ на книжку Л. Б. Вейнберга и нѣкоторые первоисточники. Миклашевскій слишкомъ мало остановился на условіяхъ, при которыхъ развивалась мѣстная сельскохозяйственная промышленность вообще и въ частности на одной основной причинѣ, служившей огромнымъ тормазомъ для ея развитія—на татарскихъ нападеніяхъ. Нельзя не пожалѣть, что онъ не только не извлекъ изъ Архива Мин. Юст. тѣхъ данныхъ о татарскихъ погромахъ, на которыя самъ указываетъ, но и не воспользовался печатными источниками. Онъ не отмѣтилъ даже результатовъ одного изъ наиболѣе крупныхъ погромовъ—1680 г.; въ это время въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ было взято въ плѣнъ, побито и сгорѣло (въ погребахъ) 785 чел. (417 муж. и 368 жен.), скота уведено—3870 штукъ (683 лошади, 820 коровъ и воловъ, 2255 овецъ, 112 козъ), хлѣба сожжено и захвачено 190 четей; въ Болховскомъ уѣздѣ взято въ плѣнъ 34 чел. (въ томъ числѣ одинъ дьячекъ); въ Карповскомъ—10 человѣкъ (въ томъ числѣ 3 женщины) съ 8 лошадьми и 4 коровами; въ Хотмышскомъ взято въ плѣнъ и сожжено въ избахъ 263 чел., захвачено 1054 штуки скота (180 лошадей, 209 коровъ и коровъ и быковъ, 653 овцы и 12 козъ) [2]); въ Вольновскомъ взято въ плѣнъ и побито 145 чел. (мужчинъ, женщинъ, русскихъ людей и черкасъ), захвачено 520 штукъ скота (147 лошадей 148 коровъ, 213 овецъ, 12 козъ). Въ 1646 г. въ Путивльскомъ уѣздѣ

---

[1]) См. Мои «Матеріалы», 2-й стр. 104—140.

[2]) Мои «Матеріалы», II, стр. 91—94.

было взято въ плѣнъ 639 чел. [1]). Весьма интересны также мѣры, которыя принимало правительство для борьбы съ татарами, для огражденія русскаго населенія. Въ числѣ ихъ слѣдовало бы отмѣтить одну очень оригинальную—это умышленные степные пожары. Въ 1647 г., напримѣръ валуйскій воевода, по приказанію правительства, отправилъ въ три мѣста станицы для зажиганія степной травы. Трава была сожжена по рр. Бурлуку, Двурѣчной, Осиновкѣ, Осколу, Хотомлѣ (на Изюмской самкѣ), по р. Полатовѣ, Черной Калитвѣ, Айдару, Верхней Бѣлой и Богучару (на Калміусской сакмѣ) и, наконецъ, по верховьямъ рѣчекъ Уразовой, Нижней Бѣлой, Айдара, Козинки, Боровой и Красной [2]). Оказывается, что по этимъ урочищамъ были прежде становища воинскихъ татаръ, и правительство хотѣло данною мѣрою преградить доступъ ихъ въ свои украйны. Районъ ихъ былъ очень значителенъ—они обнимали части нынѣшнихъ Воронежской и Харьковской губ. Л. В. Вейнбергъ ставитъ въ связь съ этой мѣрой даже истребленіе Воронежскихъ лѣсовъ, но намъ кажется, что для такого заключенія нѣтъ достаточныхъ основаній.

Слѣдовало было также сдѣлать обзоръ различныхъ видовъ сельскохозяйственной промышленности, опредѣлить постепенный прогрессъ въ однихъ изъ нихъ и регрессъ въ другихъ, чего также не дѣлаетъ Миклашевскій (бобровые гоны, чрезвычайно распространенные въ нач. XVII в., исчезаютъ совсѣмъ въ концѣ его).

Изъ книжки Вейнберга оказывается, что въ сѣверныхъ частяхъ Воронежскаго края преобладали посѣвы ржи, овса и гречихи, а въ южной—пшеницы, овса и ячменя; особенно много сѣялъ овса, который служилъ предметомъ оживленной торговли. Интересны свѣдѣнія Вейнберга о недородахъ, постигавшихъ Воронежскій край, и о вызываемомъ ими поднятіи хлѣбныхъ цѣнъ. Кромѣ хлѣбопашества воронежцы занимались еще огородничествомъ, садоводствомъ, садили табакъ, хмель, даже виноградъ [3]). Изъ промысловъ, стоявшихъ въ связи съ царствомъ животныхъ, нужно отмѣтить—рыболовство, пчеловодство, скотоводство (особенно много было свиней, которыхъ татары никогда не уводили во время своихъ набѣговъ) и коневодство. Изъ предметовъ міра ископаемаго здѣсь добывались: селитра, поташъ, глина, мѣлъ; въ концѣ вѣка открыто было въ Задонскомъ уѣз. желѣзо. Правительство очень заботилось о раз-

---

[1]) См. объ этомъ документѣ, извлеченный нами изъ Архива Мин. Юстиціи и помѣщенный въ приложеніи подъ № 4.

[2]) Мои «Матеріалы», II, стр. 42—43.

[3]) Миклашевскій приводитъ въ своей книгѣ нѣкоторыя свѣдѣнія о чугуевскихъ виноградникахъ, въ дополненіе къ нимъ мы помѣщаемъ въ приложеніи одинъ документъ извлеченный изъ Архива Мин. Юстиціи, см. прил. № 5.

витіи селитрянаго промысла: само занималось выварκою селитры и оказывало поддержку частнымъ лицамъ. Такая помощь оказана была напр., Степану Тевяшову (Тевяшовы впослѣдствіи занимали полковничьи уряды въ Острогожскомъ полку), который рѣшилъ варить селитру въ степи за Чугуевомъ на рѣчкѣ Бурлукахъ и ему была выдана для этого дѣла отъ казны весьма значительная по тому времени сумма—400 р. [1]). Изъ хлѣба курили вино, но свободой винокуренія пользовались только черкасы. О своеобразномъ характерѣ промышленности у этихъ послѣднихъ Миклашевскій не говоритъ ни слова, между тѣмъ этотъ вопросъ заслуживаетъ полнаго вниманія историка украинскаго сельскаго хозяйства.

Въ сельскохозяйственной культурѣ Воронежскаго края, какъ и въ его колонизаціи и землевладѣніи, нужно различать двѣ стихіи—великорусскую и малорусскую. Взаимодѣйствіе ихъ было чрезвычайно полезно и благодѣтельно—одна пополняла другую. Миклашевскій представляетъ данныя только о первой, но совершенно игнорируетъ вторую, между тѣмъ какъ и она играла важную роль въ краѣ. Заднѣпровскіе черкасы, говорилъ Л. Б. Вейнбергъ, „не только ввели культуру многихъ новыхъ растеній, какъ ганусъ (анисъ), подсолнухъ и др., но своимъ присутствіемъ увеличили и производство, и сбытъ разныхъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Крупный и мелкій домашній скотъ, приведенный ими съ собою, также не мало посодѣйствовалъ къ улучшенію мѣстныхъ породъ, за исключеніемъ, какъ кажется, однихъ только лошадей, ибо мѣстныя ногайскія цѣнились гораздо выше. Черкасы преимущественно занимались посѣвами пшеницы, овса, ячменя и льна, а также—и при томъ въ очень широкихъ размѣрахъ—хмелеводствомъ“, культура этого послѣдняго растенія процвѣтала благодаря свободѣ винокуренія, которой пользовались только черкасы; въ связи съ обработкой зерновыхъ продуктовъ было у малороссіянъ обиліе мельницъ, въ строеніи которыхъ они отличались особеннымъ искусствомъ. Затѣмъ у черкасъ процвѣтало пчеловодство, въ особенности въ видѣ пасѣкъ. Хотя употребленіе табаку было строго запрещено въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, но его стали разводить и тайно имъ промышлять прибывшіе изъ заднѣпровья малороссіяне. Когда же введена была казенная табачная монополія, то само правительство начало у нихъ пріобрѣтать табакъ, который былъ извѣстенъ подъ именемъ „черкасскаго“. Но главнымъ занятіемъ черкасъ было все таки винокуреніе: съ поселеніемъ на территоріи Воронежскаго края острогожскаго слободскаго полка, черкасы получили привиллегію свободнаго винокуренія и продажи вина (такой привиллегіи не имѣли

[1]) Мои «Матеріалы», стр. II, 78—79.

великорусскіе поселенцы) и съ этого времени пользовались ею до начала XIX ст. „Пиво варили черкасы такъ искусно, что самъ адмиралтеецъ Ѳедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ съ удовольствіемъ принималъ бочки съ этимъ напиткомъ, присылавшимся изъ Острогожска въ почесть ему, а генералъ Ригманъ даже самъ частенько бивалъ челомъ Острогожскому полковнику Ивану Семеновичу Сасу объ этой почести, обѣщая за это удерживать своихъ солдатъ отъ разныхъ насилій надъ черкасами и ихъ маетностями". Такою же славою пользовался и „черкасскій" медъ. Бахчеводствомъ занимались вначалѣ одни только черкасы, разводившіе преимущественно тыкву, которая употреблялась почти исключительно для откармливанія свиней". Центромъ рыбной торговли былъ черкасскій городъ Острогожскъ, получившій вслѣдствіе этого названіе „Рыбнаго". Черкасы также способствовали развитію въ Воронежскомъ краѣ скотоводства, въ особенности овцеводства. Однимъ словомъ, въ культурно-промышленномъ отношеніи малороссійскіе переселенцы представляли изъ себя особый, своеобразный типъ: великорусскіе обыватели обрабатывали поля сохой и лошадьми; черкасы—волами и плугомъ; они принесли съ собою изъ-за Днѣпра искусство обработки дерева—мебели и такъ наз. „драницъ" и „гонта" (для кровли крышъ), приготовленія „ренсковаго" уксуса, наливокъ, выкармливанія скота бардою, особой выдѣлки кожи и т. п.

Не останавливаемся на другихъ пробѣлахъ въ трудѣ Миклашевскаго; замѣтимъ, только, что въ печатныхъ источникахъ онъ оставилъ безъ вниманія не мало любопытныхъ данныхъ для исторіи колонизаціи, землевладѣнія и хозяйственнаго быта въ Бѣлгородскомъ и Воронежскомъ краѣ. Примѣровъ очень много и мы на нихъ останавливаться не будемъ [1]).

Заключеніе.

Изъ всего изложеннаго вытекаютъ слѣдующія заключенія. Разбираемая книга обладаетъ и крупными достоинствами и значительными недостатками. Къ достоинствамъ нужно отнести—удачный выборъ мѣстности для изслѣдованія, раціональную постановку вопроса, выводимаго изъ узкой области хозяйственной политики въ болѣе широкую сферу исторіи и экономики, знакомство съ важнѣйшими печатными источниками и пособіями, обиліе архивнаго неизданнаго матеріала, положеннаго въ основу книги, первоначальную сводку и разработку этого матеріала, отдѣльныя критическія изслѣдованія по разнымъ частнымъ вопросамъ и, наконецъ

---

[1]) Помѣщаемъ въ приложеніи подъ № 2, документъ, извлеченный нами изъ Архива Мин. Юст. и содержащій въ себѣ нѣкоторыя свѣдѣнія объ оброчныхъ земляхъ въ Бѣлгородскомъ краѣ.

богатство фактическаго содержанія. въ особенности начиная со 2-ой главы—тутъ мы находимъ и описанія городовъ, и описанія уѣздовъ. и данныя о разныхъ классахъ общества, о монастыряхъ, о малорусскихъ выходцахъ изъ заднѣпровья, о землевладѣніи и, наконецъ, о хозяйствѣ, (земледѣліи, скотоводствѣ, пчеловодствѣ, виноградничествѣ). Недостатками книги слѣдуетъ признать—слабое эксплоатированіе печатныхъ источниковъ и пособій, неполноту въ извлеченіи архивныхъ матеріаловъ и какъ естественный результатъ ихъ, пробѣлъ въ содержаніи, неясность, невыдержанность и несистематичность плана и недостаточную обработку матеріаловъ въ общей ихъ совокупности; благодаря этому послѣднему обстоятельству, книга Миклашевскаго представляетъ нѣчто среднее между изслѣдованіемъ и историко-статистическимъ описаніемъ.

Изъ трехъ намѣченныхъ себѣ авторомъ вопросовъ—колонизаціи, землевладѣнія и хозяйства южной окраины—авторъ во всей полнотѣ не рѣшаетъ ни одного—но даетъ массу данныхъ для перваго, довольно много для третьяго и нѣсколько меньше для второго.

Въ виду всего этого, а также принимая во вниманіе значительный трудъ, положенный авторомъ на разысканіе и первоначальную сводку архивнаго матеріала, и вполнѣ добросовѣстное, строго научное отношеніе его къ дѣлу, мы бы считали справедливымъ поощрить Миклашевскаго къ продолженію его работы присужденіемъ ему не полной уваровской преміи [1]).

---

[1]) Въ настоящей перепечаткѣ мы опускаемъ приложеніе документовъ.

II.

Нѣсколько словъ о характерѣ колонизаціи южной степной окраины Московскаго государства.[1]

Въ 1887 году вышла въ свѣтъ моя диссертація «Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства. Томъ I. Исторія колонизаціи». Помимо оффиціальныхъ замѣчаній на диспутѣ профессора В. О. Ключевскаго и Н. А. Попова, она вызвала цѣлый рядъ библіографическихъ замѣтокъ и рецензій—въ Журналѣ Министерства народнаго просвѣщенія, Русской Мысли, Русской Старинѣ, Харьковскомъ Сборникѣ и нѣкоторыхъ газетахъ. Первый рецензентъ сдѣлалъ болѣе или менѣе подробную характеристику, содержанія и оцѣнку первыхъ четырехъ главъ моей книги; второй—остановился исключительно на вопросѣ о великорусской колонизаціи и представилъ рядъ соображеній противъ моего мнѣнія о государственномъ характерѣ этой колонизаціи въ южной степной окраинѣ Московскаго государства; третій—далъ краткій обзоръ всей книги, одобрилъ выборъ темы и отмѣтилъ богатство и новизну матеріаловъ; четвертый—указалъ на критическое и вполнѣ самостоятельное отношеніе мое къ источникамъ и пособіямъ, на обиліе и разнообразіе найденныхъ мною матеріаловъ, послѣ чего довольно подробно изложилъ содержаніе моей книги; это изложеніе впрочемъ не доведено до конца—оканчивается на половинѣ пятой главы, такъ какъ во время составленія рецензіи книга моя не была еще окончена печатаніемъ на страницахъ Чтеній Московскаго Общества Исторіи и Древностей.

Въ общемъ всѣ эти отзывы болѣе или менѣе благопріятны для меня, и потому мнѣ оставалось бы только поблагодарить гг. рецензентовъ за ихъ трудъ и воздержаться отъ всякой полемики. Но, не выступая съ полемикой исключительно pro domo sua, я рѣшилъ все таки напечатать небольшую статью по поводу тѣхъ мнѣній, съ которыми я не могу согласиться. Къ этому меня побудило то обстоятельство, что вопросъ, поднятый мною, признанъ всѣми заслуживающими вниманія и разработки.

---

[1]) Журналъ Мин. Нар. Просв. 1888, августъ.

Рецензентъ Ж. М. Н. Пр. говоритъ: „Объемистое изслѣдованіе профессора Багалѣя, посвященное предмету весьма любопытному и притомъ весьма важному для уясненія многихъ сторонъ исторіи нашего юга,— составляетъ только видоизмѣненіе и развитіе темы, которой г. Багалѣй уже нѣсколько лѣтъ посвящаетъ свои труды съ похвальнымъ усердіемъ". Въ этомъ пунктѣ сходятся съ нимъ и другіе. Продолжая разрабатывать данную тему, я старался провѣрять нѣкоторыя существенныя замѣчанія своихъ критиковъ, а также разыскивать новые матеріалы въ архивахъ, чтобы пополнить недостающее. Въ настоящей статьѣ я намѣренъ представить результаты моихъ трудовъ по этому предмету. Думаю, что мои замѣтки, написанныя не съ исключительно полемическою цѣлью, а для уясненія одного изъ важныхъ вопросовъ русской исторіи, будутъ совершенно умѣстны. Въ своихъ замѣчаніяхъ я постараюсь отмѣтить вопросы, которые выдвинуты критиками и разрѣшены ими не такъ, какъ рѣшилъ ихъ я; это не займетъ очень много мѣста, такъ какъ такихъ возраженій было высказано не много.

Употребляемый мною терминъ „колонизація" вызвалъ замѣчанія г. П. въ Ж. М. Н. Пр. Онъ говоритъ, что моя книга трактуетъ о заселеніи, а не о колонизаціи южнорусскихъ степей, и что это понятіе близкія, но далеко не тождественныя. „Колонизаціей въ строгомъ смыслѣ слова", говоритъ рецензентъ,—„можетъ быть названо селеніе, основываемое государствомъ (или народомъ) внѣ его предѣловъ, далеко за его предѣлами, и притомъ непремѣнно среди другого чуждаго народа... О славяно-русскихъ племенахъ... можно сказать, что они колонизовали сѣверъ и сѣверо-востокъ Руси". Но почему же этого самаго нельзя сказать, спросимъ мы, о южно-русскихъ племенахъ, выдвигавшихъ свои селенія на югъ и юго-востокъ и основывавшихъ при этомъ постепенномъ колонизаціонномъ движеніи настоящую колонію Тмутаракань? Вѣдь и колонизація финскаго края состояла въ постепенномъ расширеніи границъ и предѣловъ славяно-русскихъ племенъ. Неужели неправильно назвать Строгановыхъ колонизаторами Камскаго края только потому, что имъ пожалованы были пустыя земли, и притомъ не очень далеко за предѣлами Русскаго государства, если они защитили эти земли отъ набѣговъ кочевниковъ и заселили служилыми и вольными промышленными людьми? А если мы оставимъ за ними этотъ титулъ, какъ дѣлаетъ, напримѣръ, С. М. Соловьевъ, то какая существенная разница будетъ между ихъ дѣятельностью и дѣятельностью центральнаго московскаго правительства на южной степной окраинѣ? Почему закавказскихъ молоканъ нельзя назвать переселенцами? Почему ихъ нужно назвать колонистами, если нынѣшнихъ малороссіянъ, перешедшихъ на жительство

въ Восточную Сибирь и основавшихъ тамъ свои поселенія, мы называемъ просто переселенцами? Почему нельзя назвать переселенцами малороссіянъ, переселявшихся въ XVII вѣкѣ изъ разныхъ областей Рѣчи Посполитой въ Слободскую Украину? Почему о нихъ нельзя сказать, что они колонизовали этотъ край, если они селились на „татарской степи", гдѣ кочевали со своими стадами татары и имѣли здѣсь даже временные пріюты? Такимъ образомъ, мы приходимъ къ заключенію, что въ дѣйствительности довольно трудно установить предлагаемое рецензентомъ различіе между терминами „колонизація" „заселеніе"; по крайней мѣрѣ до сихъ поръ оно на практикѣ не установилось; въ литературѣ и живомъ употребленіи языка постоянно существуетъ то смѣшеніе терминовъ, которое отмѣчено у меня г. рецензентомъ. Всѣ историки русской колонизаціи употребляли нерѣдко это слово въ смыслѣ заселенія: С. М. Соловьевъ, Н. П. Барсовъ, П. В. Голубовскій, Е. И. Перетятковичъ и др. И это мы объясняемъ тѣмъ обстоятельствомъ, что наша русская колонизація далеко не похожа на западно-европейскую особенно англійскую; для англичанина съ понятіемъ колоніи связывается представленіе о поселеніи, лежащемъ далеко за предѣлами его острова; о внутренней колонизаціи у него не могло составиться представленія, такъ какъ Англія давнымъ давно уже заселена; наоборотъ у насъ на Руси преимущественно развилось понятіе о колонизаціи, происходившей недалеко отъ государственной границы, и этотъ процессъ не закончился еще и въ настоящее время, а въ прошломъ и XVII столѣтіяхъ онъ находился въ самомъ разгарѣ.

Но кромѣ этой неточности терминологіи, г. П. указываетъ еще на привнесеніе въ мою книгу матеріала, не относящагося къ темѣ; по его словамъ, болѣе трети тома я посвятилъ исторіи быта, между тѣтъ какъ въ предисловіи обѣщалъ говорить только о колонизаціи; критикъ спрашиваетъ меня, о чемъ же я буду въ такомъ случаѣ говорить во второмъ томѣ своего изслѣдованія. Охотно отвѣчаю на этотъ вопросъ: 2-й томъ будетъ посвященъ спеціально бытовой исторіи и будетъ состоять изъ трехъ главъ—1-я будетъ заключать въ себѣ исторію землевладѣнія, 2-я—исторію сословій, 3-я—исторію управленія; всѣхъ этихъ вопросовъ я, можно сказать, вовсе не касался въ своей нынѣшней работѣ или правильнѣе говоря касался настолько, насколько это было необходимо для пониманія самаго хода заселенія; въ первый моментъ поселенія уже устанавливались извѣстныя бытовыя нормы, которыя впослѣдствіи укрѣплялись, видоизмѣнялись или уничтожились; въ первый моментъ поселенія устанавливались уже извѣстныя формы землевладѣнія, управле-

нія и сословныхъ отношеній; вотъ объ этомъ и приходилось мнѣ немного говорить въ первомъ томѣ своего труда; но какъ г. рецензентъ вычислилъ, что болѣе трети моей книги посвящено быту, судить не берусь; по всей вѣроятности, сюда были включены и очерки внутренняго быта крымскихъ и ногайскихъ татаръ, которые были необходимы для уразумѣнія татарскихъ нападеній и въ понятіе внутренняго быта русскаго окраиннаго населенія, конечно, не входятъ. Такіе очерки мы находимъ и въ книгѣ профессора Перетятковича (Поволжье въ XV и XVI вв.). посвященной исключительно исторіи колонизаціи (здѣсь, напримѣръ, есть отдѣльная рубрика о внутреннемъ бытѣ ногайскихъ татаръ, одобренная К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ); въ другомъ сочиненіи того же автора (Поволжье въ XVII и началѣ XVIII вв.) есть даже множество данныхъ, относящихся къ внутреннему быту мѣстнаго населенія (о вотчинной и помѣстной системѣ землевладѣнія, о распространеніи христіанства, о положеніи крестьянъ, о хозяйственномъ состояніи инородческихъ земель и т. п.). И это нисколько не удивительно; то же самое мы найдемъ и въ другихъ работахъ, посвященныхъ исторіи заселенія, напримѣръ, въ трудахъ профессора Ѳирсова. Я съ своей стороны старался безъ крайней нужды не вносить въ первый томъ своего изслѣдованія ничего такого, что выходило изъ намѣченныхъ мною рамокъ; весь представленный мною матеріалъ можетъ быть подведенъ подъ слѣдующія основныя категоріи: 1) топографическія данныя, 2) свѣдѣнія объ оборонѣ и 3) свѣдѣнія о заселеніи края (въ тѣсномъ смыслѣ этого слова); не думаю, чтобы книга моя выиграла, еслибъ я исключилъ 1-й или 2-й отдѣлы.

Имѣя въ своемъ распоряженіи весьма обширный матеріалъ, я естественно долженъ былъ позаботиться о наиболѣе удачной групировкѣ его. Мнѣ предстояло изучать исторію заселенія такой мѣстности, гдѣ столкнулись два колонизаціонныя теченія—сѣверное (великорусское) и западное (малорусское); мнѣ нужно было изучить основательно и то, и другое, опредѣлить ихъ характерныя особенности; и я поступилъ такъ, какъ поступаетъ политико-экономъ при изученіи сложныхъ явленій экономической жизни,—сталъ разсматривать одинъ процессъ отдѣльно отъ другого; такой пріемъ казался мнѣ полезнымъ и удобнымъ при всевозможныхъ условіяхъ—и при большомъ, и при незначительномъ различіи одной колонизаціи отъ другой; во второмъ случаѣ даже пожалуй необходимѣе, чѣмъ въ первомъ. Этотъ пріемъ изслѣдованія заслужилъ одобреніе рецензента Харьковскаго Сборника, который говоритъ: „Удобства такого именно дѣленія очевидны: только благодаря ему и оказалось возмож-

нымъ уловить важнѣйшія особенности той и другой колонизаціи, изъ коихъ каждая заслуживала одинаковаго вниманія со стороны изслѣдователя... Только благодаря этой системѣ изложенія, автору удалось съ честью выйти изъ затрудненія, совершенно уяснить для читателя общій характеръ колонизаціи" [1]). Прибавлю къ этому, что цѣлью своей работы я поставилъ не какія-нибудь общія этнографическія характеристики, а всестороннее фактическое документальное изученіе заселенія южной степной окраины; въ виду этого я старался исчерпать свой вопросъ въ предѣлахъ его источниковъ, и въ территоріальномъ, и въ этнографическомъ отношеніяхъ. Поэтому великорусскую колонизацію я изучалъ и въ предѣлахъ Слободской Украйны, обязанной своимъ заселеніемъ главнымъ образомъ малорусской колонизаціи, а малорусскую—въ предѣлахъ Бѣлгородскаго и Воронежскаго краевъ, которые были заселены главнымъ образомъ великоруссами. Но такъ какъ захваченный мною періодъ времени оказался слишкомъ великъ (съ конца XVI до конца XVIII в.), то мнѣ пришлось раздѣлить его на двѣ части: 1) до Алексѣя Михайловича, 2) съ Алексѣя Михайловича до конца XVIII в.; въ этомъ дѣленіи нѣтъ ничего искусственнаго, такъ какъ со времени Алексѣя Мих. дѣйствительно начинается какъ бы новая эпоха въ исторіи заселенія южныхъ украинъ. Между тѣмъ это естественное дѣленіе моей книги на главы и осуждается именно П. Сказавъ, что 4-я глава моя посвящена русской государственной колонизаціи съ Алексѣя Михайловича, а 5-я—малорусской за то же время, критикъ продолжаетъ: „уже изъ этого распредѣленія матеріала съ перваго же взгляда становится ясно, что изслѣдователь долженъ неизбѣжно придти къ повтореніямъ и изложенію чисто отрывочному". Почему мое распредѣленіе матеріала должно было привести къ отрывочному изложенію, я не знаю. Развѣ измѣнилась бы сущность дѣла, еслибъ я присоединилъ 4-ю ко 2-й, а 5-ю къ 3-й? Я желалъ дать обстоятельный историческій очеркъ русской колонизаціи съ конца XVI до конца XVIII вѣка и потому долженъ былъ останавливаться на фактической сторонѣ дѣла и въ царствованіе Михаила Ѳедоровича, и въ царствованіе Алексѣя Михайловича, и въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича, хотя бы пріемы и формы колонизаціоннаго процесса (на основаніи моего изложенія) оказались бы потомъ въ общихъ чертахъ и сходными. Другое дѣло, еслибъ я могъ сослаться на труды своихъ предшественниковъ; но такое удовольствіе выпадало на мою долю, къ сожалѣнію, очень рѣдко. Правда П. говоритъ, что четыре страницы, посвященныя Голицынскимъ походамъ въ Крымъ, я заимствовалъ на половину изъ статьи А. Востокова, на половину изъ

[1]) Харьк. Сборникъ на 1887 г., стр. 216—217.

книги С. М. Соловьева, но это совершенно не вѣрно: двѣ страницы составлены мною непосредственно и самостоятельно по первоисточнику—дневнику П. Гордона [1]), а двѣ другія посвящены разбору мнѣній и доказательствъ названныхъ авторовъ. Вообще я долженъ заявить, что не только главные, но и второстепенные эпизоды я старался излагать по первоисточникамъ. Это обстоятельство не осталось не отмѣченнымъ однимъ изъ критиковъ: „нельзя указать", говоритъ рецензентъ Харьк. Сборника,—„ни на одинъ вопросъ въ его книгѣ, который носилъ бы компилятивный характеръ; даже въ второстепенныхъ вопросахъ онъ основывается на источникахъ первой руки, только принимая во вниманіе существующія въ литературѣ мнѣнія" [2]). Рецензенты Русской Мысли и Журн. Мин. Нар. Пр [3]) ставятъ мнѣ, впрочемъ, въ вину и то обстоятельство, что я иногда широко пользуюсь извѣстными печатными источниками (записками Манштейна, барона Тотта, Ю. Крижанича и др.). Я право не понимаю, почему зазорно ссылаться на общеизвѣстные источники; вѣдь, придерживаясь такой теоріи, нужно было бы признать ненужными подлинныя цитаты изъ лѣтописей и т. п.; вѣдь общеизвѣстные источники заключаютъ въ себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ обыкновенно и самыя важныя данныя и потому подвергать ихъ за это какому-то остракизму едва ли справедливо. Заботясь о полнотѣ матеріала, я не могъ не извлекать необходимыхъ для себя данныхъ и изъ общеизвѣстныхъ источниковъ; къ этому побуждало меня нѣкоторое чувство страха, что, пожалуй, меня станутъ упрекать въ томъ, что я недостаточно воспользовался матеріалами, заключающимися въ классическихъ, такъ сказать, источникахъ первой руки (у Ю. Крижанича, Манштейна, Герберштейна и т. п.) Весь вопросъ, по моему, заключается въ томъ, важно ли данное извѣстіе, и относится ли оно къ дѣлу. Въ этомъ отношеніи мои взгляды и взгляды П. расходятся. Мой критикъ находитъ, напримѣръ, что 4-я глава моего сочиненія заключаетъ въ себѣ много подробностей о неважныхъ эпизодахъ и мало—о весьма существенныхъ. Къ малозначущимъ эпизодамъ онъ относитъ, между прочимъ, описаніе постройки Украинской линіи, а къ важнымъ—походы кн. Голицына въ Крымъ. Я съ этимъ никоимъ образомъ не могу согласиться. Описаніе постройки и заселенія украинской линіи прямо непосредственно входитъ въ мою задачу. Украинская линія является такою же оборонительною чертою, какъ и Бѣлгородская, и заслуживала, конечно, такого же вниманія съ моей стороны, какъ и

---

[1]) Мои Очерки, стр. 292 и 293.

[2]) Харьк. Сборникъ, стр. 215

[3]) *Русск. Мысль* 1887 г. іюль, стр. 407—408, *Журн. М. Н. Пр.* 1887 г., ноябрь, 135.

эта послѣдняя. Что же касается до Голицынскихъ походовъ, то они не имѣютъ прямого отношенія къ моей темѣ; они являются однимъ изъ эпизодовъ для уясненія идеи покоренія Крыма въ ея историческомъ развитіи. Рецензентъ, очевидно, примѣняетъ здѣсь неподходящую мѣрку; онъ оцѣниваетъ событія по степени ихъ общаго значенія, а не по важности для даннаго случая. Не удивительно такимъ образомъ, что онъ не замѣтилъ общей основной идеи, связывающей отдѣльные эпизоды въ 4-й главѣ моего изслѣдованія; не удивительно, что она представляется ему подборомъ, а не обработкой матеріала. Въ этой главѣ я сдѣлалъ попытку прослѣдить постепенное расширеніе нашей государственной границы къ югу въ связи съ движеніемъ великорусскаго населенія; постройка и заселеніе Бѣлгородской черты и Украинской линіи были важнѣйшими эпизодами этого дѣла. Изученіе общихъ условій, при которыхъ совершалось заселеніе края, должно было привести меня къ уясненію въ этомъ дѣлѣ роли татарскихъ нападеній, а для того, чтобы рѣшить вопросъ, на сколько необходимы были тѣ громадныя средства, которыя затрачивало государство и общество на оборону края, я принужденъ былъ изучить и изложить попытки наступательной войны съ Крымомъ. Все это заканчивается обзоромъ культурной, хозяйственной дѣятельности правительства и монастырей и очеркомъ вольной народной великорусской колонизаціи. Спрашивается: въ чемъ заключается нестройность архитектоники этой главы? Неужели здѣсь всѣ части соединены только механически, а не находятся другъ съ другомъ во внутренней логической связи? Неужели нужно было выбросить данныя о татарскихъ нападеніяхъ, ясно рисующія намъ условія заселенія края? Рецензентъ говоритъ, что въ каждой новой главѣ я повторяю то, что было высказано въ предыдущей; но это не вѣрно; возьмемъ, напримѣръ, хотя бы тѣ же татарскія нападенія, о которыхъ я говорю во 2-й и 4-й главахъ своей книги; во 2-й главѣ, на основаніи сказаній иностранцевъ, я даю общую характеристику, татарскихъ набѣговъ на московскія украйны въ XVI и первой половинѣ XVII вѣка; въ 4-й на основаніи иныхъ уже источниковъ—документальныхъ данныхъ, я подробно изображаю опустошенія и грабежи, причиняемые татарами украинскому населенію во второй половинѣ XVII и началѣ XVIII вѣка. Спрашивается: повтореніе ли это? Конечно, для легкой журнальной статьи можно было бы, не разбирая эпохъ, дать общую характеристику погромовъ, но такой пріемъ едва ли удобенъ въ историческомъ изслѣдованіи областнаго характера, гдѣ рядомъ съ анализомъ фактовъ приходится давать исторію края. Этимъ и заканчиваются замѣчанія, относящіяся къ пріемамъ моего изслѣдованія, и начинаются возраженія по существу.

Переходимъ къ самому существенному вопросу, поднятому рецензентомъ Русской Мысли:—насколько справедливы мои общія заключенія о характерѣ великорусской и малорусской колонизаціи въ предѣлахъ южной степной окраины Московскаго государства? Въ этомъ пунктѣ рецензентъ Русской Мысли кореннымъ образомъ расходится со мною; онъ представляетъ рядъ соображеній и фактовъ въ опроверженіе моего мнѣнія о государственномъ характерѣ великорусской колонизаціи на югѣ. По его мнѣнію, „нельзя, конечно, отрицать разницы въ положеніи великорусскаго и малорусскаго населенія. У второго была своя организація, оно являлось массами съ своими установившимися связями, за нимъ московское правительство ухаживало, чтобъ оно опять не ушло за Днѣпръ; оно, наконецъ, селилось за чертой московскихъ сообщеній и уже поэтому должно было быть самостоятельнѣе; но все это еще не даетъ права находить существенное различіе въ процессѣ колонизаціи великорусской и малорусской... самая постановка вопроса о государственной или народной колонизаціи черезъ-чуръ груба для изслѣдуемаго предмета“ [1]). Итакъ, рецензентъ, находитъ разницу въ одной и другой колонизаціи, но не признаетъ ее существенною, не считаетъ возможнымъ даже ставить вопроса о государственномъ или народномъ характерѣ колонизаціи. На чемъ же основанъ этотъ выводъ? Опровергаются ли мои доводы и доказывается ли фактами противоположное заключеніе? Мы должны, къ сожалѣнію, заявить, что рецензентъ не проявилъ той осторожности въ выводахъ (при скудости матеріаловъ), въ отсутствіи которой онъ упрекаетъ меня: его выводы гораздо шире приводимыхъ имъ фактовъ и соображеній. Въ самомъ дѣлѣ, на основаніи всѣхъ бывшихъ въ моемъ распоряженіи данныхъ я сдѣлалъ выводъ о преобладающемъ значеніи государственной великорусской колонизаціи; параллельно съ нею я отмѣтилъ и вольную народную, для чего добросовѣстно, по крупицамъ, выбиралъ изъ разныхъ источниковъ разрозненныя указанія на нее; все это остается неопровергнутымъ, вѣроятно потому, что опирается на множество разнообразныхъ документальныхъ данныхъ. Всякое свое положеніе о роли государства въ томъ или иномъ отношеніи я подтверждалъ, иллюстрировалъ и развивалъ на многихъ десяткахъ страницъ своей книги; скажу болѣе: положенія эти вытекаютъ, какъ прямое, логическое слѣдствіе изъ детальнаго подробнаго разсмотрѣнія колонизаціоннаго процесса на окраинахъ. Мало того, объ этомъ же свидѣтельствуетъ и цѣлая серія новыхъ документовъ, найденная мною уже послѣ отпечатанія книги въ архивѣ министерства юстиціи. Это несомнѣнно самый важный источ-

[1]) *Русская Мысль* 1887 г., іюль, стр. 406, 407.

никъ для исторіи колонизаціи—такъ-называемыя строельныя книги городовъ Валуекъ (1599 г.), Усерда (1637 г.), Хотмышска (1640 г.), Орлова (1646), Карпова (1648 г.), Царева-Алексѣева (1651 г.). Онѣ заключаютъ въ себѣ множество подробностей о постройкѣ и первоначальномъ заселеніи этихъ городовъ; все то, что я нашелъ въ этихъ книгахъ не только не противорѣчитъ моимъ выводамъ о строительной дѣятельности правительства, а, наоборотъ, подтверждаетъ и дополняетъ ихъ; изъ нихъ ясно видно, что «сведенцы» составляли господствующую группу во вновь построенныхъ городахъ; «Досмотръ Калміускаго, Изюмскаго и Муравскаго шляховъ» 1637 г. съ поразительными подробностями возстановляетъ намъ картину топографическихъ рекогносцировокъ, которыя дѣлало центральное правительство для изученія степей съ цѣлью устройства на нихъ укрѣпленій. Къ сожалѣнію, мы не можемъ воспользоваться здѣсь этимъ важнымъ источникомъ, потому что статья наша приняла бы большіе размѣры, но скоро издадимъ его во 2-мъ томѣ своихъ «Матеріаловъ». Центральное правительство слѣдило (въ особенности со второй половины XVII вѣка) за самыми мелкими, ничтожными мѣропріятіями, касавшимися украинской территоріи или населенія; чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ только изучить документы, касающіеся украинскаго (четвертнаго) землевладѣнія и управленія. Въ первомъ томѣ своего труда я совсѣмъ почти не касался этихъ сторонъ быта; но стоитъ только познакомиться съ относящимися сюда актами (напечатанными хотя бы въ сборникахъ Де-Пуле или Л. Б. Вейнберга), чтобы убѣдиться, что правительство оказывало такое же вліяніе и на бытъ великорусскихъ украинцевъ, какъ и на ихъ разселеніе; и это понятно: одно стояло въ прямой непосредственной связи съ другимъ. Оправдывается такая мысль не только документальными данными, но и общимъ историческимъ соображеніемъ, что Московское государство XVII вѣка сильно развило государственную идею на счетъ личности, индивидуума; не удивительно такимъ образомъ, что и въ степной окраинѣ своей, не выходившей изъ непосредственныхъ географическихъ предѣловъ его, оно стремилось постоянно усилить и проявлять свое вліяніе, тѣмъ болѣе, что оборона этой окраины, а слѣдовательно и тѣсно связанная съ нею колонизація, входили въ сферу прямыхъ государственныхъ интересовъ. Не будемъ приводить другихъ доказательствъ; мы свое дѣло сдѣлали; нашимъ противникамъ нужно опровергнуть наши факты и доводы; этого пока они не только не сдѣлали, но даже и не пытались сдѣлать. Да и самый вопросъ они ставятъ иначе. Рецензентъ Русской Мысли пытается доказать, что вольная народная колонизація великорусская отличалась болѣе широкими размѣрами, чѣмъ государственная и по существу ничѣмъ не отличалась отъ малорусской. Самый естественный способъ доказатель-

ства этого мнѣнія долженъ былъ бы быть такой. Рецензенту нужно было бы привести столько новыхъ фактовъ и доводовъ, чтобъ имѣть право сдѣлать заключеніе о преобладаніи народной колонизаціи надъ государственною. Тогда я дѣйствительно принужденъ былъ бы отказаться отъ своего тезиса о преобладаніи государственной колонизаціи надъ народною. Каковы же дѣйствительныя доказательства рецензента Русской Мысли? Главнымъ аргументомъ являются для него указанные мною же самимъ пробѣлы въ источникахъ; онъ приводитъ мои заявленія и пользуется ими для того, чтобы опровергнуть мое замѣчаніе о важномъ значеніи государственнаго элемента въ великорусской колонизаціи. Но это плохой пріемъ— довольствоваться указаніемъ (и притомъ сдѣланнымъ самимъ авторомъ) на то, чего нѣтъ и совершенно игнорировать то, что есть. Кромѣ того, нужно оцѣнить настоящимъ образомъ мои заявленія, нужно сдѣлать изъ нихъ настоящіе выводы. Въ одномъ изъ нихъ говорится о пробѣлахъ въ источникахъ для характеристики государственной колонизаціи, а въ двухъ другихъ о такихъ же пробѣлахъ относительно народной; значитъ, пробѣлъ есть и въ одной, и въ другой (стр. 368—369, 377). Говоря о пробѣлахъ, я имѣлъ въ виду не столько опредѣленіе размѣровъ колонизаціи, сколько указаніе ея формъ, общій характеръ, подробность порядковъ и т. п. Это ясно видно изъ слѣдующихъ словъ, которыя не отмѣчены рецензентомъ: «И печатные матеріалы (а таковыми являются оффиціальные акты и грамоты)», говорю я въ своей книгѣ,—«и архивные документы преимущественно намъ говорятъ о дѣятельности правительства или его непосредственныхъ органахъ; а все то, что̀ не было регламентировано или санкціонировано имъ, естественно, и не попало въ оффиціальные столбцы и книги; сюда даже не попадали и такіе факты, которые являлись исключительнымъ, такъ сказать, выраженіемъ мѣстной жизни... Какъ бы то ни было, не слѣдуетъ упускать изъ виду указаннаго мною выше обстоятельства, что вольная народная великорусская колонизація не можетъ быть разъяснена и изображена съ достаточною полнотою, потому что для этого нѣтъ источниковъ». Мы хотѣли сказать, что несмотря на самые тщательные поиски въ архивахъ, едва ли удастся намъ изложить такъ подробно и обстоятельно процессъ народной великорусской колонизаціи, какъ это можно сдѣлать относительно государственной.

Хотѣлось бы намъ ошибаться въ своемъ предположеніи; хотѣлось бы намъ найти такія же данныя для всесторонняго изученія причинъ народнаго великорусскаго движенія къ югу, его размѣровъ, хода и результатовъ, какія сохранились объ аналогичномъ движеніи малорусскомъ; но едва ли это удастся. Южнорусское народное движеніе отмѣчено въ самыхъ разнообразныхъ источникахъ,—казацкихъ лѣтописяхъ и актахъ,

польскихъ мемуарахъ и грамотахъ московскихъ, архивныхъ книгахъ и столбцахъ,—между прочимъ потому, что оно имѣло важное политическое значеніе, чего нельзя сказать о народной великорусской колонизаціи; эта послѣдняя не рѣдко (мы разумѣемъ поселки, основываемые бѣглыми) проявлялась въ такихъ формахъ, которыхъ и не могло знать правительство, ибо не признавало ихъ законными и даже (хотя далеко не всегда успѣшно) боролось съ ними. Вотъ о какихъ пробѣлахъ въ матеріалахъ говоримъ мы. Размѣры этой вольной народной великорусской колонизаціи были болѣе значительны, чѣмъ можно было констатировать намъ на основаніи всего наличнаго матеріала; мы сдѣлали о ней болѣе широкое заключеніе, чѣмъ позволяли намъ факты именно потому, что свѣдѣнія о ней не всегда могли попасть въ документы; но едва ли она могла получить здѣсь такое широкое развитіе (по крайней мѣрѣ въ XVII и началѣ XVIII вѣковъ), какое имѣла государственная колонизація. Въ какихъ формахъ проявлялась колонизація въ то время, намъ извѣстно: она выражалась первоначально въ устройствѣ станицъ и сторожъ, а затѣмъ въ постройкѣ городовъ, въ основаніи селеній; и вотъ во всемъ этомъ правительство, какъ доказано нами, играло руководящую роль; мало того, то же правительство насаждало и сельско-хозяйственную культуру въ степяхъ; не говоримъ уже о томъ, что оно создало цѣлую систему оборонительныхъ мѣръ и дало организацію громадному количеству служилаго украинскаго населенія. Можно только, пожалуй, сомнѣваться относительно способа основанія селеній—не являются ли они въ большинствѣ случаевъ продуктомъ вольной народной колонизаціи? Но едва ли это такъ. Уже въ концѣ XVIII в., когда Воронежскій край перешелъ на мирное положеніе и здѣсь появилось множество мирныхъ поселенцевъ, процентное отношеніе однодворцевъ, то-есть, потомковъ прежнихъ служилыхъ людей къ другимъ группамъ населенія, было таково: однодворцевъ было 289,374 человѣка, помѣщичьихъ великорусскихъ крестьянъ—167,565, малорусскихъ подданныхъ—115,140 человѣкъ. Эти послѣдніе, конечно, должны быть исключены изъ нашего счета, такъ какъ къ великорусской колонизаціи они отношенія не имѣютъ; въ такомъ случаѣ окажется, что однодворцевъ было чуть ли не въ два раза болѣе, чѣмъ помѣщичьихъ крестьянъ; но затѣмъ является вопросъ: на сколько крѣпостные крестьяне были вольными колонистами? Высокая цифра однодворческаго населенія стоитъ въ прямой естественной связи съ многочисленностью однодворческихъ селеній, о которой свидѣтельствуетъ Германовъ, прослѣдившій постепенное распредѣленіе этого населенія въ предѣлахъ Воронежской губерніи. Въ сѣверныхъ и западныхъ уѣздахъ Воронежской губерніи они составляютъ преобладающую группу поселковъ. Объ образованіи ихъ Германовъ выражается такъ: «Первона-

чальное разселеніе служилыхъ людей, отъ которыхъ произошли однодворцы, какъ по другимъ пограничнымъ областямъ Россіи, такъ и по Воронежскому краю, обусловливалось не ихъ собственнымъ произволомъ, а тѣми цѣлями, какихъ посредствомъ нихъ надѣялось достигнуть правительство» [1]). Итакъ, если однодворцевъ въ началѣ XVIII в. было больше, чѣмъ представителей другихъ сословій, то и въ XVII в., когда военные интересы стояли на первомъ планѣ и всякій обыватель долженъ былъ быть воиномъ, они должны были составлять преобладающую грушу населенія. Очень можетъ быть, что были въ Воронежскомъ краѣ въ XVII в. мѣстности, гдѣ число крестьянъ было очень велико (на одну изъ нихъ указалъ профессоръ В. О. Ключевскій), но онѣ не нарушаютъ высказаннаго нами общаго положенія о преобладаніи служилыхъ людей надъ жилецкими. Конечно, если однодворца XVII в. считать крестьяниномъ, тогда вовсе почти не окажется въ Воронежскомъ и Бѣлгородскомъ краѣ служилыхъ людей; но едва ли такое отожествленіе можетъ быть допущено: однодворецъ, по нашему мнѣнію, гораздо болѣе служилый человѣкъ, чѣмъ крестьянинъ, а не наоборотъ.

Не ограничиваясь, впрочемъ, указанными мною самимъ пробѣлами въ источникахъ, рецензентъ Русской Мысли припоминаетъ еще тѣ, которые отмѣчены были на диспутѣ профессоромъ В. О. Ключевскимъ, а также указываетъ на нѣкоторые пропуски и самъ. Слѣдуетъ остановиться и на нихъ. Профессоръ В. О. Ключевскій указалъ мнѣ на три источника, которые заключаютъ въ себѣ свѣдѣнія о народной великорусской колонизаціи: a) Рукописная повѣсть о градѣ Курскѣ; b) Разрядныя (изданныя) книги: c) Писцовыя книги (неизданныя). Я тогда же принесъ почтенному профессору и ученому, признанному знатоку московскаго періода нашей исторіи, глубокую благодарность за сдѣланныя имъ указанія и рѣшилъ воспользоваться ими для своихъ дальнѣйшихъ занятій. Признаюсь, хотя у меня и была въ рукахъ печатная «Повѣсть о градѣ Курскѣ», но я ей не придавалъ особеннаго значенія, и такъ какъ В. О. Ключевскій ссылался на рукописные списки, то я и рѣшилъ при случаѣ познакомиться и съ ними; узнавъ, что въ библіотекѣ покойнаго графа А. С. Уварова хранится списокъ этой повѣсти XVII в., я отправился въ с. Порѣчье, нашелъ здѣсь нѣсколько (3) списковъ, изучилъ ихъ и пришелъ къ заключенію [2]), что источникъ этотъ не противорѣчитъ моему мнѣнію, а скорѣе подтверждаетъ его. По интересующему насъ вопросу тамъ есть два извѣстія—

---

[1]) *Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ.*, кн. XII, стр. 215.

[2]) См объ этой рукописи мою статью въ Памятной книжкѣ изд. Курскаго Губ. Стат. Комитета; въ ней излагается содержаніе „Повѣски“.

первое о состояніи курской области послѣ Батыева нашествія, второе—о началѣ города Курска. «Въ то же время», читаемъ мы тамъ,—«и сему граду Курску пленену и до основанія разорену сущу бывшу и оттолѣ многіе годы пребывая пустѣя и отъ многихъ лѣтъ запустѣнія положеніе того града Курска и уѣздъ веліимъ древесемъ поростоша и многимъ звѣремъ обиталище быша. И отъ отстоящихъ близъ того положенія града Курска и 3 градовъ изъ Рыльска и иныхъ въ тѣхъ мѣстехъ идѣже бѣ положеніе и уѣздъ творяху людіе хожденіе прибытка ради своего звѣрей и меда». Одинъ изъ промышленниковъ увидѣлъ въ урочищѣ у рѣки Тускори образъ, къ которому стали стекаться и получать исцѣленіе и другіе. Отсюда видно, что другая Курская область не запустѣла окончательно послѣ Батыева нашествія, а сохранила небольшіе остатки прежняго населенія; не то же ли самое утверждалъ я на стр. 63—65 своихъ «Очерковъ?» Но можно ли изъ этого отрывка сдѣлать заключеніе, что народная великорусская колонизація въ курскомъ краѣ въ XVI—VII вв. предшествовала государственной? Едва ли. А вотъ другой отрывокъ: «И не хотя сего чудотворнаго Богородичнаго образа въ тамо странѣ сущей безъ прославленія оставить, царь Ѳеодоръ Іоанновичъ повелѣша отъ древнихъ лѣтъ запустѣнія отъ богомерзкаго царя Батыя преданный градъ обновити и множествомъ людей населить и вскорѣ и восхотѣ сотворити: во 105 году (то-есть, въ 1597 г.) на Курскомъ прежнемъ городищѣ повелѣвъ градъ устроити и нарещи его по прежде имянованному Курескъ и изъ окрестныхъ тамо градовъ многими обитатели пополнити повелѣ и, по наполненіи бѣ въ семъ градѣ и уѣздѣ живущихъ множество и всякихъ отъ земныхъ плодовъ и инымъ къ благовоспріятію человѣческому довольствомъ исполненъ и слышавше о семъ градѣ въ окрестныхъ градѣхъ, яко всякимъ благимъ изобиліемъ и хлѣбомъ и звѣремъ и медомъ исполненъ изъ оныхъ городовъ въ онь множество идяху и селеніе творяху». Отсюда видно, что заселеніе Курскаго уѣзда началось только съ построеніемъ Курска въ 1597 г.; военная городская колонизація и здѣсь предшествовала крестьянской, деревенской.

Что касается Разрядныхъ книгъ, то признаюсь, и въ настоящее время я не вижу въ нихъ прямыхъ указаній на вольную народную великорусскую колонизацію; и конечно, изъ этого еще никоимъ образомъ не слѣдуетъ заключать, какъ дѣлаютъ мои оппоненты, чтобъ я «непростительно игнорировалъ ихъ»; въ моемъ изслѣдованіи есть не мало ссылокъ на эти книги, притомъ по поводу самыхъ мелочныхъ фактовъ, напримѣръ, по вопросу о мѣстожительствѣ черкасъ въ началѣ XVII в.; но что же дѣлать, если я не хотѣлъ создавать гипотезы о той связи, которая будто

бы существовала между движеніемъ населенія къ югу и передвиженіемъ военныхъ полковъ?

Иное дѣло—Писцовыя книги; онѣ дѣйствительно заключаютъ въ себѣ множество данныхъ для исторіи южной степной окраины. Но и здѣсь возраженія моихъ оппонентовъ могутъ быть приняты только отчасти. На пробѣлъ въ этихъ матеріалахъ указалъ я самъ (на стр. 69 своего труда); воспользоваться ими въ желанныхъ размѣрахъ для перваго тома своихъ «Очерковъ», я, къ сожалѣнію, не могъ. Подвергнуть изученію всѣ писцовыя книги, относившіяся къ Курскому и Воронежскому краю, едва ли было возможно. Достаточно сказать, что къ одной Курской губерніи относится 43 полныхъ и неполныхъ писцовыхъ книги, да 9 къ Воронежской (мы не касаемся вовсе еще Елецкаго уѣзда, для котораго есть около 30 книгъ). Обстоятельно изученіе всего этого матеріала я рѣшилъ отложить до 2-го тома «Очерковъ», такъ какъ онъ будетъ посвященъ тѣмъ вопросамъ, для которыхъ имѣется больше всего данныхъ въ писцовыхъ книгахъ (для исторіи землевладѣнія, управленія, сословныхъ отношеній). Этими новыми данными я и расчитываю пополнить наиболѣе бѣдную по содержанію 2-ю главу своего изслѣдованія или въ видѣ отдѣльной статьи, или во 2-мъ томѣ своего труда; тамъ я постараюсь представить картину сельскаго, деревенскаго быта въ связи съ статистическими данными о заселеніи края въ разные періоды его исторической жизни.

Для того, чтобы осуществить поскорѣе эту мысль, я вошелъ съ представленіемъ въ Курскій губернскій статистическій комитетъ объ изданіи имъ, подъ моею редакціей, писцовыхъ книгъ, относящихся къ Курской губерніи, и представилъ по этому поводу подробную мотивированную записку, напечатанную комитетомъ [1]). Съ такимъ же предложеніемъ я вошелъ и въ Воронежскій статистическій комитетъ. Подобную мысль еще раньше я развивалъ на археологическомъ съѣздѣ въ Ярославлѣ. Однимъ словомъ, я дѣлалъ все возможное, чтобы писцовыя книги Курскаго и Воронежскаго края могли послужить матеріаломъ для историческихъ изслѣдованій и выводовъ. Нельзя даже сказать, чтобы и раньше я игнорировалъ этотъ матеріалъ; въ моемъ изслѣдованіи читатель найдетъ не мало указаній на печатные и архивные документы этого рода; для примѣра только укажемъ хотя бы на рукописную писцовую книгу Бѣлгородскаго уѣзда, на рукописныя переписныя книги Чугуевскаго, Вольновскаго уѣздовъ и т. д .Что касается городовъ, то для нихъ мы имѣли такіе документы, которые совершенно замѣняли намъ писцовыя

---

[1]) „О необходимости изученія Курской губерніи въ историческомъ географ. отношеніи". Въ памятн. книжкѣ Курск. губерніи за 1888 г.

книги въ узкомъ смыслѣ этого слова (III-е отдѣленіе архива министерства юстиціи); таковы напечатанные въ моихъ «Матеріалахъ» отрывки изъ отказныхъ книгъ Бѣлгородской губерніи, подлинныхъ межевыхъ книгъ, книгъ разныхъ городовъ и т. п. Спросимъ послѣ всего этого: справедливо ли ставитъ вопросъ о «непростительномъ игнорированіи» мною писцовыхъ книгъ? Мало того, писцовыя книги Бѣлгородскаго, Вольновскаго и Чугуевскаго уѣздовъ,—и это для насъ всего важнѣе,—дали намъ возможность сдѣлать выводъ, что жители большинства селеній ничѣмъ почти не отличались отъ тѣхъ служилыхъ людей, которыхъ мы видѣли въ городахъ. Можетъ быть, въ какихъ-нибудь книгахъ, еще не изученныхъ нами, окажется и обратное отношеніе, но оно не нарушитъ общаго нашего вывода, такъ какъ его подтверждаетъ конечный результатъ колонизаціи Курскаго и Воронежскаго края, выраженный въ точныхъ статистическихъ цифрахъ (на него мы указывали раньше).

Независимо отъ указаній на пробѣлы, отмѣченные проф. В. О. Ключевскимъ, рецензентъ Русской Мысли дѣлаетъ и свои собственныя; такъ, онъ цитируетъ географическій словарь 1788 г., гдѣ приведено процентное отношеніе въ Курскомъ краѣ помѣщичьихъ крестьянъ къ удѣльнымъ и экономическимъ (у меня показано только общее количество ихъ) и одинъ документъ изъ Полнаго Собранія Законовъ; этотъ послѣдній мнѣ хорошо извѣстенъ, равно какъ и многіе другіе, относящіеся къ исторіи землевладѣнія, управленія и сословныхъ отношеній въ южной степной украйнѣ; я проштудировалъ 16 первыхъ томовъ Полнаго Собранія Законовъ и извлекъ оттуда все то, что войдетъ во 2-й томъ «Очерковъ»; для описанія Бѣлгородской черты у меня было слишкомъ много данныхъ въ другихъ источникахъ, и я не хотѣлъ уже вводить новыхъ, а второе, не заключаетъ въ себѣ никакихъ оригинальныхъ, новыхъ дополнительныхъ данныхъ (сравнительно съ подробнѣйшимъ описаніемъ этой черты въ т. IX Дополненій къ Акт. Ист., которымъ я пользовался); любопытны извѣстія его о землевладѣніи, но они не входили въ мою задачу. Такимъ образомъ, дѣйствительно новымъ для меня является только первое указаніе моего рецензента. Но это болѣе чѣмъ скромное дополненіе «пробѣловъ» г. критикъ цѣнитъ черезчуръ дорого. Изъ двухъ своихъ дополненій онъ сдѣлалъ и два очень широкіе вывода: изъ перваго (и только его одного)—что я вообще склоненъ считать неизвѣстнымъ то, что неизвѣстно лично мнѣ, а изъ второго (которое мнѣ оказалось хорошо извѣстнымъ)—что и въ пользованіи печатнымъ матеріаломъ относительно великорусской колонизаціи у меня встрѣчаются пробѣлы. Такая дорогая оцѣнка своихъ дополненій представляется мнѣ, во-первыхъ, нѣсколько не-

скромною, а во-вторыхъ, стоящею въ противорѣчіи съ заявленіемъ самого рецензента, что «пробѣлы въ матеріалѣ обязываютъ къ осторожности въ выводахъ». Кто же въ самомъ дѣлѣ дѣлаетъ обобщенія на основаніи одного факта?

Таковы собственныя дополненія рецензента. Конечно, всѣхъ этихъ дополненій оказалось мало, и потому рецензентъ рѣшился пополнить ихъ еще доводами и соображеніями. Не расчитывая разбить фактическими данными мои положенія, онъ заявляетъ, что я не могъ вѣрно опредѣлить великорусскую колонизацію потому, что наблюдалъ ее съ окраинъ, а не центра, и потому главнымъ образомъ интересуюсь малорусскою колонизаціей. «Центръ тяжести его изслѣдованія», говоритъ онъ,—«лежитъ въ малорусскихъ областяхъ; онъ знаетъ здѣсь очень хорошо не только самый фактъ малорусскаго движенія, но и его, такъ сказать, закулисную сторону... Великорусскія области, напротивъ, являются постороннею прибавкою къ его изслѣдованію и, естественно, что онъ не видитъ народнаго движенія, скудно, но все же достаточно освѣщеннаго источниками здѣсь, въ избранной авторомъ мѣстности, потому что не знаетъ начала этого движенія, очень хорошо виднаго наблюдателю, начинающему слѣдить за нимъ изъ центра» [1]). Мы чрезвычайно сожалѣемъ, что рецензентъ не изобразилъ намъ «хорошо виднаго» ему начала этого народнаго движенія; мы и, по всей вѣроятности, всѣ, интересующіеся вопросомъ о русской колонизаціи, принесли бы ему за это глубокую благодарность; я лично не могъ принять на себя такую задачу по той простой причинѣ, что она вывела бы меня далеко за предѣлы изучаемой мной территоріи, гдѣ я не чувствовалъ бы подъ ногами твердой почвы; признавая законность и даже необходимость изученія начала колонизаціоннаго движенія нашего къ югу, я думаю, что для этого необходимо самостоятельное изученіе заселенія Тульской, Орловской, Тамбовской губерній — благодарная задача для новаго труда; а мнѣ же на диспутѣ въ одно и то же время ставили въ вину широту темы и укоряли за то, что я началъ исторію великорусской колонизаціи съ позднѣйшаго времени, то-есть, за узость ея. Но что вышло бы, еслибъ я расширилъ еще свою задачу и началъ связно излагать исторію заселенія окраинъ не съ начала XVII вѣка, а съ начала XVI вѣка? Не говорю уже о томъ, что не извѣстно еще, къ какимъ результатамъ привело бы спеціальное изученіе начала колонизаціоннаго процесса (напримѣръ, на Тульской засѣкѣ); быть можетъ, мы тамъ вовсе не открыли бы того народнаго движенія, о которомъ говоритъ г. рецен-

---

[1]) *Русская Мысль* 1887 г., іюнь, стр. 406.

зентъ; во всякомъ случаѣ это еще вопросъ, который въ настоящее время не разрѣшенъ.

Мы не можемъ не выразить изумленія, почему рецензентъ высказалъ одно голословное мнѣніе, не подкрѣпленное никакими доказательствами (идущее притомъ въ разрѣзъ съ моимъ собственнымъ заявленіемъ, подтвержденнымъ рецензентомъ Ж. М. Н. Пр.) и не представилъ намъ этого «хорошо виднаго ему съ центра народнаго движенія» [1]). Вѣдь тогда мнѣ только оставалось бы согласиться съ нимъ; теперь же съ полнымъ правомъ я остаюсь при своемъ мнѣніи.

Мой критикъ говоритъ, что я впалъ въ данномъ случаѣ въ нѣкоторый оптическій обманъ. Я же склоненъ думать, что самъ онъ говоритъ это потому, что не можетъ отрѣшиться отъ нѣкоторыхъ традиціонныхъ взглядовъ на характеръ великорусской колонизаціи. Взгляды эти могутъ быть и справедливы, но только въ примѣненіи къ инымъ мѣстностямъ; между тѣмъ теперь они неосторожно высказываются рецензентомъ о томъ краѣ, который имѣетъ своеобразныя особенности. Уже одни апріорныя соображенія должны были привести рецензента къ иному взгляду. Въ самомъ дѣлѣ, мыслимая ли вещь, чтобы въ томъ краѣ, гдѣ всякую пядь земли, отходившую отъ «дикаго поля», приходилось отстаивать оружіемъ, выдвигался впередъ не военный, не служилый человѣкъ, а крестьянинъ? Возможно ли допустить, чтобы на этихъ татарскихъ шляхахъ и перелазахъ села и деревни устроились раньше острожковъ и укрѣпленныхъ городовъ? Это противорѣчило бы и исторической дѣйствительности, и исторической вѣроятности, этого высшаго критеріума исторической критики.

Еще болѣе слабымъ является послѣднее доказательство рецензента. Онъ самъ, какъ мы видѣли, признаетъ нѣкоторую разницу въ положеніи великорусскаго и малорусскаго населенія; онъ самъ находитъ, что послѣднее было самостоятельнѣе. Я высказываю то же самое; по моему мнѣнію, «центральное правительство въ дѣлѣ малорусской колонизаціи за собою оставило высшее руководительство и сферу государственныхъ интересовъ». Расходимся же мы только въ размѣрахъ этого вліянія госу-

---

[1]) „Эта народная колонизація", говорю я въ предисловіи,—„въ этнографическомъ отношеніи дѣлится на два вида—великорусскій и малорусскій. Я съ *одинаковымъ* вниманіемъ безъ всякихъ предвзятыхъ теорій, симпатій или антипатій изучалъ ту и другую"... „Мы находимъ эту оговорку этого почтеннаго автора", замѣчаетъ по этому поводу г. П., —„совершенно излишнею. Предметъ избранный имъ для изслѣдованія, исторія заселенія нашего южнаго степнаго пространства, самъ по себѣ уже вынуждаетъ автора къ объективности, потому что безпристрастный изслѣдователь не можетъ въ данномъ случаѣ стать ни на сторону малорусской, ни великорусской народности" (*Журн. Мин. Нар. Пр.* 1887 г., ноябрь, стр. 136).

дарства на колонизацію. И что же? Допустивъ самъ разницу въ великорусской и малорусской колонизаціи, рецензентъ потомъ ставитъ мнѣ въ вину то обстоятельство, что я не отожествляю ихъ, что я указываю, напримѣръ, разницу между великорусскими и малорусскими вольными колонистами, между великорусскимъ помѣстнымъ и малорусскимъ старозаимочнымъ землевладѣніемъ, между способомъ постройки великорусскихъ и малорусскихъ городовъ [1]). Неужели рецензентъ не знаетъ, что одинаковыя по названію явленія у разныхъ народовъ и даже у одного и того же народа въ разныя времена и въ разныхъ мѣстностяхъ отличаются нерѣдко существенными особенностями? Въ примѣръ возьмемъ хотя бы понятіе объ общинѣ: какой разнообразный далеко не одинаковый матеріалъ вкладывается въ это понятіе, въ зависимости отъ того, будемъ ли мы имѣть въ виду Россію, Англію, Испанію и т. п.! Мало того, неужели вновь открытая нѣкоторыми изслѣдователями малорусская община должна быть тожественна съ великорусскою, когда и эта послѣдняя представляетъ нерѣдко существенно важныя особенности и оттѣнки?

То же самое нужно сказать и о приведенныхъ рецензентомъ примѣрахъ. Между великорусскими и малорусскими вольными колонистами существовала та разница, что первые всѣ безъ исключенія пользовались правомъ вольнаго передвиженія; крестьянъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ, вовсе не было въ Слободской Украйнѣ въ тотъ періодъ времени, который мы разсматриваемъ въ своей книгѣ; между тѣмъ вторые состояли только отчасти изъ переселенцевъ, пользовавшихся правомъ вольнаго перехода (ихъ не могло быть много при тогдашнемъ строѣ Московскаго государства), а въ большинствѣ случаевъ—изъ бѣглыхъ крѣпостныхъ, солдатъ и т. п., которыхъ правительство старалось возвращать къ прежнимъ владѣльцамъ; конечно, это должно было отразиться извѣстнымъ образомъ и на размѣрахъ того и другого движенія; переселенія малороссіянъ на южныя украины правительство поощряло, переселенія бѣглыхъ преслѣдовало, возникновенію малорусскихъ слободъ покровительствовало; законнаго существованія великорусскихъ селеній, основанныхъ бѣглыми, не признавало, а иногда даже прямо уничтожало ихъ; давая разрѣшеніе осадчимъ на устройство городовъ и слободъ, оно предоставляло малорусскимъ переселенцамъ значительныя льготы, а великорусскихъ запрещало принимать. Конечно, у правительства были на это свои резоны; оно и не могло не оказывать льготъ переселенцамъ изъ сосѣдняго государства, которые заселяли его украйны, оберегали границы; оно дорожило ими, какъ прекраснымъ матеріаломъ для колонизаціи. Совсѣмъ иначе оно

[1]) *Русская Мысль* 1887 г., іюль, стр. 405—406.

должно было смотрѣть на своихъ подданныхъ, обитателей центральныхъ областей; даже тѣ, которые уходили отсюда по праву, отбывали этимъ самымъ отъ государева тягла; о бѣглыхъ нечего и говорить: они прямо нарушали матеріальные интересы частныхъ лицъ и цѣлыхъ сословій; а государство стояло на стражѣ этихъ интересовъ; если «подходилъ подъ высокую государеву руку» малороссіянинъ, то этимъ нарушался интересъ чужаго (не рѣдко враждебнаго) государства; но если убѣгалъ крѣпостной крестьянинъ и «обѣлялся», такъ сказать, на Украйнѣ или Дону, то центральному правительству это было весьма непріятно; оно предпринимало иногда очень рѣшительныя мѣры для водворенія этихъ лицъ у прежнихъ владѣльцевъ; припомнимъ, что одна изъ такихъ мѣръ, при Петрѣ Великомъ—выводъ княземъ Ю. Долгорукимъ изъ донскихъ станицъ нѣсколькихъ тысячъ бѣглыхъ—вызвала извѣстный Булавинскій бунтъ.

Существовала также несомнѣнная разница между великорусскою и малорусскою заимкой, какъ однимъ изъ способовъ возникновенія поземельной собственности. Среди однодворцевъ могли существовать заимки въ родѣ указанной въ нашей книгѣ; мы прямо признали разсказъ современныхъ старожиловъ объ образованіи заимочнымъ способомъ деревни Саморядовой правдоподобнымъ; но какова же эта заимка? Саморядовцы должны были вести открытую войну со своими сосѣдями, пока не отбили себѣ земли; очевидно, въ данномъ случаѣ идетъ дѣло о заимкѣ въ смыслѣ захвата. Малорусская заимка, наоборотъ, является народнымъ обычаемъ, освященнымъ и прямо утвержденнымъ жалованными монаршими грамотами, слѣдовательно, пріобрѣвшими юридическую силу и значеніе. Къ сожалѣнію, рецензенту, по всей вѣроятности, остались неизвѣстны относящіяся къ этому вопросу работы гг. Шиманова, Гурова и др. Наконецъ, въ моей книгѣ рецензентъ могъ бы найти фактическія данныя, указывающія на разницу въ постройкѣ великорусскихъ городовъ, напримѣръ, по Бѣлгородской чертѣ и малорусскихъ въ предѣлахъ Слободской Украины: первые всегда строились по иниціативѣ и на счетъ правительства, а вторые—нерѣдко самими черкесами, только при нѣкоторой субсидіи отъ казны (Мои «Очерки», стр. 475—476). Но здѣсь я долженъ сдѣлать маленькую оговорку: говоря о разницѣ между великорусскою и малорусскою колонизаціей, я ей не придаю этнографическаго характера; мой выводъ относится только къ изученному мною краю; въ другихъ мѣстахъ могло быть (и дѣйствительно бывало) иначе. Общій же широкій выводъ можетъ быть сдѣланъ только тогда, когда изучена будетъ исторія заселенія всѣхъ важнѣйшихъ областей нашего отечества.

Послѣ такого подробнаго разбора и опроверженій доказательствъ рецензента Русской Мысли мы, надѣемся, имѣемъ полное право остаться при томъ взглядѣ на великорусскую колонизацію, который высказанъ въ нашемъ изслѣдованіи. Не заставляетъ насъ отступиться или модифицировать его и рецензентъ Ж. М. Н. Пр. Его мнѣніе, въ противоположность только что разобранному, отличается нѣкоторою неясностью. «Главный выводъ», говоритъ онъ,—«не сдѣланъ авторомъ; онъ оставляетъ безъ отвѣта самый существенный вопросъ: кто же заселилъ степи нашего юга, кто внесъ въ нихъ первые начатки гражданственности, кто постепенно и тяжелою трехвѣковою работою обратилъ дикое поле въ одну изъ важнѣйшихъ частей государственнаго организма? Г. Багалѣй отвѣчаетъ: русскіе служилые люди, направляемые государствомъ, монастыри и вольные великорусскіе и малорусскіе колонисты»... Здѣсь нельзя не видѣть противорѣчія: выходитъ, что я и не сдѣлалъ главнаго вывода, и сдѣлалъ его; очевидно, авторъ хотѣлъ сказать, что я сдѣлалъ не надлежащій выводъ, говоря, что южную окраину заселили русскіе служилые люди, направляемые государствомъ, монастыри и вольные великорусскіе и малорусскіе колонисты. Но кто же заселилъ ее въ такомъ случаѣ? «Великій подвигъ заселенія южно-русскихъ окраинъ не могъ быть совершенъ ни малорусскимъ, ни великорусскимъ народомъ, еслибы не существовала прочно установившаяся организація Московскаго государства, превосходно понимавшаго духъ и характеръ русскаго народа и неуклонно стремившагося къ достиженію весьма опредѣленныхъ цѣлей». Но развѣ я отрицаю важную роль государства въ дѣлѣ заселенія изучаемаго края? Вѣдь вотъ другіе находятъ, что я даже преувеличиваю его значеніе. Разница между нами только въ томъ, что г. П. устраняетъ отъ этого подвига монастыри и народъ, а я оцѣниваю заслуги каждаго изъ этихъ элементовъ. Кто изъ насъ ближе къ истинѣ, рѣшить не трудно.

Всѣ эти замѣчанія относятся къ тѣмъ главамъ моего труда, которыя трактуютъ о великорусской колонизаціи. Къ сожалѣнію, такого вниманія не удостоились главы, посвященныя малорусской колонизаціи. Въ особенности меня изумилъ рецензентъ Ж. М. Н. Пр., который, не приведя ни единаго доказательства, не сказавъ ни слова о содержаніи 5-й главы (самой обширной) моего сочиненія, заявилъ, что она представляетъ только подборъ, а не обработку научнаго матеріала. Допустимъ, что я, какъ авторъ, могу ошибаться, думая, что если какая-нибудь глава будетъ признана наиболѣе полною, обработанною, стройною, то именно пятая. Но такое заключеніе высказали мнѣ всѣ мои критики и оффиціальные оппоненты на диспутѣ: даже вообще строгій ко мнѣ рецензентъ Русской

Мысли говоритъ, что «въ пятой (послѣдней), отчасти третьей главѣ читатель найдетъ не мало новаго и поучительнаго».

Въ заключеніе еще два слова г. П. Насъ нѣсколько удивило то, что сказано почтеннымъ критикомъ о монастыряхъ; какъ бы дополняя меня, онъ указываетъ еще на подвижничество, какъ на причину основанія монастырей; но у меня въ 5-й главѣ, оставленной безъ вниманія рецензентомъ, подробно говорится объ этомъ (стр. 524—525 и мн. др.); тамъ же (стр. 508—515) онъ нашелъ бы подробную исторію Святогорской обители и, по всей вѣроятности, тогда бы отказался и отъ «мѣстнаго преданія», и отъ мысли о томъ, что монастырь этотъ былъ основанъ за чертою какихъ-либо сторожъ (тамъ именно существовала—и еще не крайняя—Святогорская Сторожа). Не видимъ мы также и указываемаго имъ противорѣчія въ вопросѣ о колонизаціонномъ значеніи сторожей и станичниковъ; сторожа и станичники дѣйствительно были первыми піонерами при колонизаціи степей, но упрочить эти степи за государствомъ могло только постоянное, осѣдлое населеніе; они же были временными, непостоянными, неосѣдлыми обитателями степной украины. Нѣтъ реальнаго противорѣчія и въ другомъ мѣстѣ, указываемомъ г. П.,—о расширеніи южной границы. Наконецъ, въ виду вопросительнаго знака рецензента, замѣтимъ, что Спасо-Преображенскій соборъ въ Черниговѣ дѣйствительно древнѣе Кіево-Софійскаго.

Авторы четырехъ вышеприведенныхъ отзывовъ стараются указать на слабыя стороны моего сочиненія, полемизируютъ со мною, но все-таки представляютъ такіе или иные факты въ подтвержденіе своихъ мнѣній; совсѣмъ инымъ характеромъ отличается рецензія, помѣщенная въ Книжномъ Вѣстникѣ и подписанная буквами В. Н. С—ко.

Для того, чтобы составить данный критическій отзывъ, г. С—ку вовсе не нужно было знакомиться съ моею книгой: онъ просто составилъ его по газетному отчету о диспутѣ (Русск. Вѣд. 1887 г. № 143) и по моимъ тезисамъ. Я говорю это потому, что все содержаніе его критической замѣтки не выходитъ изъ сферъ этихъ «источниковъ». Даже заглавіе моей книги у него приведено не точно. Въ началѣ замѣтки мы читаемъ такую фразу: «Русская колонизація отличается такими своеобразными чертами и стоитъ въ такой тѣсной связи съ общимъ ходомъ нашей исторіи, что должна невольно привлекать вниманіе изслѣдователя, недостатокъ же трудовъ въ этой области объясняется полнѣйшей необработанностью вспомогательныхъ средствъ и отсутствіемъ полноты данныхъ подъ руками изслѣдователя. Предлагаемый трудъ г. Багалѣя предпринятъ съ цѣлью восполнить этотъ пробѣлъ въ нашей исторической литературѣ». Прочитавъ это мѣсто, я съ изумленіемъ спрашивалъ себя: неужели я задавался цѣлью

писать вообще исторію русской колонизаціи? неужели, самъ того не чувствуя, я написалъ ее? какимъ образомъ могъ рецензентъ такъ формулировать мою задачу, когда на первой же страницѣ введенія я прямо говорю, что взялъ предметомъ своего изученія не степную окраину, а только часть ея, лежащую на пограничьѣ донского и днѣпровскаго бассейновъ, занимающую нынѣ Воронежскую, Курскую и Харьковскую губерніи? Авторъ рецензіи говоритъ, что я рѣшился писать исторію русской колонизаціи, между тѣмъ какъ я на второй страницѣ введенія говорю: «На свой трудъ я смотрю, какъ на новую страницу (значитъ—одну страницу) для будущей исторіи русской колонизаціи». Всякому—хотя бы только перелистывающему мою книгу, извѣстно, что содержаніе ея не выходитъ изъ этихъ рамокъ.

Итакъ, для оглавленія и введенія къ своей рецензіи, авторъ не пользовался ни моею книгой, ни даже предисловіемъ къ ней. Измысливъ для меня миѳическую задачу, авторъ рецензіи вслѣдъ затѣмъ преспокойно обвиняетъ меня въ томъ, что я «чрезвычайно широко поставилъ свою тему, между тѣмъ какъ жизненная (?) обработка далеко не охватываетъ ея». Здѣсь рецензентъ повторяетъ, только въ искаженномъ видѣ, возраженіе почтеннаго профессора Н. А. Попова; Н. А. Поповъ дѣйствительно говорилъ, что я взялъ широкую тему (и географически, и хронологически); по его мнѣнію, я могъ бы, напримѣръ, ограничиться только Харьковскимъ краемъ, не касаясь Курскаго и Воронежскаго: но у него и въ мысли не было упрекать меня за то, что я взялся представить исторію русской колонизаціи вообще; рецензентъ же Книжнаго Вѣстника упрекаетъ меня именно за это, то-есть, за плодъ своей собственной фантазіи. Не удивительно такимъ образомъ, что мой трудъ не удовлетворяетъ поставленной мнѣ рецензентомъ задачѣ. «Къ сожалѣнію», говоритъ онъ,— «исполненіе его далеко нельзя назвать удачнымъ». Таковъ основной тезисъ рецензіи, а въ пользу его приводится нѣсколько замѣчаній В. О. Ключевскаго изъ указаннаго выше источника. Всѣ эти доказательства представляютъ повтореніе, искаженіе и сокращеніе мнѣній глубоко уважаемаго проф. В. О. Ключевскаго; въ нихъ нѣтъ ни одного новаго соображенія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сравнить соотвѣтственныя мѣста одного и другого. Мы не будемъ производить здѣсь такого сравненія, но опять повторимъ, что въ приведенномъ нами выше нумерѣ Русскихъ Вѣдомостей можно найти всѣ замѣчанія нашего рецензента: 1) относительно неполноты источниковъ, 2) недостаточность ихъ обработки, 3) народнаго характера великорусской колонизаціи, 4) отсутствіе указаній на начало колонизаціоннаго процесса. Всѣ эти замѣчанія были высказаны намъ проф. В. О. Ключевскимъ на диспутѣ, и теперь въ но-

вомъ изданіи, но уже безъ всякой мотивировки и указанія на источникъ позаимствованія, повторяются рецензентомъ Книжнаго Вѣстника. Личное творчество его состояло только въ томъ, что онъ совершенно умолчалъ о достоинствахъ книги и перефразировалъ слова газетнаго отчета. Возраженія эти съ поразительною ясностью свидѣтельствуютъ о томъ, что рецензентъ не читалъ моей книги. «Говоря о великорусской колонизаціи», замѣчаетъ рецензентъ,—«авторъ руководящее значеніе почему-то приписываетъ московскому правительству, между тѣмъ какъ понятія объ этомъ слагаются наоборотъ». Могъ ли бы онъ выразиться, что я «почему-то» приписываю руководящую роль въ великорусской колонизаціи правительству, еслибъ онъ читалъ мое изслѣдованіе? Конечно, нѣтъ: онъ могъ не согласиться съ моими доводами, но не видѣть ихъ не могъ. Я не буду, конечно, спорить по существу вопроса съ такимъ оппонентомъ, который не ознакомился съ моими фактическими данными и соображеніями; могу только посовѣтовать ему узнать (лучше поздно, чѣмъ никогда!) почему я высказалъ такое мнѣніе, а для того, чтобы облегчить этотъ трудъ, я укажу ему и на страницы своей книги, гдѣ приведены фактическія данныя и общіе выводы; впрочемъ, предупреждаю заранѣе, что такихъ страницъ окажется очень много [1]). Впрочемъ, начало этой статьи можетъ замѣнить ему отчасти и самую книгу. Таково одно блистательное доказательство рецензента въ пользу того, что онъ... не далъ себѣ труда ознакомиться съ моей книгой. Объ этомъ же свидѣтельствуетъ и второе возраженіе: «Быстрому заселенію», говоритъ рецензентъ,—«слободскихъ полковъ малороссіянами, главнымъ образомъ, способствовало, по мнѣнію г. Багалѣя, дарованіе имъ московскимъ правительствомъ льготъ самоуправленія, свободная заимка земель и т. п.». Еслибы рецензентъ прочиталъ мою книгу, то онъ сказалъ бы, что мотивы переселенія малороссіянъ изъ Польскаго государства въ нынѣшнюю Харьковскую губернію выяснены мною подробно; на основаніи документальныхъ данныхъ указаны религіозныя, соціальныя, экономическія и политическія причины, заставлявшія жителей правобережья переходить въ московскій предѣлъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, Алексѣѣ Михайловичѣ, Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ; выясненію одного религіознаго мотива въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича я посвятилъ болѣе 10 страницъ (162—173); переселеніе гетмана Я. Остренина мною (вслѣдъ за самимъ гетманомъ) объясняется религіозными причинами; но больше всего выходцевъ доставила эпоха «Руины», когда политическая борьба разныхъ претендентовъ на гетманскую булаву обратила край въ пустыню. Что же касается льготъ, предоставленныхъ

[1]) См. стр. 36—59, 90—116, 126—131, 197—233, 237—251, 297—334, 353—359.

жалованными грамотами, то онѣ способствовали не самому факту переселеній (вызывавшихся названными мною выше причинами), а быстрому разселенію «прочанъ» именно въ Слободской Украйнѣ; не будь этихъ льготъ, выходцы изъ правобережья селились бы въ меньшемъ числѣ въ слободскихъ полкахъ, а оставались бы въ гетманщинѣ или уходили бы на Донъ, на Волгу и т. д. Все это доказано въ моей книгѣ документальными данными. А рецензентъ утверждаетъ, будто я не обратилъ вниманія на религіозный мотивъ, основываясь, очевидно, на дурно понятомъ 13-мъ тезисѣ моей диссертаціи; по крайней мѣрѣ приведенный мною выше отрывокъ изъ рецензіи представляетъ просто перифразъ 13-го тезиса даже съ сохраненіемъ большинства моихъ выраженій. Третье доказательство, равно какъ и два остальныя, заимствованы изъ тѣхъ же Русскихъ Вѣдомостей. «Этому» (неудачному исполненію задачи)—читаемъ мы въ Книжн. Вѣстникѣ—«прежде всего воспрепятствовала неполнота источниковъ для подобнаго труда: писцовыя книги почти совершенно нетронуты авторомъ». Рецензентъ ни однимъ словомъ не проговаривается, что рѣчь идетъ о не изданномъ матеріалѣ, хранящемся въ архивахъ; онъ наивно полагалъ, что В. О. Ключевскій говорилъ на диспутѣ о печатныхъ писцовыхъ книгахъ; мы сознаемся, что впасть въ такую ошибку рецензенту было не трудно, такъ какъ въ отчетѣ Русскихъ Вѣдомостей дѣйствительно ни разу не сказано, что дѣло идетъ о не изданныхъ документахъ. Да и можно ли въ самомъ дѣлѣ требовать отъ всякаго рецензента на книгу по русской исторіи свѣдѣній о томъ, что есть изданныя писцовыя книги, а есть и не изданныя.

VII.

По поводу рецензіи на книгу г. Багалѣя

(«Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго Государства»).

Письмо въ редакцію.

Мил. Гос. Госп. Редакторъ!

Прочитавъ въ Вашемъ уважаемомъ журналѣ рецензію на свою книгу «Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Моск. Гос.», покорнѣйше прошу дать мѣсто настоящему моему письму, которое имѣетъ своею цѣлью уничтожить одинъ несправедливый упрекъ, высказанный мнѣ г. рецензентомъ. Авторъ рецензіи г. Н. Ч. силится доказать, что я для своей работы не воспользовался почти всѣми печатными изданіями актовъ и это обстоятельство не даетъ ему возможности относиться съ довѣріемъ къ полнотѣ и достовѣрности сообщаемыхъ мною фактовъ. Но это невѣрно. Во 1-хъ, изъ изданій Археогр. Ком. я извлекъ все то, что относилось къ колонизаціи Харьковской, Курской и Воронежской губ. и что, на мой взглядъ, заслуживало вниманія; я очень сожалѣю, что г. рецензентъ не сдѣлалъ *точныхъ* указаній на тѣ томы А. И., Д. А. И., А. А. Э., въ которыхъ сообщаются свѣдѣнія о *заселеніи* р. Дона *въ предѣлахъ Воронежскаго края;* теперешнее же его заявленіе я считаю голословнымъ. Во 2-хъ, г. рецензентъ, желая во чтобы то ни стало доказать свою предвзятую мысль, постарался неправильно подсчитать мои ссылки (сильно уменьшилъ ихъ): на А. А. Э. у меня не 1 ссылка, какъ утверждаетъ г. Н. Ч., а 4, на А. И.—не 2 или 3, а 7, изъ Д. А. И. я цитирую не одинъ девятый, а и другіе томы (напр., VII-й, X-й), на III-й томъ А. Ю. З. Р. у меня не нѣсколько, а множество ссылокъ, кромѣ того я ссылаюсь нерѣдко и на другіе томы этихъ же актовъ (напр., VIII, XI и др.). Въ 3-хъ, не могу не выразить удивленія, какъ г. рецензентъ, читавшій разрядныя книги (если только онъ дѣйствительно внимательно читалъ ихъ!), могъ найти въ нихъ «важнѣйшія данныя о заселеніи» изучаемой мною мѣстности; я, признаюсь, *такихъ* данныхъ въ нихъ не находилъ и не нахожу. Въ 4-хъ, еще болѣе изумляетъ меня обвиненіе въ игнорированіи писцовыхъ книгъ, изданныхъ Н. В. Калачевымъ. Да развѣ онѣ относятся

къ Харьковской, Курской и Воронежской губ.? Виновать ли я, что г. Н. Ч., не зная географіи степной окраины Моск. гос., укоряетъ меня за то, что я не воспользовался для своего изслѣдованія данными о городахъ Веневѣ, Епифани и Коломнѣ, которые, какъ извѣстно, лежатъ далеко за предѣлами изучаемой мною территоріи? Это по истинѣ: «съ больной головы да на здоровую». Въ 5-хъ, не могу объяснить себѣ, что г. Н. Ч. имѣетъ противъ прекрасной во всѣхъ отношеніяхъ работы Н. Н. Оглобина: если бы онъ поближе познакомился съ нею, то увидѣлъ бы что въ ней заключается не мало отрывовъ изъ писцовыхъ, строельныхъ и т. п. книгъ, относящихся къ Харьковскому, Курскому и Воронежскому краю. Въ 6-хъ, г. рецензентъ совершенно напрасно говоритъ, будто я «все длинное подробное изложеніе сторожевой (и?) станичной службы веду по Боплану, Маржерету, Герберштейну, съ одною, двумя цитатами изъ Воронежскихъ актовъ Второва»; тутъ нѣтъ ни одного слова правды: ни на одного изъ этихъ писателей я ни разу не ссылаюсь въ описаніи сторожъ и станицъ, а пользуюсь ихъ извѣстіями только при характеристикѣ татарскихъ набѣговъ. Въ 7-хъ, довѣріе къ Герберштейну, Боплану, Маржерету г. рецензентъ ставитъ мнѣ повидимому въ большую вину и на немъ даже строитъ заключеніе о недостовѣрности моихъ данныхъ; но всякій, знакомый съ русской исторіографіей, знаетъ, какое почетное мѣсто въ ней занимаютъ эти лица; что же касается барона де Тотта, то онъ самолично участвовалъ въ набѣгѣ татаръ на Новую Сербію въ 1769 г. и его данныя не противорѣчатъ тому, что намъ извѣстно изъ другихъ источниковъ и чего я не хотѣлъ повторять; къ сожалѣнію спеціалисту-рецензенту, очевидно, остались неизвѣстными общеизвѣстные труды ветерана-историка Новороссійскаго края А. А. Скальковскаго и др., къ которымъ я его и отсылаю.

Изъ всего сказаннаго получается одинъ выводъ: г. Н. Ч. не удалось доказать, что въ моей книгѣ есть пропуски и сомнительныя данныя; быть можетъ они и есть (и даже навѣрное есть: какъ ихъ избѣжать?); но г. рецензенту, при всемъ его желаніи, открыть ихъ не удалось.

IV.

Сочиненія, матеріалы, статьи и замѣтки, относящіяся къ исторіи Слободской Украйны, съ 1880 по 1885 годъ.[1]

Исторія нашей мѣстности разработана очень мало. Послѣ капитальнаго труда преосвящ. Филарета «Историко-Статистическ. описаніе Харьков. епархіи.» и монографіи П. Головинскаго «Слободскіе казачьи полки» не появилось ничего выдающагося. Только съ 1870 года обнаруживается снова нѣкоторое движеніе въ дѣлѣ разработки Слободско-Украинской исторіи. Небезполезно будетъ теперь оглянуться назадъ и подвести итоги всему сдѣланному.

1) *К. П. Щелкова. Харьковъ. Историко-Статист. опытъ. X. 1880 г. 72 стр.* Все сочиненіе состоитъ изъ 2-хъ главъ—въ первой разсказывается исторія города въ связи съ судьбою края, во 2-й исторія просвѣщенія. Въ 1-й мы находимъ краткія свѣдѣнія о колонизаціи Слободской Украйны заднѣпровскими выходцами и объ основаніи важнѣйшихъ городовъ, о городѣ Харьковѣ и его жителяхъ, о Харьковскихъ полковникахъ, о посѣщеніи Харькова коронованными особами, о реформахъ въ гражданскомъ устройствѣ его и его области. Вторая глава отличается большею полнотою; особенно обстоятельны данныя о Харьковскомъ коллегіумѣ, университетѣ и институтѣ. Книга покойнаго Щелкова, конечно, не представляетъ болѣе или менѣе полной и обстоятельной исторіи г. Харькова, а только *опытъ* таковой, основанный исключительно на скудныхъ и недостаточныхъ *печатныхъ* матеріалахъ и статьяхъ. Авторъ добросовѣстно свелъ, скомпилировалъ то, что у него было подъ руками, и мы не должны осуждать его за то, что онъ даетъ намъ лишь бѣглый очеркъ.

2) *А. С. Лебедева. Молдавскій Митрополитъ Антоній Черновскій на русскихъ епископскихъ каѳедрахъ.* («Древняя и Новая Россія» 1880 г. сентябрь 13 стран.). Митрополитъ этотъ занималъ Бѣлгородскую епископскую каѳедру съ 1742 по 1748 г. Въ статьѣ, на основаніи новыхъ матеріаловъ, дается характеристика этого замѣчательнаго въ отрицательномъ отношеніи іерарха.

[1]) Харьк. кал. на 1886-й годъ.

3) *А. С. Лебедева. Церковныя отлученія въ Бѣлгородской епархіи въ XVIII в.* (Жур. «Миръ» 1881 г. 9 стр.). Статья эта составлена проф. нашего университета по каѳедрѣ церковной исторіи А. С. Лебедевымъ на основаніи архивныхъ дѣлъ Харьковской Духовной Консисторіи. Она имѣетъ значеніе для характеристики нравовъ Слободско-Украинскаго общества въ XVIII в.; приведенные въ ней случаи отлученія отъ церкви наглядно рисуютъ намъ самоуправство и жестокую расправу разныхъ свѣтскихъ лицъ съ лицами духовнаго званія.

4) *А. С. Лебедева. Любопытный документъ о Мазепѣ.* (Жур. «Миръ» 1881 г. 3 стр.). Въ документѣ этомъ разсказывается о столкновеніи жителей сел. Пересѣчнаго съ священникомъ; причиною его было то, что первый добромъ помянулъ Мазепу.

5) *Сборникъ Импер. русс. Истор. Общества, (т. XXXII 1881 г.), т. XXXVI, 1882 г.* Оба тома этого сборника посвящены исключительно Екатерининской коммиссіи для составленія проекта новаго уложенія. Матеріалы эти состоятъ частью изъ протоколовъ засѣданій коммиссіи въ Москвѣ и Петербургѣ съ приложеніемъ подлинныхъ мнѣній депутатовъ по разнымъ вопросамъ, а частью изъ депутатскихъ наказовъ. Депутатскіе наказы впрочемъ еще только начали издаваться, и наказовъ слободско-украинскихъ депутатовъ еще не появлялось. Но какъ въ изданныхъ теперь 2-хъ томахъ, такъ и раньше въ IV, VIII, XIV томахъ помѣщены многія мнѣнія и отзывы Харьковскихъ депутатовъ, какъ по общимъ, такъ и по мѣстнымъ вопросамъ.

6) *К. П. Щелкова. Историческая хронологія Харьков. губер. X. 1882 г. 365 стр.* Этотъ трудъ представляетъ лѣтопись событій Харьков. губерн.. относящуюся впрочемъ главнымъ образомъ къ XIX ст., на долю, напр. XII—XVI стол. выпадаетъ всего 4 страницы; лѣтопись эта касается преимущественно древней географіи и церковныхъ древностей, исторія политическая затронута слегка въ такой мѣрѣ, въ какой это необходимо для топографіи. Историческая хронологія представляетъ изъ себя справочную книгу и съ этой точки зрѣнія она довольно удовлетворительна; въ концѣ приложенъ азбучный указатель мѣстныхъ именъ и географическихъ названій; очень хорошо также то, что при каждомъ событіи выставляются его источники. Источниками этими въ громадномъ большинствѣ случаевъ являются «Историко-Стат. описан. Харьков. Епархіи» пр. Филарета; можно сказать, что авторъ разбилъ книгу пр. Филарета на рядъ отдѣльныхъ рубрикъ и распредѣлилъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ. Нельзя поэтому согласиться съ почтеннымъ издателемъ этой книги, о. Чижевскимъ, который говоритъ, что на основаніи сочин. Щелкова можно составить исторію отдѣльныхъ городовъ и поселеній Харьков. губерніи.

7) *Старинные тракты или дороги въ южной Россіи.* (въ жур. «Кіевская Старина» 1882 г . іюнь. 4 стр.). Здѣсь на основаніи личныхъ наблюденій и разсказовъ даются краткія свѣдѣнія о шляхахъ, въ томъ числѣ о Муравскомъ, Ромодановскомъ, Сагайдачномъ, проходившемъ по Харьков. губерніи.

8) *Шиманова А. Л. Главнѣйшіе моменты въ исторіи землевладѣнія Харьков. губер. К. 1883 г., 134 страницы.* (Оттиски изъ журнала «Кіевской Старины» за 1882 и 1883 годы). Книжка эта впервые подвергла серьезному разбору вопросъ о такъ называемомъ *старозаимочномъ землевладѣніи* Появленіе же ея было вызвано старозаимочными процессами, одинъ изъ которыхъ (Ахтырскій) авторъ и выигралъ въ пользу крестьянъ—потомковъ войсковыхъ обывателей. Все сочиненіе распадается на слѣдующія главы: 1) Происхожденіе поземельнаго владѣнія слободскихъ полковъ и его мѣстныя особенности. 2) Четвертныя земли однодворцевъ на сѣверной границѣ Слободской Украйны. 3) Перепись слободскихъ полковъ 1726 г. 4) Армейская реформа слободскихъ полковъ князя Шаховскаго. 5) Дальнѣйшая судьба старозаимочныхъ землевладѣній въ прошломъ столѣтіи. Общая межевая инструкція 1769 г. 6) Судьба одной старозаимочной дачи. 7) Причины и начала уравнительнаго раздѣла старозаимочныхъ земель. 8) Полюбовное размежеваніе старозаимочныхъ дачъ. 9) Сословные споры за земли и эпоха усиленнаго отыскиванія казенныхъ земель. 10) Кадастръ крестьянскихъ земель съ цѣлями переложенія податей съ душъ на доходы. 11) Подробности примѣненія одной кадастровой операціи къ одной старозаимочной дачѣ. 12) Спеціальный законъ о старозаимочныхъ земляхъ. 13) Нѣкоторыя особенности бывшаго строя южно-русскаго землевладѣнія. 14) Нѣкоторыя общія черты казачьяго землевладѣнія Полтавск. и Черниг. губер. и старозаимки въ губер. Харьковской. Уже изъ этого краткаго перечня содержанія видно, что г. Шимановъ даетъ намъ по меньшей мѣрѣ *общую первоначальную канву,* на основаніи которой легче будетъ ориентироваться и дальнѣйшимъ изслѣдователямъ по тому же вопросу. Въ этомъ заключается и значеніе работы г. Шиманова. По сему не совсѣмъ вѣрнымъ представляется намъ заглавіе, которое даетъ г. Шимановъ своему изслѣдованію «матеріалы по вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи»: читателю иногда очень трудно отдѣлить въ книгѣ г. Шиманова сырые матеріалы отъ его соображеній. Нѣтъ сомнѣнія, что авторъ внесъ въ свою работу и новые сырые матеріалы (компутъ Ахтырскаго полка 1726 года, документы по Ахтырскому дѣлу), но заслуга его заключается въ томъ, что онъ затронулъ вопросъ о старозаимочномъ землевладѣніи во всемъ его объемѣ, начиная отъ его происхожденія и дальнѣйшей судьбы, переходя къ его

сущности, т. е. внутреннимъ особенностямъ и заканчивая его вліяніемъ на нравственный обликъ народа. Больше всего удалась г. Шиманову та часть его работы, которая говоритъ о происхожденіи и особенно о внѣшней судьбѣ старозаимочнаго землевладѣнія; выставленное-же имъ предположеніе о личномъ подворно-участковомъ характерѣ старозаимочнаго землевладѣнія осталось мало доказаннымъ и нуждается въ новой провѣркѣ обильнымъ фактическимъ матеріаломъ.

9) *Чижевскаго. Старозаимочныя земли. X. 1883 г. 123 стр.* Настоящее изданіе обязано своимъ происхожденіемъ старозаимочнымъ процессамъ. Г. Чижевскому пришла въ голову хорошая мысль познакомить съ ними общество. Его книга состоитъ изъ двухъ частей: въ первой помѣщается отчетъ о 5 судебныхъ рѣшеніяхъ Харьковскаго окружнаго суда по старозаимочнымъ дѣламъ, а во второй 12 особенно важныхъ документовъ, на коихъ основаны эти рѣшенія. Къ несчастію г. Чижевскому можно сдѣлать большой упрекъ за выборъ матеріаловъ: умышленно или неумышленно, но онъ выбралъ только отрицательныя рѣшенія суда, не обмолвившись ни единымъ словомъ о существованіи положительныхъ. Что же касается документовъ, то нѣкоторые изъ нихъ раньше были уже напечатаны; и почему издателю понадобилось перепечатывать документы подъ № 3, 4, 7, 10 и 12, изъ Полнаго собранія законовъ и сочиненій Квитки, Головинскаго и пр. Филарета,—мы не знаемъ. Изъ остальныхъ документовъ нѣкоторые представляютъ значительный интересъ (напр. № 6-й и 11-й), за то другіе не имѣютъ почти никакого отношенія къ старозаимочному землевладѣнію. Самъ г. Чижевскій, къ изданнымъ имъ документамъ, не дѣлаетъ никакихъ, даже самыхъ необходимыхъ, поясненій.

10) *И. И. Срезневскаго. Историч. обозрѣніе гражданскаго устроенія Слободской Украйны во время ея заселенія до преобразованія въ Харьков. губернію X. 1883 г. 24 стр.* Сочиненіе это принадлежитъ юношеской порѣ жизни знаменитаго покойнаго слависта и вновь перепечатано профес. нашего университета И. П. Сокальскимъ въ прибавленіи къ издаваемому имъ Статист. Листку на 1883 годъ. Можно только поблагодарить почтеннаго издателя за перепечатку труда И. И. Срезневскаго, давнымъ давно сдѣлавшагося библіографическою рѣдкостью, а между тѣмъ и доселѣ не утратившаго своего научнаго значенія. Покойный Срезневскій для своего труда воспользовался чрезвычайно важной рукописью—экстрактомъ о Слободскихъ полкахъ, которая, повидимому, теперь исчезла безслѣдно; другая половина его сочиненій основана на печатныхъ документахъ, извлеченныхъ изъ «Полнаго Собранія Законовъ». Весь матеріалъ систематизированъ очень искусно и даетъ ясное представленіе объ исторіи управленія и самоуправленія Слободскихъ полковъ. Къ сво-

ему изданію проф. П. П. Сокальскій присоединилъ очень интересную поминку о покойномъ И. И. Срезневскомъ и перечень его первыхъ ученыхъ трудовъ, касающихся мѣстной старины.

11) *Г. Ѳ. Квитка. Записки о Слободскихъ полкахъ съ начала ихъ поселенія до 1766 года. Х. 1883 г. 26 стр.* Это сочиненіе принадлежитъ перу Квитки и вновь перепечатано съ перваго изданія 1812 г. тѣмъ же неутомимымъ издателемъ И. П. Сокальскимъ. Оно, правда, значительно уступаетъ по своимъ научнымъ достоинствамъ сочиненію Срезневскаго, но всетаки представляетъ нѣкоторый интересъ. Замѣтимъ здѣсь, кстати, что сочиненіе это было впослѣдствіи перепечатано почти безъ измѣненій въ журн. «Современникъ» за 1840 г., т. XVII стр. 61—104 подъ тѣмъ же заглавіемъ «О Слободскихъ полкахъ». Такимъ образомъ пр. И. П. Сокальскій не сдѣлалъ ошибки, перепечатавъ первое изданіе 1812 г., а не слѣдующее 1840 г.

12) *А. Л. Шиманова. Предсмертная поземельная борьба Запорожья* (эпизоды изъ его пограничныхъ споровъ съ б. Слободскою Украйною). Въ жур. «Кіевская Старина» 1883 г. Декабрь стр. 609—636). Въ статьѣ этой разсказывается любопытный эпизодъ о спорахъ за земли Изюмской провинціи (Харьк. губ.) съ Запорожьемъ; разсказъ этотъ имѣетъ для насъ значеніе въ особенности потому, что основанъ на архивныхъ матеріалахъ; относится онъ къ 1773, 1774 и 1775 гг., когда Слободская Украйна была кореннымъ образомъ переформирована губ. Щербининымъ.

13) *В. В. Гурова, при участіи Е. К. Бродскаго. Сборникъ судебныхъ рѣшеній, состязательныхъ бумагъ, грамотъ, указовъ и другихъ документовъ, относящихся къ вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи въ мѣстности бывшей Слободской Украйны.* Х. 1884 г. XVII—705 стр. Изданіе это принадлежитъ присяжнымъ повѣреннымъ, ведущимъ старозаимочныя дѣла. Весь сборникъ состоитъ изъ 5 отдѣловъ: 1-й отдѣлъ—судебныя состязательныя бумаги по искамъ крестьянскихъ обществъ къ казнѣ о правѣ собственности на старозаимочныя земли, 2-й—рѣшенія судебныхъ мѣстъ по этимъ искамъ, 3-й—жалованныя грамоты, 4-й—выписи изъ межевыхъ и писцовыхъ книгъ, 5-й—разные документы, относящіеся къ вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи. Въ 1-й отдѣлъ входятъ: 1) Прошеніе по иску крестьянъ города Лебедина съ хуторами, слободами и деревнями, поданное присяжнымъ повѣреннымъ г. Гуровымъ; 2) отвѣтъ на него уполномоченнаго Харьковской казенной палаты; 3) апелляціонная жалоба того же уполномоченнаго, поданная въ Харьковскую судебную палату; 4) объясненіе на эту апелляціонную жалобу. Послѣднее представляетъ критику основныхъ положеній уполномоченнаго казны, который, какъ извѣстно, признаетъ старозаимочныя земли

казенною собственностью; вмѣстѣ съ тѣмъ это объясненіе заключаетъ въ себѣ много цѣнныхъ положительныхъ указаній на исторію старозаимочнаго землевладѣнія въ Харьковской губ. Во 2-мъ отдѣлѣ г. Гуровъ приводитъ 5 положительныхъ рѣшеній окружнаго суда и палаты, пополняя такимъ образомъ пробѣлы сборника г. Чижевскаго, гдѣ, какъ извѣстно, нѣтъ ни одного положительнаго рѣшенія. Въ 3-мъ отдѣлѣ помѣщено 15 жалованныхъ грамотъ казакамъ Слободскимъ полковъ, почти всѣ они розысканы въ разныхъ архивахъ (въ общемъ архивѣ главнаго штаба, въ писцовомъ архивѣ межевой канцеляріи и Харьковскомъ архивѣ губ. правленія). Жаль только, что и г. Гуровъ не свѣрилъ своихъ грамотъ съ раньше напечатанными, такъ, грамота отъ 31 м. 1796 г. раньше была напечатана г. Чижевскимъ, отъ 22 ноября 1743 г.—Квиткой, Филаретомъ и др., отъ 14 окт. 1704 г.—въ Запискахъ Одес. Общ. исторіи и древностей. Нѣкоторыя грамоты, хотя и являются въ печати впервые, однако по содержанію своему вполнѣ подходятъ къ тѣмъ, которыя напечатаны были раньше; совершенно новыхъ грамотъ 8; изъ нихъ болѣе интересныхъ 3, слѣдующ.:—4 ноября 1686 г., 25 ф. 1695 г., 20 дек. 1717 г. Въ 4-мъ отдѣлѣ помѣщено 9 выписей изъ межевыхъ и писцовыхъ книгъ; они заключаютъ въ себѣ много скучныхъ и не особенно интересныхъ подробностей о граняхъ по урочищамъ и только кое когда встрѣчаются цѣнныя указанія на характеръ владѣнія. Наконецъ, 5-й отдѣлъ заключаетъ въ себѣ *разные* документы: здѣсь мы найдемъ и указы, и купчія, и приказы, и вѣдомости. Большая часть ихъ весьма интересна и важна; въ особенности любопытны отрывки изъ коммиссарскихъ вѣдомостей, составленныхъ въ концѣ прошлаго столѣтія по всѣмъ селеніямъ Харьк. губ. и хранящихся въ архивѣ Харьк. палаты госуд. имуществъ.

Такимъ образомъ, сборникъ г. Гурова по количеству и качеству матеріала представляетъ во всякомъ случаѣ выдающееся явленіе. Но вопроса о старозаимочномъ землевладѣніи онъ все-таки не рѣшаетъ. Матеріалы и статья г. Гурова даютъ намъ отвѣтъ на вопросъ о происхожденіи и судьбѣ старозаимочнаго землевладѣнія, но вовсе не касаются вопроса о сущности и внутренней организаціи этого землевладѣнія. Нельзя также не признать нѣсколько смѣлыми или, вѣрнѣе сказать, односторонними, нѣкоторыя заключенія автора (напр., по вопросу о колонизаціи края, о роли московскаго правительства); это объясняется, конечно, тѣмъ, что книга представляетъ не объективное изслѣдованіе, а доводы одной изъ сторонъ...

14) *Ам. С. Лебедева. Историческія розысканія въ южно-русскихъ архивахъ. (въ Чтеніяхъ Москов. общ. исторіи и древностей, 1884 г. кн. 2-я 48 стр.).* Проф. нашего университета Ам. Ст. Лебедевъ задумалъ

издать въ цѣломъ рядѣ выпусковъ матеріалы, собранные имъ въ разныхъ мѣстныхъ архивахъ Курской и Харьковской губ. Теперь эти матеріалы начались печататься въ Чтеніяхъ Моск. общ. истор. и древ. Пока напечатано 7 документовъ: 1) Липновская Троицкая пустынь. 2) Эпизодъ изъ исторіи борьбы духовной власти въ Россіи съ народно-религіозными обычаями. 3) Владѣльческіе документы Сумскаго Успенскаго монастыря. 4) Духовная Харьк. Преображ. мон. іеромонаха Стефана Зашаловскаго. 5) Завѣщаніе свящ. мѣст. Тарановки (Зм. у.) зятю своему церкви и прихода. 6) Предписаніе духовенству Корочанскаго у. въ 1779 г. проповѣдывать противъ народнаго суевѣрія относительно саранчи. 7) Матеріалы къ исторіи сельско-хозяйственной и заводской промышленности на югѣ Россіи. Такимъ образомъ, почти всѣ документы относятся къ исторіи мѣстной церкви, т. е. Бѣлгородской епархіи, обнимавшей прежде и Курскую и Харьк. губ. Собственно къ Харьк. губ. относятся 3, 4, 5 и отчасти 7-й документы; въ послѣднемъ говорится о смольчужныхъ заводахъ кн. Як. Крапоткина, находящихся въ с. Должикѣ, Харьк. уѣзда. Можно только пожелать *скораго* появленія въ свѣтъ дальнѣйшихъ матеріаловъ, а въ особенности интереснаго изслѣдованія и матеріаловъ о Харьковскомъ коллегіумѣ.

15) *Н. Ѳ. Сумцова. Слободско-украинское дворянство въ произведеніяхъ Г. Ѳ. Квитки (въ журналѣ «Кіевская Старина», 1884 г., іюнь, 201—209 стр.).* Въ этой небольшой статейкѣ авторъ старается опредѣлить основныя черты Харьк. дворянства прошлаго времени, какъ они являются въ литературныхъ произведеніяхъ Г. Ѳ. Квитки. Квитка хорошо зналъ свѣтлыя и темныя стороны дворянства, какъ по личнымъ наблюденіямъ, такъ и по семейнымъ преданіямъ; его наблюденія такимъ образомъ имѣютъ нѣкоторый интересъ и для историка, особенно потому, что историческихъ достовѣрныхъ матеріаловъ для этой эпохи мы вовсе не имѣемъ, а быть помѣщика-дворянина и его отношенія къ *закрѣпощенному* имъ крестьянину, несомнѣнно, представляютъ значительный интересъ.

16) *Отвѣтъ малороссійскихъ казаковъ украинскимъ слобожанамъ (въ жур. «Кіевская Старина» 1884, ноябрь, стр. 550—552).* Это чрезвычайно интересное стихотвореніе на малор. языкѣ, по всей вѣроятности, конца прошлаго вѣка; по складу своему оно напоминаетъ намъ Рождественныя и Пасхальныя вирши. По содержанію своему оно представляетъ *памфлетъ,* на слободскихъ казаковъ, написанный въ Гетманщинѣ какимъ нибудь грамотѣемъ. Авторъ очень зло издѣвается надъ слобожанами за то, что они давно перестали быть настоящими казаками и превратились въ гречкосіевъ и хлиборобовъ; а между тѣмъ просятся въ

казаки. «Пасить соби овець, орите, чумакуйте; а лизты въ козаки и думать не турбуйтесь», говоритъ авторъ, обращаясь къ слобожанамъ.

17) *Древности Харьковской губ. (въ Харьковскомъ Календарѣ на 1884 годъ, 345—353 стр.).* Статья эта принадлежитъ редакціи Харьк. Календаря и представляетъ краткій сводъ данныхъ о древностяхъ Харьковской губ.; къ такимъ древностямъ отнесены городища и каменныя бабы. О городищахъ говорится здѣсь на основаніи труда пр. Филарета, о каменныхъ-же бабахъ—на основаніи собранныхъ Статистическимъ комитетомъ свѣдѣній и записки проф. Ю. Морозова.

18) *Біографическій указатель замѣчательныхъ уроженцевъ и дѣятелей Харьк. губ. (въ Харьковскомъ Календарѣ на 1884 годъ, стр. 404—440 и Харьковскій Календарь на 1885 г. стр. 577—599).* Статья эта заключаетъ въ себѣ десятковъ пять краткихъ біографій уроженцевъ или-же дѣятелей Харьковской губ. Здѣсь мы находимъ имена Артемовскаго-Гулака. Бецкаго, Борисяка, Гордѣенка, Зернина, Каразина, Квитки, Каченовскаго, Кондратьевыхъ, Сковороды, Срезневскаго, Данилевскаго, Ковалевскихъ, Щоголева и др.; что-же касается остальныхъ біографій, то онѣ сообщаютъ намъ краткія свѣдѣнія о дѣятельности болѣе скромныхъ тружениковъ. Нельзя не отнестись иначе, какъ только съ полнымъ сочувствіемъ къ мысли редакціи Харьк. Кал. знакомить читателя съ полезною дѣятельностью мѣстныхъ тружениковъ. Въ провинціи такъ мало энергическихъ, безкорыстныхъ, талантливыхъ общественныхъ дѣятелей, что заслуги ихъ должны отмѣчаться мѣстною прессой.

19) *Н. Н. Оглобина. Обозрѣніе историко-географическихъ матеріаловъ XVII и начала XVIII в. заключающихся въ книгахъ разряднаго приказа. М. 1884 г., 369 стр.* Сочиненіе это представляетъ оттискъ изъ 4-го выпуска «Описанія архива мин. юстиціи» и заключаетъ въ себѣ *общее* обозрѣніе историко-географическихъ матеріаловъ разряднаго архива. Несмотря на то, что разрядный архивъ представляетъ изъ себя только незначительную часть архива мин. Юстиціи, не смотря на то, что описаны *только книги* этого архива, а оставлены въ сторонѣ *столбцы*, количество интересныхъ для изслѣдователя документовъ указано Н. Н. Оглобинымъ весьма значительное. Этотъ матеріалъ относится *ко всей Россіи XVII* и нач. *XVIII в.;* неудивительно такимъ образомъ, что нашлись матеріалы и для нашей мѣстности—Харьковской губ. Но матеріаловъ этихъ оказывается гораздо болѣе, чѣмъ можно было предполагать. Объясняется это тѣмъ обстоятельствомъ, что въ XVII в. Слободская Украйна находилась въ вѣдѣніи разряднаго приказа, въ *Бѣлгородскомъ столѣ* котораго и сосредоточивается нынѣ больше всего матеріаловъ для исторіи и географіи Слободской Украйны XVII и XVIII в. Какъ въ текстѣ, такъ

въ особенности въ приложеніяхъ книги Н. Н. Оглобина мы находимъ множество указаній на документы, касающіеся нашего края. Росписные списки, смѣтныя, оброчныя, строельныя книги, и цѣлый рядъ другихъ разнообразныхъ документовъ относятся къ Харьк. городамъ—Ахтыркѣ, Боромлѣ. Богодухову, Булыклѣѣ, Бишкину, Бѣлополью. Валкамъ, Волчанску. Двурѣчной, Зміеву, Золочеву, Изюму. Коломаку, Колонтаеву, Краснополью, Краснокутску, Лиману, Маякамъ, Межиричу, Мерефѣ, Мурафѣ, Недригайлову, Перекопу. Печенѣгамъ, Савинску, Салтову. Сенькову. Славянску, Сумамъ, Сѣнному, Харькову, Цареборисову. Чугуеву и др. Большинство этихъ документовъ такъ или иначе связано съ дѣятельностью центральнаго московскаго правительства и относится къ XVII вѣку.

20) *П. Голубовскаго. Печенѣги, Торки и Половцы до нашествія татаръ. Исторія южно-русскихъ степей IX—XIII в. К. 1884 г., 254 стр.* Сочиненіе это представляетъ изъ себя магистерскую диссертацію молодого кіевскаго ученаго. Оно не имѣетъ прямаго отношенія къ исторіи Харьковской губ.; но авторъ, разсматривая географическіе предѣлы земель, занятыхъ кочевниками, и рубежи древне-русскихъ княжествъ, не могъ не коснуться и нашей мѣстности. Любопытны сгруппированныя имъ данныя о лѣсахъ въ такъ называемой средней полосѣ и въ томъ числѣ въ нынѣшней Харьковской губ. Еще болѣе интересна выставленная имъ гипотеза, что нынѣшняя Харьковская губ. представляла въ домонгольскій періодъ *боевую* пограничную территорію Черниговo-Сѣверской земли. Гипотеза эта опирается главнымъ образомъ на правильномъ расположеніи въ видѣ нѣсколькихъ оборонительныхъ линій *городищъ* весьма древняго происхожденія. Большинство ихъ относится ко времени, предшествующему колонизаціи края въ XVII в., такъ какъ о нихъ мы находимъ извѣстія еще въ книгѣ Большаго Чертежа. Подобный взглядъ на Харьковскія городища высказывали, правда, еще Пассекъ и пр. Филаретъ; но заслуга г. Голубовскаго заключается въ томъ, что вопросъ этотъ онъ связалъ вообще съ ходомъ древнерусской колонизаціи на нашей южной окрайнѣ и тѣмъ сдѣлалъ свою гипотезу болѣе вѣроятной. Кромѣ того въ монографіи г. Голубовскаго мы находимъ и еще нѣкоторыя интересныя для насъ соображенія—напр., о путяхъ русскихъ князей въ землю Половецкую и др.

21) *Л. В. Иллѣшевича. Краткій очеркъ исторіи Харьковскаго дворянства. Х. 1885 г. 166, 36 стр.* Настоящая книга издана къ дворянскому юбилею и посвящена исторіи Харьковскаго дворянства въ столѣтній промежутокъ времени съ 1785 по 1885 годы, т. е. со времени изданія жалованной грамоты русскому дворянству. Задавшись такою цѣлью, авторъ, естественно, не могъ уже касаться болѣе ранняго времени, такъ какъ это выходило изъ намѣченныхъ имъ рамокъ для его труда.

Это же обстоятельство не даетъ мнѣ возможности разбирать это интересное сочиненіе по существу, такъ какъ въ свой очеркъ я не включаю работъ, относящихся къ XIX в. Значеніе этой книги основывается на томъ, что авторъ воспользовался сырымъ матеріаломъ, хранящимся въ архивѣ депутатскаго собранія.

Но невольно читатель задаетъ себѣ вопросъ, каково происхожденіе Харьковскаго дворянства, какова была его предшествующая судьба. Отвѣтить на этотъ вопросъ нелегко,—по крайней мѣрѣ въ существующей литературѣ мы такого отвѣта не находимъ. Г. Илляшевичъ, нѣтъ сомнѣнія, признавалъ всю законность такого вопроса со стороны читателя, но не найдя на него отвѣта въ печатныхъ матеріалахъ и изслѣдованіяхъ, ограничился тѣмъ, что далъ намъ краткій очеркъ вообще исторіи Слободской Украйны. Вотъ по поводу этого очерка мы и скажемъ нѣсколько словъ. Конечно, онъ вполнѣ компилятивнаго характера, но написанъ въ общемъ вѣрно и довольно живо. Можно только пожалѣть, что авторъ внесъ въ текстъ его цѣликомъ много грамотъ (7 штукъ), онѣ будутъ затруднять средняго читателя. Авторъ не могъ въ данномъ случаѣ руководствоваться научными соображеніями, такъ какъ всѣ эти грамоты были уже напечатаны въ разныхъ изданіяхъ; иныя даже по нѣсколько разъ; единственнымъ исключеніемъ является только грамота 1700 г. Изюмскому полку, но по содержанію своему она ничѣмъ почти не отличается отъ грамотъ, данныхъ въ этомъ году другимъ слободскимъ полкамъ и уже извѣстнымъ въ печати. Чтобы не показаться голословнымъ замѣчу, что 1-я грамота Сумскому полку 1668 г. отъ 19 февр. была напечатана съ кое-какими сокращеніями у Срезневскаго и Головинскаго, 2-я въ 1669 г. 5-го мая Сумскому полку—у Филарета и Гурова, 3-я отъ 25 февр. 1695 г. Сумскому полку—у Филарета и Гурова, 4-я отъ 28 февр. 1700 г. Сумскому полку—у Гурова, 5-я отъ 28 февр. 1700 г. Харьк. полку—въ Полномъ собраніи законовъ и у г. Чижевскаго, 6-я отъ 22 ноября 1743 года—въ П. С. зак., у Квитки, Срезневскаго, Гербеля, Чижевскаго, Гурова.

22) *Архивы Харьковской губ. (въ Харьковскомъ Календарѣ на 1885 г., стр. 599—611).* Статья эта, принадлежащая редакціи Харьковскаго Календаря, заключаетъ въ себѣ интересныя свѣдѣнія объ историческихъ документахъ, хранящихся въ разныхъ учрежденіяхъ Харьк. губ.; свѣдѣнія эти были собраны въ Историко-филологическомъ обществѣ, при посредствѣ Статистическаго комитета. Оказалось, что хотя древнихъ документовъ (XVII в.) и нѣтъ не въ одномъ изъ правит. и общественныхъ учрежденій, но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранились не безъинтересные матеріалы XVIII в. Особенно интересны документы архива Губ. правленія, Духовной консисторіи и Казенной Палаты.

23) *Д. И. Багалѣя. Харьковъ въ XVII столѣтіи (въ Харьк. Календарѣ на 1885 годъ, 611—639 стр.).* Замѣтка эта состоитъ изъ документа и объясненія къ нему. Документъ извлеченъ изъ архива Мин. Юстиціи и заключаетъ въ себѣ описаніе города Харькова въ 1686 году въ военномъ отношеніи.

24) *Городъ Харьковъ полтораста лѣтъ назадъ (въ Харьков. Календарѣ на 1885 г., 639—655 стр.).* Статья эта представляетъ систематизированное изложеніе данныхъ о г. Харьковѣ въ 1732 году, извлеченныхъ изъ переписи Слободскихъ полковъ лейбъ-гвардіи майора Хрущова. Перепись эта, хранящаяся при Казенной Палатѣ, заключаетъ въ себѣ подробное перечисленіе всѣхъ населенныхъ мѣстъ Харьковской губ., съ именными вѣдомостями о жителяхъ всѣхъ состояній и съ нѣкоторыми данными о ихъ экономическомъ положеніи. Статья Харьк. Кал. даетъ намъ понятіе объ этомъ памятникѣ и пополняетъ вмѣстѣ съ предъидущей чрезвычайно скудный матеріалъ по исторіи города Харькова.

25) *Выписка изъ фамильной записи Квитокъ (въ Харьк. Календарѣ на 1885 г., 655—661 стр.).* Еще въ недавнее время въ рукахъ изслѣдователей по мѣстной исторіи было много документовъ не оффиціальнаго, а частнаго происхожденія—фамильныхъ лѣтописей, мемуаровъ и т. п. Таковы между прочимъ фамильныя записи Квитокъ, Лесевицкихъ, Кондратьевыхъ и др. Теперь они исчезли безслѣдно. Редакціи Календаря удалось розыскать только краткую выписку изъ фамильной лѣтописи Квитокъ.

26) *Мандрованные дьяки въ Слободской Украйнѣ (въ Харьк. Кал. на 1885 годъ, стр. 661—668).* Замѣтка эта состоитъ изъ документа и объясненія къ нему. Документъ розысканъ въ архивѣ Харьковской Духовной Консисторіи проф. нашего университета А. С. Лебедевымъ. Документъ этотъ прекрасно характеризуетъ скитальческую жизнь мандрованныхъ, т. е. бродячихъ дьяковъ.

27) *Высочайшія повелѣнія Имп. Екатерины II къ Слободско-украинскому Губернатору Щербинину 1762—1773 г.). (въ газ. «Южный Край» 1885 г. № 1434, 1444 и 1451).* Здѣсь мы находимъ любопытныя распоряженія Имп. Екатерины II, адресованныя на имя извѣстнаго перваго губернатора Евд. Щербинина. Документы эти имѣютъ важное значеніе для характеристики управленія этого умнаго реформатора и служатъ какъ бы дополненіемъ къ тѣмъ матеріаламъ, которые нѣкогда были напечатаны въ Харьковскомъ Календарѣ на 1871 г. Документы эти снабжены пояснительными примѣчаніями, обличающими въ авторѣ ихъ библіографа. Время управленія Щербинина составляетъ одну изъ важнѣйшихъ страницъ въ исторіи нашей мѣстности, а потому и из-

данные матеріалы заслуживаютъ полнаго вниманія. Жаль только, что они не изданы отдѣльнымъ оттискомъ.

28) *Д. И. Багалѣя. Къ исторіи Екатерининской коммиссіи для составленія проэкта новаго уложенія (въ жур. «Кіевская Старина», 1885 г., Сентябрь, и отдѣльно, 30 стр.).* Статья эта составлена на основаніи нѣсколькихъ архивныхъ дѣлъ, хранящихся при Харьковскомъ губер. Правленіи, и новыхъ матеріаловъ, изданныхъ въ Сборникѣ Имп. Рус. Истор. Общества. Архивный матеріалъ далъ автору небезъинтересныя свѣдѣнія о выборѣ депутатовъ въ Харьковской губ., а печатный—о ихъ дѣятельности въ Москвѣ въ самой коммиссіи.

V.

Сочиненія, матеріалы, статьи и замѣтки, относящіеся къ исторіи Слободской Украйны, съ 1885 по 1890 годъ.[1]

Въ Харьковскомъ календарѣ на 1886-й годъ я напечаталъ обзоръ *важнѣйшихъ* сочиненій и матеріаловъ по исторіи Слободской украйны (нын. Харьков. губ.) съ 1880 по 1885-й годъ. Теперь я рѣшился продолжать эту работу и составить критико-библіографическій очеркъ сочиненій, матеріаловъ, статей и замѣтокъ по исторіи Харьковщины съ 1885-го по 1890-й годъ включительно. Въ предупрежденіе всякихъ недоразумѣній (въ какія впалъ, напримѣръ, рецензентъ «Кіевской старины» въ отзывѣ на 1-й выпускъ моего труда) долженъ замѣтить, что я не претендовалъ и не претендую на исчерпывающую полноту своего обзора; это не подробный указатель литературы о Харьковской губ. (въ родѣ книги г. Устинова), а критико-библіографическія замѣтки о болѣе важныхъ явленіяхъ ея. Главное вниманіе мое было обращено на мѣстные сборники и историческіе журналы; что же касается мѣстныхъ газетъ, то здѣсь мною отмѣчены только самые важные труды. Въ 1-мъ вып. я размѣстилъ разбираемыя мною сочиненія въ хронологическомъ порядкѣ; теперь же я счелъ возможнымъ и полезнымъ сгруппировать ихъ въ нѣсколько отдѣловъ въ надеждѣ, что у читателя такимъ образомъ получится болѣе цѣльное представленіе объ этихъ трудахъ.

1. *Библіографія.* 1) Въ 1886 г, былъ изданъ Статистическимъ комитетомъ библіографическій указатель трудовъ по Харьковской губ., составленный *И. А. Устиновымъ «Литература о Харьк. губ.» Х. стр. 238, 1886 г.;* сюда вошли описательные труды, матеріалы и источники, касающіеся исторіи, археологіи, этнографіи, географіи и статистики Слободской украйны, Харьковскихъ: намѣстничества и губерніи (1705—1880 г.). Составлена книга съ одной стороны на основаніи личнаго просмотра г. Устиновымъ различныхъ изданій, заключающихъ въ себѣ матеріалы по Харьк. губ., а съ другой—каталоговъ и указателей; въ нѣко-

[1] Сборн. Харьк. Ист. Фил. Общ.

торыхъ случаяхъ указывается содержаніе или оглавленіе книгъ. «Исполненный такимъ образомъ трудъ въ изложенныхъ предѣлахъ, говоритъ г. Устиновъ, заключаетъ въ себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ и полный указатель Харьк. губ. вѣд. за время съ 1838 по 1880 г. включительно». Дѣйствительно нельзя не признать указателя г. Устинова въ высшей степени полезной справочной книгой; въ немъ отмѣчено много сочиненій, журнальныхъ и газетныхъ статей по указаннымъ выше предметамъ, особенно много указаній найдетъ для себя изслѣдователь, интересующійся мѣстной стариной: историческими работами, матеріалами для исторіи мѣстной литературы, просвѣщенія и театра. Разыскиваніе необходимыхъ свѣдѣній облегчается помѣщенными въ концѣ книги указателями—предметнымъ и личнымъ. Таковы достоинства разбираемаго нами сочиненія. Но есть и недостатки: съ одной стороны можно указать не мало пробѣловъ, а съ другой сюда вошло многое такое, что къ исторіи, этнографіи и географіи Слободской украйны никакого отношенія не имѣетъ. Пропуски относятся главнымъ образомъ къ сочиненіямъ общаго содержанія, но есть пробѣлы и въ мѣстныхъ изданіяхъ (напр. Харьк. Губ. вѣд.). Неотносящіяся къ Харьк. губ. работы, очевидно были внесены г. Устиновымъ изъ другихъ указателей; авторъ былъ введенъ въ заблужденіе заглавіями такихъ статей; такъ, напримѣръ, онъ привелъ труды, въ заглавіяхъ которыхъ было слово украйна, забывши, что кромѣ Слободской была еще украйна лѣвобережная и правобережная. Не буду приводить примѣровъ, такъ какъ это сдѣлано было мною въ рецензіи, помѣщенной въ Жур. «Кіев. старина» (1888, № 4). Въ заключеніе замѣчу только, что Указатель г. Устинова является въ высшей степени полезной справочной книгой и всякій, интересующійся прошлымъ и настоящимъ Харьк. губ., долженъ принести благодарность Губ. Стат. Ком. за ея изданіе; цѣна книжки (50 коп.) болѣе чѣмъ умѣренная и мы желаемъ ей самаго широкаго распространенія въ публикѣ.

2) *Г. С. Чирикова. Указатель книгъ и брошюръ, напечатанныхъ въ Харьковѣ съ 1805 по 1879 годъ. 61 стр.* (Харьковскій сборникъ за 1890 г.). Этотъ трудъ покойнаго помощника библіотекаря Харьк. унив. Чирикова изданъ также Губ. Стат. Комитетомъ подъ редакціей Я. О. Балянскаго, завѣдующаго университетской библіотекой. Какъ видно изъ некролога покойнаго, онъ живо интересовался исторіей литературы и мѣстнаго просвѣщенія. Его статья о бывшемъ ректорѣ университета Осиповскомъ заключаетъ въ себѣ много новыхъ и цѣнныхъ свѣдѣній объ этомъ замѣчательномъ Харьковскомъ дѣятелѣ первой четверти текущаго столѣтія. «Тоже самое желаніе собрать матеріалы для исторіи просвѣщенія Слободской украйны и участія Харьковскаго университета въ этомъ

дѣлѣ, говоритъ Я. О. Балясный, руководило Чириковымъ при составленіи помѣщаемаго здѣсь «Указателя». При незначительности этого труда на первый (прибавимъ: поверхностный) взглядъ, потребовалось не мало кропотливой работы и времени для исполненія его... Сколько помнимъ, онъ приступилъ къ составленію своего «Указателя» по плану гораздо болѣе обширному, не думая ограничиться голымъ перечнемъ сочиненій, онъ желалъ еще показать вкратцѣ содержаніе каждаго. При дальнѣйшей работѣ это оказалось невозможнымъ. Скоро онъ убѣдился, что такой трудъ былъ бы подъ силу только цѣлому кружку людей, преслѣдующихъ намѣченную имъ цѣль. Пришлось поневолѣ отказаться отъ первой своей мысли и съузить рамку до болѣе скромнаго размѣра, чтобы уйти отъ упрековъ въ самомнѣніи и не подвернуться осужденію за легкомысліе, съ какимъ онъ взялъ на себя работу слишкомъ непосильную». Мы къ этому прибавимъ, что трудъ Чирикова и въ нынѣшнемъ своемъ видѣ очень полезенъ. Онъ явится драгоцѣннымъ справочнымъ пособіемъ для будущаго историка Харьковскаго университета. Въ немъ указаны многія такія книги и изданія, которыхъ нѣтъ въ нашей университетской библіотекѣ. Для составленія своего указателя Чириковъ пользовался каталогами рѣдкихъ изданій (напримѣръ, Смирдина, Ольхина). Его работа является дополненіемъ и продолженіемъ трудовъ: *Рославскаго—Петровскаго «Указатель сочиненій, напечатанныхъ въ типографіи Имп. Харьк. унив. въ 1805—1814 г.», X. 1866. Унив. тип. 54 стр.* (отдѣльные оттиски изъ прибавленія къ № 15 циркуляра по Харьк. учебн. округу 1866 г.) и *К. Фойта «Историко-статистическія записки объ Имп. Харьковскомъ университетѣ и его заведеніяхъ отъ основанія университета до 1859 г.» X. 1859 г., 170 стр.* (въ этомъ послѣднемъ одна глава—XXIV-я—посвящена спеціально университетской типографіи и ея изданіямъ съ 1805 по 1859-й годъ, стр. 133—170).

3) *Н. Сумцова. Замѣтка о старопечатныхъ книгахъ Харьковской Духовной Семинаріи* (Кіев. старина, 1888, іюнь, стр. 89—90). Здѣсь между прочимъ авторъ говоритъ: «кто возьметъ на себя трудъ обозрѣть Харьковскія изданія, тотъ въ семинарской библіотекѣ найдетъ подходящій матеріалъ. Такъ, здѣсь находится любопытный сборникъ рѣчей, сказанныхъ при погребеніи перваго ректора Харьковскаго университета Рижскаго, сочиненія горемычнаго профессора Шада Institutiones philosophiae universae 1812 г. и De viris illustribus urbis Romae 1815 г. и сочиненія многихъ другихъ старинныхъ Харьковскихъ писателей». Такимъ образомъ, библіотека стараго Харьковскаго Коллегіума является (что весьма естественно) дополненіемъ, по части мѣстныхъ изданій, Университетскаго книгохранилища. Остается пожелать, чтобы книгами ея могли поль-

зоваться, въ случаѣ надобности, тѣ лица, которыя займутся исторіей мѣстной литературы и науки.

4) *Первый Харьковскій календарь* (Харьк. Кал. на 1884-й годъ, стр. 342—344) и 5) *Старинные Харьковскіе календари* (Харьк. кал. на 1886-й годъ отд. IX-й стр. 144—147). Обѣ замѣтки библіографическаго характера и принадлежатъ перу б. редактора Харьк. Кал. (П. С. Ефименка). Въ 1-й приводится содержаніе календаря, изданнаго въ 1809 г. ректоромъ Харьк. Коллегіума Прокоповичемъ; во 2-й перечисляются Харьковскіе календари, упоминаемые въ библіографическихъ росписяхъ Геннади (справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ) и г. Устинова (трудъ, который мы выше разобрали и который былъ тогда еще въ рукописи).

II. *Архивовѣдѣніе.* Значительная часть архивныхъ матеріаловъ для исторіи Слободской Украйны въ настоящее время сгруппирована въ Харьковскомъ историческомъ Архивѣ. Матеріалы эти переданы сюда изъ Губернскаго правленія и составляютъ дѣлопроизводство упраздненныхъ нынѣ присутственныхъ мѣстъ—Харьковской полковой канцеляріи, Губернской канцеляріи и т. п. (XVIII в.). Они приведены въ извѣстность, каталогизированы и доступны для пользованія. Къ сожалѣнію нынѣшнее помѣщеніе архива болѣе, чѣмъ недостаточно, архивъ, не смотря на десятилѣтнее существованіе, не имѣетъ до сихъ поръ своего устава; у него нѣтъ средствъ на изданіе не только матеріаловъ, но и описей и т. п. Вопросу о правильномъ устройствѣ архива посвящено было нѣсколько статей.

6) *Д. И. Багалѣя. Мысли объ устройствѣ историческаго архива при Харьковскомъ университетѣ* (Вѣстникъ археологіи и исторіи, изд. Петербургскимъ Археологическимъ институтомъ, 1885, и отдѣльный оттискъ, 16 стр.). Въ этой статьѣ говорится объ основаніи историческаго архива въ Харьковѣ, о содержаніи и богатствѣ его документовъ и, наконецъ, о мѣрахъ для правильной его организаціи. Важнѣйшими мѣрами автору статьи представляются слѣдующія:—1) наемъ архиваріуса, который бы занимался описаніемъ дѣлъ и выдачею необходимыхъ справокъ, 2) новое болѣе удобное и просторное помѣщеніе, въ которомъ была бы отдѣльная комната для занятій; 3) изысканіе средствъ на изданіе матеріаловъ. Всего этого можно было бы достичь при одномъ условіи, *если бы архивъ былъ введенъ въ штатъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ на подобіе музея изящныхъ искусствъ,* (въ такомъ смыслѣ и было недавно возбуждено ходатайство въ Мин. Нар. Просвѣщенія).

7) *И. В. Теличенка. Скорбный листъ Архива Малорос. Коллегіи* (Кіевская старина, 1889, февраль, стр. 445—458). «Три небольшія, мрачныя и холодныя комнаты, отведенныя въ помѣщеніи харьковскаго университета, такъ начинаетъ свою статью г. Теличенко, составляютъ въ настоящее время убогое хранилище оставленнаго намъ временемъ драгоцѣннаго богатства документовъ по внутренней бытовой исторіи Малороссіи 18-го вѣка. Болѣе 20,000 дѣлъ, едва приведенныхъ въ кое какой порядокъ, смотрятъ придавленныя пылью, съ высоты своихъ полокъ и ждутъ съ нетерпѣніемъ изслѣдователей. Не имѣя въ виду вдаваться здѣсь въ изложеніе причинъ... того обстоятельства, что отведенныя университетомъ три комнаты болѣе напоминаютъ собой темный и холодный сарай, годный для храненія старой мебели, чѣмъ исторически цѣнныхъ бумагъ, я приведу здѣсь нѣсколько хотя отрывочныхъ, но очень интересныхъ данныхъ о прошлой судьбѣ архива и невзгодахъ, имъ перенесенныхъ. Предлагаемые въ этой замѣткѣ свѣдѣнія имѣютъ даже нѣкоторый поучительный характеръ: лица и учрежденія, на совѣсти и обязанности которыхъ лежатъ заботы о преуспѣяніи русской исторической науки, узрятъ отсюда, какъ они упорно въ отношеніи храненія памятниковъ старины продолжаютъ преступленіе своихъ малообразованныхъ предковъ прошлаго столѣтія». Здѣсь, хотя и въ рѣзкой формѣ, высказано много справедливыхъ замѣчаній. Дѣйствительно, пора обратить вниманіе на крайнее неудобство помѣщенія: авторъ статьи долго работалъ въ архивѣ и самъ лично испыталъ это неудобство; еще болѣе чувствуетъ его архиваріусъ. Нужно надѣяться, что теперь, наконецъ, съ переводомъ клиникъ въ спеціальныя зданія, найдется удобное, просторное помѣщеніе и для архива, *недаромъ онъ ждетъ его уже 11 лѣтъ*. Справедливость впрочемъ требуетъ замѣтить, что университетъ относится сочувственно къ архиву: отпускаетъ изъ спеціальныхъ средствъ по 500 руб. на содержаніе архиваріуса. Будемъ надѣяться, что Правленіе университета розыщетъ для него лучшее помѣщеніе при переводѣ клиникъ и дастъ спеціальнаго служителя, котораго теперь не имѣется. Историческія справки о судьбѣ архива Мал. Кол. въ прошломъ вѣкѣ, приводимыя г. Теличенкомъ, весьма любопытны; это дѣйствительно «скорбный листъ», въ особенности если вспомнить, какія заботы о храненіи архивныхъ актовъ употребляло литовско-польское правительство.

Статья г. Теличенка вмѣстѣ съ работой Н. Н. Оглобина о провинціальныхъ архивахъ XVII в. кладетъ начало разработки исторіи нашихъ областныхъ хранилищъ.

8) *Передовая статья о харьковскомъ историческомъ архивѣ въ 3351 № газ. «Южный Край».*

9) *Д. И. Багалѣя. Харьковскій Историческій архивъ* (Харьк. Губ. Вѣд.).

Неизвѣстный авторъ статьи «Юж. Кр.» выражаетъ желаніе, чтобы богатые документы Харьк. Истор. Архива не оставались подъ спудомъ, а издавались бы въ свѣтъ; по его мнѣнію, для этого желательно было бы завести особую архивную коммиссію на подобіе тѣхъ, которыя существуютъ во многихъ провинціальныхъ городахъ. Неотложнымъ дѣломъ онъ считаетъ также печатаніе исправныхъ архивныхъ описей. 2-я статья является отвѣтомъ на первую; въ ней проводится мысль, что надежду на устройство архива приходится возлагать теперь только на университетъ; если не расчитывать на какое либо частное пожертвованіе, которое, конечно, можетъ быть только дѣломъ случая. Университетъ можетъ отвести архиву лучшее помѣщеніе и увеличить содержаніе архиваріусу до 600 руб. (вмѣсто нын. 500).

10) Независимо отъ оффиціальныхъ документовъ въ рукахъ частныхъ лицъ сохранилось не мало фамильныхъ бумагъ, представляющихъ также интересъ для исторіи мѣстнаго общества. Объ одной группѣ такихъ матеріаловъ трактуетъ статья *Д. И. Багалѣя Фамильныя бумаги Щербининыхъ, кн. Крапоткиныхъ и Донцовъ-Захаржевскихъ* (Харьк. Губ. Вѣд. 1887 г., № 247). Авторъ открылъ въ с. Бабаяхъ у землевл. П. П. Флота документы трехъ названныхъ выше фамилій, бывшихъ въ родственныхъ отношеніяхъ другъ съ другомъ; здѣсь оказалось не мало бумагъ XVIII в., которыя представляютъ значительный интересъ для мѣстной исторіи. Есть надежда, что онѣ будутъ изданы г. Флота подъ моей редакціей.

11) О другой группѣ фамильныхъ документовъ, относящихся къ исторіи Слободской Украйны сообщилъ свѣдѣнія проф. Одес. Унив. *А. И. Маркевичъ* въ статьѣ, озаглавленной такъ: «*Столбцы, принадлежащіе гр. М. М. Толстому* (Кіев. стар., 1889, февраль и мартъ стр. 506—512, 746—751). «У гр. М. М. Толстого (въ Одессѣ), говоритъ пр. Маркевичъ, находится болѣе 100 столбцовъ, относящихся преимущественно къ исторіи московской Слободской Украйны и заключающихъ обильныя данныя для топографіи этихъ мѣстностей. Это бумаги разныхъ фамилій— Кондратьевыхъ, Каменевыхъ, Авдѣевыхъ, Арсеньевыхъ и друг., имѣнія которыхъ перешли въ родъ гр. Толстыхъ (Одесскихъ). Мы разобрали эти столбцы и приводимъ списокъ оказавшимся въ нихъ дѣламъ, расположивъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ. Если бы кто поинтересовался какимъ либо изъ названныхъ ниже дѣлъ, онъ можетъ обратиться къ гр. М. М. Толстому, который охотно вышлетъ копію съ дѣла. Печатаніе же всѣхъ столбцевъ, въ виду несистематичности заключающихся въ нихъ дѣлъ, не представляетъ, такъ сказать, насущной необходимости». Я могу

выразить только одно пожеланіе, чтобы дѣла эти были переданы въ Харьковскій Историческій Архивъ, гдѣ они будутъ лучше гарантированы отъ всякихъ случайностей, чѣмъ въ частномъ хранилищѣ, тѣмъ болѣе, что по содержанію своему, они и не имѣютъ отношенія къ роду гр. Толстого. Свѣдѣнія о документахъ для слободско-украинской исторіи, хранящихся въ иногородныхъ архивахъ, мы встрѣчаемъ въ трехъ нижеслѣдующихъ работахъ.

12) *«Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Моск. Архивѣ Министерства Юстиціи», кн. VII-я М. 1890.* Здѣсь мы находимъ прежде всего любопытную справку о поземельныхъ правахъ бывшихъ войсковыхъ обывателей Харьковской губ. Съ запросомъ о нихъ къ директору Архива Иванову въ 1855 г. обратился Министръ Юстиціи въ виду того, что въ это время Государственный Совѣтъ рѣшалъ вопросъ о правахъ ихъ на старозаимочныя земли. «Не имѣя подъ руками подлинныхъ дѣлъ Слободскаго Вотчиннаго департамента (они были переданы въ Архивъ позже), П. Ивановъ обратился къ производствамъ Вотчинной Коллегіи, которой былъ подчиненъ этотъ департаментъ. По пересмотрѣ въ подлинникѣ множества документовъ, П. И. Ивановъ пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) на Вотчинный департаментъ была возложена обязанность отдѣлить всѣ владѣльческія земли отъ земель казенныхъ и войсковыхъ обывателей, что же касается правъ на владѣніе землями самыхъ войсковыхъ обывателей, то эти права разсматривались департаментомъ лишь въ соприкосновенности съ владѣльческими землями собственно для отдѣленія этихъ послѣднихъ отъ земель владѣльческихъ, 2) при утвержденіи правъ владѣльцевъ на ихъ земли департаментъ принялъ за общее главное основаніе спокойное безспорное владѣніе и полюбовные разводы владѣльцевъ между собою и съ войсковыми обывателями; въ случаѣ представленія владѣльцами полюбовныхъ разводовъ департаментъ не требовалъ отъ разводившихся никакихъ укрѣпленій на ихъ земли въ томъ упованіи, что жалованными Слоб. полкамъ грамотами 7194, 7196, 1700 и 1743 г. козакамъ за службы ихъ дозволено заимки земель чинить и владѣть вѣчно; по надлежащихъ рукоприкладствахъ и полюбовные разводы земель почитались не подлежащими никакому оспариванію и вносились въ писцовыя книги; въ рѣшеніи споровъ о земляхъ департаментъ основывался на владѣніи землями по свидѣтельству окольныхъ людей. Къ этому П. И. Ивановъ присоединилъ нѣкоторыя свѣдѣнія о правѣ владѣнія заимочными землями въ Харьк. губ. до учрежденія въ 1764 г. Слоб. полковъ, извлеченныя изъ документовъ какъ вотчиннаго, такъ и другихъ отдѣленій Архива М. Ю. (стр. 200—201). Въ описаніи дѣлъ раскольничьей конторы есть свѣдѣніе о числѣ раскольниковъ въ г. Чу-

гуевѣ. по даннымъ 2-й Ген. ревизіи (стр. 57). Въ описи десятенъ XVI, XVII вв. встрѣчается не мало указаній на документы, касающіеся Слоб. укр. городовъ, а именно Алешни (стр. 77, 162, 165), Каменнаго (стр. 90, 162—165, 169, 170), Чугуева (стр. 115, 158, 159, 161), Бобрика (стр. 146—147, 162—164), Недрыгайлова (стр. 169), Лебедина (стр. 170), Сумъ (170) и Бѣлгородской черты (стр. 172).

13) *Въ «Пам. кн. Моск. Архива Мин. Юст.» М. 1890, IV, 234.* Мы находимъ краткія свѣдѣнія о документахъ, заключающихся во всѣхъ отдѣленіяхъ Архива. Особенный интересъ для насъ представляютъ данныя о Сенатскихъ бумагахъ. Въ дѣлахъ, принятыхъ изъ б. Московскаго Сенатскаго Архива, заключаются между прочимъ матеріалы о Слободскихъ полкахъ. Украинской линіи и Ландмилиціи (по «Военной Коллегіи»), о мѣст. Водолагѣ за 1731—1734 г. (по «Адмиралтейской коллегіи»), о Ген. м. Таракановѣ и Дебриньи (по «разнымъ предметамъ»). Въ «дѣлахъ правительствующаго сената до раздѣленія его на департаменты» есть также документы о Слободскихъ полкахъ съ 1762 по 1765 г., о злоупотребленіяхъ и безпорядкахъ въ Слободской Украйнѣ по доносу сотника Коневецкаго. Въ дѣлахъ по 4-му и 5-му департаментамъ хранятся книги коммиссіи о Слободскихъ Украинскихъ полкахъ. Въ V-мъ отд. Сенатскаго архива заключаются гражданскія судебныя дѣла по Харьк. губ. Кромѣ всего этого мы находимъ въ «Пам. Кн.» еще извѣстія о рукописныхъ описяхъ и документахъ Архива.

14) *Обозрѣніе Слоб. укр. губ. неизвѣстнаго автора и неизвѣстнаго года Д. И. Багалѣя.* (Харьк. Сборникъ на 1889-й годъ, ст. 244). Это краткая замѣтка объ одномъ рукописномъ описаніи Харьк. губ., которое отнесено мною къ 1831 году.

15) *Описаніе дѣлъ архива Морскаго Министерства, т. V-й СПБ. 1888 годъ, 1052 стр.* И въ этомъ томѣ есть нѣсколько указаній на документы, относящіеся къ исторіи Слободской Украйны (въ предъидущихъ же ихъ гораздо больше). Вотъ они. Въ дѣлахъ адмирала Мордвинова есть извѣстіе о преобразованіи Слободскихъ полковъ (стр. 131, № 1188), стр. 141, № 1191), о сложеніи съ нихъ казенной недоимки (стр. 146, № 1193, о размежеваніи земель въ Слободскихъ полкахъ (стр. 224, № 1227), о Вотчинномъ департаментѣ въ Слоб. укр. губ. (стр. 238, № 1233). Въ дѣлахъ графа Чернышова есть свѣдѣніе о присоединеніи г. Тора и Водолагъ (Старыхъ и Новыхъ) къ Азовской губ. (стр. 539, № 1397).

III. *Акты и грамоты.* Архивный матеріалъ для исторіи Слободской Украины весьма значителенъ. Онъ хранится частью въ мѣстныхъ архивахъ (главнымъ образомъ въ Харьковскомъ Историческомъ), частью въ

столичныхъ. Независимо отъ того не мало цѣнныхъ въ историческомъ отношеніи бумагъ разсѣяно по рукамъ частныхъ лицъ. Между тѣмъ издано его очень мало. Починъ въ дѣлѣ изданія принадлежитъ мѣстному Историко-Филологическому Обществу, напечатавшему 2 тома собранныхъ мною матеріаловъ. Въ его вѣдѣніи находится историческій архивъ, заключающій въ себѣ богатую коллекцію такихъ источниковъ, и естественно, что общество начало издавать его. Нужно только пожелать, чтобы средства на изданіе увеличились и опубликованіе памятниковъ получило болѣе правильный характеръ. Теперь же, напр., 1-й томъ моихъ «Матеріаловъ» вышелъ въ свѣтъ въ 1886 г., а 2-й только въ 1890 г.

16) *Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго гос. (Харьк. и отчасти Курской и Ворон. губ.), собранные въ разныхъ архивахъ и редактированные Д. И. Багалѣемъ. Изд. Историко-Фил. Общества. Х. 1886 г., XXI, 358.*

Это первое спеціальное научное систематическое собраніе документовъ по исторіи Слободской Украйны. Болѣе древніе акты извлечены изъ Московскаго архива Мин. Юстиціи, остальные изъ мѣстныхъ хранилищъ. По содержанію своему они относятся къ исторіи заселенія, землевладѣнія, управленія и сословныхъ отношеній. Критикою этотъ сборникъ былъ встрѣченъ очень сочувственно (см. рец. В. А. въ Кіев. стар. 1886, мартъ, П. А. С.—аго въ Жур. Мин. Нар. Пр. 1886, мартъ, пр. В. Иконникова въ Рус. Стар. 1886, іюль, въ Рус. мысли, 1886, мартъ, въ Сѣв. Вѣстн. 1886, іюль, въ Харьк. Сборн. на 1887-й годъ, въ Истор. Вѣстн. 1888, февраль, въ «Рус. Вѣд.», «Харьк. Губ. Вѣд.» «Южномъ Краѣ» и Ворон. Губ. Вѣд.).

17) *Д. И. Багалѣя. Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ. Томъ 2-й. Х. 1890 г. XV, 433. (Изд. Харьк. Ист. Фил. Общества).* Всѣхъ документовъ въ настоящемъ томѣ 52. Одна часть ихъ найдена мною въ Московскомъ Архивѣ Мин. Юстиціи, другая въ Харьковскомъ историческомъ Архивѣ, третья добыта изъ рукописнаго отдѣленія Церковно-Археологическаго музея при Кіевской Духовной Академіи, четвертая—изъ частныхъ рукъ; самой обширной и важной серіей слѣдуетъ признать вторую. И настоящіе документы относятся частью къ исторіи колонизаціи, а частью къ исторіи внутренняго быта (сословнымъ отношеніямъ, экономическому положенію населенія, управленію и землевладѣнію). Для того чтобы облегчить пользованіе ими, я приложилъ къ настоящему тому указатель личныхъ именъ и географическихъ названій, а также общій къ обоимъ томамъ предметный указатель. Болѣе подробныя свѣдѣнія о происхожденіи документовъ читатель найдетъ въ предисловіи къ нимъ; критическую же оцѣнку ихъ

содержанія въ рец. г. И. М. Каманина (Кіев. Стар., 1890, сент., 513—515) проф. Дьяконова (въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1891, февраль) и г. Д. М. (въ Харьк. Губ. Вѣд.).

18) *Матеріалы для исторіи Воронежской и сосѣднихъ губ. Воронежскіе акты. Изд. Ворон. губ. Стат. Ком. Томъ первый. В. 1887.* Въ составъ Слободской Украйны входилъ и Острогожскій козачій полкъ, занимавшій территорію нынѣшн. Острогожскаго уѣзда Ворон. губ. Неутомимый изслѣдователь Воронежской старины, секретарь Стат. Комитета Л. Б. Вейнбергъ, напечаталъ большой томъ актовъ, имѣющихъ важное значеніе для исторіи Ворон. губ.; часть же ихъ относится къ Острогожскому козачьему полку. Таковъ указъ полковнику Черкасскаго Острогожскаго полка Ивану Сасу объ учиненіи строгаго наказа черкасамъ, чтобы они не обижали и не грабили коротоячанъ и воеводѣ Гр. Мих. Неѣлову объ учиненіи строгаго наказа коротоячанамъ, чтобы они не обижали и не грабили Острогощанъ, списокъ съ грамоты царей Іоанна и Петра Алексѣевичей Коротяцкому воеводѣ Гр. Неѣлову о завладѣніи у острогощанъ коротоячанами земель и угодій, отписка острогожскаго воеводы Ивана Іевлева царю Ѳеодору Алексѣевичу съ жалобою на незаконныя дѣйствія стольника и полковника Острогожскаго Ивана Сасова, отписка Бѣлгородскаго воеводы Б. П. Шереметева Острогожскому полковнику И. С. Сасу объ учрежденіи крѣпкихъ заставъ вслѣдствіе появленія мороваго повѣтрія, челобитная Острогожскаго полковника Ѳедора Куколева съ жалобою на насильства и притѣсненія воеводъ и приказныхъ людей, челобитная Острогожскихъ козаковъ съ жалобою на воеводъ за притѣсненія и лихоимство; наконецъ, три документа имѣютъ прямое отношеніе къ территоріи Харьк. губ., а именно—указъ валуйскому воеводѣ Опухтину о выдачѣ ежегодно архимандриту святогорскаго мон. Іоилу съ братьею денежнаго и хлѣбнаго жалованья изъ Валуйскихъ доходовъ (1679 г.), указъ Валуйскому воеводѣ Кобякову (о томъ же 1683 г.) и грамота о построеніи вновь кружечныхъ дворовъ въ городахъ Острогожскаго, Сумскаго, Харьковскаго, Ахтырскаго черкасскихъ полковъ для русскихъ людей и о разрѣшеніи черкасамъ шинковать безпошлинно попрежнему. О содержаніи этихъ документовъ говорятъ приведенныя выше заглавія.

19) «*Матеріалы по исторіи Воронеж. и сос. губ.*» Л. Б. Вейнберга, вып. VI—XII. Акты, помѣщенные въ этихъ выпускахъ, по содержанію своему, напоминаютъ тѣ, о которыхъ говорилось выше. Не малая часть ихъ относится къ территоріи Острогожскаго полка и составляетъ особый отдѣлъ Острогожскихъ документовъ. Самостоятельное мѣсто занимаютъ здѣсь историко-географическія описанія разныхъ городовъ Воронежскаго

края XVIII в. доставленныя въ Имп. Академію Наукъ. Отъ души желаемъ продолженія этого интереснаго изданія (о первыхъ выпускахъ его см. мою рецензію въ Журн. Мин. Нар., Просв. 1886, іюнь).

20) *Акты, относящіеся къ Малороссіи. Сообщены В. И. Ходмогоровымъ.* (Чтенія Моск. Общ. Ист. и древн., 1885, кн. 2-я). Это небольшой сборникъ актовъ, относящихся собственно не къ Малороссіи, а къ Слободской украинѣ и извлеченныхъ изъ архива Минист. Юстиціи. Здѣсь мы находимъ описаніе укрѣпленій нѣкоторыхъ Слободско-украинскихъ городовъ въ XVII в.—Недрыгайлова, Каменнаго, Ахтырки, Бобрика, Ольшанной, опись лѣсовъ и переполяній въ Вольновскомъ уѣздѣ, проэктъ земляныхъ укрѣпленій въ предѣлахъ Бѣлгородской черты, строельныя книги Острогожска и Колонтаева, переписныя книги государевыхъ описныхъ пасѣкъ въ Вольновскомъ и Харьковскомъ уѣздахъ.

21) *Акты Московскаго госуд. изд. Имп. Акад. Наукъ подъ ред. Н. А. Попова. Томъ 1-й. Разрядный приказъ. Московскій столъ, 1571—1634 СПБ. 1890, XLIV, 766.* Это въ высшей степени важное Собраніе матеріаловъ для исторіи Московскаго государства XVI—XVII ст. Акты здѣсь впервые систематически извлечены изъ Московскаго архива Мин. Юстиціи, именно изъ разряднаго приказа. Кругъ вѣдомства этого послѣдняго былъ, какъ извѣстно, весьма обширенъ. Дѣлился онъ на столы, изъ коихъ Московскій долженъ быть признанъ важнѣйшимъ. Для исторіи Слободской украйны большее значеніе будутъ имѣть книги и столбцы Бѣлгородскаго стола (Слободскіе полки находились въ вѣдѣніи Бѣлгородскихъ воеводъ), но и въ нынѣ изданномъ томѣ мы находимъ не мало интереснаго для старой Харьковщины. Постараемся отмѣтить такіе документы. Здѣсь на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить акты, касающіеся сторожевой и станичной службы на «польской» (т. е. полевой, южной) украйнѣ Моск. госуд. Часть ихъ была издана еще покойнымъ Бѣляевымъ въ его извѣстной работѣ о сторожевой и станичной службѣ, но теперь они являются въ полномъ и болѣе исправномъ видѣ. Сюда относятся, роспись донецкимъ сторожамъ 1571 г. (№ 6-й и 10-й), роспись путивльскихъ и рыльскихъ станицъ (№ 11), роспись станичныхъ головъ (№ 12-й), боярскій приговоръ о поджегѣ полей (№ 13), грамота о посылкѣ сторожей на польскія сторожи 1577 (№ 18-й), роспись стоялыхъ головъ 1578 г. (№ 27-й), приговоръ боярскій о Калміусской дорогѣ 1579 г. (№ 28), боярскій приговоръ о головахъ и станицахъ 1586—87 г. (№ 31), боярскій приговоръ о сводѣ Донецкихъ сторожъ 1587 г. (№ 32), боярскій приговоръ объ учрежденіи на Ливнахъ двухъ станицъ для дозора по р. Донцу непріятелей 1591 г. (№ 34); другіе документы прямаго отношенія къ сторожевой службѣ уже не имѣютъ, но касаются все таки степной жизни;

таково «дѣло о поимкѣ въ степи гуляющаго человѣка Матюшки Сидорова (№ 152-й), отписка Валуйскаго воеводы о грабежѣ черкасами Святогорскаго монастыря въ 1627 г. (№ 189-й), отписка Бѣлгородскаго воеводы объ отсылкѣ въ Москву языковъ—татаръ, взятыхъ на бою, съ приложеніемъ ихъ распросныхъ рѣчей (№ 193-й), грамота Валуйскому воеводѣ о выдачѣ денежной и хлѣбной руги Святогорскому монастырю изъ Валуйки вмѣсто Бѣлгорода (№ 307-й), отписка Валуйскаго воеводы о поимкѣ вора Берникова, разбившаго съ товарищами Савинской монастырь на Сѣверскомъ Донцѣ въ 1632 г. (№ 325-й); къ этой же группѣ нужно отнести, наконецъ, новыя свѣдѣнія объ извѣстномъ казацкомъ предводителѣ Яковѣ Остранинѣ, основавшемъ впослѣдствіи г. Чугуевъ. Здѣсь онъ выступаетъ въ 1633 г. и 1634 г. въ качествѣ противника Москвы, (№ 538-й, 635-й, 636-й, 658-й, 663-й и 664-й).

22) *Депутатскіе наказы и всеподданнѣйшія челобитья отъ дворянъ Слободской Украинской губ. (въ Екатерининскую Коммиссію),* (Сборникъ Импер. Рус. Ист. Общ., томъ 68-й. СПБ. 1889, стр., 251—324). Наказы эти впервые появляются теперь въ печати и представляютъ матеріалъ первостепенной важности; до сихъ поръ мы имѣли только небольшія выдержки изъ нихъ въ книгѣ пр. Латкина «Законодательныя коммиссіи». Слободско-Украинская губ. дѣлилась тогда на 5 провинцій—Харьковскую, Ахтырскую, Сумскую, Острогожскую и Изюмскую. Отъ первыхъ трехъ было представлено по одному наказу, а отъ послѣднихъ двухъ—по нѣсколько челобитій. На содержаніи ихъ я здѣсь останавливаться не буду: это завело бы меня слишкомъ далеко.

Замѣчу только, что наказы позволяютъ намъ судить не только о нуждахъ и желаніяхъ дворянства, но и его тогдашнемъ положеніи.

23) *Топографическое описаніе Харьковскаго намѣстничества съ предисловіемъ и примѣчаніями Д. И. Багалѣя.* (Харьковскій Сборникъ на 1888-й годъ и отдѣльно, X. 1888. стр. X, 82). Это—перепечатка перваго изданія даннаго сочиненія, которое занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ среди источниковъ для исторіи Слободской украйны. Перепечатка эта пріурочена была къ столѣтнему юбилею перваго изданія, вышедшаго въ Москвѣ въ 1788 году. Въ предисловіи я старался выяснить вопросъ объ авторѣ этого сочиненія и его источникахъ. Хотя я склонялся къ мнѣнію г. Черняева о принадлежности его капитану Загоровскому, но съ большими колебаніями. «Вопросъ объ авторѣ Топ. оп., говорилъ я, можно считать формально разрѣшеннымъ. Но остается все таки много неяснаго въ этомъ дѣлѣ: каково было отношеніе Загоровскаго къ Харьковскому краю? откуда онъ почерпнулъ свои любопытныя свѣдѣнія?.. Остается также неизвѣстнымъ источникъ грубой ошибки Митр. Евгенія.

Возможно предположеніе (мы на немъ, конечно, не настаиваемъ по отсутствію какихъ-либо положительныхъ данныхъ), что Загоровскій принялъ на себя авторство передъ цензоромъ; могло быть и такъ, что фактическій матеріалъ Загоровскому доставилъ Переверзевъ, а тотъ только придалъ ему литературную обработку. Теперь послѣ замѣтки по этому вопросу, напечатанной въ Журн. Мин. Нар. Просв. (1888 года, августъ) я еще болѣе утверждаюсь въ своихъ предположеніяхъ, что Загоровскій принялъ на себя авторство только передъ цензоромъ, а что настоящимъ авторомъ былъ Переверзевъ.

24) *Описаніе Слободско-украинской, (Харьковской) губ. 1802 года. Съ предисловіемъ Д. И. Багалѣя.* (Харьковскій Сборникъ на 1889-й годъ и отдѣльно. X. 1889, стр. VI, 39). Описаніе это представляетъ объяснительный текстъ къ Атласу Слоб. укр. губ., хранящемуся въ Имп. Публ. библіотекѣ. По характеру своему это сочиненіе напоминаетъ предъидущее и является полезнымъ дополненіемъ къ нему, заключая въ себѣ общее описаніе губ. и частныя описанія уѣздовъ въ самомъ началѣ XIX стол. Авторъ его неизвѣстенъ.

25) *Три «черкасскія» слободы XVIII в. по современному ихъ описанію. Сообщилъ Д. И. Багалѣй* (Кіев. Старина, 1887, іюнь—іюль, стр. 559—566). Посылая данный документъ въ ред. Кіевской старины, я его снабдилъ введеніемъ, но покойный редакторъ журнала Ѳ. Г. Лебединцевъ, широко понимавшій свои редакторскія обязанности, замѣнилъ его своимъ, хотя и не скрѣпилъ собственною авторскою подписью. Мнѣ, такимъ образомъ, могутъ быть приписаны такія сужденія, которыхъ я не раздѣляю. «Не можемъ также сказать, говорится тамъ, заселены ли были эти слободы тогдашнимъ ихъ владѣльцемъ, или существовали раньше и попали уже къ нему по наслѣдству, либо пожалованію, такъ частому въ царствованіе щедродательной императрицы». Мнѣ же *извѣстно,* что здѣшнія земли подарены были князю Борису Ивановичу Куракину, свояку Петра Вел. Въ XVIII в. Куракинымъ здѣсь принадлежали слѣдующія селенія—Павловка, Александровка, Демьяновка, Бѣлокуракина, Танюшевка, Алексѣевка. Въ 1750 г. Бѣлокуракино было уже селомъ съ церковью, а въ 1759 г. въ здѣшней церкви было три священника; въ исповѣдной росписи 1753 г. прихожане Танюшевской Николаевской церкви называются подданными черкасами кн. *Александра* Куракина. (см. Филарета. Ист. Стат. опис. Харьк. еп., V, стр. 397—398).

26) *В. Н. Сторожева. Къ вопросу о колонизаціи Лѣвобережной украины.* (Кіевская старина, 1890, іюнь, стр. 544—549). Заглавіе статьи совсѣмъ не соотвѣтствуетъ ея содержанію: *авторъ смѣшалъ Слободскую украйну съ лѣвобережной.* Всѣ тѣ города, о малороссійскомъ населеніи

которыхъ у него приведены статистическія данныя (изъ Моск. Архива Мин. Юстиціи), за исключеніемъ Путивля, относятся къ территоріи Слободской украйны и ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ Лѣвобережной или иначе гетманской Малороссіи. Странно, какъ г. Сторожевъ могъ впасть въ эту ошибку, если ему знакомы мои «Очерки изъ исторіи кол.» (а онъ на нихъ ссылается). Что касается самихъ матеріаловъ, то они дѣйствительно даютъ нѣсколько новыхъ статистическихъ данныхъ о черкасахъ—козакахъ, мѣщанахъ и пашенныхъ мужикахъ, въ г. Каменномъ, Недрыгайловѣ, Сумахъ и Лебединѣ.

27) *Атласъ Слободско—Украинской губ. и ея описаніе 1797 г.* (Харьковскій календарь, на 1886-й годъ, стр. 147—152). Замѣтка состоитъ изъ нѣсколькихъ документовъ, извлеченныхъ изъ архива губернаторской канцеляріи и заключающихъ въ себѣ свѣдѣнія о составленіи для Имп. Павла Петровича атласа Слоб. укр. губ. и ея описанія.

28) *Распоряженіе ген. губ. Черткова 1782 г. объ уничтоженіи винокуренныхъ заводовъ въ городахъ, распоряженіе намѣстника въ 1785 году объ устройствѣ пограничныхъ пирамидъ, представленіе Харьковскаго губернатора 1798 года объ обсадкѣ дорогъ деревьями* (Харьк. Кал. на 1886-й годъ). Всѣ эти небольшіе документы извлечены изъ связки старинныхъ дѣлъ, хранящихся при Губернскомъ Статистическомъ Комитетѣ.

29) *Изъ архива Харьковскаго намѣстничества 1791—1799. Рескрипты Екатерины Великой, письма Шешковскаго, графа Самойлова, Беклешова, князей Куракина и Лопухина, съ предисловіемъ Д. В. Цвѣтаева.* (Русскій Архивъ, 1887, № 6, стр. 145—157). «Всѣ нижеслѣдующіе документы, говоритъ проф. Цвѣтаевъ, подлинные, а указы съ собственноручною подписью Екатерины II-й. Они переданы намъ семьею недавно умершаго здѣсь д. ст. сов. М. П. Цвѣткова, начавшаго свою службу въ Харьковѣ и кончившаго ее въ Москвѣ. Въ свою бытность въ Харьковѣ, имъ однажды было отыскано въ подвалѣ перестраиваемаго дома нѣсколько кипъ старыхъ бумагъ и книгъ; съ согласія его семьи мы помѣщаемъ здѣсь часть этихъ бумагъ и приносимъ ихъ въ даръ Московскому Пуб. и Рум. музеямъ».

Переписка тѣхъ дѣятелей, имена которыхъ указаны въ заглавіи статьи, касается различныхъ мѣстныхъ дѣлъ, а именно—мѣдной монеты и ассигнацій, винокуренія, недоимокъ, наконецъ, духоборцевъ и нѣкоторыхъ политическихъ преступленій. Въ симпатичномъ свѣтѣ выступаетъ передъ нами терпимость и гуманность Императрицы.

Жаль, что пр. Д. Цвѣтаевъ не указалъ содержанія остальныхъ документовъ пок. М. П. Цвѣткова; но во всякомъ случаѣ нельзя не поблагодарить его и зато, что онъ намъ далъ.

30) *Переписка В. Н. Каразина по Филотехническому обществу (1814—1818 г.г.). (Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива собственной Его Имп. Вел. канцеляріи. Выпускъ второй. Изданъ подъ редакціей Н. Дубровина. С.-пб. 1889 года стр. 445—514).* Начало этой переписки помѣщено въ 1-мъ выпускѣ этого изданія 1876 года. Теперешній выпускъ, вышедшій подъ редакціей академика Н. Дубровина, заключаетъ въ себѣ слѣдующіе документы: 1) благодарственное письмо членовъ Филотехническаго общества къ извѣстному гр. Аракчееву за присылку медали и извѣщеніе объ избраніи его попечителемъ общества; 2) выписка изъ протокола собранія Филотехническаго общества, бывшаго въ Успенскій съѣздъ въ Харьковѣ 19 августа 1814 г.; здѣсь приведены подробно мотивы, побудившіе собраніе избрать Аракчеева своимъ попечителемъ; здѣсь между прочимъ говорится, что гр. Аракчеевъ «не только простой любитель наукъ, но дѣйствительно ученый мужъ» и что онъ «есть вмѣстѣ однимъ изъ честнѣйшихъ людей царства нашего»; 3) Копія съ протокола собранія Филотехническаго общества 1815 г. генваря 16 дня.; 4) отчетъ Филотехническому обществу правителя его дѣлъ Каразина о происходившемъ послѣ Успенскаго съѣзда прошлаго 1814 года, гдѣ сообщаются подробныя свѣдѣнія объ открытіяхъ и усовершенствованіяхъ Каразина въ области «домоводства», т. е. сельскаго хозяйства; 5) Копія съ протокола собранія Филотехническаго общества 1815 г. генваря 19; 6) списокъ дѣйствительныхъ и почетныхъ членовъ, также и корреспондентовъ Филотехническаго общества, по старшинству ихъ вступленія, за исключеніемъ умершихъ, сдѣланный къ 16 марта 1815 года; здѣсь интересно отмѣтить, что гр. Аракчеевъ фигурируетъ почетнымъ членомъ по тремъ отдѣленіямъ общества: въ качествѣ мужа ученаго, въ качествѣ мужа государственнаго и въ качествѣ отличнаго помѣщика; 7) Письмо В. Н. Каразина гр. А. А. Аракчееву 1815 г. и приложенное къ нему свидѣтельство московскаго комитета объ изобрѣтенныхъ Каразинымъ консервахъ мяса и капусты и крѣпкомъ алькоголѣ; 8) Письмо В. Н. Каразина гр. А. А. Аракчееву 1816 г.; 9) Докладъ особаго комитета, учрежденнаго для разсмотрѣнія изобрѣтеній Каразина, военному министру кн. Горчакову 1-му (о консервахъ и алькоголѣ); 10 Всеподданнѣйшій рапортъ ст. сов. Вас. Каразина объ учрежденіи и успѣхахъ Филотехническаго общества («записка для моего Государя»); 11—12) 2 письма Слободско-украинскаго губернатора Вас. Муратова Вас. Ром. Марченко 1817 г. (объ открытіяхъ Каразина); 13) письмо В. Н. Каразина В. Р. Марченко 1818 г. Замѣтимъ только, что кое что изъ перечисленнаго здѣсь было уже напечатано раньше. Такъ въ «Сынѣ Отечества», 1815 г., № XI, ч. 20, стр. 177—198 и 225—241 былъ

помѣщенъ отчетъ В. Н. Каразина Филотехническому общ. о дѣятельности его послѣ Успенскаго съѣзда 1814 г.; въ томъ же журналѣ, 1815 г., ч. 23 стр. 221—241 появилось письмо Каразина къ издателямъ съ приложеніемъ протокола комитета. учрежденнаго для разсмотрѣнія предположеній Филотехническаго общ. касательно облегченія продовольствія войскъ и объ умноженіи въ государствѣ селитры посредствомъ новаго способа; въ другихъ отчетахъ помѣщены списки членовъ Филотехническаго общества, изданные теперь академикомъ Н. Дубровинымъ. Нельзя не пожелать, что бы кто нибудь взялъ на себя трудъ разсмотрѣть дѣятельность В. Н Каразина по Филотехническому обществу, которое было прямымъ предшественникомъ нынѣшняго сельско хозяйственнаго.

IV. Записки. воспоминанія, письма.

31) Почти всѣ эти матеріалы относятся къ XIX в. Исключеніе представляютъ только записки Квитокъ и Калиновскаго и отчасти Ярославскаго. *Извлеченія Филарета Харьковскаго изъ фамильныхъ записокъ Квитокъ. Сообщилъ Д. И. Багалѣй.* (Харьковскій Сборникъ на 1889 годъ, и отдѣльный оттискъ, 6 стр.). Это—собственноручныя извлеченія покойнаго ученаго изслѣдователя судебъ Слободской украйны изъ фамильной лѣтописи или замѣтокъ Квитокъ. Фамилія Квитокъ играла выдающуюся роль въ мѣстномъ обществѣ и ихъ лѣтопись имѣла бы очень важное значеніе для исторіи. Къ сожалѣнію она до насъ не дошла и мы имѣемъ только краткія извлеченія, сдѣланныя изъ нея пр. Филаретомъ. Тѣмъ не менѣе и извлеченія эти имѣютъ цѣну, такъ какъ никакихъ другихъ мемуаровъ мѣстныхъ дѣятелей изъ этой эпохи (XVIII в.) не сохранилось (намъ извѣстно о существованіи записокъ Лесевицкихъ, Кондратьевыхъ, Тевяшовыхъ, Шевичей—ими пользовался еще преосв. Филаретъ, но до насъ они не дошли); по крайней мѣрѣ онѣ неизвѣстны лицамъ, занимающимся разработкой мѣстной исторіи.

32) *Описаніе свадебныхъ украинскихъ простонародныхъ обрядовъ въ Малой Россіи и въ Слободской Украинской губерніи, такожъ и въ великороссійскихъ слободахъ, населенныхъ малороссіянами употребляемыхъ, сочиненное Григоріемъ Калиновскимъ.* (Харьк. Сборникъ, на 1889-й годъ стр. 160—174). Это сочиненіе впервые было напечатано въ 1776 г. затѣмъ перепечатано въ Архивѣ Калачова и, наконецъ, вновь издано съ предисловіемъ Н. Ѳ. Сумцова въ Харьк. Сборникѣ. «Составлена она (эта книга), говоритъ Н. Ѳ., въ 1777 г. (?) и является такимъ образомъ первымъ по времени трудомъ по украинской этнографіи. Значеніе этого труда тѣмъ болѣе важно въ историко-этнографическомъ отношеніи, что онъ касается такого крупнаго явленія въ народной жизни, какъ свадебный ритуалъ.... Но у Калиновскаго отмѣчены и такія черты свадебнаго ритуала

и вообще народнаго быта, которые уже не встрѣчаются въ настоящее время и потому представляютъ значительный интересъ для историка украинскаго народнаго быта».

33) *Записка В. И. Ярославскаго* (Кіевская Старина, 1887, сентябрь, стр. 109—152, октябрь, 289—330, ноябрь, 506—528), *изъ воспоминаній В. И. Ярославскаго о городѣ Харьковѣ и Харьковской губ.* (1788—1820 г.) (Харьк. Сборникъ на 1887-й годъ, стр. 29—53). *Еще о В. Н. Каразинѣ (изъ воспом. В. И. Ярославскаго)* (Ibidem., стр. 65—69). Рукопись этихъ записокъ доставлена была свящ. от. Ник. Лащенкомъ секретарю стат. комитета Петру Сав. Ефименко, который небольшіе отрывки изъ нея напечаталъ въ Харьк. Сборникѣ, а болѣе полныя извлеченія помѣстилъ въ Кіев. Стар. Авторъ записокъ родился, учился и первоначально служилъ въ Харьковской губ. Сынъ сельскаго дьячка (въ с. Тростянцѣ Ахтырск. уѣзда) оставшійся круглымъ сиротою, Ярославскій получилъ скудное образованіе въ Харьковскомъ казенномъ училищѣ, а послѣ того служилъ въ губернскомъ правленіи, въ полиціи, жилъ у разныхъ помѣщиковъ въ качествѣ учителя, землемѣра и архитектора, снова служилъ, пока не вышелъ въ отставку въ 1833 году. Его личная жизнь не представляетъ особеннаго интереса; но онъ сталкивался съ разными мѣстными дѣятелями (напр. Палицынымъ, Комбурлеемъ, Леванидовымъ, Шидловскимъ и многими харьковскими помѣщиками) и оставилъ о нихъ небезъинтересныя свѣдѣнія. Любопытенъ разсказъ его о пасквилѣ, прибитомъ къ церковнымъ дверямъ въ Харьковѣ въ 1799 г. Нужно впрочемъ относиться къ нѣкоторымъ разсказамъ Ярославскаго съ осторожностью, ибо онъ о многомъ говоритъ по слухамъ; такимъ характеромъ отличается и его разсказъ о В. Н. Каразинѣ. Вслѣдствіе скудости образованія и недостаточности развитія Ярославскій не могъ критически отнестись къ сужденіямъ, господствовавшимъ въ тогдашнемъ обществѣ, и принималъ ихъ на вѣру и заносилъ въ свой дневникъ.

34) *Г. Харьковъ 20-хъ и 30-хъ годовъ. По воспоминаніямъ Ф. О. Рейнгардта.* (Харьковскій Сборникъ на 1887-й годъ, стр. 1—28). Авторъ воспоминаній былъ мѣстный педагогъ. Свѣдѣнія его отличаются чисто фактическимъ характеромъ этихъ воспоминаній: Харьковъ съ 1826 г., топографическій очеркъ и планъ города, каменные дома, мостовыя, освѣщеніе, базары, квартиры, образъ жизни, мѣнялы. Ярмарки, промышленность и ремесла. Жители: составъ населенія, нравы и обычаи, благотворительность. Препровожденіе досужаго времени. Извощики, прислуга. Городское управленіе, полиція. Народный кредитъ. Санитарная часть. Народныя бѣдствія. Образованность. Принимая во вниманіе скудость

подобныхъ матеріаловъ, можно думать, что будущій историкъ харьковской общественной жизни не оставитъ ихъ безъ вниманія при своей работѣ.

35) *Записки Ив. Матв. Сбитнева.* (Кіев. Стар. 1887, февраль, стр. 285—312, мартъ, 439—468, апрѣль, 650—666, май, 52—72). Записки эти касаются гл. образомъ юго-зап. края и только въ очень незначительной степени Харьковщины. Авторъ ихъ, бывшій учителемъ въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи, долженъ былъ пріѣхать въ Харьковъ, чтобы узнать тутъ о своемъ назначеніи на педагогическое поприще въ Юго-Западный край. Записки имѣютъ форму путевыхъ очерковъ и читаются съ интересомъ. Въ Харьковѣ Сбитневъ бывалъ у нѣкоторыхъ профессоровъ университета и сообщилъ о нихъ летучія краткія свѣдѣнія (они относятся къ 1832 году). Харькову посвящено 8 страничекъ.

36) *Николай Ивановичъ Костомаровъ. Воспоминанія А. А. Корсунова.* (Русскій Архивъ, 1890, № 10, стр. 199—221). Воспоминанія эти принадлежатъ южно-русскому литературному дѣятелю, издателю извѣстнаго сборника «Снипъ», и относятся къ 40-мъ годамъ харьковской университетской жизни. Несмотря на свою эпизодичность, иногда приближающуюся къ анекдотичности, они исполнены живаго и глубокаго интереса и отличаются значительными литературными достоинствами. Самые анекдоты въ высшей степени характерны. Таковъ разсказъ о проѣздѣ Имп. Николая Павловича черезъ военныя поселенія Харьк. губ., таковъ эпизодъ о застѣнчивости Н. И. Костомарова, таковъ, наконецъ, необыкновенно типичный разсказъ о Гр. Θед. Квиткѣ. Центромъ воспоминаній является личность Н. И. Костомарова, но въ нихъ изрѣдка попадаются и штрихи для характеристики другихъ тогдашнихъ харьковскихъ дѣятелей, напр., преосв. Иннокентія.

37) *Автобіографія Н. И. Костомарова* (Литературное наслѣдіе Н. И. Костомарова Спб. 1890 г., стр. 1—217). Въ 1885 г. въ жур. «Русская Мысль» была напечатана автобіографія Н. И. Костомарова, записанная съ его словъ г-жей Бѣлозерской. Но въ ней ничего почти не было сказано о его университетской жизни въ Харьковѣ; этотъ пробѣлъ пополненъ настоящей болѣе полной автобіографіей. Здѣсь харьковскимъ воспоминаніямъ посвящена почти цѣлая глава (2-я) въ 29 страницъ. Нечего и говорить, что страницы эти, рисующія университетскій бытъ того времени, въ высшей степени интересны. Въ нихъ просто и правдиво воспроизводятся темныя и свѣтлыя стороны университетскаго преподаванія; дается характеристика нѣкоторыхъ профессоровъ и студенчества. Очень интересенъ разсказъ Н. И. о диссертаціяхъ, хотя нужно сознаться, что и доселѣ этотъ эпизодъ не выясненъ съ полною достовѣрностью; интересны свѣдѣнія о тогдашнемъ малорусскомъ литературномъ движеніи въ Харьковѣ, въ кото-

ромъ Н. И. Костомаровъ принималъ такое горячее участіе на ряду съ Корсуномъ и др. Вообще воспоминанія Н. И. Костомарова доставляютъ весьма цѣнныя данныя для исторіи харьковскаго университета въ 30-хъ годахъ текущаго столѣтія.

38) *А. Ш. Изъ воспоминаній о П. П. Гулакѣ Артемовскомъ* (Кіев. стар., 1889, № 2, стр. 499—503). Свѣдѣнія эти заимствованы авторомъ «изъ воспоминаній одного харьковскаго старожила, бывшаго въ близкихъ отношеніяхъ съ Гулакомъ Артемовскимъ и даже крестившаго нѣкоторыхъ изъ его дѣтей, и изъ разсказовъ вдовы покойнаго. П. П—ча». Они касаются гл. обр. частной жизни этого профессора, ректора и писателя.

39) *Изъ воспоминаній проф. В. И. Лапшина* (Журн. Мин. Нар. Просв. 1890, май, стр. 120—139). В. И. Лапшинъ былъ первоначально профессоромъ въ харьковскомъ университетѣ (род. въ 1809, умеръ въ 1888 г. въ Одессѣ). На страницахъ Жур. Мин. Нар. Просв. помѣщены только отрывки изъ его интересныхъ воспоминаній. О пребываніи его въ Харьковскомъ университетѣ (въ качествѣ профессора) говорится всего на 5 страничкахъ (124—128).

40) *Ник. Ив. Костомаровъ. Воспоминанія А. Ѳ. Селиванова* (Рус. Старина, 1888, № 4, стр. 163—168). «Мое знакомство съ Николаемъ Ивановичемъ, говоритъ авторъ воспоминаній, было слишкомъ коротко и если я выступаю съ своими воспоминаніями, то только потому, что у меня есть два письма Николая Ивановича, въ которыхъ довольно ясно выражается его любовь къ Харькову, и они имѣютъ значеніе для характеристики личности замѣчательнаго историка». И это вѣрно: воспоминаній здѣсь въ сущности нѣтъ никакихъ, а есть только два письма, которыя (собственно второе) интересны для характеристики отношеній Костомарова въ Харьковщинѣ.

41) *Ф. К. Неслуховскаго. Изъ моихъ воспоминаній* (Истор. Вѣстникъ 1890, № 4, стр. 116—153). Это отрывокъ изъ воспоминаній, относящійся къ пребыванію автора въ харьковскомъ университетѣ съ 1838 по 1843-й годъ и тѣсно связанный съ личностью Н. И. Костомарова. Изъ университетскихъ дѣятелей г. Неслуховскій касается мимоходомъ личности Метлинскаго, Райпольскаго, Гулака-Артемовскаго, Протопопова, Кронеберга, Срезневскаго и попечителя Головкина. Интересенъ его разсказъ о квартирномъ хозяинѣ Вареникѣ, рисующій бытъ студентовъ бѣдняковъ того времени. Самъ г. Неслуховскій польскаго происхожденія, но личность покойнаго Николая Ивановича выступаетъ у него въ очень симпатичномъ видѣ, хотя онъ и не скрываетъ его слабостей и недостатковъ. Изложеніе г. Неслуховскаго страдаетъ нѣкоторою несистематичностью, но въ общемъ воспоминанія его написаны весьма литера-

турно и представляютъ интересное чтеніе. Было бы желательно видѣть въ печати и ту часть воспоминаній, которая касается многолѣтней службы автора въ харьковскомъ учебномъ округѣ.

42) *Е. Гр. Гвоздикова. Николай Ивановичъ Костомаровъ. Въ воспоминаніямъ одного изъ его учениковъ.* (Рус. Старина, 1890, № 4, стр. 207—209). Авторъ сообщаетъ краткія свѣдѣнія о частномъ пансіонѣ въ г. Харьковѣ де Роберти, гдѣ былъ преподавателемъ и Н. И. Костомаровъ, (впрочемъ очень недолго—всего одинъ годъ). Покойный Ник. Ивановичъ, по словамъ г. Гвоздикова, былъ ихъ любимѣйшимъ учителемъ.

43) *Дорожныя письма С. А. Юрьевича во время путешествія по Россіи наслѣдника цесаревича Александра Николаевича въ 1837 году* (Русскій Архивъ, 1887, № 6, стр. 171—216). На стр. 212—214 говорится о харьковскомъ балѣ и мѣстномъ обществѣ. «Харьковъ, по обществу, просвѣщенію и образованности и даже по торговлѣ безпрестанно возвышающейся и оттого въ строеніи удивительно укращающійся въ послѣднее время есть южная столица Русская или Русской украины».

44) *Воспоминанія М. А. Кретчмера* (Истор. Вѣстникъ, 1888, мартъ, 631—653, апрѣль, 125—141, май, 361—380). Воспоминанія эти ярко рисуютъ бытъ сиротъ кантонистовъ въ 30-хъ годовъ текущаго столѣтія. Къ харьковской губ. относится собственно третья часть воспоминаній, напечатанная въ майской книжкѣ журнала. Авторъ въ числѣ прочихъ кантонистовъ былъ приведенъ въ чугуевскія военныя поселенія (въ с. Сватову Лучку) и здѣсь оставался до 1840 г., до своего зачисленія рядовымъ въ кирассирскій полкъ. Передъ читателемъ проходятъ мрачныя картины, навѣвающія ужасъ; суровая военная дисциплина въ примѣненіи къ дѣтямъ, ланкастерская школа, которая должна была ничему не научать, житье въ проголодь и полное господство розги—вотъ важнѣйшія явленія быта этихъ «несчастныхъ»; а рядомъ съ ними очерчены фигуры вольныхъ и невольныхъ палачей, въ родѣ, напримѣръ, Кошкулей (отца и сына). По истинѣ можно сказать, прочитавъ эти воспоминанія, «свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ». Въ заключеніе замѣчу, что авторъ воспоминаній тотъ самый М. А. Кретчмеръ, который обнаружилъ столь изумительную при его возрастѣ и положеніи (онъ старъ, слѣпъ и бѣденъ) энергію въ устройствѣ «слѣпыхъ» родственниковъ покойнаго Т. Г. Шевченка. Горести, перенесенныя имъ въ казармахъ, сдѣлали его еще отзывчивѣе на чужое горе.

45) *А. А. Антонова. Четвертъ вѣка назадъ. (Воспоминанія степнаго помѣщика).* (Истор. Вѣст. 1887, ноябрь, 364—393 и декабрь, 637—663). «Я не писатель, говоритъ г. Антоновъ, а простой смертный, степной помѣщикъ, никогда литераторомъ не бывшій, а взялся за перо потому,

что во время одного изъ самыхъ знаменательныхъ событій настоящаго столѣтія—освобожденія крестьянъ въ Россіи мнѣ довелось быть дѣятелемъ въ этомъ дѣлѣ. Хотя дѣятельность моя распространялась въ весьма ограниченномъ раіонѣ, въ предѣлахъ одного уѣзда, тѣмъ не менѣе въ памяти моей сохранилось нѣсколько эпизодовъ о событіяхъ, имѣющихъ общій интересъ, а потому я прошу смотрѣть на мои воспоминанія, какъ на правдивый и безпритязательный разсказъ о томъ, что я самъ видѣлъ или въ чемъ принималъ непосредственное участіе». Содержаніе мемуаровъ оправдываетъ предисловіе. Это дѣйствительно интересный разсказъ очевидца и главнаго дѣятеля по освобожденію крестьянъ въ Изюмскомъ уѣздѣ Харьк. губ. Любопытны разсказы г. Антонова о настроеніи мѣстнаго общества въ Крымскую войну, о пріѣздѣ государя, о дѣятельности автора въ качествѣ уѣзднаго предводителя дворянства, о губернаторѣ Ахматовѣ, объ эмансипаціи, о назначеніи мировыхъ посредниковъ (въ числѣ коихъ былъ извѣстный декабристъ баронъ Розенъ) и, наконецъ, о путешествіи государя Александра II-го и Императрицы въ Святыя горы.

46) *Письма Филарета, архіепископа черниговскаго къ А. В. Горскому.* (Творенія св. отцевъ, 1885, III и IV кн.). Здѣсь особенно интересны письма, касающіяся составленія ист. стат. описанія харьк. епархіи (см. объ этомъ предисловіе къ моимъ «Очеркамъ по исторіи кол. и быта»). Въ «Христ. чтеніи» (1884, № 7—8, стр. 99—161) напечатаны *письма Пр. Филарета къ извѣстному Пр. Иннокентію* (Борисову), въ которыхъ также есть свѣдѣнія, по этому вопросу.

47) *С—ъ. Изъ воспоминаній о харьковскомъ ген. губ. Кокошкинѣ.* (Южный край, 1888, № 2759).

Г. Ѳ. Квитки. Исторія театра въ Харьковѣ. (Повѣсти и разсказы Грыцька Основьяненка. Статьи историческія. Томъ 4-й. X. 1890 г., стр. 499—515). Эту статью смѣло можно причислить къ мемуарамъ, такъ какъ она представляетъ воспоминанія старожила. «Видя, съ свойственнымъ каждому жителю Харькова удовольствіемъ, говоритъ авторъ, отстраивающійся у насъ обширный и красивый театръ, подумалъ я, что свѣдѣнія объ учрежденіи здѣсь въ разныя времена театра будутъ сколько нибудь занимательны; почему и рѣшился написать о немъ все, что знаю по наслышкѣ, что видѣлъ подростая и что узналъ по опыту, живши всегда въ Харьковѣ». Воспоминанія относятся къ концу XVIII и нач. XIX в., написаны они чрезвычайно живо и занимательно. Всѣ послѣдующіе историки Харьковскаго театра черпали широкой рукой себѣ матеріалъ изъ статьи Г. Ѳ. Квитки, который, какъ извѣстно, очень любилъ театръ и близко стоялъ къ нему. Первоначально появились они въ Литературной газетѣ (1841, № 114—115).

V.

Рецензіи на книги, относящіяся къ исторіи Слободской Украины.

Историческая хронологія харьковской губерніи. Составилъ К. П. Щелковъ. Харьковъ. 1882 г., VI+365 [1]).

Всякая новая книга, касающаяся исторіи Слободской Украйны, невольно возбуждаетъ къ себѣ интересъ; объясняется это тѣмъ, что Харьковщина и доселѣ представляетъ еще terram incognitam. И доселѣ книга пр. Филарета: «Историко-статистическое описаніе харьковской епархіи» остается единственнымъ капитальнымъ сочиненіемъ. Г. Щелкову принадлежитъ уже одно сочиненіе по исторіи харьковской губ.—«Харьковъ, историко-статистическій опытъ». Теперь, годъ спустя, является уже другой его трудъ, заглавіе котораго мы привели выше. Къ сожалѣнію, онъ уже и послѣдній: прочитавши окончательную корректуру предпослѣдняго листа, К. П. Щелковъ умеръ. Покойный былъ харьковскій уроженецъ, воспитывался въ харьковскомъ университетѣ и въ послѣдніе годы ревностно занимался мѣстной старинной. Выпустилъ въ свѣтъ книгу прот. І. Чижевскій, редакторъ Харьковскихъ Епарх. Вѣдомостей.

Въ трудѣ Щелкова мы имѣемъ краткую лѣтопись событій харьковской губерніи, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ съ XII по XIX вѣкъ включительно, при чемъ на долю XIX вѣка приходится ровно половина книги, а на долю XII—XVI в.—четыре страницы. Главнымъ содержаніемъ событій является древняя географія и церковныя древности; исторія политическая затронута слегка и то въ такой мѣрѣ, въ какой это необходимо для топографіи; въ XIX в. событій уже больше, но они представляютъ какую-то пеструю и случайную смѣсь. Впрочемъ на книгу г. Щелкова нельзя иначе и смотрѣть, какъ на справочную,—и съ этой точки зрѣнія она довольно удовлетворительна. Очень полезны будутъ географическія и топографическія данныя, особенно въ виду того, что въ концѣ книги приложенъ азбучный указатель именъ и мѣстностей, упоминаемыхъ въ текстѣ; очень хорошо также, что при всякомъ событіи выставляется источникъ, откуда свѣдѣніе о немъ заимствовано. Всѣ историческія и гео-

[1]) Кіевская старина 1883, февраль.

графическія извѣстія почерпнуты изъ труда пр. Филарета; можно сказать, что г. Щелковъ разбилъ книгу пр. Филарета на рядъ отдѣльныхъ фактовъ и распредѣлилъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ. Другими пособіями послужили автору клировыя вѣдомости харьковскихъ церквей и нѣсколько другихъ мѣстныхъ изданій.

Изъ этого видно, что новыхъ фактовъ мы не найдемъ въ книгѣ г. Щелкова, потому что онъ не пользовался архивными матеріалами. Нельзя поэтому согласиться съ почтеннымъ издателемъ этой книги, о. Чижевскимъ, который говоритъ, что, на основаніи сочиненія г. Щелкова, можно будетъ составить и исторію отдѣльнаго поселенія, и исторію города, уѣзда, епархіи, губерніи. Пр. Филаретъ много трудился, но не напрасно, ибо онъ разъискивалъ новые факты; книга-же г. Щелкова группируетъ только матеріалы извѣстные.

Во всякомъ случаѣ помянемъ добромъ покойнаго К. П. Щелкова, который принялъ на себя такой кропотливый, неблагодарный, но не безполезный трудъ, какъ «Историческая хронологія».

1) *Старозаимочныя земли. Рѣшенія харьковскаго окружнаго суда, по искамъ крестьянскихъ обществъ къ харьковской казенной палатѣ о старозаимочныхъ земляхъ, съ приложеніемъ жалованныхъ слободскимъ полкамъ грамотъ и другихъ документовъ. Изданіе Николая Чижевскаго, присяжнаго повѣреннаго харьковской судебной палаты. Харьковъ. 1883 г. III. 123.*

2) *Гурова и Бродскаго. Замѣтки и матеріалы по вопросу о старозаимочномъ крестьянскомъ землевладѣніи харьковской губерніи. (Отвѣтъ на записку харьковской казенной палаты по тому-же вопросу и извлеченіе изъ такъ называемыхъ старозаимочныхъ процессовъ, производившихся въ судебныхъ учрежденіяхъ харьковскаго округа. Харьковъ. 1883 г. 89)* [1].

Г-ну Чижевскому пришла въ голову хорошая мысль познакомить общество съ процессами о старозаимочныхъ земляхъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ (81 и 82 г.) крестьянами предъявлено къ казнѣ (въ лицѣ мѣстной казенной палаты) исковъ по старозаимочнымъ дѣламъ на 767,041 дес. «Такимъ образомъ, говоритъ г. Чижевскій, уже одно большое количество означенныхъ исковъ, громадная цѣнность спорнаго по нимъ предмета, а также и большое число лицъ, заинтересованныхъ въ опредѣленіи ихъ правъ на земли, придаютъ особую важность тѣмъ искамъ». По мнѣнію г. Чижевскаго эти иски найболѣе интересны съ юридической стороны «по разрѣшенію возникшихъ по нимъ вопросовъ, какъ матеріальнаго нашего

[1]) Кіевская старина 1884, февраль.

права, такъ и процесса». Съ исторической точки зрѣнія они впрочемъ также имѣютъ нѣкоторое значеніе: «имѣя предметомъ своимъ опредѣленіе древнихъ правъ владѣнія землею въ мѣстности Слободской Украйны, поставляютъ къ разрѣшенію нѣкоторые вопросы и изъ исторіи того края».

Мы полагаемъ, что историческій элементъ въ этихъ дѣлахъ долженъ играть (и играетъ) болѣе важную роль, чѣмъ приписываетъ ему г. Чижевскій. Въ этомъ мы убѣдимся при дальнѣйшемъ разборѣ книги г. Чижевскаго.

Въ отчетѣ о процессахъ, излагаемыхъ г. Чижевскимъ, мы видимъ посильное рѣшеніе нѣкоторыхъ важнѣйшихъ историческихъ вопросовъ, стоящихъ въ тѣснѣйшей связи съ практическимъ рѣшеніемъ старозаимочныхъ дѣлъ. Обратимся съ этою цѣлью къ болѣе подробному разсмотрѣнію книги г. Чижевскаго. Она, кромѣ маленькаго введенія, состоитъ изъ двухъ частей: отчета о 5 судебныхъ рѣшеніяхъ Харьковскаго окружнаго суда и 12 особо важныхъ документовъ, на которыхъ основаны рѣшенія окружнаго суда. При каждомъ отчетѣ излагается сущность искового прошенія, возраженіе на него отвѣтчика и наконецъ мотивированныя рѣшенія суда.

Сущность всѣхъ исковыхъ прошеній такова. Въ первой половинѣ XVII в. заднѣпровскіе козаки или черкасы (по выраженію велико-россійскихъ актовъ) подъ вліяніемъ всяческихъ притѣсненій на родинѣ стали переселяться въ нынѣшнюю харьковскую губернію и заняли громадныя пространства дикихъ, никому не принадлежавшихъ земель, по теченію рѣкъ Псла, Ворскла, Мерла, Харькова, Лопани, Донца и др.; это было *дикое поле,* не принадлежавшее ни московскому правительству, ни татарскимъ ханамъ. Новопоселившіеся здѣсь черкасы образовали изъ себя военныя общества, получившія опредѣленную организацію. Такъ образовались слободскіе полки по образцу малороссійскихъ; Слободская Украйна сдѣлалась оплотомъ границъ московскаго государства противъ крымскихъ и татарскихъ ордъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ слобожане сдѣлались и обладателями территоріи, ими занятой и защищаемой; «по своимъ черкаскимъ обыклостямъ» они стали *занимать* себѣ усадебныя и пахатныя земли, лѣса, сѣнокосы и рыбныя ловли. Этими землями слобожане владѣли *не на помѣстномъ, а на вотчинномъ правѣ;* это не было временное пожалованіе, а самостоятельная *заимка,* признаваемая законодательствомъ и подтвержденная цѣлымъ рядомъ жалованныхъ грамотъ. Такимъ образомъ земли войсковыхъ обывателей харьковской губерніи нужно признать *старозаимочными,* лично собственными, а *не казенно-оброчными,* слѣдовательно обложеніе ихъ оброчной повинностью со стороны казенной палаты является незаконнымъ актомъ, результатомъ недоразумѣнія, которое теперь должно быть исправлено: неправильно взимавшійся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ оброкъ

долженъ быть возвращенъ крестьянамъ, а земли признаны ихъ полною собственностью.

Сущность возраженій отвѣтчика (казенной палаты) заключается въ слѣдующемъ. Для признанія права полной собственности нужно, по мнѣнію представителя казны, доказать во всякомъ данномъ случаѣ во 1-хъ, что спорная земля—старозаимочная и во 2-хъ, что она не дана только во временное пользованіе отъ казны. Такое требованіе основывается на ясно выраженномъ законѣ о старозаимочныхъ земляхъ. Между тѣмъ представленные истцами документы (жалованныя грамоты слободскимъ полкамъ), какъ носящіе *общій* характеръ, не доказываютъ старозаимочнаго происхожденія *именно данныхъ* земель. Отсутствіе спеціальнаго депутата казны при генеральномъ межеваніи этихъ земель ничего не говоритъ противъ не принадлежности ихъ казнѣ, потому что такое присутствіе было установлено только впослѣдствіи (указомъ 25 іюня 1797 г.), до того-же времени его замѣняли повѣренные отъ крестьянъ. Купчія крѣпости, на которыя ссылаются истцы, не могутъ служить доказательствомъ ихъ полнаго права собственности на земли и свидѣтельствуютъ только о незаконномъ распоряженіи казенною землею со стороны отдѣльныхъ лицъ.

Судъ сталъ на точку зрѣнія отвѣтчика. Въ противовѣсъ мнѣнію истцовъ о свободномъ занятіи пустыхъ, никому не принадлежавшихъ земель, онъ выставилъ свою *гипотезу* о заселеніи Слободской Украйны малороссійскими выходцами изъ-за Днѣпра подъ руководствомъ московскихъ воеводъ. По мнѣнію окружнаго суда, уже въ началѣ XVII в., при самыхъ первыхъ переселеніяхъ, московское правительство считало земли Слободской Украйны своими собственными «искони вѣка». Часть ихъ была отдана великорусскимъ служилымъ людямъ, а другая отведена подъ поселенія слободскимъ полкамъ: острогожскій полкъ былъ учрежденъ по государеву указу и при участіи русскаго воеводы; сумской полкъ занялъ по государеву указу мѣстность, которая имѣла русское населеніе еще въ XI в ; ахтырскій полкъ занялъ территорію, которая перешла къ Россіи отъ Польши; харьковскій полкъ принадлежалъ прежде къ чугуевскому уѣзду, составлявшему исконную принадлежность московскаго государства; наконецъ изюмскій полкъ образовался изъ харьковскаго. Но если признать подобныя соображенія справедливыми, продолжаетъ далѣе окружной судъ, то, кромѣ свободной заимки земель въ полную собственность, было еще и пожалованіе въ *помѣстье,* что и встрѣчается во многихъ случаяхъ. Такимъ образомъ не достаточно доказать, что извѣстная земля заселена изстари, а нужно доказать, что она принадлежитъ истцамъ на правѣ собственности, а не пожалована только во временное пользованіе. На основаніи такихъ соображеній судъ не призналъ убѣдительными пред-

ставленныхъ истцами доказательствъ и во всѣхъ 5-ти искахъ имъ отказалъ.

Сравнивая доводы сторонъ, мы наталкиваемся прежде всего на тотъ странный фактъ, что и истцы, и отвѣтчики опираются на одинъ и тотъ-же законъ, а между тѣмъ приходятъ къ діаметрально противоположнымъ заключеніямъ. Очевидно, текстъ закона подаетъ поводъ къ недоразумѣніямъ. И дѣйствительно, оказывается, что судъ ссылается на 2-е прим. къ 783 ст. X т., ч. 1-я (по продолженію 1868 г.), гдѣ говорится: «всѣ вообще старозаимочныя земли войсковыхъ обывателей, коль скоро онѣ принадлежатъ имъ на правѣ полной собственности, а не даны имъ лишь въ пользованіе отъ казны, дозволяется симъ обывателямъ отчуждать лично и въ составѣ обществъ людямъ всякаго званія». Основываясь на этомъ примѣчаніи, окружной судъ старозаимочныя земли раздѣляетъ на двѣ категоріи: однѣ, принадлежащія на правѣ полной собственности, и другія, данныя лишь въ пользованіе отъ казны.

Но такой выводъ находится въ прямомъ противорѣчіи съ прямымъ категорическимъ заявленіемъ II-го отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи, которой было поручено сообразить права на старозаимочныя земли съ историческимъ ихъ происхожденіемъ и съ постановленіями правительства, въ разное время по сему предмету состоявшимися. По свѣдѣніямъ, собраннымъ II отдѣленіемъ, оказалось, «что *войсковые обыватели, изъ которыхъ образовались слободскіе полки, заселивъ пограничную Украйну, по вызовамъ правительства и по собственному желанію, занимали тамъ земли и пользовались ими не на помѣстномъ правѣ, а на правѣ полной собственности, сохраняли это право по выходѣ въ иное званіе, могли оставлять старыя заимки и переходить на новыя свободныя земли, могли продавать ихъ своимъ и посторонннимъ, закладывать, завѣщать, и такія права ихъ въ теченіе 150 лѣтъ были признаваемы правительствомъ*». Съ такимъ заключеніемъ II-го отдѣленія государственный совѣтъ согласился вполнѣ. Одно изъ двухъ: или примѣчаніе, на которое ссылается окружной судъ, не имѣетъ того смысла, который ему придаютъ, или-же нужно отвергнуть мнѣніе II отдѣленія, какъ несостоятельное.

И дѣйствительно: и представитель казны, и судъ, не смотря на свое видимое желаніе оставаться на почвѣ положительнаго узаконенія, на самомъ дѣлѣ аргументируютъ противъ него. Еще въ ахтырскомъ дѣлѣ представитель казны доказывалъ, что многія земли были пожалованы войсковымъ обывателямъ для отбытія службы и за службу; на это сенатъ замѣтилъ, что указы, на которые ссылается представитель казны, были въ виду государственнаго совѣта при изданіи въ 1859, 1864 и 1865 г. закона о старозаимочныхъ земляхъ, но онъ все таки призналъ, что войсковые обы-

ватели занимали земли въ Слободской Украйнѣ на правѣ полной частной собственности и потому дѣлать изъ нихъ теперь противоположнаго вывода нельзя.

Съ своей стороны и судъ приводитъ цѣлый рядъ историческихъ доказательствъ, что заселеніе Слободской Украины совершилось подъ руководствомъ московскаго правительства, съ надѣленіемъ отъ него-же земли новопоселившимся черкасамъ.

Развитію этой мысли посвящена Записка харьковской казенной палаты, поданная въ харьковскую судебную палату. Мы коснемся содержанія этой записки при разборѣ книги гг. Гурова и Бродскаго; теперь-же только ограничимся выводомъ, высказаннымъ нами въ началѣ рецензіи: очевидно, дѣло идетъ теперь о пересмотрѣ закона. И истцы, и отвѣтчикъ, и судъ, не зная, какими данными руководилось II-е отдѣленіе при своемъ заключеніи о старозаимочныхъ земляхъ, и не имѣя возможности опереться на прямой, не поддающійся разнымъ толкованіямъ законъ, принуждены были сами собирать матеріалы о старозаимочномъ землевладѣніи и на нихъ основывать свои заключенія.

Между тѣмъ данныя эти, разбросанныя въ нѣсколькихъ старыхъ сочиненіяхъ (архіеп. Филарета, Головинскаго, Гербеля, Квитки, Срезневскаго), при внимательномъ изученіи оказались далеко не удовлетворительными: вопросамъ землевладѣнія въ нихъ отведено очень мало мѣста. Правда и истцы, и отвѣтчикъ, сознавъ всю скудость имѣющагося въ распоряженіи науки матеріала, обратились къ архивамъ, какъ мѣстнымъ, такъ и московскимъ. Мы вполнѣ сочувствуемъ такому направленію дѣла, потому что существующій матеріалъ слишкомъ скуденъ и отрывоченъ, въ то время, какъ напримѣръ, московскій архивъ юстиціи или мѣстные архивы упраздненныхъ судебныхъ мѣстъ заключаютъ въ себѣ документальные источники, могущіе положить конецъ нашимъ недоразумѣніямъ по многимъ капитальнымъ спорнымъ вопросамъ (переписныя, межевыя книги и т. д.). Но не можемъ не пожелать, чтобы дѣло это велось болѣе систематично. Теперь, какъ извѣстно, старозаимочные процессы пріостановлены и, вѣроятно, будутъ рѣшены законодательнымъ порядкомъ. Въ такомъ случаѣ желательно, чтобы было собрано побольше *документальныхъ* данныхъ, на основаніи которыхъ можно было-бы дать категорическіе отвѣты на главнѣйшіе вопросы старозаимочнаго землевладѣнія.

Отчеты о судебныхъ процессахъ, помѣщенные въ книгѣ г. Чижевскаго, не даютъ намъ представленія о сущности старозаимочнаго землевладѣнія; надежда г. Чижевскаго познакомить общество *съ дѣлами* о старозаимочныхъ земляхъ также не оправдалась. И нужно сознаться, что виноватъ въ этомъ самъ г. Чижевскій. Умышленно или неумышленно

(предоставляемъ рѣшить читателю) онъ выбралъ только отрицательныя рѣшенія, *не обмолвившись ни однимъ словомъ о существованіи положительныхъ*. Мы не хотимъ этимъ сказать, чтобы книга г. Чижевскаго не имѣла никакого значенія для даннаго вопроса; наоборотъ, мы очень благодарны автору за то, что онъ первый далъ намъ извлеченія изъ судебныхъ рѣшеній, и только сожалѣемъ, что онъ не установился на объективной точкѣ зрѣнія въ этомъ дѣлѣ; вѣдь субъективность проявляется не только въ сочувствіи къ извѣстному взгляду, но и въ подборѣ матеріаловъ...

Вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны сдѣлать и еще одинъ укоръ г. Чижевскому. Къ его книжкѣ приложено нѣсколько документовъ (12); нѣкоторые изъ нихъ перепечатаны изъ Полнаго Собранія Законовъ или изъ сочиненій Квитки, Головинскаго и архіеп. Филарета (№ 3, 4, 7, 10, 12); другіе являются въ печати впервые (всѣхъ ихъ 7); они были представлены истцами въ харьковскій окружной судъ. Но чѣмъ руководствовался г. Чижевскій, выбравши изъ всѣхъ представленныхъ въ судъ грамотъ только семь, имъ напечатанныхъ, остается неизвѣстнымъ. Правда, нѣкоторые изъ нихъ представляютъ большой интересъ, напримѣръ, Память ноября мѣсяца 7194—1686 г., за приписью дьяка Судейкина, харьковскимъ полковникамъ Григорію и Константину Донцамъ (№ 6-й), и грамота 1-го сентября 1705 г. сумскому полковнику Кондратьеву (№ 11), Но какое отношеніе, напримѣръ, имѣетъ къ старозаимочнымъ землямъ грамота 7192—1684 г., мая 5-го дня, харьковскому полковнику Григорію Донцу, трактующая исключительно о дозволеніи старшинѣ харьковскаго полка взять въ свое распоряженіе таможню, или грамота 2-го января 7203—1695 г. стольнику воеводѣ Семену Зурову, освобождающая козаковъ харьковскаго полка отъ оброковъ за мельницы? Два первые документа о надѣленіи Яменскихъ черкасъ землею на правѣ помѣстномъ по своему содержанію стоятъ особнякомъ и отчасти даже находятся въ противорѣчіи съ остальными. Обыкновенному читателю вообще трудно разобраться въ приведенныхъ грамотахъ. Самъ г. Чижевскій изъ содержанія изданныхъ имъ грамотъ не дѣлаетъ никакихъ заключеній и даже не даетъ самыхъ необходимыхъ объясненій. Такимъ образомъ остается открытымъ вопросъ, оправдываютъ-ли приведенныя грамоты отрицательныя рѣшенія окружнаго суда. Мы съ своей стороны на этотъ вопросъ склонны отвѣтить отрицательно. Въ самомъ дѣлѣ, почти всѣ представленныя грамоты подтверждаютъ черкасамъ вѣчное и безоброчное пользованіе ихъ землями; ими-же предоставляется право свободной заимки земель «по ихъ черкаской обыклости». Въ грамотѣ 1705 года, данной сумскому полковнику Кондратьеву читаемъ: «...велѣли имъ селиться въ защиту украинскимъ жилымъ го-

родамъ по бѣлгородской чертѣ, *на дикихъ степяхъ*, на татарскихъ займахъ, которыми мѣстами хаживали крымскія и ногайскія орды, подъ наши государевы жилые города и для размноженія тѣхъ новостроющихся городовъ велѣли имъ призывать въ тѣ мѣста на жилье всенадежно и иныхъ ихъ братьевъ черкасъ и тѣми новоприхожими черкасами построены городы, на путивльскихъ дикихъ земляхъ, Сумы, Суджа, Мирополье, Краснополье, Бѣлополье и къ тѣмъ городамъ уѣзды села и деревни... велѣно имъ, вмѣсто нашего государеваго денежнаго и хлѣбнаго жалованья, въ тѣхъ городѣхъ жить и нашу государеву полковую службу служить по черкаской обыклости при всякихъ вольностяхъ и *вельно-же заимки занимать*, пасѣки и всякіе грунты заводить, и торговыми всякими промыслами промышлять въ своихъ полкахъ безоброчно и безпошлинно противъ старочеркаской обыклости»...

Память 7194—1686 г. харьковскимъ полковникамъ Григорію и Константину Донцу еще раньше подтвердила такія привиллегіи слободскихъ козаковъ. «Вамъ, черкаскимъ полковникамъ, говорится тамъ, и полковъ вашихъ урядникамъ и козакамъ, мѣщанамъ, въ тѣхъ городѣхъ и уѣздѣхъ и кто гдѣ живетъ, *землями и пасѣками и сѣнными покосы и всякими угодьи, которые вы заняли себѣ по своимъ заимкамъ, велѣно владѣть по прежнему по вашимъ черкаскимъ обыклостямъ*.

Исключеніе въ этомъ случаѣ представляютъ двѣ первыя грамоты (собственно одна, потому что 1-я представляетъ просьбу о надѣленіи, а 2-я отвѣтъ на нее). Въ нихъ говорится о *помѣстной* землѣ, которой были надѣлены жители сл. Ямной въ вольновскомъ уѣздѣ. Мы не будемъ доказывать, что помѣстныя земли въ это время слились съ вотчинными, а замѣтимъ только, что отдѣльные случаи надѣленія черкасъ помѣстною землею дѣйствительно встрѣчались особенно въ мѣстностяхъ съ преобладающимъ великороссійскимъ населеніемъ и съ господствомъ такъ называемаго четвертнаго землевладѣнія.

На этомъ мы и кончимъ нашъ разборъ книги г. Чижевскаго и перейдемъ теперь къ другому сочиненію, касающемуся того же вопроса.

Объемистая брошюра гг. Гурова и Бродскаго (присяжныхъ повѣренныхъ округа харьковской судебной палаты) не представляетъ «ни строго научнаго изслѣдованія по вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи харьковской губерніи, ни даже обстоятельной систематической компиляціи по этому вопросу». Цѣль ихъ работы—«изложить съ возможною обстоятельностью сущность наиболѣе важныхъ и спорныхъ положеній и вопросовъ, какіе до сего времени возбуждены были тяжущимися сторонами во время производства въ судебныхъ учрежденіяхъ такъ называемыхъ старозаимочныхъ процессовъ». Такимъ образомъ брошюра гг. Гурова и

Бродскаго носитъ преимущественно судебный характеръ, представляя собою отвѣты на оффиціальную записку харьковской казенной палаты, поданную въ видѣ апелляціонной жалобы въ судебную палату. Тѣмъ не менѣе нельзя не согласиться съ авторами, что по существу затронутыхъ вопросовъ она имѣетъ значеніе для всѣхъ интересующихся судьбою Слободской Украйны вообще и крестьянскаго землевладѣнія ея въ частности.

Мы выше замѣтили, что уже въ первой инстанціи (т. е. окружномъ судѣ) истцамъ приходилось доказывать справедливость существующаго положительнаго закона и защищать его противъ аргументовъ представителя казны.

Брошюра гг. Гурова и Бродскаго посвящена опроверженію записки казенной палаты, въ которой доказывается, 1) что территорія Слободской Украйны, имѣвшая уже въ XI в. русское населеніе, съ половины XVI ст. принадлежала московскому государству, 2) что переселеніе малороссіянъ изъ-за Днѣпра происходило подъ рукодствомъ царскихъ воеводъ, которые и отводили земли переселенцамъ, 3) что казна всегда признавала земли, отведенныя черкасамъ, своею собственностью и обложила ихъ оброкомъ на совершенно законномъ основаніи. Уже изъ этого голаго перечня главнѣйшихъ вопросовъ, затронутыхъ въ запискѣ и откѣтѣ на нее гг. Гурова и Бродскаго, ясно видно, что исторіи здѣсь отведено столько-же мѣста, сколько и гражданскому праву.

Мы не будемъ излагать доводовъ гг. Гурова и Бродскаго противъ положеній записки казенной палаты, потому что это завело-бы насъ слишкомъ далеко, а укажемъ только болѣе подробно, какіе вопросы представляютъ предметъ спора между ними.

Авторъ записки утверждаетъ, что съ половины XVI в. территорія Слободской Украйны находилась подъ властью московскаго государства, имѣвшаго здѣсь свои крѣпости и города; въ подтвержденіе своего мнѣнія представитель казны ссылается на нѣкоторые акты и извѣстія, помѣщенныя въ книгѣ архіеп. Филарета. Гг. Гуровъ и Бродскій справедливо замѣчаютъ, что тѣ сторожи, о которыхъ говорятъ источники, не могутъ быть признаны жилыми селеніями; что-же касается городовъ, то они, какъ видно изъ тѣхъ-же источниковъ, на которые ссылается авторъ записки, были построены пришлыми черкасами.

Относительно переселеній малороссіянъ въ Слободскую Украйну, авторъ записки замѣчаетъ, что они, собственно говоря, не имѣли и не могли имѣть мѣста до 1650 года.

Гг. Гуровъ и Бродскій справедливо замѣчаютъ, что подобное мнѣніе стоитъ въ противорѣчіи съ фактами, напримѣръ съ извѣстіемъ «Экстракта о слободскихъ полкахъ», приведеннымъ у Срезневскаго. Не-

зачѣмъ только, какъ намъ кажется, отстаивать мнѣнія Маркевича о поселеніи слобожанъ на булавинскихъ земляхъ и о зависимости ихъ до временъ Самойловича отъ гетмана; дѣйствительно, источникъ этого мнѣнія (неизвѣстный намъ авторъ Исторіи Руссовъ), вообще довольно мутный, не подтверждается другими болѣе достовѣрными данными. Мы думаемъ, что невозможно серьезно говорить и точно фиксировать годъ добровольнаго присоединенія слободскихъ полковъ къ Великой Россіи, потому что заселеніе края происходило медленно и свое полковое устройство онъ получилъ постепенно; положеніе Малороссіи было иное, въ качествѣ отдѣльной провинціи польскаго государства, добившейся политической самостоятельности, она *могла* добровольно возсоединиться и подойти подъ высокую руку великаго князя московскаго. Между тѣмъ заднѣпрскіе выходцы, добровольно и по вызовамъ правительства, приходили отдѣльными, болѣе или менѣе значительными партіями, селились за пограничною чертою московскаго государства въ дикихъ татарскихъ мѣстахъ и поступали въ подданство къ московскимъ великимъ князьямъ и государямъ.

Авторъ записки казенной палаты утверждаетъ, что новоявившимся черкасамъ отводились земли московскимъ правительствомъ. «Порядокъ этотъ рѣшительно ничѣмъ не отличается отъ существующаго еще и донынѣ порядка заселенія государственныхъ пустопорожнихъ земель». До образованія слободскихъ полковъ черкасы были подъ вѣдомствомъ русскихъ воеводъ; впослѣдствіи они получили собственное управленіе, свою полковую и сотенную старшину. *Не смотря однако на передачу черкасъ въ вѣдѣніе полковниковъ, московское правительство никогда не предоставляло послѣднимъ права раздавать земли кому либо въ собственность;* самый отводъ земель производился по царскимъ указамъ или по распоряженіямъ изъ бѣлгородскаго приказа. Въ подтвержденіе своего мнѣнія авторъ записки ссылается на Филарета и Полное Собраніе Законовъ.

Гг. Гуровъ и Бродскій, разобравъ доказательства автора записки, находятъ, что никакого надѣленія землею со стороны московскаго правительства не было; тамъ, гдѣ авторъ записки видитъ надѣленіе землею, было обыкновенное размежеваніе. Мы съ своей стороны замѣтимъ, что одинъ голый фактъ отвода земли еще ровно ничего не значитъ. Если даже, напримѣръ, согласиться съ авторомъ записки, что «въ 1659 г. на отведенной Сумамъ землѣ, по царскому указу, основано сел. Нижняя Сыроватка», то это вовсе не доказываетъ, чтобы земли сел. Сыроватки можно было признать теперь казенною собственностью. Въ самомъ дѣлѣ: авторъ записки, нужно думать, не дочиталъ до конца документа, на который ссылается, потому что земля отдавалась «новопоселеннымъ по ту

сторону р. Псла и р. Сыроватки по вышеописаннымъ урочищамъ *во вѣчное владѣніе*» [1]).

Вообще намъ кажется, что нельзя доказывать принадлежности земель казнѣ на основаніи такихъ общихъ и неопредѣленныхъ данныхъ, какіе приводятся авторомъ записки. Позволимъ себѣ привести примѣръ изъ исторіи Лѣвобережной Украйны. Тамъ земля признавалась собственностью всего войска запорожскаго въ широкомъ смыслѣ этого слова, т. е. козачества и поспольства. Но очень часто за *подтвержденіемъ* своихъ земельныхъ правъ отдѣльныя лица обращались уже не къ мѣстному гетманскому уряду, а къ центральной власти; между тѣмъ эта центральная власть была *собственникомъ* только незначительной части земель (такъ называемыхъ государевыхъ или коронныхъ маетностей). Тоже самое мы видимъ и въ Слободской Украйнѣ. И здѣсь очень часто отдѣльныя лица и коллективныя юридическія единицы обращались за подтвержденіемъ, укрѣпленіемъ своихъ правъ на землю; очень часто давались такія подтвердительныя грамоты даже на земли *купленныя;* очевидно, въ нихъ не было самостоятельнаго акта пожалованія; такія-же грамоты выдавались и на земли *занятыя.* Чаще-же всего, нужно думать, укрѣпленіе земельныхъ правъ шло со стороны мѣстнаго полковничьяго уряда. Напрасно гг. Гуровъ и Бродскій ничего не сказали автору записки по поводу его замѣчанія, что слободскіе полковники не имѣли права раздавать земель. Въ Историко-статистическомъ Описаніи харьковской епархіи помѣщенъ универсалъ сумскаго полковника Кондратьева, предоставляющій жителю Ворожбы Ѳеодору Чернявскому право на владѣніе *занятымъ имъ по черкасской обыклости гайкомъ* [2]).

А вотъ другой документъ общаго содержанія, совершенно уничтожающій мнѣніе автора записки. Харьковскій полковникъ Григорій Іерофеевичъ Донецъ въ универсалѣ о надѣлѣ землею куряжскаго монастыря пишетъ: «...по указу великаго государя нашего, царя и великаго князя Алексія Михайловича, самодержца всей Великой, Малой и Бѣлой Россіи, *намъ дана власть раздавать всякіе вольные грунты и пасѣчныя угодья всякимъ людямъ для жительства*». Спрашивается, что можно отвѣтить противъ такого категорическаго свидѣтельства?

Въ другихъ документахъ мы имѣемъ указанія на существованіе *полковой земли.* Можно-ли послѣ этого утверждать, какъ это дѣлаетъ авторъ записки, что «укрѣпленіе за кѣмъ либо правъ на земли въ слободской губерніи *совершалось только царскими вотчинными грамотами,*

---

[1]) Ист.-стат. опис. Харьк еп. Филарета, отд. III, стр. 368.

[2]) Ibidem, отд III., стр. 426.

даваемыми въ видѣ исключенія заслуженнымъ лицамъ, какъ особая милость». Гг. Гуровъ и Бродскій заявляютъ, что приведенное мнѣніе черезъ чуръ уже парадоксально; можно-ли допустить, чтобы въ XVII и XVIII вв. право собственности на земли можно было получить только путемъ жалованныхъ грамотъ, какъ *«особую милость» «за заслуги»?* Отдѣльные-же факты помѣстнаго владѣнія не могутъ доказывать господствующаго его значенія. Не менѣе страненъ взглядъ автора записки и на значеніе жалованныхъ грамотъ слободскимъ полкамъ. Изъ всѣхъ существующихъ грамотъ должны быть приняты во вниманіе по его мнѣнію только четыре, потому что онѣ только упоминаются въ жалованной грамотѣ Елизаветы Петровны. Эти-же четыре грамоты не заключаютъ въ себѣ указаній на право свободной заимки, а только освобождаютъ слобожанъ отъ нѣкоторыхъ оброковъ.

Гг. Гуровъ и Бродскій путемъ внимательнаго разбора содержанія всѣхъ извѣстныхъ намъ жалованныхъ грамотъ приходятъ къ заключенію, что онѣ *подтверждали самостоятельное занятіе земли по праву заимки.*

Дальнѣйшими указами и узаконеніями правительства это правило не было нарушено и существовало вплоть до генеральнаго межеванія (1765 года).

Въ 1837 году оно было утверждено министерствомъ государственныхъ имуществъ, подъ опеку котораго были отданы всѣ сельскіе обыватели податнаго состоянія; бывшіе козаки слободскихъ полковъ, переименованные раньше въ войсковыхъ обывателей, теперь попали въ категорію государственныхъ крестьянъ и находились подъ опекой министерства государственныхъ имуществъ до семидесятыхъ годовъ XIX вѣка, т. е. до выдачи владѣнныхъ записей. Въ концѣ сороковыхъ и началѣ пятидесятыхъ годовъ правительство рѣшило переложить оброчную подать съ душъ на землю. При кадастрѣ многія старозаимочныя земли совершенно неправильно были внесены въ оцѣнку. Одною изъ главныхъ причинъ этой ошибки, по мнѣнію гг. Гурова и Бродскаго, было малое знакомство высшихъ административныхъ учрежденій съ исторіей здѣшняго края и оригинальнымъ характеромъ его землевладѣнія. Такъ, напримѣръ, кадастровая инструкція предписывала опредѣлять доходъ не съ отдѣльныхъ участковъ земли, состоящихъ во владѣніи крестьянъ, а со всей земли, числящейся за обществомъ. «Въ виду этого чины коммиссіи, учрежденной въ харьковской губерніи для уравненія крестьянъ въ денежныхъ сборахъ, получивъ въ руководство инструкцію, въ которой предусматривалось исключительно только общинное крестьянское землевладѣніе, и встрѣчая въ дѣйствительности на каждомъ шагу личное участковое землевладѣніе, на

первыхъ-же порахъ оказались въ затруднительномъ положеніи, не зная, какъ справиться съ возложенною на нихъ задачею. Далѣе, не смотря на то, что харьковская губернія была одною изъ первыхъ, въ которыхъ министерство государственныхъ имуществъ рѣшило примѣнить для опыта такъ называемую кадастрацію земель, и что въ руководство харьковской кадастровой коммиссіи издана была особая инструкція, мы не найдемъ однако-же въ этой инструкціи никакихъ спеціальныхъ правилъ, которыя имѣли-бы въ виду исключительно старозаимочное крестьянское землевладѣніе, хотя въ тоже время встрѣчаемъ тамъ рядъ постановленій относительно земель однодворческихъ, четвертныхъ, захватныхъ и проч.». Между тѣмъ ошибочное внесеніе въ оцѣнку многихъ старозаимочныхъ земель нарушило земельныя права цѣлаго ряда отдѣльныхъ лицъ и обществъ. 2-е отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи ясно понимало, что старозаимочное владѣніе основано въ большинствѣ случаевъ не на крѣпостныхъ документахъ, а на правѣ первоначальнаго завладѣнія по закону; потому-то оно и признало необходимымъ доказывать во всякомъ данномъ случаѣ только то, что земля относится къ разряду старозаимочныхъ, т. е. принадлежитъ владѣльцамъ со времени заселенія Слободской Украйны.

Таково вкратцѣ содержаніе интересной брошюры гг. Гурова и Бродскаго. Мы слышали, что скоро (въ началѣ февраля) появится сборникъ тѣхъ-же авторовъ, который будетъ заключать отчеты о старозаимочныхъ процессахъ и *значительное количество документовъ*. Мы только можемъ пожелать успѣха энергической дѣятельности гг. Гурова и Бродскаго въ отстаиваніи праваго дѣла.

Въ заключеніе мы приводимъ себѣ на память любопытную аналогію. 63 года тому назадъ малороссійскому генералъ-губернатору князю Репнину пришлось отстаивать права на землю малороссійскихъ козаковъ. Князь Репнинъ написалъ записку въ отвѣтъ тогдашнему министру финансовъ Гурьеву, который доказывалъ, что земли малороссійскихъ козаковъ (черниговской и полтавской губерніи) должны быть обложены оброчною податью, потому что онѣ искони принадлежали казнѣ и были отдаваемы только козакамъ для службы и за службу. Записка эта напечатана и наводитъ на любопытныя сближенія съ нынѣшними записками истцовъ и отвѣтчика по старозаимочнымъ дѣламъ.

Сборникъ судебныхъ рѣшеній, состязательныхъ бумагъ, грамотъ, указовъ и другихъ документовъ, относящихся къ вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи въ мѣстности бывшей слободской Украйны. Составилъ В. В. Гуровъ, при участіи Е. К. Бродскаго. Харьковъ 1884 г., XVII, IV. 705 [1]).

Передъ нами объемистая книга въ 700 слишкомъ страницъ, посвященная старозаимочному землевладѣнію б. Слободской Украйны. Въ прошломъ году въ Харьковѣ-же вышла другая книга, принадлежащая г. Чижевскому и посвященная тому же вопросу. Тогда же на страницахъ «Кіевской Старины» появилась объемистая монографія г. Шиманова и моя статья, посвященная все тому же старозаимочному землевладѣнію въ предѣлахъ Слободской и лѣвобережной Украйны. Такое обиліе трудовъ объясняется прежде всего практическою важностью даннаго вопроса. Въ своей рецензіи на книгу г. Чижевскаго и брошюру гг. Гурова и Бродскаго мы постарались опредѣлить практическую важность старозаимочныхъ процессовъ, въ которыхъ заинтересованы десятки тысячъ потомковъ слободскихъ козаковъ, нынѣшнихъ крестьянъ харьковской губерніи. Неудивительно, что во всѣхъ названныхъ изслѣдованіяхъ (исключая одного) главное вниманіе обращено на *старозаимочные процессы*. Но ни одному изъ изслѣдователей не удалось ограничиться юридическими вопросами матеріальнаго права и судопроизводства. Въ рецензіи на книгу г. Чижевскаго мы указали, что затронутый вопросъ не ограничивается одною сферою юриспруденціи, а имѣетъ самое близкое отношеніе къ исторіи и даже народной экономіи. Нельзя не согласиться поэтому съ мнѣніемъ высказаннымъ авторомъ разбираемаго нами Сборника, когда онъ говоритъ: «... эти спорныя положенія представляютъ собою тѣмъ большій интересъ, что онѣ выдвигаютъ на сцену не одни только чисто спеціальные юридическіе вопросы изъ области права и судопроизводства, но въ равной, если не въ большей степени затрогиваютъ собою цѣлый рядъ вопросовъ изъ области исторіи, что объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что въ основаніи старозаимочныхъ процессовъ легли права, которыя первоначально пріобрѣтены были, 200 слишкомъ лѣтъ тому назадъ, предками настоящихъ истцовъ— крестьянъ, малороссійскими выходцами, на земли, занятыя ими при первоначальномъ заселеніи мѣстности бывшей Слободской Украйны (нынѣшней харьковской и части курской и воронежской губ.), путемъ заимки дикихъ, никому не принадлежащихъ земель»... вслѣдствіе этого «волею не волею пришлось поближе ознакомиться какъ съ общею исторіей той мѣстности, которая извѣстна была въ XVII и XVIII столѣтіяхъ подъ названі-

[1]) Кіевская старина 1884, № 8.

емъ Слободской Украины, такъ въ особенности съ исторіей возникновенія и образованія поземельной собственности въ этомъ краѣ...; все это, при отсутствіи вполнѣ обстоятельныхъ изслѣдованій по указаннымъ вопросамъ, побудило тяжущихся обратиться къ разсмотрѣнію и изученію значительнаго количества историческихъ и законодательныхъ памятниковъ, относящихся къ періоду съ половины XVII в. до настоящаго времени». И дѣйствительно, въ своемъ объясненіи на апелляціонную жалобу г. Гуровъ очень часто обращается къ исторіи Слободской Украйны вообще и ея землевладѣнію въ частности.

Обратимся теперь къ самому содержанію «Сборника» г. Гурова и посмотримъ, что онъ даетъ для уясненія вопроса о старозаимочномъ землевладѣніи. Сборникъ состоитъ изъ 5 отдѣловъ: 1-й отдѣлъ—судебныя состязательныя бумаги по искамъ крестьянскихъ обществъ къ казнѣ о правѣ собственности на старозаимочныя земли, 2-й—рѣшенія судебныхъ мѣстъ по этимъ искамъ, 3-й—жалованныя грамоты, 4-й—выписи изъ межевыхъ и писцовыхъ книгъ, 5-й—разные документы, относящіеся къ вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи.

Въ 1-й отдѣлъ входятъ: 1) прошеніе по иску крестьянъ города Лебедина съ хуторами, слободами и деревнями, поданное присяжнымъ повѣреннымъ г. Гуровымъ, 2) отвѣтъ на него уполномоченнаго харьк. казенной палаты, 3) апелляціонная жалоба того-же уполномоченнаго, поданная въ харьковскую судебную палату, 4) объясненіе на эту апелляціонную жалобу; послѣднее представляетъ блестящую критику основныхъ положеній уполномоченнаго казны, который, какъ извѣстно, признаетъ старозаимочныя земли казенною собственностью; вмѣстѣ съ тѣмъ это объясненіе заключаетъ въ себѣ много цѣнныхъ положительныхъ указаній на исторію старозаимочнаго землевладѣнія въ харьковской губерніи. Мы не будемъ останавливаться на изложеніи и разборѣ этого цѣннаго изслѣдованія, потому что сдѣлали это раньше; а теперь перейдемъ къ другимъ отдѣламъ сборника.

Въ 2-мъ отдѣлѣ г. Гуровъ приводитъ 5 положительныхъ рѣшеній окружнаго суда и палаты, дополняя такимъ образомъ пробѣлы сборника г. Чижевскаго, гдѣ, какъ извѣстно, нѣтъ ни одного положительнаго рѣшенія; какъ видно изъ этихъ рѣшеній, судъ призналъ, что черкасы, колонизовавшіе Слободскую Украйну, занимали пустопорожнія земли на правѣ полной собственности, которое не было ограничено и въ послѣдующее время разнаго рода административными распоряженіями, слѣдовательно, нынѣшніе крестьяне харьковской губерніи владѣютъ своими старозаимками точно также на правѣ полной собственности. Но не ограни-

чиваясь одними положительными рѣшеніями, г. Гуровъ приводитъ въ приложеніи и одно отрицательное (харьк. окруж. суда).

Въ 3-мъ отдѣлѣ помѣщено 15 жалованныхъ грамотъ козакамъ слободскихъ полковъ; всѣ онѣ, (кромѣ одной), какъ видно изъ примѣчаній г. Гурова, разысканы имъ въ разныхъ архивахъ (въ общемъ архивѣ главнаго штаба, въ писцовомъ архивѣ межевой канцеляріи и харьковскомъ архивѣ губернскаго правленія).

Нужно впрочемъ замѣтить, что не всѣ онѣ являются въ печати въ первый разъ. Такъ грамота отъ 31 марта 7196 (1688) года козакамъ ахтырскаго слободскаго полка раньше была напечатана г. Чижевскимъ; для читателя, конечно, не имѣетъ никакого значенія тотъ фактъ, что грамота г. Гурова найдена въ архивѣ главнаго штаба, а грамота г. Чижевскаго—въ архивѣ харьковскаго губернскаго правленія. Грамота, данная слободскимъ полкамъ 22 ноября 1743 г., раньше была приведена у г. Чижевскаго, Квитки и Филарета. Нѣкоторыя грамоты, хотя и являются въ печати впервые, однако по содержанію своему вполнѣ подходятъ къ тѣмъ, которыя напечатаны были раньше. Такова, напр., грамота, выданная харьковскимъ черкасамъ 23 сентября 1659 г.; она вполнѣ идентична съ грамотой, выданной острогожскому полку и приведенной у Головинскаго. Тоже самое нужно сказать и о грамотѣ, данной 28 февраля 1700 г. козакамъ сумскаго слободскаго полка; она вполнѣ соотвѣтствуетъ грамотамъ, даннымъ другимъ полкамъ и приведеннымъ у Квитки, Филарета и Чижевскаго. Грамота 1669 г., данная сумскому полку, сходна съ жалованной грамотой, выданной острогожскому полку въ 1670 году и приведенной у Филарета и Головинскаго; грамота 19 февраля 1684 г. козакамъ изюмскаго слободскаго полка представляетъ, собственно говоря, подтвержденіе и дополненіе грамоты 17 февраля 1682 года. Изъ остальныхъ 9 грамотъ наиболѣе интересны слѣдующія: 4 ноября 1636 г. козакамъ слободскихъ полковъ, представляющая полную санкцію козацкихъ заимокъ; 25 февраля 1695 г. сумскому полку, подтверждающая освобожденіе отъ оброковъ; 20 декабря 1717 г. изюмскому полку, утверждающая высылку изъ предѣловъ полка пришлыхъ великороссійскихъ людей, поселившихся здѣсь безъ указа, и въ особенности 14 октября 1704 г. изюмскому полку, заключающая въ себѣ богатыя данныя для характеристики колонизаціи Слободской Украйны. Остальныя пять гораздо менѣе интересны: одна изъ нихъ (10 іюня 1686 г.) говоритъ о мирѣ съ Польшей и не заключаетъ въ себѣ ровно никакихъ данныхъ не только для исторіи землевладѣнія, но даже для исторіи Слободской Украйны вообще; вторая, третья и четвертая (28 февр. 1688, 7 мар. 1705, 1 сент. 1705 г.) осво-

бождаютъ отъ оброчныхъ денегъ за мельницы, борты и др. статьи; 5-я (12 декабря 1708 г.) похваляетъ за вѣрность во время измѣны Мазепы.

Замѣтимъ еще одну мелочь по поводу приведенныхъ грамотъ. Текстъ первой грамоты (1659 г.) напечатанъ неисправно или по винѣ корректора, или лица, переписывавшаго грамоту съ подлинника. Въ 5-й строчкѣ сверху 459 страницы напечатано: «и по святой Господней евангельской заповѣди», а нужно читать: «и Его святыя Господня евангельскія заповѣди», такъ по крайней мѣрѣ напечатано у Головинскаго и того-же требуетъ смыслъ рѣчи; въ 4-й строчкѣ снизу на той-же страницѣ вмѣсто «оное лично» нужно читать «одно лично»; въ 1-й строчкѣ снизу на той страницѣ вмѣсто «сыску» нужно читать «ссылки».

Всѣ грамоты занимаютъ 63 страницы.

Затѣмъ слѣдуетъ 4-й отдѣлъ, гдѣ помѣщено 9 выписей изъ межевыхъ и писцовыхъ книгъ; въ числѣ ихъ мы находимъ описаніе нѣсколькихъ граней полковыхъ и сотенныхъ земель (харьковскаго и изюмскаго полковъ, липецкой и лебединской сотни), а также одного частнаго владѣльца—полковника Квитки. Почти всѣ онѣ извлечены изъ архива московской межевой канцеляріи.

Относительно этихъ документовъ нужно вообще замѣтить слѣдующее: они заключаютъ въ себѣ массу скучныхъ и безполезныхъ подробностей о граняхъ по урочищамъ и только въ промежуткѣ между ними попадаются цѣнныя указанія на характеръ владѣнія. Къ числу ихъ нужно отнести нѣкоторыя данныя объ общевладѣемыхъ полковыхъ и сотенныхъ земляхъ, общественныхъ лѣсахъ и т. д. Всѣ эти выписи занимаютъ 54 страницы.

Наконецъ 5-й отдѣлъ заключаетъ въ себѣ разные документы, относящіеся къ старозаимочному землевладѣнію. Содержаніе ихъ самое разнообразное: здѣсь мы найдемъ и указы, и доношенія, и рапорты, и ордера, и приказы, и вѣдомости, и купчія. Большинство ихъ имѣетъ немаловажное значеніе для историка, а въ особенности для юриста. Таково, напримѣръ, доношеніе полковника Евстафія Данилевскаго въ правительствующій сенатъ 1742 года, заключающее тяжбу о землѣ изюмскаго полка съ ландмилицкимъ, или указъ государственной военной коллегіи гр. Салтыкову 18 марта 1754 г., рѣшающій споръ того-же изюмскаго полка съ бахмутской конторой за земли, или ордеръ харьковской полковой канцеляріи 17 февраля 1762 года, заключающій данныя о купленныхъ въ предѣлахъ полка старшиною и козаками земляхъ, или наконецъ выдержки изъ коммисарскихъ вѣдомостей о земляхъ слободы Хухры, города Лебедина съ слободами и селами. Въ особенности любопытны коммисарскія вѣдомости, составленныя въ концѣ прошлаго столѣтія по всѣмъ селамъ

харьковской губерніи и хранящіеся въ архивѣ харьковскаго управленія государственными имуществами; въ нихъ находятся самыя обстоятельныя вѣдомости о количествѣ населенія въ разныхъ слободахъ и принадлежащей каждому обывателю поземельной собственности; это нѣчто въ родѣ Румянцевской описи Малороссіи. Желательно было-бы, чтобы эти вѣдомости могли быть переданы въ архивъ, состоящій при историко-филологическомъ обществѣ харьковскаго университета: архивъ можетъ сдѣлаться центральнымъ для харьковской губерніи хранилищемъ всѣхъ цѣнныхъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи слободской и лѣвобережной Украины. Не даромъ въ послѣднее время рѣшено ходатайствовать о присоединеніи къ архиву малороссійской коллегіи старыхъ дѣлъ харьковскаго губернскаго правленія.

Изъ документовъ нынѣшняго столѣтія весьма поучителенъ приказъ слободско-украинской казенной палаты хорошевскому волостному правленію отъ 24 января 1830 г., показывающій, какъ въ харьковской губерніи путемъ административнаго воздѣйствія насаждалась община. Мы приведемъ вкратцѣ содержаніе этого документа. Сенаторъ Горголій, ревизовавшій харьковскую губернію, замѣтилъ одинъ *важнѣйшій непорядокъ*, состоящій въ томъ, что «казенные обыватели владѣютъ общественными землями *не уравнительно* по числу душъ, въ семействѣ состоящихъ, и количеству платимой каждымъ обывателемъ подати», и поручилъ губернскому прокурору обратить на это дѣло серьезное вниманіе въ виду того, что отъ этого, кромѣ общественной пользы казенныхъ обывателей, *зависитъ сохраненіе самого казеннаго интереса*». «Вслѣдствіе чего нынѣ-же дано отъ него г. прокурору здѣшнему губернскому правленію предложеніе, дабы не оставило сдѣлать со стороны своей *строжайшія предписанія* всѣмъ здѣшней губерніи, какъ градскимъ и земскимъ полиціямъ обще съ г.г. городничими и земскими исправниками, такъ равно уѣзднымъ судамъ и стряпчимъ, дабы изъ нихъ градскія и земскія полиціи и уѣздные стряпчіе удостовѣрились, во всѣхъ-ли трехъ поляхъ и сѣнокосныхъ мѣстахъ раздѣлены земли по числу душъ уравнительно, а буде въ которой волости еще таковаго уравнительнаго раздѣла не сдѣлано, то *строжайше понудивъ къ тому волостныхъ начальниковъ*, имѣть неослабное попеченіе, чтобы такое уравненіе было сдѣлано непремѣнно въ самой скорости,—и что въ каждой волости откроется, т. е. раздѣлены-ли гдѣ земли или нѣтъ, донесли губернскому правленію и казенной палатѣ безъ замедленія »...« Независимо отъ всего выше изъясненнаго, предлагаетъ казенной палатѣ, не благоугодно-ли будетъ сколь возможно поспѣшнѣе *строжайше предписать* отъ себя всѣмъ волостнымъ правленіямъ о не-

премѣнномъ уравненіи волостныхъ жителей землями по числу ревизскихъ душъ».

Въ данномъ случаѣ радѣтели казеннаго интереса прикрывались еще идеей общественнаго блага опекуемыхъ ими казенныхъ крестьянъ; но эти-же казенные интересы вскорѣ потребовали того, чтобы земли б. войсковыхъ обывателей были признаны казенными, а не ихъ собственными...

Подведемъ теперь итоги.

Рѣшаетъ-ли «Сборникъ» г. Гурова окончательно старозаимочный вопросъ? Во всей широтѣ его нѣтъ.

Вопросъ этотъ можетъ быть расчлененъ на три другіе: 1) происхожденіе старозаимочныхъ земель, 2) сущность и внутренняя организація землевладѣнія и земледѣлія въ старозаимочныхъ земляхъ и 3) судьба старозаимочныхъ земель въ харьковской губерніи до послѣдняго времени.

Матеріалы и статья г. Гурова даютъ намъ отвѣты на 1-й и 3-й вопросы, а 2-го вовсе не затрогиваютъ; впрочемъ и относительно перваго вопроса многое остается еще не выясненнымъ. Интересно было-бы знать, въ какомъ отношеніи была мелкая заимка простыхъ козаковъ къ крупной заимкѣ туземной старшины и пришлаго дворянства,—считалась ли эта послѣдняя дѣломъ законнымъ, или подвергалась какимъ нибудь ограниченіямъ; желательно было-бы знать, чѣмъ отличалась заимка слободскихъ козаковъ отъ заимки, имѣвшей мѣсто въ сосѣднихъ однодворческихъ селеніяхъ, а также другихъ мѣстахъ Россіи и т. д.

Что касается 3-го вопроса, то здѣсь нужно было-бы имѣть свѣдѣнія о количествѣ старозаимочныхъ дачъ въ концѣ XVIII столѣтія (по коммисарскимъ вѣдомостямъ) и въ настоящее время и т. д.

Такимъ образомъ главнѣйшая и весьма цѣнная услуга «Сборника» г. Гурова заключается въ томъ, что онъ рядомъ документальныхъ свидѣтельствъ и серьезныхъ соображеній доказываетъ принадлежность старозаимочныхъ земель крестьянамъ на правѣ полной собственности и опровергаетъ принадлежность ихъ казнѣ. Въ этомъ отношеніи «Сборникъ» г. Гурова даетъ несравненно болѣе, чѣмъ монографія г. Шиманова, который обратилъ главное вниманіе на *судьбу* старозаимочныхъ земель и въ особенности на тѣ административные эксперименты, которымъ онѣ подвергались, а вопросъ объ организаціи землевладѣнія въ старозаимочныхъ дачахъ *оставилъ совершенно открытымъ*. Г. Шимановъ отождествляетъ старозаимочное землевладѣніе съ наслѣдственно участковымъ; но если и признать, что большая часть нынѣ существующихъ общинъ харьковской губерніи возникла путемъ административнаго воздѣйствія, то этимъ все-таки не рѣшается вопросъ *о первоначальной* формѣ землевла-

дѣнія у слободскихъ козаковъ; положительныя доказательства г. Шиманова въ пользу существованія подворно-участковаго землевладѣнія въ XVII и XVIII в. не вполнѣ убѣдительны.

Такимъ образомъ старозаимочный вопросъ требуетъ еще новыхъ матеріаловъ и новыхъ изслѣдованій.

На этомъ мы и закончимъ разборъ интереснаго «Сборника» г. Гурова и отложимъ дальнѣйшія подробности для изслѣдованія о старозаимочномъ землевладѣніи, которое нами приготовлено къ предстоящему археологическому съѣзду въ Одессѣ.

Харьковскій календарь и Памятная книжка на 1885 годъ. Изданіе харьковскаго губернскаго статистическаго комитета, подъ редакціей дѣйствительнаго члена-секретаря П. С. Ефименка. Харьковъ, X, 674, 128, 41 стр. Цѣна 1 рубль.

Съ тѣхъ поръ, какъ харьковскій календарь сталъ издаваться подъ редакціей секретаря статистическаго комитета П. С. Ефименка, онъ совершенно преобразился: изъ обыкновеннаго сборника справочныхъ свѣдѣній онъ обратился въ солидную книгу, заключающую множество интересныхъ данныхъ по харьковской губерніи. Редакторъ, очевидно, поставилъ себѣ задачу группировать въ своемъ изданіи всѣ данныя (преимущественно-же статистическія), на основаніи которыхъ можно начертать картину быта какъ города Харькова, такъ отчасти и всей харьковской губерніи. Въ этомъ и заключается на нашъ взглядъ задача статистическихъ комитетовъ. Никакой частный предприниматель не сможетъ дать такого календаря, какой даетъ харьковскій статистическій комитетъ, во первыхъ потому, что подъ руками у него не будетъ такихъ богатыхъ матеріаловъ, а во вторыхъ потому, что онъ не получитъ барышей, а въ убытокъ себѣ благодѣтельствовать не пожелаетъ. Вѣдь продавать по 1-му рублю книгу, заключающую въ себѣ болѣе 53-хъ печатныхъ листовъ, врядъ-ли кто согласится.

По содержанію своему харьковскій календарь распадается на три отдѣла—справочный, статистическій и литературно-научный.

Уже и первый справочный отдѣлъ заключаетъ въ себѣ интересныя свѣдѣнія (напримѣръ о количествѣ газетъ и журналовъ, выписываемыхъ въ Харьковѣ, о числѣ книгъ, напечатанныхъ въ харьковскихъ типографіяхъ); но ихъ гораздо больше во второмъ—статистическомъ отдѣлѣ; этотъ послѣдній представляетъ намъ дѣйствительное положеніе гу-

берніи и города Харькова въ разныхъ отношеніяхъ—экономическомъ, хозяйственномъ и т. д.

Но мы не будемъ останавливаться даже и на этомъ отдѣлѣ, а обратимся непосредственно къ третьему, литературно-научному отдѣлу, болѣе интересному для читателей «Кіевской Старины».

Здѣсь мы находимъ слѣдующія статьи: 1) «Статистическіе и описательные труды по харьковской губерніи», 2) «Отходъ крестьянъ изъ харьковской губерніи, 3) Нѣсколько данныхъ о крестьянскихъ семейныхъ раздѣлахъ въ харьковской губерніи, 4) Торговля г. Бѣлополья, 5) Замѣчательные уроженцы и дѣятели харьковской губерніи, 6) Архивы харьковской губерніи, 7) Харьковъ въ семнадцатомъ столѣтіи, 8) Городъ Харьковъ полтораста лѣтъ назадъ, 9) Выписка изъ фамильной записи Квитокъ и 10) Мандрованые дьяки въ Слободской Украйнѣ. Минуя первыя четыре статьи, остановимся только на шести послѣднихъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ южно-русской исторіи.

Въ статьѣ о замѣчательныхъ уроженцахъ и дѣятеляхъ харьковской губерніи помѣщены краткія біографіи слѣдующихъ лицъ: малорусскихъ поэтовъ отца и сына Александровыхъ, извѣстнаго русскаго писателя Григорія Петровича Данилевскаго, Ковалевскихъ, проф. Черняева, малороссійскаго поэта Я. И. Щоголева, малороссійскаго поэта Кореницкаго, извѣстнаго педагога бар. Корфа, проф. Осиповскаго, малороссійскаго поэта Писаревскаго и знаменитаго астронома Савича. Не зачѣмъ доказывать, какъ важно подводить итоги дѣятельности разныхъ лицъ, стяжавшихъ себѣ большую или меньшую извѣстность на разныхъ поприщахъ дѣятельности; достаточно сказать, что къ этому насъ побуждаетъ и нравственная обязанность, ибо это есть своего рода *jus tanium*. И мы въ значительной степени выполняемъ эти обязанности по отношенію къ наиболѣе выдающимся дѣятелямъ—ученымъ, писателямъ и т. п. Но заслуги болѣе скромныхъ, въ особенности провинціальныхъ тружениковъ, предаются забвенію. Ихъ-то именно поэтому и нужно заносить на страницы провинціальныхъ изданій, чтобы ихъ знали по крайней мѣрѣ въ томъ краѣ, которому они посвящали свои силы и способности, и чтобы примѣръ ихъ ободрялъ другихъ. Это до нѣкоторой степени могло-бы содѣйствовать подъему энергіи и общественной самодѣятельности въ провинціи; съ другой стороны полученныя такимъ путемъ цифры могли бы разрѣшить намъ любопытный вопросъ—въ состояніи-ли процвѣтанія или оскудѣнія находится научная, литературная и общественная дѣятельность въ томъ или иномъ уголкѣ нашего обширнаго отечества. Разсматривая съ этой точки зрѣнія біографіи уроженцевъ и дѣятелей харьковской губерніи, невольно наталкиваешься на грустныя мысли. Болѣе

выдающіяся лица сдѣлали для своего края гораздо менѣе, чѣмъ позволяли имъ ихъ таланты; иные не сдѣлали ничего. Въ видѣ рѣдкихъ исключеній являются такія лица, которымъ удалось найти желанное равновѣсіе и которые одинаково дороги и для своего роднаго края и для всей Россіи.

Къ такимъ именно лицамъ нужно причислить Григорія Петровича Данилевскаго. Его «Украинская Старина» надолго останется настольною книгою для всякаго, интересующагося судьбами Слободской Украйны. Но эта-же самая книга была цѣлымъ вкладомъ и въ общую русскую историческую литературу; не даромъ-же авторъ ея былъ награжденъ уваровской преміей отъ академіи наукъ! Въ другихъ своихъ произведеніяхъ Григорій Петровичъ Данилевскій также затрогиваетъ темы, касающіяся исторіи, археологіи и этнографіи южной Россіи. Романы изъ жизни новороссійскаго края—«Бѣглые въ Новороссіи», «Бѣглые воротились»—создали ему славу романиста.

Статья «Архивы харьковской губерніи» составлена на основаніи тѣхъ свѣдѣній, которыя были собраны статистическимъ комитетомъ. Всякому занимающемуся и интересующемуся южно-русской исторіей извѣстенъ тотъ грустный фактъ, что исторія слободской Украйны почти совершенно не разработана. «Съ трудомъ вѣрится, говоритъ авторъ разбираемой нами статьи, «что этотъ интеллигентно ученый центръ (т. е. Харьковъ) за весь не малый періодъ своего существованія, почти ничего не сдѣлалъ для исторіи своего края, бывшей слободской Украйны, и что только теперь начинаются заботы о сохраненіи источниковъ для его исторіи, теперь, когда многое безвозвратно утрачено».

Нельзя не согласиться съ этимъ. Въ настоящее время въ Харьковѣ имѣется историческій архивъ (малороссійской коллегіи), перевезенный изъ Чернигова и заключающій въ себѣ матеріалы для исторіи лѣвобережной Украйны, т. е. гетманщины въ XVIII и даже отчасти въ XVII вѣкѣ. Но документы бывшей слободской Украйны частью отсылались въ Москву въ архивъ министерства юстиціи, а частью были разбросаны по разнымъ присутственнымъ мѣстамъ. Недавно въ мѣстномъ историко-филологическомъ обществѣ было выражено желаніе по крайней мѣрѣ привести ихъ въ извѣстность для того, чтобы потомъ принять мѣры для сосредоточенія ихъ въ какомъ нибудь надежномъ хранилищѣ. По собраннымъ статистическимъ комитетомъ свѣдѣніямъ оказалось, что сохранились доселѣ еще нѣкоторые любопытные документы, но исключительно только XVIII вѣка; среди нихъ на первомъ планѣ нужно поставить дѣла харьковской полковой канцеляріи, ахтырской полковой канцеляріи, переписную книгу харьковскаго полка, перепись лейбъ-

гвардіи майора Хрущова 4-хъ слободскихъ полковъ, коммиссарскія вѣдомости и др. Въ настоящее время харьковское историко-филологическое общество обратилось съ ходатайствомъ къ подлежащимъ властямъ о передачѣ ему старыхъ дѣлъ, хранящихся при губернскомъ правленіи. Ходатайство это, нѣтъ сомнѣнія, будетъ уважено и тогда нынѣшній архивъ малороссійской коллегіи, хранящійся при историко-филологическомъ обществѣ, сдѣлается центральнымъ хранилищемъ матеріаловъ харьковской, черниговской и отчасти полтавской губерніи. Но харьковское историко-филологическое общество располагаетъ совершенно ничтожными средствами (сторублевой субсидіей и членскими взносами на такую-же сумму). Поэтому организовать и поставить прочно на ноги своего архива оно не можетъ. Остается единственная надежда на помощь правительства. Въ послѣднемъ своемъ засѣданіи историко-филологическаго общества мною была прочитана записка объ историческомъ архивѣ, принадлежащемъ обществу, гдѣ высказана мысль о необходимости болѣе прочной постановки архивнаго дѣла въ Харьковѣ; въ виду этого я предложилъ войти съ ходатайствомъ къ г. попечителю харьковскаго учебнаго округа о передачѣ архива въ непосредственное распоряженіе университета, на подобіе нумизматическаго кабинета и музея изящныхъ искусствъ, и объ ассигнованіи ему извѣстной штатной суммы. Историко-филологическое общество единогласно рѣшило войти съ такимъ ходатайствомъ черезъ историко-филологическій и юридическій факультеты къ г. попечителю округа. Если это ходатайство увѣнчается успѣхомъ, то въ Харьковѣ, по всей вѣроятности, образуется и архивная коммиссія, которая съ энергіей и любовью отнесется къ своей задачѣ; тогда судьба документовъ, разбросанныхъ по разнымъ присутственнымъ мѣстамъ, будетъ вполнѣ обезпечена и явится возможность разрабатывать и мѣстную исторію, которая играла нѣкогда столь важную роль въ обще-русскихъ событіяхъ. Извѣстный архивистъ Ник. Вас. Калачовъ отнесся съ большимъ сочувствіемъ къ мысли объ устройствѣ въ Харьковѣ историческаго архива и архивной коммиссіи; и это одно уже обстоятельство служитъ хорошимъ признакомъ.

Статья «Харьковъ въ семнадцатомъ столѣтіи» принадлежитъ мнѣ, и потому распространяться о ней я не буду. Состоитъ она изъ документа, представляющаго описаніе города въ 1686-мъ году, и предисловія къ нему.

Слѣдующая статья «Городъ Харьковъ полтораста лѣтъ назадъ» является какъ-бы продолженіемъ предшествующей. Она основана исключительно на данныхъ, заключающихся въ переписной книгѣ харьковскаго полка, составленной лейбъ-гвардіи майоромъ Хрущовымъ въ 1732 г. и хранящейся въ мѣстной казенной палатѣ. Главную массу населенія

въ то время составляли козаки и ихъ подпомощники; первыхъ было— 171 дворъ, 247 хатъ и 775 душъ (мужескаго пола); вторыхъ—422 двора, 515 хатъ и 1,531 душа (мужескаго пола); громадное большинство ихъ были малороссіяне или, какъ ихъ тогда называли, черкасы: великороссіянъ, записанныхъ въ козацкую службу, было всего 13 дворовъ. Въ XVII ст. они составляли особый классъ служилыхъ людей и находились въ непосредственной зависимости отъ московскихъ воеводъ; но въ началѣ XVIII вѣка они стали записываться въ козацкую полковую службу и перешли вмѣстѣ съ тѣмъ въ вѣдѣніе слободскихъ полковниковъ. Въ переписи харьковскаго полка 1722 года мы находимъ цѣлый рядъ грамотъ, дозволяющихъ такой переходъ отдѣльнымъ лицамъ. Другою видною группою населенія въ Харьковѣ были ремесленники; ихъ было 65 дворовъ, 190 хатъ и 492 души (мужескаго пола); среди ихъ встрѣчаются ткачи, шевци, котляры, ковали, рымари, музыки, скляри, шаповалы, гончари, кравци, кушнери, тесли, олейники, винники, солодовники, кацари. Но если въ Харьковѣ цеховые составляли менѣе видную группу, чѣмъ козаки, то въ другихъ городахъ (Ахтыркѣ, Сумахъ, Изюмѣ) козачество достигло еще большаго преобладанія. Очевидно, что въ слободской Украйнѣ города по составу своего населенія отличались такимъ-же характеромъ, какъ и въ гетманщинѣ, съ тою только разницею, что въ гетманщинѣ было нѣсколько городовъ, выдававшихся по своему торговому и промышленному значенію (въ родѣ, напримѣръ, Нѣжина или Стародуба), а въ слободской Украйнѣ такихъ городовъ не было ни одного. Наконецъ, третью и самую меньшую группу составляли разночинцы; въ числѣ ихъ мы встрѣчаемъ грековъ, армянъ, поляковъ. Въ предмѣстьяхъ города на подворкахъ и въ хуторахъ жили *подданные* разныхъ владѣльцевъ; ихъ нужно отличать отъ крѣпостныхъ крестьянъ, приведенныхъ ихъ владѣльцами изъ разныхъ великороссійскихъ губерній. Всего въ Харьковѣ въ 1732 году считалось 950 дворовъ, 1280 хатъ и 3965 душъ (мужескаго пола); общее количество душъ обоего пола правдоподобно простиралось до 7,435 душъ. На это число приходилось 5 церковно-приходскихъ школъ съ 19 учителями, одинъ коллегіумъ, 3 шпиталя и 25 шинковъ. Таковы интересныя свѣдѣнія о городѣ Харьковѣ, извлеченныя изъ переписной книги харьковскаго полка лейбъ-гвардіи майора Хрущова; такія-же свѣдѣнія имѣются относительно всѣхъ городовъ и селеній 4-хъ слободскихъ полковъ. Всѣ цифровыя данныя изъ этихъ книгъ извлечены мною и будутъ напечатаны въ Сборникѣ матеріаловъ для исторіи слободской Украйны.

Слѣдующая статья «Выписка изъ фамильной записи Квитокъ» затрогиваетъ любопытный вопросъ о мемуарахъ, касавшихся южной Руси.

Мы знаемъ, что въ слободской Украйнѣ велись записи представителями разныхъ дворянскихъ фамилій—Квитками, Тевяшовыми, Лесевицкими, Кондратьевыми и, можетъ быть, еще многими другими. Этотъ фактъ имѣетъ полную аналогію съ тѣмъ, что мы видимъ въ гетманщинѣ, гдѣ въ теченіе XVII и XVIII в. появилось нѣсколько лѣтописцевъ, историковъ и мемуаристовъ (въ родѣ, напримѣръ, Самойла Зорки, Самуила Величка, Самовидца, Грабянки, Ханенка, Марковича и друг.). Къ сожалѣнію даже тѣ произведенія, которыми пользовался преосвященный Филаретъ харьковскій, не дошли до насъ; не избѣжали общей участи и фамильныя записи Квитокъ, сохранилась только незначительная выписка изъ нихъ, напечатанная теперь въ харьковскомъ календарѣ. Если судить о содержаніи записей по тому отрывку, который теперь напечатанъ, то это скорѣе были *лѣтописныя замѣтки,* чѣмъ фамильные мемуары; но если даже большинство извѣстій тамъ относилось къ фамиліи Квитокъ, то и въ такомъ случаѣ нельзя не пожалѣть объ ихъ утратѣ, такъ какъ фамилія эта играла видную роль въ судьбахъ Слободской Украйны и ея исторія пролила-бы свѣтъ и на судьбы всей Слобожанщины. Въ приведенномъ отрывкѣ представляютъ значительный интересъ разсказы о моровой язвѣ въ харьковскомъ полку въ 1738 году и о нашествіи татарскихъ ордъ. Главное достоинство этихъ отрывочныхъ замѣтокъ заключается въ томъ, что онѣ писаны современниками и очевидцами событій; замѣтки одного члена фамиліи потомъ продолжались другими, такъ что получились записи на протяженіи почти цѣлаго столѣтія.

Наконецъ, послѣдняя историческая статья въ харьковскомъ календарѣ «Мандрованые дьяки въ Слободской Украйнѣ» передаетъ намъ біографію одного дячка-учителя, переходившаго изъ одного селенія въ другое; мандрованными такіе дячки назывались потому, что постоянно перекочевывали съ одного мѣста на другое; вся жизнь ихъ проходила «въ мандривкахъ». Любопытный примѣръ такого мандрованнаго дячка представляетъ изъ себя и тотъ «безпаспортный» дячокъ и учитель, Козьма Порадинъ, о скитальческой жизни котораго разсказывается въ документѣ, разысканномъ проф. А. С. Лебедевымъ и воспроизведенномъ на страницахъ харьковскаго календаря. Происхожденіе этого оригинальнаго явленія мѣстной жизни объясняется тѣмъ рѣшительнымъ вліяніемъ, которое имѣли на выборъ священника и причетниковъ прихожане; вотъ почему такихъ-же кочующихъ священниковъ и причетниковъ мы встрѣчаемъ въ древней новгородской области, а съ другой стороны въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи; и тамъ и здѣсь отношенія прихожанъ къ священно и церковнослужителямъ опредѣлялись свободнымъ договоромъ, который, конечно, могъ быть прекращенъ, если одна изъ сторонъ плохо исполняла свои обя-

занности. Нельзя также не поставить этого явленія въ связь съ тою свободою передвиженія, которою въ то время пользовались всѣ классы южнорусскаго общества, начиная отъ шляхты и оканчивая *поддаными*, т. е. посполитыми крестьянами. Въ Слободской Украйнѣ въ частности постоянное передвиженіе населенія было еще болѣе господствующимъ явленіемъ, такъ какъ край заселялся исключительно пришлымъ людомъ, являвшимся сюда изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей. Подобно тому, какъ въ средніе вѣка въ Западной Европѣ, а потомъ и у насъ, ремесленники переходили изъ одного города въ другой съ цѣлью усовершенствованія въ своемъ ремеслѣ,—и лица, готовившія себя къ учительской или причетнической профессіи, посѣщали болѣе извѣстныхъ учителей и обучались у нихъ школьной премудрости, нотному пѣнію и т. п. Такимъ путемъ вырабатывалась страсть къ постояннымъ путешествіямъ, при чемъ вѣрнымъ пристанищемъ бывала школа, иногда церковный приходъ, а иногда и помѣщичій дворъ, гдѣ «мандривныкъ» получалъ кондицію. Нѣсколько любопытныхъ подробностей изъ быта такихъ мандрованыхъ дячковъ, школьниковъ и учителей можно найти въ «Украинской Старинѣ» г. Данилевскаго и въ недавно вышедшемъ отдѣльнымъ изданіемъ сочиненіи М. И. Семевскаго «Слово и дѣло».

Таковы интересныя историческія статьи, помѣщенныя въ харьковскомъ календарѣ на 1885-й годъ.

И. А. Устиновъ, Литература о харьковской губерніи (библіографическій указатель). Изданіе Харьковскаго Статистическаго Комитета. Х. 1887 г., 240 стр. Ц. 50 к. [1]).

И. А. Устиновъ, бывшій редакторъ неоффиціальной части «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», еще въ 1872 г. задался цѣлью «библіографически отмѣтить все, что появлялось когда-либо въ русской литературѣ по части исторіи, археологіи, этнографіи, географіи и статистики Харьковскаго края»; но въ Харьковѣ оказалось невозможнымъ найти харьковскія изданія и потому «только черезъ 10 лѣтъ, въ 1883 г. составителю настоящей книги представилась возможность осуществить свое намѣреніе при посредствѣ колоссальнаго русскаго книгохранилища Имп. Спб. Публичной Библіотеки». Харьковскій Статистическій Комитетъ «въ виду полезности труда г. У—ва для всѣхъ лицъ, интересующихся литературой, касающейся харьковской губ., постановилъ напечатать этотъ

[1]) Кіевская старина 1888, № 4.

трудъ на счетъ комитета въ видѣ отдѣльной брошюры». Таково происхожденіе настоящей книжки. Составлена она на основаніи личнаго просмотра г. У—вымъ сочиненій и статей съ одной стороны и указателей и каталоговъ съ другой. Сюда вошли сочиненія и статьи по мѣстной исторіи, археологіи, этнографіи, географіи и статистикѣ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ указывается и содержаніе или оглавленіе статей и книгъ. «Исполненный такимъ образомъ трудъ въ изложенныхъ предѣлахъ заключаетъ въ себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ и *полный указатель «Харьк. Губ. Вѣд.» за время съ 1838 по 1880 г. включительно,* вмѣщавшихъ въ себѣ описанія, касающіяся исторіи, археологіи, этнографіи, географіи и статистики края, столь давно ожидаемый и не появлявшійся донынѣ». Дѣйствительно, нельзя не признать указателя г. У—ва очень полезной справочной книжкой. Стоитъ только прочитать это изданіе, чтобы убѣдиться, что здѣсь отмѣчено множество интересныхъ книгъ и въ особенности журнальныхъ и газетныхъ статей и статеекъ по указаннымъ выше предметамъ. Особенно много указаній найдетъ для себя лицо, интересующееся мѣстной стариной: историческими работами, матеріалами, данными для исторіи мѣстной литературы, просвѣщенія и театра. Разыскиваніе необходимыхъ свѣдѣній облегчается помѣщенными въ концѣ книги указателями—предметнымъ и личнымъ.

Таковы достоинства разбираемаго сочиненія; но есть въ немъ и кое-какіе пробѣлы и недостатки. Составитель извѣстенъ своими небольшими изслѣдованіями по мѣстной старинѣ: въ «Харьков. Губ. Вѣд.», въ концѣ 70-хъ годовъ, печатались его замѣтки и матеріалы подъ общимъ заглавіемъ «Харьковская старина»; въ харьковскомъ календарѣ на 1886 г. была помѣщена его статья «Харьковъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія»; въ 1887 г. онъ издалъ нѣчто въ родѣ описанія или справочной книги о г. Харьковѣ подъ заглавіемъ «Описаніе г. Харькова». Эти занятія, стоявшія въ прямой связи съ редактированіемъ имъ мѣстной газеты, дали автору возможность болѣе или менѣе удачно разрѣшить одну половину принятой имъ на себя задачи—оріентироваться въ библіографическомъ матеріалѣ, помѣщавшемся въ разныхъ мѣстныхъ изданіяхъ. Но кромѣ мѣстныхъ изданій г. У—въ рѣшился воспользоваться также и общими. Этимъ онъ значительно расширялъ свою задачу, но и затруднялъ удовлетворительное выполненіе ея. Широкая постановка темы привела къ тому что оказались недочеты не только въ общихъ, но и мѣстныхъ изданіяхъ. Съ другой стороны внесено было въ указатель многое такое, что къ исторіи, географіи и этнографіи Слободской Украины не относится.

Представимъ въ подтвержденіе своихъ положеній нѣсколько фактовъ. Укажемъ сначала на пропуски, а потомъ на лишнія статьи. Г. У—въ

указываетъ на описаніе г. Харькова 1678 г., помѣщенное въ IX т. «Доп. къ актамъ истор.» и даже приводитъ нѣкоторыя выдержки изъ этого описанія, но не извѣстно, почему игнорируетъ описанія другихъ слободско-украинскихъ городовъ, находящіяся въ томъ же документѣ (Алешни, Ахтырки, Сумъ, Вольнаго, Острогожска и многихъ другихъ); объ Актахъ Южной и Западной Россіи онъ вовсе не упоминаетъ, между тѣмъ какъ тамъ въ 3-мъ и другихъ томахъ заключаются любопытныя свѣдѣнія о переселеніяхъ малороссіянъ въ нашъ край; точно также пропущены Акты историческіе (I-й томъ—о Черкасахъ на р. Донцѣ), Географическій словарь Семенова, Книги разрядныя, Дворцовые разряды, Собраніе госуд. грамотъ и договоровъ, Книга Глаголемая большой чертежъ, изд. Спасскимъ, а раньше Языковымъ, и наконецъ такой источникъ первостепенной важности, какъ Полное собраніе законовъ; ничего не говорится о лѣтописяхъ (Самовидца, Грабянки, Величка и другихъ), о нѣкоторыхъ запискахъ (Я. Маркевича) и разнообразныхъ матеріалахъ, помѣщавшихся въ изданіяхъ ученыхъ обществъ (въ Сборникѣ И. Русск. Ист. Общ., напримѣръ, печатались протоколы Екатерининской Коммиссіи для составленія проекта новаго уложенія, въ засѣданіяхъ которой принимали участіе и харьковскіе депутаты); можно было бы указать не мало пропусковъ и относительно изслѣдованій и статей по исторіи, археологіи и этнографіи. Не выбраны, наприм., свѣдѣнія изъ трудовъ археологическихъ обществъ о находкахъ монетъ и другихъ древностей въ предѣлахъ харьковской губ. (см., напр., «Изв. о находкахъ монетъ и другихъ древн. въ Россіи» въ Зап. Спб. Нумизмат. Общ., т. 2-й, 1850 г. или ст. Пискарева «О мѣстонахожденіи каменныхъ бабъ» въ Зап. Имп. Арх. Общ., т. III, 1851 г.); не указаны многіе важные этнографическіе матеріалы (въ родѣ, напримѣръ, любопытныхъ разсказовъ Вс. Коховскаго, записанныхъ изъ устъ въ изюмскомъ уѣздѣ харьковской губ. и помѣщенныхъ въ «Основѣ» за 1862 г., май); не будемъ приводить другихъ примѣровъ, а замѣтимъ только, что и въ указателѣ къ Харьк. Губ. Вѣд. есть пропуски. Такъ, напр., пропущены статьи: «Описаніе древностей, отправленныхъ проф. Борисякомъ въ Московское Археологическое Общество» (Х. Г. В. 1869 г., № 30) и 2) Нѣчто изъ старины. О первыхъ харьковскихъ училищахъ (Х. Г. В. 1872 г., № 52 и 53).

Мы не могли, конечно, взять на себя систематической провѣрки того, насколько книга г. У—ва является дѣйствительно полнымъ указателемъ къ Х. Г. В. съ 1838 по 1880 г., но отмѣченные нами пропуски, сдѣланные по нашимъ случайнымъ библіографическимъ замѣткамъ, приводятъ къ убѣжденію, что число такихъ пропусковъ не ничтожно.

На ряду съ пробѣлами мы должны отмѣтить такія указанія, которыя не должны были войти въ книгу г. У—ва. Очевидно, авторъ внесъ большую часть такихъ указаній изъ другихъ библіографическихъ сочиненій, будучи введенъ въ заблужденіе заглавіями статей. Такъ, напр., онъ приводитъ статьи, въ названіяхъ которыхъ было слово *Украина,* забывши, что кромѣ Слободской Украины была еще и лѣвобережная, и правобережная; нерѣдко также онъ отождествляетъ *слободскихъ* козаковъ съ малороссійскими, гусарскіе слободско-украинскіе полки съ новороссійскими и т. д. Спрашивается, какое отношеніе къ харьковскому краю имѣютъ, напр., слѣдующія статьи: Головатый—Квитки, Первыя войны малоросс. козаковъ—Н. Костомарова, Михайло Чернышенко—П. Кулиша, Афанасій Колпакъ—Скальковскаго, Замѣтка о Петрѣ Вел.—Зернина, Суворовскія бумаги—Г. Данилевскаго, Критическія замѣчанія, относящіяся къ исторіи Малороссіи—Максимовича, Украинскіе юридическіе акты XVII в.—А. Л—каго, Памятники украинской народной словесности—П. Ефименка, Малороссійскіе чумаки (въ «Калейдоскопѣ» и «Рус. Инв.»), Акты оскольскаго края—Голицына, Краткая записка о малороссійскихъ козакахъ кн. Рѣпнина, Г-нъ Костомаровъ, какъ историкъ Малороссіи—Г. Карпова, Малороссійскіе города—Г. Карпова, Физико-химическое врачебное испытаніе минеральныхъ водъ, открытыхъ въ полтавск. губ. конст. у.—Гизе, Письма Императора Петра I-го къ гетману Скоропадскому и мног. др.? Еще въ большую ошибку впадаетъ г. У—въ, когда приводитъ въ своемъ указателѣ статью Германова «Постепенное распространеніе однодворческаго населенія въ ворон. губ.» и при этомъ дѣлаетъ отъ себя такое примѣчаніе: «однодворческое населеніе образовалось въ мѣстности бывшаго Острогожскаго слободскаго полка изъ войсковыхъ обывателей»; на самомъ дѣлѣ однодворцы представляютъ изъ себя потомковъ великорусскихъ служилыхъ людей, а войсковые обыватели—малорусскихъ слободскихъ козаковъ; слѣдовательно, это двѣ различныя въ этнографическомъ и бытовомъ отношеніи группы населенія; Острогожскій слоб. полкъ былъ населенъ главнымъ образомъ войсковыми обывателями, а не однодворцами. Наконецъ, въ заключеніе мы должны отмѣтить еще нѣкоторыя чисто внѣшнія неисправности или, лучше сказать, недосмотры; одна и та же статья указывается иногда въ книгѣ г. У—ва по два раза: о слободѣ Каплуновкѣ говорится подъ № 129 и 132 (правильное первое указаніе), о статьѣ Квитки «Украинцы» подъ № 138 и 161 (правильно второе указаніе), о статьѣ Г. П. Данилевскаго «Частныя и общественныя собранія старинныхъ актовъ»—подъ № 443 и 449 и нѣк. др. Не указываемъ на нѣкоторыя опечатки, не исправленныя составителемъ.

Отмѣчая всѣ эти промахи, мы, конечно, сознаемъ всю неизбѣжность ихъ въ подобныхъ работахъ. Въ общемъ трудъ г. У—ва является полезнымъ вкладомъ въ областную библіографическую литературу. Нельзя не выразить по этому случаю пожеланія, чтобы авторъ нашелъ себѣ продолжателей, и чтобы, по образцу его книги, были составлены аналогичные указатели и по другимъ южнорусскимъ губ. Прекрасный трудъ А. М. Лазаревскаго «Указатель источниковъ для изученія малороссійскаго края» къ сожалѣнію остановился на первомъ выпускѣ; притомъ онъ доведенъ былъ только до 1857 г. Такимъ образомъ, полная южнорусская историческая библіографія можетъ повидимому появиться въ свѣтъ при одномъ условіи· если предварительно будутъ составлены частные указатели, обнимающіе сравнительно небольшую территорію губ. или maximum области, т. е. Новороссійскаго края, Кубанской области, Лѣвобережной Украйны, Юго-Западнаго края. Только при наличности такихъ библіографическихъ указателей областная разработка южнорусской исторіи можетъ дѣйствительно подвинуться впередъ.

А. Лебедевъ, О брачныхъ разводахъ по архивнымъ документамъ Харьковской и Курской духовныхъ консисторій. М. 1887 г. 30 стр. [1]).

Брошюра представляетъ оттискъ изъ «Чтеній Моск. Общ. Ист. и Древн.» Авторъ ея, профессоръ церковной исторіи въ харьковскомъ университетѣ А. С. Лебедевъ, извѣстенъ своими работами по изданію и разработкѣ мѣстныхъ историческихъ матеріаловъ (харьковскихъ и курскихъ). Результатомъ его архивныхъ занятій въ харьковской и курской духовныхъ консисторіяхъ является и настоящій сборничекъ систематизированнаго и сгруппированнаго матеріала. Матеріалъ этотъ относится къ весьма важному и любопытному вопросу и, по справедливому замѣчанію собирателя, «помимо собственно церковно-правоваго значенія и въ бытовомъ отношеніи представляетъ не малый интересъ». Поводы къ разводу, какъ видно изъ документовъ почтеннаго профессора, были слѣдующіе: 1) болѣзненное состояніе одного изъ супруговъ, 2) многобрачіе, 3) несовершеннолѣтіе, 4) прелюбодѣяніе, 5) взаимное согласіе супруговъ на разводъ. Каждую изъ этихъ причинъ къ разводу А. С. Лебедевъ иллюстрируетъ нѣсколькими фактами живой дѣйствительности. Дѣйствительность эта подъ-часъ является довольно своеобразной и носитъ на себѣ печать мѣстныхъ бытовыхъ условія. При расторженіи брака, вслѣдствіе половой

[1]) Кіевская старина 1888, № 4.

неспособности одного изъ супруговъ, лицо, признанное неспособнымъ къ супружеской жизни, не обрекалось и напередъ, какъ это практиковалось въ московской епархіи, на вѣчное безбрачіе. Такъ именно было съ жителемъ села Могрицы, мирополькаго округа, Захаріемъ Бобрицкымъ. Многобрачіе въ Бѣлгородской епархіи, въ особенности среди простолюдиновъ, было явленіемъ обычнымъ; оно поддерживалось условіями мѣстнаго быта: частыми переходами жителей съ одного мѣста на другое, бѣгствомъ, военными походами, татарскимъ полономъ» и т. п. Провинившагося въ такихъ дѣяніяхъ наказывали плетьми и возвращали къ первой женѣ. Но проф. Лебедевъ приводитъ одинъ характерный случай, гдѣ многобрачіе совершилось съ соизволенія церковнаго начальства. Копіистъ Недрыгайловскаго уѣзднаго суда Василій Яковлевъ былъ выкрещенный еврей; принявъ св. крещеніе, онъ разошелся съ прежней женой еврейкой Итой, отъ которой у него были и дѣти, и женился на православной обывательницѣ г. Сумъ Дарьѣ Наталушенковой; но вскорѣ вошелъ съ просьбой о дозволеніи ему разойтись со 2-й женой и снова жениться на 1-й, такъ какъ она также приняла православіе; просьба его была уважена, и на него консисторіей была наложена только эпитимія, да и та преосвященнымъ отмѣнена. Этотъ случай ясно свидѣтельствуетъ, что духовное начальство въ брачныхъ дѣлахъ обращало большое вниманіе на житейскія бытовыя условія. Среди однодворческаго, великорусскаго населенія часты были случаи разводовъ по несовершеннолѣтію женъ, нерѣдко соединенному съ снохачествомъ; на это зло указывалъ Сенатъ и Св. Синоду:... «между однодворцами непотребный обычай въ великомъ употребленіи, что они малолѣтнихъ своихъ сыновей, лѣтъ осьми и десяти и двѣнадцати женятъ и берутъ за нихъ дѣвокъ лѣтъ по двадцати и болѣе, съ которыми свекры ихъ много впадаютъ въ кровосмѣшеніе». Особый интересъ представляютъ случаи разводовъ по взаимному согласію супруговъ. «Въ дѣлахъ харьковской духовной консисторіи», говоритъ проф. Лебедевъ, «мы нашли указанія, что при взаимномъ согласіи на разводъ, супруги давали одинъ другому разводныя письма и безъ участія отцовъ ихъ духовныхъ, лишь при свидѣтельствѣ мѣстныхъ жителей, особенно властей; и что по таковымъ письмамъ фактически и бывали разводы, хотя, само собою понятно, духовная власть, когда открывалось дѣло, не признавала за ними легальной силы». Подобные разводы опять таки въ большинствѣ случаевъ вызывались условіями самой жизни. Вотъ одинъ изъ примѣровъ, приводимыхъ проф. Лебедевымъ (замѣтимъ, что всѣ они относятся исключительно къ малороссіянамъ): «Житель Мерефы Прокофій Деденко въ 1712 г. взятъ былъ татарами въ плѣнъ и былъ въ ономъ 22 года; жена его Елена оставалась вдовою 8 лѣтъ, а затѣмъ вышла замужъ за другаго,

съ которымъ жила 14 лѣтъ и прижила дѣтей. Возвратившійся изъ плѣна первый мужъ Елены. въ виду ея продолжительнаго сожитія со вторымъ мужемъ и прижитія ими дѣтей, не хотѣлъ разлучать ихъ, а взялъ только съ нихъ 5 рублей для вступленія самому въ другое супружество и кромѣ того, отъ нея письмо въ доказательство, что женится свободно, которое, письмо, и дала она ему при свидѣтеляхъ—атаманѣ той слободы и другихъ».

Такимъ образомъ, разобранная нами брошюра представляетъ нѣсколько новыхъ и любопытныхъ фактовъ для характеристики развода въ XVIII в. въ той мѣстности, которая съ этой стороны изученію еще не подвергалась; вмѣстѣ съ тѣмъ она даетъ дополнительный матеріалъ для исторіи семейныхъ отношеній въ Южной Россіи вообще, для исторіи, начало которой положено цѣнной статьей О. И. Левицкаго «О семейныхъ обычаяхъ въ Ю.-З. Руси» (Рус. Ст. 1880, Ноябрь).

Труды Л. Б. Вейнберга по исторіи Воронежскаго края [1]).

Труды г. Вейнберга, относятся къ примѣчательной въ историческомъ отношеніи мѣстности. «На поляхъ Воронежскаго края», справедливо говоритъ г. Вейнбергъ,—«въ продолженіе цѣлаго тысячелѣтія почти безпрерывно воевала Русь съ азіатцами, и когда эта борьба окончилась, и Воронежскій край былъ освобожденъ отъ дикихъ ордъ хищниковъ, край нашъ въ свою очередь достойнымъ образомъ отплатилъ своему отечеству за понесенныя ради него жертвы». Г. Вейнбергъ разумѣетъ здѣсь созданіе воронежскаго флота при Петрѣ Великомъ. Иначе говоря, судьбы Воронежскаго края представляютъ важную страницу въ исторіи колонизаціи Россіи. Страница эта имѣетъ для насъ тѣмъ большій интересъ, что здѣсь совмѣстно работали для дальнѣйшаго распространенія русской гражданственности двѣ вѣтви русскаго народа—великорусская и малорусская. Здѣсь такимъ образомъ мы можемъ наблюдать то же самое явленіе, которое имѣло мѣсто и въ Курской, и въ Харьковской губерніяхъ. Съ другой стороны, Воронежскій край р. Дономъ самымъ тѣснымъ образомъ связывается съ областью войска Донскаго, и потому исторія его уясняетъ намъ очень многое въ судьбѣ Донскаго казачества.

Между тѣмъ исторіи Воронежскаго края мы доселѣ не имѣемъ, конечно—потому, что для такого труда нѣтъ достаточнаго количества

[1]) Журн. Мин. Нар Просв. 1886, іюль.

матеріаловъ. Этимъ мы нисколько не хотимъ умалить значенія сборниковъ документовъ, изданныхъ гг. Второвымъ и Александровымъ-Дольникомъ (3 вып.), Де-Пуле (1 вып.) и Яворскимъ (1 вып.); они по достоинству были оцѣнены въ свое время, и мы вполнѣ присоединяемся къ этой оцѣнкѣ. Г. Вейнбергъ также заявляетъ, что до тѣхъ поръ пока не будутъ изданы всѣ архивные матеріалы, хранящіеся при Воронежскомъ статистическомъ комитетѣ, нельзя будетъ составить полную исторію Воронежскаго края. Не зная состава Воронежскаго архива, мы не беремся судить, на сколько правъ въ этомъ случаѣ г. Вейнбергъ; но не можемъ не замѣтить, что врядъ ли можно было бы написать полную исторію Воронежской украйны, не познакомившись предварительно съ громадными, неисчерпаемыми богатствами Московскаго архива министерства юстиціи; изъ книги Н. Н. Оглобина «Обозрѣніе историко-географическихъ матеріаловъ, XVII и начала XVIII вв., заключающихся въ книгахъ разряднаго приказа», а также изъ предисловія къ изданнымъ мною «Матеріаламъ для исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства», можно видѣть, что въ Московскомъ архивѣ министерства юстицій хранится не мало воронежскихъ актовъ, и притомъ такихъ, какихъ мы не найдемъ, по всей вѣроятности, въ упомянутомъ воронежскомъ архивѣ. Но мы все-таки полагаемъ, что достаточно полный историческій очеркъ можно составить и на основаніи однихъ воронежскихъ актовъ. Г. Вейнбергъ, какъ мы уже сказали, ставитъ себѣ скромную цѣль—дать краткій очеркъ исторіи Воронежскаго края для всѣхъ тѣхъ, кому дорога эта исторія, то-есть, преимущественно для нынѣшнихъ обитателей Воронежской губерніи,—цѣль очень почтенная и исполнена она будетъ, повидимому, очень удовлетворительно.

Историческій очеркъ г. Вейнберга обнимаетъ пока ту эпоху, относительно которой сохранилось очень мало данныхъ; онъ доведенъ только до воцаренія Михаила Ѳеодоровича, между тѣмъ какъ во всѣхъ данныхъ уже сборникахъ воронежскихъ актовъ документы начинаются только со времени Михаила Ѳеодоровича. Очеркъ состоитъ изъ трехъ главъ: въ 1-й говорится о судьбѣ Воронежскаго края съ древней поры до появленія въ немъ городовъ въ концѣ XVI в., а во 2-й и 3-й излагается исторія построенія города Воронежа и его судьбы въ связи съ исторіей края въ Смутную эпоху. 1-я глава начинается живо написаннымъ географическимъ очеркомъ края, къ сожалѣнію, отличающимся нѣсколько общимъ характеромъ; затѣмъ идетъ рѣчь о смѣнявшихъ другъ друга степнякахъ—хозарахъ, печенѣгахъ, половцахъ, татарахъ, вытѣснявшихъ постоянно славянское населеніе, которое все-таки здѣсь сохранялось; потомъ о донскихъ казакахъ и, наконецъ, о московскихъ сторожахъ и станицахъ въ пре-

дѣлахъ Воронежской украйны; таково содержаніе 1-й главы. Автору приходилось въ ней заниматься разрѣшеніемъ общихъ вопросовъ по русской исторіи и разбираться во множествѣ противорѣчивыхъ взглядовъ; не удивительно поэтому, что строгій критикъ можетъ представить цѣлый рядъ возраженій и замѣчаній на эту часть труда г. Вейнберга. Дѣло прежде всего въ томъ, что г. Вейнбергъ пользовался не источниками первой руки, а пособіями, и притомъ уже значительно устарѣлыми—Карамзинымъ и митрополитомъ Евгеніемъ. Г. Вейнбергъ говоритъ о давности пребыванія славянъ въ бассейнѣ р. Дона и пользуется только доказательствами, приводимыми проф. Ламанскимъ (въ его сочиненіи «О славянахъ въ Малой Азіи, Африкѣ и Испаніи»), между тѣмъ какъ много важныхъ соображеній объ этомъ было высказано въ сочиненіяхъ гг. Барсова, Голубовскаго, Бруна и др.; для вопроса о границахъ Рязанской земли въ татарскій періодъ можно было бы воспользоваться нѣкоторыми данными въ сочиненіяхъ Д. И. Иловайскаго «Исторія Рязанскаго княжества» и того же г. Голубовскаго «Печенѣги, торки и половцы». Страницы, посвященныя г. Вейнбергомъ вопросу о происхожденіи Донскаго казачества, представляются излишними, такъ какъ, во-первыхъ, онѣ мало относятся къ исторіи Воронежскаго края, а во-вторыхъ, основаны на очень сомнительныхъ данныхъ. Недаромъ самъ г. Вейнбергъ говоритъ, что «первая исторія казачества, и безъ того темная, превращается въ настоящій лабиринтъ, коль скоро коснемся въ разъ нѣсколькихъ источниковъ ея». Напрасно поэтому почтенный изслѣдователь направился въ этотъ лабиринтъ не имѣя въ своихъ рукахъ путеводной нити въ видѣ прямыхъ положительныхъ данныхъ, и принялъ чужія мнѣнія за источники первой руки. Послѣ приведенной нами цитаты г. Вейнбергъ говоритъ: «по одному изъ такихъ источниковъ казаки произошли отъ какого-то неизвѣстнаго намъ татарскаго племени»; ясно, что подъ источникомъ г. Вейнбергъ здѣсь разумѣетъ мнѣніе (см. стр. 23). Самъ г. Вейнбергъ не высказываетъ какого-либо новаго мнѣнія о происхожденіи казачества, а только объединяетъ нѣсколько прежнихъ; ядромъ казачества, по его словамъ, были разные тюркскіе народцы, обрусѣвшіе и принявшіе русское подданство; съ XIII в. оно увеличивается приливомъ бѣглецовъ изъ Руси; въ XV в. само правительство усиливаетъ его устройствомъ сторожъ и станицъ; но самый сильный приливъ населенія въ донскія степи относится къ XVI в., когда одновременно дѣйствовало нѣсколько такихъ причинъ, какъ прикрѣпленіе крестьянъ, присоединеніе малороссійскихъ казаковъ и кабардинскихъ черкесъ. Всѣ высказанныя здѣсь положенія нуждаются еще въ доказательствахъ, а иныя, какъ намъ думается, врядъ ли даже могутъ быть доказаны. Такъ, напримѣръ, врядъ ли можно допустить, чтобы съ XIII в.

населеніе уходило съ центровъ на окраины, а не наоборотъ; всѣ домыслы о разселеніи хазаръ и о построеніи ими городовъ въ придонскомъ краѣ не могутъ быть доказаны никакими древнѣйшими свидѣтельствами. Наконецъ, и извлеченіе изъ статьи покойнаго Бѣляева о сторожахъ и станицахъ имѣетъ только косвенное отношеніе къ исторіи Воронежскаго края, такъ какъ оно трактуетъ вообще о сторожевой и станичной службѣ и не заключаетъ въ себѣ прямыхъ данныхъ о разъѣздахъ въ Воронежской губерніи.

Совсѣмъ инымъ характеромъ отличаются 2-я и 3-я главы, въ особенности тѣ мѣста, въ которыхъ говорится о мѣстныхъ событіяхъ; авторъ привноситъ сюда кое-какой новый матеріалъ; таковы, напримѣръ, списки воронежскихъ воеводъ; здѣсь и соображенія его отличаются основательностью и заслуживаютъ полнаго вниманія; таково соображеніе о постройкѣ Успенскаго монастыря одновременно съ построеніемъ города Воронежа; таковы хорошо сгруппированныя данныя о подгородныхъ слободахъ, о занятіяхъ жителей, о характерѣ управленія, наконецъ, о сторожахъ и станицахъ; жаль только, что г. Вейнбергъ не попытался опредѣлить мѣсто положенія сторожъ на современной картѣ. Мы не можемъ, кромѣ того, признать тѣхъ подробностей о построеніи г. Воронежа, которыя по догадкамъ возстановляетъ г. Вейнбергъ; мы полагаемъ, что не воевода, поднимаясь вверхъ по рѣкѣ Воронежу, высматривалъ и выбралъ мѣсто, удобное для города, въ виду того, что «очаровательная, до сказочнаго, картина приковала его взоръ» (стр. 49), а сдѣлали такой выборъ спеціалисты городоваго дѣла, которые обыкновенно въ такихъ случаяхъ предварительно осматривали мѣстность и составляли чертежъ ея, отправляемый потомъ въ разрядъ; этотъ чертежъ и получалъ тотъ воевода, которому поручалась постройка новаго города; по большей части новый городъ строился тамъ, гдѣ прежде былъ стоялый острожокъ или сторожа. Не совсѣмъ ясными представляются намъ также соображенія г. Вейнберга о томъ, что Воронежъ въ 1590 г. былъ разрушенъ не малороссійскими казаками, а реестровыми, которыхъ онъ считаетъ литовскою конницею (стр. 74); г. Вейнбергъ говоритъ, что вольные малороссійскіе казаки не дѣлали нападеній на своихъ собратій, тоесть, великорусскихъ казаковъ; но мы могли бы привести множество фактовъ, противорѣчащихъ такому утвержденію; грабежами и опустошеніями занимались такъ называемые воровскіе малороссійскіе казаки; они-то, по всей вѣроятности, и разрушили Воронежъ; мы не знаемъ, почему реестровыхъ казаковъ г. Вейнбергъ называетъ литовскою конницей, когда они были малороссіяне. Въ то время Польша находилась въ мирѣ съ Москвою, и потому врядъ ли реестровые могли дѣлать нападенія на ея владѣнія: указанія г. Вейнберга на грамоту

Михаила Ѳеодоровича о вѣрности воронежскихъ черкасъ вовсе не идутъ сюда потому, что грамота эта относится къ тѣмъ малороссіянамъ, которые поселились въ Воронежѣ уже въ XVII в. Наконецъ, слишкомъ растянутымъ представляется намъ очеркъ исторіи Воронежскаго края въ Смутную эпоху, тѣмъ болѣе, что собственно о Воронежѣ и о его области въ немъ не говорится почти ничего, да и не могло быть сказано, ибо, по словамъ самого г. Вейнберга (стр. 93), положеніе Воронежскаго края съ 1598 г. по 1613 «покрыто мракомъ неизвѣстности». Вообще историческій очеркъ г. Вейнберга много выигралъ бы, еслибъ изъ него исключить страницы, трактующія о происхожденіи казачества и о Смутной эпохѣ. За то авторъ удачно выполняетъ свою задачу тамъ, гдѣ говоритъ о мѣстныхъ воронежскихъ событіяхъ на основаніи достовѣрныхъ источниковъ. Такимъ образомъ мы имѣемъ полное право надѣяться, что слѣдующіе выпуски того же историческаго очерка, относящіеся ко времени Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михайловича и ихъ преемниковъ, будутъ имѣть серьезное значеніе.

Но г. Вейнбергъ и теперь уже заслужилъ, какъ намъ кажется, признательность ученаго міра своимъ изданіемъ воронежскихъ актовъ. Убѣдившись на опытѣ въ недостаточности изданныхъ матеріаловъ, г. Вейнбергъ принялъ на себя чрезвычайно важный, но вмѣстѣ съ тѣмъ тяжелый трудъ—издать всѣ документы, хранящіеся при Воронежскомъ статистическомъ комитетѣ. Документы эти относятся къ XVII и XVIII вв. и состоятъ изъ царскихъ грамотъ, воеводскихъ отписокъ и т. д. Нѣкоторая часть ихъ была уже напечатана гг. Второвымъ и Александровымъ. Теперь г. Вейнбергъ рѣшился разобрать, привести въ порядокъ и напечатать всѣ остальные. Планъ изданія г. Вейнберга таковъ: сначала почтенный издатель рѣшилъ печатать всѣ документы въ Ворожескихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ безъ всякой системы, а потомъ уже вновь перепечатать ихъ отдѣльными книжками. Признаемся, мы не можемъ одобрить такой системы. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ въ другой разъ перепечатывать одни и тѣ же документы, когда можно было бы сдѣлать нѣсколько сотъ отдѣльныхъ оттисковъ изъ тѣхъ же вѣдомостей? Что издатель выигрываетъ отъ такой перепечатки? Онъ расположитъ ихъ въ хронологическомъ или другомъ какомъ-нибудь порядкѣ. Но въ такомъ случаѣ, почему было предварительно не распредѣлить всѣхъ или по крайней мѣрѣ извѣстной части документовъ по царствованіямъ? Наконецъ, это отсутствіе систематичности можетъ быть искуплено тѣми оглавленіями и указателями, которые будутъ помѣщены въ концѣ каждаго выпуска и всего изданія. Редакторъ неофиціальной части Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей А. А. Андріевскій спасъ для науки множество интересныхъ документовъ изъ архива Кіев-

скаго губернскаго правленія, напечатавъ ихъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ и сдѣлавъ затѣмъ отдѣльные оттиски, изъ которыхъ по настоящее время составилось уже 10 выпусковъ «Историческихъ матеріаловъ». Вообще мы болѣе склоняемся къ системѣ Де-Пуле, чѣмъ гг. Второва и Александрова: нельзя не одобрить принятой Де-Пуле и г. Андріевскимъ системы изданія нѣкоторыхъ документовъ въ извлеченіяхъ или своими словами; къ чему въ самомъ дѣлѣ печатать множество документовъ совершенно однороднаго содержанія, когда можно ограничиться только указаніемъ на существованіе ихъ.

Перейдемъ теперь къ обозрѣнію самыхъ документовъ. Въ 6 вышедшихъ до сихъ поръ выпускахъ напечатано 257 документовъ; почти всѣ напечатанные матеріалы относятся ко второй половинѣ XVII и первой половинѣ XVIII в., то-есть, къ царствованіямъ Алексѣя Михайловича, Ѳеодора, Іоанна и Петра Алексѣевичей; къ царствованію Михаила Ѳеодоровича—всего нѣсколько актовъ. Почти всѣ матеріалы извлечены изъ архива Воронежскаго статистическаго комитета, за исключеніемъ нѣсколькихъ документовъ, хранившихся при Бѣлоколодской сельской церкви; откуда взяты выдѣленные въ особую группу острогожскіе документы—издатель не говоритъ; по всей вѣроятности, изъ бывшаго острогожскаго уѣзднаго суда.

Громадное большинство документовъ составляютъ грамоты и указы центральнаго правительства къ воронежскимъ воеводамъ и отписки этихъ послѣднихъ о самыхъ разнообразныхъ мѣстныхъ дѣлахъ и событіяхъ. Очень многіе документы относятся не къ Воронежской, а сосѣднимъ областямъ, преимущественно къ Азову и землѣ войска Донскаго; въ другихъ содержатся данныя объ отношеніяхъ турокъ и татаръ къ Воронежской украйнѣ, напримѣръ, документы подъ №№ XXIV, C, CXIX, CLXX, CCXXIII, заключающіе въ себѣ свѣдѣнія о нападеніяхъ татаръ, объ отправленіи русскихъ посланниковъ въ Турцію; нужно впрочемъ замѣтить, что общее число ихъ весьма незначительно сравнительно съ тѣмъ, какое было помѣщено въ прежнихъ воронежскихъ сборникахъ. Но за то въ новомъ изданіи мы находимъ множество всевозможныхъ данныхъ, относящихся къ внутреннему быту Воронежскаго края. На основаніи отрывочныхъ отдѣльныхъ указаній можно составить довольно ясное представленіе о соціальномъ и экономическомъ положеніи важнѣйшихъ сословныхъ группъ мѣстнаго населенія—разныхъ видовъ служилаго класса, составлявшаго самую многочисленную общественную группу, посадскихъ людей, не особенно многочисленныхъ, крестьянъ съ бобылями и наконецъ духовенства; особенною подробностью и обстоятельностью отличаются свѣдѣнія о натуральныхъ повинностяхъ, лежавшихъ на украинномъ населеніи: сюда от-

носятся документы о такъ-называемомъ донскомъ отпускѣ, то-есть, снаряженіе судовъ и отправкѣ на нихъ всякихъ запасовъ въ Азовъ по рѣкѣ Донцу (№ XXVIII), о сборѣ хлѣбныхъ и всякихъ другихъ запасовъ, денегъ и т. п.; особое и притомъ очень важное мѣсто занимаютъ документы о постройкѣ флота на Воронежской верфи при Петрѣ Великомъ и о кумпанствахъ (см. №№ CIII, CXI, CVIII и другіе). Весьма скуденъ, но за то интересенъ отдѣлъ матеріаловъ, касающихся важнѣйшей повинности украиннаго населенія—воинской; особенно характерны здѣсь просьбы вдовъ служилыхъ людей, мужья которыхъ были убиты въ сраженіяхъ, о выдачѣ имъ государева жалованья для постриженія въ монахини (№ CCVII). Второй отдѣлъ—по исторіи управленія—менѣе обширенъ, но за то содержитъ въ себѣ все-таки небезынтересныя данныя о воеводскомъ и приказномъ управленіи; здѣсь мы найдемъ кое-какія отрывочныя данныя о предѣлахъ воеводской власти, о злоупотребленіяхъ приказныхъ (№ XIV) и т. п. Къ третьему отдѣлу мы относимъ документы по исторіи землевладѣнія—помѣстной системы, таковы выписи съ «отдѣльныхъ» и «отказныхъ» книгъ Бѣлоколодскаго уѣзда (№ CXLVI) и нѣкоторые другіе (№№ CCV, CCVI, CCXXV, CCXXIX, CCXXX, CCL).

Матеріалъ, заключающійся въ воронежскихъ актахъ, носитъ отрывочный характеръ, и потому его не легко систематизировать; кромѣ перечисленныхъ выше разрядовъ актовъ, есть еще и другіе документы, которые заключаютъ въ себѣ данныя о почтахъ (№№ CCXV, CCXXXIX, CCXLIII) и т. д.).

Таковы отрывочные, но довольно разнообразные матеріалы, относящіеся къ быту великорусскихъ поселенцевъ Воронежской губерніи. Можно пожалѣть только о томъ, что всѣ изданные доселѣ выпуски не заключаютъ въ себѣ почти никакихъ матеріаловъ для исторіи великорусской колонизаціи края. Сюда относятся лишь нѣсколько документовъ о ссылкѣ преступниковъ въ Воронежъ и Азовъ на житье и документъ подъ № CCLV, содержащій въ себѣ перечень селеній и становъ Воронежскаго уѣзда. Было бы очень жаль, еслибъ и для послѣдующихъ выпусковъ издателю не удалось добыть историко-географическихъ матеріаловъ по Воронежскому краю. Трудно допустить, чтобъ именно эти матеріалы погибли безслѣдно; во всякомъ случаѣ мы имѣемъ одно вѣское указаніе на существованіе ихъ въ сравнительно еще недавнее время. Въ Запискахъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, кн. XII за 1857 г., была напечатана большая статья г. Германова «Постепенное распространеніе однодворческаго населенія въ Воронежской губерніи». Въ ней на основаніи разныхъ архивныхъ матеріаловъ авторъ разсказываетъ исторію основанія всѣхъ городовъ и множества селеній Воронежской губерніи,

обязанныхъ своимъ происхожденіемъ именно великорусской однодворческой колонизаціи. Къ сожалѣнію, г. Германовъ не только не дѣлаетъ ссылокъ на бывшіе въ его распоряженіи матеріалы, но не даетъ и самой общей характеристики ихъ, такъ что нельзя составить себѣ ни малѣйшаго представленія о нихъ. А между тѣмъ г. Германовъ приводитъ иногда весьма интересныя выдержки изъ офиціальныхъ актовъ (напримѣръ, на стр. 220—о количествѣ однодворческаго населенія въ Воронежскомъ уѣздѣ въ 1746 г.).

Малорусское населеніе Воронежской губерніи также было предметомъ вниманія изслѣдователя; оно, какъ извѣстно, по количеству своему равняется великорусскому и занимаетъ южную часть губерніи—уѣзды Богучарскій, Павловскій, Острогожскій, Бирюченскій, Валуйскій и часть Бобровскаго и Новохоперскаго. Большая часть малороссіянъ пришла сюда уже въ самомъ концѣ XVIII вѣка, но многіе явились почти одновременно съ русскими служилыми людьми; во второй половинѣ XVII в. здѣшнее малорусское населеніе составило изъ себя такъ-называемый Острогожскій слободской казачій полкъ, который входилъ въ составъ Слободской украйны и управлялся полковникомъ, жившимъ въ Острогожскѣ. Объ этомъ-то Острогожскомъ полкѣ мы находимъ цѣлую серію (39) документовъ въ V выпускѣ «Матеріаловъ» г. Вейнберга. Самые ранніе изъ нихъ относятся къ 1652 году: грамота подъ № CLXXXI говоритъ о выдачѣ хлѣбнаго жалованья тѣмъ черкасамъ, которые недавно пріѣхали на государеву службу въ Острогожскъ; другая № CLXXX о высылкѣ въ только что построенный Острогожскій острогъ изъ казны пищалей и ядеръ. Русское правительство въ началѣ обезпечивало малороссіянъ-переселенцевъ средствами пропитанія; впослѣдствіи же черкасы уже не брали хлѣбнаго и денежнаго жалованья, а вмѣсто него получили право безпошлинно и безоброчно промышлять всякими промыслами, держать винокурни и торговать виномъ въ шинкахъ. Это была весьма важная льгота, если мы припомнимъ, что таможенные сборы и оброки на промыслы и угодья ложились очень тяжкимъ бременемъ на великорусскихъ поселенцевъ Воронежской украйны. Вѣроятно, вслѣдствіе того представители мѣстнаго воронежскаго приказнаго управленія, воеводы, вопреки прямому смыслу жалованныхъ государевыхъ грамотъ, постоянно нарушали эти права черкасъ и собирали съ нихъ разные сборы наравнѣ съ русскими служилыми людьми; отсюда постоянныя жалобы черкасъ и просьбы о подтвержденіи жалованной грамоты (см. №№ CLII, CLX, CLXIX, CLXXIII, CLXXIV, CLXXV, CLXXVII, и CLXXXV). Земли черкасъ въ Воронежской области лежали въ близкомъ сосѣдствѣ, а иногда даже были смежны съ землями русскихъ служилыхъ людей; неудивительно такимъ образомъ, что могли

возникать иногда пререканія изъ-за границъ земельныхъ дачъ и угодій; образчики такихъ пререканій представляютъ грамоты подъ №№ CLIV, CLXI, CLXII, сюда же нужно причислить и грамоту № CLXXXII, въ которой извѣстный святитель Митрофанъ Воронежскій жалуется на неправильныя дѣйствія Коротоящкаго и Ольшанскаго воеводъ по межеванію. Въ свою очередь и воеводы не оставались въ долгу и выступали съ жалобами на острогожскихъ полковниковъ; такъ, напримѣръ, острогожскій воевода Иванъ Іевлевъ жаловался царю Ѳеодору Алексѣевичу на полковника Ивана Сасова за то, что тотъ вписывалъ въ казацкій компутъ русскихъ служилыхъ людей, которыхъ и безъ того въ Острогожскѣ было очень мало, а между тѣмъ на нихъ лежали многочисленныя повинности (№ CLXVI). Но жалоба эта, какъ кажется, не достигла своей цѣли: по крайней мѣрѣ два года спустя былъ полученъ указъ, чтобъ острогожскій полковникъ завѣдывалъ отселѣ и русскими служилыми людьми (№ CLXXII). Другіе документы содержатъ въ себѣ важныя и любопытныя данныя, характеризующія внутреннюю сторону жизни великорусскаго и малорусскаго населенія Острогожскаго полка, его военную службу и землевладѣніе; таковы три отписки курскаго воеводы къ острогожскому полковнику о сборѣ и высылкѣ русскихъ ратныхъ людей въ Курскъ (№ CLV) и къ острогожскому воеводѣ о принятіи мѣръ предосторожности для защиты новой черты служилыми людьми (№№ CLXX и CLXXI); такова память Бѣлгородскаго воеводы острогожскому полковнику Куколеву объ охраненіи подвѣдомственныхъ ему городовъ отъ татарскихъ нападеній (№ CLXXXVIII); такова челобитная острогожскихъ казаковъ объ отводѣ имъ участка земли, лежащей впустѣ (№ CLXIII). Не называемъ еще нѣкоторыхъ другихъ документовъ, потому что они были уже нѣкогда напечатаны (именно въ 1-мъ выпускѣ Воронежскихъ актовъ гг. Второва и Александрова); таковы №№ CLXXXVII, CLXXXVII, CLXXXIX, CLXXXIV новаго сборника. Собственно говоря, мы не знаемъ, зачѣмъ перепечатаны эти документы, если, какъ говоритъ г. Вейнбергъ, изданіе гг. Второва и Александрова сдѣлалось теперь библіографическою рѣдкостью, въ такомъ случаѣ, можетъ быть, слѣдовало бы перепечатать и многіе другіе если не всѣ, помѣщенные въ немъ документы [1]).

---

[1]) Весьма интересно было бы знать, исчерпываются ли острогожскіе документы тѣми, которые напечатаны въ V выпускахъ. Судя по тѣмъ выдержкамъ, которые приведены были изъ документовъ острогожскаго уѣзднаго суда г. Головинскимъ, можно полагать, что тамъ было ихъ очень много; разборкой ихъ, какъ извѣстно, началъ свое архивное поприще и покойный Н. И. Костомаровъ.

Біографіи и некрологи Харьковскихъ научно-литературныхъ дѣятелей.

Иванъ Аѳанасьевичъ Переверзевъ. [1])

Иванъ Аѳанасьевичъ Переверзевъ, писатель, получилъ образованіе въ Харьковскомъ коллегіумѣ, а затѣмъ былъ назначенъ учителемъ Воронежской семинаріи, гдѣ оставался до 1780 года; оттуда онъ опять возвратился въ Харьковъ и былъ, наконецъ, директоромъ Харьковскаго народнаго училища (преобразованнаго впослѣдствіи въ 1-ю гимназію); скончался онъ въ Харьковѣ въ 1794. Такія біографическія свѣдѣнія сообщаетъ о немъ митр. Евгеній. Онъ же приписываетъ ему два сочиненія: 1) „Топографическое описаніе Харьковскаго намѣстничества". М. 1788 и 2) „Краткія правила россійскаго правописанія для употребленія малороссіянъ по свойству украинскаго діалекта", М. 1788. Первое сочиненіе представляетъ весьма цѣнный матеріалъ и по своему характеру близко подходитъ къ извѣстному труду Шафонскаго („Топографическому описанію Черниговскаго намѣстничества"). По характеру источниковъ, оно дѣлится на двѣ части: историческое введеніе (отъ 1-й до 25-й стр.) и главная часть, содержащая въ себѣ подробное, всестороннее географическое и статистическое описаніе нынѣшней Харьковской губ. въ концѣ прошлаго вѣка; 1-я часть не имѣетъ теперь никакого значенія, 2-я же и въ настоящее время является драгоцѣннымъ собраніемъ историко-географическихъ матеріаловъ о Харьковскомъ краѣ, почерпнутыхъ, несомнѣнно, изъ оффиціальныхъ сферъ. Замѣтимъ кстати, что оно почти цѣликомъ было перепечатано (безъ указанія источника) въ „Новомъ и Полномъ Географическомъ Словарѣ", изданномъ въ 1789 г. въ Москвѣ; тамъ, въ VI-й части, на стр, 107—174, подъ словомъ Харьковъ, помѣщено то, что относится къ г. Харькову и Харьковскому намѣстничеству; въ другихъ мѣстахъ перепечатаны свѣдѣнія объ остальныхъ городахъ. Съ большою долею вѣроятности можно предположить, что въ основу этого сочиненія положено не дошедшее до насъ подроб-

[1]) Русскій Біогр. Словарь.

ное статистическое описаніе Харьковскаго намѣстничества оффиціальнаго происхожденія (1785 года). 1-е изданіе „Топографическаго Описанія“ вышло въ Москвѣ, въ 1788 г.; второй разъ оно было перепечатано въ особомъ прибавленіи къ газетѣ „Харьковъ“ за 1865 г.; 3-е изданіе напечатано мною въ 1888 г. (ровно черезъ 100 лѣтъ послѣ перваго) въ „Харьковскомъ Сборникѣ“ на 1888 годъ (было и небольшое количество отдѣльныхъ оттисковъ). Митр. Евгеній не сомнѣвался въ принадлежности Переверзеву даннаго сочиненія: онъ категорически говоритъ объ этомъ, хотя и не указываетъ источника своего извѣстія. Мнѣніе митр. Евгенія было принято и нѣкоторыми мѣстными харьковскими изслѣдователями (проф. Сокальскимъ, Ефименкомъ). Но въ 1886 г. (въ мартовской книжкѣ „Кіевской Старины“) появилась замѣтка Н. И. Черняева, который, ссылаясь на „Вѣдомость московскаго цензора—игумена Моисея“, разрѣшившаго къ печати рукопись „Топографическое описаніе Харьковскаго намѣстничества“, капитана Загоровскаго, прямо заявляетъ, что авторомъ ея былъ не Переверзевъ, а Загоровскій. Въ предписаніи къ изданію „Топографическое Описаніе“ я хотя и склонялся къ мнѣнію Н. И. Черняева, но съ большими колебаніями. Вопросъ объ авторѣ „Топографическаго Описанія“—говорилъ я,—можно считать *формально* разрѣшеннымъ. Но остается все-таки много неяснаго въ этомъ дѣлѣ: каково было отношеніе къ Харьковскому краю Загоровскаго? Откуда онъ почерпнулъ свои любопытныя свѣдѣнія? Правда, изъ „XVIII-го вѣка“ Бартенева мы узнаемъ, что Загоровскій написалъ еще 3 сочиненія, но это свѣдѣніе не разъясняетъ намъ нашихъ недоумѣній (ибо они по своему содержанію не имѣютъ ни малѣйшей связи съ интересующими насъ). Остается также неизвѣстнымъ источникъ грубой ошибки митр. Евгенія. Возможно предположеніе, что Загоровскій принялъ на себя авторство передъ цензоромъ; могло быть и такъ, что фактическій матеріалъ Загоровскому доставилъ Переверзевъ; а тотъ только придалъ ему литературную обработку“. Теперь послѣ замѣтки, напечатанной по этому вопросу, въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ (1888 г., августъ), я еще болѣе склоняюсь къ мысли, что дѣйствительнымъ составителемъ этой книги былъ не Загоровскій, а Переверзевъ, которому доступны были оффиціальные источники, положенные въ основу настоящаго труда. Авторъ „Топографическаго Описанія“, какъ видно изъ текста книги, былъ великороссіянинъ, но хорошо знавшій и любившій малороссіянъ; этому условію болѣе удовлетворяетъ Переверзевъ, чѣмъ Загоровскій; второе сочиненіе Переверзева также указываетъ на то, что это былъ великороссъ, долго жившій въ Малороссіи и хорошо ознакомившійся съ малорусскимъ языкомъ.

Виталій Кузьмичъ Пашковъ. [1])

Виталій Кузьмичъ Пашковъ, харьковскій писатель, родился 18-го февраля 1824 года въ Обоянскомъ уѣздѣ Курской губ., гдѣ поселился временно его отецъ—отставной раненый маіоръ Кузьма Васильевичъ; умеръ въ Харьковѣ 9-го октября 1885 г. Черезъ два или три года послѣ рожденія В. К. семейство Пашковыхъ переселилось въ родовое свое имѣніе,—въ Изюмскій уѣздъ Харьковской губ. Здѣсь въ Украйнѣ, выросъ и получилъ домашнее воспитаніе живой и способный мальчикъ. Каково было дѣтство Пашкова, объ этомъ онъ разсказываетъ самъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ". Изъ впечатлѣній дѣтства онъ вынесъ любовь къ природѣ и страсть къ охотѣ; отъ тѣхъ же впечатлѣній, быть можетъ, сохранилась въ немъ душевная чистота, расположеніе къ людямъ и доброта—качества, которыми отличался и всегда привлекалъ къ себѣ покойный. Смолоду полюбилъ онъ также музыку, обзавелся скрипкой и, по мнѣнію товарищей, былъ недурнымъ исполнителемъ и страстнымъ поклонникомъ Вьетана.

Выросши въ зажиточной семьѣ, не чуждой образованія и умственныхъ интересовъ, но не получивъ правильной школьной подготовки въ дѣтствѣ, П. пополнилъ этотъ пробѣлъ, какъ только представился къ тому случай: онъ сталъ готовиться къ поступленію въ Харьковскій университетъ, куда и выдержалъ экзаменъ. Объ университетской своей жизни Пашковъ самъ разсказываетъ очень подробно въ своихъ запискахъ.

Службу свою В. К. Пашковъ началъ въ Харьковѣ въ мѣстной Палатѣ Гражданскаго Суда, куда поступилъ 23-го декабря 1847 года; здѣсь онъ пробылъ полтора года; затѣмъ около двухъ лѣтъ прожилъ въ Петербургѣ, состоя канцелярскимъ чиновникомъ Палаты Уголовнаго Суда (съ 11-го апрѣля 1852 г.), а въ 1854 уволился отъ службы и снова переѣхалъ въ Харьковъ, гдѣ около двухъ лѣтъ прослужилъ въ Конторѣ Государственнаго коммерческаго банка. Въ 1856 г. онъ окончательно оставилъ службу, поселился въ своей деревнѣ, женился и сталъ заниматься хозяйствомъ. Впослѣдствіи, когда дѣти подросли и потребовалось дать имъ образованіе, а доходы съ имѣнія не увеличивались, онъ продалъ свою „батькивщину", купилъ на вырученныя деньги въ Харьковѣ домъ и жилъ здѣсь съ семьей; ограниченный кружокъ знакомыхъ, заботы о воспитаніи дѣтей, занятія музыкой и литературой наполняли съ тѣхъ поръ его жизнь. Ближайшими друзьями П. въ это время были бывшій предводитель дворянства Зеньковскаго уѣзда (Полт. губ.) товарищъ по Нѣжинскому лицею Н. В. Гоголя, Т. Г. Пащенко и извѣстный

[1]) Русскій Біогр. Словарь.

харьковскій поэтъ Я. И. Щоголевъ; ихъ соединяла общая страсть—любовь къ музыкѣ: Т. Г. Пащенко, подобно Пашкову, игралъ на скрипкѣ, а у Щоголева всѣ дѣти получили прекрасное музыкальное образованіе и артистически играли на скрипкѣ (сынъ) и арфѣ (дочь). Пашковъ имѣлъ небольшой репертуаръ давно разученныхъ пьесъ, которыя постоянно и игралъ. Къ несчастью, слухъ у него былъ слишкомъ плохой, и это его очень мучило, но за игрой на скрипкѣ онъ забывалъ все на свѣтѣ.

Онъ былъ чуждъ какой бы то ни было общественной дѣятельности: его не занимали ни сословныя собранія, ни служба, ни борьба партій; это была жизнь однообразная, безъ всякихъ выдающихся событій, ровная, спокойная и независимая. На горькія событія общественной жизни онъ смотрѣлъ, какъ на временное зло, представляя себѣ будущее въ розовомъ свѣтѣ, и былъ оптимистомъ въ полномъ смыслѣ этого слова: перенося лично и зачастую суровыя невзгоды судьбы, онъ рѣдко жаловался на нихъ.

Память у него была громадная. Малѣйшія событія самаго далекаго прошлаго рисовались передъ его глазами, какъ происшествія вчерашняго дня. Оттого въ нѣсколькихъ дружескихъ кружкахъ, гдѣ онъ бывалъ какъ свой, онъ былъ незамѣнимый собесѣдникъ и—что весьма характерно—всякому возрасту ровесникъ: могъ заговорить всякаго—ребенка, юношу и старика.

Для довершенія характеристики В. К. Пашкова должно еще замѣтить, что онъ былъ образцовый семьянинъ; особенныя надежды возлагалъ онъ на старшаго сына Евгенія, который былъ уже на второмъ курсѣ въ университетѣ (21 года), и вдругъ этотъ сынъ застрѣлился Кончина этого юноши была скорбнымъ, роковымъ часомъ для отца и повліяла самымъ удручающимъ образомъ на его душевное состояніе: въ церкви на похоронахъ онъ былъ очень страненъ; въ такомъ же угнетенномъ настроеніи находился онъ и въ слѣдующіе дни: началъ просить, чтобы связали ему руки, говоря, что неодолимая сила влечетъ его къ самоубійству. Отчаяніе его было такъ велико, что онъ не совладалъ съ собою. 9-го октября 1885 года, черезъ двѣ недѣли по смерти сына, онъ тайно ушелъ изъ дому, купилъ револьверъ, выѣхалъ за городъ и застрѣлился.

В. К. Пашковъ усердно занимался литературой: ему принадлежитъ цѣлый рядъ небольшихъ разсказовъ, почти исключительно изъ старинаго мѣстнаго харьковскаго быта. Хотя онъ и не былъ по происхожденію малороссомъ, но, живя съ трехлѣтняго возраста на лонѣ украинской природы, въ живописномъ Изюмскомъ уѣздѣ, гдѣ протекалъ Донецъ и находились знаменитыя Святыя горы, среди малороссіянъ—крестьянъ

и помѣщиковъ, онъ прекрасно изучилъ мѣстный стародавній бытъ и его особенности, а обширная память помогла ему по истеченіи многихъ лѣтъ возстановить былое. Статьи В. К. Пашкова печатались большею частью въ мѣстныхъ газетахъ. Вотъ возможно полный перечень ихъ составленный, главнымъ образомъ, по реестру самого автора:

Статьи, напечатанныя въ «Харьк. Губ. Вѣдомостяхъ»: „Изъ воспоминаній о Дм. Ив. Качеповскомъ“ (1873 г., № 7); „Нѣсколько словъ о харьковскихъ рѣчкахъ“ (1874 г , № 109); „Изъ прошлаго здѣшняго края“ (1876 г., №№ 1—8, 10, 12, 14, 16—19, 21—25); „Нѣсколько словъ къ исторической памяти о юго-западныхъ славянахъ“ (1876 г., № 185). Статьи, напечатанныя въ газетѣ „Харьковъ“: „Воспоминанія студента 1840-хъ годовъ“ (1877 г., № 30 и прибавленіе къ 30-му номеру); „Г. Славянскъ въ сороковыхъ годахъ“ (1878 г., N 242, 246 и 1879 г., № 423 и 424); „Черногорецъ М. Г. Средоновичъ“ (1878 г. № 176); „Для сельскихъ хозяевъ“ (1879 г., № 309); „Объ экзаменѣ въ Харьковскомъ музыкальномъ обществѣ“ (1880 г., № 619) и нѣкотор. др. Статьи, напечатанныя въ газетѣ „Южный Край“: „Харьковъ въ концѣ 30-хъ и 40-хъ годовъ“ (1881 г., № 269, 276 и 296); „Михайловская площадь въ сентябрѣ 1843 года“ (1883 г., № 744);„ О Куликовскомъ“ (1883 г., № 931); „Императоръ Николай Павловичъ въ Харьковскомъ университетѣ и на маневрахъ въ Чугуевѣ“ (1884 г., № 1244); „Избіеніе турокъ въ Валкахъ въ 1812 году“ (1884 г., № 1275); „Воспоминаніе о Святыхъ горахъ“ (1884 г., № 1315 и 1318); „Сцены изъ далекаго прошлаго (1884 г., № 1327); „Страшная встрѣча“ (1884 г., № 1356); „Разсказъ капитана А. В. Пашкова о бунтѣ поселянъ въ новгородскомъ военномъ поселеніи въ 1831 году“ (1885 г., № 1385); „Замѣчательный оригиналъ“ (1885 г., № 1420 и 1425). Статьи, напечатанныя въ газетѣ „Берегъ“: „Разсказъ кавказскаго ветерана объ А. С. Пушкинѣ“ (1880 г., № 97); „Черты изъ жизни Гоголя“ (1880 г., № 268). Кромѣ того, многія статьи П. остались ненапечатанными.

Наконецъ, сохранились двѣ печатныя брошюры Пашкова—его оригинальныя басни: „Споръ рояли со скрипкой“, „Баснописецъ и басни“ и „Двѣ кумы“, не представляющія, впрочемъ, интереса въ литературномъ отношеніи.

Среди всѣхъ сочиненій П. первое мѣсто, несомнѣнно, принадлежитъ воспоминаніямъ его о прошломъ Харьковскаго края, о Харьковскомъ университетѣ, о гор. Харьковѣ, Чугуевѣ, Славянскѣ и Святыхъ горахъ въ сороковыхъ годахъ XIX вѣка. Желательно было бы всѣ эти статьи перепечатать, такъ какъ въ нихъ заключается весьма цѣнный

матеріалъ для мѣстной исторіи. Къ сожалѣнію, одна рукопись—„Воспоминанія о Харьковскомъ университетѣ“—затерялась въ редакціи журнала „Кіевская Старина“ при редакторѣ Лашкевичѣ.

Помѣщенныя здѣсь біографическія данныя обязательно доставлены были двумя друзьями покойнаго Пашкова—библіотекаремъ харьковскаго университета Я. О. Бялянымъ и извѣстнымъ харьковскимъ поэтомъ Я. И. Щоголевымъ; первый былъ товарищемъ нашего автора по Университету и оставался хорошимъ знакомымъ до самой его смерти; второй сдѣлался другомъ Пашкова уже въ преклонныхъ его лѣтахъ.

Амфіанъ Степановичъ Лебедевъ.[1])

Ординарный профессоръ церковной исторіи, деканъ историко-филологическаго факультета, 25 лѣтъ съ пользою и честью служащій Харьковскому университету въ качествѣ преподавателя по такой каѳедрѣ, по какой самъ университетъ не выпускаетъ спеціалистовъ, Амфіанъ Степановичъ не имѣетъ высшей ученой степени доктора и состоитъ (и теперь, какъ 38 лѣтъ тому назадъ) магистромъ богословія. Конечно, это только объясняется тѣмъ исключительнымъ положеніемъ, въ какомъ находится университетскій преподаватель этого предмета: онъ не можетъ искать степени доктора церковной исторіи въ университетѣ по той простой причинѣ, что таковой вовсе и не полагается по уставу. Но уже 25 лѣтъ тому назадъ, Совѣтъ Харьковскаго университета избралъ его профессоромъ во вниманіе къ его тогдашнимъ ученымъ трудамъ [2]). Теперь же эта ученая степень должна явиться актомъ простой справедливости университета къ его достойнѣйшему представителю. Амфіанъ Степановичъ, и послѣ избранія своего на должность профессора, не переставалъ работать по своей спеціальности и напечаталъ цѣлый рядъ изслѣдованій и матеріаловъ, которые въ совокупности своей даютъ ему полное право на полученіе докторской степени по предмету *русской исторіи*. Возбуждая вопросъ о дарованіи профессору церковной исторіи степени доктора *русской исторіи*, мы не дѣлаемъ въ данномъ случаѣ ни малѣйшей натяжки, ибо руководствуемся не однимъ отсутствіемъ докторской степени по исторіи церкви, не одною близостью этихъ науч-

[1]) Составленная мною записка объ ученыхъ трудахъ А. С., представленная въ 1894 г въ историко-филологическій факультетъ съ ходатайствомъ о дарованіи ему степени почетнаго доктора русской исторіи (не была напечатана).

[2]) Перечень ихъ см. въ «Ист. Моск. Дух. Академіи» Смирнова. М. 1879 года стр. 504—506.

ныхъ дисциплинъ (въ сущности вся исторія русской церкви составляетъ только отдѣлъ русской исторіи), но и самимъ характеромъ ученыхъ трудовъ Амфіана Степановича, составляющихъ полезный вкладъ въ сокровищницу русской исторіи.

Дѣлая общую оцѣнку этихъ трудовъ, мы прежде всего должны отмѣтить самую главную ихъ особенность—всѣ они основаны на первоисточникахъ, самолично извлеченныхъ авторомъ изъ архивныхъ хранилищъ, и относятся по большей части къ территоріи нашего края. Крупная заслуга Амфіана Степановича заключается въ томъ, что онъ первый обратилъ вниманіе и *спасъ* для науки архивныя богатства Курскаго Знаменскаго и Бѣлгородскаго Николаевскаго монастырей; слово *спасъ* нужно понимать въ буквальномъ смыслѣ, потому что мы имѣемъ изъ этихъ архивовъ только то, что извлечено было изъ нихъ въ свое время Амфіаномъ Степановичемъ; затѣмъ Амфіанъ Степановичъ производилъ архивныя поиски въ Харьковскихъ церковно-монастырскихъ хранилищахъ. Такимъ образомъ, онъ по справедливости долженъ быть названъ продолжателемъ преосв. Филарета Харьковскаго въ его изслѣдованіяхъ мѣстной церковно-исторической жизни. Извлеченныя изъ архивовъ данныя помогли ему возстановить передъ нами многія важныя стороны внутренняго быта духовенства бывш. Бѣлгородской епархіи. Особенно цѣнными являются его изслѣдованія по исторіи просвѣщенія. Здѣсь на первомъ планѣ мы ставимъ прекрасное, вполнѣ самостоятельное, изобилующее новыми и важными данными и выводами изслѣдованіе «*Харьковскій Коллегіумъ, какъ просвѣтительный центръ Слободской украины до учрежденія въ Харьковѣ университета*» (въ Чтеніяхъ Моск. Общ. за 1886 годъ [1]) и отдѣльно); оно можетъ быть разсматриваемо, какъ введеніе въ исторію Харьковскаго университета; почва для этого послѣдняго въ значительной степени была подготовлена просвѣтительною дѣятельностью Коллегіума, который не представлялъ изъ себя исключительно духовной школы, а былъ общесословнымъ и притомъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ въ краѣ. Спеціальное отношеніе къ исторіи Харьковскаго университета имѣетъ біографія проф. Дегурова, напечатанная Амфіаномъ Степановичемъ въ журналѣ «Вѣстникъ Европы» (1876 г. мартъ). Необходимымъ дополненіемъ къ исторіи Харьковскаго Коллегіума является рефератъ автора «*О духовныхъ школахъ въ предѣлахъ б. Бѣлгородской епархіи*», печатаемый нынѣ на страницахъ «Сборника Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества». Важныя данныя для

[1]) За что и выбранъ былъ въ дѣйствительные члены этого старѣйшаго въ Россіи общества.

исторіи внутренняго монастырскаго быта заключаются въ слѣдующихъ работахъ, изданныхъ авторомъ: 1) «*Вотчинный бытъ монастырей Курско-Знаменскаго и Бѣлгородскаго Николаевскаго по архивнымъ документамъ*». Это большое собраніе документовъ, снабженное ученымъ предисловіемъ собирателя, предисловіемъ, въ которомъ сдѣлана характеристика хозяйственнаго быта монастырей по матеріаламъ, открытымъ самимъ авторомъ; 2) Сюда же по характеру своему примыкаютъ и архивные матеріалы, напечатанные Амфіаномъ Степановичемъ въ Чтеніяхъ Моск. Общ. за 1884 годъ. Бытъ и нравы духовной среды ярко рисуютъ его статьи: 1) «*О брачныхъ разводахъ, по архивнымъ документамъ Харьковской и Курской духовныхъ семинарій*» (въ Чтеніяхъ Моск. Общ. за 1887 годъ); 2) «*О борьбѣ духовныхъ властей въ б. епархіи Бѣлгородской съ суевѣріями*» (по документамъ тѣхъ же архивовъ) (Кіевская Старина, 1890 г. Январь) и 3) «*О примѣненіи наказаній въ средѣ духовенства Бѣлгородской епархіи въ XVIII в.*» (Рус. Старина, 1892 годъ).

Наконецъ, говоря о болѣе выдающихся его работахъ по мѣстной исторіи, нельзя не отмѣтить и брошюры «*Духоборцы въ Слободской Украинѣ*».

Не останавливаемся на другихъ болѣе мелкихъ статьяхъ. Всѣ эти работы отличаются строго документальнымъ характеромъ, который тѣмъ болѣе здѣсь умѣстенъ, что автору приходилось подъ часъ касаться довольно щекотливыхъ вопросовъ. Авторъ не закрываетъ глазъ передъ отрицательными явленіями нашего прошлаго, разъ ему вѣско говорятъ объ этомъ несомнѣнныя данныя, но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ съ любовью останавливается и на свѣтлыхъ сторонахъ жизни (напримѣръ, просвѣщеніи). Амфіанъ Степановичъ скупъ на комментаріи: у него по большей части говорятъ за себя сами факты; тѣмъ не менѣе работы его читаются съ глубокимъ интересомъ. И это потому, что открытые имъ документы въ высшей степени характерны; очевидно, онъ бралъ не все, что попадалось подъ руку, а только то, что представляло дѣйствительный интересъ.

Въ заключеніе мы только замѣтимъ еще, что Императорская Академія Наукъ недавно поручила Амфіану Степановичу разобрать сочиненіе, представленное на соисканіе одной изъ Академическихъ премій— ясное свидѣтельство, что его ученый авторитетъ признается и нашимъ высшимъ ученымъ учрежденіемъ.

И. И. Федоренко. [1])

Профессоръ астрономіи кіевскаго и харьковскаго университетовъ, род. 6 февр. 1827 г., ум. 14 дек. 1888 г. Малороссъ по происхожденію (изъ купеческой семьи г. Харькова), Ф. и дѣятельность свою посвятилъ главнымъ образомъ южной Россіи. Воспитывался въ одной изъ харьковскихъ гимназій, а затѣмъ въ харьковскомъ университетѣ. Съ юныхъ лѣтъ у него было уже влеченіе къ спеціальнымъ научнымъ занятіямъ, и онъ еще на студенческой скамьѣ сталъ заниматься астрономіей подъ руководствомъ профессора Шидловскаго, который взялъ его съ собою въ качествѣ помощника въ астрономическую экспедицію 1848 г. и назвалъ своимъ «ревностнымъ» ученикомъ. Плодомъ астрономическихъ занятій Ф-ка было его кандидатское сочиненіе «Опредѣленіе географической широты харьковской обсерваторіи изъ наблюденій». Очевидно, онъ тогда уже пріобрѣлъ значительный навыкъ въ астрономическихъ вычисленіяхъ Вслѣдствіе этого онъ рѣшился поѣхать для дальнѣйшаго усовершенствованія своего въ знаменитую Пулковскую обсерваторію, гдѣ и былъ принятъ въ 1850 году въ сверхштатные астрономы директоромъ ея В. Струве. Тамъ онъ, по предложенію Струве, вычислилъ среднее положеніе околополярныхъ звѣздъ изъ наблюденій Жерома Лаланда и результаты своихъ работъ опубликовалъ въ обширномъ сочиненіи на французскомъ языкѣ, изданномъ Академіей наукъ («Positions moyennes pour l'époque 1790,0 des étoiles circompolaires», St. Pbg., 1854, LXXIX, 156) и посвященномъ министру народнаго просвѣщенія Норову. «Трудъ этотъ, говоритъ проф. Г. В. Левицкій, сразу доставилъ Федоренку обширную извѣстность. На всякой обсерваторіи и увсякаго астронома, занимающагося звѣздной астрономіей, каталогъ Ф-ка составляетъ столь же необходимую справочную книгу, какъ каталогъ Британскаго астрономическаго общества». За это сочиненіе онъ былъ удостоенъ Высочайшаго благоволенія. 25 декабря 1853 г. Ф. былъ опредѣленъ въ адъюнкты кіевскаго университета, а въ 1856 г. получилъ дипломъ на степень магистра астрономіи, послѣ того какъ выдержалъ экзаменъ въ петербургскомъ университетѣ и защитилъ тамъ же рукописную диссертацію «О среднихъ видимыхъ движеніяхъ звѣздъ», 1856 г. (она находится въ архивѣ харьковскаго университета). Въ 1857 г. Ф. былъ переведенъ въ родной ему харьковскій университетъ на ту же должность адъюнкта и здѣсь сталъ исправлять обязанности секретаря факультета. Въ 1862 г. былъ назначенъ исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора, а въ 1866 г.—экстраординарнымъ и въ томъ же году ординарнымъ профес-

[1]) Русскій біографическій Словарь.

соромъ. Въ 1865 г. онъ защитилъ въ петербургскомъ университетѣ диссертацію на степень доктора астрономіи «Розысканіе среднихъ собственныхъ, дѣйствительныхъ и параллактическихъ движеній звѣздъ» (печатный трудъ). Ф. былъ скромный труженникъ, не обладавшій крупными талантами, но проникнутый искреннимъ влеченіемъ къ научнымъ изысканіямъ. Въ Пулковской обсерваторіи, которая была прекрасно обставлена для научныхъ наблюденій, онъ выполнилъ выдающуюся работу. Къ сожалѣнію, Харьковъ въ этомъ отношеніи былъ обставленъ очень неудовлетворительно, и Ф-ку удалось устроить только „астрономическую вращающуюся башню»; но такъ какъ она помѣщалась на университетскомъ дворѣ, въ центрѣ жилыхъ построекъ, то производство научныхъ наблюденій было тутъ почти невозможно. Тѣмъ не менѣе, и при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, Ф. съумѣлъ возбудить интересъ къ своему предмету среди своихъ слушателей, и два изъ нихъ—Веребрюсовъ и Порѣцкій—заявили себя цѣлымъ рядомъ печатныхъ трудовъ по астрономіи. Изъ трудовъ самого Ф-ка, кромѣ указанныхъ выше, слѣдуетъ отмѣтить еще слѣдующіе: 1) «Ueber die Doppelsterne» (Bullet. de l'Acadèmie de St. Pètersbourg, 1850); 2) «Ueber die eigene Bewegung der Fixsterne» (Astronomische Nachrichten», 1857, №№ 1062, 1135; 3) «Способъ околомеридіональныхъ и равныхъ высотъ звѣздъ по обѣ стороны отъ зенита» (Харьковъ, 1879); 4) «Звѣздная карта сѣвернаго полушарія».

Дѣла харьковскаго университетскаго архива;—Г. В. Левицкій: «Астрономы и астрономическія обсерваторіи харьковскаго университета отъ 1843 по 1879 годъ», въ «Запискахъ Импер. харьк. унив.», 1894, кн. 3-я;—Лѣтоп. харьковскаго ун., стр. 44—53.

М. Н. Петровъ. [1])

Профессоръ Харьковскаго Университета, историкъ; род. въ Вильнѣ 3-го ноября 1826 года, умеръ въ Харьковѣ 24-го января 1887 года. Отецъ его былъ новокрещенный мордвинъ; воспитывался Петровъ въ Виленской гимназіи; по окончаніи, въ ней курса попечителемъ Бѣлорусскаго учебнаго округа отправленъ былъ на казенный счетъ въ Харьковскій университетъ. Поступивъ въ 1844 году на словесный (нынѣ историко-филологическій) факультетъ, Петровъ имѣлъ возможность слушать весьма дѣльныхъ профессоровъ—Валицкаго (читалъ греческій языкъ), Рославскаго-Петровскаго (преподавалъ всеобщую исто-

[1]) Русскій біографическій Словарь.

рію), Зернина (читалъ русскую исторію) и И. И. Срезневскаго. Наибольшее вліяніе на него имѣлъ Рославскій-Петровскій, преемникъ по каѳедрѣ блестящаго историка Лунина. Лунинъ былъ для Харьковскаго Университета тѣмъ, чѣмъ Грановскій для Московскаго: художественное направленіе въ исторіи нашло себѣ въ немъ талантливаго выразителя. Въ то время вообще придавали огромное значеніе формѣ изложенія, нерѣдко даже въ ущербъ содержанію. Отсюда господство реторики, которая была даже предметомъ факультетскаго преподаванія съ первыхъ годовъ существованія Харьковскаго университета, со временъ знаменитаго Рижскаго. Иные все свое преподаваніе сводили къ реторическому, напыщенному стилю и имъ старались прикрыть скудость своихъ познаній; таковъ былъ, напримѣръ, Гулакъ-Артемовскій. Лунинъ соединялъ художественность формы съ научностью содержанія. Рославскому-Петровскому съ трудомъ давалась красивая форма, и онъ долженъ былъ добывать ее цѣною тяжкихъ усилій. Были и такіе, которые вовсе отказывались отъ этой неблагодарной задачи и старались восполнить недостатки изложенія богатствомъ содержанія. Таковъ былъ Зернинъ. Петровъ, очевидно, желалъ пойти по слѣдамъ своихъ учителей и сдѣлаться преимущественно историкомъ цивилизаціи, каковымъ былъ Лунинъ и Рославскій-Петровскій. Это желаніе выразилось уже въ выборѣ темы для его кандидатской диссертаціи: онъ представилъ сочиненіе «Цивилизація галлофранковъ во времена Меровинговъ», основанное на лучшихъ пособіяхъ французской художественной школы (Тьерри, Гизо); оно осталось ненапечатаннымъ. Свою ученую дѣятельность Михаилъ Назарьевичъ началъ работой, въ которой ярко выразилась сильная сторона его таланта—исторической характеристикой Людовика XI («О характерѣ государственной дѣятельности Людовика XI», этотъ родъ сочиненій ему наиболѣе удавался, ибо онъ соотвѣтствовалъ и его вкусамъ, и его способностямъ. Впослѣдствіи (въ 1868 г.) онъ издалъ цѣлую книгу («Очерки изъ всеобщей исторіи», Харьковъ; то-же, изд. 2-е подъ загл.: «Изъ всемірной исторіи». Харьковъ. 1882), заключающую въ себѣ блестящія характеристики различныхъ историческихъ лицъ и событій (Мохаммедъ, Евангеліе въ исторіи, Томасъ Мюнцеръ, Филиппъ II и др.). Она имѣла значительный успѣхъ въ публикѣ и среди учащагося юношества, такъ что въ 1882 г. понадобилось выпустить 2-е изданіе ея. И успѣхъ былъ вполнѣ заслуженъ авторомъ: книга написана такъ, какъ нужно писать для большой публики—популярно, но съ знаніемъ дѣла и въ высшей степени изящно и красиво; очерки Михаила Назарьевича напоминаютъ знаменитыя историческія характеристики Грановскаго. Изъ спеціальныхъ ученыхъ трудовъ Петрова слѣдуетъ отмѣтить его докторскую диссерта-

цію «Новѣйшая національная исторіографія въ Германіи, Англіи и Франціи», вышедшую въ 1861 году въ Харьковѣ. Она явилась результатомъ его заграничной командировки и отражаетъ въ себѣ извѣстныя намъ уже свойства историческаго таланта автора: здѣсь мы находимъ весьма удачныя характеристики историковъ—Маколея, Ранке, Гизо и др., прекрасное живое изложеніе. Заграничное путешествіе имѣло чрезвычайно полезное вліяніе на М. Н. Петрова: оно открыло передъ нимъ широкіе горизонты европейской исторіографіи, познакомило его съ нѣмецкой исторической школой, завоевавшей тогда уже первое мѣсто, и сгладило односторонность его прежняго увлеченія французскими историками. Все это должно было благотворно отразиться на преподавательской дѣятельности Михаила Назарьевича, которой онъ придавалъ огромное значеніе. Въ первые годы своей профессуры Петровъ не обладалъ еще широкой эрудиціей въ области историческихъ наукъ, и его лекціи отличались, повидимому, такимъ же реторическимъ характеромъ, какъ и курсы его бывшаго руководителя Рославскаго-Петровскаго. Но вернувшись изъ за-граничной командировки и защитивъ докторскую диссертацію, онъ обратилъ всю свою энергію на составленіе спеціальныхъ и общихъ курсовъ. Такъ мало-по-малу и выработались тѣ «Лекціи по всемірной исторіи», которыя были изданы по смерти его (Харьковъ. 1888—1890 г., 4 тома) и которыя составляютъ въ настоящее время образцовое пособіе для студентовъ и преподавателей гимназій. Изданіе это, какъ извѣстно, было редактировано бывшимъ товарищемъ по каѳедрѣ покойнаго, проф. В. К. Надлеромъ и учениками Михаила Назарьевича, проф. В. П Бузескуломъ и А. Н. Деревицкимъ. Важнымъ достоинствомъ его является богатство библіографическихъ указаній. Къ сожалѣнію, не всѣ части этого курса были одинаково тщательно обработаны самимъ М. Н. Петровымъ, такъ что явилась необходимость въ примѣчаніяхъ и вставкахъ (подъ часъ довольно значительныхъ); въ особенности это нужно сказать о 2-мъ томѣ «Лекцій», обнимающемъ исторію среднихъ вѣковъ; здѣсь вставки редактора (проф. В. К. Надлера) столь замѣтны, что нарушаютъ нѣсколько цѣльность общаго впечатлѣнія стиля М. Н. Петрова. Но это еще не важно; важнѣе то, что «Лекціи» въ изданіи Полуехтова остались не вполнѣ законченными. Тѣмъ не менѣе, и въ нынѣшнемъ своемъ видѣ «Лекціи» Мих. Наз. Петрова были по достоинству оцѣнены и публикой, и ученою критикой: по отзыву извѣстнаго спеціалиста по исторіи среднихъ вѣковъ и Византіи академика В. Г. Васильевскаго, они удостоены были полной Петровской преміи. Они ясно доказываютъ намъ, что М. Н. Петровъ центромъ своей профессорской дѣятельности ставилъ не спеціальныя ученыя изслѣдованія,

а преподаваніе своего предмета; надъ курсами своими онъ работалъ очень много, чтобы придать имъ цѣльность плана, сжатость изложенія и содержательность; и намъ кажется, что не легко давалось ему то изящное изложеніе, которое такъ подкупаетъ его читателей; во всякомъ случаѣ, у него не было ни дара живой увлекательной рѣчи, ни таланта импровизаціи. Вотъ почему онъ такъ мало (сравнительно) и печаталъ при жизни.

О живомъ интересѣ М. Н. къ дѣлу преподаванія исторіи свидѣтельствуютъ, между прочимъ, изданная имъ брошюра «Историческая подготовка. Pro domo sua», (помѣщенная прежде въ «Южномъ Краѣ», 1881 г., декабрь). Въ ней затрагивается важный педагогическій вопросъ о преподаваніи исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. М. Н. относился очень отрицательно къ гимназическимъ учебникамъ (въ особенности къ общепринятымъ руководствамъ Д. И. Иловайскаго) и доказывалъ, что сообщаемыя ими свѣдѣнія имѣютъ мало общаго съ наукой исторіи. Соглашаясь съ нѣкоторыми частными критическими замѣчаніями автора, мы не считаемъ доказаннымъ его положительнаго вывода о томъ, чѣмъ долженъ быть учебникъ исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. М. Н. Петровъ не проводилъ *принципіальной* разницы между гимназическимъ и университетскимъ преподаваніемъ исторіи, между исторіей, какъ учебнымъ предметомъ, и исторіей, какъ наукой; онъ не обращалъ должнаго вниманія на педагогическія требованія, вытекающія изъ характеристическихъ свойствъ средней школы и ея питомцевъ. У М. Н. не было личнаго педагогическаго опыта: онъ оставался въ своихъ построеніяхъ теоретикомъ. Вотъ почему, конечно, ему не удалась начатая имъ въ послѣднее время работа—составленіе руководства по всеобщей исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать два слова о П., какъ о человѣкѣ. Въ послѣднее время онъ велъ замкнутую жизнь и старался держаться въ сторонѣ отъ всякихъ университетскихъ дѣлъ, сопряженныхъ съ борьбой лицъ и столкновеніемъ интересовъ. Къ сожалѣнію, ему не всегда удавалось сохранить свое нейтральное независимое положеніе. Въ личныхъ отношеніяхъ это былъ обходительный, деликатный, благородный человѣкъ.

О М. Н. Петровѣ см. статью проф. А. Н. Деревицкаго: «М. Н. Петровъ. Страница изъ исторіи Харьковскаго Университета, Харьковъ. 1887 г. и краткую замѣтку проф. В. П. Бузескула: Къ біографіи М. Н. Петрова»—въ «Харьк. губ. вѣд.» 1887, № 33; см. также: «Историческій Вѣстникъ» 1887 г., т. XXVII, стр. 721, Д. Д. Языковъ. Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей, вып. VII, М. 1893, стр. 68—69.

А. С. Лебедевъ.

Начало новаго полугодія университетской жизни ознаменовалось тяжелой утратой въ нашей профессорской семьѣ: умеръ Амфіанъ Степановичъ Лебедевъ. Умеръ онъ въ очень преклонномъ возрастѣ—77 лѣтъ отъ роду,—но смерть его все же была неожиданной: это былъ крѣпкій, могучій, жизнеспособный и жизнедѣятельный организмъ, въ которомъ было еще очень много силъ и котораго могъ сломить только сильный недугъ. Таковой и сразилъ его въ нѣсколько дней. Но еще въ послѣднюю ночь, за нѣсколько часовъ до смерти, онъ поднялся съ постели и сталъ просматривать свои ученыя замѣтки. До послѣдняго часа онъ былъ въ полномъ сознаніи и, казалось, силы его не ослабѣли.

Такимъ же сильнымъ человѣкомъ онъ былъ и въ духовномъ отношеніи: у него былъ умъ, смѣло всегда стремившійся къ научной истинѣ, хотя бы она была и непріятна для многихъ. Это былъ человѣкъ твердаго характера, стойкихъ нравственныхъ принциповъ, которымъ онъ не только оставался вѣренъ всю свою жизнь, но и безбоязненно ихъ исповѣдывалъ.

Жизнь Амфіана Степановича протекла не совсѣмъ обычнымъ русломъ: званіе университетскаго преподавателя досталось ему не безъ борьбы и усилій, ибо онъ былъ питомецъ духовной школы и въ лучшемъ случаѣ могъ расчитывать на преподавательскую дѣятельность въ этой послѣдней. И, дѣйствительно, по окончаніи Академіи, онъ былъ учителемъ въ духовныхъ семинаріяхъ и въ теченіе многихъ лѣтъ читалъ церковную исторію. Но его не удовлетворяло преподаваніе въ средней духовной школѣ; его привлекала перспектива вполнѣ научнаго преподаванія этого предмета, каковое было вполнѣ осуществимо только въ высшей свѣтской школѣ, которая недавно передъ тѣмъ была возрождена уставомъ 1863 года, давшимъ ей между прочимъ ей новую кафедру—исторію церкви. На эти научныя стремленія Амфіана Степановича, несомнѣнно, оказало вліяніе его пребываніе заграницей, куда онъ отправился по собственному побужденію и вмѣсто нѣсколькихъ мѣсяцевъ провелъ болѣе года, слушая между прочимъ въ Женевѣ лекціи знаменитаго реформатскаго богослова Навиля. И временемъ вторичнаго отпуска заграницу въ славянскія земли онъ также воспользовался для научныхъ цѣлей: въ результатѣ его явились статьи по исторіи церкви у славянскихъ народовъ. Такъ подготовилъ себя А. С. къ научно-преподавательской дѣятельности въ Харьковскомъ университетѣ, въ которомъ онъ былъ избранъ профессоромъ въ 1869 году, каковымъ безсмѣнно оставался болѣе 40 лѣтъ.

Еще въ 1888 году онъ выслужилъ узаконенное 30-лѣтіе по учебной службѣ, вышелъ за штатъ, но и послѣ этого въ теченіе 21 года до самой смерти состоялъ внѣштатнымъ профессоромъ,—читалъ обязательные курсы, участвовалъ въ засѣданіяхъ совѣта и факультета, два четырехлѣтія былъ деканомъ факультета, читалъ лекціи на женскихъ курсахъ, писалъ ученыя сочиненія, читалъ рефераты и публичныя лекціи, участвовалъ въ ученыхъ съѣздахъ и всюду онъ оставилъ по себѣ добрую память. Преподаваніе церковной исторіи—новаго предмета въ университетѣ—онъ несомнѣнно, поставилъ на правильный вполнѣ научный путь: объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ и его вступительная лекція, напечатанная въ «Вѣстникѣ Европы». Онъ надѣялся, что въ университетѣ церковная исторія войдетъ въ кругъ историко-филологическихъ наукъ и сама отъ нихъ получитъ благотворное возбужденіе. И онъ не ошибся—онъ испыталъ это на себѣ самомъ, развивъ широкую научную дѣятельность, за которую еще въ 1894 году, по моему представленію, получилъ степень почетнаго доктора русской исторіи. А. С., главнымъ образомъ, занимался разработкой мѣстной церковной исторіи, и всѣ его труды основаны на первоисточникахъ, имъ самимъ открытыхъ въ разныхъ архивахъ; многіе документы имъ спасены отъ гибели. Въ числѣ этихъ трудовъ особенно цѣнны монографіи о харьковскомъ коллегіумѣ и Бѣлгородскихъ архіеріяхъ. Такимъ образомъ, Амфіана Степановича можно, по справедливости, назвать продолжителемъ работъ преосв. Филарета, арх. Харьковскаго. Другою, въ высшей степени цѣнною чертою въ нихъ является правдивость ихъ автора, который какъ бы исполняя завѣтъ украинскаго философа Г. С. Сковороды, «любя истину, любилъ выслѣживать тропинки ея, и, встрѣтивъ око ея, торжествовалъ и веселился ея незаходимымъ свѣтомъ». Такимъ смѣлымъ искателемъ истины А. С. остался до своей кончины, отличаясь широкою терпимостью, гуманностью, твердыми нравственными устоями.

Миръ праху Твоему, незабвенный товарищъ и другъ!

О. Николай Лащенко и его труды по мѣстной церковной исторіи. [1])

24 сентября 1896 г. скончался одинъ изъ достойнѣйшихъ мѣстныхъ пастырей—протоіерей Харьковской Троицкой церкви о. Николай Алексѣевичъ Лащенко. Смерть его была неожиданностью для всѣхъ: онъ захватилъ тяжелую форму воспаленія легкихъ и умеръ на третій день болѣзни, на 67-мъ году своей жизни; очевидно, организмъ его уже ранѣе

[1]) Сборникъ Харьк. Историко-Филологическаго Общества.

былъ истощенъ непосильными трудами. Да и вообще здоровье его было непрочное, между тѣмъ, вся его жизнь представляла изъ себя подвигъ безпрерывнаго труда. Онъ не щадилъ своихъ силъ, своего здоровья и всецѣло отдавался исполненію долга и общественному служенію. Это былъ идеальный приходской священникъ—всецѣло преданный своей нелегкой обязанности, весьма образованный и даже ученый—и въ то же время необычайно простой, обходительный, въ высшей степени скромный и деликатный, непоколебимо твердый въ своихъ убѣжденіяхъ, независимый и настойчивый въ требованіяхъ нравственнаго долга—и въ то же время въ высшей степени гуманный, терпимый, совершенно лишенный того духа религіозной исключительности, который несовмѣстимъ съ истинно христіанскимъ чувствомъ и настроеніемъ, не уходившій въ себя, близко стоявшій къ жизни, со всѣми ея подчасъ мелкими житейско практическими требованіями,—и въ то же время съумѣвшій сохранить въ полной неприкосновенности свою нравственную чистоту, благодаря удивительному безкорыстію и полному равнодушію къ житейскимъ выгодамъ. Присутствуя на похоронахъ о. Николая, я слышалъ отзывы о немъ прихожанъ—тутъ не было разногласія: всѣ въ одинъ голосъ, въ частной, совершенно откровенной бесѣдѣ другъ съ другомъ хвалили его, жалѣли объ этомъ образованномъ, добромъ, простомъ, безкорыстномъ, отзывчивомъ къ людскому горю пастырѣ, говорили, что это былъ лучшій представитель старыхъ временъ... И вотъ среди этихъ разговоровъ и характеристикъ я услышалъ одно замѣчаніе, которое меня поразило своею глубиною и вѣрностью. Я увидѣлъ въ немъ ключъ къ разгадкѣ всего нравственнаго облика покойнаго; имъ была опредѣлена основная черта его личности. «Благородная и деликатная натура была у о. Николая», замѣтила одна изъ его прихожанокъ. Да, дѣйствительно, благородство и деликатность являются типической особенностью его натуры. Они создали ему одинаково ровное, мягкое отношеніе ко всѣмъ, съ кѣмъ ему приходилось сталкиваться въ жизни—не только къ высшимъ и равнымъ, но и къ низшимъ; они помогли ему сохранить полную нравственную связь съ представителями другого поколѣнія—собственными дѣтьми, несмотря на то, что эти послѣднія избрали себѣ иныя образовательныя средства, другой жизненный путь, иную общественную среду; они, наконецъ, нашли себѣ яркое выраженіе и въ его научной дѣятельности. И какъ цѣнна эта черта, особенно въ такой жизни, какую велъ о. Николай,—въ частныхъ соприкосновеніяхъ съ людьми разнообразныхъ общественныхъ положеній, характеровъ, міровоззрѣній! Какъ дорога она была для его прихожанъ, повѣрявшихъ ему «своя тайная и сокровенная», прибѣгавшихъ къ нему за совѣтами и поддержкою въ самые трудные моменты своей жизни. И о. Николай ока-

зывалъ эту нравственную поддержку всѣмъ, пользуясь при этомъ одинаковымъ авторитетомъ и довѣріемъ и у иного выдающагося представителя умственной культуры, ищущаго на закатѣ дней своихъ утѣшенія и отрады въ высокихъ наставленіяхъ христіанской жизни, и у простолюдина, съ его непосредственною вѣрою и религіознымъ чувствомъ.

Не ограничиваясь многосложными обязанностями приходскаго священника, о. Николай сверхъ того служилъ обществу и на другихъ поприщахъ—былъ законоучителемъ, цензоромъ проповѣдей, членомъ духовной консисторіи, послѣдніе же годы своей жизни онъ особенно пристрастился къ научнымъ работамъ и напечаталъ цѣлый рядъ изслѣдованій по мѣстной церковной старинѣ. Въ этой области о. Николай Лащенко сразу занялъ видное мѣсто, какъ серьезный ученый, основывающій свои выводы на новыхъ неизданныхъ матеріалахъ, имъ же самимъ открываемыхъ и объясняемыхъ. Къ сожалѣнію, смерть пресѣкла преждевременно эту его дѣятельность и онъ не успѣлъ довести до конца задуманнаго труда «Матеріалы къ столѣтію Харьковской епархіи», труда, который могъ бы доставить ему имя продолжателя Нестора Слободско-Украинской церковной исторіи—арх. Филарета. Но и то, что написано о. Ник. Лащенко, весьма цѣнно и должно сдѣлать имя его незабвеннымъ въ лѣтописяхъ Слободско-украинской исторіи вообще и церковной въ особенности. Его сочиненія отличаются вполнѣ научнымъ характеромъ и, благодаря богатству своего фактическаго содержанія, долго еще сохранятъ за собою характеръ цѣнныхъ историческихъ пособій.

У о. Николая несомнѣнно существовала живая потребность научной дѣятельности и духовнаго общенія съ ея представителями. вкусъ къ научному историческому изученію онъ получилъ въ Кіевской Духовной Академіи и развилъ его въ себѣ еще шире самостоятельнымъ чтеніемъ и штудированіемъ различныхъ источниковъ и пособій по мѣстной исторіи, которая была дорога ему, какъ уроженцу здѣшняго края (онъ родился въ с. Гавриловкѣ, Изюмскаго уѣзда и воспитывался въ Харьковской духовной семинаріи и всю свою служебную дѣятельность посвятилъ г. Харькову). Потребность въ общеніи съ другими научными дѣятелями, занимавшимися изученіемъ края въ различныхъ отношеніяхъ, побудила его сдѣлаться членомъ Харьковскаго Губернскаго Статистическаго Комитета и Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества, тѣмъ болѣе, что и сами эти учрежденія не могли не обратить вниманія на такого любителя и знатока мѣстной церковной старины, какъ о. Н. Лащенко. Секретаремъ Харьковскаго губ. статист. комитета состоялъ въ то время П. С. Ефименко, глубоко преданный мѣстнымъ изслѣдованіямъ и обладавшій по истинѣ изумительной способностью привлекать къ сотрудничеству въ соз-

данный имъ «Харьковскій Сборникъ» (научно-литературное приложеніе къ «Харьковскому Календарю») подходящихъ лицъ. И о. Николай Лащенко сразу сдѣлался однимъ изъ самыхъ энергичныхъ и полезныхъ работниковъ комитета, однимъ изъ самыхъ усердныхъ и сознательныхъ сотрудниковъ его научнаго органа. Всѣ свои труды онъ сталъ помѣщать въ «Харьковскомъ Сборникѣ», не получая за нихъ никакого денежнаго гонорара; между тѣмъ какъ по своему интересу они могли бы найти помѣщеніе и въ такомъ изданіи, которое оплачивало бы статьи своихъ сотрудниковъ. О. Николай былъ человѣкомъ стойкихъ принциповъ и жизненныхъ правилъ, неспособнымъ изъ-за благъ земныхъ насиловать свою совѣсть и убѣжденія. Войдя въ статистическій комитетъ, сочувствуя его задачѣ и безкорыстнымъ стремленіямъ его членовъ къ изученію края, онъ сталъ нести сюда и всѣ результаты своихъ мѣстныхъ изысканій. И они помѣщались здѣсь въ такомъ видѣ, какъ доставлялись авторомъ— въ видѣ спокойныхъ, научныхъ, богатыхъ данными изслѣдованій и статей, отражавшихъ въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, достойную личность ихъ автора. Онъ не смотрѣлъ на исторію, какъ на средство для оправданія или опроверженія тѣхъ или иныхъ теорій: онъ правдиво, на основаніи документовъ, изображалъ прошлое, съ его свѣтлыми и темными сторонами, и его пониманіе этихъ свѣтлыхъ и темныхъ сторонъ было таково, что подъ нимъ могли бы подписаться всѣ друзья истины и добра. Стремясь находить объективную историческую истину, желая имѣть твердую основу для своихъ характеристикъ, онъ углубился *въ архивы* и оттуда извлекъ главный матеріалъ для своихъ работъ. Но чувствуя, что этотъ матеріалъ можетъ оказаться нѣсколько одностороннимъ, онъ усердно разыскивалъ также и частные источники—письма, домашнія бумаги разныхъ дѣятелей, прибѣгалъ, наконецъ, и къ живымъ устнымъ преданіямъ. Какъ и въ жизни, такъ и въ своей научной дѣятельности онъ относился въ высшей степени деликатно и терпимо къ чужимъ мнѣніямъ—подчасъ критиковалъ ихъ и не соглашался съ ними, но дѣлалъ это спокойно и скромно, не выдвигая на первый планъ своей личности.

Наиболѣе крупными трудами покойнаго являются біографическіе очерки двухъ харьковскихъ іерарховъ—перваго слободскоукраинскаго епископа Христофора Сулимы и многоученаго архіепископа Филарета Гумилевскаго. Самостоятельная Харьковская епархія была учреждена въ 1799 г. (до тѣхъ поръ она была соединена съ Бѣлгородской). Въ 1899 г. истекаетъ столѣтіе со времени ея открытія. «Смѣемъ думать, писалъ по этому поводу о. Николай, что это событіе столѣтія не пройдетъ безслѣдно; желательно, по крайней мѣрѣ, чтобы къ этому дню былъ составленъ общій очеркъ столѣтней церковно-исторической жизни епархіи въ біографіяхъ

архіереевъ и выдающихся духовныхъ дѣятелей. Этотъ очеркъ былъ бы нѣкоторымъ дополненіемъ и продолженіемъ великаго труда «Нестора нашей епархіи» Высокопреосв. Филарета. Разумѣемъ его «Ист. стат. опис. Харьк. епарх.». Іерархія Харьк. епархіи весьма достопримѣчательна. Между 14 епископами ея мы встрѣчаемъ архипастырей, которые украшались разнообразными христіанскими доблестями или отличались рѣдкимъ богословскимъ образованіемъ: стоитъ вспомнить имена Мелетія, Иннокентія, Филарета, Макарія. Были пресвитеры—усердные сотрудники епископовъ, были и міряне, достойные памяти. Въ печати уже есть жизнеописанія нѣкоторыхъ харьковскихъ архипастырей: Мелетія въ трудѣ г. Кульжинскаго, Иннокентія—свящ. Т. Буткевича, Филарета—г. Листовскаго. Едва ли кто станетъ сомнѣваться, что такой біографіи, полной и хорошей, заслуживаетъ и Макарій. Высокопреосвящен. Макарій, скончавшійся митрополитомъ въ Москвѣ, близокъ намъ по времени; еще живы и дѣйствуютъ многіе изъ духовныхъ лицъ Харьк. еп., не говоря о сверстникахъ и ученикахъ его. Вотъ почему желательна и возможна скорѣйшая біографія его. Сойдетъ со сцены поколѣніе живыхъ людей свидѣтелей его трудовъ, изсякнетъ голосъ живаго преданія о немъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ уже труднѣе будетъ воспроизвести величественный образъ этого бывшаго свѣтила русской церкви. Съ своей стороны, въ видѣ опыта, мы рѣшаемся представить въ качествѣ сыраго матеріала, отрывочныя свѣдѣнія, относящіяся къ первому десятилѣтію Слободской епархіи, за время управленія ею перваго епископа Христофора Сулимы, о которомъ въ печати мы почти ничего не имѣемъ. Представляемые матеріалы были извлечены нами преимущественно изъ архива Харьк. Дух. Консисторіи въ послѣдній годъ нашей службы въ должности члена оной и потомъ не могли уже быть дополнены, провѣрены и приведены въ болѣе строгую систему». Въ этихъ словахъ мы находимъ цѣлую программу для осуществленія труда, въ которомъ дѣйствительно чувствуется насущная потребность; авторъ отмѣчаетъ то, что уже сдѣлано, и указываетъ на то, что нужно сдѣлать. Онъ же самъ кладетъ и первое прочное основаніе этому труду біографіей перваго харьковскаго епископа Христофора Сулимы; и хотя онъ называетъ свой опытъ отрывочными матеріалами, но это въ дѣйствительности настоящая ученая монографія объемомъ въ 18 печатныхъ листовъ. Авторъ, можно сказать, впервые открылъ намъ эту достойную личность и начерталъ во всѣхъ подробностяхъ ея жизнь и дѣятельность. Здѣсь мы находимъ обстоятельныя данныя о происхожденіи, молодыхъ годахъ жизни Сулимы, о принятіи имъ монашества, о пребываніи въ Мотронинскомъ мон., въ Новгородъ Сѣверской, Гамалѣевской и Черниговской Елецкой обители, о назначеніи викарнымъ епископомъ Ѳеодосійскимъ и затѣмъ

Слободско-украинскимъ. Далѣе авторъ подробно очерчиваетъ дѣятельность Христофора по управленію Харьковской епархіей. Говоритъ о тогдашней консисторіи, духовныхъ правленіяхъ, представляетъ новыя данныя о Коллегіумѣ, характеризуетъ отношеніе Христофора къ университету, среднимъ и низшимъ училищамъ, представляетъ біографію Фотіева, Снѣсарева, разсказываетъ объ отношеніи Сулимы къ монастырямъ и церквямъ—городскимъ и сельскимъ, о поднятіи образовательнаго уровня священниковъ.

Другое крупное произведеніе о. Николая—это «*Высокопреосвященный Филаретъ, архіепископъ Харьковскій, по письмамъ къ его другу, валковскому помѣщику Романовскому*» (въ Харьк. Сборникѣ на 1891 и 1892 г.). Тутъ мы находимъ прежде всего біографическія данныя о Романовскомъ, а затѣмъ цѣлый рядъ указаній на административную дѣятельность преосв. Филарета въ Харьковской епархіи и его характеръ, на его заботы о поднятіи образовательнаго уровня духовенства, на строгую самостоятельность въ управленіи епархіей (характерно между прочимъ здѣсь то, что преосвященный не терпѣлъ доносовъ), на предпочтеніе, оказываемое имъ молодымъ энергичнымъ священникамъ передъ старыми, на устройство женскаго епархіальнаго училища, на заботы о Хорошевскомъ монастырѣ, на частныя отношенія его къ дворянамъ, на составленіе историко-статистическаго описанія Харьковской епархіи, на нѣкоторыя его мнѣнія и черты характера.

Весьма важной по своему содержанію является небольшая статья о. Николая о В. Н. Каразинѣ—«*Вас. Наз. Каразинъ, какъ помѣщикъ села Кручика*» (Харьк. Сборн. на 1887 г., стр. 52—64). Здѣсь на основаніи документовъ консисторскаго архива сообщаются любопытныя подробности о договорѣ, заключенномъ В. Н. Каразинымъ съ приходскими священниками его села Кручика, договорѣ, который матеріально обезпечивалъ священника и давалъ ему возможность не брать платы за исполненіе разныхъ требъ; въ связи съ этимъ говорится объ устройствѣ его сельской Думы и народнаго училища. Статья эта обратила на себя вниманіе историка русскаго крестьянства Вас. Ив. Семевскаго, воспользовавшагося ею для своей работы «Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка». По поводу ея появилась также замѣтка и въ «Харьковскомъ Сборникѣ» (на тотъ же 1887 г.). Ст. «*Домовыя церкви въ покояхъ Слободско-украинскихъ помѣщиковъ*» (Харьк. Сбор. на 1889 годъ, стр. 1—34) содержитъ въ себѣ рядъ фактическихъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ архивныхъ матеріаловъ. *Къ біографіи Г. Ѳ. Квитки* (Харьков. Сборн. на 1889 годъ, стр. 195—200). Небольшая замѣтка, отличающаяся однако критическимъ характеромъ, дополняющая и исправляющая нѣкоторыя

показанія прежнихъ біографовъ. «*Памяти ректора Харьковскаго университета П. П. Гулака-Артемовскаго*» (Харьк. Сборн. на 1890 г.). Здѣсь мы находимъ два неизданныхъ письма къ Гулаку-Артемовскому (преосв. Иннокентія и Гедеона). «*Двухсотлѣтіе Покровскаго храма Харьковскаго архіерейскаго дома*» (Харьк. Сбор. на 1889 г., стр. 200—202), «*Посѣщеніе Харьковскаго Коллегіума Бѣлгородскимъ епископомъ Самуиломъ Мисловскимъ*» (Ibidem, стр. 202—208), «*Воспоминаніе о преосв. Мелетіи, архіепископѣ Харьковскомъ*» (Ibidem, стр. 209—212)—все это мелкія замѣтки, содержащія однако новые матеріалы.

Съ живымъ сочувствіемъ относился о. Николай Лащенко и къ нашему историко-филологическому обществу, которое также посвящаетъ свои труды историческому, церковному и этнографическому изученію края. Онъ регулярно посѣщалъ его засѣданія, внимательно выслушивалъ доклады, дѣлалъ подъчасъ свои замѣчанія и принималъ участіе въ разныхъ предпріятіяхъ общества. Всѣмъ памятно, напримѣръ, то сердечное усердіе, какое онъ обнаружилъ въ дѣлѣ устройства надгробнаго памятника украинскому философу Г. С. Сковородѣ и въ передачѣ обществу бумагъ Е. С. Гордѣенка... Общество смотрѣло на него какъ на одного изъ самыхъ почтенныхъ, уважаемыхъ своихъ членовъ.

Въ нынѣшней же книжкѣ «Сборника» нашего общества напечатана посмертная статья о. Николая о небезъизвѣстномъ въ свое время литераторѣ Евстафіѣ Ивановичѣ Станевичѣ. Она отличается большими достоинствами. Въ руки автора попали документы, касающіеся Станевича; но онъ не ограничился пересказомъ ихъ содержанія—наоборотъ, тщательно собралъ все то, что имѣлось въ печати объ этомъ дѣятелѣ (а разыскать это было очень трудно—приходилось по крупицамъ собирать въ разныхъ статьяхъ, изданіяхъ и новѣйшихъ трудахъ)—и далъ богатый содержаніемъ біографическій очеркъ, приведенный въ связь съ тогдашними литературными направленіями и теченіями. Станевичъ принадлежалъ къ группѣ писателей-старовѣровъ и былъ поклонникомъ извѣстнаго Шишкова. И у о. Николая выступаютъ передъ нами въ своихъ письмахъ и мнѣніяхъ Шишковисты, а также и нѣкоторыя другія лица. Такъ, онъ приводитъ неизвѣстные въ печати письма митр. Евгенія, Шишкова, Державина, Шихматова. Особенно подробно останавливается о. Ник. Лащенко на печальной судьбѣ одного анти-мистическаго сочиненія Станевича: «Бесѣда надъ гробомъ младенца о безсмертіи души»; эпизодъ этотъ имѣетъ и общій интересъ для уясненія все еще неизвѣстной въ подробностяхъ исторіи мистицизма въ Россіи и отношенія къ нему разныхъ дѣятелей.

Отмѣтимъ, въ заключеніе, еще одну черту покойнаго о. Ник. Лащенка, также характеризующую его скромность. Обладая въ избыткѣ всѣми данными, необходимыми для обработки и освѣщенія сырыхъ историческихъ матеріаловъ, о. Николай охотно передавалъ найденные имъ интересные документы другимъ лицамъ. Такъ, напримѣръ, бывшему секретарю статистическаго комитета П. С. Ефименку онъ отдалъ рукопись записокъ Ярославскаго, а мнѣ сообщилъ нѣкоторыя свѣдѣнія о колоколѣ Назарія Александровича Каразина.

Миръ праху твоему, честный труженикъ, подвизавшійся добрымъ подвигомъ на благо общее!

Н. А. Лавровскій.

Сейчасъ мы опускаемъ въ могилу прахъ человѣка, который почти 25 лѣтъ тому назадъ разстался съ Харьковскимъ университетомъ. Въ эти четверть вѣка и самъ Николай Алексѣевичъ могъ бы сдѣлаться чужимъ для насъ, нынѣшнихъ университетскихъ дѣятелей, и такимъ же могъ стать для него, отдавшагося другимъ интересамъ и заботамъ, Харьковскій университетъ.

И однако мы чувствуемъ такую скорбь и горесть, какъ будто только что потеряли члена своей коллегіи. Чѣмъ же объясняется эта горесть? Тѣмъ, что Н. А. связалъ свое имя съ Харьковскимъ университетомъ прочными и неразрывными узами. Онъ посвятилъ ему лучшіе годы своей жизни; онъ отдалъ ему свою молодость, отдалъ ему и расцвѣтъ своего зрѣлаго возраста и таланта. Къ этимъ 22 годамъ его жизни (съ 1853 по 1875 годъ) относится не только его широкая, энергическая преподавательская дѣятельность по кафедрѣ педагогіи и русской словесности, не только разнообразное административно-педагогическое служеніе университету въ роли секретаря и декана факультета, члена испытательныхъ коммиссій и т. п., но и плодотворныя занятія наукой, выразившіяся въ цѣломъ рядѣ его ученыхъ трудовъ. Н. А. былъ истинный ученый, любившій науку, ради ея самой, чувствовавшій въ душѣ своей непреодолимую потребность знанія и постояннаго расширенія своего умственнаго горизонта. Плодомъ этого духа научной пытливости явился цѣлый рядъ сочиненій, вполнѣ самостоятельныхъ, основанныхъ на прекрасно изученныхъ и остроумно изъясненныхъ первоисточникахъ. Пересматривая длинный списокъ этихъ работъ, доставившихъ ему въ 1891 году званіе ординарнаго академика, мы невольно останавливаемся на ихъ темахъ. Почти всѣ онѣ посвящены исторіи образованія и просвѣщенія въ Россіи. Послѣднія же статьи останутся навсегда

яркимъ доказательствомъ любви Н. А. къ нашему университету и его заслуженнымъ дѣятелямъ; онъ 1-й поднялъ вопросъ о постановкѣ памятника истинному виновнику основанія университета въ Харьковѣ В. Н. Каразину; пробудилъ въ обществѣ интересъ къ старому университетскому быту; онъ проложилъ въ этомъ отношеніи путь и для послѣдующихъ историковъ. По крайней мѣрѣ лично о себѣ могу сказать, что я въ значительной степени былъ подвинутъ къ составленію исторіи университета ободряющимъ примѣромъ Н. А., которому и посвятилъ изъ чувства благодарности одну изъ главъ своего труда. Имя Н. А. останется навсегда тѣсно связаннымъ съ Харьковскимъ университетомъ и память о немъ перейдетъ къ будущимъ поколѣніямъ, какъ о достойномъ дѣятелѣ, трудившемся подвигомъ добрымъ на благое просвѣщеніе.

Ю. И. Морозовъ. [1])

Едва только сформировалось мѣстное отдѣленіе предварительнаго комитета по устройству XII-го археологическаго съѣзда въ Харьковѣ, какъ уже приходится отмѣчать печальный фактъ смерти одного изъ его членовъ—проф. *Юрія Ивановича Морозова*. Покойный профессоръ не успѣлъ поработать для комитета и будущаго съѣзда, потому что въ моментъ избранія своего въ его члены былъ прикованъ тяжкимъ недугомъ къ одру болѣзни, которая вскорѣ и свела его въ могилу. Но признательная память о немъ должна сохраниться въ томъ учрежденіи, которое подготовляетъ археологическій съѣздъ въ Харьковѣ, потому что онъ немало потрудился на пользу археологіи Харьковскаго края. Можно сказать, что онъ былъ нашимъ предшественникомъ и долгое время единственнымъ представителемъ Харькова и Харьковскаго университета въ русской археологической наукѣ и на археологическихъ съѣздахъ. Харьковскій университетъ и городъ Харьковъ никогда не были богаты дѣятелями археологіи. Въ ихъ историческомъ прошломъ мы отмѣтимъ только четырехъ лицъ, интересовавшихся вещественными памятниками старины—профессора русской словесности перваго десятилѣтія XIX в. И. С. Рижскаго, извѣстнаго Вадима Пассека, профессора геологіи Борисяка и недавно скончавшагося профессора физической географіи Ю. И. Морозова. Правда, и Ю. И. Морозовъ, подобно двумъ своимъ предшественникамъ, занимался археологіей, такъ сказать, попутно, между прочимъ. Но все-таки онъ кое-что сдѣлалъ для нея и это не-

---

[1]) Труды пред. ком. по устройству Арх. съѣзда въ Харьковѣ.

многое, при общей скудости Харьковской археологической нивы, должно быть отмѣчено съ чувствомъ благодарности къ его безкорыстному и одинокому труду. Одиночество въ научной работѣ вообще и въ особенности въ такой области, какъ археологія, требующая коллективныхъ усилій для добыванія вещественныхъ памятниковъ и какъ результата ихъ—музеевъ,—всегда отражается крайне неблагопріятно на результатахъ дѣятельности и при оцѣнкѣ ея всегда должно быть принимаемо во вниманіе въ интересахъ элементарной справедливости. Нельзя игнорировать его и по отношеніи къ Ю. И. Морозову.

Въ Харьковскомъ университетѣ не было музея древностей — и Ю. И. Морозовъ самъ явился собирателемъ вещественныхъ памятниковъ южно русской старины. Долгіе годы онъ былъ единственнымъ въ Харьковѣ человѣкомъ, который интересовался ими съ научной точки зрѣнія, собиралъ ихъ и затѣмъ одну часть самъ передалъ въ географическій кабинетъ Императорскаго Харьковскаго университета, а другая передана нашему предварительному комитету его вдовой Натальей Леонтьевной. По моему мнѣнію, и эту коллекцію и ту, которая была передана покойнымъ Ю. И. Морозовымъ въ географическій кабинетъ, слѣдовало-бы сосредоточить въ музеѣ древностей и изящныхъ искусствъ и я предлагаю ходатайствовать о такомъ переводѣ коллекцій Ю. И. Морозова изъ одного учебновспомогательнаго учрежденія въ другое передъ правленіемъ университета, въ виду того, что теперь формируется при музеѣ особое отдѣленіе мѣстныхъ древностей. Замѣчу кстати, что вдовою покойнаго пожертвована въ различныя учрежденія Харковскаго университета коллекція собранныхъ имъ монетъ и медалей, архивныхъ документовъ и печатныхъ археологическихъ изданій. Среди рукописей заслуживаетъ вниманія маленькій, но тщательно исполненный альбомъ каменныхъ бабъ Изюмскаго уѣзда, Харьковской губерніи.

Нѣтъ сомнѣнія, что влеченіе къ археологіи было сильно развито (а можетъ быть и создано) въ Ю. И. Морозовѣ Тифлисскимъ археологическимъ съѣздомъ, куда онъ ѣздилъ въ качествѣ депутата отъ Харьковскаго университета. На Ю. И. оказалось такое-же вліяніе съѣздовъ, какое испытывали и многіе изъ насъ, кому посчастливилось въ нихъ участвовать.

Въ Харьковѣ Ю. И. Морозовъ не могъ не обратить вниманія на мѣстныя древности, тѣмъ болѣе, что у него, несмотря на спеціально естественно-историческую подготовку, всегда былъ вкусъ и влеченіе къ изученію мѣстной исторіи и старины. И вотъ онъ задается мыслью изслѣдовать городища Харьковской губерніи, которыя, безъ сомнѣнія, заслуживаютъ вниманія русскихъ археологовъ и историковъ, читаетъ

сообщеніе о нихъ въ 1881 году въ засѣданіи историко-филологическаго общества и затѣмъ печатаетъ его въ Харьк. губ. вѣд. (№ 43 и 45) и отдѣльною брошюрою. Здѣсь онъ касается вопроса о происхожденіи городищъ и городковъ, какъ его трактовали въ русской исторической литературѣ, дѣлаетъ перечень Харьковскихъ городищъ на основаніи труда преосв. Филарета, при чемъ пополняетъ этотъ списокъ Сѣверскимъ городищемъ, даетъ болѣе подробное описаніе двухъ ближайшихъ къ Харькову—Хорошевскаго и Донецкаго—на основаніи личнаго осмотра и измѣренія. Не можемъ не привести здѣсь конца его статьи, въ которой Ю. И. высказываетъ рядъ пожеланій по части изслѣдованія мѣстныхъ древностей.

«Въ виду постепеннаго разрушенія нашихъ гододищъ отъ дѣйствія рѣкъ, дождевой воды и распахиванія подъ хлѣбные посѣвы, при чемъ обнаруживающіеся археологическіе предметы исчезаютъ для исторіи нашего края, намъ слѣдовало бы принять какія-либо мѣры для изслѣдованія по крайней мѣрѣ того, что еще сохранилось въ земляныхъ насыпяхъ. Пусть централизируютъ что другое, но наши древности должны принадлежать намъ, а не кому другому, и находиться въ нашемъ музеѣ, для котораго мы лично уже собрали небольшой вкладъ изъ предметовъ, отчасти здѣсь упомянутыхъ. Другіе предметы переданы намъ профессорами П. Ф. Леваковскимъ и И. П. Щелковымъ. Нужно содѣйствіе и сочувствіе многихъ, которыхъ мы и желали бы вызвать этимъ очеркомъ, имѣя уже вещественныя доказательства въ пользу того, что насъ не постигнетъ участь «гласа вопіющаго въ пустынѣ». Пора подумать намъ о составленіи Харьковскаго археологическаго общества и помочь ему изслѣдовать наши обширныя пространства, историческія съ древнѣйшихъ временъ. Какая жалость береть, когда слышишь, напр., что вотъ въ такомъ-то мѣстѣ пастушки нашли то-то и то-то, долго игрались и потомъ забросили куда-то! Еще больнѣе становилось при слушаніи разсказовъ о томъ, какъ инженеры, строившіе желѣзныя дороги въ нашемъ краѣ, иногда нарочно вели линію дороги на городище или курганъ, разрыли ихъ, нашли разныя вещи, иногда очень цѣнныя, и присвоили въ свою собственность! Но что пропало,—то пропало (говорятъ малороссы),—не будемъ завистливы: еще много историческихъ памятниковъ остается у насъ не расхищенныхъ, почти не тронутыхъ! Не будемъ также и равнодушны къ нашимъ древне-историческимъ богатствамъ, и подумаемъ, какъ бы собрать ихъ и наполнить ими нашъ музей древностей, зачатокъ котораго уже и существуетъ при Харьковскомъ университетѣ. Есть у насъ предположеніе устроить въ недалекомъ будущемъ выставку мѣстныхъ археологическихъ и палеонтологическихъ предметовъ, для озна-

комленія съ ними мѣстной публики и для возбужденія въ ней интереса къ этой сторонѣ изученія нашего края. Желательно, чтобы частные собственники древностей уступили ихъ намъ на время выставки, для приданія ей возможно большей полноты или, по крайней мѣрѣ, разнообразія».

Такіе широкіе планы и перспективы рисовались Ю. И. Морозову въ 1881 году; къ сожалѣнію, имъ и доселѣ не удалось осуществиться и можно надѣяться, что ихъ дастъ наконецъ Харькову его будущій археологическій съѣздъ. Брошюра покойнаго Ю. И. Морозова столь интересна, что я считалъ бы не лишней ея перепечатку въ «Трудахъ Харьковскаго Предварительнаго Комитета».

Е. К. Рѣдинъ.

Какой тяжелый годъ для нашего университета: утрата за утратой! На нынѣшній разъ смерть оказалась по отношенію къ нашей университетской семьѣ особенно жестокою, особенно безжалостной, хочется даже сказать, особенно несправедливой. Она взяла у насъ одного изъ самыхъ энергичныхъ ученыхъ работниковъ, въ расцвѣтѣ его духовныхъ силъ, дѣятеля, отъ котораго можно было ожидать впереди еще многихъ трудовъ, который многіе годы могъ быть еще прекраснымъ преподавателемъ, незамѣнимымъ устроителемъ и обогатителемъ университетскаго музея древностей и искусствъ и столь же незамѣнимымъ и ревностнымъ двигателемъ научныхъ изданій нашего историко-филологическаго Общества. Но всякій, кто близко соприкасался съ этимъ въ высшей степени скромнымъ и тѣмъ не менѣе замѣчательнымъ по свей активной творческой энергіи человѣкомъ,—засвидѣтельствуетъ, что жизнь его представляла сплошной безпрерывный трудъ на пользу науки и столь необходимаго для Россіи просвѣщенія. Для этого неустаннаго труда онъ не щадилъ своихъ силъ и въ 45-лѣтнемъ возрастѣ довелъ свой крѣпкій, сильный, крестьянскій организмъ до обветшанія, преждевременной старческой дряблости, до артеріосклероза. Къ этому присоединились еще тяжелыя матеріальныя и нравственныя условія, въ которыхъ онъ находился всю свою жизнь вмѣстѣ, впрочемъ, съ массою другихъ лицъ избравшихъ для себя столь тернистый нынѣ путь истиннаго профессора. Не прошло безслѣдно проживаніе на холодныхъ и тѣсныхъ сырыхъ харьковскихъ квартирахъ: оказали свое гибельное вліяніе вынужденная работа во время каникулъ и необходимость имѣть занятія помимо университета (уроки), чтобы хоть немного поддерживать свою семью... И не смотря на такія

неблагопріятныя условія, почившій сумѣлъ оставить глубокій слѣдъ во всѣхъ сферахъ своей дѣятельности; онъ стяжалъ себѣ имя выдающагося ученаго, особенно въ области христіанскаго и византійскаго искусства, гдѣ онъ является достойнымъ ученикомъ академикаН. П. Кондакова. Еще въ студенческіе годы, вмѣстѣ съ своимъ другомъ Айналовымъ, онъ выполнилъ ученую работу, которая навсегда связала его имя съ самымъ древнимъ и замѣчательнымъ памятникомъ русско-византійскаго искусства—фресками Кіево-Софійскаго собора. Исторія того-же христіанскаго искусства служила предметомъ его магистерской диссертаціи (мозаики Равенскихъ церквей) и цѣлаго ряда болѣе мелкихъ изслѣдованій. Матеріалъ для этихъ изслѣдованій онъ открывалъ на мѣстѣ въ Италіи, а за тѣмъ въ музеяхъ и библіотекахъ Парижа, Лондона, Вѣны, Берлина, Мюнхена. Уже 10 лѣтъ тому назадъ его авторитетъ въ области христіанскаго искусства былъ столь великъ, что онъ былъ избранъ членомъ экспедиціи, организованной Академіей Наукъ для изученія памятниковъ Аѳона. О его глубокихъ познаніяхъ и ученомъ авторитетѣ въ области исторіи искусства вообще ярко свидѣтельствуютъ многочисленныя его критическія оцѣнки сочиненій западно-европейскихъ ученыхъ—французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ, итальянскихъ, оцѣнки, помѣщенныя въ такомъ выдающемся ученомъ изданіи, какъ «Византійскій Временникъ». Въ его глубокой эрудиціи могъ убѣдиться всякій, кто слышалъ его доклады, посвященные оцѣнки трудовъ выдающихся дѣятелей въ области исторіи искусствъ. О широтѣ его научныхъ интересовъ въ избранной имъ области занятій свидѣтельствуетъ составъ библіотеки, созданной имъ при нашемъ университетскомъ музеѣ. Широту и глубину ученой дѣятельности Е. К. сумѣлъ, однако, сочетать съ самою интенсивною и высоко полезною работою, посвященною изученію мѣстныхъ древностей и памятниковъ искусствъ—здѣсь онъ оставилъ послѣ себя, по истинѣ, драгоцѣнное для насъ наслѣдство. Исключительно его энергіи, трудамъ и беззавѣтной любви къ дѣлу мы обязаны возникновеніемъ въ нашемъ университетскомъ музеѣ несуществовавшаго тамъ ранѣе отдѣла мѣстныхъ церковныхъ древностей. Онъ самъ собралъ эту драгоцѣнную коллекцію памятниковъ мѣстнаго искусства, при своихъ поѣздкахъ по Харьковской губерніи, и сумѣлъ отстоять и сохранить ее въ интересахъ науки въ университетѣ. Ему въ значительной степени музей обязанъ созданіемъ отдѣленія мѣстныхъ древностей, происхожденіе коихъ тѣсно связано съ выставкой при XII археологическомъ съѣздѣ, который опять-таки ему главнымъ образомъ обязанъ своими блестящими результатами. Свидѣтельствую объ этомъ, какъ товарищъ по работѣ Е. К., какъ предсѣдатель предварительнаго комитета, секретаремъ и душею котораго былъ Е. К. Меня, при-

вычнаго къ работѣ, поражали его необыкновенная трудоспособность и энергія. Въ два—три мѣсяца онъ не только устроилъ нѣсколько отдѣловъ выставки, но и составилъ и отпечаталъ огромный каталогъ массы разнообразныхъ предметовъ. А когда окончился съѣздъ, онъ и тогда не могъ отдохнуть, ибо долженъ былъ отправлять предметы владѣльцамъ. Такъ надрывалъ свой могучій организмъ этотъ фанатикъ труда на благо общее. Огромное количество энергіи положилъ онъ также на дѣло изученія мѣстныхъ древностей и искусствъ и на никому невидимую тяжелую работу редактированія многихъ томовъ Сборника харьковскаго историко-филологическаго Общества. И здѣсь его дѣятельность оставила по себѣ крупный слѣдъ.

Успокойся же теперь вѣчнымъ сномъ, дорогой, незабвенный другъ, всю жизнь подвизавшійся подвигомъ добрымъ и честнымъ на благо просвѣщенія; твоя жизнь всегда будетъ служить примѣромъ беззавѣтной преданности наукѣ; память о тебѣ никогда не умретъ въ нашемъ университетѣ, въ Харьковѣ и краѣ, въ будущихъ поколѣніяхъ учащихъ и учащихся.

Н. Ф. Толочиновъ.

Сколько тяжелыхъ, незамѣнимыхъ утратъ для университета въ такой короткій промежутокъ времени! Почившій Николай Филипповичъ Толочиновъ принадлежалъ къ старшему поколѣнію профессоровъ. Онъ образовалъ себя въ духѣ и традиціяхъ устава 1863 года, предъявившаго къ его дѣятельности высокій научный и нравственно общественный цензъ. Онъ блестяще окончилъ курсъ медико-хирургической академіи въ 1864 г., три года готовился къ профессурѣ; но не ограничился этимъ—и почти столько же времени провелъ еще за границей,—въ Вѣнѣ, Прагѣ и Парижѣ, усердно работая надъ спеціальными научными вопросами и расширяя свои и безъ того уже значительныя познанія въ области своей спеціальности и сопредѣльной съ нею хирургіи. Казалось бы, что шестилѣтняго стажа было вполнѣ достаточно. Но онъ и послѣ этого ѣдетъ еще въ Лондонъ, гдѣ въ теченіе полугода работаетъ въ спеціальныхъ больницахъ и въ теченіе пятнадцати лѣтъ послѣ этого состоитъ все еще только въ должности доцента Кіевскаго Университета, несмотря на то, что пользуется широкой извѣстностью, какъ преподаватель и ученый. Такого выдающагося профессора получилъ въ лицѣ Николая Филипповича Харьковскій университетъ въ 1885 году. Неудивительно, что время профессуры его въ Харьковѣ является блестящею страницею въ исторіи кафедры

акушерства въ Харьковскомъ университетѣ. Его появленіе у насъ совпало съ тѣмъ моментомъ, когда, по свидѣтельству историка этой кафедры, «наша отечественная гинекологія начала переходить изъ области палліативно-консервативнаго леченія большинства женскихъ болѣзней въ область чистой хирургіи» и здѣсь-то принесла свой кладъ сторицею выдающаяся хирургическая подготовка Николая Филипповича. Наступила новая эра въ дѣятельности акушерской клиники харьковскаго университета. Большія операціи, совершавшіяся раньше случайно, сдѣлались обыденнымъ явленіемъ и—главное, почти всегда оканчивались благополучно. Николай Филипповичъ спасъ множество жизней. А когда выстроена была новая университетская клиника, она въ директорство Николая Филипповича заняла видное мѣсто даже среди западно.европейскихъ учрежденій подобнаго рода.

А. К. Бѣлоусовъ.

Въ воскресенье, 27 Апрѣля, скончался профессоръ историко-филологическаго факультета Егоръ Кузьмичъ Рѣдинъ—теперь мы хоронимъ и оплакиваемъ профессора медицинскго факультета Алексѣя Константиновича Бѣлоусова. Смерть слишкомъ ужъ часто стала заглядывать въ нашу профессорскую коллегію. На этотъ разъ жертвою ея сдѣлался, правда, старый профессоръ, но это былъ сильный тѣломъ и духомъ человѣкъ, своеобразный, выдающійся преподаватель-педагогъ, ярко выраженный индивидуальный характеръ. О немъ надолго сохранятъ благодарную память поколѣнія слушателей и слушательницъ, которые имѣли счастіе учиться у него анатоміи. Въ ихъ воспоминаніяхъ—я глубоко убѣжденъ въ томъ—личность его получитъ героическій оттѣнокъ—и они будутъ правы и искренни въ своихъ теплыхъ повѣствованіяхъ о немъ. Это былъ дѣйствительно незаурядный, особенный человѣкъ, начиная съ внѣшняго его облика и кончая особенностями его духовнаго склада, гдѣ мирно уживались внѣшняя суровость — и внутренне добродушіе, реализмъ, какъ основа научныхъ возрѣній — и самый чистый идеализмъ, проявлявшійся въ любви къ красотамъ природы и памятникамъ чистаго художественнаго творчества, серьезность ученаго—и чисто малороссійскій юморъ. Сильно и идеально любилъ онъ свою реальную науку—анатомію и эту любовь, это юношеское увлеченіе свое умѣлъ передавать всѣмъ своимъ слушателямъ, искавшимъ знанія въ университетѣ. Профессоръ сливался съ своей многолюдною аудиторіей въ стремленіи къ точному пониманію строенія человѣческаго организма; онъ

заражалъ ее своимъ энтузіазмомъ, изумлялъ необычайной энергіей въ преподаваніи, оживлялъ сухой сюжетъ увлекательными разсказами. И молодыя отзывчивыя и честныя сердца чувствовали, что предъ ними—дѣйствительно, энтузіастъ своей науки, и платили ему за его любовь къ нимъ и наукѣ любовью къ нему и его предмету, уваженіемъ къ знанію вообще.

Вотъ благородный источникъ любви къ тебѣ со стороны молодежи, мой старый товарищъ! Пусть же эта любовь послужитъ нѣкоторымъ утѣшеніемъ всѣмъ намъ—твоимъ близкимъ и друзьямъ — въ нашей тяжелой утратѣ.

А. Н. Стояновъ.

Еще одна тяжелая утрата для университета—третья въ теченіе мѣсяца! Сейчасъ мы хоронимъ Андрея Николаевича Стоянова! Какъ много говоритъ это имя уму и сердцу всѣхъ дѣятелей и питомцевъ харьковскаго университета, начиная съ 1863 года, когда онъ впервые вступилъ на каѳедру въ качествѣ доцента. Какъ тѣсно и неразрывно слилось это дорогое имя со всею исторіею университета, съ ея свѣтлыми и печальными страницами за послѣднія 50 лѣтъ. Питомецъ Харьковскаго университета Андрей Николаевичъ ему же отдалъ всю свою жизнь—всю безъ остатка, всѣ силы, всѣ свои ученыя дарованія и крупный талантъ оратора и писателя. Было ясно для всякаго, что званіе профессора онъ ставилъ выше всѣхъ другихъ и не промѣнялъ бы его на самую блестящую карьеру, которая, при его выдающихся талантахъ, была для него возможна; профессура была альфой и омегой его призванія, его жизни. Она давала ему полное нравственное удовлетвореніе и не могла не давать его, при томъ отношеніи къ обязанностямъ, какое мы у него наблюдали. Научная дѣятельность Андрея Николаевича находилась въ гармонической связи съ преподавательской; онъ съ жадностію стремился къ знанію и, переработавъ его въ своемъ творческомъ умѣ, передавалъ потомъ въ видѣ цѣнныхъ изслѣдованій, двигающихъ впередъ науку, и въ видѣ блестящихъ лекцій, приковывавшихъ вниманіе аудиторіи. Эта аудиторія. въ скромномъ провинціальномъ Харьковѣ могла ознакомиться на его лекціи со всѣми выводами и теченіями западно-европейской юридическй науки. Значеніе этихъ лекцій усугублялось еще тѣмъ, что онѣ были посвящены наукамъ, имѣющимъ огромное общественное значеніе, и проникнуты были гуманитарнымъ духомъ и глубокой вѣрой въ прогрессъ человѣческихъ учрежденій и въ то, что право должно осуществлять и справедливость. Въ этомъ

отношеніи Андрей Николаевичъ былъ достойнымъ преемникомъ своего учителя Д. И. Каченовскаго—и въэтомъ разгадка его огромнаго нравственнаго вліянія на молодежь. Всецѣло преданный интересамъ университета, Андрей Николаевичъ не могъ быть равнодушенъ къ его судьбамъ и принималъ горячее участіе во всѣхъ совѣтскихъ дѣлахъ. Онъ стоялъ въ первыхъ рядахъ прогрессивной части профессорской коллегіи, смѣло отстаивая честь и достоинство университета. Такимъ онъ былъ во время дѣйствія устава 1863 года; такимъ онъ остался и послѣ введенія устава 1884 года. Въ послѣдніе годы тяжелая болѣзнь оторвала Андрея Николаевича отъ любимаго Харьковскаго университета: огромное умственное напряженіе, благодаря которому онъ былъ хозяиномъ—спеціалистомъ въ 4-хъ обширныхъ наукахъ, не прошло безслѣдно. Въ болѣе чѣмъ скромной обстановкѣ, отдавая большую часть своихъ скудныхъ средствъ родственникамъ, жилъ покойный. Но память о немъ будетъ долго, долго жить въ стѣнахъ и далеко за стѣнами Харьковскаго университета, среди многихъ тысячъ его благодарныхъ слушателей; это былъ настоящій professor magnificus, мужъ разума, чести, красоты и благородства. Sit tibi terra levis.

А. Х. Кузнецовъ.

Снова неожиданная и тяжелая потеря для университета и страждущихъ больныхъ. мы хоронимъ сегодня старѣйшаго члена нашей ученой семьи, Александра Харитоновича Кузнецова. Онъ умеръ въ очень преклонномъ возрастѣ—72 лѣтъ отъ роду, но еще 2 года тому назадъ онъ былъ крѣпокъ и бодръ, и никогда ничѣмъ вообще не болѣлъ и всего себя посвящалъ университету и больнымъ. И въ эти, послѣдніе годы, онъ несъ трудную должность декана медицинскаго факультета, а лѣтомъ, вмѣсто законнаго отдыха отправлялся на Славянскія минеральныя воды, гдѣ также работалъ въ отвѣтственной должности врача-директора водъ. Такова была выносливость и привычка къ труду Александра Харитоновича. Болѣзнь или, вѣрнѣе сказать, цѣлый рядъ тяжелыхъ заболѣваній, какъ-то сразу подкралась и сломила его сильный, крѣпкій организмъ. Я посѣтилъ его наканунѣ смерти и на всю жизнь въ моемъ воображеніи останется тотъ мучительно скорбный и безпомощный образъ страдальца, какой придала этому опытному врачу, привыкшему бороться съ болѣзнями и часто побѣждать ихъ, его смертельная болѣзнь. Характерно, что онъ не сознавалъ всей опасности своего положенія, надѣялся оправиться и подалъ мнѣ только прошеніе о продленіи отпуска. Очевидно. онъ разсчитывалъ

снова вернуться къ труду послѣ кратковременнаго заграничнаго отдыха: такими крѣпкими нитями связанъ чѣловѣкъ съ жизнью, если она имѣетъ для него свое внутреннее содержаніе!

Со смертію Александра Харитоновича, отъ насъ ушелъ членъ коллегіи, который былъ живымъ свидѣтелемъ и нерѣдко активнымъ дѣятелемъ всѣхъ событій въ жизни Харьковскаго университета за послѣдніе 50 лѣтъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ исполнилось 50-лѣтіе его практической врачебной дѣятельности, которая протекла все время въ Харьковѣ. Мало того въ Харьковѣ онъ получилъ и среднее образованіе. Окончилъ Харьковскій университетъ въ 1860 году. Въ 1861 году началась его врачебно-преподавательская дѣятельность въ этомъ году онъ былъ назначенъ врачемъ и преподавателемъ медицины въ духовной семинаріи. Въ 1868 году онъ защитилъ диссертацію на степень доктора медицины («Матеріалы для исторіи развитія кожи»); въ 1869 году былъ избранъ приватъ-доцентомъдля преподаванія накожныхъ болѣзней; въ 1871 году былъ избранъ и утвержденъ штатнымъ доцентомъ по накожнымъ болѣзнямъ; въ 1872 году командированъ на годъ заграницу съ ученою цѣлью; въ 1876 году избранъ и утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ частной патологіи и терапіи, причемъ въ теченіи 6 лѣтъ завѣдывалъ госпитальнымъ терапевтическимъ отдѣленіемъ; въ 1884 году былъ перемѣщенъ на каѳедру госпитальной терапевтической клиники; въ 1888 году получилъ званіе ординарнаго профессора; въ 1892 году выслужилъ 30-лѣтіе и вышелъ за штатъ.

Таково его несложное curriculum vitae, но подъ нимъ скрывается дѣятельная жизнь. Еще въ 1892 г. онъ могъ прекратить свою университетскую дѣятельность. И, однако, онъ этого не сдѣлалъ: онъ еще цѣлыхъ 18 лѣтъ служилъ родному университету, отдавая свои знанія и обширный опытъ учащейся молодежи. Говорю «обширный опытъ» потому, что ему приходилось вести преподаваніе не по одной, а по нѣсколькимъ каѳедрамъ и пріобрѣсти большую клиническую опытность. Между прочимъ, необходимо отмѣтить, что Александръ Харитоновичъ 14 лѣтъ самостоятельно велъ клинику и преподаваніе въ университетскомъ отдѣленіи городской Александровской больницы, оказывая врачебную помощь, согласно требованіямъ научной медицины, наименѣе обезпеченнымъ слоямъ городского населенія Многіе годы онъ былъ предсѣдателемъ Медицинскаго Общества. Въ послѣднее время въ качествѣ врача-директора на Славянскихъ минерал-слѣднее время въ качествѣ врача-директора на славянскихъ минеральныхъ водахъ онъ также стяжалъ себѣ довѣріе и уваженіе многочисленныхъ больныхъ этого нашего мѣстнаго курорта.

Въ университетѣ онъ принималъ участіе въ работѣ многихъ коммиссій по порученію медицинскаго факультета и совѣта. Отмѣчу его участіе въ коммиссіи по борьбѣ съ дифтеритной эпидеміей, вспыхнувшей у насъ въ 1881 году; онъ состоялъ членомъ коммиссіи о приватъ-доцентахъ, объ устройствѣ въ Харьковѣ съѣзда естествоиспытателей и врачей, о составленіи правилъ для факультетской клиники и для клиническихъ отдѣленій военнаго госпиталя, былъ предсѣдателемъ коммиссіи, выработавшей новое положеніе о госпитальныхъ клиникахъ университета въ Александровской больницѣ. Довѣріе и уваженіе къ нему со стороны совѣта университета выразилось въ командировкахъ его на ученые съѣзды—всероссійскій бальнеологическій и международный въ Парижѣ—и отправленіи въ качествѣ делегата на торжество открытія Саратовскаго университета.

Ученыхъ работъ у Александра Харитоновича было немного, но нельзя не отмѣтить важнаго общественнаго значенія двухъ темъ этихъ работъ—о Ветлянской чумѣ и объ инфлуэнцѣ. Въ душевныхъ свойствахъ его выдѣлялись добродушіе, простота и незлобивость, дѣлавшіе общеніе съ нимъ легкимъ и пріятнымъ.

Покойся же мирно старѣйшій въ нашей средѣ!»

М. И. Ильинскій.

Не стало Михаила Ильича Ильинскаго... Университетъ лишился не профессора, а чиновника-начальника одной изъ его канцелярій, секретаря совѣта. Почему же такъ много вѣнковъ отъ различныхъ учрежденій было возложено на его гробъ? Почему на его отпѣваніи много представителей университета, судебныхъ дѣятелей и другихъ извѣстныхъ лицъ, явившихся сюда, чтобы воздать ему послѣдній долгъ, чтобы сказать ему послѣднее прости? Наконецъ—и это главное,—почему мы, профессора университета, чувствуемъ такое горе, какъ будто лишились своего товарища—уважаемаго члена своей профессорской семьи? Потому, что Михаилъ Ильичъ вѣрою и правдою служилъ нашему университету 24 года въ одной и той же отвѣтственной должности секретаря совѣта и жилъ все это время общею жизнью съ его профессорской коллегіей, радовался его радостями, скорбѣлъ его печалями и неизмѣнно благожелательно относился къ его питомцамъ. Проходили годы, стали подкрадываться къ нему болѣзни, отъ непрерывнаго нервнаго напряженія, казалось, долженъ былъ бы измѣниться къ старости и его характеръ,— а между тѣмъ Михаилъ Ильичъ до самыхъ послѣднихъ дней оставался

одинаковымъ—добрымъ, безконечно обязательнымъ, ровнымъ со всѣми—высшими и низшими—никогда не раздражающимся... Всякій обращался къ нему по своему дѣлу въ любой моментъ, не справляясь съ тѣмъ, есть ли у него свободное время или нѣтъ—и никогда никто не уходилъ отъ него неудовлетвореннымъ. Онъ былъ какъ бы живою нашею юридической энциклопедіей и обладалъ огромною начитанностью въ дѣйствующемъ законодательствѣ, умѣньемъ найти въ немъ необходимыя справки и способностью правильно понять текстъ закона и отношеніе его ко всякому данному случаю. Его выдающейся способности разбираться въ законахъ отдавали должное многія авторитетныя лица, и это создало ему репутацію незауряднаго юриста даже среди юристовъ. Это же дало ему возможность принести массу добра всѣмъ къ нему обращавшимся. Но еще болѣе на высотѣ онъ стоялъ въ своей оффиціальной должности секретаря совѣта. Это былъ правдивый лѣтописецъ университетской жизни, всегда безпристрастно изображавшій ее въ составляемыхъ имъ журналахъ совѣтскихъ засѣданій, умѣвшій направить теченіе ея дѣлъ на правильное русло, никогда не упускавшій изъ виду интересовъ и достоинства того учрежденія, которому онъ служилъ и которому онъ былъ преданъ. И намъ, университетскимъ дѣятелямъ, было отрадно сознавать, что секретаремъ совѣта является человѣкъ такого высокаго общественнаго и нравственнаго авторитета, котораго земскіе люди 23 года избирали въ почетные мировые судьи по городу Харькову, мы гордились, что счастливая судьба послала намъ въ университетъ достойнѣйшаго дѣятеля, который состоялъ въ одно и то же время и безсмѣннымъ, по избранію, предсѣдателемъ харьковскаго съѣзда мировыхъ судей, который былъ носителемъ правды и законности и въ судѣ, и у насъ въ университетѣ.

Наконецъ, для насъ была отрадна мысль о томъ, что эти высокіе идеалы Михаилъ Ильичъ вынесъ, вѣроятно, изъ стѣнъ Харьковскаго университета, гдѣ въ незабвенную эпоху великихъ реформъ, въ началѣ 60-хъ годовъ, онъ слушалъ лекціи такого юриста-гуманиста, какъ Д. И. Каченовскій. И вотъ завѣты лучшихъ своихъ наставниковъ этотъ вольнослушатель университета не только усвоилъ умомъ, но и воспринялъ сердцемъ, бережно взлелѣялъ и всю жизнь неустанно проводилъ.

Спи же спокойно, незамѣнимый нашъ сотрудникъ: ты много потрудился для общаго блага, и благодарная память о тебѣ надолго сохранится въ Харьковскомъ университетѣ и городѣ Харьковѣ.

Григорій Петровичъ Данилевскій (1829—1890) [1]).

Телеграфъ принесъ намъ извѣстіе о смерти извѣстнаго русскаго писателя Григорія Петровича Данилевскаго. Еще одна тяжелая утрата для русскаго общества и русской литературы! Смерть его тяжело отозвется во всѣхъ концахъ нашего обширнаго отечества, отмѣтятъ эту утрату и заграницей. въ Европѣ, гдѣ онъ въ послѣднее время сдѣлался очень популяренъ. Мы же, обыватели Харьковской губерніи, въ лицѣ Григорія Петровича потеряли земляка, талантомъ котораго справедливо могли гордиться. На мѣстной прессѣ лежитъ. такимъ образомъ, нравственная обязаннось помянуть добрымъ словомъ заслуги покойнаго передъ государствомъ, обществомъ и роднымъ краемъ. Въ настоящей замѣткѣ я не могу ѵзринять на себя такой задачи. для нея нужно и больше времени, и больше мѣста. Я хочу только здѣсь напомнить читателямъ важнѣйшіе моменты жизни и литературной дѣятельности усопшаго. Григорій Петровичъ родился въ 1829 году въ с. Даниловкѣ, Изюмскаго уѣзда, Харьковской губерніи. Происходилъ онъ изъ стариннаго слободско-украинскаго казацко-дворянскаго рода. Предки его занимали разныя войсковыя должности въ Изюмскомъ Слободскомъ полку. Одинъ изъ нихъ (сотникъ Изюмскаго полка), жившій въ началѣ XVIII вѣка, выдѣлялся своею любовью къ образованію. Въ 1850 году Григорій Петровичъ окончилъ Петербургскій университетъ и, служа по министерству народнаго просвѣщенія, исполнялъ нѣкоторыя порученія ученаго характера:—описывалъ архивы южныхъ монастырей, посѣщалъ замѣчательныя въ историческомъ отношеніи мѣстности и т. п. Съ конца пятидесятыхъ до конца шестидесятыхъ годовъ онъ служилъ въ общественныхъ учрежденіяхъ Харьковской губерніи (описывалъ народныя школы, былъ депутатомъ Харьковскаго комитета по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ, гласнымъ губернскаго земства и членомъ губернской земской управы). Послѣ этого онъ перешелъ на службу въ Петербургъ, гдѣ въ послѣднее время былъ главнымъ редакторомъ «Правительственнаго Вѣстника» и членомъ главнаго управленія по дѣламъ печати. Впрочемъ и въ это время Григорій Петровичъ не порвалъ связей съ Харьковской губерніей: онъ часто пріѣзжалъ на лѣто въ свое родовое имѣніе и интересовался мѣстными дѣлами (напр., устройствомъ городского музея). Наконецъ, ему же принадлежитъ инициатива въ возбужденіи дѣла о постановкѣ памятника Вас. Наз. Каразину.

---

[1]) Харьковскія Вѣдомости 8-го Декабря 1900 г. № 317.

Но не служебная, а литературная дѣятельность создала славу Григорію Петровичу Данилевскому. Онъ извѣстенъ, какъ беллетристъ и отчасти историкъ. Романы онъ писалъ, съ одной стороны, *бытовые*, съ другой—*историческіе*. И въ тѣхъ, и въ другихъ онъ является интереснымъ разсказчикомъ, хорошо знающимъ изображаемую имъ жизнь и людей. Онъ умѣлъ найти интересную тему и обставить ее любопытными бытовыми подробностями; сильную сторону его таланта составляетъ также *описаніе* природы, слабѣе всего у него психологическій анализъ. Талантъ Григорія Петровича Данилевскаго, по справедливому отзыву одного критика, идетъ не столько вглубь, столько вширь; чувства у него — въ движеніи, въ дѣйствіи и характеризуются не столько разсужденіями, сколько поступками; языкъ его блещетъ образностью и изяществомъ. Раньше всего появилась знаменитая трилогія—«Бѣглые въ Новороссіи», «Воля» и «Новыя мѣста» или, какъ ее назвалъ покойный П. П. Сокальскій, «поэзія труда и борьбы». Весь югъ Россіи, Новороссійскій край былъ заселенъ главнымъ образомъ бѣглыми; бѣжали сюда не одни крестьяне, уходившіе отъ крѣпостной неволи, а и многіе интеллигентные «дѣльцы», чувствовавшіе потребность уйти въ новыя мѣста, чтобы найти или богатство пли гармонію жизни. Авторъ художественно рисуетъ намъ своеобразную природу юга и юго-востока (Новороссіи и Поволжья). «Обширныя степи, окаймляющія югъ и юго-востокъ Россіи, со стороны Черноморскаго побережья Дона и Волги вдохновили автора на многія прелестныя и глубоко прочувствованныя описанія, которыя частью перешли и въ русскія хрестоматіи». Здѣсь, какъ будто въ калейдоскопѣ, мелькаютъ передъ нами фигуры дѣятелей этой степной колонизаціи: на-ряду «съ бѣлыми неграми» мы встрѣчаемъ здѣсь бѣлыхъ эксплуататоровъ — ихъ плантаторовъ; рядомъ съ такими отрицательными типами, какъ Музыкантовъ (Новыя Мѣста) стоятъ положительные (Чулковъ); и если этотъ послѣдній типъ отличается жизненностью, то первый (Музыкантовъ) уже прямо списанъ съ натуры (мѣстные люди укажутъ оригиналъ). Не даромъ эти романы современною имъ критикою названы были «художественною этнографіей». Послѣднимъ бытовымъ романомъ Григорія Петровича былъ «Девятый валъ», который представляется намъ наиболѣе выдающимся его произведеніемъ въ художественномъ отношеніи.

Съ начала семидесятыхъ годовъ Григорій Петровичъ сосредоточилъ свое творчество на *историческихъ* романахъ, относящихся къ новой русской исторіи XVIII и нач. XIX в. Сюда относятся—*Мировичъ*, Княжна Тараканова, Черный годъ, Сожженная Москва, На Индію при Петрѣ I, Потемкинъ на Дунаѣ, Екатерина Великая на Днѣпрѣ, Уманская рѣзня. Не будемъ останавливаться на содержаніи этихъ произведеній, такъ какъ

они извѣстны всякому образованному человѣку. Отличительною чертою ихъ нужно признать довольно вѣрное воспроизведеніе историческихъ событій и изображеніе характеровъ историческихъ дѣятелей. Конечно, они не удовлетворяютъ строгимъ требованіямъ, предъявляемымъ нами къ историческимъ сочиненіямъ; но для художественнаго воспроизведенія прошлаго въ нихъ достаточнаго элемента достовѣрности. Авторъ, какъ это видно, напр., изъ его романа «Мировичъ», не мало работалъ надъ изученіемъ изображаемыхъ имъ эпохъ (изучалъ историческіе матеріалы выслушивалъ семейныя преданія, которыя служили ему главнымъ пособіемъ, посѣщалъ мѣста дѣйствій и т. д.). Въ этомъ отношеніи историческіе романы Григорія Петровича Данилевскаго стоятъ на рубежѣ историческихъ хроникъ Карновича и художественныхъ воспроизведеній нашего прошлаго быта у графа Саліаса.

Не безъ вліянія на эту сторону его литературной дѣятельности остались, какъ мнѣ кажется, его научныя, историческія работы, относящіеся къ родной ему харьковщинѣ. Онѣ относятся къ раннему періоду его жизни и должны были вводить въ извѣстныя границы полетъ его фантазіи. Онѣ были изданы первоначально въ Харьковѣ въ 1866 году въ сборникѣ, носящемъ заглавіе «Украинская Старина». Здѣсь помѣщены слѣдующія 4 статьи: 1) Сковорода, 1722—1794; 2) Каразинъ, 1773—1842 г.; 3) Основьяненко, 1778—1843; 4) Харьковскія народныя школы, 1732—1845 г. О научномъ значеніи сборника свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что Академія Наукъ присудила автору Уваровскую премію. Да и въ настоящее время біографіи трехъ харьковскихъ дѣятелей, составленныя Григоріемъ Петровичемъ Данилевскимъ, являются самыми полными и основательными. Самостоятельные розыски въ архивахъ, критика историческихъ и литературныхъ фактовъ не могла пройти безслѣдно. Къ ней присоединилась живая наблюдательность, любовь къ природѣ и тонкое пониманіе ея красотъ, знаніе жизни и людей. Такъ создался крупный литературный талантъ, который много еще обѣщалъ впереди. Но судьба судила иначе.

Приложеніе.

Харьковскій календарь на 1887 г. и харьковскій сборникъ (литературно-научное приложеніе къ календарю). Изданіе Харьков. Губер. Стат. Ком. подъ редакціей дѣйствит. члена-секретаря П. С. Ефименка. Цѣна 1 р. 20 к. [1])

Прошлогодній Харьковскій календарь, изданный подъ редакціей П. С. Ефименка, не оставлялъ, казалось, желать ничего лучшаго; но календарь этого года далеко оставляетъ за собою прошлогодній. Не говоря о внушительныхъ достоинствахъ изданія, довольно сказать о его объемѣ и цѣнѣ. За 1 р. 20 к. покупатель пріобрѣтаетъ 2 книги: Календарь въ 63 печатныхъ листа мелкаго петита (болѣе 1000 стр.) и Сборникъ въ 17 печатныхъ листовъ (278 стр.) также мелкаго петита. Что литературно-научныя статьи выдѣлены теперь въ особую книжку, названную Харьковскимъ Сборникомъ, къ этому нельзя не отнестись сочувственно; безъ этого календарь, вслѣдствіе своей излишней тучности, былъ неудобенъ для справокъ: но идя въ этомъ направленіи, слѣдовало бы, намъ кажется, для удобства публики перенести въ сборникъ изъ календаря и статьи научнаго характера: отъ этого объемъ календаря нѣсколько уменьшился бы, а объемъ сборника увеличился. Изъ календаря текущаго года можно было бы безъ ущерба перенести въ сборникъ статьи по сельскому хозяйству.

Мы не будемъ перечислять статей, помѣщенныхъ въ календарѣ, ни знакомить читателей съ разнообразнымъ содержаніемъ всего сборника, а укажемъ только на тѣ статьи его, которыя имѣютъ связь съ задачами «Кіев. Старины», журнала, посвященнаго южно-русской старинѣ.

На первомъ мѣстѣ въ Харьковскомъ Сборникѣ стоятъ воспоминанія Ф. О. Рейнгардта о Харьковѣ 20-хъ и 30-хъ годовъ текущаго столѣтія. Для харьковцевъ это самая интересная и занимательная статья въ книгѣ. Авторъ статьи (донынѣ здравствующій отставной педагогъ 75 лѣтъ) обладаетъ поразительною феноменальною памятью и знаніемъ стариннаго Харькова: ему въ точности извѣстны, напр., всѣ каменные дома въ Харьковѣ 30-хъ годовъ; онъ прекрасно вообще знаетъ топографію стариннаго Харькова и тѣ перемѣны, которыя совершались въ немъ въ послѣдующее время; приводитъ любопытныя цифры цѣнъ того времени, имена и фамиліи купцовъ, жителей, содержателей магазиновъ, владѣльцевъ заводовъ, иностранныхъ ремесленниковъ и т. п. Чрезвычайна любопытна его

[1]) Кіевъ ст. 1887 г. мартъ.

характеристика домашней жизни и нравовъ разныхъ сословій тогдашняго общества; приведено при этомъ не мало и анекдотовъ.

Гораздо менѣе интересны мемуары другого харьковскаго уроженца о г. Харьковѣ и харьковской губерніи (съ 1788 по 1820), В. Н. Ярославскаго. Они носятъ слишкомъ отрывочный характеръ. Впрочемъ, эти недостатки относятся больше къ внѣшней сторонѣ записокъ. Но и въ нихъ мы найдемъ не мало любопытныхъ данныхъ о болѣе или менѣе выдающихся дѣятеляхъ того времени—Шидловскомъ, Комбурлеѣ, архитекторѣ Палицинѣ и др., есть и нѣкоторыя интересныя бытовыя подробности (объ экзаменѣ въ университетѣ для полученія чина коллежскаго ассесора).

Особенный интересъ представляетъ отрывокъ изъ воспоминаній о В. Н. Каразинѣ, которому обязанъ своимъ происхожденіемъ харьковскій университетъ. Личность Каразина выступаетъ передъ нами въ не совсѣмъ привлекательномъ видѣ. Здѣсь, между прочимъ, разсказывается о томъ, будто Каразинъ выхлопоталъ у государя разрѣшеніе признать законорожденной дочь помѣщика Надаржинскаго, для того, чтобы жениться на ней и взять ея богатое приданое.

В. Н. Каразину посвящена кромѣ того еще отдѣльная статья въ сборникѣ «В. Н. Каразинъ, какъ помѣщикъ села Кручика», прот. Н. А. Лащенкова. Здѣсь приведены новыя [1]) и интересныя свѣдѣнія о Каразинѣ, какъ первомъ эмансипаторѣ изъ украинскихъ помѣщиковъ I-й четверти настоящаго столѣтія. Вышедши въ отставку въ цвѣтѣ силъ (31 г.), Каразинъ поселился въ своемъ родовомъ имѣніи с. Кручикѣ и предпринялъ цѣлый рядъ филантропическихъ мѣръ, направленныхъ къ улучшенію быта и просвѣщенію его крестьянъ. Въ числѣ ихъ на первомъ планѣ нужно поставить попытку его устроить бытъ духовенства своей церкви на совершенно новыхъ началахъ:« онъ составилъ запись, въ которой лично отъ себя назначилъ священнику очень достаточное содержаніе, поставивъ при этомъ правиломъ, чтобы священникъ ни подъ какимъ видомъ не бралъ съ прихожанъ платы за требы и отказался не только отъ занятія хлѣбопашествомъ, но и отъ владѣнія церковною землею». Запись эта была утверждена, хотя съ нѣкоторыми измѣненіями (напр., пунктъ о церковной землѣ былъ совсѣмъ выброшенъ) и на практикѣ принесла большую пользу, м. б., главнымъ образомъ потому, что выборъ священника оказался очень удачнымъ. Другимъ предпріятіемъ Каразина было устройство *сельской думы,* въ которой участвовали выборные изъ крестьянъ для суда, раскладки податей и т. п.

---

[1]) Свѣдѣнія эти почерпнуты изъ архива харьк. дух. консисторіи.

Наконецъ, въ третьихъ, В. Н. Каразинъ устроилъ въ своемъ имѣніи первую приходскую школу, о процвѣтаніи которой сильно заботился. Прот. Лащенковъ называетъ Каразина необыкновенно смѣлымъ вождемъ народа и, что важнѣе, въ его же духѣ и чувствѣ». Что такое заключеніе о. Лащенкова преувеличено, доказывать было-бы излишне. Попытки урегулировать отношенія между приходскими священниками и населеніемъ имѣли мѣсто въ Малороссіи, еще въ XVIII ст., и существуетъ цѣлый рядъ договоровъ такого рода между священниками и сельскими громадами. Тоже самое нужно сказать и о школахъ: онѣ существовали почти во всѣхъ значительныхъ мѣстечкахъ и селахъ Малой Россіи и Слоб. Украйны, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Румянцевская опись Малороссіи и перепись Хрущова; остается также подъ сомнѣніемъ, что бы Каразинъ дѣйствовалъ именно въ духѣ своего (т. е. малорусскаго) народа; скорѣе, пожалуй, можно сказать, что онъ былъ одинъ изъ представителей либеральной эпохи имп. Александра I, чѣмъ и объясняются его филантропическія и освободительныя идеи и проекты. Но, какъ сынъ своего вѣка, онъ не чуждъ былъ и многихъ отрицательныхъ въ нравственномъ отношеніи чертъ.

Изъ другихъ историческихъ матеріаловъ въ «Сборникѣ» обращаетъ на себѣ наше вниманіе прекрасно составленная статья «Старинная одежда и принадлежности домашняго быта слобожанъ». Матеріаломъ для нея послужило одно дѣло изъ харьковскаго историческаго архива (объ имѣніяхъ ахтырскаго полковника Перекрестова). Можно пожелать, чтобъ и на будущее время редакція такъ обработывала сырые архивные матеріалы. Недостаетъ, впрочемъ, рисунковъ этихъ одеждъ и утвари. Въ замѣткѣ «Кое что о древностяхъ харьковской губерніи» заключается нѣсколько извѣстій о находкахъ древнихъ монетъ и другихъ предметовъ въ предѣлахъ Харьковской губерніи; 2 монеты, по опредѣленію проф. В. Б. Антоновича, времени Митридата и Марка Аврелія. Въ статьѣ о замѣчательныхъ уроженцахъ и дѣятеляхъ харьковской губерніи помѣщены между прочимъ біографіи В. Пассека и Соханской (Кохановской); біографія этой послѣдней написана особенно тепло и задушевно. Статья А. Д. Твердохлѣбова объ ахтырскомъ Свято-Троицкомъ монастырѣ даетъ мало новыхъ данныхъ. Среди матеріаловъ и мелкихъ замѣтокъ особенное вниманіе обращаетъ на себя статья: «Страница изъ исторіи благоустройства г.Харькова (1760—1765)». Это документъ, извлеченный изъ Харьк. Историческаго архива и проливающій много свѣта на состояніе нашего города во 2-й половинѣ XVIII ст. Здѣсь между прочимъ помѣщена жалованная грамота царя Алексѣя Михайловича харьковскимъ обывателямъ на устройство цеховъ—извѣстіе совершенно новое. Весьма ин-

тересно также «Хроно-географическое описаніе г. Харькова (1767 г.)». Наконецъ, въ отдѣлѣ библіографіи помѣщены рецензіи на книги, касающіяся харьковской губерніи.

Мы перечислили только статьи и матеріалы, относящіяся къ мѣстной исторіи; но, кромѣ ихъ. есть еще работы статистическія, экономическія, этнографическія. Нельзя не подивиться умѣнью редактора «Сборника» привлечь къ участію въ немъ (замѣтьте—*безвозмездно*) такую массу сотрудниковъ.

Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива собственной Е. И. В. канцеляріи. Выпускъ 2-й. Изданъ подъ редакціей Н. Дубровина. Спб. 1889 г. XXIV+551. [1])

1-й выпускъ этого изданія вышелъ еще въ 1876 году. Теперь оно продолжается подъ редакціей академика Н. Ѳ. Дубровина. Въ 1-мъ отдѣленіи помѣщены Высочайшіе указы и рескрипты, состоявшіеся по собственной Е. И. В. канцеляріи (въ 1812 году), и Высочайшіе указы, объявленные граф. Аракчеевымъ. 2-е отдѣленіе заключаетъ въ себѣ разнообразные матеріалы; нѣкоторые при нихъ относятся къ западной и южной Россіи (нач. XIX в.). Таковы докладныя записки сенатора Алексѣева касательно губерній сѣверозападнаго и юго-западнаго края (относительно переселенія евреевъ изъ селъ и деревень въ города и мѣстечки, относительно почтъ, относительно мѣръ для ихъ благоустройства). Къ нимъ приложена записка о необходимости перевести губернскія учрежденія изъ Житомира въ г. Дубно. Мысль эта принадлежала губернатору Комбурлею, но Алексѣевъ съ нимъ былъ вполнѣ согласенъ. О Житомирѣ въ запискѣ говорится такъ: «онъ стоитъ на самой границѣ губерніи, не имѣетъ коммерціи, ни особенныхъ какихъ выгодъ и не иное что есть, какъ мѣстечко жидовское, присутственныхъ мѣстъ и другихъ казенныхъ зданій въ немъ также не устроено; а хотя губернскія мѣста находятся въ старомъ іезуитскомъ зданіи, но по ветхости его и по неудобству необходимо должно выстроить вновь. Мѣстечко Дубно есть одно удобнѣйшее для устроенія въ немъ губернскаго хорошаго города. Будучи уже довольно обстроено каменнымъ строеніемъ, имѣетъ купечество богатое, изъ ко-

[1]) Кіевская старина 1891 г, апрѣль.

его иностранные купцы имѣютъ хорошіе магазейны, а многіе изъ евреевъ производятъ довольно порядочный торгъ и живутъ въ хорошихъ домахъ». Въ другомъ приложеніи говорится объ устройствѣ сельскихъ запасныхъ магазиновъ въ волынской губерніи, въ третьемъ—о рекрутскихъ призывныхъ участкахъ, въ четвертомъ — объ усиленіи кордонной стражи на границѣ въ той же губерніи. Къ Полтавской губерніи относится всеподданнѣйшій рапортъ малороссійскаго генералъ-губернатора кн. Репнина (1817 г.) объ иностранныхъ суконщикахъ (стр. 515 — 519). Иностранные суконщики были вызваны правительствомъ изъ заграницы и поселены въ г. г. Полтавѣ, Кременчугѣ и Константиноградѣ. Но они очутились въ самомъ жалкомъ состояніи и, конечно, возлагавшихся на нихъ надеждъ не оправдали. «Состояніе сихъ иностранцевъ, говоритъ кн. Репнинъ, дѣйствительно бѣдственное; они, получая при переселеніи и обзаведеніи ихъ денежныя пособія, состоятъ доселѣ должными казнѣ данною имъ въ ссуду значительною суммою. Таковое положеніе удерживаетъ ихъ отъ всѣхъ предпріятій и весьма немногіе изъ нихъ, заплатя долги, получили свободу къ вольному по ремесламъ ихъ промыслу; нѣкоторые изъ нихъ бѣжали, а другіе умерли, и претензія на сихъ послѣднихъ содѣлалась невозможною ко взысканію; вообще на состоящихъ нынѣ 115 сем. считается долгу ассигнаціями 102518 руб.. талеровъ 1261, рейхсталеровъ 44, флориновъ 146». Всего было израсходовано на нихъ 453348 р. ассигн., 2381 тал., 48 рейхсталеровъ, 146 флор. (на ссуду, на постройку домовъ, амбара, водяной сукновальной мельницы и колодезей, на инструменты для суконной фабрики). И чтоже? Дома и пр. были выстроены такъ непрочно, что понадобилось нарядить цѣлое слѣдствіе о постройкахъ; «иностранные суконщики при домахъ, ими занимаемыхъ, не только не имѣютъ никаковыхъ способовъ къ обзаведенію себя хозяйственнымъ способомъ, но даже и самыхъ огородовъ»; они находились въ постоянныхъ распряхъ другъ съ другомъ, благодаря различію вѣроисповѣданій (одни были католики, другіе лютеране). Репнинъ проектировалъ цѣлый рядъ мѣръ для приведенія ихъ въ лучшее состояніе. Онъ предлагалъ *простить имъ всѣ долги* (по ссудѣ данной правительствомъ), прибавить огородовъ, и сѣнокоса и отдать имъ безденежно вмѣстѣ съ усадьбами въ вѣчное и потомственное владѣніе (подъ условіемъ 10-ти лѣтняго пребыванія на одномъ мѣстѣ и занятія своимъ промысломъ), дать заимообразно по 100 руб. на семейство, подарить казенные инструменты, изъять изъ подъ казеннаго вѣдомства и предоставить автономію. Какова была судьба этого представленія мы не знаемъ. Но во всякомъ случаѣ оно является любо-

пытной темною страничкой изъ исторіи иностранной колонизаціи въ южной Россіи. Поселеніе каждаго семейства обошлось правительству въ среднемъ болѣе 400 руб., а пользы изъ этого не вышло никакой «По издѣлію суконному, говорится въ заключеніе записки, съ 1809 года по сіе время въ оборотѣ было капитала до 270000 руб.; выгодъ же отъ онаго примѣрно положить можно до 27000 руб., которые выручаются чрезъ продажу состоящаго теперь въ наличности валеннаго сукна 4000 и суровья 19000 арш.».

Значительное мѣсто въ Сборникѣ занимаетъ переписка извѣстнаго Вас. Наз Каразина по Филотехническому обществу (1814—1818 г., стр. 445—513). Перечень содержащихся здѣсь документовъ сдѣланъ мною въ другомъ мѣстѣ (въ 3-мъ томѣ Сборника харьк. ист. фил. общ.). Здѣсь же замѣчу только, что редакторъ Сборника академикъ Н. Ѳ. Дубровинъ не свѣрилъ своихъ матеріаловъ съ тѣмъ, что было уже извѣстно раньше, и напечаталъ нѣкоторые документы вторично (напримѣръ, отчеты о дѣятельности Филотехн. общ. послѣ Успенскаго съѣзда 1814 г. и др.).

Изданъ Сборникъ съ внѣшней стороны, прекрасно, даже роскошно и снабженъ алфавитнымъ указателемъ именъ.

Акты Московскаго государства, изданные Импер. академіей наукъ подъ редакціей Н. А. Попова. Томъ I. Разрядный приказъ. Московскій столъ. 1571—1634. Спб. 1890, XLIV, 766. [1])

Мысль объ этомъ изданіи принадлежитъ еще покойному академику Н. В Калачову, исполненіе же ея выпало на долю преемнику Н. В. въ должности директора Архива Мин. Юстиціи Н. А. Попова. Послѣдній, по плану академіи, рѣшилъ заняться систематическимъ извлеченіемъ изъ ввѣреннаго его попеченіямъ архива актовъ Московскаго государства, заключающихся въ дѣлахъ двухъ главнѣйшихъ приказовъ—разряднаго и вотчиннаго. Разрядный приказъ, какъ извѣстно, дѣлился на столы (о столахъ этихъ былъ прочитанъ г. Гоздаво-Голомбіевскимъ рефератъ на археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ). Московскій столъ заключаетъ въ себѣ древнѣйшіе документы. Часть ихъ и напечатана въ вышед-

[1]) Кіевская старина, 1891 г., апрѣль.

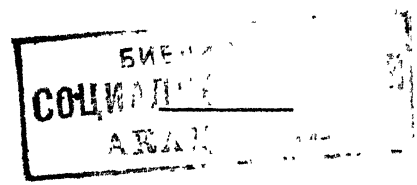
шемъ теперь 1-мъ томѣ «Актовъ Московскаго государства», Нѣкоторые изъ нихъ относятся къ южнорусскимъ областямъ—лѣвобережной Малороссіи и слободской Украйнѣ. Отмѣтимъ тѣ и другіе. Къ 1614 году относится цѣлый рядъ отписокъ воеводъ о воровскихъ черкасахъ, т. е. малороссійскихъ козакахъ, громившихъ различныя области и украйны (въ особенности сѣверныя). Документъ подъ № 162 говоритъ о выѣздѣ на государево имя въ 1623 г., въ Путивль изъ новгородъ-сѣверскаго уѣзда 16 крестьянскихъ семействъ; актъ подъ № 163—о намѣреніи воровскихъ козаковъ, явившихся въ Новгородъ-Сѣверскъ, грабить по дорогамъ русскихъ торговыхъ людей. Къ Новгородъ-Сѣверску относится еще № 294 (1630 г.), заключающій въ себѣ челобитье дворянъ и дѣтей боярскихъ объ освобожденіи ихъ отъ платы за перевозъ черезъ р. Сеймъ, №№ 315 и 396, содержащіе отписки сѣвскаго воеводы о вышедшихъ изъ Новгородъ-сѣверскаго Спасскаго монастыря черномъ попѣ Іонѣ со старцемъ Авраміемъ и черномъ попѣ Нифонтѣ со старцемъ Селиверстомъ, № 497 съ челобитьемъ новгородъ-сѣверца Люцина о пожалованіи его за службу и № 512 со свѣдѣніями о службѣ новгородъ-сѣверскаго воеводы Болтина. Интересны воеводскія отписки о польскихъ (т. е. полевыхъ, степныхъ) вѣстяхъ, доставленныхъ разными выходцами и «языками» таковы вѣсти, сообщенныя запорожскимъ выходцемъ Онуфріемъ Семеновымъ въ 1632 г. (№ 327), русскимъ выходцемъ Иваномъ Даниловымъ (№ 328), торговымъ человѣкомъ Ив. Леховымъ (№ 329), крестьяниномъ Θед. Олѳеровымъ (№ 331), литовскимъ выходцемъ Яномъ Заблоцкимъ (№ 332), путивльскими торговыми людьми (№ 333), рыльскими торговыми людьми (№ 336 и 432), «полоняникомъ»—черкашенином Алешкою Боровскимъ (№ 346), который потомъ былъ сосланъ въ Казань (№ 403), запорожскимъ козакомъ Максимомъ Михайловымъ (№ 424), казачьимъ сыномъ Гр. Алексѣевымъ и литвиномъ М. Марковымъ (№ 427), сѣвскими торговыми людьми (№ 435), запорожскимъ выходцемъ Иванъ Павловымъ (№ 436), крестьянами (№ 547), литовскими и польскими языками (№ 637 и 645), малороссійскими языками (№ 649, 673 и 661), нѣмчиномъ (№ 654). Нѣсколько актовъ относится къ г. Стародубу (Сѣверскому). Таковъ наказъ Ляпунову о сборѣ въ стародубскомъ уѣздѣ кормовыхъ дѣтей боярскихъ и козаковъ, убѣжавшихъ изъ подъ Смоленска (1633 г., № 478), государева грамота къ русскимъ служилымъ людямъ, стоявшимъ въ стародубскомъ уѣздѣ, съ запрещеніемъ идти войной на «черкасскіе города» (№ 486), дѣло по челобитью Ив. Варѣева съ товарищами о пожалованіи ихъ, о взятіи г. Стародуба (1633 г., № 500) отписка стародубскаго воеводы о боѣ его близь города съ дѣтьми боярскими и козаками, сбѣжавшими изъ подъ Смо-

ленска (№ 505, о пребываніи ихъ въ новгородъ-сѣверскомъ уѣздѣ сообщаютъ акты подъ № 509 и 522), челобитье Ив. Еропкина и Ник. Оладьина о пожалованіи ихъ за стародубскую службу (№ 595 и 601). О военныхъ дѣйствіяхъ малороссійскихъ козаковъ противъ русскихъ украинныхъ городовъ сообщаютъ свѣдѣнія документы подъ № 529 (приступъ къ Путивлю въ 1633 г.), 538 и 680 (приступъ къ Бѣлгороду въ томъ же году), 540 (къ Стародубу), 640 и 658 (къ Сѣвску), 663 (къ Курску), № 704 (къ бѣлгородскому Николаевскому мон.).

Интересны сказки «о службахъ» русскихъ воеводъ и служилыхъ людей, напр., кн. Вас. Ромодановскаго о его дѣйствіяхъ въ стародубскомъ и новгородъ-сѣверскомъ уѣздахъ (№ 602), путивльскихъ воеводъ кн. Н. Гагарина и Андрея Усова (№ 646), Ивана Волжина (№ 690) и др.

Изъ этого перечня уже видно, что въ «Актахъ» содержится не мало матеріаловъ, разъясняющихъ намъ исторію Сѣверщины въ 1-й половинѣ XVII в.; большая часть этихъ данныхъ относится ко 2-й польской войнѣ, закончившейся извѣстнымъ Поляновскимъ миромъ (1634 г.). Стародубскій и новгородъ-сѣверскій уѣзды въ это время также служили ареною борьбы воюющихъ сторонъ. Извѣстія, сообщаемыя перепискою между Россіей и Польшею. (Чтенія Москов. Общ., 62, кн. 4) значительно пополняются нынѣшнимъ Сборникомъ. Къ сожалѣнію, ни А. М. Лазаревскій (въ своемъ «Описаніи Старой Малороссіи»), ни я (въ своей рецензіи на его трудъ) не могли воспользоваться этими данными.

Къ территоріи слободской Украйны относится также не мало актовъ. Таковы документы о сторожевой и станичной службѣ на «польской», т. е. южной степной полевой украйнѣ; таковы матеріалы, касающіеся жизни въ степи черкасъ, положенія Святогорскаго и Савинскаго мон., далеко выдвинувшихся тогда (въ 1-й пол. XVII в.) въ степь, и извѣстнаго основателя г. Чугуева гетмана Якова Остраницы. (Болѣе подробныя свѣдѣнія объ Слободско украинскихъ см. въ моемъ Критико-библіографическомъ очеркѣ матеріаловъ по исторіи слоб. Украйны.


СОЦИАЛЬ

Другія имѣющіяся въ продажѣ сочиненія и изданія проф. Д. И. Багалѣя.

1) Очерки изъ русской исторіи. Т. 1 й. Статьи по исторіи просвѣщенія ц. 3 р.; 2) Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Моск. гос. съ картой (удост. отъ акад. наукъ Уваровской преміи). Цѣна 3 р. на вел. бум. 4 р.; 3) Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта, т. 2-й, ц 2 р. 50 к.; 4) Замѣтки и матеріалы по исторіи колон. и быта, ц. 1 р; 5) Колонизація Новороссійскаго края и первые шаги его по пути культуры, ц. 80 к.; 6) Къ исторіи ученій о бытѣ древнихъ славянъ, ц. 50 к.; 7) Новый историкъ Малороссіи, ц. 1 р.; 8) Къ исторіи хозяйственнаго быта Курскаго и Воронежскаго края, ц. 50 к; 9) Украинская старина, ц. 1 р.; 10) Опытъ исторіи Харьковскаго университета съ иллюстраціями (удостоенъ отъ акад наукъ Увар. преміи и рекоменд. уч. ком. Мин. Нар. Пр. въ фундам. б-ки среднихъ учебныхъ заведеній), т. 1-й, ц. 6 р.; томъ 2-й съ иллюстраціями (удостоенъ почетнаго отзыва отъ акад. наукъ), ц. 6 р.; 11) Матеріалы для біографій южно-русск. научно-литературн. дѣятелей, ц. 50 к.; 12) Археологическая карта Харьковской губ. съ объяснительнымъ текстомъ, ц. 2 р.; 13) Исторія г. Харькова за 250 лѣтъ его существованія (совмѣстно съ Д. П. Миллеромъ) съ иллюстраціями (удостоенъ большой преміи имени Александра II комитетомъ при Харьк. университетѣ), изд. городскаго общ. управл., т. 1-й, ц. 3 р., т. 2-й съ альбомомъ, ц. 5 р.. выписывать изъ Стат. Отдѣл. харьк. гор. управы; 14) Сочиненія и письма В. Н. Каразина съ портретами, ц. 4 р. (весь доходъ предназначается на учрежденіе преміи имени В. Н. Каразина для студентовъ, выписывать изъ историческаго архива при Харьковскомъ университетѣ).

Готовится къ печати **Русская исторія** преимущественно съ культурной точки зрѣнія, съ картами и снимками съ памятниковъ (1-й томъ: княжескій періодъ, т. 2-й томъ московскій, 3-й—южная русь, 4-й—имп. періодъ).

Складъ изданія 1-го и 2-го томовъ настоящей книги въ книжномъ складѣ М. М. Стасюлевича (Петербургъ, Васильевскій остр., 5 линія, 28.). Продаются всѣ означенныя сочиненія также въ книжныхъ магазинахъ Суворина; можно ихъ получать безъ платы за пересылку наложеннымъ платежомъ и отъ автора (Харьковъ, Технологическая улица, свой домъ, Дм. Ив. Багалѣй).